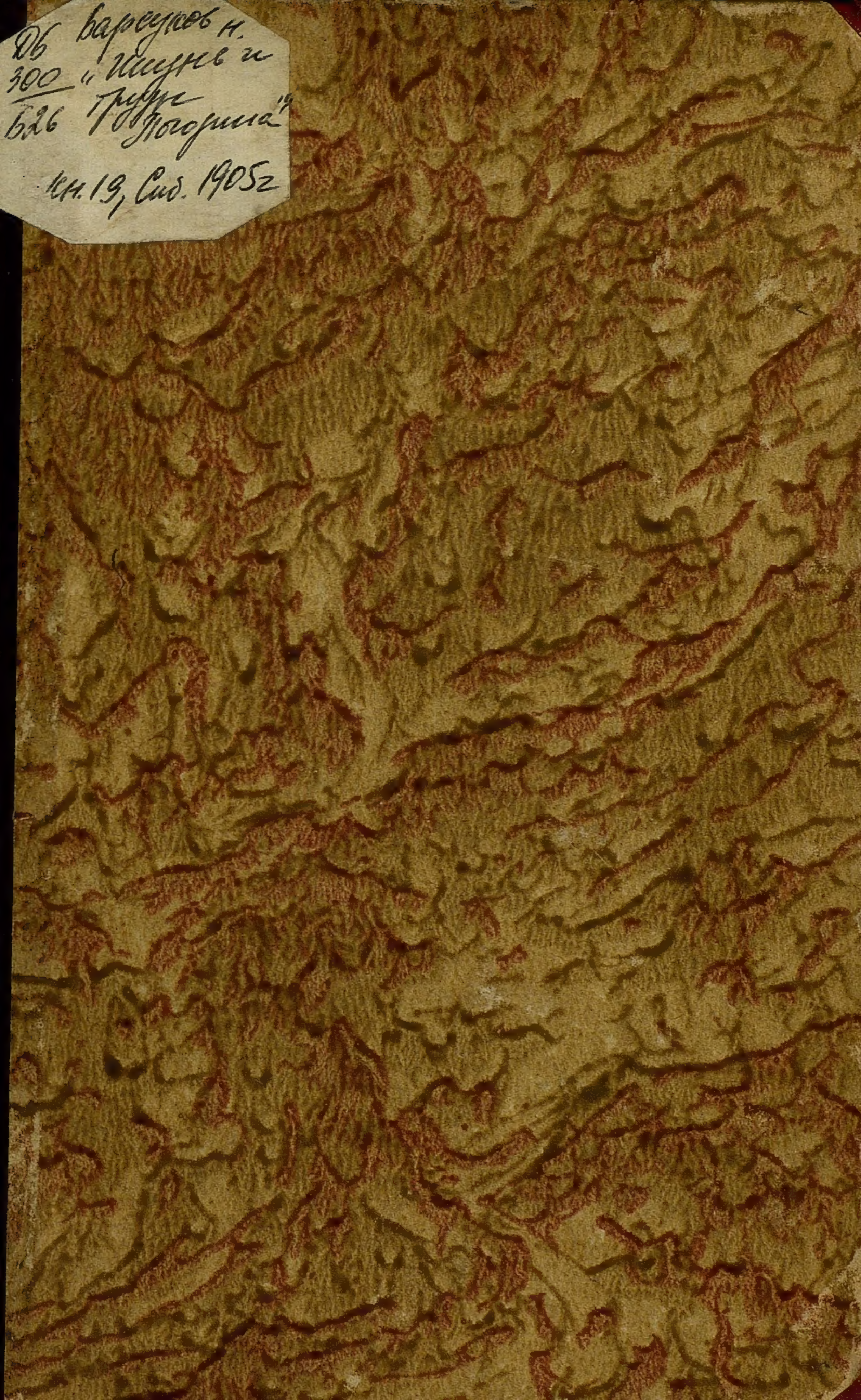

Дб
300
Б26
Барсуков Н.
„Жизнь и
труды
Погодина"
кн. 19, Спб. 1905 г

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшие и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго государя Наср-эд-динъ-шаха исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 л., 28.
1905

3427

ПАМЯТИ

Тертія Ивановича

ФИЛИППОВА

посвящается книга сія.

4-го Января 1904 года, въ день Ангела Тертія Ивановича Филиппова, сынъ его, Сергій Тертіевичъ, благоговѣя предъ памятью отца своего, выразилъ желаніе принять на себя расходы по изданію настоящей книги XIX-й *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина.*

Я не счелъ себя въ правѣ отклонить это предложеніе.

Препровождая двѣ тысячи рублей на печатаніе книги, Сергій Тертіевичъ писалъ мнѣ: „Еще разъ отъ глубины души благодарю васъ за радость и честь, которую вы мнѣ доставляете дорогимъ для меня согласіемъ на мое участіе въ изданіи вашего замѣчательнаго произведенія, родного и близкаго моему сердцу, по теплымъ страницамъ, посвященнымъ вами истинному изображенію литературной дѣятельности моего покойнаго отца, которою онъ особенно дорожилъ".

Преисполненный благодарности за это письмо, я отвѣчалъ:

„*Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли.*

Соблюдая сію Божественную заповѣдь, данную роду человѣческому съ священной высоты Синая, вы вмѣстѣ съ тѣмъ совершили доброе дѣло, и я радуюсь за васъ. Радуюсь и за себя, что мнѣ довелось быть орудіемъ дѣла, приносящаго вамъ великую честь".

Отсюда понятна та сердечная отрада, съ которою посвящаю я книгу XIX-ю *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина* лю-

безной и для меня памяти Тертія Ивановича Филиппова, какъ человѣка, до конца жизни сохранившаго и на достигнутыхъ имъ высокихъ ступеняхъ государственнаго служенія душевное общеніе съ областію мысли Русской и глубочайшее уваженіе къ ея выразителю, слову Русскому.

Николай Барсуковъ.

19 Октября 1904 года.
Село Барятино,
Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

4 января 1862 года, открылись въ Москвѣ дворянскіе выборы, первые по освобожденіи крестьянъ. По свидѣтельству очевидцевъ, „никогда не бывало до сихъ поръ такого многочисленнаго съѣзда“. Въ 10 часу, Дворянство собралось въ залѣ Собранія, и Московскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ П. А. Тучковъ, открылъ Собраніе слѣдующею рѣчью:

„Милостивые Государи.

„Со времени послѣдняго Собранія вашего, совершилось важное событіе въ нашемъ Отечествѣ—уничтоженіе крѣпостнаго права. Русское Дворянство не могло не сочувствовать этой государственной мѣрѣ, какъ сословіе вполнѣ образованное и желавшее видѣть Россію на степени Европейскаго просвѣщенія. Мѣра эта была первымъ къ тому шагомъ. Весьма естественно, что съ этой мѣрой являются вопросы, которые уже разработываются по указаніямъ Его Величества. Вамъ извѣстно, милостивые государи, что нѣкоторые изъ нихъ Государь Императоръ, по совершенному довѣрію къ Дворянству, предоставляетъ вамъ обсудить и представить ваши соображенія особенными постановленіями, которыя будутъ повергнуты на высочайшее Его Величества благоусмотрѣніе.

„Открывая нынѣ Собраніе ваше, я увѣренъ, что почтенное Дворянство Московское, проникнутое чувствомъ глубокой признательности къ высокому довѣрію Монарха, вполнѣ оправ-

даетъ ожиданія Его Величества, приложивъ и свое содѣйствіе, и свой усердный трудъ къ многосложному труду, предпринятому къ общественному благу нашего Отечества“.

Затѣмъ, по выслушаніи литургіи и молебствія, и по принятіи установленной присяги, дворяне, возвратившись въ залу Собранія, выслушали предложеніе обсудить слѣдующіе пять вопросовъ, непосредственно касающіеся интересовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ: 1) О соображеніяхъ Дворянства и предположеніяхъ онаго, по пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ; 2) О губернскихъ земскихъ повинностяхъ, устройствѣ управленія ими и надлежащихъ къ производству изъ сего источника расходовъ; 3) Объ устройствѣ поземельнаго кредита посредствомъ учрежденія соотвѣтствующихъ современнымъ потребностямъ банковыхъ учрежденій; 4) Объ устройствѣ медицинской части, съ цѣлью увеличенія числа врачей и лѣчебницъ, нынѣ находящихся въ губерніи, и сообразнаго съ мѣстными условіями распредѣленія медицинскихъ способовъ и 5) О правилахъ содержанія по найму, для помѣщичьихъ хозяйствъ, работниковъ, неприписанныхъ къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ.

Еще до открытія выборовъ вопросы эти обсуждались по уѣздамъ, гдѣ и выработались проекты отвѣтовъ; многіе изъ нихъ сходились между собой, въ другихъ было разногласіе. Предстояло согласить эти разнородныя мнѣнія, и съ этой цѣлью избрана Коммиссія, состоявшая изъ двухъ членовъ отъ каждаго уѣзда съ уполномочіемъ согласиться и выработать одинъ общій отвѣтъ отъ лица Московской губерніи. Эта Коммиссія засѣдала почти ежедневно по вечерамъ. Въ ней происходило не мало оживленныхъ преній. Наконецъ, большинство сошлось на одной редакціи, которая и была доложена Собранію Дворянства 23 января того же 1862 года и принята безъ баллотировки, какъ общее мнѣніе Дворянства губерніи.

Но съ этимъ мнѣніемъ не согласились графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ и Н. А. Безобразовъ, и представили отдѣльныя мнѣнія.

Между тѣмъ, какъ продолжались занятія этой Коммиссіи, Дворянство собиралось по обыкновенію для обсужденія разныхъ сообщеній и предложеній, для выслушанія отчета о земскихъ повинностяхъ, и для выборовъ лицъ въ разныя должности уѣздныя и губернскія. Наиболѣе важное предложеніе было сдѣлано 11 января Подольскимъ уѣздомъ. Главная мысль этого предложенія была пояснена въ рѣчи, сказанной С. Н. Головинымъ, помѣщикомъ Подольскаго уѣзда. „Настоящее Собраніе наше“—сказалъ онъ, между прочимъ,— „въ направленіи своихъ стремленій стоитъ на рубежѣ старой и новой эпохи. Еще чувствуется въ нашемъ Дворянствѣ борьба съ отжившими уже началами. Оно и быть иначе не можетъ, когда эти начала имѣютъ за собой силу вѣкового существованія. Но мы думаемъ, милостивые государи, что выраженіе въ настоящее время мнѣнія Дворянства такъ важно для него, такъ важно для его будущности, такъ тѣсно связано съ исторической судьбою нашего сословія, что единство въ направленіи его общественнаго стремленія необходимо“. Головинъ указалъ, что въ противномъ случаѣ, оставаясь одиноко въ сторонѣ и взваливъ на плечи Правительства всю тяжесть той работы, которая скопилась въ Россіи, Дворянство невозвратно потеряетъ то нравственное вліяніе на современные общественные вопросы, которое одно въ настоящую минуту можетъ придать ему силу и значеніе. „Мы находимся“—говорилъ далѣе Головинъ, — „въ двойственномъ положеніи. Съ одной стороны, страдаютъ интересы нашего сословія, съ другой, уже виднѣется начало новой эпохи нашей народной жизни, задатокъ будущаго величія и силы Россіи. Дворянство, какъ и всякое другое сословіе, конечно не можетъ быть равнодушно къ своимъ интересамъ, но оно еще, безъ всякаго сомнѣнія еще болѣе неравнодушно къ интересамъ горячо любимой имъ Россіи, къ интересамъ современнаго Русскаго общества, къ интересамъ всего Русскаго народа. Поэтому въ настоящую минуту нужна ему двойная умѣренность“. Дворянство, по словамъ Головина, должно проникнуться духомъ честной умѣ-

ренности въ отстаиваніи своихъ матеріальныхъ интересовъ. Съ другой стороны, такъ какъ положеніе Дворянства, совершенно измѣняясь, тѣсно связано съ общими потребностями Русскаго народа, то оно должно откровенно выразить свое убѣжденіе о томъ, что̀ считаетъ необходимымъ для блага всей Россіи, а слѣдовательно и Московскаго Дворянства. Понятно, — прибавилъ ораторъ,—„что и тутъ нужна та благородная умѣренность, которая есть одно изъ свойствъ дворянскаго сословія".

Затѣмъ Д. А. Наумовъ прочиталъ отъ имени Подольскаго Дворянства проектъ всеподданнѣйшаго прошенія Государю о разныхъ измѣненіяхъ въ администраціи, судебной части и проч. Этотъ проектъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Московскимъ Дворянствомъ были разсмотрѣны и отдѣльныя мнѣнія, представленныя Н. А. Безобразовымъ и графомъ В. П. Орловымъ-Давыдовымъ.

Касательно мнѣнія Н. А. Безобразова, о необходимости измѣнить *Положенія* 19 февраля сравнительно съ *Дворянскою Грамотой*, мнѣніе уѣздовъ раздѣлилось, а потому оно было подвергнуто баллотировкѣ. Въ пользу принятія этого предложенія къ разсмотрѣнію оказалось сто девяносто семь голосовъ, а противъ него—сто шестьдесятъ пять; такъ что оно не получило узаконенныхъ двухъ третей голосовъ. Дворянство, сомнѣваясь въ основательности такого истолкованія правилъ о двухъ третяхъ голосовъ, обратилось по телеграфу къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, который подтвердилъ, что всякое предложеніе должно быть принято не иначе, какъ двумя третями голосовъ.

„Читано дикое мнѣніе Безобразова,—писалъ Томашевскій Погодину,—котораго смыслъ почти такой, чтобы уничтожить реформу. Это больше критически-ругательный памфлетъ, съ приправою довольно удачной опорки на дворянскую грамату Екатерины. Онъ попалъ въ цѣль, въ самое живое мѣсто раны Дворянства; и потому произвелъ живѣйшую демонстрацію съ восклицаніями и аплодированіемъ. Очень любопытно

было наблюдать потомъ настроеніе общества: сочувствовавшіе этой выходкѣ требовали баллотировки немедленно, несочувствовавшіе—отвергали вовсе даже самое чтеніе, которое все же фактъ. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя половина почти побѣждена, потому что логика на сторонѣ первой; вотъ ихъ аргументъ: если допущено чтеніе, то разумѣется мы должны выразить наше мнѣніе о слышанномъ, а это мы можемъ сдѣлать только баллотированіемъ, ergo—баллотировать. Конечно, это все только демонстрація, хочется зло сорвать, и я даже увѣренъ, замѣтивъ изъ отзывовъ самыхъ жаркихъ защитниковъ Безобразова, что баллотированіе, т.-е. окончательное его мнѣніе будетъ не въ его пользу; но все же шуму и гаму было и будетъ еще завтра много. Пріѣзжай. Ты любишь наблюдать, какъ же пропускаешь такой случай? Это даже историческое событіе. Говоримъ въ первый разъ, и кто же наконецъ заговорилъ? Кто никогда и ничего не говорилъ. Я глаза проглядѣлъ на одного изъ такихъ. Весь красный и вопіющій!!.... Въ залу Собранія безъ мундира входить нельзя и этого не знаешь“ [1]).

Тогда же, въ газетѣ *Наше Время*, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ писалъ: „Въ журналѣ вашемъ, отъ 6-го февраля, напечатана статья: *О Московскихъ дворянскихъ выборахъ*, въ которой приведены вкратцѣ два мнѣнія, мною письменно представленныя, слѣдственно, въ ней не могли быть выражены ни подлинный смыслъ этихъ двухъ мнѣній, ни тѣ слова, которыя я произнесъ по этому поводу въ губернскомъ Собраніи Дворянства. Я увѣренъ, милостивый государь, что вы, съ совершеннымъ безпристрастіемъ, сдѣлаете мнѣ честь напечатать въ вашемъ почтенномъ журналѣ слѣдующія, необходимыя поясненія выраженныхъ мною убѣжденій.

Въ первомъ изъ двухъ мнѣній, мною представленныхъ, я не только выразилъ мысль о неумѣстности соединенія въ одной Коммиссіи Дворянства съ прочими сословіями, но объяснилъ и причины, по которымъ считалъ бы желательнымъ, чтобы нужды и мнѣнія были выражены каждымъ сословіемъ

отдѣльно, его собственнымъ языкомъ, его собственнымъ воззрѣніемъ, цѣликомъ, хотя бы съ примѣсью даже сословныхъ предразсудковъ и страстей. Въ такомъ положеніи можно будетъ, по крайней мѣрѣ, разобрать голоса, ибо каждое сословіе будетъ говорить за себя, не представляя общаго смѣшенія понятій, правъ и обязанностей. Напротивъ, если бы такое смѣшеніе могло состояться, то всѣ государственныя сословія сольются въ одинъ демократическій хаосъ, недопускаемый ни въ какой благоустроенной монархіи. Каждое сословіе имѣетъ свое высокое, разумное призваніе и правильный кругъ дѣйствій въ разработкѣ общественнаго и государственнаго благосостоянія; поэтому въ монархическомъ правленіи ни одно сословіе не въ правѣ отказаться отъ своихъ правъ и сопряженныхъ съ ними обязанностей упразднить смыслъ своего назначенія, короче—уничтожить себя. Очень понятно, что это самоуничтоженіе одного сословія поведетъ къ уничтоженію всѣхъ прочихъ сословій, слѣдственно, и всѣхъ условій существованія монархіи. Вотъ тѣ побудительныя причины, по которымъ я полагалъ, что Дворянство, какъ начало, по своему призванію, консервативное, обязано охранять не только свои, но и всѣ прочія сословныя права, не сливая ихъ въ одномъ общемъ уничтоженіи, которое во всѣхъ подобныхъ случаяхъ называлось соединеніемъ—и не у насъ однихъ.

Мысль, что дворянство не должно обособлять себя въ частныхъ своихъ интересахъ и держать свои совѣщанія отдѣльно отъ другихъ сословій, требуетъ, по мнѣнію моему, болѣе точнаго опредѣленія, ибо денежныя раскладки и въ настоящее время производятся депутатами всѣхъ сословій въ общемъ присутствіи о земскихъ повинностяхъ; но эти денежныя потребности никогда не служили поводомъ къ общему смѣшенію сословныхъ правъ. Поэтому объ интересахъ, чисто матеріальныхъ, не можетъ быть рѣчи.

Затѣмъ, какъ бы ни были справедливы слова, что если Дворянство есть самое образованное сословіе въ Государствѣ, то оно должно доказать это на дѣлѣ своимъ нравственнымъ

вліяніемъ, все-таки я не вижу, чтобы изъ этого весьма благороднаго побужденія истекало то послѣдствіе, что Дворянство должно непремѣнно слиться въ общихъ совѣщаніяхъ со всѣми другими сословіями.

Самый благороднѣйшій по чувствамъ и мыслямъ дворянинъ не имѣетъ, однакожъ, права отречься за себя и свое потомство отъ правъ своего сословія. Даже поступая въ монастырь, онъ передаетъ свои права остающимся послѣ него въ мірѣ потомкамъ. Дворянство есть учрежденіе политическое, выше всякаго прихотливаго рѣшенія какого бы то ни было дворянина; оно не можетъ быть упразднено самоотреченіемъ, какъ и манархическое начало, коему служитъ самымъ твердымъ основаніемъ" [2]).

Московскіе дворянскіе выборы 1862 года окончились избраніемъ въ губернскія и уѣздныя должности слѣдующихъ лицъ: Губернскимъ предводителемъ Дворянства избранъ Петръ Петровичъ Воейковъ, уже на третье трехлѣтіе; выборъ его былъ встрѣченъ общимъ выраженіемъ удовольствія. Секретаремъ Дворянства опять избранъ Ѳаворскій, занимавшій эту должность уже пять выборовъ.

Уѣздными предводителями Дворянства выбраны: Московскаго — Николай Гавриловичъ Головинъ; Волоколамскаго— Иванъ Николаевичъ Гончаровъ; Богородскаго—Николай Сергѣевичъ Мухановъ; Звенигородскаго — Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ; Коломенскаго—Яковъ Петровичъ Скорняковъ; Верейскаго — князь Александръ Алексѣевичъ Щербатовъ; Бронницкаго — Павелъ Дороѳеевичъ Максимовъ; Дмитровскаго — Петръ Владиміровичъ Бахметевъ; Можайскаго — князь Петръ Дмитріевичъ Крапоткинъ; Серпуховскаго—князь Дмитрій Ѳедоровичъ Шаховской; Рузскаго—Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, Клинскаго — Сергѣй Семеновичъ Смирновъ и Подольскаго—князь Василій Андреевичъ Оболенскій.

Желающихъ занять мѣсто смотрителя Страннопріимнаго Дома графа Шереметева записалось двадцать шесть чело-

вѣкъ; самые высшіе шары получили: генералъ-маіоръ Ильинъ и нашъ извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ [3]).

Слѣдя за выборами, В. А. Мухановъ записалъ съ своемъ *Дневникѣ*, подъ *13 января 1862 г.*: „Въ Москвѣ начались выборы, и засѣданія очень бурны и шумны. Многіе хотятъ уничтоженія правъ Дворянства, а слѣдовательно, самого сословія; другіе отстаиваютъ послѣднее. Пренія не могутъ быть правильны: онѣ раздражительны. Сдается какъ-то, что положеніе Дворянства измѣнится и, кажется, справедливость требуетъ, чтобы права этого сословія были распространены на прочія“.

— *16 января:* „Посѣщаю графиню А. М. Толстую, которую нахожу на софѣ лежащую и не совсѣмъ здоровую. Разговоръ о Головинѣ. Графъ возвращается съ выборовъ и разсказываетъ, что тамъ ходилъ по рукамъ Московскій адресъ, въ которомъ требуютъ депутатовъ со всей Россіи, гласности бюджета, словеснаго суда, свободы слова и пр. и пр.“ [4]).

II.

Въ происходившихъ въ Москвѣ дворянскихъ выборахъ Погодинъ принималъ самое горячее участіе.

„Въ Собраніи идетъ жарко“,—писалъ ему Томашевскій.— Есть уже одинъ проектъ адреса въ Подольскомъ уѣздѣ. Я его не читалъ, но онъ, по разсказамъ, имѣетъ сходство съ твоимъ... Самое лучшее, пріѣзжай самъ въ Собраніе въ 12-мъ часу и въ мундирѣ“.

Самъ же Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣчалъ:

Подъ *11 января* 1862: „Отправился на выборы. Прочелъ рѣчь Безобразова. Вздумалъ написать отвѣтъ“.

— *12* — — : „Писалъ отвѣтъ, но не кончилъ. Выборы. Орловъ-Давыдовъ и Безобразовъ. Шумъ о Дворянствѣ

— *13* — — : „Длинный отвѣтъ Безобразову и переписалъ. Гвалтъ на выборахъ. Нѣтъ, политическаго нѣтъ ничего“.

Въ бумагахъ Погодина сохранился въ копіи его отвѣтъ или письмо къ Н. А. Безобразову; а подъ 14-мъ января 1862 г., Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Любезность Безобразова. Читалъ свое мнѣніе или отвѣтъ“.

Познакомимся и мы съ этимъ любопытнымъ письмомъ.

„Съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ, — писалъ Погодинъ Безобразову, — или, лучше сказать, пробѣжалъ я по утру ваше предложеніе, прочитанное во вчерашнемъ Собраніи, въ коемъ, по причинѣ болѣзни, не могъ я присутствовать, и спѣшу передать вамъ мое частное, личное мнѣніе объ его предметѣ.

Примите это въ знакъ моего совершеннаго уваженія къ горячности вашихъ историческихъ убѣжденій и къ той благородной смѣлости, съ которой вы ихъ высказали, въ упоръ потоку общественнаго мнѣнія. Только полное искреннее выраженіе мнѣній всякаго рода, правыхъ, лѣвыхъ, среднихъ, крайнихъ, можетъ разъяснить дѣло, столько трудное и сложное, и застраховать его отъ вредной односторонности. На этомъ основаніи держится законъ оппозицій, признанныхъ необходимыми въ системѣ государственнаго устройства въ Европѣ.

Я положилъ бѣлый шаръ при баллотировкѣ, впрочемъ излишней, о допущеніи вашего мнѣнія къ обсужденію, но откровенно вамъ скажу, положилъ бы черный, самый черный, еслибы вопросъ шелъ объ одобреніи.

Какъ ни вѣрны нѣкоторыя ваши положенія, какъ ни основательны нѣкоторые выводы, какъ ни блистательны нѣкоторые обороты, но еслибъ принять ваши заключенія въ настоящемъ видѣ, то... то... какое выраженіе прибрать бы мнѣ полегче, помягче, поумѣреннѣе, то ближайшія, неминуемыя послѣдствія заставили бы васъ прежде всѣхъ отъ нихъ съ ужасомъ отказаться.

Я не стану входить теперь въ разборъ ни частностей, ни общихъ положеній, чтобы не подать повода къ спору, для котораго теперь нѣтъ ни мѣста, ни времени. Чего нельзя сказать и pro и contra? La parole est elastique, я допускаю

ваши положенія,—видите какъ я умѣренъ,—принимаю вещи, какъ онѣ теперь на всемъ пространствѣ Россіи обрѣтаются, и спрашиваю васъ по совѣсти:

Что было бы, еслибъ послѣ перваго объявленія объ улучшеніи быта крестьянъ, *Положенія* были сочинены по мнѣнію бывшаго большинства, или по вашему идеалу? Если настоящія *Положенія* подавали и подаютъ поводъ къ такимъ несчастнымъ столкновеніямъ, къ такимъ плачевнымъ недоразумѣніямъ, то что сказали бы крестьяне, получивъ послѣ долговременнаго ожиданія, послѣ торжественнаго обѣщанія, то же крѣпостное право, съ нѣкоторыми тонкими и отвлеченными измѣненіями.

Да и теперь, если Правительство и Дворянство не примутъ мѣръ, чтобы до истеченія двухлѣтняго срока порѣшить всѣ отношенія между помѣщиками и крестьянами окончательно, хорошаго ожидать нельзя.

Слѣдовательно,—въ такомъ напряженномъ состояніи, въ такомъ настроеніи народнаго духа подать какой бы то ни было поводъ къ мысли не только о возвращеніи къ старому порядку вещей, но даже къ направленію, къ покушенію въ этомъ родѣ, словомъ, ступить хоть одинъ шагъ назадъ, въ высшей степени и дерзко, и опасно. Никто не осмѣлится принять на себя отвѣтственность, никто, если не начиная, то, по крайней мѣрѣ, оканчивая вами.

Позвольте мнѣ употребить простую пословицу: *что съ возу упало, то пропало*. Подбирать нечего, оно все уже расхватано и расхватано руками, въ которыхъ стиснуто крѣпко. Слѣдовательно, надо думать только какъ сохранить остальное, и какъ вознаградить потерянное.

Вы твердо стоите на принадлежности помѣщикамъ земли. Я соглашусь съ вами, но не странно ли слышать споръ о землѣ въ Россіи, которая заключаетъ безконечныя пустыя пространства, и можетъ прокормить народонаселеніе въ десять, въ двадцать, во сто разъ многочисленнѣйшее; не странно ли слышать, говорю, въ Россіи, которая предлагаетъ даромъ

свои земли всякимъ колонистамъ, и Нѣмцамъ, и Жидамъ, и Татарамъ, и жителямъ Ангальтъ-Кетенскаго, Мекленбургъ-Шверинскаго и Шварцбургъ-Рудальштатскаго герцогства! Не странно ли слышать споръ о землѣ, когда читаемъ во всякихъ газетахъ о пожалованіи пяти, десяти, двадцати тысячь десятинъ въ черноземныхъ губерніяхъ различнымъ сановникамъ и чиновникамъ. Мы предлагаемъ землю всѣмъ, а крестьянамъ, которые намъ обработывали ее столько лѣтъ, мы откажемъ въ какихъ-нибудь лоскуткахъ. Не грѣшно ли это будетъ? Почему откажемъ? Потому что въ своемъ раздольѣ не умѣемъ размѣститься. Въ Европѣ живутъ по пяти тысячь человѣкъ на квадратную милю, ухитряются на обухѣ рожь молотить, а намъ тѣсно съ нѣсколькими десятками. Не стыдно ли это?

Вы скажете: ну, пусть Правительство и отдаетъ крестьянамъ свою землю, а наша должна оставаться въ нашемъ владѣніи.

А что еслибы Правительство поступило въ самомъ дѣлѣ такъ, и приготовило для крестьянъ заблаговременно свои отхожія пустоши, то что стали бы вы дѣлать одни съ своимъ черноземомъ? Вы пришли бы въ положеніе того древняго царя, который утопалъ по горло въ золотѣ, а ѣсть ему было нечего.

Нѣтъ, повѣрьте, что лучше оставить крестьянъ на своихъ мѣстахъ, съ уступленною имъ за полное вознагражденіе землею, и они будутъ современемъ приносить вамъ прежнюю пользу, но на другихъ основаніяхъ, о которыхъ собственно теперь и должна быть рѣчь.

Вы опираетесь преимущественно на *Дворянской грамотѣ.* Но неужели *Дворянская грамота* есть тотъ предѣлъ, *его же не прейдеши.* Вспомнимъ, что ей минуло сто лѣтъ. Почему же не быть нынѣ грамотѣ для крестьянъ, для купцовъ, для духовенства. Почему наконецъ не быть Всероссійской грамотѣ? Если въ сосѣднихъ намъ Молдавіи и Валахіи какой-то князь Куца толкуетъ о расширеніи органическаго статута, за нѣсколько лѣтъ нами же даннаго, если Фуадъ-Паша, въ ны-

нѣшнихъ газетахъ представляетъ проекты о преобразованіи бюджета Турецкаго, если Египетъ прорѣзывается новыми каналами и надѣляется новыми постановленіями, если самъ недвижный Китай, живущій не тысячу, а нѣсколько тысячь лѣтъ, подвинулся, то неужели мы одни должны оставаться постоянно въ предѣлахъ грамоты Императора Петра III или Императрицы Екатерины II? *Дворянская грамота* совершила свое дѣло. Поклонимся ей съ честью, и примемъ съ благодарностію приступъ Правительства къ новымъ мѣрамъ, коихъ настоятельно требуетъ время и наше положеніе въ Европѣ. Дворянская грамота—это парчевая риза, но во сто лѣтъ она значительно потерлась, износилась и обветшала. Ни какой искусственной подкладкой, никакими цвѣтными заплатками, возстановить ее нельзя. Надо *строить*, говоря по церковному, новыя ризы, а изъ коихъ тканей, не далѣе какъ въ нынѣшнемъ Собраніи, заявлены образцы уѣздами: Подольскимъ, Коломенскимъ, Звенигородскимъ и проч.

Мнѣ остается сказать о томъ вліяніи Дворянства на прочія сословія, которое оно теперь, по вашему мнѣнію, потерять должно. Вы напрасно безпокоитесь и опасаетесь. Изъ Русской Исторіи Дворянской службы вычеркнуть нельзя: и Безобразовы, и Головины, и Воейковы, и Валуевы, и Бахметевы, и Тучковы, Голицыны и Долгорукіе, записали тамъ свои имена неизгладимыми буквами и заслужили себѣ вѣчную память. По своему образованію, развитію, владѣнію, богатству, значенію, преданію, службѣ, настоящее Дворянство останется надолго передовымъ сословіемъ, и этого вліянія никакими постановленіями, также какъ никакими возраженіями, никакими мнѣніями уничтожить никому на свѣтѣ нельзя, — а если прочія сословія когда-нибудь съ нимъ сравняются, то такому преуспѣянію Дворянство должно радоваться, и оно, разумѣется будетъ радоваться.

Вы говорите, что уничтоженіе крѣпостного права должно было быть произведено иначе. Я согласенъ съ вами, хоть, можетъ быть, „иначе“ разумѣю, не такъ, какъ вы, но что

прикажете дѣлать? Исторія имѣетъ собственную свою лабораторію, а Русская такъ и собственную свою логику, которую понять вдругъ бываетъ очень трудно; наукѣ предлежитъ разыскать и опредѣлить впослѣдствіи ея таинственныя пружины. Теперь—некогда, теперь вмѣсто всякихъ философскихъ отвлеченныхъ разсужденій, вмѣсто всякихъ историческихъ изслѣдованій, вмѣсто всякихъ юридическихъ толкованій о началахъ, нужно свести концы, и принявъ дѣло, какъ оно есть въ натурѣ, порѣшить его какъ можно спокойнѣе и удовлетворительнѣе для всѣхъ сторонъ, вывести помѣщиковъ изъ того затруднительнаго положенія, въ коемъ они именно на эту переходную пору находятся, и вознаградить ихъ за все потерянное, — чтобы, если улучшится бытъ крестьянъ, не ухудшился бытъ дворянъ. Противъ такого вознагражденія никакая крайняя лѣвая сторона ни одного слова произнести не осмѣлится. Для этого что нужно? — Для этого нужна искренность, которой вы подали прекрасный примѣръ. Нужна терпимость, чтобы всякій могъ свободно выражать мнѣніе, не подвергаясь никакой опасности; нужна наконецъ готовность сознаваться въ своихъ ошибкахъ. Ошибки—принадлежность человѣческой природы. Ошибаются и ошибались всѣ правительства. Въ Европѣ одинъ только былъ человѣкъ, который вѣка считался непогрѣшительнымъ — это Римскій папа, но и тотъ удостовѣряется со всякимъ днемъ, что Правительство его было всѣхъ хуже. У насъ только должностныя лица имѣютъ несчастіе думать попрежнему, что ничто не укрывается отъ ихъ всеобъемлющей прозорливости, пока они сидятъ на курульскихъ своихъ креслахъ; между тѣмъ, какъ именно тогда не только дальній горизонтъ, но и ближайшая окружность покрывается для нихъ густымъ непроницаемымъ туманомъ. Они считаютъ всякое несогласное съ ними мнѣніе униженіемъ ихъ достоинства, нарушеніемъ права и личнымъ оскорбленіемъ, которое должно судить наравнѣ съ уголовнымъ преступленіемъ, и это есть одна изъ важныхъ причинъ, почему многіе мудреные наши вопросы остаются безъ разрѣ-

шенія, многія важныя злоупотребленія безъ наказанія, и многія вопіющія несправедливости, очевидныя неудобства безъ исправленія“.

Это письмо Погодина произвело благопріятное впечатлѣніе, и подъ 15 января, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Шумъ. Письмо превозносятъ“. Наконецъ самъ Безобразовъ написалъ Погодину слѣдующее письмо: „Ваше лестное для меня, хотя и возстающее на мои направленія, письмо я перечитывалъ много разъ, и все съ возрастающимъ интересомъ. Но если такъ росло во мнѣ чувство пріятнаго ощущенія, то не потому только, что мое самолюбіе удовлетворилось ласкою знатока и знаменитости, но потому еще, что при всякомъ новомъ чтеніи, мнѣ казалось, будто я находилъ, въ тайнѣ моихъ доводовъ, новое оружіе къ оборонѣ моихъ убѣжденій. Предполагаю напечатать—*Предложенія мои Дворянству.* Не дозволите ли мнѣ издать вмѣстѣ съ тѣмъ и прелестное письмо ваше. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно послужитъ мнѣ охраною, ибо труднымъ покажется порицать тѣ стороны, которыя заслужили уже ваше одобреніе“ [5]).

Подъ *23 января 1862* года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „На выборы. Блистательное засѣданіе. Зла ни у кого ни капли. Обѣдъ у Безобразова великолѣпный. При его тостѣ сказалъ: „Говорятъ, красота есть единство въ разнообразіи. Пожелаемъ Русской Землѣ единство при всемъ разнообразіи не скажу элементовъ, а основныхъ началъ“.

III.

Въ Москвѣ нѣкогда процвѣтало семейство Новиковыхъ. Глава семейства Петръ Александровичъ былъ отцемъ Евгенія и Ивана, честно подвизавшихся на государственномъ поприщѣ. Погодинъ издавна былъ близокъ къ этому семейству. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 14 января 1862 года, онъ записалъ: „У Новикова. Жена его, дочь князя Долгорукаго, которая нѣкогда разливала чай у И. И. Дмитріева“. А подъ *8 марта,*

Погодинъ записалъ: „Получилъ письмо отъ Новикова, на которое и намахалъ отвѣтъ на двухъ слишкомъ листахъ“.

Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Благодарю васъ искренно за выраженное довѣріе и расположеніе, по старой университетской памяти, спѣшу отвѣчать вамъ на почтенное ваше посланіе, спѣшу въ одинъ присѣстъ въ совершенномъ безоружіи. Въ лѣтописяхъ нашихъ есть извѣстіе объ одной битвѣ Новгородцевъ съ Суздальцами: *Новгородцы, ссѣдявши съ конь, и порты сметавше, боси, сапоги сметавши, поскочиша:* точно такъ и я вступаю съ вами въ состязаніе безъ меча, безъ щита и безъ шлема. Во-первыхъ, я не имѣю достаточныхъ опытовъ для разсужденія объ извѣстномъ вопросѣ, отъ роду не числилось за мною ни одной крѣпостной души, кромѣ собственной, и не владѣлъ я никогда ни одною десятиною въ полѣ, а развѣ въ саду, на Дѣвичьемъ впрочемъ полѣ *). Во вторыхъ, углубленный особенно теперь въ занятія Древней Исторіей, я не имѣю времени на нужныя справки, не только на обстоятельныя изслѣдованія. Потому-то какъ прежде, такъ и теперь, я отнюдь не выдаю своихъ мнѣній за непогрѣшительныя, а только сообщаю къ свѣдѣнію, отдаю на общій судъ свои впечатлѣнія, свои замѣчанія, свои заключенія, почерпнутыя изъ долговременныхъ наблюденій и размышленій.

Прежде всего долженъ я заявить, что не могу выразить своихъ мыслей вполнѣ; къ крайнему прискорбію, мы не можемъ не только печатать, не только говорить публично, но даже говорить въ своемъ домѣ, между четырехъ стѣнъ, среди избраннаго образованнаго общества, безъ разныхъ замѣчаній. Въ вашемъ письмѣ встрѣчается нѣсколько мѣстъ очень важныхъ, очень значительныхъ, гдѣ вы невольно останавливаетесь, скрывая развитіе мысли подъ точками. Хорошо еще, что мы

---

*) Погодинъ въ этомъ случаѣ ошибается. Онъ былъ владѣльцемъ села Сѣркова, Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 254). *Н. Б.*

не назначаемъ своей переписки для печати, иначе и точки цензоръ замѣнилъ бы одною сильною запятою.

Каково старымъ, опытнымъ, заслуженнымъ людямъ подвергаться приговорамъ иногда перваго встрѣчнаго. Съ завязанными глазами мудрено ловить истину, также какъ попасть на прямую дорогу, бросаясь изъ стороны въ сторону, лишь бы не достаться въ руки азартнаго ловца; мудрено плясать по канату, имѣя кандалы на ногахъ, что мы, пишущая братія, принуждены бываемъ дѣлать всякій разъ, какъ рѣчь дойдетъ до насущныхъ вопросовъ, а не до брани на исправниковъ, откупщиковъ, квартальныхъ, или литераторовъ, вслѣдстіе чего и составился особый условный языкъ, въ родѣ языка офеней, языка цыганъ, языка Волжскихъ плавателей,—камень преткновенія для цензоровъ и камень соблазна для читателей, проказа общественная. Въ настоящемъ нашемъ положеніи всего нужнѣе свободная, искренняя рѣчь; съ языка должно намъ снять всѣ типуны, насѣвшіе и насаженные на него съ незапамятныхъ временъ. Только при этомъ условіи, можетъ быть, договоримся мы до чего-нибудь истинно путнаго, полезнаго и для насъ нужнаго. Вотъ духъ предложеній Подольскихъ, Звенигородскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ, Тульскихъ, противъ которыхъ вы вооружаетесь, а что касается до ихъ подробностей, частностей, то я, согласно съ вами, готовъ былъ бы поспорить противъ нѣкоторыхъ и отвергнуть или отложить другіе. Послѣ этого необходимаго приступа попытаемся пройти еще разъ по канату. Сущность вашего письма и вмѣстѣ мнѣнія Безобразова состоитъ все-таки въ томъ, что землю должно было оставить за помѣщиками, предоставляя крестьянамъ личную свободу и полюбовныя соглашенія. Но позвольте вамъ напомнить указъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1841 г. Я позабылъ о немъ, отвѣчая прежде Безобразову, такъ твердо всѣ мы знаемъ наши постановленія. Онъ именно предлагаетъ ту самую мѣру, которую теперь предлагаетъ Безобразовъ, и вы считаете единственнымъ средствомъ для спасенія Отечества... Почему же Дворянство не приняло этой мѣры, когда она

была предложена все-таки Правительствомъ, и не пользовалось ею въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Ясное доказательство, что Дворянство само не думало, говоря вообще, объ уничтоженіи крѣпостного права, и безъ Правительства не рѣшилось бы приступить къ дѣлу, въ ожиданіи его зрѣлости. Теперь, спустя лѣто, въ лѣсъ по малину идти поздно.

Буду разбирать ваше письмо по пунктамъ. Вы думаете, что на меня подѣйствовали чужіе толки о Безобразовѣ! Напрасно! Я прочелъ его предложеніе, и въ ту же минуту набросалъ извѣстный вамъ отвѣтъ, не слыхавъ о немъ ничего, кромѣ жаркихъ одобреній. Вы говорите, что въ предложеніи Безобразова заключается рѣшительный вопросъ о благоденствіи Отечества. Другіе говорятъ, что этотъ вопросъ рѣшается имъ къ крайней его опасности. Сравнивая наши мнѣнія, вы говорите, что Безобразовъ видитъ за собою бездну, но мечтаетъ о возможности связать чрезъ нее прошедшее съ будущимъ какою-либо органическою связью; а я будто бы, принимая этотъ разрывъ за окончательный, иду безбоязненно въ туманную даль, призывая на помощь новыя средства, новыхъ дѣятелей.

Совсѣмъ нѣтъ,—я тоже думаю о соединеніи, но только не посредствомъ цѣпнаго моста съ караульными по краямъ, а посредствомъ безопаснаго брода, свободнаго плаванія между двумя берегами съ порто-франко. Я увѣренъ, что связь вѣковая у крестьянъ съ помѣщиками, по минованіи настоящихъ недоразумѣній, отнюдь не прервется, а напротивъ, усилится на лучшихъ человѣческихъ основаніяхъ, на природѣ вещей, на взаимной нуждѣ. Понимается, что вездѣ необходимо разумное содѣйствіе Правительства,—иначе прискорбныя явленія неизбѣжны, и вотъ я перехожу теперь къ вашему остроумному превращенію моего вопроса: *что̀ было бы*, въ новый собственный вашъ вопросъ, *что̀ будетъ*. Прежде всего я напомню вамъ, что предлагалъ я свой вопросъ отнюдь не a priori, а на основаніи бывшихъ явленій въ Казани, Пензѣ и пр.

Вы спрашиваете, что будетъ въ новыхъ ризахъ изъ тканей по образцамъ уѣздовъ Звенигородскаго, Подольскаго и пр.

Я отвѣчаю: если ризы построятся въ пору, чтобы нигдѣ не жало, не тѣснило, чтобы вездѣ было просторно, льготно, чтобы рукамъ и ногамъ двигаться въ нихъ было ловко, чтобы не стягивалась грудь и дышала свободно, чтобы всѣ воскрылія были достаточно широки, чтобы на всякій случай былъ пущенъ... порядочный запасецъ, о, тогда я убѣжденъ, мы пойдемъ быстро и успѣшно впередъ; мнѣ не хочется употреблять опошленнаго слова прогрессъ. Но если новыя ризы примутся шить фонъ-Визинскіе или Крыловскіе Тришки, то, разумѣется, добра ожидать нечего; и мы должны будемъ пенять на себя, какъ пеняла г-жа Простакова, и вообще тѣ хозяева, которые сапожникамъ поручаютъ печь пироги, а пирожниковъ засаживаютъ за иглу.

Предполагая мое недоумѣніе, вы приходите ко мнѣ на помощь съ отвѣтомъ, что̀ было бы при дарованіи однѣхъ личныхъ правъ.

Но я уже прежде, напоминаніемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ, возразилъ на это разсужденіе.

Прибавлю: почему же крестьяне не удовольствовались теперь даннымъ *Положеніемъ*, если даже однѣ личныя права могли удовлетворить ихъ такъ успѣшно.

Что̀ будетъ?—Вы указываете на Тверскія происшествія. Я не имѣю объ нихъ яснаго понятія, но думаю, что если бы вопросъ съ самаго начала отданъ былъ на общее, неограниченное никакими сроками и бюрократическими рамками, разсужденіе, даже одного Дворянства, то такія явленія не имѣли-бы мѣста.

Вы напомнили очень кстати объ одномъ Европейскомъ событіи прискорбной памяти, и я спрошу васъ въ свою очередь: жертвы его не говорили ли вещи подобныя тѣмъ, какія нынѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ слышатся, не ошиблись-ли онѣ въ своихъ предположеніяхъ и надеждахъ, не раскаялись ли горько, что не умѣли сдѣлать заблаговременно нѣкоторыхъ

уступокъ? О, если бы мы почаще справлялись съ Исторіей и слушались ея назидательныхъ уроковъ!

Какъ высказалась, спрашиваете вы, потребность чрезвычайныхъ мѣръ, намъ предлагаемыхъ, отъ Подольска, Звенигорода и пр. и говорите, что Правительство будто бы обращалось сперва къ Литературѣ. Признаюсь вамъ откровенно, что я не имѣю понятія объ этомъ обращеніи къ Литературѣ, и думаю, что изъ всѣхъ вѣдомствъ самое неудобопостижимое для него есть Литература,— настоящая степь Барабинская, terra incognita. Находился же подъ надзоромъ полиціи, какъ опасный славянофилъ, нашъ общій пріятель М. Н. Загоскинъ. Что до меня, графъ Закревскій бралъ съ меня подписку, по поводу одного письма о крестьянскомъ вопросѣ, посланнаго въ le *Nord*, чтобы я впредь не посылалъ за границу ничего безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ III Отдѣленіи. Чрезъ годъ началось изданіе *Сельскаго Благоустройства* и редакторъ попросилъ у меня статью. Она также была не пропущена. Наконецъ, въ прошедшемъ году, послѣ двухъ *Грамотокъ*, навлекшихъ на меня столько неудовольствій, я написалъ статью о Дворянствѣ и его положеніи, и она возвращена мнѣ вся иллюминованная красными чернилами, такъ что не осталось строки живой, и я рѣшился замолчать и ничего не печатать, что и исполняю около года, возясь только съ Ярополками, Мстиславами и Игорями, отъ коихъ не жду никакихъ угрозъ, а развѣ послушаніе. Вотъ вамъ и Литература. Потомъ, говорите вы, Правительство обратилось къ Дворянству съ вопросомъ, но не обращалось къ прочимъ сословіямъ. Привожу ваши собственныя слова: „Съ другой стороны, нѣтъ никакого факта, доказывающаго подобныя требованія отъ лица народа или тѣхъ сословій, которыхъ соединенія желаютъ Звенигородскіе, Подольскіе и пр. того рода мыслители“.

Да какъ же народу или прочимъ сословіямъ предъявлять свои требованія, если у него или у нихъ о томъ никто не спрашивалъ; чего же могутъ ожидать они, заговоря неспрошенные....

Откуда же взялась мысль, заключаете вы, о созваніи земскихъ соборовъ и пр., и отвѣчаете за меня: отъ общности интересовъ, которую опровергнуть вамъ легко. Нѣтъ, я отвѣчу иначе: отъ возникнувшей во всѣхъ потребности въ преобразованіи, сознанной и самимъ Правительствомъ; эта потребность, слѣдовательно, отнюдь не есть порожденіе односторонняго взгляда нѣкоторыхъ представительныхъ кружковъ нашей Литературы, взлелѣянное, съ другой стороны, нѣкоторыми слоями нашего общества, одержимыми страхомъ.

Вы называете въ заключеніе эту потребность „порожденіемъ мечты и страха". Мечта достойна всякаго осужденія, точно какъ многіе проекты должно предать забвенію, вмѣстѣ съ прочею дребеденью, ходящею у насъ въ оборотѣ, а касательно страха я спрошу васъ: давно ли возникла у насъ такая храбрость, которая рѣшается не только стоять твердо, но и идти. . . . назадъ? Давно ли мнѣніе большинства состояло въ томъ, что одно слово о свободѣ произведетъ кровопролитіе? Ничего этого, слава Богу, не случилось. Напротивъ, прежде ежегодно падало по тридцати помѣщиковъ, какъ искупительныя жертвы, а въ послѣднее время ни одного! Приступаю къ отвѣту на прочія ваши замѣчанія.

Пристрастно объясняя мои слова, вы говорите, что я осуждаю Дворянскую Грамоту къ выносу на толкучій рынокъ. Нѣтъ, не на толкучій рынокъ, а въ Пантеонъ Исторіи, гдѣ хранятся наши государственныя законоположенія, совершившія свой подвигъ—Русская Правда, Судебникъ, Уложеніе и пр.

А кстати о толкучемъ рынкѣ. Я покупалъ тамъ большею частію важнѣйшія царскія жалованныя грамоты за дворянскую службу, и скорбѣлъ всегда, какъ мало дорожатъ дворяне памятью о своихъ предкахъ и ихъ трудахъ, лишая Исторію своимъ небреженіемъ нужныхъ драгоцѣнныхъ документовъ. Это служило мнѣ, съ другой стороны, утѣшительнымъ доказательствомъ, что наши дворяне не имѣютъ той сословной гордости, которая на Западѣ была главнымъ источникомъ революцій. Ненадо засѣвать ихъ заднимъ числомъ.

Выписываю съ особеннымъ удовольствіемъ, слѣдующія ваши слова, исполненныя поэзіи: „Вообразите себѣ жаркую битву. Противники одолѣваютъ. Нѣтъ болѣе надежды на успѣхъ; надобно отступить; но одинъ изъ побѣжденныхъ схватываетъ знамя полка и подъ градомъ вражескихъ пуль съ самопожертвованіемъ выноситъ въ безопасное мѣсто эти священные лоскутки. Битва проиграна, но честь оружія спасена! Уважимъ безстрашнаго воина, а славную хартію нашу почтимъ не послѣднимъ поклоненіемъ, но вѣрною надеждою, что благородное сословіе, подъ сѣнью ея явившее столько подвиговъ и столько великихъ поборниковъ отечественнаго дѣла, еще долго, долго будетъ во главѣ всѣхъ полезныхъ начинаній державныхъ представителей своихъ на Престолѣ Россіи".

Да, да, я совершенно съ вами согласенъ, что „благородное сословіе, подъ сѣнію ея явившее столько подвиговъ и столько великихъ поборниковъ отечественнаго дѣла, еще долго, долго будетъ во главѣ всѣхъ полезныхъ начинаній державныхъ представителей своихъ на Престолѣ Россіи".

Переходя къ прозѣ, вы исчисляете несправедливости, проистекающія изъ *Положеній*, на кои Безобразовъ только-что слабо намекнулъ. Объ нихъ судить я не могу по недостаточности моихъ свѣдѣній и малой опытности, но думаю, что всѣ дворянскія потери должны быть по справедливости вознаграждены съ лихвою, и всѣ утраченныя права замѣнены новыми; такимъ образомъ, равновѣсіе возстановится, къ общему удовольствію, на пользу и славу Отечества.

Повторяя вамъ выраженіе искренней признательности за ваше лестное для меня довѣріе, поднимая брошенную вами на будущее время перчатку, заключу словами Карамзина, передъ которымъ мы съ вами со всѣми ровесниками преклонялись, котораго нынѣшніе бездарные верхогляды и скорохваты, нестоющіе его мизинца, осмѣливаются поносить предъ неопытной молодежью, который по моему мнѣнію, долженъ надолго еще остаться идеаломъ Русскаго гражданина, писа-

теля и человѣка. „Мы одно любимъ, одного желаемъ“—сказалъ онъ въ заключеніе своей Исторіи,—„любимъ Отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой“! Считаю только долгомъ прибавить, что всякое время даетъ словамъ свой смыслъ. *Мудрость* нашего времени обусловливается, по моему мнѣнію, собирательнымъ голосомъ всего народа, что согласно и съ вашими словами: „За прочность зданія долженъ исключительно отвѣчать зодчій, а живущіе въ немъ имѣютъ только несомнѣнное право указать на тѣ или другіе недостатки его творенія“.

По поводу самого письма П. А. Новикова, вотъ что писалъ Погодину Томашевскій: „Письмо къ тебѣ Новикова вообще недурно. Въ немъ есть нѣсколько мыслей и нѣсколько такихъ намековъ, которыми не слѣдовало пренебрегать мудрому меньшинству, засѣдавшему въ роковой Редакціонной Коммиссіи. Эпитетъ *роковой* останется за нею, и никакія извитія словесъ не избавятъ ее отъ такой Геростратовской славы. Замѣчаешь ли ты, какъ изо дня въ день рѣдѣетъ кружокъ сторонниковъ этой Коммиссіи? Это не безъ причины. Спадаетъ пелена съ глазъ. Лучшіе изъ этихъ господъ, конечно, и сами теперь почти прозрѣли—я говорю почти, потому что горячка не проходитъ внезапно.

Новиковъ пощадилъ тебя въ самомъ слабомъ твоемъ мѣстѣ, которое ты выставляешь какъ будто самымъ сильнымъ: это гдѣ рѣчь идетъ о землѣ Мекленбургцамъ и т. д. Инстинктъ сказалъ тебѣ, что заселеніе нашихъ огромныхъ земельныхъ пространствъ есть вопросъ первой важности, и надолго, долго... Какъ же не видишь, что *Положеніе* о крестьянахъ затормозило разрѣшеніе этого вопроса самымъ радикальнымъ образомъ? Связало въ этомъ отношеніи руки у Прави-

тельства и у помѣщиковъ, которые уже никакихъ постоянныхъ водвореній дѣлать не будутъ и не посмѣютъ. Довольно обжечься разъ. Крестьяне общники и крестьяне собственники, сдѣлавшись тѣмъ и другимъ, на чужой счетъ и даромъ, никуда добровольно не пойдутъ, а силой принудить будетъ трудновато, тѣмъ болѣе трудновато, ччо у нихъ сохранится преданіе о законности принудительной уступки, т.-е., нарушенія права собственности. Вотъ ужъ этой перспективы ты не оспоришь. Есть и еще у тебя промахъ, но объ немъ послѣ".

Съ своей стороны, Ѳ. П. Еленевъ (30 марта 1862 г.) вотъ что писалъ Погодину: „Мнѣ кажется, что въ настоящую минуту намъ не столько надобна конституція, сколько одинъ, всего одинъ человѣкъ, подобный Сперанскому, Штейну либо Роберту Пилю, но который имѣлъ бы неограниченное вліяніе на государя. Надобно сначала заложить прочно фундаментъ, а тамъ уже воздвигать зданіе; а гдѣ теперь фундаментъ для конституціи? Не въ одномъ же Дворянствѣ, требующемъ конституціи только для того, чтобъ вознаградить другимъ путемъ то, что отняла у нихъ реформа? Премилосердый Господь да пошлетъ намъ честное и мудрое Правительство хотя на десять какихъ-нибудь лѣтъ, чтобъ успѣло осмыслиться и укрѣпиться Земство, чтобы вышло изъ ничтожества городское сословіе; тогда только можно надѣяться на остальное".

По окончаніи Московскихъ дворянскихъ выборовъ, Б. Н. Чичеринъ писалъ: „Дворянскіе выборы въ Москвѣ кончились. Коммиссія, наряженная Собраніемъ для составленія отвѣтовъ на вопросы, предложенные министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, представила свой докладъ, который препровождается въ министерство. Нынѣ и по другимъ губерніямъ открываются чрезвычайныя дворянскія собранія.

Что же скажетъ Дворянство Правительству и Россіи?

Не зная, что совершается, и что будетъ совершаться на дѣлѣ,—можно думать, что едва ли въ настоящую минуту возможно ожидать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на предложенные Дворянству вопросы. Но несправедливо будетъ упрекать

въ этомъ Дворянство. Оно находится въ ненормальномъ, переходномъ состояніи. Весь его экономическій и домашній бытъ измѣняется, и измѣняется разомъ. Оно еще не знаетъ, какъ устроится новое его положеніе. Спросите у человѣка, внезапнымъ ударомъ выбитаго изъ своей обычной жизни и не успѣвшаго еще придти въ себя: что онъ о себѣ думаетъ? Чего онъ желаетъ? Онъ не въ состояніи будетъ дать разумный отвѣтъ. Дворянство тогда только скажетъ свое слово, когда оно одумается, устроится, переведетъ свое хозяйство на новый ладъ, освоится съ положеніемъ, въ которое оно поставлено освобожденіемъ крестьянъ. Въ настоящую минуту, все его вниманіе должно быть устремлено на окончательное приведеніе въ дѣйствіе *Положенія 19-го февраля* и на устройство своего экономическаго быта.

При настоящемъ положеніи вещей, пока крестьянское дѣло не разрѣшено окончательно, пока на практикѣ не выяснились новыя потребности, возникающія изъ преобразованія,—вопросъ о положеніи Дворянства и объ отношеніяхъ его къ другимъ сословіямъ представляетъ интересъ чисто теоретическій. Онъ не возбуждается жизнью, и опытъ не представляетъ никакихъ данныхъ для его разрѣшенія. Естественно, что отвѣты на этотъ вопросъ должны носить характеръ преимущественно теоретическій. Чѣмъ менѣе въ обществѣ развита политическая мысль, тѣмъ, разумѣется, разрѣшеніе вопроса будетъ менѣе удовлетворительно. При раздраженномъ состояніи умовъ, оно неизбѣжно представитъ смѣшеніе общихъ мѣстъ, неопредѣленныхъ желаній, неумѣренныхъ требованій и позднихъ сожалѣній. Голосъ страны въ этомъ случаѣ является только смутнымъ говоромъ бродящей мысли и разстроенныхъ интересовъ. Когда избранныя Дворянствомъ коммиссіи просятъ назначенія новыхъ коммиссій для обсужденія тѣхъ же вопросовъ, то намъ кажется, что это обстоятельство подтверждаетъ наше мнѣніе. Если бы практика давала ясныя указанія, то ненужно бы было много времени для установленія общихъ началъ. Желаніе новой коммиссіи ука-

зываетъ на невозможность придти, въ настоящее время, къ удовлетворительнымъ рѣшеніямъ. Но такъ какъ положеніе дѣлъ останется то же, то и отъ новыхъ коммиссій трудно ожидать лучшихъ результатовъ" [6]).

IV.

Какъ ни странно, но наши такъ называемые „крѣпостники" въ то время нашли себѣ союзниковъ въ Герценѣ и Огаревѣ.

Извѣстно, что начало шестидесятыхъ годовъ чревато было всякими начинаніями. Однимъ изъ проявленій этихъ начинаній были многочисленные *адресы*. Герценъ и Огаревъ также принимали участіе въ этой адресной агитаціи и думали привлечь къ участію въ адресѣ и И. С. Тургенева.

По замѣчанію Батуринскаго, Герценъ и Огаревъ разсчитывали главнымъ образомъ на Дворянство, среди котораго много было недовольныхъ освобожденіемъ крестьянъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ Герценъ и Огаревъ руководились принципомъ: цѣль оправдываетъ средства, и соединялись съ людьми, съ которыми въ сущности у нихъ не было ничего общаго.

Сохранился проектъ Лондонскаго адреса, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Вслѣдствіе запутанности *Положенія о крестьянахъ*, Дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ-чиновниковъ, получающихъ казенное жалованье и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство, вмѣсто пособія Дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита, и черезъ это лишило Дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною. Помѣщичьи земли остаются необработанными".

Тургеневъ, которому былъ доставленъ для разсмотрѣнія

и подписанія этотъ адресъ, находился въ это время въ Баденъ-Баденѣ. Сохранилось также его письмо къ неизвѣстному лицу, въ которомъ онъ подвергаетъ проектъ Лондонскаго адреса суровой критикѣ, и является горячимъ защитникомъ *Положенія 19 февраля.*

„Посылаю вамъ, по обѣщанію“,—писалъ Тургеневъ,— „переданный мнѣ адресъ, вы увидите, что я не сдѣлалъ никакихъ измѣненій; по зрѣлому соображенію я нашелъ, что мнѣ предстояло почти весь адресъ передѣлать, на что я, разумѣется, не имѣлъ никакого права. Я уже излагалъ вамъ, въ чемъ я не схожусь съ Огаревымъ; считаю нужнымъ повторить вамъ мои слова и прошу васъ доставить это письмо въ Лондонъ.

„а) Адресъ, по-моему, наполненъ фактическими невѣрностями во всемъ, что касается введенія уставныхъ грамотъ, выкупа, состоянія крестьянъ и помѣщиковъ. Это — родъ обвинительнаго акта противъ *Положенія* — а съ *Положенія* начинается новая эра Россіи. Правительство это знаетъ, а потому вся первая половина адреса покажется ему—и по справедливости—неосновательною.

„б) Редакція адреса составлена ясно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотень или тысячь подписей отъ *крѣпостниковъ*, которые, обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эмансипаціи и *Положенію*,—зажмурятъ глаза на послѣдствія земскаго собора. Но, во-первыхъ, это недобросовѣстно—и не нашей партіи заключать какія бы то ни было коалиціи. Мы держимся только принципами и яснымъ и честнымъ высказываніемъ ихъ. Такая дипломатія никуда не годится.

„в) Если этотъ адресъ дойдетъ до крестьянъ, а это несомнѣнно,—то они по справедливости увидятъ въ немъ новое нападеніе Дворянства на освобожденіе. Въ одной фразѣ даже выражается какъ бы сожалѣніе о невозможности барщины! Другія фразы, вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „Русская земля остается невоздѣланной—крестьянинъ не имѣетъ ни времени, ни охоты обрабатывать собственныя поля“, —

поразятъ крестьянина своей явной неправдой,—а мысль о земскомъ соборѣ не утѣшитъ его ни па волосъ, если даже не испугаетъ его.

„Вообще весь адресъ какъ бы написанъ заднимъ числомъ онъ отсталъ на цѣлый годъ и едва ли найдетъ гдѣ-нибудь дѣйствительный отголосокъ, кромѣ партіи *крѣпостниковъ* а этимъ, я полагаю, сами составители адреса не останутся довольными.

„Я долженъ вамъ признаться, что я самъ ношусь съ мыслью адреса и полагаю составить его въ Парижѣ. Нечего и говорить, что я сообщу мой проектъ въ Лондонъ..

„Оканчивая это письмо, повторяю одно: не должно забывать, что какія бы ни были послѣдствія отъ *Положенія* для дворянъ, крестьянинъ разбогатѣлъ и, какъ они выражаются, раздобрѣлъ отъ него и знаетъ, что онъ этимъ царю обязанъ... Безумно было бы не принимать этихъ фактовъ въ соображеніе и вслѣдъ за Н. Безобразовымъ и другими лепетать обвиненія, которыя показываютъ или недобросовѣстность, или незнаніе. Мнѣ достаточно того факта, что къ нему могутъ приложить руки Н. Безобразовъ и Паскевичъ, чтобы не прикладывать моей“.

Самому же Герцену, Тургеневъ писалъ: „Во-первыхъ, я полагаю, что взять *Положеніе* исходной точкой отрицательнаго или революціоннаго противодѣйствія — и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо. Такъ ли, сякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственной всякому народу, желанія ли примириться на маломъ—если это малое все-таки до нѣкоторой степени выгодно,—но „Земля приняла *Положеніе*“; скажу болѣе: она въ весьма скоромъ времени сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о *Положеніи* и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ, чему, между прочимъ, служитъ доказательствомъ новое явленіе перехода крестьянъ вмѣсто оброка на выкупъ. Нападать при такихъ обстоятельствахъ на *Положеніе*, какъ источникъ всей совершающейся неурядицы, и изъ этого выво-

дить необходимость земскаго собора, это значитъ... окончательно разорвать связь съ народомъ.

„2) Тебѣ извѣстно новое рѣшеніе Правительства на счетъ губернскихъ сеймовъ. Не знаю, какой тутъ проектъ восторжествуетъ: Милютинскій, отличающійся относительной широтой и свободой своихъ началъ, или изуродованный и іезуитскій Валуева. Если, какъ слѣдуетъ предполагать, будетъ принятъ второй, — то вотъ тутъ дѣльная и живая и практическая исходная точка для протестующаго адреса, такого адреса, который предназначенъ поднять и расшевелить общественное мнѣніе. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, теперь необходимо обождать: а) какъ именно разрѣшится вопросъ о *Положеніи*—это же должно разрѣшиться очень скоро, и б) какое значеніе будутъ имѣть постановленія Правительства о децентрализаціи и усиленіи провинціальной самостоятельности. Такой адресъ, представленный именно теперь, кромѣ вреда принести ничего не можетъ, особенно адресъ въ родѣ вашего; сверхъ того, я увѣренъ, что и подписей именно теперь вы наберете очень немного—а произведете выстрѣлъ хуже, чѣмъ на воздухъ—себѣ въ лобъ.

„Вотъ, милый Александръ Ивановичъ, мое откровенное мнѣніе. Ты, я надѣюсь, настолько меня знаешь, что не припишешь этого мнѣнія ничему другому, кромѣ самаго искренняго убѣжденія. Я не трусъ, я не люблю вилять ни передъ собой, ни передъ другими, а тебя я слишкомъ уважаю и люблю, чтобы не сказать тебѣ всей истины. Согласишься ли ты со мной или нѣтъ—я не знаю; но я увѣренъ, что это нисколько не измѣнитъ нашихъ отношеній“ [7]).

Но не „крѣпостники“ только были недовольны состояніемъ помѣщиковъ и крестьянъ, созданнымъ *Положеніемъ 19 февраля*.

Такъ, В. А. Мухановъ, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 17 марта 1862 года: „Пришло время общаго безденежья. Доходы не приходятъ, и жалобы слышатся отовсюду. Прежде, когда не было денегъ, можно было ожидать ихъ,

а теперь ничто не подаетъ къ тому повода. Кто служитъ — будетъ жить жалованьемъ, а кто имѣетъ капиталъ — процентами. Лишенный сихъ двухъ пособій находится въ тяжеломъ положеніи и долженъ искать силы въ молитвѣ и въ уповаціи на Бога, чтобы съ благодушіемъ и покорностью перенести судьбу свою" [8]).

„Новаго нѣтъ ничего",—писалъ И. С. Аксаковъ Погодину,—„кромѣ циркуляра министра Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе требованія новаго *наблюдателя*, министра Внутреннихъ Дѣлъ, о недопущеніи въ печати статей, разсуждающихъ о правѣ крестьянъ на землю или вообще сколько-нибудь осуждающихъ *Положеніе*".

А. И. Кошелевъ изъ своей Песочни, писалъ Погодину: „Крестьянское дѣло идетъ лучше, чѣмъ можно было ожидать, но скверно по причинѣ общей правительственной неурядицы. Земской полиціи нѣтъ. Посредниковъ какъ бы и не бывало, и губернаторы рады, что съ войсками не нужно выступать, а потому пишутъ: все обстоитъ благополучно. Теперь развивается у насъ великое зло: помѣщики находятся въ невозможности обрабатывать свои поля вольнымъ трудомъ, ибо рабочіе страшно дороги и сверхъ того невыносимо своевольны; а потому помѣщики бросаютъ свои имѣнія, земли отдаютъ въ наемъ и уѣзжаютъ или за границу, или въ города. Знаете, никогда не было такъ пусто въ деревняхъ какъ теперь. Дворяне въ страшномъ угнетеніи отъ крестьянъ, которые хотятъ работаютъ, а не хотятъ, такъ никто ихъ къ тому не принуждаетъ. Платятъ — прекрасно, а не платятъ, такъ тому и быть. Еще милосерды крестьяне; хотя скверно, но работаютъ; хотя не срочно, но еще выплачиваютъ. Разсчитывать ни на что нельзя; непрерывная азартная игра" [9]).

Да и самъ Тургеневъ, изображая деревенское житье одного изъ своихъ героевъ, гуманнаго помѣщика Николая Петровича Кирсанова, писалъ: „Жизнь не слишкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ—хлопоты

безотрадные, безтолковые. Возня съ наемными работниками становилась невыносимою. Одни требовали расчета или прибавки, другіе уходили, забравши задатокъ; работы исполнялись небрежно. . Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть... Посаженные на оброкъ мужики не вносили денегъ въ срокъ, крали лѣсъ; почти каждую ночь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы". Николай Петровичъ опредѣлилъ было денежный штрафъ за потраву, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владѣльцамъ. Къ довершенію всего, мужики начали между собою ссориться: братья требовали раздѣла, жены ихъ не могли ужиться въ одномъ домѣ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднималось на ноги,... все сбѣгалось передъ крылечко Конторы, лѣзло къ барину. часто съ избитыми рожами, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы... Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки придти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы; сосѣдній однодворецъ съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порядился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ между тѣмъ осыпался, а тутъ съ косьбой не совладѣли, а тутъ Опекунскій Совѣтъ грозитъ и требуетъ...

„Силъ моихъ нѣтъ!—не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ Николай Петровичъ. Самому драться невозможно, посылать за становымъ—не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь!—Du calme, du calme,—замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы".

Самъ Филаретъ, 19 апрѣля 1862 года, писалъ Антонію: „Много земель остается невоздѣланныхъ. Торгующій классъ страждетъ. Дворяне понесли большія утраты. Сказываютъ,

что изъ Петербурга не одно сто семействъ выселилось за границу. Слухи все не обнадеживаютъ, а устрашаютъ" [10]).

V.

Недовольство *Положеніями 19 февраля* породило такъ называемое *Тверское дѣло.*

Въ *Дневникѣ* редактора *Сѣверной Почты* А. В. Никитенко мы читаемъ:

Подъ *16 февраля* 1862 года: „Въ Твери, говорятъ, произошло какое-то волненіе среди Дворянства. Туда послали для изслѣдованія и для водворенія порядка Анненкова, нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, оберъ-прокурора Сената. Тверь городъ либеральный. Онъ, со времени крестьянскаго дѣла, не разъ уже выражалъ требованія довольно смѣлыя".

— *20 февраля:* „Прислалъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ для напечатанія въ газетѣ объявленіе о Тверскомъ дѣлѣ. Дѣло нехорошее. Тринадцать человѣкъ дворянъ вздумали выразить протестъ противъ *Положенія.* Ихъ привезли и посадили въ крѣпость и предали суду Сената" [11]).

Въ *Сѣверной* Почтѣ напечатано: „Тринадцать лицъ, принадлежащихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи (членъ Губернскаго Присутствія Бакунинъ, предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ, уѣздные предводители дворянства: Бакунинъ и Балкашинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенапъ, Харламовъ, Лазаревъ, Кислинскій, Невѣдомскій и Лихачевъ, и кандидаты мировыхъ посредниковъ: Широбоковъ и Демьяновъ), позволили себѣ письменно заявить мѣстному Губернскому по крестьянскому дѣлу Присутствію, что они впредь намѣрены руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ *Положеніями 19 февраля 1861 года,* и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу. Тверское Губернское по крестьянскому дѣлу Присутствіе, разсмотрѣвъ вышеупомянутое заявленіе, постановило представить

оное министру Внутреннихъ Дѣлъ, присовокупляя, что, по мнѣнію Присутствія, лишь тотъ образъ дѣйствій долженъ быть признанъ враждебнымъ обществу, который основанъ не на соблюденіи дѣйствующаго закона, для всѣхъ обязательнаго, а на произволѣ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Вслѣдствіе сего сдѣлано распоряженіе объ арестованіи означенныхъ лицъ и преданіи ихъ суду I-го отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената, коему подвѣдомственна Тверская губернія".

Въ Тверь, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, а въ помощь ему, по распоряженію министра Юстиціи графа В. Н. Панина, были командированы отъ Сената: оберъ-прокуроръ Н. П. Семеновъ, оберъ-секретарь А. Н. Сальковъ и секретарь Шишкинъ.

Предъ отъѣздомъ означенныхъ лицъ въ Тверь, графъ Панинъ вызвалъ къ себѣ сенатскаго оберъ-прокурора Н. П. Семенова, для преподанія ему лично особой инструкціи.

Объ этомъ достопамятномъ свиданіи, Н. П. Семеновъ сообщилъ мнѣ нижеслѣдующую записку, написанную имъ въ разговорной формѣ:

„*Панинъ.* Встрѣтивъ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: Садитесь здѣсь противъ меня, и вы садитесь Михаилъ Ивановичъ *). (Послѣдній сѣлъ направо). *Они* поѣдутъ по Высочайшему повелѣнію. — Государю угодно было приказать командировать васъ въ помощь, объ этомъ вамъ извѣстно уже изъ словъ Михаила Ивановича. Вы разумѣется обо всемъ переговорили между собою. (Топильскому:) Вы передали?

Топильскій. Нѣтъ, ваше сіятельство, мы еще ничего не говорили; вамъ угодно было приказать мнѣ скрыть отъ Николая Петровича **) причину поѣздки до личнаго его съ вами объясненія и вашихъ приказаній.

---

*) Топильскій, директоръ Департамента Юстиціи. *Н. Б.*
**) Семенова. *Н. Б.*

Панинъ. Да, хорошо, ну въ такомъ случаѣ я передамъ это коротко: Вы командированы по Высочайшему повелѣнію состоять въ распоряженіи генералъ-адъютанта Анненкова, на котораго возложено Государемъ особое порученіе: остановить важный безпорядокъ и противныя Правительству дѣйствія нѣкоторыхъ посредниковъ. Тутъ должна быть строгость. Это въ Твери, и если хотите, въ Тверской губерніи. Я вамъ долженъ дать инструкцію, о которой буду говорить послѣ, а теперь скажу, что тутъ необходимо главное — быстрота дѣйствій, и нужно, чтобъ оно было одновременно и совершилось неожиданно, на нѣсколькихъ пунктахъ разомъ, чтобы виновные не успѣли принять какихъ-нибудь своихъ мѣръ; можетъ быть вамъ придется раздѣлиться, на мѣстѣ вы это ближе узнаете какъ оно будетъ. Впрочемъ, это дѣло генералъ-адъютанта Анненкова, вы будете исполнять его приказанія; я вамъ дамъ помощниковъ двухъ. Вы можете съ однимъ поѣхать, напримѣръ, въ Торжокъ, а другой пусть ѣдетъ въ Волочекъ или наоборотъ, а можетъ быть всѣмъ тремъ придется разъѣхаться, это какъ тамъ будетъ нужно. Я это говорю такъ только, повторяю вы будете дѣйствовать по приказанію генералъ-адъютанта. Михаилъ Ивановичъ, потрудитесь сдѣлать распоряженіе о командированіи къ Николаю Петровичу одного оберъ-секретаря и одного секретаря Сената, это ужъ кого онъ самъ пожелаетъ; я прошу васъ, Николай Петровичъ, указать кого вы тамъ хотите, вы лучше знаете, по совѣщанію съ Михаиломъ Ивановичемъ, вы это послѣ у себя сдѣлайте.

Топильскій. Не довольно ли, ваше сіятельство, будетъ одного оберъ-секретаря.

Панинъ. Нѣтъ, я сказалъ двухъ.

Топильскій. Слушаюсь, все будетъ исполнено по вашему приказанію.

Панинъ. Нужно больше лицъ для успѣха дѣйствія.

Топильскій. Такъ не прикажете-ли намъ взять одного оберъ-секретаря изъ Москвы, тамъ есть одинъ, который свободенъ.

Панинъ. Нѣтъ, какъ это можно, тутъ дорого время; когда же успѣемъ еще изъ Москвы.

Топильскій. По телеграфу мы могли бы дать знать немедленно.

Панинъ. Это насъ повело бы далеко; я сказалъ тутъ нужна поспѣшность, надо командировать изъ здѣшняго Сената. Разумѣется, Михаилъ Ивановичъ, вы сдѣлаете распоряженіе о снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ; я разумѣю пособіемъ на расходы по разъѣздамъ, это все какъ слѣдуетъ, я желаю чтобы всѣ они были совершенно во всемъ обезпечены. Вы мнѣ представьте обо всемъ этомъ теперь бумаги.

Топильскій. Мы это все сдѣлаемъ, ваше сіятельство, только позвольте послѣ, теперь ужъ некогда намъ дожидаться полученія денегъ, мы всѣ расходы имъ возвратимъ.

Панинъ. Да, конечно, я на это согласенъ; такъ и ордера объ откомандированіи ихъ вы мнѣ подайте послѣ, чтобы это было все вмѣстѣ.

Топильскій. Ужъ ордера позвольте представить вашему сіятельству теперь, потому что надо имъ выѣхать съ ордерами, а то что-же они будутъ дѣлать безъ предписаній.

Панинъ. Ну, пожалуй, какъ хотите. Теперь я перейду къ моей инструкціи, вотъ въ чемъ она заключается: можетъ быть вы это сами тамъ увидите, оно простирается далѣе чѣмъ мы полагали, вы найдете средства разузнать повѣрнѣе частнымъ образомъ, кто тутъ можетъ быть еще изъ дворянъ, кто были подстрекатели; они есть, и легко найдутся напримѣръ: Щедринъ *), тамъ есть еще Унковскій и Европеусъ, но они въ сторонѣ, за ними наблюдаютъ, у васъ тамъ можетъ быть есть и знакомый на мѣстѣ; я буду просить васъ развѣдать, нѣтъ ли тутъ общей, такъ сказать, стачки или заговора дѣйствовать прямо противъ Правительства; разумѣется, я не возлагаю на васъ обязанности шпіона, вы на это такъ не смотрите, тутъ и нѣтъ никакого шпіонства; все, что я вамъ

---

*) Псевдонимъ Салтыкова. *Н. Б.*

говорю надо дѣлать съ большой тайной, негласно и неофиціально, а только такъ, подъ рукой. Объ одномъ еще прошу васъ, выбирайте въ помощники себѣ людей солидныхъ, отнюдь не либерала какого-нибудь, какъ ихъ называютъ попросту, ихъ у насъ теперь довольно, у нихъ свои мысли, эти люди полезны быть не могутъ. Я знаю образъ вашихъ мыслей отъ Михаила Ивановича и взглядъ на дѣло; онъ всегда былъ вѣренъ, въ честности же вашей я не имѣю никакого сомнѣнія, это я такъ говорю, что вы не отступите ни въ чемъ отъ закона, это разумѣется, тутъ нужна справедливость. Каково ужъ ни на есть *Положеніе* о крестьянахъ, тутъ Высочайшая воля, и въ точности должно ее исполнить, безъ разсужденій, это обязанность каждаго изъ насъ, объ этомъ мнѣ говорить нечего; я также не считаю нужнымъ распространяться о правилахъ вѣжливости и учтивости, вы сами посѣщаете многіе круги, они вамъ должны быть хорошо извѣстны, это я говорю мимоходомъ, если бы вы захотѣли оказать какое нибудь снисхожденіе, разумѣется въ предѣлахъ закона, чтобы оно не было послабленіемъ, а только такъ, въ томъ случаѣ, когда это могло бы сколько-нибудь облегчить положеніе виновныхъ; оно, я знаю, непріятное, но чтожъ дѣлать, они понесутъ что̀ заслужили. Я во всемъ этомъ полагаюсь на ваше благоразуміе. Я все сказалъ. Еще прибавлю одно: не говорите до времени господамъ командируемымъ въ ваше распоряженіе куда вы ѣдете и по какому дѣлу, не говорите даже и того, въ какомъ направленіи они поѣдутъ, объ этомъ они узнаютъ послѣ, въ свое время. Я въ васъ всегда былъ увѣренъ, вы ужъ постарайтесь все это исполнить, любезный Николай Петровичъ. Прощайте (пожалъ мнѣ руку).

М. И. Топильскій, выходя, на улицѣ, сказалъ мнѣ: „Вы теперь видите, какъ у насъ дѣлается, вы слышали сами: онъ началъ съ того, что *они поѣдутъ*; да ктожъ *они*, вѣдь вы ничего не знаете. Вотъ она непрактичность. Чтожъ дѣлать, непрактиченъ вовсе. Надо дурачиться побольше, когда всѣ дурачатся“ [12]).

VI.

Въ то время, когда въ Москвѣ происходили дворянскіе выборы, въ Литературѣ нашей возникла полемика о „положеніи и даже о существованіи Дворянства“.

Полемику эту возбудилъ И. С. Аксаковъ. Еще до открытія выборовъ, 1 января 1862 года, онъ писалъ графинѣ Блудовой: „Развивать вамъ всѣ мои мысли о Дворянствѣ нѣтъ времени. Главное — оно нелѣпость теперь, а какъ и чѣмъ оно замѣнится — трудно формулировать. Это выработается само собою — *свободнымъ* обсужденіемъ въ комитетахъ, при *свободѣ* слова; разумѣется, во всякомъ случаѣ не въ формѣ дворянской конституціи“.

Мысли же свои объ этомъ предметѣ Аксаковъ развилъ и выразилъ печатно въ *Днѣ*, въ передовой своей статьѣ, 6 января 1862 года. Въ этой статьѣ мы между прочимъ читаемъ: „4-го января открыты въ Москвѣ *дворянскіе выборы*. Все совершилось установленнымъ порядкомъ; засѣданія происходили въ залѣ Благороднаго Собранія“. Далѣе, Аксаковъ заявилъ, что Дворянство должно почесть долгомъ выразить Правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе: *Чтобы Дворянству было позволено, торжественно, предъ лицомъ всей Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія.* Въ заключеніи своей передовой статьи Аксаковъ писалъ: „Намъ кажется, что такого рода заявленіе было бы вполнѣ достойно просвѣщеннаго дворянскаго сословія. Такое дѣйствіе, являясь, по нашему мнѣнію, необходимою историческою ступенью общественнаго развитія, фундаментомъ для будущаго общественнаго зданія,—стяжало бы Русскому Дворянству почетное мѣсто въ Исторіи, право на народную благодарность и славу нравственнаго историческаго подвига. Всякія же прочія рѣшенія были бы, кажется намъ, несогласны *съ волей и началами Русскаго народа.* — Мы полагаемъ, что

дворяне не посѣтуютъ на насъ за такой искренній и прямой совѣтъ человѣка, принадлежащаго, по происхожденію, къ ихъ средѣ и сословію“ [13]).

Митрополитъ Филаретъ, прочитавъ статью Аксакова, писалъ Антонію: „Газета *День* предлагаетъ Дворянству *совершить великій актъ самоуничтоженія.* Не правда ли, что это очень новый родъ величія“ [14])?

Въ pendant къ статьѣ Аксакова, П. И. Мельниковъ писалъ Погодину:

„Во Псковѣ, въ Дворянскомъ Собраніи, была пря между Русскими дворянами и лавочными рыцарями, но это вы вѣроятно уже знаете и знаменитую фразу: „надо отказаться отъ гнилой дворянской грамоты, данной *какой-то* женщиной“.

„Вашъ *День*“,—писала Кохановская Аксакову,—„сразился со всѣмъ Русскимъ Дворянствомъ, объявляя ему съ наивною простотою Исторіи, что Дворянство — *нуль* и что чѣмъ скорѣе оно объявитъ себя *нулемъ*, тѣмъ будетъ для него лучше. И когда благородное Дворянство естественно взволновалось, какими ѣдко-насмѣшливыми, зажимающими ротъ строками 15-го номера вы отозвались къ нему“ [15])!

Къ мнѣнію Аксакова отчасти присоединился и Катковъ, который, въ своей *Современной Лѣтописи*, предлагалъ „уничтожить всѣ сословныя перегородки и выборы отъ отдѣльныхъ сословій замѣнить выборами отъ всего Земства“.

Противъ этихъ мнѣній вооружился Б. Н. Чичеринъ, и въ *Нашемъ Времени* напечаталъ рядъ статей, подъ заглавіемъ *Русское Дворянство.* „Освобожденіе крестьянъ“,—писалъ Чичеринъ,—„вызвало множество вопросовъ, которые неотразимо просятся на мысль. Одинъ изъ первыхъ есть вопросъ о положеніи или даже о существованіи Дворянства. До сихъ поръ главнымъ отличительнымъ признакомъ, который отдѣлялъ Дворянство отъ другихъ сословій, было крѣпостное право. Теперь крѣпостное право уничтожается; что же должно статься съ Дворянствомъ?

Самая обиходная либеральная мысль, — это та, что,

съ отмѣною крѣпостного права, должно быть уничтожено Дворянство. Не нужно долго рыться въ своемъ умѣ, чтобы напасть на это общее мѣсто либерализма. На западѣ оно давно рыскаетъ по улицамъ и вошло въ составъ самыхъ элементарныхъ убѣжденій каждаго демократа и большей части либераловъ. Оттуда оно перешло и къ намъ; ему, волею или неволею, поддаются самые злые враги западныхъ идей; въ настоящую минуту, это мнѣніе въ большой модѣ. Нѣкоторые предлагаютъ даже уничтожить Дворянство немедленно, въ нынѣшнемъ же году. На послѣднемъ останавливаться нечего. Воображать, что крѣпостной вопросъ порѣшенъ изданіемъ *Положенія*, и что сословіе, которое существовало непоколебимо въ продолженіе многихъ вѣковъ, можетъ исчезнуть въ одно прекрасное утро, это — совершенное дѣтство политической мысли" [16]).

Чичерину отвѣчалъ Катковъ: „Вопреки мнѣнію газеты *День*, Чичеринъ напечаталъ въ *Нашемъ Времени* рядъ статей о *Русскомъ Дворянствѣ*, трактуя этотъ предметъ тономъ весьма рѣшительнымъ, почти повелительнымъ. Онъ доказывалъ въ этихъ статьяхъ необходимость сохранить въ нашемъ земскомъ устройствѣ всѣ сословныя различія, какъ они теперь существуютъ. Всякую мысль о лучшей комбинаціи нашихъ общественныхъ и политическихъ элементовъ онъ считаетъ нелѣпостію. Либеральному образу мыслей въ этомъ отношеніи онъ противополагаетъ политическій образъ мыслей, присвоивая послѣдній себѣ и не признавая его за тѣми, кто думаетъ не такъ какъ онъ и о значеніи сословій, и о положеніи нашего Дворянства. Въ *Современной Лѣтописи*, не упоминая о Чичеринѣ и о газетѣ, въ которой онъ пишетъ, мы коснулись нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ мыслей и указали на заключающуюся въ нихъ сбивчивость. Чичеринъ не оставилъ нашихъ замѣчаній безъ отвѣта. Въ *Нашемъ Времени* появилась статейка, въ которой онъ намъ возражаетъ, — и возраженія его были бы хороши, еслибъ были добросовѣстны, точно также, какъ и мысли его были бы ясны, еслибъ

онъ предварительно отдавалъ въ нихъ себѣ сознательный отчетъ. Онъ упрекаетъ насъ въ томъ, будто мы хотимъ теперь внести въ наше общество вертикальныя раздѣленія на партіи, вмѣсто горизонтальныхъ на сословія.

Заводить вертикальныя дѣленія, организовывать политическія партіи посредствомъ законодательныхъ мѣръ, никому не можетъ придти въ голову. Это совершенная нелѣпость, и ничего подобнаго не могли мы сказать, ничего подобнаго у насъ и не сказано. Мы указывали только на сбивчивость понятій, высказанныхъ Чичеринымъ, о сословіяхъ и о среднемъ сословіи, которое по его теоріи должно у насъ со временемъ образоваться и сосредоточить въ себѣ свѣтъ и силу народа. Изъ развитія его мысли слѣдовало: рано или поздно, въ близкомъ или далекомъ будущемъ, между среднимъ сословіемъ и Дворянствомъ начнется борьба, которая кончится уравненіемъ правъ, уничтоженіемъ привелегій. Мы замѣтили, что не слѣдуетъ увлекаться драматизмомъ борьбы между сословіями, что борьба эта—борьба изнурительная и къ добру не ведущая. Мы пожелали, что бы для нашего будущаго не оставалось элементовъ для такой борьбы; мы говорили о возможномъ и будущемъ, безъ всякаго примѣненія къ настоящему, въ которомъ нѣтъ еще ни борьбы сословій, ни средняго сословія, долженствующаго сосредоточивать въ себѣ силу и цвѣтъ цѣлой страны. Мы пожелали, чтобы наша будущая Исторія приняла такое направленіе, которое не вело бы ее къ борьбѣ между горизонтальными слоями общества; для охотниковъ же до драматическихъ движеній въ Исторіи мы указали на возможность борьбы другого рода, не изнурительной, а плодотворной, борьбы между политическими партіями. Заговоривъ о среднемъ сословіи, богатомъ, образованномъ и сильномъ, которое со временемъ можетъ образоваться у насъ, Чичеринъ коснулся будущаго, и мы послѣдовали за нимъ. Но въ своемъ возраженіи онъ переноситъ вопросъ на современную почву и упрекаетъ насъ въ томъ, будто мы хотимъ дѣлить теперь наше общество верти-

кально, забывая о тысячелѣтнихъ горизонтальныхъ дѣленіяхъ“ [17]).

Съ своей стороны, И. С. Аксаковъ писалъ графинѣ Блудовой: „Какой ограниченный, человѣкъ этотъ Чичеринъ! Подавай ему непремѣнно tiers état, noblesse de robe и noblesse d'épée! Это напоминаетъ требованіе юристовъ, собравшихся у князя Сербскаго Михаила: чтобы завести непремѣнно въ Сербіи die Ständel. Ему впрочемъ хорошо отвѣчалъ Катковъ въ *Современной Лѣтописи*“ [18]).

Въ заключеніи своей статьи Катковъ писалъ: „Намъ очень жаль, что Чичеринъ вызываетъ насъ на полемику. Намъ было бы гораздо пріятнѣе имѣть его своимъ союзникомъ, въ виду того смутнаго зрѣлища, которое представляетъ наша Литература. Предметъ, вызвавшій наше разногласіе, очень важенъ. Онъ видитъ въ нашемъ обществѣ страшную шаткость понятій, недостатокъ политическаго духа, умственную анархію, изъ которой раздаются безсмысленныя теоріи, неимѣющія никакого примѣненія къ дѣйствительности, блужданіе въ общихъ сферахъ, гдѣ все расплывается и уничтожается. Дѣйствительно, въ нашей жизни нѣтъ крѣпости, общественное сознаніе у насъ слабо и недужно. Съ этимъ можно согласиться. Но отчего это? У насъ, слава Богу, довольно давно установилась сословная организація. Наше Дворянство многочисленно, къ нему принадлежатъ образованнѣйшіе люди нашего общества. Отчего же въ нашемъ обществѣ ощущается недостатокъ политическаго духа, недостатокъ, на который жалуется Чичеринъ? Отчего же у насъ эта непрочность и неустроенность общественныхъ положеній, эта смутность и шатаніе общественныхъ понятій? Наконецъ, мы спрашиваемъ Чичерина (и просимъ его серьезно подумать, прежде чѣмъ онъ станетъ отвѣчать), гдѣ преимущественно обнаруживается эта смутность и шатаніе понятій, гдѣ создаются эти теоріи, неприложимыя ни къ чему, неимѣющія ничего общаго съ жизнью, гдѣ именно поприще этихъ бродячихъ элементовъ, которыхъ онъ опасается. Въ крестьянствѣ?—Нѣтъ. Въ мѣ-

щанствѣ и купечествѣ?—Нѣтъ. Не въ этой ли многочисленной массѣ, называющейся Дворянствомъ, въ томъ, что вокругъ его группируется, и, главнымъ образомъ, въ рядахъ чиновниковъ, которые къ нему примыкаютъ и изъ него главнымъ образомъ рекрутируются? Кажется, тутъ сословность есть, а благонадежнаго политическаго духа не оказывается“ [19]).

На послѣднее замѣчаніе Каткова, Чичеринъ отвѣчалъ: „*Русскій Вѣстникъ* приберегъ къ концу самый, по его мнѣнію, убѣдительный доводъ въ пользу уничтоженія Дворянства, какъ сословія. Въ нашемъ обществѣ господствуетъ страшная шаткость понятій, умственная анархія. Гдѣ же она оказывается? Не въ крестьянствѣ, не въ купечествѣ и мѣщанствѣ, а въ дворянствѣ и смежныхъ съ нимъ областяхъ. Слѣдовательно, сословная организація не обезпечиваетъ благонадежнаго политическаго духа.

Нѣтъ сомнѣнія, что умственная анархія можетъ проявляться только въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ есть зачатки образованія, а не тамъ, гдѣ мысль находится въ состояніи первобытномъ. Мы именно указывали на то, что этимъ бродячимъ элементамъ противодѣйствуетъ въ массѣ Дворянства все то, что̀ даетъ ему сословную крѣпость: наслѣдственность положенія, сословная честь, корпоративное устройство. Россія росла и развивалась при сословной организаціи. Уничтожить сословія прежде, нежели свободныя силы получили достаточную крѣпость,—значитъ усилить анархію. Кажется, это было сказано довольно ясно. Но *Русскій Вѣстникъ* не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія. Нравственное и политическое значеніе Дворянства, сила корпоративнаго устройства, практическія трудности вопроса,—однимъ словомъ, вся сущность дѣла оставлены имъ совершенно въ сторонѣ. Вмѣсто того, чтобы обсуждать предметъ, *Русскій Вѣстникъ* находитъ, что гораздо проще и легче голословно кричать своимъ противникамъ: У васъ въ головѣ путаница! Вы не можете выбиться изъ-подъ хлама общихъ мѣстъ!

Намъ совѣстно передъ довѣрчивымъ читателемъ, который пробѣжитъ эту статью, въ надеждѣ найти въ ней какое-нибудь разъясненіе дѣла, и не встрѣтитъ ничего, кромѣ слишкомъ обычныхъ у насъ журнальныхъ передрягъ. Что же дѣлать, если возраженія *Русскаго Вѣстника* не представляютъ болѣе пищи для мысли и доказательствъ? Появись они въ одномъ изъ безчисленныхъ фельетоновъ, которыми украшаются наши газеты, мы бы не позволили себѣ на нихъ отвѣчать. Но *Русскій Вѣстникъ* имѣетъ репутацію едва ли не перваго нашего журнала; нѣкоторые считаютъ его даже серьезнымъ политическимъ органомъ; а потому возраженія его нельзя оставить безъ вниманія. Впрочемъ, это будетъ въ послѣдній разъ. Извиняясь передъ читателемъ, мы обѣщаемъ исправиться. Мы вообще питаемъ нѣкоторое отвращеніе отъ безконечныхъ споровъ, тѣмъ болѣе, когда это только предлогъ для брани, а не искреннее обслѣдованіе дѣла. Въ настоящемъ случаѣ, наша полемика съ *Русскимъ Вѣстникомъ*, по крайней мѣрѣ съ нашей стороны, кончена. *Русскій Вѣстникъ* показалъ всю свою мочь, свою способность обсуждать политическіе вопросы и свои полемическіе пріемы; мы совершенно удовлетворены, а читатели, вѣроятно, и подавно.

Въ заключеніе, однако, мы не можемъ не поблагодарить *Русскій Вѣстникъ* за его желаніе имѣть насъ своимъ союзникомъ. Замѣтимъ только, что союзники не пріобрѣтаются этимъ тономъ полемики. А когда въ добавокъ литературный воитель является съ такимъ запасомъ силъ и съ такими блистательными политическими взглядами, какіе *Русскій Вѣстникъ* выказалъ въ своихъ статьяхъ о Дворянствѣ, то подобные союзы представляютъ очень мало привлекательнаго“ [20]).

25 апрѣля 1862 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Чичеринъ подвергается ругательствамъ безпрерывнымъ“ [21]). Собираясь печатать свои статьи *Объ обществѣ*, Аксаковъ писалъ графинѣ Блудовой: „Первая половинка (статьи *Дня* 1862, № 21) бьетъ прямо не только на нашихъ либераловъ, въ родѣ Чичерина, но и повыше—даже подлинныя выраженія

Валуева. ... Правда ли, что у васъ въ Петербургѣ иначе и не говорятъ какъ le grand Чичеринъ? Я нахожу его весьма вреднымъ для общественнаго порядка, потому что отстаивая существующій порядокъ, онъ отстаиваетъ безпорядокъ и является чѣмъ-то въ родѣ адвоката, avocat des causes perdues" [22]).

Современникъ, пользуясь полемикою, возникшею между Катковымъ и Чичеринымъ, въ своемъ *Свисткѣ*, напечаталъ нижеслѣдующую былину, „записанную, близъ Москвы, Тертіемъ Побирухинымъ":

По Москвѣ ль рѣкѣ
Ходятъ валики
И колышатся
Челны легкіе, —
То молва идетъ,
Какъ волна катитъ,
Какъ волна катитъ,
Раздробляючись...

Не крупенъ жемчугъ
То катается,
Не къ заутрени
Громко звонится, —
Нѣтъ, то рѣчь ведутъ
Люди лучшіе,
Люди лучшіе,
Православные.

То Катковъ старшой
Да съ Чечеринымъ,
Со Аксаковымъ,
Да и съ Павловымъ,
Полоняютъ Русь
Своей мудростью
Своей мудростью
Неописанной.

Собрались они
Цѣлымъ сонмищемъ,
Сочиняли они
Длинны хартіи,
И пускали ихъ
По Святой Руси,
По Святой Руси,
Молодехонькой.

И читалъ вездѣ,
Похваляючи,
Православный людъ
Ихъ писанія —
И, какъ звонъ, молва
Далеко пошла,
Далеко пошла
Про тѣ головы...

Но случилось вдругъ
Диво дивное!
Перессорились
Мужи лучшіе:
Михаилъ Катковъ
Да съ Чичеринымъ
Да съ Чичеринымъ
Знаменитымъ.

Осерчалъ Катковъ,
Не стерпѣлъ Борисъ
(Воронъ ворону
Глаза выклевалъ!):
За дворянъ одинъ
Супротивъ другой,
Супротивъ другой
Всею силою!...

И повѣсь теперь
Хоть царь-колоколъ,
Повели звонить
Въ превеликую:
Не свести враговъ,
Не связать друзей,
Не связать друзей
Разлученныихъ!

Охъ ты другъ первой,
Свѣтъ-Никифорычъ!
Помирися ты
Да съ Чичеринымъ,
Заключи союзъ
Съ *Нашимъ Временемъ*,
Съ *Нашимъ Временемъ*
Позабытымъ,—

Заросла бы тогда
Пышнымъ терніемъ
Русь крещеная,
Безъисходная,
И гремѣли бы

Славой вѣчною
Ужъ вы—гой еси!—
Добры молодцы,
Добры молодцы,
Ненаглядные.... [23]).

Не взирая на свидѣтельство Погодина, что Чичеринъ подвергался „ругательствамъ безпрерывнымъ“, находились однако люди справедливые, въ которыхъ Чичеринъ возбуждалъ къ себѣ уваженіе.

Начнемъ хоть съ самого Погодина.

Прочитавъ статьи Чичерина о Дворянствѣ, онъ въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Это дѣятель“. Даже между Петербургскими журналистами нашлись люди, которые писали: „Мы всегда со вниманіемъ останавливаемся на мнѣніяхъ, высказываемыхъ Чичериномъ и тѣми немногими писателями, которые осмѣливаются имѣть свое сужденіе, независимо отъ текущей моды. Можно съ этими мнѣніями спорить, опровергать, но нельзя не уважать ихъ. Искреннее, независимое убѣжденіе есть нѣчто столь почтенное и благородное, столь рѣдко появляющееся, что нельзя не привѣтствовать его во всякой формѣ. Стать лицомъ къ лицу съ страшною силою общественнаго мнѣнія, бросить ему перчатку, подвергнуть себя перекрестному огню смѣха, свиста, негодованія, брани—это такой же подвигъ, какъ стать противъ открытаго огня батарей“ [24]).

Между тѣмъ, полемика, возбужденная о Дворянствѣ, обратила на себя вниманіе Правительства, и въ *Сѣверной Почтѣ* появилось слѣдующее правительственное сообщеніе: „По случаю происходящихъ въ разныхъ губерніяхъ дворянскихъ губернскихъ выборовъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатаны статьи, въ которыхъ обсуживаются вопросы о значеніи Дворянства послѣ изданія *Положенія 19 Февраля*, и о тѣхъ предположеніяхъ, которыя по сему поводу могли бы быть представлены губернскими дворянскими собраніями на усмотрѣніе Правительства. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ развивается мысль, что съ отмѣною крѣпостного права, Русское Дворян-

ство утратило отдѣльное значеніе въ ряду государственныхъ сословій, и само должно заявить объ этой утратѣ. Подобныя статьи не выражаютъ мысли Правительства, не согласны съ точнымъ смысломъ новыхъ узаконеній и не соотвѣтствуютъ правильному развитію проистекающихъ отъ нихъ послѣдствій. Высочайше утвержденными *Положеніями 19 февраля* только отмѣнено, согласно съ желаніемъ самого Дворянства и при его содѣйствіи, крѣпостное право на дворовыхъ людей и на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Русское Дворянство, сохраняя преемственную память о своихъ подвигахъ на полѣ войны и на поприщѣ гражданскихъ заслугъ, не могло и не можетъ признавать крѣпостного права кореннымъ условіемъ своего существованія. Оно приняло, согласно съ указаніями Высочайшей воли Государя Императора, ревностное участіе въ дѣлѣ отмѣны этого права, и нынѣ, конечно, не забудетъ, что оно призвано не къ самоуничтоженію, но къ дальнѣйшему непосредственному участію, при введеніи въ дѣйствіе тѣхъ законоположеній, которыми означенное право навсегда отмѣнено“ [25]).

VII.

По внушенію архіепископа Рижскаго Платона, П. А. Валуевъ, сдѣлавшись министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, представилъ государю собственноручную записку о современномъ положенія нашего Духовенства, удостоенную многими отмѣтками Государя. Эту записку Валуевъ далъ прочесть директору Департамента Полиціи графу Д. Н. Толстому. „Взгляды Валуева на церковь,—писалъ графъ Толстой,—изложенные въ этомъ трудѣ, не могутъ выдержать строгой критики; въ нихъ замѣтно отсутствіе близкаго знакомства не только съ Каноническимъ Правомъ, но и съ Исторіей и главнѣйшими основаніями Русской церкви. Совсѣмъ тѣмъ, отдавая полную справедливость доброму и святому стремленію Валуева, я возвратилъ ему записку безъ всякихъ замѣчаній и съ полнымъ

искреннимъ сочувствіемъ къ цѣли. Эта записка дала поводъ къ учрежденію впослѣдствіи особого Присутствія по дѣламъ Духовенства, въ которомъ Валуевъ предложилъ мнѣ мѣсто управляющаго дѣлами. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что надѣялся на самомъ дѣлѣ исправить нѣкоторые промахи или ошибочныя воззрѣнія на дѣло, вошедшіе въ записку Валуева, которая должна была служить основаніемъ всему дѣлу. Съ этою цѣлію я составилъ планъ историческаго труда, въ которомъ желалъ развить всю Исторію церковной администраціи въ нашемъ Отечествѣ; я показалъ въ немъ, какъ упадало значеніе Духовенства по мѣрѣ усиленія у насъ Европейской цивилизаціи, какъ Правительство (при Аннѣ) довело уничиженіе Духовенства даже до тѣлеснаго наказанія архіереевъ безъ всякаго надъ ними суда, какъ положеніе клира день ото дня становилось хуже, какъ, наконецъ, безвозмездный отъемъ церковныхъ имѣній окончательно лишилъ его всякихъ матеріальныхъ средствъ. Я показалъ также всю затруднительность положенія Духовенства, поставленнаго между нашими образованными классами и народомъ, которыхъ требованія столь діаметрально противоположны, и на удовлетвореніе которыхъ и тѣ и другіе имѣютъ неотъемлемое право. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ оказалось ясно, что та замкнутость клира, дѣлающая изъ него касту, въ которой его обвиняютъ, была неотразимымъ слѣдствіемъ его безпомощнаго положенія. Униженное и нравственно и гражданскм, съ трудомъ находящее себѣ пропитаніе, кѣмъ могло пополняться наше Духовенство, кромѣ собственнаго потомства? Кто согласился бы поставить своего сына на служеніе церкви, когда положеніе священно-церковнослужителя не только не заключало въ себѣ ничего привлекательнаго, но подвергало его всякаго рода лишеніямъ"?

Между тѣмъ, по свидѣтельству В. А. Муханова, объ всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Валуева оберъ-прокуроръ Св. Сvнода графъ А. П. Толстой оставался въ невѣдѣніи. Онъ въ это время былъ въ Москвѣ. По возвращеніи оберъ-проку-

рора въ Петербургъ, Валуевъ, не повидавшись съ нимъ, уѣхалъ самъ въ Москву для свиданія съ митрополитомъ Филаретомъ [26]). Графъ Толстой, узнавъ конфиденціально о дѣлѣ, прямо до него относящемся и начатомъ безъ его вѣдома, 24 ноября 1861 года писалъ Филарету: „Вчера былъ у насъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы, по повелѣнію Государя, сообщить мнѣ о предположеніяхъ своихъ, уже извѣстныхъ вашему высокопреосвященству. Онъ мнѣ сказалъ, что еще въ Ливадіи имъ былъ представленъ Государю проектъ о мѣрахъ къ возвышенію у насъ духовнаго сословія, которыя должны состоять въ надѣленіи сельскаго Духовенства землею, въ предоставленіи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ воспитанникамъ семинарій и академій и въ введеніи епископовъ въ Государственный Совѣтъ. О свиданіи съ вашимъ высокопреосвященствомъ Валуевъ передалъ мнѣ, что вы изволили одобрить первыя два предположенія и возразить противъ того, чтобы епископы присутствовали въ Государственномъ Совѣтѣ и указали на неизвѣстную еще мнѣ статью *Регламента*, по которой, въ случаѣ нужды, члены Сената соединялись съ членами Святѣйшаго Сѵнода въ особомъ собраніи. Это возраженіе Валуевъ желалъ представить въ такомъ видѣ, что имъ отвергнута не основная его мысль— участіе Духовенства въ государственныхъ дѣлахъ,—но только предложено исполнить ее въ другомъ видѣ. Кромѣ меня, Валуевъ долженъ былъ, по волѣ Государя, сообщить свой проектъ только митрополиту Исидору и протопресвитеру Бажанову. Наконецъ онъ мнѣ передалъ, что по Высочайшему повелѣнію, предметъ сей будетъ разсматриваться въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина, и просилъ моего содѣйствія къ исполненію его мыслей. Въ отвѣтъ на это я похвалилъ министра за то, что онъ обладаетъ однимъ изъ первыхъ свойствъ государственнаго мужа, т.-е., умѣетъ сохранять намѣренія свои въ глубокой тайнѣ, но что именно по новости для меня столь многообъемлющаго плана во всей его полнотѣ, мнѣ нужно имѣть

нѣкоторое время произнести какое либо мнѣніе. Мысли мои въ главныхъ чертахъ изложены въ прилагаемой запискѣ, и до сихъ поръ не вижу причинъ, по совѣсти, чтобы отъ нихъ отказаться. Не знаю, найду ли поддержку въ Комитетѣ, а такъ какъ мнѣ одному защищать ихъ будетъ очень трудно, то обращаюсь къ вамъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, съ усерднѣйшею просьбою сообщить мнѣ и ваши мысли по сему важному преобразованію, чтобъ я могъ ими или подкрѣпить или исправить свои. Позвольте, владыко святый, мнѣ здѣсь выразить ту радость и глубокую, сердечную благодарность, съ которою принимаю всякое довѣрительное сообщеніе вашего высокопреосвященства, и то великое душевное утѣшеніе, которое доставляетъ мнѣ единомысліе съ вами“.

Къ этому письму графъ А. П. Толстой приложилъ слѣдующую свою записку:

„Назначеніе первенствующаго члена Святѣйшаго Сѵнода и другихъ епископовъ, наравнѣ съ свѣтскими сановниками, членами Государственнаго Совѣта, было бы, кажется, нововведеніемъ неудачнымъ и подъ благовидною наружностью сильнымъ ударомъ для церкви.

Донынѣ, когда Государственный Совѣтъ по дѣламъ касающимся церкви, нуждался въ ея мнѣніи, то министры и другіе члены Государственнаго Совѣта съѣзжались къ митрополиту Новгородскому, въ Комитетъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, хотя бы въ засѣданіи участвовалъ Великій Князь, какъ было часто по дѣламъ раскола. Такой порядокъ въ производствѣ дѣлъ отдѣлялъ въ достоинствѣ церковь отъ министровъ, т.-е., свѣтскаго управленія. Епископы наши не посвящены въ дѣла, о которыхъ разсуждается въ Государственномъ Совѣтѣ, а потому присутствіе ихъ, безъ участія, безмолвное, однако съ обязанностію подписывать протоколы, можетъ только уронить ихъ въ общемъ мнѣніи и при теперешнемъ направленіи подать поводъ къ кощунству. Епископы будутъ раздѣлять отвѣтственность за дѣла, которыя будутъ

подвергаться критикѣ, отвѣтственность, отъ которой были доселѣ свободны.

При господствующемъ направленіи нельзя надѣяться, чтобы государственное управленіе приняло характеръ церковный, напротивъ, можно опасаться, что Государственный Совѣтъ, пользуясь присутствіемъ епископовъ, будетъ рѣшать дѣла, подлежащія Синоду, и такимъ образомъ, свѣтское управленіе еще болѣе простретъ свою власть на церковь.

Вообще кажется несомнѣннымъ, что всякое коренное преобразованіе теперь не ко времени, и можетъ только усилить общее колебаніе мыслей, весьма естественное, когда столь важныя нововведенія предпринимаются съ такою легкостью".

На письмо это Филаретъ отвѣчалъ:

„Ваше сіятельство, послѣ разговора съ г. министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о нѣкоторыхъ предположеніяхъ, касающихся Духовенства, требуете моего мнѣнія о сихъ предметахъ.

Когда г. министръ сообщилъ вамъ о разговорѣ, который онъ имѣлъ со мною о тѣхъ же самымъ предметахъ, то нахожу нужнымъ коснуться сего разговора, въ предосторожность противъ могущихъ случиться недоразумѣній.

Вы говорите, что предложеніе г. министра, для возвышенія духовнаго сословія, имѣетъ три предмета: 1) надѣленіе сельскаго Духовенства землею; 2) предоставленіе нѣкоторыхъ правъ воспитанникамъ семинарій и академій и 3) введеніе епископовъ въ Государственный Совѣтъ.

Мнѣ кажется, главный предметъ проекта есть послѣдній; а два первые указаны болѣе для примѣра, какіе предметы требуютъ сужденій соединенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

На вопросъ, о введеніи духовныхъ членовъ въ Государственный Совѣтъ, сперва отозвался я, что на столь важный вопросъ, нечаянно предложенный, трудно мнѣ рѣшиться дать импровизированный отвѣтъ; потомъ, что если-бы я, по недовѣрію къ своему мнѣнію, остался въ недоумѣніи, однако бо-

лѣе былъ бы наклоненъ на сторону отрицательную; наконецъ, при дальнѣйшемъ разсужденіи, рѣшительно принялъ я сторона отрицательную.

Причины моего мнѣнія, которыя теперь изложу, можетъ быть, нѣсколько полнѣе, нежели въ нечаянномъ разговорѣ, слѣдующія:

I. Лица духовнаго званія, по своему образованію и служебнымъ занятіямъ, не приготовлены къ сужденію о предметахъ, разсматриваемыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ и подаваніе голоса, иногда наугадъ, было бы тягостію для совѣсти и малонадежно для государственной пользы.

II. Какъ побужденіе ко введенію Духовенства въ Государственный Совѣтъ высказана мысль о возвышеніи Духовенства. По разсужденію, болѣе строгому, Государственный Совѣтъ наполнять должно не для возвышенія какого-либо званія, но для вѣрнѣйшаго достиженія государственной пользы. Но голосъ немногихъ духовпыхъ лицъ, если бы и былъ значителенъ самъ по себѣ, едва ли можетъ имѣть значительное вліяніе на движеніе мнѣній въ Государственномъ Совѣтѣ, составленномъ изъ многочисленныхъ членовъ.

III. Въ случаѣ вступленія духовныхъ членовъ въ Государственный Совѣтъ, естественно ожидать, что онъ свободнѣе будетъ касаться своими сужденіями и рѣшеніями такихъ предметовъ, которые должны подлежать разсмотрѣнію духовнаго управленія; но чрезъ сіе уменьшилось бы значеніе Святѣйшаго Синода и свобода его сужденій; а сіе было бы несообразно и съ справедливостью, и съ достоинствомъ и пользою церкви, и съ высочайшею всемилостивѣйшею волею возвысить Духовенство.

IV. При чрезвычайной обширности епархій, и вслѣдствіе того при обремененіи епархіальныхъ архіереевъ епархіальными дѣлами, отвлеченіе ихъ отъ епархій для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, составляетъ великое затрудненіе и для архіереевъ, и для епархій. Сіе затрудненіе увели-

чилось бы чрезъ отвлеченіе архіереевъ отъ епархій и отъ Синода для присутствованія въ Государственномъ Совѣтѣ.

V. Указываютъ на примѣръ епископовъ Англиканской церкви, которые присутствуютъ въ Верхнемъ Парламентѣ. При внимательномъ разсмотрѣніи сего примѣра, на него указывать должно не для подражанія, а для предостереженія. Парламентъ рѣшаетъ и церковные вопросы, а соборы церковные не допускаются; почему ревнующіе по церкви признаютъ Англиканскую церковь притѣсненною. Кромѣ сего, епископы, погруженные въ политическую сферу, теряли иногда духъ церковный. Такъ, во время преній о допущеніи въ Парламентъ евреевъ, графъ Винченси заклиналъ лордовъ не одобрять билля, внушеннаго только духомъ невѣрія; а Дублинскій архіепископъ, напротивъ того, соглашался допустить въ Парламентъ евреевъ. Здѣсь видно болѣе церковнаго духа въ графѣ, нежели въ епископѣ.

VI. Россійское Духовенство издревле донынѣ, твердо держалось олтаря, съ тѣмъ вмѣстѣ всегда предано престолу и Отечеству. Въ настоящее время, дѣятельность его значительно возбуждена. Разсужденія о лучшемъ устройствѣ духовныхъ училищъ съ начальствомъ раздѣляютъ добровольно и подчиненные. Примѣчая распространяющуюся въ свѣтской Литературѣ заразу невѣрія, матеріализма, безнравственности, духовная Литература обнаруживаетъ новыя благонамѣренныя усилія противостоять злу. Ревность Духовенства о распространеніи первоначальнаго образованія въ народѣ возрастаетъ и расширяется. Не полезнѣе ли держать и поддерживать Духовенство въ сей свойственной ему сферѣ, нежели вводить его въ менѣе свойственную ему и обширнѣйшую сферу, тогда какъ въ сей господствуетъ тревожное движеніе разнообразныхъ идей, взаимно борющихся и обуревающихъ общество?

VII. Говорятъ, что есть предметы, требующіе совокупнаго разсмотрѣнія духовныхъ и государственныхъ людей. Пусть будетъ сіе признано для нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ. Но частные случаи не даютъ основанія тому, чтобы

переустраивать государственныя учрежденія. Вмѣсто того довольно вспомнить старое забытое постановленіе. Когда учрежденъ былъ Святѣйшій Синодъ, а Сенатъ былъ тѣмъ, что нынѣ Государственный Совѣтъ, Святѣйшій Синодъ въ своемъ 5-мъ докладномъ пунктѣ обратилъ вниманіе императора Петра I на то, что въ сенатскихъ приговорахъ бываютъ „генерально о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и синодская команда заключается“ и предложилъ: „съ общаго согласія такія опредѣленія заключать, чтобъ было къ лучшему общей пользы усмотрѣнію“. Императоръ написалъ: „Быть тако“. На семъ законномъ основаніи, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, могутъ быть конференціи Святѣйшаго Синода и Государственнаго Совѣта, безъ нарушенія отдѣльной взаимно независимой цѣлости каждаго изъ сихъ учрежденій.

Таковы были, таковы и теперь мои мысли по вопросу о назначеніи членовъ Государственнаго Совѣта изъ Духовенства“.

Въ свою очередь, Валуевъ, 2 декабря 1861 г., писалъ митрополиту Филарету: „Имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства, что извѣстныя вамъ предположенія были сообщены, по возвращеніи моемъ изъ Москвы, высокопреосвященному Исидору, митрополиту С.-Петербургскому, протопресвитеру Бажанову и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Толстому. Отзывы двухъ первыхъ не заключали въ себѣ существенныхъ возраженій; послѣдній остановился преимущественно на томъ самомъ сомнѣніи, которое встрѣчено вами по вопросу о приглашеніи нѣсколькихъ іерарховъ къ настоящему присутствованію въ Государственномъ Совѣтѣ. Этотъ вопросъ, повидимому, будетъ разрѣшенъ согласно съ даннымъ вами наставленіемъ, т.-е., вмѣсто постояннаго присутствованія вѣроятно будутъ приглашены нѣкоторые члены Святѣшаго Синода къ участію въ разсмотрѣніи отдѣльнаго или отдѣльныхъ вопросовъ, напримѣръ, объ устройствѣ сельскихъ училищъ. Кажется, что это будетъ то самое, что вашему высокопреосвященству угодно было назвать *делегаціями*.

Между тѣмъ, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ-за границы

великаго князя Константина Николаевича, будетъ учрежденъ Комитетъ, о которомъ я имѣлъ честь вамъ докладывать. Членовъ предполагается въ немъ, со включеніемъ графа Толстого и князя Урусова, до десяти изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Государь Императоръ желаетъ, чтобы одинъ изъ духовныхъ членовъ былъ назначенъ по *личному указанію вашему*. Посему имѣю честь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не отказать въ сообщеніи мнѣ, для доклада Его Величеству, кого именно изъ нашихъ іерарховъ вамъ угодно будетъ для сего наименовать".

„Изъ письма вашего высокопревосходительства, отъ 2 дня сего декабря, полученнаго мною 4 дня",—отвѣчалъ Филаретъ Валуеву,—„усмотрѣлъ я, какъ трудно сдѣлать удовлетворительными одни словесныя сношенія по предметамъ значительной важности и немалой сложности.

Изволите упоминать о приглашеніи нѣкоторыхъ членовъ Святѣйшаго Синода въ Государственный Совѣтъ, и присовокупляете, что это кажется то, что будто бы я назвалъ *делегаціями*.

Слово *делегація* не было мною употреблено, потому что могло бы подать не ту мысль, которая мною была предложена.

Изволите согласиться, что дѣйствительный членъ Государственнаго Совѣта можетъ имѣть болѣе значенія и силы, нежели лицо *делегированное*, то есть временно *отряженное* въ Государственный Совѣтъ. Изволите вспомнить мое мнѣніе, что три или четыре дѣйствительные члена изъ Духовенства, ради многочисленности прочихъ членовъ Государственнаго Совѣта, не имѣли бы значительнаго вліянія и не принесли бы значительной пользы. Слѣдовательно я не могъ думать, что болѣе вліянія имѣли бы два или три делегированные временно изъ Духовенства, и потому не могъ предложить *делегаціи*.

Мною употреблено было слово: *конференція*, подъ которымъ я понималъ совокупное разсужденіе о нѣкоторомъ опредѣленномъ предметѣ Святѣйшаго Синода и Государственнаго

Совѣта, на равныхъ правахъ съ сохраненіемъ цѣлости и взаимной независимости того и другого сословія.

Сей случай побуждаетъ меня искать средство, чтобы мысли мои были у васъ, милостивый государь, въ виду съ совершенною точностью, и другого средства для сего не нахожу, какъ препроводить къ вамъ при семъ письменное изложеніе бывшаго словеснаго сношенія.

Что касается до требованія, чтобы я наименовалъ одного кандидата изъ Духовенства въ члены предполагаемаго Комитета: мнѣ трудно исполнить сіе потому, что я уже двадцать лѣтъ нахожусь непрерывно въ предѣлахъ Московской епархіи, и потому наблюденія мои надъ прочимъ Духовенствомъ очень ограниченны. Только повинуясь высочайшей волѣ, не смѣю не сказать моего мнѣнія.

Приглашеніе въ Комитетъ первенствующаго члена едва ли удобно потому, что въ случаѣ изъявленія имъ своего мнѣнія въ Комитетѣ и перехода дѣла въ Синодъ, здѣсь уже нельзя было бы исполнить закона о подаваніи голосовъ младшимъ прежде первенствующаго.

Изъ прочихъ преосвященныхъ, находящихся въ Петербургѣ, довольно извѣстенъ мнѣ преосвященный Тверскій Филоѳей, служившій со мною въ званіи викарія и участвовавшій со мною въ дѣлахъ съ благоразуміемъ, вѣрностью и способностью излагать свое сужденіе основательно и правильно.

Поелику за мои мнѣнія въ послѣднемъ письмѣ долженъ я отвѣчать передъ Богомъ и государемъ, и потому обязанъ употребить всевозможную предосторожность противъ могущаго случиться недоразумѣнія, то нахожусь въ необходимости покорнѣйше просить, чтобы настоящее письмо мое представлено было на Высочайшее усмотрѣніе“ [27])...

Изъ письма Филарета къ А. П. Ахматову, мы узнаемъ, что митрополитъ Кіевскій Арсеній склонялся къ мнѣнію Валуева. „Вѣрнымъ путемъ дошли до меня,—писалъ митрополитъ—нѣкоторыя изреченія высокопреосвященнѣйшаго митрополита Кіевскаго (Арсенія) и намѣстника Кіевской Лавры

(Іоанна). Послѣдній изъявляетъ сожалѣніе, что постановлено препятствіе введенія членовъ Духовенства въ Государственный Совѣтъ, и что Духовенство оставлено идти позади... Онъ полагаетъ, что духовному начальству неудобно оставаться, какъ было; что надобно соотвѣтствовать современности, и что введеніе Духовенства въ Государственный Совѣтъ послужило бы къ возвышенію и къ силѣ Духовенства. Владыка Кіевскій изъявилъ такія же мысли и, между прочимъ, надежду Духовенства возлагаетъ на преосвященныхъ Макарія и Кирилла".

Филаретъ же писалъ Антонію: „Не время теперь искать для церковной власти новаго пріобрѣтенія; да поможетъ Богъ сохранить то, что еще не похищено, и не разрушено".

Служившій въ то время въ Св. Синодѣ Т. И. Филипповъ, между прочимъ, писалъ Погодину: „Что же мнѣ черкнуть объ общихъ дѣлахъ? Дѣло не хвали: вѣрно, нѣтъ людей, воля ваша. Вамъ это гораздо должно быть яснѣе, чѣмъ людямъ моего вѣка, потому что о прежнихъ людяхъ мы судимъ заочно, а у васъ они были въ очію. Неугодно ли сравнить? Гр. Уваровъ—Головнинъ; Гр. Сперанскій—Бар. Корфъ; Гр. Мордвиновъ—Брокъ и т. д. Какъ же итти дѣламъ безъ людей? А что нѣтъ людей, съ кого взыскать?—Общее горе: всѣ виноваты и всѣ отвѣчаемъ.... А плохо, очень плохо: настроеніе людей, серьезныхъ и любящихъ Россію, весьма печально. Про Синодъ ничего не пишу, потому что про гр. Толстого, какъ человѣка уже ушедшаго, не хочу говорить ничего нелестнаго, а о новомъ ничего не знаю; сегодня будетъ у насъ первое надлежащее свиданіе. Другіе же про него говорятъ, что онъ очень остороженъ, и что понять его не очень легко.

Вы говорите, что я лѣнивъ; нѣтъ! не то, что лѣнивъ, но признаюсь, что эта мертвенность Вѣдомства дѣйствуетъ какъ-то на общее расположеніе и квиситъ. Авось либо духъ жизни—тѣми, или другими судьбами Божіими—повѣетъ и на духовныя власти. Сыне человѣчь! Прорцы на пастыри Израилевы! Оле пастыри Израилевы! Еда самѣхъ себе пасутъ

пастыри, не овецъ ли пасутъ пастыри? Се тучная закалаете, и волною одѣваетеся, овецъ же моихъ не пасете“ [28]).

VIII.

Въ концѣ 1862 года, митрополитъ Новгородскій Исидоръ писалъ Филарету: „Комитетъ о Духовенствѣ откроется послѣ новаго года. Объявленіе объ немъ послѣдовало по неоднократнымъ напоминаніямъ Его Величества. Затрудняло опасеніе, что возбуждаемыя надежды могутъ не исполниться, по скудости государственныхъ финансовъ. Но съ другой стороны, слышенъ былъ ропотъ Духовенства, будто духовное начальство не хочетъ позаботиться объ улучшеніи его состоянія. Свѣтскіе усиливали этотъ ропотъ, слагая всю вину на архіереевъ. Посему нужно было избрать какой-либо путь, и, по крайней мѣрѣ, сдѣлать извѣстнымъ, что къ дѣлу приступлено, и если послѣдствія не оправдаютъ дѣла, не духовное начальство тому виною. Впрочемъ, министръ Финансовъ отозвался Валуеву, что для Западнаго края деньги будутъ отпущены.

Святѣйшій Сѵнодъ введенъ въ составъ Комитета, въ надеждѣ, что большинство голосовъ всегда останется на его сторонѣ, и что менѣе можно ожидать ошибокъ, нежели при разсужденіи двухъ или трехъ членовъ. Вопросы предварительно будутъ обсуживаться въ домашнихъ собраніяхъ, безъ свѣтскихъ членовъ. Расширять программу, надѣюсь, не допустимъ. У свѣтскихъ дѣйствительно есть какая-то задняя мысль, потому что въ газетахъ выраженіе „гражданскія права Духовенства“ замѣняются словами „юридическія права Духовенства“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свѣтскіе получаютъ внушенія отъ нашего бѣлаго Духовенства, обременяющагося подчиненіемъ іерархической власти. Впрочемъ, о ходѣ сего дѣла я почту долгомъ увѣдомлять васъ подробно“.

На письмо это Филаретъ отвѣчалъ: „Отъ скудости силъ затворяясь въ келліи, съ тѣмъ вмѣстѣ нахожу время писать къ вамъ.

Когда я прочиталъ въ *Вѣдомостяхъ* о новомъ Комитетѣ; мнѣ сомнительнымъ показалось, что въ него погруженъ весь Святѣйшій Сѵнодъ. Если бы вступили въ него нѣсколько духовныхъ лицъ синодальныхъ и не синодальныхъ, и если бы они сдѣлали уступки чужимъ мнѣніямъ, не вполнѣ благопріятнымъ церкви: былъ бы еще въ резервѣ Святѣйшій Сѵнодъ, для защиты церковныхъ пользъ. Теперь вы будете сражаться, не имѣя за собою резерва. Господь да даруетъ вамъ крѣпость побѣдоносную.

Полезно ли, что опубликовалъ Комитетъ? Это возбудитъ ожиданія, которымъ едва ли можно надѣяться полнаго удовлетворенія, и уже возбуждаетъ разсужденія, выходящія изъ предѣловъ, которыя могутъ искушать самый Комитетъ къ выступленію за предѣлы, ему поставленные. Церковь Россійская съ заботою ожидаетъ отъ васъ предусмотрительности и твердости, чтобы постороннее вліяніе не простерлось на дѣла, существенно ей принадлежащія“ [29]).

„Вы спрашиваете“,—писалъ митрополитъ Кіевскій Арсеній къ епископу Костромскому Платону, — „о предметѣ нашихъ будущихъ разсужденій, о которомъ бы вы могли сообщить свое мнѣніе. Предметъ не одинъ, а четыре, и всѣ они опубликованы теперь во всеобщее извѣстіе въ журналахъ и газетахъ. Впрочемъ, чтобы вамъ долго не рыться въ кипѣ этихъ грязныхъ произведеній нашего времени, я прилагаю при семъ краткую выписку предметовъ, подлежащихъ обсужденію Комитета. И такъ, глядите, судите, рядите; но вмѣстѣ знайте, что намъ напередъ сказано, чтобы мы отъ Министерства Финансовъ не надѣялись получить ни одной копѣйки. Слѣдовательно, мы обязаны матеріальныя средства на улучшеніе быта Духовенства измыслить изъ своего, какъ говорили древніе Греки, чрева; работа, какъ вы изволите видѣть, самая мудреная! Знайте также, что о поразительной бѣдности архіереевъ здѣсь не должно быть и помину; всѣхъ ихъ, клевета словесная, письменная и печатная, нашими же духовными лицами и въ ряскѣ, и во фракѣ составленная и

пущенная въ ходъ, успѣла представить публикѣ богачами великими, на свои только прихоти огромныя суммы растрачивающими. Читали ли вы новое пасквильное сочиненіе о состояніи духовныхъ училищъ въ Россіи, за границею, въ Лейпцигѣ отпечатанное, и въ Россію, въ видѣ прекраснаго намъ подарка, пущенное? И кто бы, вы думаете, написалъ его? Бывшій профессоръ С.-Петербургской Академіи Ростиславовъ, теперь живущій въ Рязанѣ въ отставкѣ, съ большою изъ нашихъ же капиталовъ пенсіею, не смотря на то, что онъ и не выслужилъ законныхъ на то лѣтъ. Если не читали еще этого гадкаго пасквиля, то гдѣ-нибудь достаньте и прочитайте, и вы увидите, что послѣ этого о прибавкѣ жалованья архіереямъ намъ и думать нельзя. Да и прибавки жалованья приходскому Духовенству откуда взять? Намъ говорятъ: изъ монастырей и церквей; но монастыри и церкви безъ того уже до чиста почти ограблены. Вотъ положеніе, въ которомъ мы теперь находимся. Впрочемъ, засѣданія Комитета еще не начались. Посмотримъ, что намъ въ общемъ Присутствіи оффиціальные органы скажутъ. Тогда и мы сами что-нибудь скажемъ. Помолитесь ко Господу, чтобы далъ намъ умъ и разумъ, и твердость воли, и взаимное согласіе отразить, по крайней мѣрѣ, нападенія на насъ и поставить себя, хотя сколько-нибудь, на лучшую ногу. Не должно обманываться; мы живемъ въ вѣкъ жестокаго гоненія на св. Вѣру и церковь, подъ видомъ коварнаго объ нихъ попеченія. Къ несчастію, враги наши нашли себѣ помощниковъ среди насъ же самихъ или въ исшедшихъ отъ насъ, въ людяхъ сожженныхъ своею совѣстію, которые въ одинъ голосъ клевещутъ на насъ, и чрезъ то самую гадкую клевету дѣлаютъ вѣроятною.

Вашего ректора Семинаріи совѣтую вамъ потерпѣть: ибо дурнымъ объ немъ отзывомъ вы порадуете только нашихъ враговъ. Объ томъ они главнымъ образомъ и хлопочутъ, чтобы ректоровъ семинарій и смотрителей училищъ изъ монашествующихъ, какъ людей глупыхъ и неспособныхъ, отъ сихъ должностей оттѣснить и чрезъ то открыть свободный ходъ на

сіи должности и на епископскія каѳедры бѣлому Духовенству и даже свѣтскимъ наставникамъ. Затѣя, какъ вы можете понять, немалая! И вы противъ воли своей очутились бы въ числѣ сотрудниковъ для ея осуществленія. Согласитесь, что это было бы не совсѣмъ красиво. И такъ, оставьте лучше это дѣло до другого времени, болѣе благопріятнаго, или по крайней мѣрѣ не столь опаснаго. При вашемъ мудромъ руководствѣ, надѣюсь, все уладится“ [30]).

Какъ бы подтвержденіемъ, замѣченнаго митрополитомъ Арсеніемъ стремленія замѣнить черное Духовенство бѣлымъ, могутъ служить слѣдующія строки изъ письма протоіерея І. В. Рождественскаго къ Штутгартскому протоіерею Базарову: „Черное духовенство осудили, выбросили; кѣмъ же замѣнить его? По-вашему, бѣлымъ. И мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы этого, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайнему моему разумѣнію, признаюсь вамъ, что въ большинствѣ случаевъ такая замѣна, въ настоящую пору, была бы едва ли лучше, а иногда, вѣроятно, еще хуже. Не удивляйтесь, и въ насъ течетъ та же испорченная кровь отцовъ и дѣдовъ. Если служба не пріучаетъ насъ къ деспотизму, а семейная жизнь — къ безчувственности, — это не значитъ еще, что мы неспособны быть деспотами и жестокосердыми. И вы, и я хорошо знаемъ одного представителя нашего сословія, который, будучи не архіереемъ и отцомъ большой семьи, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ, съ самою строгою систематическою послѣдовательностью отстаивалъ всѣ деспотическія мѣры, даже вопреки инымъ архіереямъ, и съ дѣтьми своими всегда обращался такъ дурно, какъ немногіе монахи-инспекторы семинарій. Отчего это? Конечно, не отъ одного личнаго характера, потому что это явленіе не одинаковое у насъ. Знаете ли вы, хотя по слухамъ, нашихъ архіереевъ изъ вдовыхъ священниковъ? Исключите изъ нихъ одного Иннокентія Камчатскаго, и затѣмъ—всѣхъ Наѳанаиловъ, Александровъ, Христофоровъ и пр., сравнивайте съ какимъ угодно Варлаамомъ, Іустиномъ и др.—не порадуетесь за бѣлое Духовенство. Мнѣ

довольно близко извѣстны всѣ лучшіе протоіереи и священники Петербурга; но если бы кто предложилъ выбрать изъ нихъ по совѣсти не только архіерея, а хоть бы ректора Семинаріи,—право, я задумался бы серьезно. Многіе хорошіе люди хороши именно только для своихъ мѣстъ: исправно совершаютъ десятки лѣтъ стереотипные уроки о потопѣ, о возвращеніи изъ илѣна, о богатомъ и Лазарѣ, о разныхъ членахъ, прошеніяхъ, заповѣдяхъ, говорятъ изрѣдка длинныя проповѣди, толкуютъ съ грѣхомъ пополамъ въ свѣтскомъ обществѣ о назидательныхъ предметахъ, вѣжливо принимаютъ и провожаютъ приходящихъ къ нимъ, радушно здороваются и прощаются съ своими Лизами, Петями, Вѣрочками, — и только. За то на обратной сторонѣ медали у нихъ: отсталость отъ книжнаго дѣла, погруженіе во всякія житейскія мелочи и дрязги, привычка за каждый шагъ ожидать подачи, склонность чтить каждое благородіе титуломъ болярина, расположеніе кланяться всякому толстому карману, непобѣдимая зависть, а иногда и ненависть ко всякому товарищу, у котораго есть лишніе два-три знакомые погреба, или двѣ-три духовныя дочери и пр. и пр. Ну куда мы годимся съ такими качествами? Вы скажете, ужели же сидѣть сложа руки по уши въ болотѣ и любоваться, какъ коршуны летаютъ вокругъ и хотятъ выклевать намъ глаза?—Зачѣмъ сидѣть. Но и выскочить изъ болота вдругъ нельзя. Надобно терпѣливо барахтаться на берегъ, пусть не воображаетъ, что болотный илъ скоро отстанетъ отъ него, можетъ быть, вонючій запахъ его у этого счастливца останется на весь его вѣкъ, а завидная доля чистоты достанется только его потомкамъ, болѣе или менѣе близкимъ. Это уродливое подобіе опять возвращаетъ мою мысль къ воспитанію. Положимъ, что вамъ удалось бы замѣнить ненавистнаго педагога Обводнаго канала *) кѣмъ-нибудь болѣе достойнымъ, — скажу для шутки — хотя моею гуманною и довольно опытною особою. Думаете ли вы, что я

---

*) Т.-е., С.-Петербургской Семинаріи. *Н. Б.*

въ состояніи былъ бы вести всю массу семинаристовъ съ тою же деликатностью, съ какою умѣлъ бы вести вашего сына и немногихъ другихъ? Увѣряю васъ, это рѣшительно невозможно. Гуманность у насъ теперь—любимый конекъ и единственно вѣрная примѣта передовыхъ людей. Шагу не сдѣлаешь, чтобы не наткнуться на нее; печатнаго листа не прочитаешь, чтобы не встрѣтить ее десять разъ. Въ воскресныхъ школахъ всѣхъ уличныхъ ребятишекъ принято величать вы; о розгахъ и пикнуть никто не смѣетъ. Самъ великій Пироговъ, родоначальникъ нашихъ педагогическихъ реформъ, едва не подвергся проклятію на всѣхъ журнальныхъ сборищахъ, когда въ одномъ циркулярѣ своемъ обмолвился, упомянувши, что розги, хоть скверная вещь, но въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть употребляемы. Такъ вотъ какое вводится у насъ галантерейное обращеніе. А результатъ? Результатъ, покамѣстъ, только тотъ, что ученики учатся мало, а насмѣхаются надъ своими учителями много, нѣкоторыхъ изъ нихъ отрѣшаютъ собственнымъ приговоромъ, другихъ — просто выталкиваютъ изъ классовъ, и—творятъ, что̀ хотятъ. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? спросите вы. По мнѣнію моему, одно изъ двухъ: или нынѣшнее поколѣніе дѣтей не годится еще для гуманнаго обращенія, какъ пропитанное горькимъ наслѣдіемъ отъ своихъ предковъ, или — гуманность не должна исключать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, строгія, даже суровыя мѣры Путь любви и терпѣливаго убѣжденія, разумѣется, самый лучшій—при исправленіи не только дѣтей, но и взрослыхъ; однако же не безъ основанія Англія и Франція, идеалы современной цивилизаціи, доселѣ продолжаютъ сокрушать выи грѣшниковъ петлею и топоромъ. Больно смотрѣть, какъ наша распущенность послѣ деспотизма быстро ведетъ къ деспотизму еще худшему, — къ безумному преобладанію своеволія и къ дерзкому поруганію надъ всякимъ серьезнымъ убѣжденіемъ. Не думайте, пожалуйста, что я защитникъ обскурантизма, оплеухъ, словаря толкучаго рынка, или пошлыхъ личностей, въ какихъ бы онѣ ни были костюмахъ. Нѣтъ, я на сторонѣ

всего свѣтлаго и живаго, всякаго прогресса, — но прогресса воздержнаго, устойчиваго и терпѣливаго. Я хотѣлъ только высказать вамъ, что вдругъ намъ переродиться нельзя, безъ особеннаго чуда, что долго еще придется намъ сносить разныя уродливости въ нашемъ быту, что двигаться впередъ надобно обдуманно, не торопясь, безъ вражды между сословіями, безъ непріязни къ убѣжденіямъ, чтобы царство раздѣлившееся на ся, совсѣмъ не опустѣло".

„При всемъ моемъ уваженіи," —писалъ князь С. Н. Урусовъ къ протоіерею же Базарову, — „къ бѣлому духовенству, смѣю спросить: развѣ оно много сдѣлало для духовныхъ училищъ, состоящихъ большею частію подъ его управленіемъ? Развѣ примѣры жестокости, корыстолюбія, небрежности не встрѣчаются въ ректорахъ уѣздныхъ училищъ? Безъ людей ничего не сдѣлаешь. Надо ихъ готовить, но и для приготовленія нужны люди, и не малое число. Со стороны дѣятелей нужно самоотверженіе; со стороны тѣхъ, которые ихъ судятъ, — нужно терпѣніе и сознаніе трудностей. Можно мигомъ разобрать зданіе, когда матеріалы для новаго сооруженія подъ рукою; въ Россіи еще надо дѣлать кирпичи, и, пока они не сдѣланы, нельзя не поступать осмотрительно. Кончаю это длинное, несвязное писаніе (въ 3 часа ночи), обративъ просвѣщенное ваше вниманіе на утѣшительную дѣятельность Кіевскаго Духовенства. Возьмите ихъ журналы, какъ то: *Труды Академіи*, *Руководство для сельскихъ пастырей*, *Воскресное Чтеніе*, *Епархіальныя Вѣдомости* [31])".

IX.

Въ началѣ 1862 года, Кіевскій митрополитъ Арсеній, въ своей митрополіи, сдѣлалъ первый опытъ выборнаго начала въ средѣ Кіевскаго Духовенства, это — избраніе самимъ духовенствомъ благочинныхъ, которые прежде вездѣ назначались архіерейскимъ избраніемъ [32]).

„Сегодня я вычиталъ въ журналѣ", — писалъ В. В. Скрипи-

цынъ,—„что митрополитъ Кіевскій началъ вводить въ своей епархіи избирательное начало. Всяческое спасибо за то Владыкѣ. Если онъ меня помнитъ, засвидѣтельствуйте ему мое почтеніе. Дѣйствительно, это единственное средство возстановить связь въ Духовенствѣ и слить церковь съ народомъ. Необходимо, чтобы прихожане были въ церкви, не въ гостяхъ, а дома у себя, какъ въ домѣ матери своей; чтобы во всѣ должности епархіальнаго и даже монастырскаго управленія лица не назначались, а избирались братіями своими и, съ утвержденія епископства, вступали въ должности, для огражденія самихъ епископовъ отъ нареканія въ дурномъ, пристрастномъ выборѣ. Необходимо, чтобы епископы обращались съ Духовенствомъ какъ отцы съ дѣтьми, а не какъ всемогущіе начальники съ раболѣпными чиновниками; чтобы они чаще съ ними бесѣдовали, на что у нихъ достанетъ времени, когда члены консисторій будутъ избирательные, слѣдовательно, пользующіеся довѣренностью и уваженіемъ собратій, а не чиновники въ рясахъ, которые теперь нерѣдко воруютъ вмѣстѣ съ секретаремъ и обращаются со священниками, какъ съ рабами. Словомъ, надо чтобы духовный строй былъ семья, а не команда, какъ теперь, дабы все Духовенство перестало смѣшивать подлое раболѣпство со смиреніемъ и чтобы высшее Духовенство относилось къ низшему съ должнымъ уваженіемъ къ лицу и сану, и Духовенство уважало бы свою личность и свой санъ. Это надо начать съ семинарій. Говоря о митрополитѣ Кіевскомъ, надо сообщить вамъ одно обстоятельство, по которому я долженъ особенно уважать этого Владыку. Послѣ служенія моего въ Синодѣ и возсоединенія уніатовъ, всѣ епископы болѣе или менѣе были мнѣ знакомы. Бывъ директоромъ *), я продолжалъ четырнадцать лѣтъ еще косвенно служить нашей Церкви и акуратно два раза въ годъ писалъ почти ко всѣмъ епархіальнымъ епископамъ и всегда акуратно получалъ самые лестные отвѣты. Но когда я оставилъ департаментъ и ко всѣмъ имъ написалъ прощальныя, полныя

*) Иностранныхъ Исповѣданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. *Н. Б.*

чувства письма, прося ихъ благословенія; они вообразили себѣ, что я въ опалѣ, и потому ни одинъ не рѣшился мнѣ и отвѣчать, кромѣ бывшаго тогда архіепископа Варшавскаго, нынѣ митрополита Арсенія, который почтилъ меня самымъ лестнымъ отвѣтомъ“ [33]).

Въ своей запискѣ *О несвѣтлой сторонѣ духовной Литературы*, митрополитъ Филаретъ писалъ:

„Въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* сочиняютъ законы *о выборѣ благочинныхъ* и спорятъ о сихъ законахъ, какъ будто на парламентерской трибунѣ. *Подольскія Епархіальныя Вѣдомости* насмѣхаются надъ общественнымъ *выборомъ благочинныхъ* въ Кіевской епархіи; *Кіевскія* насмѣхаются надъ тѣмъ, что въ Подольской епархіи выбранные начальствомъ три года служатъ въ должности благочинныхъ, и не называются дѣйствительными благочинными“ [34]).

Самъ викарій Кіевской митрополіи, преосвященный Порфирій, писалъ: „Я, въ душѣ своей, не одобряю сего нововведенія, говоря про себя: митрополитъ мой самъ себя лишилъ ушей и очей, посредствомъ которыхъ могъ бы слышать сущую правду о вольныхъ прегрѣшеніяхъ и проступкахъ Духовенства, прикрываемыхъ выборными благочинными, то по родству, то по страху быть обжалованнымъ общимъ голосованіемъ и лишиться благочинства; и могъ бы видѣть и знать добродѣтели и заслуги дѣйствительныя, а не выдуманныя ради наградъ набедренниками, скуфьями, камилавками, наперстными крестами и орденками. Въ конституціонныхъ и другихъ государствахъ верховные правители ихъ сами себѣ избираютъ министровъ, какихъ знаютъ и какимъ довѣряютъ. А въ Исторіи Православной Церкви нѣтъ и помину о томъ, чтобы клирики изъ среды своей когда либо избирали сами себѣ благочинныхъ, судей, каноническихъ сановниковъ для архіереевъ“ [35]).

Валуевъ стремился *возвысить Духовенство*, а Филаретъ писалъ графу А. П. Толстому: „Высказанной мнѣ мысли о *возвышеніи Духовенства* да будетъ позволено и мнѣ коснуться. Возвышенное и смиренное положеніе Духовенства существенно

зависитъ отъ олтаря Божія, близъ котораго оно поставлено Богомъ. Именемъ Божіимъ оно благословляетъ, ученіемъ наставляетъ, таинствами освящаетъ вельможу, равно какъ и поселянина. За симъ въ общественномъ мнѣніи и бытѣ возвышаетъ Духовенство его благочестіе и добродѣтели и благочестивое расположеніе общества, въ которомъ оно служитъ. Посему, можетъ быть, не столько нужно то, чтобы епископъ засѣдалъ въ правительственномъ собраніи вельможъ, сколько то, чтобы вельможи и благородные мужи чаще и усерднѣе, вмѣстѣ съ епископомъ, окружали олтарь Господень, украшая тѣмъ церковь и ея праздники, утѣшая своимъ общеніемъ и поощряя епископа, и подавали назидательный примѣръ народу, который довольно прилежно окружаетъ епископа въ праздники церковные" [36]).

И у насъ, по милости Божіей, еще не перевелись „вельможи и благородные мужи, которые часто и усердно съ епископомъ окружаютъ Престолъ Господень".

В. А. Мухановъ, подъ 22 февраля 1862 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Иду въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ поютъ превосходно. Въ полусумракѣ храма, вопль души глубоко покаянной Св. Андрея, при умилительномъ пѣніи, дѣйствовалъ благотворно и располагалъ къ сознанію грѣха, къ болѣе живому чувству своего недостоинства" [37]).

„Въ Россіи",—писалъ князь Ѳ. Н. Урусовъ,—„нѣкоторые умѣютъ еще молиться. Въ теченіе этого мѣсяца, мнѣ случилось быть нѣсколько разъ въ храмѣ съ одной особой, которая умѣетъ молиться за Русскій народъ. При молитвѣ вѣрующихъ мы не пропадемъ" [38]).

X.

14 марта 1862 года, А. О. Россети писалъ своей сестрѣ, А. О. Смирновой: „Въ духовныхъ журналахъ вижу изъ-за всего, что вижу, слышу и читаю, хотя маленькія, свѣтлыя точки, покуда—они; но я увѣренъ, что когда Духовенство,

въ свою очередь, будетъ избавлено отъ крѣпостного состоянія, въ которомъ пребываетъ уже сто пятьдесятъ лѣтъ, наше священство явитъ всѣ свойства истинныхъ служителей христіанской церкви; въ немъ не будетъ ни рѣзкой горячности котолическихъ, ни гордой холодности протестантства" [39]).

Въ то время наше заграничное Духовенство было заинтересовано, пробудившеюся въ Россіи дѣятельностью Богословской Литературы, и оно задумывало основать свой собственный журналъ за границею а пока обрадовалось появленію въ Петербургѣ *Духа Христіанина.*

Этотъ журналъ былъ основанъ по мысли протоіерея В. П. Полисадова. Редакторами его были: Петропавловскаго собора священникъ Дмитрій Флоринскій, Спасобочаринской церкви, что на Выборгской Сторонѣ, священникъ Іоаннъ Заркевичъ, Смоленской Кладбищенской церкви священникъ Іоаннъ Флеровъ, Христо-Рождественской церкви, что на Пескахъ, священникъ Александръ Гумилевскій. Сохранилось весьма интересное письмо по поводу этого журнала о. протопресвитера (тогда Висбаденскаго протоіерея) Іоанна Леонтьевича Янышева къ Штутгартскому протоіерею Базарову. „Слова и намѣренія ваши",— писалъ о. протопресвитеръ—„на счетъ *Духа Христіанина*, идея журнала Василія Петровича (Полисадова) съ его программою, возбужденіе меня къ сотрудничеству, — все это такъ электрически дѣйствуетъ на меня и всякій разъ, при подобныхъ возбужденіяхъ, заставляетъ жалѣть, что Висбаденъ — такое суетливое для меня мѣсто служенія и подвижное, недающее возможности на два дня сосредоточиться въ какихъ-нибудь, того требующихъ, занятіяхъ. Коренныя истины христіанства, въ свѣтѣ ума, науки, исторіи и современной практической жизни,—поле привлекательное, но требующее отличнаго знакомства съ Исторіею Философіи и государственною наукою, зрѣлости и устойчивости собственнаго взгляда и, конечно, проникновенія духомъ этихъ истинъ до раздѣленія души же и духа; иначе это будетъ полемъ логомахіи, бездѣйственнаго вліянія на современное и ни на ка-

кое другое поколѣніе; это служеніе Богу въ духѣ и истинѣ, требующее своего „освященнаго алтаря“, своихъ и большихъ жертвъ и своихъ жрецовъ. Въ качествѣ послѣдняго изъ левитовъ, я отъ души готовъ и обѣщаніемъ, и дѣломъ отвѣчать на вашъ вызовъ; но такъ какъ я вѣрю безусловно и вашей твердости въ принятыхъ намѣреніяхъ, и вашему болѣе опытному, особенно при настоящихъ вашихъ отношеніяхъ къ ученому люду и у себя въ Стутгартѣ, и въ Россіи, — пониманію и нашихъ потребностей, то и прошу идти дѣйствительно впереди насъ, вами приглашаемыхъ, дѣломъ и словомъ, и не оставлять, по крайней мѣрѣ меня, вашимъ совѣтомъ и поощреніемъ, особенно потому, что ежедневныя заботы иногда невольно заставляютъ бросить все, мало-мальски отлагаемое. Съ своей стороны, одно могу на первый разъ выставить особенно на видъ будущимъ дѣятелямъ въ пользу церкви, — это то, что современное поколѣніе проникается болѣе и болѣе Философіею и, слѣдовательно, требуетъ и отъ насъ философскаго образованія, которое бы чувствовалось въ самой простой, повидимому, и безупречной христіанской статьѣ. Много ли найдется такихъ дѣятелей нашего поколѣнія? Вотъ почему я никогда не вѣрилъ во вліяніе *Странника* на образованное и прогрессивное общество, — признаюсь — боюсь, сомнѣваюсь въ успѣхѣ *Духа Христіанина*, если ему не подмогутъ статьи, въ родѣ статьи о. Репловскаго, и сотрудники, въ родѣ Н. Л. Зайцева, которому я очень желалъ счастья познакомиться съ Стутгартомъ и который, кажется, внялъ моему совѣту. Не философское невѣріе намъ, конечно, нужно, но философское развитіе, которымъ такъ сильны люди невѣрующіе, хотя они-то и должны были бы быть немощными предъ *Духомъ Христіанина*. И законоучители гимназій — даже съ В. П. Полисадовымъ во главѣ — не будутъ много полезны собственно невѣрующему поколѣнію, и все отъ того, что не будутъ понимать другъ друга. *Православное Обозрѣніе* по справедливости выше всѣхъ современныхъ духовныхъ журналовъ относительно современной пользы; но

не замѣчали ли и вы, что оно или на переводныхъ статьяхъ выѣзжаетъ, или на оригинальныхъ,—но юнѣйшаго поколѣнія. Гдѣ же надежда?—Въ семъ послѣднемъ. А намъ, если хотимъ значить что-нибудь для литературной современности и точно явиться съ „истиннымъ христіанствомъ“ на аренѣ свѣта и не уронить его, а поставить на подобающую высоту сравнительно со всѣмъ, что есть на землѣ,—нужно взрыть этотъ свѣтъ въ его, по крайней мѣрѣ, главныхъ направленіяхъ, въ себѣ самихъ, и потомъ уже явиться „учителями“ на подобіе Единаго Учителя. А то вѣдь истины христіанства извѣстны, и Исторія догматовъ по-своему объяснена господами литераторами, и съ этимъ и всякая христіанская личность и событіе вѣры—имъ не въ диковину. Изволили ли вы прочитать „Сущность христіанства“ Фейербаха въ оригиналѣ и Лондонскомъ Русскомъ переводѣ? Наука трудно побѣждается и самою наукою, потому что кто же самъ себѣ врагъ? Одна современная психологія губитъ всякій зародышъ вѣры въ „откровенное христіанство“ въ Исторіи и въ жизни; какая геркулесовская сила нужна, или лучше — благодать пророка, чтобы двигать горами невѣрія? И западные отцы не совсѣмъ-то успѣваютъ въ этихъ чудесахъ вѣры. Съ *Духомъ Христіанина* или съ авторомъ его я вошелъ въ тѣсныя сношенія особенно потому, что въ о. Гумилевскомъ я видѣлъ настоящаго піонера по части оживленія нашей церкви. Онъ первый пробудилъ дремавшую дотолѣ нашу іерархію, стараясь направить Духовенство наше на практическую пастырскую дѣятельность. Слишкомъ рьяный по характеру, иногда рѣзкій, по молодости, иногда слишкомъ увлекавшійся, онъ съ энергіею и самопожертвованіемъ преслѣдовалъ свои цѣли и наконецъ добился добрыхъ результатовъ, пожертвовавъ, можетъ быть, за это своею жизнью. Издали я старался ему помочь, чѣмъ могъ, не щадя даже совѣтовъ, не всегда ему пріятныхъ“.

Между тѣмъ, вотъ что записалъ В. А. Мухановъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 9 февраля 1862 года: „Сидѣлъ долго про-

тоіерей Полисадовъ. Разговоръ шелъ объ университетскомъ преподаваніи, и какъ онъ читаетъ свой курсъ Богословія. Янышевъ взялъ было свысока, начитавшись Нѣмцевъ; но студенты откровенно сказали ему, что не понимаютъ, не бывъ приготовлены философскимъ образованіемъ къ высокому преподаванію. Онъ принужденъ былъ съ высоты сойти къ нимъ и совѣтовалъ своему преемнику стараться наблюдать простоту и быть доступнымъ. Только тогда аудиторіи и Янышева, и Палисадова были полны, когда они стали руководствоваться сими правилами" [40]).

Въ 1862 году, въ Харьковѣ, по благословенію высокопреосвященнаго Макарія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, учредился журналъ подъ заглавіемъ *Духовный Вѣстникъ.*

Цѣннымъ вкладомъ въ этотъ журналъ слѣдуетъ почитать произведеніе самого высокопреосвященнаго Макарія о *Русской духовной Литературѣ въ періодъ Монгольскій*, которое потомъ вошло въ его *Исторію Русской Церкви.* Журналъ также украшало печатаніе въ немъ древнихъ рукописей изъ собственной библіотеки архіепископа Макарія. Эта свѣтлая сторона журнала омрачилась пристрастными нападеніями на труды Филарета, архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Противъ нихъ, въ этомъ журналѣ, выступилъ критикъ Сербиновъ. Первымъ нападеніемъ его было на сочиненіе Филарета: *Историческій Обзоръ на пѣснопѣвцевъ и Пѣснопѣніе Греческой Церкви.*

„Сначала,—заключаетъ критикъ,—это сочиненіе пріятно изумило насъ всѣмъ тѣмъ, что составляетъ внѣшній критерій многосторонняго знанія — безчисленнымъ множествомъ цитатовъ... Внимательнѣе всмотрѣвшись въ дѣло, мы увидѣли, что большая часть этихъ ссылокъ—одно только посягательство на эрудицію; что въ самой разработкѣ дѣла, въ процедурѣ изслѣдованій, мало замѣтно умѣнья пользоваться истинно ученымъ образомъ богатствомъ матеріаловъ" и пр.

О другомъ сочиненіи Филарета: *Русскіе Святые, чтимые всею церковію или мѣстно*, критикъ вынесъ такой приговоръ,

что оно „мало удовлетворяетъ ученой любознательности“, что оно „мало можетъ удовлетворять и питать благочестивое христіанское чувство“, что авторъ „какъ-то сухо и вяло относится къ изображаемымъ имъ подвигамъ святыхъ нашихъ“, и наконецъ, „благочестивое чувство читателя постоянно оскорбляется тѣмъ досадительнымъ критическимъ тономъ, который господствуетъ во всѣхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ автора“.

Въ помощь Сербинову, въ *Духовномъ Вѣстникѣ*, выступилъ другой критикъ, Понамаревъ, и напалъ на *Обзоръ Русской Духовной Литературы* того же автора. Этотъ критикъ въ строгости приговора надъ произведеніемъ высокопреосвященнаго Филарета превзошелъ своего товарища. „Намъ давно пора остановиться“,—писалъ онъ,—„съ своимъ разборомъ книги преосвященнаго Филарета; около полугода занимать имъ страницы *Духовнаго Вѣстника* и, можетъ быть, вниманіе читателей его, это — дѣло ужъ слишкомъ рискованное. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что если *Обзоръ*—такая плохая книга, то онъ не стоилъ такого длиннаго разбора... Но что жъ дѣлать, если небрежная, спѣшная работа является подъ покровомъ ученой тоги, если именемъ авторитета прикрывается книга, *биткомъ набитая* ошибками, недостойная науки и имени автора; если подобная книга съ плеча бьетъ великихъ дѣятелей и бездоказательно-рѣзко и подозрительно относится ко многимъ явленіямъ Литературы! Что дѣлать, если на книгу эту уже ссылаются, какъ на какой-то непогрѣшимый кодексъ; если въ другихъ журналахъ раздаются ей пышныя похвалы... Въ такомъ случаѣ долгъ истины возлагалъ на насъ задачу высказать, со всею подробностію, со всѣми доказательствами, какова въ самомъ дѣлѣ эта книга, каковы въ ней факты, мнѣнія, какова ея годность въ дѣлѣ обработки Исторіи Литературы“ [41]).

„Благоволите“,—писалъ митрополитъ Филаретъ къ А. П. Ахматову,—„обратить вниманіе на *свѣтлую сторону духовной Литературы*, показанную въ прилагемой запискѣ. Такую же записку я посылаю къ владыкѣ Новгородскому“ [42]).

Въ упомянутой запискѣ, мы читаемъ: „*Странникъ* обѣщаетъ цѣлый томъ популярныхъ проповѣдей. Нужно благовременно обратить вниманіе, что это будетъ.

Духовная Литература, до нѣкотораго времени, о своихъ, болѣе или менѣе важныхъ, и иногда нешуточныхъ предметахъ, старалась степенно разсуждать, и говорить правильнымъ языкомъ. За это свѣтская Литература стала порицать оную сухостію, схоластицизмомъ, омертвѣніемъ.

Духовная Литература не догадалась, что въ семъ есть скрытое намѣреніе, подъ видомъ направленія къ общепонятному, отвлечь ее отъ догматовъ и строгихъ нравственныхъ ученій, и допустила себя заразиться духомъ пересудовъ и порицанія.

Свѣтская Литература нынѣшняго времени нѣкоторыми нелегкими и заразительными болѣзнями, страстью все пересуживать и порицать, и хитростью подкрадываться къ народу, примѣняясь къ предразсудкамъ, привычкамъ и уродующему языкъ говору самой необразованной части онаго.

Духовный Вѣстникъ, въ критическихъ статьяхъ, отъ критики переходитъ къ порицаніямъ и насмѣшкамъ надъ сочиненіями архіереевъ.

Въ № 22 *Кіевскихъ Вѣдомостей* напечатана проповѣдь, говоренная въ церкви, въ которой, между прочимъ, читается слѣдующее:

Стран. 693: „Все ли у васъ дѣлается *по-Божіему*“.

Стран. 700: „*Баба* идетъ къ священнику просить *молитвы*, и нареченія имени: надо бабу напоить. Священнику шлютъ водку“.

Примѣчаніе. Кто же виноватъ, если священнику шлютъ водку, какъ не онъ самъ. Онъ долженъ былъ перестать принимать: и прихожане похвалили бы; или донесъ бы начальству, и неприличіе было бы прекращено. Вмѣсто того, онъ въ церкви порицаетъ себя и своихъ собратій, и подаетъ случай думать, будто всѣ священники въ Россіи берутъ водку за молитву и нареченіе имени.

Стран. 701: „Такъ или иначе, но вотъ, идутъ окрестить дитя, но прежде чѣмъ идти въ церковь или къ священнику, надо отдать честь сатанѣ, *до корчмы вступить*... Страшно и стыдно вспомнить о томъ, что не разъ кумовья и кумушки приходятъ къ святынѣ Господней совсѣмъ-таки пьяные“.

„Начнется святое крещеніе, а кумъ иной едва на ногахъ держится“.

Стран. 702: „Но лишь принесутъ дитя домой, опять попойка. И чего ужъ не дѣлаютъ, чтобы дойти до совершеннаго опьяненія и чтобы время крещенія осталось въ памяти надолго!

На утро слѣдующаго дня опять въ корчму, *до чопа*, какъ говорите вы, чтобы сидя у полной бочки, не имѣть недостатка въ водкѣ. А женщины, женщины! Чего не дѣлаютъ онѣ? Везутъ бабу *до чопа*, въ ночвахъ, съ неистовымъ крикомъ, пѣснями и хохотомъ... стыдно и вспомнить“.

Примѣчаніе. Прилично ли говорить въ церкви такимъ языкомъ, о такихъ низкихъ и безобразныхъ подробностяхъ? Слѣдствіе сего, вмѣсто назиданія, не будетъ ли смѣхъ? И если это попустить, не сдѣлаются ли церковныя проповѣди театральными монологами, награждаемыми хохотомъ присутствующихъ? Не требуетъ ли сіе вниманія охранителей достоинства православной церкви и блага православныхъ христіанъ. Не было ли бы полезно, чтобы первенствующій членъ Святѣйшаго Синода секретно напомянулъ всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ и чрезъ нихъ подчиненнымъ, что церковная проповѣдь должна предлагать чистое ученіе общевразумительнымъ, но правильнымъ и чистымъ языкомъ, а не изображать позорные предметы уродливымъ языкомъ, и что обличительная и спорная духовная Литература не должна забывать апостольскаго наставленія: *Аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдите да не другъ отъ друга истреблени будете.*

Иное дѣло обсуждать сомнительное, отрицать ложное, исправлять погрѣшительное, свидѣтельствовать противъ не-

правды, правдиво и съ силой, но умѣренно и благонамѣренно обличать недостойное: это необходимо и не недостойно духовнаго писателя, наставника, проповѣдника. Иное дѣло порицать и осмѣивать, унижать и оскорблять ближняго; это выводитъ духовнаго писателя изъ свойственнаго ему характера, унижаетъ его и подвергаетъ столь же неблаговидному возмездію“ [43]).

XI.

Въ день Благовѣщенія, 25 марта 1862 года, Погодинъ обратился къ Славянамъ съ *Окружнымъ Посланіемъ*.

„Славяне,—писалъ онъ,—намѣрены праздновать тысячелѣтіе своей грамотности, своего христіанскаго просвѣщенія, въ нынѣшнемъ 1862, или въ слѣдующемъ 63 году, 11-го мая, въ день, посвященный памяти ихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія.

Мысль животворная! Западные Европейскіе народы считаютъ эрою основаніе своихъ государствъ остріемъ меча. Мы, восточные, должны начинать нашу Исторію именно съ апостольской дѣятельности безсмертныхъ братьевъ, изобрѣтшихъ нашу азбуку, и возвѣстившихъ намъ Слово Божіе на родномъ языкѣ; между тѣмъ, какъ католики осуждены были, долго слышаще Его,—не слыхать, и видяще,—не разумѣть.

Гдѣ же справить намъ нашъ славный праздникъ?

Въ *Царьградѣ?* Въ Царьградѣ, правда, апостолы наши получили свое образованіе; изъ Царьграда пошли они на святую проповѣдь, пріобрѣвъ всѣ нужныя для того средства и пособія. Но, увы! Градъ Константиновъ давно ужъ томится подъ властію Турокъ; надъ святою Софіею высится полумѣсяцъ, и языкъ Кирилла и Меѳодія преслѣдуется Греческими патріархами гораздо жесточѣе Римскихъ папъ во время оно.

Въ *Болгаріи*, съ которой началось благовѣстіе, для которой переведены первоначально наши священныя книги? Нѣтъ, тамъ не посмѣемъ мы и ударить въ колоколъ, чтобъ созвать православныхъ христіанъ на молитву.

Въ *Москвѣ?* Въ Москвѣ, пріявшей священное наслѣдіе, хранящей искони и чтущей древнее слово во всей чистотѣ его, считавшей всегда много искреннихъ ревнителей Славянскаго дѣла?—Нѣтъ, вся Европа всполошится за свое равновѣсіе, и припишетъ церковному, народному, ученому торжеству политическій характеръ; всѣ посланники и дипломаты прозрѣютъ здѣсь съ трепетомъ панславянскіе замыслы, и въ смиренныхъ паломникахъ, заподозрятъ опасныхъ революціонеровъ, угрожающихъ обществу нарушеніемъ спокойствія. Нѣтъ, въ Москвѣ нельзя быть торжеству,—еще менѣе, чѣмъ въ Константинополѣ.

Такъ въ *Брюннѣ* (Брно), гдѣ св. Меѳодій, незадолго до кончины, святилъ церковь, гдѣ покоится прахъ Добровскаго, третьяго изобрѣтателя Славянской грамоты? Или въ *Прагѣ*, гдѣ училъ св. Прокопій, гдѣ, въ XI-мъ еще вѣкѣ, процвѣталъ его православный монастырь, гдѣ Гусситы напомнили народу первоначальное ученіе? Или въ *Краковѣ*, древней столицѣ Польши, въ *Варшавѣ*,—новой ея столицѣ?

Но тамъ вездѣ раздается Латинскій языкъ, совершается богослуженіе по Римскому обряду!

Какъ можетъ быть Славянское собраніе въ честь св. Кирилла и Меѳодія, безъ совершенія литургіи, ими переведенной, на ихъ языкѣ, ихъ собственными словами, кои, въ тысячу лѣтъ ими произнесенныя, сохраняются у насъ въ цѣлости и неприкосновенности, какъ будто въ это мгновеніе излетѣли изъ ихъ устъ? Развѣ мыслима Латинская миа въ честь св. Кирилла и Меѳодія? Не будетъ ли она ругательствомъ надъ ихъ памятью, вмѣсто воздаиія ей подобающей чести? Нѣтъ, торжеству слѣдуетъ совершиться тамъ, гдѣ есть православная церковь.

Въ *Вѣнѣ?* Въ Вѣнѣ оно можетъ быть разогнано пушками, какъ Славянскій съѣздъ 1848 года, или окружится, съ одной стороны, противною спирою, оскверняющею всякое благочестивое чувство, съ другой—незванными дилеттантами, которые захотятъ выразить при этомъ случаѣ свою ненависть къ настоящему порядку вещей.

Въ Берлинѣ? Нѣтъ, тамъ все населеніе питаетъ враждебныя чувства къ Славянамъ; тамъ воздухъ носится антиславянскій; тамъ собраніе можетъ подвергнуться публичнымъ насмѣшкамъ, оскорбленіямъ, и подать поводъ прискорбнымъ столкновеніямъ.

Неужели-же въ *Парижѣ*, подъ покровительствомъ Наполеона III, или въ *Лондонѣ*, подъ охраною Англійской конституціи? Избави Господи! Это первые друзья Турокъ.

Бѣдные Славяне! Васъ чуть-ли не сто милліоновъ, полъ-Европы занимаете вы даже теперь подъ своимъ поселеніемъ, а прежде разсыпаны были вездѣ, по всему ея пространству до крайнихъ предѣловъ, — но сынамъ вашимъ, смиреннымъ, безоружнымъ, слабымъ поклонникамъ, негдѣ приклонить голову! Нѣтъ, мѣста во всемъ раздольномъ Божіемъ мірѣ, гдѣ-бы они могли помолиться спокойно и свободно, не оглядываясь, не стѣсняясь, не тревожась!

Уже не уйти ли имъ въ пустыню и воспѣть тамъ жалобную пѣснь Давидову: „На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ внегда помянути намъ Сіона... прильпни языкъ... гортани...“ А кстати—псаломъ этотъ имѣетъ грозное окончаніе: „Помяни, Господи, сыны Едомскіе, въ день Іерусалима глаголющіе: истощайте, истощайте до основаній его. Дщи Вавилоня окаянная, блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое... блаженъ, иже имѣтъ и разбіетъ младенцы твоя о камень“. Кто же эти сыны Едомскіе? Кто же дщи Вавилоня?

Да, отчаянно положеніе Славянъ въ Европѣ! Здѣсь угнетается ихъ вѣра, и они принуждены искать себѣ покровительства у Магомета или у папы; тамъ вмѣсто пастырей, насылаются на нихъ волки въ одеждѣ овчей, изъ которыхъ иные не пасти, а грабить только, сосать ихъ кровь, способны; здѣсь вырывается у нихъ языкъ, и они принуждены въ судорогахъ извлекать изъ своей груди чужіе, противные звуки; тамъ они должны кланяться исконнымъ врагамъ Христова имени и подвергаться ихъ беззаконному суду безъ прекословія. Дѣти осуждены на невѣжество, безъ малѣйшихъ средствъ, для образованія; жены и дочери подвергаются безпрерывнымъ

поруганіямъ; имущество—добыча перваго разбойника. На землѣ ихъ пируютъ пришлые, незванные гости, и смѣются въ глаза надъ ихъ униженіемъ, заставляя ихъ служить и жертвовать сборному отечеству (gesammtes Vaterland).

Господи! Неужели все это должно быть такъ? Неужели Славянамъ нѣтъ никакой надежды на спасеніе?

Лице Европы обновляется. Народы уразумѣваютъ свои нужды и стремятся къ улучшенію своего быта. Италія пріобрѣла почти себѣ свободу и избавляется изъ-подъ чуждаго вліянія. Раздѣленная Германія ищетъ средствъ соединиться и предъявляетъ торжественно свои желанія; Валахія и Молдавія составляютъ уже одно цѣлое; Венгерцы ищутъ самостоятельности; жители Іоническихъ острововъ провозглашаютъ сліяніе съ Греческимъ королевствомъ. Евреи получаютъ себѣ вездѣ права; Сѣверные Американскіе штаты воюютъ во имя освобожденія Негровъ, черныхъ дѣтей Хамовыхъ. Что же — только Славяне должны оставаться вѣчно въ одномъ страдательномъ своемъ положеніи, пресловутомъ status quo? Нѣтъ это противно всѣмъ понятіямъ о справедливости Божеской и человѣческой.

Въ Европѣ образуется новая держава безъ центра и предѣловъ, безъ бюрократіи и дипломатіи, безъ палатъ и министровъ. Это—общественное мнѣніе, которому начинаютъ мало по малу подчиняться самые сильные и самые умные міра сего.

Къ нему, къ нему должны обратиться Славяне. Другихъ средствъ теперь не предвидится. Никто за нихъ заступиться не можетъ, не хочетъ, или не умѣетъ. Вездѣ слышатся однѣ клеветы, напраслины, корыстныя, лживыя показанія. Друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приблизишася... далече сташа... и ищущіе душу мою... ищущіе злая мнѣ, глаголаху суетная и льстивымъ весь день поучахуся“.

Кавура негдѣ взять Славянамъ, Гарибальди и настоящему нечего дѣлать пока на островѣ Капрерѣ; надо искать хоть Петра Пустынника! Пусть одѣтый во вретица, подпоясанный

ремнемъ, обойдетъ онъ Европу босыми ногами и повѣдаетъ всѣмъ добрымъ людямъ ихъ несчастную судьбу; докажетъ очевидно, что бѣдствія Славянъ далеко превосходятъ, нейдутъ даже въ сравненіе съ обстоятельствами Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Венгровъ, Ирландцевъ, возбуждающихъ благородное участіе во всѣхъ чистыхъ сердцахъ; пусть провозгласитъ онъ торжественно, отъ ихъ имени, что терпѣніе ихъ истощилось, и что тяжелаго креста своего они не могутъ нести долѣе....

Славяне, въ настоящую минуту, не питаютъ никакихъ лишнихъ желаній, не думаютъ сбрасывать съ себя чуждое иго, готовы служить каждому своему правительству, не ищутъ своей собственности, владѣй ею кому она досталась, вслѣдствіе историческихъ событій; но оставьте имъ, по краймей мѣрѣ, ихъ вѣру, оставьте имъ ихъ языкъ, не считайте ихъ илотами на собственной родной своей Землѣ, не отнимайте у нихъ того, что случится имъ пріобрѣсти въ потѣ лица трудами рукъ своихъ; дайте имъ средства учиться, и сдѣлаться достойными Европейскими гражданами, на общихъ правахъ со всѣми.

Не законны-ли эти желанія? Что въ нихъ есть чрезмѣрнаго и неудобоисполнимаго или опаснаго?

Помилуйте—Славяне вѣдь бѣлые, вѣдь они христіане, вѣдь они древнѣйшіе Европейскіе старожилы, принадлежатъ вмѣстѣ съ вами къ потомству Іафетову? Вспомните, сколько великихъ услугъ оказали они всѣмъ вамъ, принимая на себя удары грозныхъ Азіятскихъ варваровъ. даже до новаго времени, до спасенія Вѣны, Вѣны, которая воздаетъ имъ такою чувствительною неблагодарностію.

Дѣло Славянъ чисто, праведно и свято. Европа должна принять его къ сердцу, должна внять ихъ горестнымъ воплямъ, и подать ихъ помощь, помощь дѣйствительную, а не отвлеченную, не номинальную, какъ то сдѣлано въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года, гдѣ она думала только объ уничиженіи Россіи, а не объ облегченіи Славянъ, за которыхъ заступалась Россія, естественная, историческая ихъ союзница, защитница, покровительница.

Но Славяне должны быть согласны между собою, — къ нимъ обращаемъ мы теперь простую рѣчь свою. Вотъ важнѣйшее, главное условіе ихъ успѣха.

А могутъ-ли они похвалиться своимъ согласіемъ! Въ какомъ разнообразномъ сонмѣ, напримѣръ, явятся они на свѣтлый свой праздникъ? Что отвѣтятъ католики, протестанты, кальвинисты, уніаты, магометане, на вопросъ, какъ сохранили они священную заповѣдь своихъ безсмертныхъ наставниковъ, отдавшихъ всю жизнь на ихъ просвѣщеніе?

Они сошлются на какую-то роковую историческую необходимость, разметавшую мирное племя по неизмѣримымъ пространствамъ, подвергнувшую его пагубному вліянію хищныхъ, лукавыхъ, вѣроломныхъ сосѣдей, но нельзя отрицать, что собственные ихъ раздоры содѣйствовали больше всего этому пагубному вліянію. Собственные внутренніе раздоры лишили Славянъ и политической независимости: Болгарія, Сербія, Боснія, Богемія, Моравія, Польша, Кроація, Панонія, Славонія, Далмація, Стирія, Каринтія — изъ славныхъ, сильныхъ государствъ упали на степень подчиненныхъ провинцій.

Да и теперь, стеная подъ игомъ, развѣ выучились Славяне этой все еще непостижимой для нихъ наукѣ согласія, наукѣ взаимныхъ уступокъ? Развѣ умѣютъ они пользоваться вѣковыми тяжелыми опытами?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Поляки ненавидятъ Русскихъ, Чехи не ладятъ съ Моравянами, Кроаты ревнуютъ Сербамъ, Босняки чуждаются Болгаръ.

И вотъ, оплакивая это несчастное расположеніе, осмѣливаемся мы, Русскіе, меньшіе и младшіе изъ братьевъ, сохраненные судьбою въ политическомъ отношеніи, обратиться къ старшимъ братьямъ съ словомъ мира и любви, въ день нашего общаго праздника, празднуя тысящелѣтіе Славянской литургіи и грамотности, съ которымъ, по удивительному стеченію обстоятельствъ, сходится Всероссійское тысящелѣтіе.

Пора, пора, намъ, откинувъ природную лѣнь, безпечность

и равнодушіе, пора намъ понять свое положеніе, одушевиться одною мыслію, устремиться къ одной цѣли и собрать всѣ свои силы для ея достиженія.

У насъ у всѣхъ есть благонадежная точка соединенія; это — языкъ, прошедшій цѣло и невредимо чрезъ всѣ испытанія, чрезъ всѣ пожары и наводненія, чрезъ всѣ войны и нашествія, несмотря ни на какія козни, ухищренія и сатанинскія усилія враговъ, достигшій высокой степени совершенства по всѣмъ почти нарѣчіямъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Языкъ — это наше сокровище, наша крѣпость, наша честь и слава, опора нашей національности, якорь нашего спасенія, залогъ нашихъ успѣховъ.

При началѣ Славянской Исторіи, по какому-то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъ же рукамъ досталось разсыпать однѣ и тѣ же сѣмена по всѣмъ странамъ Славянскимъ. О, если бы теперь, исполняющемуся тысящелѣтію, о если бы теперь за литургіею святыхъ Кирилла и Меѳодія, услыша ихъ вѣщіе звуки, встрепенулось одинаково сердце у всѣхъ враждующихъ между собою, разномыслящихъ братьевъ!

О, если бы возродились они всѣ въ единомъ любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ!

Вотъ была бы достойная награда нашимъ безсмертнымъ учителямъ, вотъ на что бъ они откликнулись, кажется, съ высокаго неба, и низпослали бы намъ долу отеческое благословеніе.

Вотъ было бы вмѣстѣ и сладчайшее утѣшеніе, лучшее выраженіе нашей признательности трудамъ, усиліямъ и заботамъ милыхъ, дорогихъ покойниковъ, которыхъ мы въ послѣднее время, одного за другимъ, отнесли въ могилу: Шафарика, Ганку, Зубрицкаго, Лелевеля, Коляра, Мицкевича, Сметану, Челаковскаго, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, вслѣдъ за Милутиновичемъ, Юнгманомъ, Линде, Венелинымъ, Иннокентіемъ, Прешлемъ, Добровскимъ. Увы! никто изъ нихъ, умирая, не могъ воскликнуть съ Симеономъ: „Нынѣ отпу-

щаеши, владыко, раба твоего по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣша очи моя спасеніе Израиля"! Увы! всѣ они скончались въ душевныхъ мукахъ, не видя ни единаго луча надежды, истекая кровію, точившеюся изъ сердца.

Помолимся же, братія, въ этотъ приснопамятный для насъ день, молитвами святыхъ Кирилла и Меѳодія, всѣ вмѣстѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, позабывъ наслѣдственную ненависть и злобу, прощая другъ другу и врагъ врагу; помолимся едиными устны и единымъ сердцемъ Милосердому Богу, *да не до конца Онъ прогнѣвывается, ниже во вѣкъ враждуетъ;* помолимся, да снизойдетъ къ намъ миръ, — и будемъ мы хотя въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ едино стадо и единъ пастырь" [44])!

Приступая къ писанію *Посланія*, Погодинъ обратился къ автору *О происхожденіи Словянскихъ Письменъ*, І. М. Бодянскому, съ вопросомъ: „На чемъ основывается празднованіе тысячелѣтія изобрѣтенія Славянскихъ письменъ въ 1862 году"?

Бодянскій, на этотъ вопросъ Погодина, съ желчью отвѣчалъ (22 февраля 1862 г.):

„Цѣлая книга объ этомъ мною написана семь лѣтъ тому назадъ, и если у насъ она ничего не сдѣлала, по крайности у Славянъ взяла свое. По ней они рѣшились отпраздновать это тысячелѣтіе... Разумѣется, объ этомъ я до сихъ поръ молчалъ, и умолчалъ бы, еслибы вы не навязались мнѣ съ своимъ вопросомъ" [45]).

Между тѣмъ, еще въ началѣ 1862 года, были озабочены составленіемъ службы и акаѳиста св. Кириллу и Меѳодію. 12 января того же года, митрополитъ Филаретъ писалъ епископу Таврическому Алексѣю: „Ваше письмо нашло меня разсматривающимъ службу Кириллу и Меѳодію, сочиненную Кіевскою монахинею, исправленную, но недоправленную однимъ Русскимъ архіереемъ и напечатанную Сербскимъ митрополитомъ въ Бѣлградѣ. Извольте выводить на прямую дорогу дѣло такъ блуждающее" [46]).

Но *на прямую дорогу* могла *вывести дѣло, такъ блуждающее*, справка въ знаменитой Московской Синодальной Библіотекѣ. Тамъ хранится *Минея Служебная* конца XII-го или начала XIII-го столѣтія, сохранившая до насъ и полную службу св. Кириллу (14 февраля), и канонъ обоимъ Просвѣтителямъ (6 апрѣля) [47].

По поводу же *Посланія* Погодина, И. С. Аксаковъ писалъ ему: „Статья ваша написана въ виду предполагавшагося нами празднованія тысячелѣтія Славянской грамоты. Оказывается, что нельзя праздновать тысячелѣтія, что оно совершилось въ 1855 году. Въ будущемъ году, 1863, въ Прагѣ будетъ праздноваться тысячелѣтіе *прибытія* Славянскихъ апостоловъ въ *Мораву*. Слѣдовательно, есть полная законность праздновать это въ Брюнѣ или Прагѣ. Это выходитъ прежде всего *мѣстный* праздникъ, которымъ мы распоряжаться не можемъ. Дѣло выходитъ такъ по вашей статьѣ: „По случаю тысячелѣтія принятія *Моравлянами и Чехами* христіанства отпразнуемъ его въ Висбаденѣ“. Тогда вы должны праздновать тысячелѣтіе принятія христіанства уже и прочими Славянами. Мнѣ кажется, статья должна быть передѣлана въ такомъ смыслѣ, чтобы стыдить Чеховъ и Моравлянъ въ томъ, что, собираясь праздновать тысячелѣтіе Славянской проповѣди у себя, они измѣнили ученію Кирилла и Меѳодія. Вотъ главная тема статьи. Разсужденіе о томъ, что въ Царьградѣ и пр. нельзя собраться для празднованія, является лишнимъ, ибо *праздникъ прежде всего мѣстный*, а потомъ уже общеславянскій. Я очень радъ подписать окружное посланіе къ Чехамъ и западнымъ Славянамъ увѣщательное и вразумляющее, но ваша статья не это собственно имѣла въ виду. Впрочемъ, позвольте мнѣ прочесть вашу статью снова и пришлите мнѣ ее съ этимъ посланнымъ. Вотъ и все. Съ полною искренностью: больше сказать ничего не имѣю. Можетъ быть, по прочтеніи статьи Гильфердинга, въ 25 номерѣ *Дня*, вы найдете нужнымъ кое-что измѣнить“.

Въ другомъ письмѣ своемъ къ Погодину Аксаковъ пи-

салъ: „Празднованіе будетъ въ 1863 г. и въ Прагѣ. Развѣ отдѣлиться отъ Чеховъ и учинить особое празднество? Въ Прагѣ будетъ съѣздъ большой въ будущемъ году. Самое лучшее было бы, еслибы Чехи отслужили, какъ въ 1848 году, Славянскую обѣдню на площади, пригласивъ Сербскаго священика, если нашему нельзя".

Въ то время, когда въ Москвѣ готовились праздновать Славянскихъ апостоловъ, въ *Современникѣ*, былъ напечатанъ разборъ извѣстнаго *Посланія* Славянофиловъ къ Сербамъ.

„Ругательство страшное",—писалъ Аксаковъ Погодину,— „и Русскимъ читателямъ дѣйствительно многое должно показаться смѣшнымъ и страннымъ, потому что они не знаютъ Славянъ. Тутъ осмѣяно наше притязаніе писать посланія, учительствовать и пр. Между тѣмъ, это посланіе на Сербскомъ языкѣ имѣло огромный успѣхъ въ Сербіи. Поэтому ваша статья должна имѣть въ виду не однихъ Славянъ, но преимущественно Русскихъ читателей,—и не давать поводу Петербургскимъ мерзавцамъ ругаться и кощунствовать надъ тѣмъ, что намъ такъ свято и дорого. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы прочли эту гнусную статью" [48]).

XII.

Намѣреніе Москвитянъ праздновать день святыхъ Славянскихъ апостоловъ дошло до слуха благочестивой императрицы Маріи Александровны, и по ея приказанію оберъ-прокуроръ Св. Синода, А. П. Ахматовъ, обратился къ митрополиту Московскому Филарету съ слѣдующимъ письмомъ, отъ 3 апрѣля 1862 года: „Вашему высокопреосвященству извѣстно, что 1862 годъ считается тысячелѣтіемъ Славянскаго просвѣщенія, получившаго начало отъ св. Кирилла и Меѳодія, коихъ память чествуется Православною Церковью 11-го мая. По приказанію Государыни Императрицы, поспѣшаю обратиться къ вашему высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою почтить меня вашимъ отзывомъ касательно

представившей здѣсь нѣкоторымъ лицамъ мысли о совершеніи въ Россіи духовнаго торжества для молитвеннаго воспоминанія памяти Славянскихъ Просвѣтителей. Въ разсмотрѣніи Св. Синода находится нынѣ акаѳистъ святымъ Кириллу и Меѳодію, составленный преосвященнымъ Смоленскимъ. Не изволите ли, ваше высокопреосвященство, признать благоприличнымъ воспользоваться настоящимъ случаемъ для разсылки сего акаѳиста, если онъ одобренъ будетъ Св. Синодомъ, во всѣ епархіи, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ прочитываемъ при молебствіяхъ въ тѣ дни, въ которые память сихъ святыхъ празднуется... Мнѣніе, которое вы изволите мнѣ сообщить по сему предмету, будетъ немедленно доложено Ея Величеству" [49]).

На письмо оберъ-прокурора Св. Синода, митрополитъ отвѣчалъ: „Вслѣдствіи вопроса, по волѣ Государыни Императрицы вами мнѣ предложеннаго, представляю при семъ записку о церковномъ празднованіи преподобнымъ Кириллу и Меѳодію, въ воспоминаніе тысячелѣтія отъ начала Славянскаго просвѣщенія.

Вмѣсто письма нерѣдко пишу записку, чтобы переписчикъ видѣлъ только разсужденія, а не любопытствовалъ, почему, и для чего, хотя, впрочемъ, не сомнѣваюсь въ храненіи канцелярской тайны моимъ переписчикомъ.

Въ объясненіе послѣдней части вышеозначенной записки, прилагаю списокъ съ записки: *Нѣчто объ акаѳистахъ*, писанный мною въ прошедшемъ году, къ высокопреосвященному Новогородскому, по случаю составленія церковной службы святителю Тихону.

Впрочемъ, мнѣ позволено думать, а рѣшить дѣло—Святѣйшему Синоду".

Въ запискѣ же своей *О церковномъ празднованіи тысячелѣтія Славянскаго просвѣщенія*, митрополитъ писалъ:

„I. Тогда, какъ опредѣлено, 26 августа текущаго года, праздновать тысячелѣтіе Россіи, какъ государства, возникаетъ еще вопросъ: не должно ли 11 мая сего же года церковно

праздновать память преподобныхъ Кирилла и Меѳодія, въ воспоминаніе совершившагося тысячелѣтія отъ положеннаго ими начала Славянскаго просвѣщенія? Многое препятствуетъ отвѣчать на сіе утвердительно.

II. Торжество тысячелѣтія церковное и торжество тысячелѣтіе государственное, въ одинъ годъ, но въ разные мѣсяцы и дни представили бы видъ нѣкоторой нестройности и разъединенія.

III. Видъ нестройности представился бы и въ томъ, если бы Россія праздновала Славянское тысячелѣтіе въ 1862 году, тогда какъ Западные Славяне положили праздновать оное въ 1863 году.

IV. Что можемъ мы праздновать въ 1862 году? Изобрѣтеніе Славянской азбуки? Но она, по свидѣтельству ближайшаго ко времени писателя, Храбра, изобрѣтена въ 855 году; и ея тысячелѣтіе уже минуло. Праздновать на основаніи догадокъ Шафарика и Бодянскаго было бы не очень надежно. Или будемъ праздновать тысячелѣтіе крещенія Моравовъ въ 862 году? Но это принадлежитъ собственно имъ.

V. У насъ передъ глазами три тысячелѣтія: 1) тысячелѣтіе отъ начала Славянской азбуки, или лучше сказать, отъ начала перевода Священнаго Писанія на Славянскій языкъ (хотя азбукою не совсѣмъ опредѣляется начало перевода); 2) тысячелѣтіе отъ крещенія равноапостольной княгини Ольги; 3) тысячелѣтіе отъ крещенія равноапостольнаго Владиміра и Россіи вообще. Трижды, въ три срока праздновать одно тысячелѣтіе, въ отношеніи къ одному предмету, не было ли бы слишкомъ щедро? Но если избрать одинъ изъ трехъ указанныхъ сроковъ, то предпочтительно должно избрать одинъ изъ двухъ послѣднихъ, какъ собственно относящихся къ Россійской Церкви и къ Русскому народу.

VI. Впрочемъ, какъ неизвѣстно, какое будетъ на сей предметъ воззрѣніе власти, то, въ случаѣ назначенія совершить въ семъ или будущемъ году, 11 мая во всѣхъ церквахъ Россіи празднованіе памяти преподобныхъ Кирилла и

Меѳодія, какое должно быть празднованіе? По уставу церковному, всенощное бдѣніе, соборная литургія и молебное пѣніе.

При семъ нельзя не обратить вниманіе, что особой службы въ честь Кирилла и Меѳодія въ церковныхъ книгахъ нѣтъ. Составить ее было бы благовременно для особеннаго празднества. Какъ же должна быть составлена сія служба? Для разрѣшенія сего вопроса нужно еще спросить: что собственно праздновать будетъ православная церковь? Славянскую ли азбуку? Конечно, нѣтъ. Праздновать ей прилично освященіе Славянскаго языка переводомъ на него Слова Божія. А за сіе Кирилла ли и Меѳодія только прославлять должно? Конечно, нѣтъ; но прежде и выше всего должно прославить Тріипостаснаго Бога и благодать Господа нашего Іисуса Христа, которой Кириллъ и Меѳодій были орудіями. И такъ, служба только Кириллу и Меѳодію была бы неудовлетворительна.

Укажемъ примѣръ. Когда при императорѣ Петрѣ Великомъ устроялось торжество мира съ Швеціею и вмѣстѣ принесеніе мощей святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, очевидно, требовалась служба святому Александру; но Святѣйшій Синодъ не ограничился симъ. Служба составлена такъ, что хвала святому Александру предваряема была славословіями Пресвятой Троицѣ.

Подобно сему, прилично было бы въ настоящемъ случаѣ, чтобы составленъ былъ канонъ, который бы заключалъ въ каждой пѣсни по три стиха, одинъ во славу Пресвятыя Троицы или Христа Спасителя, другой въ честь Кирилла и Меѳодія, и третій въ честь Божіей Матери, и чтобы сей канонъ, на молебнѣ по литургіи, между пѣніемъ ирмосовъ внятно былъ прочитанъ, дабы сіе было торжественно и назидательно.

VII. Есть свѣдѣніе, что составленъ акаѳистъ Кириллу и Меѳодію. Ничего нельзя сказать о немъ, когда нѣтъ его въ

виду. Но можно сказать вообще, что нынѣшняя щедрость на составленіе акаѳистовъ не всегда сообразна съ древнимъ духомъ и чиномъ церковнослужебныхъ установленій и не всегда истинно назидательна. Въ объясненіе сей мысли при семъ прилагается особая записка: *Нѣчто объ акаѳистахъ*" [50]).

7 апрѣля 1862 года митрополитъ Филаретъ писалъ Антонію: „Преосвященный Смоленскій Антоній, составивъ акаѳистъ преподобнымъ Кириллу и Меѳодію, представилъ Св. Сѵноду, и родился вопросъ: не прочитать ли его въ день тысячелѣтія во всѣхъ церквахъ Россіи? Согрѣшилъ я: мнѣ кажется, это болѣе придуманнымъ, нежели возникшимъ изъ глубокаго усердія и благодаренія Богу. Обще-обязательнаго богослуженія не умѣемъ исполнять съ полнотою, безъ поспѣшности и сокращеній: а изобрѣтаемъ протяженныя службы, обильныя болѣе словами, нежели силою. Спорить сомнительно. Мнѣ приходитъ на мысль, что съ благодарственною за тысячу лѣтъ молитвою надлежало бы соединить покаянную и за многое особенно за послѣдніе годы" [51]).

Въ запискѣ же *Нѣчто объ акаѳистахъ* Филаретъ писалъ: „Акаѳистъ Божіей Матери составленъ по особому событію въ благодарность за избавленіе Константинополя отъ враговъ. Потому онъ и взываетъ къ ней: *Взбранной* (отражавшей брань) *воеводѣ*. Соотвѣтственно необыкновенному прославляемому событію, пѣснопѣніе получило необыкновенную форму *акаѳиста*, вмѣсто обыкновенной формы *канона*.

Но благочестивый составитель разсудилъ, что при прославленіи Божіей Матери, не должно умолчать и о славѣ Христовой, и потому икосы обращены къ Божіей Матери, а кондаки, большею частію, ко Христу Спасителю; и весь акаѳистъ представляетъ изображеніе спасительнаго воплощенія Сына Божія.

Богословскій духъ Святыя Церкви усмотрѣлъ, что было бы несообразно, если бы собственно въ славу Христа Спасителя не было такого же необыкновеннаго и величественнаго пѣсно-

пѣнія, какъ акаѳистъ Божіей Матери. И составленъ акаѳистъ Господу Іисусу, исполненный духомъ покаянія, молитвы, любви и умиленія.

Не было ли церковной мысли, чтобы сей необыкновенный родъ пѣснопѣнія усвоенъ былъ только Христу Спасителю и Божіей Матери, когда въ молитвѣ, положенной при акаѳистѣ Божіей Матери, сказано: *Пріими сія честныя дары Тебѣ единѣй прикладные?*

Въ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются другіе опыты акаѳистовъ; но они не вошли въ церковное употребленіе.

Кіевопечерская Лавра акаѳистомъ Успенію Божіей Матери поколебала положенный древностію предѣлъ.

Уніаты хотѣли представить себя богатѣе церковными пѣснопѣніями, нежели православные, и составили нѣсколько акаѳистовъ.

Въ Московской Церкви представился необыкновенный случай составить акаѳистъ преподобному Сергію: онъ былъ *взбраннымъ воеводою*, во время Польскаго нашествія.

Въ недавнее время желаніе составлять акаѳисты усилилось, и не полагаетъ себѣ предѣловъ.

Одинъ изъ преосвященныхъ Россійскихъ *) исправлялъ уніатскіе акаѳисты, и печаталъ и, какъ сказываютъ, читалъ на всенощныхъ, пропуская положенную церковнымъ уставомъ каѳизму.

Греки хотѣли напечатать въ Россіи акаѳистъ Гробу Господню, съ заключеніемъ въ икосахъ возглашеніемъ: *Радуйся гробе треблаженный.* Святѣйшій Синодъ не одобрилъ сего, разсуждая, что славословіе обращенное къ вещественной святынѣ, недостаточно, а должно быть обращено преимущественно къ Божественному Лицу Христа Спасителя, какъ напримѣръ, въ церковномъ величаніи: *Величаемъ Тя, живодавче Христе, и чтемъ крестъ Твой святый.* Но послѣ напечатанъ акаѳистъ Гробу Господню.

---

*) Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. *Н. Б.*

Мы недовольно ревнуемъ установленное церковію богослуженіе исполнять такъ, чтобы ничего не было опущено, и все было пропѣто и прочтено неспѣшно и внятно. Не нужнѣе ли, не полезнѣе ли поревновать о семъ, нежели расширять богослуженіе множествомъ акаѳистовъ, произвольно вновь составляемыхъ изъ множества неопредѣленныхъ, изысканныхъ, хвалебныхъ выраженій, мало способныхъ вразумлять и назидать читающаго или слышащаго.

Каждый, кому вздумается, каждому святому, къ которому почувствуетъ усердіе, не затрудняется написать акаѳистъ и дать его въ правило церкви. Въ порядкѣ ли это? Сообразно ли съ тѣмъ, что такое множество древнихъ великихъ святыхъ, апостоловъ, пророковъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ остаются безъ акаѳистовъ?

Но не должно ли благопріятствовать проявленію благочестиваго усердія? Правда, но со многимъ разсужденіемъ и осмотрительностію, чтобы привести церкви Божіей даръ истинно для нея полезный.

Пусть тотъ и другой усердствующій съ молитвою пишетъ акаѳистъ, удовлетворяя своему усердію, и не спѣшитъ представлять его церкви. По времени можетъ составиться нѣсколько акаѳистовъ одному святому; и тогда Святѣйшій Синодъ можетъ избрать трудъ болѣе зрѣлый, болѣе способный питать молитву и доставлять назиданіе.

Теперь предъ глазами поспѣшно составленный акаѳистъ новоявленному святителю Тихону. Нѣкоторыя части его написаны съ силою, но многія представляютъ слѣды поспѣшности. Многія выраженія съ малымъ измѣненіемъ заимствованы, особенно изъ акаѳиста преподобному Сергію. Кондакъ 12-й почти весь изъ акаѳиста преподобному Сергію. Молитва по акаѳистѣ почти вся изъ акаѳиста преподобному Сергію.

Житіе и писанія святителя Тихона даютъ возможность составить ему службу и акаѳистъ не изъ общихъ неопредѣленныхъ выраженій, но изъ такихъ изображеній и мыслей, въ которыхъ бы видны были его собственныя черты жизни

и подвиговъ и его ученіе, дабы читающій акаѳистъ, съ нимъ бесѣдовалъ, съ нимъ молился, отъ него поучался.

Онъ самъ да наставитъ разсуждающихъ о семъ. А думается, что лучше не спѣшить сорвать недозрѣлый плодъ, а подождать зрѣлаго" [52]).

XIII.

Въ январѣ 1858 года, въ Москвѣ, былъ созданъ Славянскій Благотворительный Комитетъ съ цѣлію доставлять Славянамъ, „угнетеннымъ Турецкимъ игомъ", средства къ просвѣщенію, къ утоленію *духовнаго глада* словомъ науки. Комитетъ содержалъ на свой счетъ двѣнадцать молодыхъ Славянъ, изъ которыхъ нѣкоторые слушали лекціи въ Университетѣ, другіе готовились ко вступленію въ Университетъ или въ духовныя семинаріи. Кромѣ частной благотворительности, другой матеріальной помощи Комитетъ неоткуда не имѣлъ. „Не двѣнадцать",—замѣчаетъ И. С. Аксаковъ,—„а гораздо болѣе молодыхъ Славянъ должны бы мы были воспитывать въ Россіи, чтобы приготовить изъ нихъ будущихъ учителей, насадителей просвѣщенія въ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, будущихъ дѣятелей возрожденія и освобожденія. Сколькимъ жаждущимъ ученія приходится отказывать Комитету, за неимѣніемъ лишней тысячи рублей, и какъ тяжела эта печальпая необходимость отказа, какъ стыдно и совѣстно дѣлается за равнодушіе нашего общества! Какъ въ особенности прискорбно равнодушіе и невѣжество нашихъ богатыхъ торговцевъ, которые на Славянъ не даютъ ни копѣйки, а между тѣмъ жертвуютъ, какъ недавно одинъ купецъ въ Замоскворѣчья, по двадцатипяти тысячь р. на ненужную отдѣлку богатаго храма".

Первымъ предсѣдателемъ Славянскаго Комитета былъ А. Н. Бахметевъ, а по смерти его, въ засѣданіи 19-го мая 1861 года, былъ избранъ въ званіе почетнаго предсѣдателя графъ Д. Н. Блудовъ, но онъ не принялъ этого

званія. Въ званіе же временного предсѣдателя былъ избранъ Погодинъ; въ секретари и казначеи—И. С. Аксаковъ; а въ члены постоянной Коммисіи: Я. О. Ошмянцевъ, П. И. Бартеневъ и П. А. Безсоновъ [53]).

Вотъ этому-то Комитету принадлежитъ мысль о совершеніи въ Россіи духовнаго торжества для молитвеннаго воспоминанія памяти Славянскихъ Просвѣтителей.

„Сдѣлайте милость",—писалъ И. С. Аксаковъ Погодину,—„увѣдомьте тотчасъ, когда получите разрѣшеніе отъ Филарета на службу Кириллу и Меѳодію" [54]).

11 мая 1862 года, въ память Обновленія Царяграда и иже во Святыхъ Отецъ нашихъ Меѳодія и Кирилла, учителей Словенскихъ, въ Москвѣ, по словамъ И. С. Аксакова, „въ первый разъ, послѣ многовѣкового забвенія, совершена была служба святымъ *учителемъ Словенскимъ* Кириллу и Меѳодію въ церкви Московскаго Университета. Это празднованіе походило больше на ученое благочестивое воспоминаніе: пропѣтые тропари были извлечены изъ древнихъ рукописей и многимъ не вѣрилось, чтобы добытое наукою возвратилось вновь въ живое вѣдѣніе народа, получило вновь жизненную святость. Но въ томъ-то и дѣло, что Исторія и Археологія у насъ и для насъ — не отвлеченный научный интересъ, но дѣйствительная нравственная сила, не праздное разрытіе могилъ, но раскапываніе глубоко сокрытыхъ источниковъ, хранящихъ въ себѣ во всей силѣ *живую* воду, о которой символически говорится въ нашемъ народномъ эпосѣ. Этою живою водою мы обновляемъ и укрѣпляемъ свое бытіе, эта живая вода — наша народность. Мы обрѣтаемъ ее вновь труднымъ подвигомъ самосознанія, и такое обрѣтеніе уже не отнимется отъ насъ... Впрочемъ, дѣло Кирилла и Меѳодія такъ вѣковѣчно, такъ неизсякаемо жизненно, что стоило только слегка отдернуться завѣсѣ, застилавшей намъ зрѣніе—и яркій ослѣпительный лучъ свѣта проникъ, и съ каждымъ днемъ проникаетъ глубже въ наше общественное сознаніе. Св. Сѵнодъ установилъ отнынѣ торжественное празднованіе памяти равно-

апостольныхъ Кирилла и Меѳодія, *усты* и *письмены* слово Божіе намъ возвѣстившихъ, изобрѣтателей Славянскихъ письменъ и переводчиковъ Св. Писанія, — въ 11 день мая, во всѣхъ концахъ Россіи, съ всенощнымъ бдѣніемъ наканунѣ и съ молебнымъ пѣніемъ послѣ праздничной литургіи".

Въ университетской церкви совершалъ литургію протоіерей Н. А. Сергіевскій. Чудовскіе пѣвчіе славили равноапостольныхъ учителей. Выставленъ былъ на поклоненіе вновь напечатанный ихъ образъ и частица мощей св. Кирилла [55]). Предъ окончаніемъ литургіи, протоіерей Сергіевскій произнесъ слово, въ которомъ упомянулъ, что въ 1855 г., въ день столѣтняго юбилея здѣшняго Университета, принесена въ даръ частица отъ руки св. Кирилла, одного изъ первоучителей Славянскихъ.

Эта частица принесена была Московскому Университету въ даръ М. П. Погодинымъ. Въ 1835 г. была отдѣлена отъ части руки св. Кирилла, хранящейся въ Пражскомъ соборѣ, частица для Моравской митрополіи, гдѣ св. Меѳодій святилъ церковь, и въ то же самое время каноникомъ Пешиною, въ присутствіи Ганки, Шафарика, Колара, отдѣлена была, по усиленной просьбѣ, частица М. П. Погодину, который на ту пору случился въ Прагѣ. Каноникъ Пешина выдалъ на нее свидѣтельство на Латинскомъ языкѣ.

По поводу же этого приношенія о. Сергіевскій произнесъ: „Не можемъ сказать, съ какою *именно* цѣлію было сдѣлано это приношеніе. Конечно, на праздникѣ перваго Русскаго Университета было прилично напомнить о первыхъ виновникахъ общеславянскаго просвѣщенія и во очію представить перстъ, впервые начертавшій Славянскія письмена, *не мертвыя и убивающія, но словомъ Евангельской истины отъ начала оживленныя.* Думается также: не предполагалось ли тутъ нѣкотораго сближенія времени столѣтняго юбилея Университета съ тысячелѣтнимъ юбилеемъ церковно-Славянской письменности, такъ какъ изысканіями нѣкоторыхъ,

1855 годъ предполагался годомъ изобрѣтенія Славянскихъ письменъ.

Какъ бы то ни было, но не напрасно сдѣлано приношеніе: оно послужило напоминаніемъ забытаго дорогого, хотя и невольно забытаго.

Послѣ долгаго и можетъ быть весьма долгаго времени, мы впервые возобновляемъ празднованіе у насъ памяти св. первоучителей Славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Будемъ надѣяться, что наконецъ оно возобновится по всей Землѣ Русской.

Какъ намъ не праздновать памяти тѣхъ, которые дали намъ слова Евангелія на нашемъ родномъ языкѣ, поборая сильныя препятствія къ тому со стороны тогдашнихъ *ревнителей*, яко бы по славѣ Божіей, которыхъ ревность могла лишить насъ и разумнаго благочестія, и благочестнаго просвѣщенія. Этихъ ревнителей нашъ первоучитель именуетъ *треязычниками*. Они утверждали, что только на трехъ языкахъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ, дозволено славить Бога, и потому возставали противъ вводимаго Кирилломъ богослуженія на Славянскомъ языкѣ. Составитель древняго канона въ память св. Кирилла выразилъ это въ одномъ изъ тропарей: „Словомъ, сердцемъ и языкомъ ты проповѣдалъ, блаженный, Христа, Сына Божія, премудрость, Силу и Слово воплотившееся, и струями твоихъ притчей низложилъ треязычниковъ“ [55]).

По свидѣтельству И. С. Аксакова, нельзя было безъ особеннаго умиленія слышать молитвенное возглашеніе именъ *святыхъ Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія*, или внимать Слову Божію, возвѣщенному ими же словомъ Славянскимъ.

Особенное молитвенное движеніе выказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли—частію заимствованныя изъ древней рукописной Минеи XII вѣка, частію вновь составленныя пѣсни:

Отъ юности избравый сестру себѣ премудрость, по-

томъ же Словенскихъ племенъ явивыйся апостолъ и первохудожникъ Словенскаго письмене, не мертваго и убивающаго, но словомъ Евангелія Христова отъ начала оживленнаго и животворящаго, святителю отче Кирилле, купно съ твоимъ по плоти и по духу братомъ блаженнымъ Меѳодіемъ, и отъ насъ позднихъ, сокровища вѣры вашея наслѣдниковъ, пѣснь благодаренія пріемше, Бога Слова молите, да и въ православнѣй вѣрѣ и премудрости насъ возращая и утверждая, спасетъ души наша" [56]).

Подъ *11 мая*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ университетской церкви. Трогательная служба. Священникъ въ проповѣди началъ напоминаніемъ о моемъ приношеніи. Ну, вотъ всплываетъ таки".

Протоіерей А. В. Горскій одно свое *Слово на день памяти св. Кирилла и Меѳодія* кончаетъ такъ: „Заключу мое слово еще однимъ воспоминаніемъ, которое вмѣстѣ будетъ и молитвою. Между древними молитвословіями церковно-славянскихъ книгъ сохранилось одно *при началѣ ученія*, въ которомъ іерей молится о отрочати: *Дай же ему, Господи, отъ Давидова разума, отъ Соломони премудрости и отъ Кирилловы хитрости. Дай же ему стояніе съ іереи и со всѣми Святыми Твоими.* Изъ послѣднихъ словъ видно, что цѣль ученія поставляется въ приготовленіи къ іерейству, чтобы въ этомъ священномъ санѣ служить своему и другихъ спасенію. Для сего испрашивается отъ Бога дарованіе разума Давидова, премудрости Соломоновой, и хитрости, т.-е. остроты ума, мудраго учителя Славянъ Кирилла. Да будетъ же это прошеніе постояннымъ желаніемъ и предметомъ молитвы для каждаго изъ насъ. Аминь" [57]).

XIV.

Послѣ закрытія, 20 декабря 1861 г., С.-Петербургскаго Университета, всѣ студенты очутились безъ лекцій.

„Общее было желаніе",—свидѣтельствуетъ профессоръ

И. Е. Андреевскій, — „устроить какимъ-нибудь способомъ продолженіе университетскихъ лекцій. У депутатовъ студентовъ возникла мысль, нельзя-ли устроить *вольный Университетъ*, и эта мысль скоро осуществилась, въ видѣ цѣлаго ряда публичныхъ лекцій, открытію которыхъ много посодѣйствовалъ князь Суворовъ. Главное ходатайство со стороны депутатовъ было направлено къ нему. Онъ совершенно соглашался съ тѣмъ, что такой значительной массѣ молодыхъ людей, бывшихъ студентовъ, оставаться безъ лекцій будетъ пагубно, и помогъ осуществить созданный депутатами проектъ. Они получили согласіе отъ городскаго головы, Н. И. Погребова, дать въ распоряженіе студентовъ-депутатовъ обѣ большія залы Городской Думы.

Къ этимъ двумъ заламъ присоединилась третья, предоставленная въ распоряженіе студентовъ директоромъ Училища св. Петра профессоромъ Штениманомъ" [58]).

Такимъ образомъ, начальствомъ этого *вольнаго Университета* стали студенты-депутаты: Павелъ Гайдебуровъ, Александръ Герда, Виссаріонъ Гогоберидзе, Сергѣй Ламанскій, Анатолій Макаровъ, Николай Неклюдовъ, Лонгинъ Пантелѣевъ, Евгеній Печонкинъ, Петръ Спасскій, Николай Утинъ.

Н. И. Костомаровъ первый заявилъ готовность читать лекціи въ этомъ *вольномъ Университетѣ*. Еще въ концѣ 1861 года, онъ обратился къ министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбою о разрѣшеніи ему прочитать нѣсколько публичныхъ лекцій о Русской Исторіи. При этомъ онъ представилъ слѣдующую программу:

„*Московская Русь.*

XVI вѣкъ.

От смерти великаго князя Василія Ивановича до избранія Михаила Өедоровича.

Отдѣлъ первый.

Отъ смерти Василія до избранія Годунова.

Малолѣтство Ивана Грознаго. Елена. Ея правленіе. Гибель братьевъ Василія. Смерть Елены. Боярское правленіе

и смуты. Возмущеніе Ивана. Пороки его юности. Вѣнчаніе. Московскій пожаръ. Земская Дума. Судебникъ. Стоглавъ. Грамоты. Внутренній бытъ, общественное устройство и церковное управленіе Руси при Иванѣ Грозномъ. Домашній бытъ. Домострой. Литература при Иванѣ. Торговля. Сношенія съ Англіею. Внѣшнія дѣла: Покореніе Казани. Покореніе Астрахани. Дѣла съ Крымомъ. Ливонская война, непріязненныя отношенія къ Польшѣ и Литвѣ. Свирѣпства Ивановы. Ихъ достовѣрность или недостовѣрность. Ѳедоръ Ивановичъ. Характеръ его царствованія. Крестьянское дѣло. Патріаршество. Внѣшнія сношенія. Угличское дѣло.

Отдѣлъ второй.

Борисъ и смутное время.

Обстоятельства избранія Бориса. Неудовольствія противъ него. Гоненія. Несчастія семейства Романовыхъ. Голодъ. Разбой. Картина Русской жизни вообще передъ появленіемъ самозванца. Первые успѣхи самозванца. Смерть Бориса. Гибель его семейства. Царствованіе перваго Лжедимитрія. Его отношенія къ Русскому обществу. Внѣшнія сношенія. Бракосочетаніе. Смерть Лжедимитрія. Воцареніе Шуйскаго. Второй самозванецъ. Союзъ съ Швеціею. Подвиги Михаила Скопина-Шуйскаго. Смерть его. Осада Смоленска. Клушинская битва. Возведеніе Шуйскаго. Объявленіе царемъ Владислава. Занятіе Москвы Поляками. Бѣдствія Россіи. Новые самозванцы. Занятіе Новгорода Шведами. Усиліе Русскихъ къ освобожденію Отечества. Ляпуновъ. Заруцкій.召Mининъ. Пожарскій. Очищеніе Москвы. Изгнаніе Поляковъ. Взаимнодѣйствія Русскихъ земель. Земская Дума. Избраніе Михаила Ѳедоровича“.

Къ этой программѣ Костомаровъ приписалъ: „Первоначально я имѣю намѣреніе прочитать только первый отдѣлъ въ непрерывной послѣдовательности. Чтеніе втораго отдѣла будетъ отдѣлено отъ перваго нѣкоторымъ промежуткомъ времени. Лекціи эти отнюдь не должны имѣть популярнаго значенія, но будутъ сохранять, по мѣрѣ силъ моихъ, учено-

академическій характеръ и служитъ непосредственнымъ продолженіемъ курса Русской Исторіи, читаннаго мною въ бытность мою профессоромъ Русской Исторіи въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Особенное вниманіе считаю нужнымъ обратить на критическій разборъ источниковъ. Число лекцій не опредѣляется. Посѣтители платятъ за весь курсъ. Собранный взносъ отдается въ пользу и распоряженіе Литературнаго Фонда, за исключеніемъ издержекъ по устройству аудиторіи".

Съ своей стороны, министръ Народнаго Просвѣщенія, А. В. Головнинъ, отнесся весьма сочувственно къ предпріятію Костомарова, и при этомъ выразилъ желаніе, чтобы „примѣру Костомарова послѣдовали въ скоромъ времени и другіе почтенные профессора, которые черезъ то оказали бы большую услугу бывшимъ студентамъ закрытаго Университета".

Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ Народнаго Просвѣщенія входилъ въ сношеніе съ шефомъ Жандармовъ и С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Князь В. А. Долгоруковъ и князь А. А. Суворовъ отозвались, что, по ихъ мнѣнію, не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію просьбы Костомарова.

Государь, выслушавъ сужденіе Совѣта Министровъ, 11 января 1862 г., изволилъ разрѣшить управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія дозволить Костомарову читать публичныя лекціи и соизволилъ возложить надзоръ за оными на Министерства Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ.

Примѣру Костомарова послѣдовали и другіе профессора: М. М. Стасюлевичъ—по Всеобщей Исторіи (*Исторія Италіанской Цивилизаціи*); В. Д. Спасовичъ—по Уголовному Праву; Б. И. Утинъ (объ *Англійскихъ учрежденіяхъ*); А. Е. Андріевскій—по предмету Законовъ Государственнаго Благоустройства и Благочинія; К. Д. Кавелинъ—по предмету Гражданскаго Права; И. Я. Горловъ—по предмету Политической Экономіи;

Пл. В. Павловъ—по Русской Исторіи; Н. М. Благовѣщенскій—по Римскимъ Древностямъ (*о Тацитѣ*); Б. Калиновскій—по Финансовому Праву; А. Н. Пыпинъ—по предмету Старинной Русской народной Литературы.

Представленную А. Н. Пыпинымъ программу министръ Народнаго Просвѣщенія не рѣшался собственною властію утвердить. Онъ нашелъ необходимымъ обратиться къ оберъ-прокурору Св. Синода съ слѣдующимъ письмомъ: „Бывшій экстраординарный профессоръ С.Петербургскаго Университета Пыпинъ желаетъ прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій о старинной Русской народной Литературѣ и *ложныхъ книгахъ*. Предварительно какого-либо распоряженія по сему предмету, имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству представленную Пыпинымъ программу предполагаемыхъ имъ лекцій и просить васъ почтить меня увѣдомленіемъ, не встрѣтите ли какого-либо препятствія къ разрѣшенію чтенія оныхъ“.

Вотъ предметы, съ которыми желалъ познакомить А. Н. Пыпинъ своихъ слушателей: „Современное положеніе вопроса о Древней Русской Литературѣ. Связь его съ господствующими направленіями Литературы и особенно съ вопросомъ о народномъ образованіи. Эстетическая школа и культурная сторона предмета. Изученіе памятниковъ. Объемъ настоящаго курса. Начало Древне-Русской Литературы. Византійское вліяніе въ духовной жизни народа и въ письменности. На сколько древнія произведенія, пришедшія изъ Византіи, были доступны пониманію массъ. Контрастъ монастырской Литературы и языческаго *Слово о полку Игоревѣ*. Поэтическія произведенія древней Русской Литературы. Связи съ Южными Славянами, Западной Европой и Польшей. Популярные романы, повѣсти и сказки. Сатира. Значеніе *ложныхъ книгъ*. Апокрифы ветхозавѣтные и новозавѣтные. Появленіе ихъ въ Русской письменности. Запрещеніе ихъ. Отношеніе *ложныхъ книгъ* къ древнему язычеству или двоевѣрію. Связь распространенія *ложныхъ книгъ* съ расколомъ. Содержаніе *ложныхъ книгъ*. Ихъ наиболѣе выдающіеся пункты. Причина ихъ успѣха въ древ-

ней письменности и въ народѣ. Преданія о сотвореніи міра. Другіе ветхозавѣтные апокрифы. Интересъ нашихъ апокрифовъ вообще и по отношенію къ Византійскому вліянію и къ Исторіи Византійской Литературы. Новозавѣтные апокрифы. Апокрифическая Исторія и легенды о Спасителѣ, Богородицѣ, святыхъ и мученикахъ. Вліяніе *ложныхъ книгъ* на развитіе суевѣрія. Болгарскія басни попа Іереміи; гадательныя книги, ложныя молитвы, заговоры и т. п. Культурное значеніе *ложной* Литературы вообще. Роль ихъ въ расколѣ. Отношеніе старинныхъ и нынѣшнихъ понятій раскола къ успѣхамъ образованія. Предразсудки и школа".

Съ своей стороны, оберъ-прокуроръ Св. Синода представилъ программу А. Н. Пыпина на разсмотрѣніе Св. Синода.

Познакомившись съ программой, Св. Синодъ опредѣлилъ: „Размотрѣвъ доставленную г. управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программу публичныхъ лекцій бывшаго профессора С.-Петербургскаго Университета Пыпина, по Исторіи древней Русской Литературы, Святѣйшій Синодъ нашелъ, что программа эта изложена въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что трудно составить о ней положительное заключеніе. Такъ, Пыпинъ намѣренъ читать о древнихъ произведеніяхъ, пришедшихъ изъ Византіи, и сдѣлать сравненіе древней монастырской Литературы съ языческимъ *Словомъ о полку Игоревѣ*. Въ программѣ не объяснено, какія именно произведенія древней Византійской Литературы будутъ составлять предметъ публичныхъ чтеній, но какъ древнія произведенія пришедшія къ намъ изъ Византіи, и монастырская древняя Литература, преимущественно суть Богослужебныя книги, доселѣ употребляемыя въ Православной церкви, жизнеописанія святыхъ и вообще Исторія событій, имѣющихъ вліяніе на судьбы Христовой Церкви, то необходимо, чтобы въ сужденіи объ этихъ произведеніяхъ соблюдена была приличная осторожность. Въ программѣ, на ряду съ *ложными книгами*, поставляются апокрифы ветхозавѣтные и новозавѣтные. Апокрифами ветхо-

7*

завѣтными принято въ ученомъ мірѣ называть нѣкоторыя Библейскія книги, происхожденія которыхъ не раскрыто древностію, наприм., *Книга Премудрости Соломона*, *Іисуса сына Сирахова*, *Эздры*, *Маккавейскія*. Новозавѣтныхъ апокрифовъ, въ этомъ смыслѣ, совсѣмъ нѣтъ. По уваженію къ апокрифамъ ветхозавѣтнымъ, употребляемымъ Церковію, по назидательному ихъ содержанію, не должно подводить подъ это наименованіе книгъ *ложныхъ* или *отреченныхъ*. Появившіяся подъ именами мужей апостольскихъ и непринятыя Церковію сочиненія обыкновенно называются подложными. Но въ сужденіи объ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ ученому изыскателю много нужно труда, тонкой разборчивости и осторожности, дабы общимъ осужденіемъ лжи не оскорбить истины, потому что между ложными понятіями и повѣствованіями, въ сочиненіяхъ сихъ заключается многое, что̀ не противорѣчитъ каноническимъ книгамъ Св. Писанія, церковной Исторіи и здравой логикѣ. Программа не объясняетъ, что̀ разумѣетъ Пыпинъ подъ новозавѣтными апокрифами и *нашими* апокрифами, и какія легенды о Спаситёлѣ, Богородицѣ, Святыхъ и мученикахъ, предполагаетъ онъ ввести въ свои лекціи“.

На основаніи синодальнаго опредѣленія, оберъ-прокуроръ Св. Синода отвѣчалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи доставленной при отношеніи вашего превосходительства, отъ 20 минувшаго января, № 135, программы предполагаемыхъ Пыпинымъ для публичнаго чтенія лекцій о старинной Русской народной Литературѣ и *ложныхъ книгахъ*, не находя всѣхъ данныхъ для безошибочнаго заключенія о направленіи сихъ лекцій, предоставилъ мнѣ увѣдомить васъ, милостивый государь, что безъ представленія Пыпинымъ подробнаго объясненія своей программы, Святѣйшій Синодъ встрѣчаетъ затрудненіе разрѣшить чтеніе по оной публичныхъ лекцій“.

Въ то же время профессоръ Артиллерійской Академіи, полковникъ Лавровъ, обратился къ министру Народнаго Просвѣ-

щенія съ слѣдующею просьбою: „Въ 1860 году, Совѣтъ С.-Петербургскаго Университета разрѣшилъ мнѣ чтеніе публичныхъ лекцій по предмету Философіи; на одной изъ нихъ присутствовалъ и тогдашній министръ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскій. Въ 1861 году, по объявленіи конкурса на каѳедру Философіи, я явился соискателемъ для этой каѳедры, но конкурсъ открытъ не былъ. Нынѣ покорно прошу ваше превосходительство дозволить мнѣ открыть публичный курсъ Исторіи Философіи для помощи студентовъ нынѣ временно закрытаго Университета“. Но 24 января 1862 года помощникъ начальника Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній Путята извѣстилъ министра Народнаго Просвѣщенія, что великій князь Михаилъ Николаевичъ „не изволитъ находить удобнымъ допустить полковника Лаврова къ чтенію публичнаго курса Исторіи Философіи“.

„Бѣдное мое отечество“!—восклицаетъ Никитенко.—„Видно придется тебѣ сильно пострадать. Темныя силы становятся въ тебѣ все отважнѣе, а чистые люди все трусливѣе. Передо мною программа двухъ лекцій изъ Нравственной Философіи, которыя намѣренъ читать публично Лавровъ.—Боже мой! Что за Философія... Я написалъ протестъ“.

„Не удалось ли вамъ сходиться гдѣ“,—писалъ А. В. Горскій въ Петербургъ В. Д. Кудрявцеву,—„съ великимъ философомъ современнымъ, который взялъ на себя теперь трудъ дирижировать изданіемъ *Энциклопедическаго Лексикона* и наполнять его своимъ безвѣріемъ?—Разумѣю Лаврова“ [59]).

Наконецъ и самъ Чернышевскій подалъ слѣдующее прошеніе: „Его превосходительству господину управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія тайному совѣтнику и кавалеру Александру Васильевичу Головнину.

Магистра С.-Петербургскаго Университета, титулярнаго совѣтника Чернышевскаго,

Прошеніе.

По желанію молодыхъ людей, принявшихъ на себя завѣ-

дываніе публичными курсами и предложившихъ мнѣ чтеніе лекцій по предмету Политической Экономіи, имѣю честь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство о разрѣшеніи мнѣ читать означенныя лекціи на правахъ, принадлежащихъ моей ученой степени. При этомъ неизлишнимъ считаю присовокупить, что на тѣхъ же правахъ уже разрѣшено мнѣ чтеніе публичныхъ лекцій по тому же предмету въ пользу Общества пособія нуждающимся литераторамъ.

Вмѣсто программы имѣю честь приложить курсъ Политической Экономіи Милля, котораго буду держаться въ своемъ чтеніи".

На этомъ прошеніи послѣдовала резолюція министра Народнаго Просвѣщенія: „Я не могу согласиться на чтеніе лекцій Чернышевскимъ".

Между тѣмъ, еще 23 іюня 1861 года, выдано было Чернышевскому нижеслѣдующее свидѣтельство за подписью управлявшаго тогда С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ И. П. Корнилова: „Сіе дано магистру С.-Петербургскаго Университета *Чернышевскому*, въ томъ, что на основаніи предложенія г. управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 7 текущаго іюня, за № 907, разрѣшается ему прочесть въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ четыре публичныя лекціи о Политической Экономіи по Стюарту Миллю, согласно представленной программѣ".

На основаніи этого свидѣтельства, Чернышевскій въ залѣ Руадзе прочелъ, въ пользу нуждающихся литераторовъ, публичную лекцію, но только не по предмету Политической Экономіи, а о своемъ *знакомствѣ съ Добролюбовымъ*.

„Добролюбовъ", — писалъ Погодинъ Шевыреву, — „объявляется какимъ-то выспреннимъ геніемъ. Я ничего не знаю изъ его сочиненій".

5 марта 1862 года, П. И. Мельниковъ писалъ Погодину: „Чернышевскій ошиканъ... Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе наглое, болѣе неприличное, чѣмъ чтеніе Чернышевскаго (въ первый разъ передъ публикою)... Безо-

бразіе въ высшей степени. И васъ помянулъ (диспутъ съ Костомаровымъ). Нѣтъ, далеко ужъ зашелъ—кажется, скоро въ Обуховскую свезутъ. Мы уже начали противъ него говорить“ [60]).

XV.

Такимъ образомъ, 30 января 1862 г., въ *вольномъ Университетѣ* открылись публичныя лекціи. „Вся совокупность этихъ лекцій“, — писалъ профессоръ И. Е. Андреевскій, — „читавшихся за плату, шедшую въ пользу недостаточныхъ студентовъ, имѣла прямую связь съ обыкновенными университетскими курсами и имѣла въ виду возможность открытія экзаменовъ въ Университетѣ, чего желалъ новый министръ. Успѣхъ этихъ публичныхъ лекцій чрезвычайно радовалъ князя Суворова: онъ часто требовалъ къ себѣ студентовъ-распорядителей, чтобы разспросить о всѣхъ подробностяхъ и удалять встрѣчающіяся затрудненія. Извѣстно, что этимъ лекціямъ не суждено было продолжаться долго: начались съ февраля и прекратились 7-го марта 1862 года“ [61]).

11 февраля 1862 г., И. С. Тургеневъ писалъ Герцену: „Въ Россіи, точно, кутерьма, но прошу тебя убѣдительно, не трогай пока Головнина. За исключеніемъ двухъ, трехъ вынужденныхъ и то весьма легкихъ уступокъ, все, что онъ дѣлаетъ—хорошо. Вспомни его разрѣшеніе Кавелину и др. читать публичныя лекціи и т. д. Я получаю очень хорошія извѣстія о немъ. Не безпокойся; если онъ свихнется, мы тебѣ его *представимъ*, какъ говорятъ мужики, приводя виноватыхъ для сѣченія въ волость“ [62]).

Но Никитенко смотрѣлъ иначе. „Мнѣ кажется“,—писалъ онъ,—„Головнинъ сдѣлалъ большую ошибку, открывъ Университетъ въ Думѣ. Онъ этимъ только какъ бы утвердилъ въ юношахъ мысль, что учиться можно налегкѣ, на бѣгу, въ публичныхъ собраніяхъ, а не въ школѣ, не въ университетѣ. Это опасный шагъ по направленію къ легкому, поверхност-

ному знанію, вмѣсто серьезной науки, въ которой мы чувствуемъ такую настоятельную потребность".

Въ другомъ мѣстѣ своего *Дневника*, Никитенко записалъ: „Головнинъ, кажется, хочетъ больше думать о своей популярности, чѣмъ о правильномъ направленіи дѣлъ. Не для этого ли, между прочимъ, онъ спихнулъ со своихъ рукъ цензуру на руки министра Внутреннихъ Дѣлъ? Открылъ Университетъ въ Думѣ [63])?

Между тѣмъ, въ Петербургѣ въ это время, „по свидѣтельству протоіерея Базарова", происходила страшная неурядица. Молодежь, взбудараженная новыми реформами, не знала удержу и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы заявить свой протестъ и неуваженіе къ авторитету власти. Хороши были, впрочемъ, и сами авторитеты, выступавшіе поборниками этого новаго направленія юношества. Вотъ одна изъ картинокъ, хорошо иллюстрирующая тогдашнее время. Заимствую ее изъ письма моего сына ко мнѣ, который былъ личнымъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ. „На прошлой недѣлѣ,—писалъ онъ мнѣ, отъ 8 марта 1862 года,—я былъ на вечерѣ въ пользу бѣдныхъ литераторовъ и музыкантовъ. Меня соблазнило то, что за рубль можно было послушать и повидать всѣ здѣшнія знаменитости, какъ, напримѣръ, Рубинштейна, Венявскаго, Некрасова и т. п. Между прочимъ, въ программѣ было показано, что Павловъ будетъ читать *Тысячелѣтіе Россіи*. Я думалъ, что это статья изъ *Мѣсяцеслова*, и потому сначала не обращалъ большого вниманія на его слова; слышалъ только, что онъ говорилъ о началѣ и развитіи цивилизаціи. Но вдругъ, онъ вскочилъ, замахалъ руками и съ сжатыми кулаками закричалъ громкимъ голосомъ, дѣлая сильное удареніе на подчеркнутыхъ словахъ: *Не прельщайтесь блестящею мишурою побѣдъ и тріумфовъ. Наше Отечество находится въ самомъ жалкомъ положеніи!* Тутъ его прервали самыя неистовыя рукоплесканія и самыя бѣшеныя браво. Когда, наконецъ, буря утихла, онъ продолжалъ съ тѣмъ же остервенѣніемъ: *Манифестъ 19 февраля*

раздѣлилъ наше настоящее отъ прошлаго бездонною пропастью. Наши администраторы находятся теперь на скользкой стезѣ, и каждый попятный шагъ можетъ низвергнуть ихъ стремглавъ въ эту страшную пропасть, каждый попятный шагъ можетъ навлечь на Отечество наше ужасное несчастіе. Единственное средство избѣгнуть этого—сближеніе съ народомъ. Наше молодое поколѣніе должно пожертвовать для достиженія этой цѣли тѣми незначительными преимуществами, какими оно пользуется нынѣ. Имѣяй уши слышати да слышитъ. Я не все понялъ, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ кричалъ на всю залу, а въ нѣкоторыхъ говорилъ слишкомъ тихо. Но вся послѣдняя часть его рѣчи была ежесекундно прерываема криками и рукоплесканіями, а по окончаніи ея, онъ былъ нѣсколько разъ вызываемъ. На другой день, нашъ профессоръ Люперсольскій разсказывалъ намъ о рѣчи Павлова, въ классѣ, и о томъ паѳосѣ, съ которымъ говорилъ Павловъ, обыкновенно читающій свои лекціи вяло и монотонно“ [64]).

„Въ пятницу, въ залѣ Руадзе было“, — писалъ П. И. Мельниковъ Погодину, — „чтеніе въ пользу Литературнаго Фонда; было до двухъ тысячъ человѣкъ. Павловъ читалъ о тысячелѣтіи не то что въ Календарѣ, другое чѣмъ тамъ, что у насъ анархія, и что мы на краю бездны, что слѣпые вожди сами свалятся туда и всю Россію свалятъ, если не узнаемъ народа и не сольемся съ нимъ. Рукоплесканіе страшное, вызываютъ Павлова. Онъ вышелъ, далъ знакъ къ молчанію и сказалъ: *Имѣяй уши слышати да слышитъ*“ [65]).

Подъ 5 марта 1862 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Профессоръ Платонъ Васильевичъ Павловъ, за рѣчь свою, высланъ въ отдаленный уѣздный городъ, подъ надзоръ полиціи“ [66]).

„Отъ васъ“, — писалъ И. С. Аксаковъ графинѣ Блудовой,— „что-то не было письма на этой недѣлѣ. Видно — нечего было и сообщать, къ тому же Петербургъ вѣрно занятъ исторіей съ Павловымъ. Очень нужно было Павлова ссылать!

Какая ошибка снова, со стороны Правительства. Михайловъ, Павловъ пожалованы Правительствомъ въ герои, какъ иныхъ оно жалуетъ въ генералы. Но удивительный городъ Петербургъ. Носитель Петровской идеи, онъ есть передовой человѣкъ лжи правительственной и общественной, и въ этомъ отношеніи за нимъ Москвѣ не угнаться. Онъ можетъ и революцію произвести и объявить декретомъ, что нѣтъ Бога, а потомъ допустить его въ извѣстныхъ границахъ,—все къ изумленію остальной Россіи. И нѣтъ никакой причины, чтобы этого не было, потому что груза у него нѣтъ никакого и корней въ народной почвѣ никакихъ! Какая жизнь кипитъ тамъ у васъ—просто чудо! Настоящій Европейскій городъ! А между тѣмъ, эта жизнь сама по себѣ и для себя, а жизнь Россіи сама по себѣ" [67]).

Но не слѣдуетъ забывать мудрый афоризмъ Вигеля: *Гдѣ престолъ Русской Церкви и престолъ Русскаго Царя, тамъ и Россія.*

XVI.

„Послѣ высылки Павлова въ Ветлугу",—свидѣтельствуетъ Никитенко,—„между профессорами, читавшими лекціи въ Думѣ, и бывшими студентами послѣдовало соглашеніе о прекращеніи лекцій. Съ этимъ не согласились: Благовѣщенскій и Костомаровъ. Послѣдній явился въ положенный часъ на лекцію. Его приняли дурно. Онъ сказалъ рѣчь къ собравшейся толпѣ, гдѣ объявилъ, что онъ не намѣренъ быть гладіаторомъ въ потѣху тѣмъ, которые собираются для зрѣлища и демонстраціи, а не для науки; что онъ не намѣренъ угождать ихъ пустому либеральничанью. Вслѣдъ за этимъ раздались крики, свистки, ругательства. Но Костомаровъ удалился, не очень трогаясь этими выраженіями уличнаго негодованія. Только уходя, Костомаровъ еще сказалъ: *Вы, господа, начинаете свое поприще Репетиловыми, а окончите Расплюевыми.* Вотъ теперь уже и въ публикѣ начинаютъ толковать, что во всѣхъ

продѣлкахъ молодыхъ людей не столько виновны они, сколько наставники и руководители, возбуждающіе въ нихъ преждевременное либеральное движеніе, вмѣсто того, чтобы сообщать здоровыя и точныя идеи науки“ [68]).

Объ этомъ возмутительномъ и прискорбномъ событіи мы находимъ также свѣдѣнія въ письмѣ сына протоіерея Базарова къ своему отцу. „Профессора“,—писалъ онъ,—„рѣшились прекратить свои лекціи въ Думѣ. Костомаровъ однакоже продолжалъ, и вотъ на его лекціи произошла страшная путаница. Онъ сказалъ, что онъ врагъ всякихъ безполезныхъ демонстрацій или что-то въ родѣ того. Тутъ стали шикать и апплодировать — все вмѣстѣ. Особенно шикала одна дѣвица, по имени Зайцева, которую знаетъ Ольга К., встрѣчающаяся съ нею въ рисовальной школѣ, гдѣ она проповѣдуетъ разныя эмансипированныя идеи, какъ, напримѣръ, что ненадо слушаться родителей, что нынѣ не такой вѣкъ и проч. На этой лекціи Костомарова произошелъ ужасный безпорядокъ. Въ различныхъ концахъ залы различные ораторы вставали на стулья, кричали, шумѣли и, наконецъ, кончили тѣмъ, что составили адресъ съ жалобой на то, что Павлова сослали безъ суда. Адресъ подписали около трехъ тысячъ мужчинъ и дамъ“.

Куникъ писалъ Погодину: „Къ Костомарову (на лекціи) хотѣли придти около двухъ сотъ свистуновъ, чтобы посмѣяться надъ нанесеннымъ полупомѣшанному Павлову ударомъ. Въ то же время противная партія хотѣла запастись веревками, чтобы связать свистуновъ“ [69]).

Когда вѣсть о событіи, совершившемся въ *вольномъ Университетѣ*, дошла до слуха митрополита Московскаго Филарета, то онъ написалъ Антонію слѣдующія строки: „Вы слышали или читали въ *Вѣдомостяхъ* о неприличныхъ въ собраніяхъ рѣчахъ Павлова, и о взысканіи, которому онъ подверженъ. Вслѣдствіе сего около трехсотъ человѣкъ подписало адресъ къ читающимъ публичныя лекціи, которыхъ было человѣкъ до двадцати, поелику Правительство не хочетъ сво-

боднаго слова, то чтобы прекратить лекціи. И прекратили, кромѣ одного Костомарова; но когда онъ только хотѣлъ читать лекціи, его оскорбили, кричали: ура Павлову, и еще худшее сего" [70]).

Между тѣмъ, въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для Чтенія* было напечатано замѣчаніе о случившемся въ *вольномъ Университетѣ.* Тамъ, между прочимъ, было сказано: „Костомаровъ, столь много ратовавшій за открытый Университетъ, нашелъ, что прекращеніе лекцій не соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Разойдясь, такимъ образомъ, съ Комитетомъ, г. Костомаровъ, сколько кажется, долженъ былъ объявить, что покидаетъ своихъ товарищей и откроетъ продолженіе курса внѣ ихъ дѣйствій".

Библіотека для Чтенія выше поясняетъ: что Комитетъ этотъ составленъ былъ изъ профессоровъ и нѣкоторыхъ слушателей и завѣдывалъ дѣлами „лекцій".

На это замѣчаніе Костомаровъ, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ,* отвѣчалъ: „Ни о какомъ подобномъ Комитетѣ я не слыхалъ. Профессоры между собою безъ участія слушателей, также не составляли Комитета, которому каждый изъ читающихъ долженъ былъ бы подчиняться. Наблюдалось только, чтобъ лекціи не сталкивались между собою въ одно и то же время, но для этого разъ навсегда сдѣлано было распредѣленіе часовъ. Другого рода взаимныхъ отношеній между профессорами, по чтенію публичныхъ лекцій, не было. Что же касается до слушателей, то такъ какъ почти всѣ изъ читавшихъ согласились отдать сборъ съ посѣтителей въ пользу студентовъ, то нѣсколько студентовъ завѣдывали выдачею и повѣркою билетовъ. Можетъ быть, этихъ господъ *Библіотека для Чтенія* разумѣетъ подъ именемъ Комитета. Не вхожу въ разсмотрѣніе: составляли ли они Комитетъ или нѣтъ, но если бы и составляли, то подобный Комитетъ имѣлъ отношеніе только къ студентамъ, въ пользу которыхъ предоставляется сборъ, а никакъ не къ читающимъ лекціи.

Единственная точка соприкосновенія моего съ этими

господами была добровольная, съ моей стороны, услуга — пожертвованіе въ пользу тѣхъ, которыхъ интересъ они приняли на себя. Но соразмѣрять свои поступки съ ихъ желаніемъ или нежеланіемъ, чтобъ лекціи продолжались, я не считалъ себя обязаннымъ.

Далѣе, *Библіотека для Чтенія* говоритъ: „Костомаровъ поступилъ иначе. Уже разойдясь въ мнѣніяхъ съ Комитетомъ, онъ пришелъ читать свою лекцію въ прежнемъ мѣстѣ, подвѣдомомъ Комитету, и по окончаніи ея обратился къ публикѣ съ вопросомъ о томъ: желаетъ ли она продолженія лекцій“?

Выше я сказалъ, что Комитета я никакого не зналъ и не знаю, а потому ни сходиться, ни расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ мнѣ не предстояло необходимости. Зала городской Думы была—мѣсто подвѣдомое не какому-то Комитету, а городскому обществу, которое уступало ее для чтенія, также не какому-то Комитету, а профессорамъ и въ томъ числѣ мнѣ.

Библіотека для Чтенія, повѣствуя, что я обратился къ публикѣ съ вопросомъ: желаетъ ли она продолженія лекцій, должна была бы привести и поводъ, побудившій меня къ этому. Это произошло послѣ того, какъ одинъ господинъ возвѣстилъ, будто бы профессора прекращаютъ свои лекціи, по случаю высылки г. Павлова. Разсматривать справедливость этого объявленія я не считаю умѣстнымъ, потому что *Библіотека для Чтенія* о немъ молчитъ.

Далѣе, *Библіотека для Чтенія* спрашиваетъ: „Для чего это сдѣлалъ Костомаровъ? Думалъ ли онъ подчиниться приговору слушателей, еслибъ онъ былъ единогласенъ, и какъ бы онъ сталъ собирать голоса въ противномъ случаѣ“?

Странный вопросъ! Для чего мнѣ нужно собирать голоса? Довольно было услышать, что есть желающіе. Неужели по понятію г. рецензента такое дѣло можно рѣшать голосами? Неужели, еслибъ девяносто девять сказали, что они слушать лекціи не хотятъ, то это обязывало бы сотаго не слушать ихъ, а профессора не читать ему одному? Но кромѣ

желанія узнать: есть ли желающіе слушать меня, я долженъ былъ обратиться къ публикѣ преимущественно для того, чтобы вмѣсто тѣхъ распорядителей, которые тогда отказывались отъ принятой, прежде того, на себя обязанности, нашлись другіе, желающіе взять на себя выдачу и повѣрку билетовъ для входа на лекціи.

Библіотека для Чтенія объясняетъ: „Кто-то отвѣчалъ изъ толпы, что отчего же не продолжать? Костомаровъ объявилъ, что онъ будетъ продолжать."

Я слышалъ не голосъ кого-то изъ толпы, а можетъ быть, больше сотни голосовъ: Читайте, читайте! *Библіотека для Чтенія* умышленно выражается, что кто-то, для того, чтобъ представить фактъ въ такомъ свѣтѣ, будто бы желаніе прекращенія лекціи было общимъ, а хотѣли ихъ продолженія немногіе... даже, быть можетъ, одинъ человѣкъ не болѣе... Кто-то! понятно!

Далѣе, *Библіотека для Чтенія* говоритъ: „Онъ объявилъ, что не намѣренъ потакать пошлому либерализму; говорилъ что-то о гаерствѣ и проч. Накопецъ, Костомаровъ сказалъ, что какіе-то Репетиловы кончатъ Расплюевыми. А давно ли Костомаровъ увѣрялъ печатно, что его слушатели преданы одной наукѣ. Сколько извѣстно, Репетиловы наукой не занимались, а Расплюевъ извѣстно кто"!

Я никогда не увѣрялъ, ни печатно, ни письменно, ни словесно, что мои слушатели преданы одной наукѣ. У самыхъ ревностныхъ тружениковъ науки есть, конечно, свои семейныя и домашнія дѣла, составляющія для нихъ отдѣльную отъ занятій науками сферу.

Я знаю, что были и есть слушатели, искренно преданные занятію науками — это и теперь я повторю; но какое же соотношеніе между ними и тѣми, по поводу которыхъ я упомянулъ о Репетиловѣ и Расплюевѣ? Послѣднія слова исключительно касались тѣхъ, которые своими дикими выходками хотѣли во что бы то ни стало сдѣлать невозможнымъ выборъ новыхъ распорядителей, и наносили оскорбленія много-

численной публикѣ, ясно заявившей въ то время желаніе, чтобъ лекціи продолжались, а не прекращались [71])!...

Но *Отечественныя Записки* стали за Костомарова. Тамъ мы читаемъ. „На дняхъ намъ случилось встрѣтить настоящую самостоятельность, незащищенную ничѣмъ, кромѣ личнаго убѣжденія. Это случилось на послѣдней лекціи Костомарова, въ залѣ Петербургской Думы. Самостоятельность Костомарова тѣмъ болѣе достойна уваженія, что онъ прямо отъ рукоплесканій пошелъ на встрѣчу свисткамъ и не задумался изъ боготворимаго идола публики превратится мгновенно въ честнаго человѣка, рѣшающагося смѣть свое сужденіе имѣть“ [72]).

Въ *Дневникѣ* Никитенко мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о профессорахъ закрытаго Университета. Подъ *28 апрѣля 1862 года:* „Сегодня, по распоряженію министра Народнаго Просвѣщенія, были собраны профессора несуществующаго Университета для обсужденія вопроса: можетъ ли и на какихъ основаніяхъ можетъ быть открытъ Университетъ? Въ собраніи поднялся страшный шумъ. Наконецъ, кое-какъ, среди нестерпимаго гвалта, добрались до самого вопроса, который кое-какъ былъ поставленъ Ленцомъ... Тутъ всѣ единогласно согласились съ тѣмъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, нельзя открывать Университета до изданія новаго устава... Что у насъ за странный министръ! Онъ рѣшительно не приходитъ ни къ какому результату, а все вертится на одномъ мѣстѣ: то одну ногу подыметъ, то другую, сдѣлаетъ движеніе рукой, сладко улыбнется—вотъ и все“.

— *29* — —: „Вотъ, между прочимъ, какую хитрость употребилъ министръ. Ему хочется открыть Университетъ. Но самому взять иниціативу въ этомъ опасномъ дѣлѣ не хочется. Вотъ онъ всячески вертится около Университета, побуждая его самого дать голосъ въ пользу открытія. Между прочимъ, вотъ еще что̀ приписываютъ (одному лицу): онъ внушилъ сперва Нѣмецкимъ, а потомъ, говорятъ, и Русскимъ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*, напечатать, что въ публикѣ

очень желаютъ открытія Университета и что послѣднему нечего ужъ больше бояться студентовъ, такъ какъ они переводятъ свои сходки изъ стѣнъ Университета въ Общество пособія нуждающимся литераторамъ".

— *15 мая* —: „Собраніе Совѣта или профессоровъ. Къ концу произошла сцена. Костомаровъ подалъ въ отставку и сегодня получилъ уже приказъ объ его увольненіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ захотѣли сдѣлать ему овацію. Поднялся Горловъ и началъ упрашивать его остаться въ Университетѣ. За Горловымъ поднялись другіе и тоже начали упрашивать. Костомаровъ всталъ и какъ-то несвязно заговорилъ о своемъ разстроенномъ здоровьѣ, потомъ перешелъ въ откровенности.—„Я"—сказалъ онъ,—„получилъ болѣе двадцати ругательныхъ писемъ отъ студентовъ; мнѣ угрожаютъ побить меня, если я останусь въ Университетѣ" [73]).

XVII.

Въ то время, когда С.-Петербургскій Университетъ, по прискорбнымъ обстоятельствамъ, временно превратился въ *вольный* Университетъ, который такъ печально окончилъ свое эфемерное существованіе, Университетъ Московскій устоялъ отъ крушенія, и на его каѳедру Философіи, именно въ 1862 году, взошелъ Кіевскій философъ Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ. Всѣ съ живымъ интересомъ пожелали послушать вступительную лекцію новаго профессора. Большая аудиторія была полна слушателей, и онъ оправдалъ возбужденныя имъ ожиданія. „Вмѣстѣ съ ясною истинно философскою мыслію онъ обладалъ даромъ изложенія. Передъ нимъ не было написанной тетради, не было заранѣе приготовленной лекціи съ выточенными фразами, съ закругленными переводами: онъ импровизировалъ, и, не смотря на новость своего положенія, не смотря на многочисленную, разнородную публику, которая собралась его слушать, не смотря на отвлеченность предмета, рѣчь его отличалась совершенною непринужденностью. Не

прибѣгая ни къ какимъ эффектамъ, онъ возбуждалъ и поддерживалъ общее вниманіе всей этой публики. Рѣчь его служила дѣйствительнымъ, полнымъ, безпримѣснымъ выраженіемъ мысли, ея оттѣнковъ и переходовъ. Лекція Юркевича не была чтеніемъ, не была также ораторскою рѣчью неумѣстною на каѳедрѣ; это была живая, ясная бесѣда, которая вся разсчитывалась на то, чтобы вызывать и поддерживать въ слушателяхъ самостоятельную мысль, а не оглушать ихъ каскадомъ словъ, подавляющихъ самодѣятельность мысли и пріучающихъ ее къ пассивной разслабляющей игрѣ темныхъ представленій" [74]).

Благодарный ученикъ Юркевича, Владиміръ Сергіевичъ Соловьевъ „спасъ отъ забвенія нѣсколько о немъ чертъ біографическихъ", которыми мы и воспользуемся.

„Юркевичъ",—свидѣтельствуетъ В. С. Соловьевъ,—„былъ уроженецъ Полтавской губерніи, коренной малороссъ, и навсегда сохранилъ въ характерѣ и языкѣ ясный отпечатокъ своего происхожденія. Какъ подвижность, энергія, предпріимчивость и неутомимое трудолюбіе Грота, по всей вѣроятности, были связаны съ его наполовину западно-европейскимъ происхожденіемъ *), такъ индивидуальный характеръ Юркевича несомнѣнно образовался на общемъ фонѣ Малороссійской натуры. Ей соотвѣтствовала его задумчивость, углубленность въ себя, чувствительность болѣе интенсивная, чѣмъ экстенсивная, — также упрямство и скрытность, доходившая до хитрости. Какъ настоящій *хохолъ*, Юркевичъ былъ болѣе склоненъ къ молчаливой созерцательности, или къ тихому обмѣну мыслей съ немногими друзьями, нежели къ экспансивнымъ разговорамъ на́-людяхъ, или къ какой-нибудь публичной дѣятельности. Трудился онъ, я думаю, только въ силу прямого долга, поборая въ себѣ природную лѣнь. Этимъ достаточно объясняется, что онъ такъ мало написалъ.

---

*) Николай Яковлевичъ, сынъ академика Якова Карловича и Натальи Петровны, рожденной Семеновой. *Н. Б.*

Ко всѣмъ этимъ чертамъ слѣдуетъ присоединить еще одну, также Малороссійскую,—особый родъ сосредоточеннаго юмора. Я не могу представить лицо Юркевича смѣющимся, — не помню его такимъ; но я хорошо помню, какъ онъ смѣшилъ меня, самъ едва улыбаясь.

Призваніе къ Философіи Юркевичъ почувствовалъ очень рано, еще будучи ученикомъ Полтавской Семинаріи. По окончаніи курса въ ней, онъ подвергся большому искушенію, которое окончательно преодолѣлъ. Объ этомъ происшествіи, рѣшительномъ для его судьбы, онъ мнѣ подробно разсказывалъ. Отецъ его, небогатый священникъ въ одномъ изъ городовъ Полтавской губерніи, устроилъ ему къ окончанію Семинаріи чрезвычайно выгодную партію — съ единственною дочерью очень богатаго и вліятельнаго соборнаго протоіерея въ ихъ городѣ. Молодой Юркевичъ нравился протопопу своею скромною наружностью, добрыми нравами и отличными успѣхами въ семинарскихъ наукахъ, и дѣло считалось улаженнымъ. Вмѣстѣ съ красивою поповной женихъ долженъ былъ получить хорошее священническое мѣсто, протекцію при жизни тестя и богатое наслѣдство послѣ его смерти. При этомъ могла пострадать только одна Философія; но Философія Юркевича, связанная съ мистикой, съумѣла постоять за себя. Однажды, лѣтнимъ утромъ, въ то время, какъ въ родительскомъ домѣ уже дѣлались приготовленія къ свадьбѣ, Юркевичъ лежалъ въ саду подъ черешней, предаваясь *недѣланію* и размышляя о своей судьбѣ. Вдругъ, его поразилъ пріятный голосъ въ сосѣднемъ огородѣ. Пришлая поденщица изъ средней Россіи полола грядки и напѣвала пѣсню:

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Эти слова, какъ бы отвѣчавшія на внутреннія сомнѣнія Юркевича, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ сейчасъ же пошелъ и объявилъ родителямъ, что рѣшилъ

не жениться, священства не принимать, а отправится въ Кіевскую Академію, чтобы идти затѣмъ по ученой части. Никакіе уговоры не помогли. Хохлацкое раздумье и нерѣшительность смѣнились въ юномъ философѣ хохлацкимъ же упрямствомъ, и онъ настоялъ на своемъ. Правда, онъ могъ послушаться лишь первой отрицательной половины своего оракула—отказаться отъ выгодной женитьбы, — купить же коня ему было не на что, и онъ отправился пѣшкомъ въ Кіевъ, гдѣ послѣ четырехъ лѣтъ, довольно бѣдственной студенческой жизни, сталъ профессоромъ Философіи въ той же Академіи. Въ академическомъ журналѣ онъ помѣстилъ два значительные трактата: одинъ по библейской Психологіи—о центральномъ значеніи *сердца* въ душевно-тѣлесной жизни человѣка, и другой, критическій—противъ матеріализма *). Этотъ его трудъ былъ замѣченъ въ Москвѣ — Катковымъ и Леонтьевымъ, которые въ то время имѣли большое вліяніе въ Московскомъ Университетѣ, куда Юркевичъ и былъ, въ 1862 году, приглашенъ занять свободную послѣ 1848 года каѳедру Философіи. Здѣсь для актовой рѣчи онъ написалъ самое замѣчательное свое произведеніе—параллель между философскими точками зрѣнія Платона и Канта.

Юркевичъ былъ глубокій мыслитель, превосходный знатокъ Исторіи Философіи, особенно древней, и весьма дѣльный профессоръ, читавшій чрезвычайно интересныя для понимающихъ и содержательныя лекціи. Но по нѣкоторымъ постороннимъ причинамъ, онъ не пользовался популярностью, и студенты не извлекали изъ его чтеній той пользы, какую могли бы получить. Плодовитымъ писателемъ онъ не былъ, никакихъ обширныхъ изслѣдованій и ничего похожаго на философскую систему не оставилъ. Впрочемъ, онъ былъ сознательнымъ врагомъ поспѣшныхъ обобщеній и безпочвен-

*) Содержаніе этихъ двухъ трактатовъ было изложено мною двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ о философскихъ трудахъ Юркевича (Журн. Мин. Нар. Просв.—декабрь 1874 г.). *В. С.*

ныхъ построеній — тѣхъ типичныхъ, для первой половины XIX вѣка, философскихъ системъ, которыя изъ одного принципа, обыкновенно односторонняго и по необходимости предвзятаго и не удостовѣреннаго, смѣло выводятъ все существующее. Онъ любилъ по этому поводу повторять остроумное замѣчаніе Московскаго митрополита Филарета: „Ко всякой новѣйшей системѣ Философіи можно примѣнить слова апостола Петра объ Ананіи и Сапфирѣ: *Се ноги погребшихъ мужа твоего при дверехъ—и изнесутъ тя*“. По мысли Юркевича, мы должны не выводить все существующее изъ одного нами предположеннаго принципа, а постепенно и добросовѣстно возводить все существующее къ его истиннымъ началамъ и внутреннему смыслу, и въ этомъ согласномъ смыслѣ всего даннаго усматривать, на сколько возможно, абсолютную истину. Такимъ образомъ, точкою зрѣнія Юркевича былъ широкій, ото всякихъ произвольныхъ или предвзятыхъ ограниченій свободный *эмпиризмъ*, включающій въ себя и все истинно-раціональное, и все истинно-сверхраціональное, такъ какъ и то, и другое, прежде всего существуютъ эмпирически въ универсальномъ опытѣ человѣчества съ неменьшими правами на признаніе, чѣмъ все видимое и осязательное.

При этомъ Юркевичъ и самъ особенно остерегался и другихъ старался предостеречь отъ пагубнаго, какъ онъ думалъ, смѣшенія двухъ понятій: *знаніе объ абсолютномъ* и *абсолютное знаніе*.

Объ абсолютномъ мы въ качествѣ разумныхъ существъ, конечно, нѣчто знаемъ, и наша задача—улучшать и увеличивать это знаніе, которое, тѣмъ самымъ, опредѣляется не какъ абсолютное, а какъ относительное, не какъ совершенное, а какъ совершенствующееся. Абсолютное же знаніе возможно только при полномъ не отвлеченно-умственномъ только, а всецѣломъ единеніи познающаго съ познаваемымъ, что̀ при данныхъ условіяхъ для насъ, вообще говоря, недоступно.

Къ познанію же *объ* абсолютномъ, т.-е. о Божествѣ и о божественномъ, ведутъ три пути: сердечное религіозное чув-

ство, при чистотѣ нравственнаго сознанія сообщающее ту *премудрость*, которая *не внидетъ въ душу злохудожну*; затѣмъ, добросовѣстное философское размышленіе о фактахъ всякаго опыта, и, наконецъ, — мистическое созерцаніе, въ которомъ человѣческій умъ въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ соприкасается съ самимъ существомъ истины. Каждый изъ этихъ путей имѣетъ свои преимущества, согласіе же ихъ окончательныхъ выводовъ даетъ высшую и самую достовѣрную истину, какая только доступна человѣку.

Къ новѣйшей умозрительной Философіи, которая частію смѣшиваетъ, а частію и намѣренно отождествляетъ эти два различаемыя Юркевичемъ понятія, онъ относился съ безпощаднымъ осужденіемъ, доходившимъ до явной несправедливости. Я помню, что онъ цѣлый вечеръ объяснялъ мнѣ, что здравая Философія была только до Канта, и что послѣдними изъ настоящихъ великихъ философовъ слѣдуетъ считать Якоба Бёма, Лейбница и Сведенборга. Отъ Канта же Философія начинаетъ сходить съ ума, и это сумасшествіе принимаетъ у Гегеля неизлечимую форму *маніи величія*.

Нѣкоторое возвращеніе къ здравому смыслу видѣлъ Юркевичъ у Шопенгауэра—не въ его метафизической системѣ, которая была лишь сборомъ противорѣчій, — а въ отдѣльныхъ, преимущественно этическихъ, указаніяхъ на значеніе симпатіи и особенно аскетизма, которому Юркевичъ всегда давалъ очень высокую цѣну; самъ онъ, впрочемъ, сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ, все-таки женился, оправдываясь тѣмъ, что честный бракъ есть самая трудная форма аскетизма и даже мученичества. „Вы, конечно, — говорилъ онъ, — по молодости думаете, что главное дѣло здѣсь въ любовномъ паѳосѣ; но я вамъ скажу, что это просто чепуха — розовый листокъ, брошенный на... чувственность; а настоящее дѣло — только въ одномъ постоянномъ подвигѣ взаимнаго самоотверженія, и особенно важно то, что истинный героизмъ сведенъ здѣсь къ самому простѣйшему, элементарному выраженію и достигается обыкновеннѣйшимъ повседневнымъ способомъ дѣй-

ствія; такъ что достаточно быть просто честнымъ человѣкомъ, или просто не быть подлецомъ, чтобы уже тѣмъ самымъ взойти на вершину христіанскаго подвижничества и мученичества. Вотъ почему и церковь при всякомъ вѣнчаніи поетъ о вѣнцахъ мученическихъ".

18-го апрѣля 1863 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ Ахматову: „Видѣли ли вы новый проектъ университетскаго устава? Тамъ магистра Духовной Академіи равняютъ не съ магистромъ Университета, какъ велитъ *Сводъ Законовъ*, а только съ кандидатомъ Университета... Съ нами обходятся какъ съ невѣждами и презрѣнными работниками: и не хотятъ вспомнить, что нашего магистра Юркевича призвали въ Университетъ въ профессоры, и онъ имѣлъ полезное вліяніе, паче докторовъ ихъ" [75]).

XVIII.

„Съ марта 1862 года",—свидѣтельствуетъ профессоръ И. Е. Андреевскій,—„вообще положеніе дѣлъ много стало измѣняться къ худшему. Разыгравшійся ли Польскій вопросъ, начавшіе ли создаваться собственные агитаторы, мутившіе общественное спокойствіе и разсылавшіе разнаго рода прокламаціи, но все въ совокупности дѣлало положеніе общественное весьма смутнымъ" [76]).

Самъ директоръ Департамента Полиціи, графъ Д. Н. Толстой, писалъ: „Дѣла внутренней политики были день ото дня хуже. Подъ вліяніемъ чиновничьей партіи, возникала другая, уже крайне красная. Доселѣ Герценъ и Огаревъ были апостолами революціи и читались въ столицѣ почти публично; теперь доморощенные демагоги нашли ихъ устарѣвшими и начали издавать свои подпольные листки. Вскорѣ появились и прокламаціи, вполнѣ зажигательныя. Онѣ ходили по городу, ихъ разносили по домамъ, всовывали въ карманы проходящимъ, и полиція не открывала виновныхъ. Сколько нужно было увѣренности въ безнаказанности, чтобы рѣшиться

предпринять, напримѣръ, изданіе журнала подпольнаго? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что всѣ эти листы, тысячами разбросанные въ столицѣ и разосланные по губерніямъ, печатались ручными станками. Да если-бы это было и такъ, такихъ станковъ потребовалось бы множество. Какъ же не знали о ихъ существованіи? Какъ, наконецъ, не знали, когда и кому провезены они чрезъ таможню"?

„Не стану и не смѣю писать вашему сіятельству о дѣлахъ",—писалъ Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому,—„зная какъ вамъ необходимо полное душевное спокойствіе; а если бы я сталъ описывать вамъ все, что у насъ дѣлается и говорится, то конечно вы не могли бы остаться равнодушнымъ. Дай Богъ, чтобы мы скорѣе пережили настоящую эпоху броженія и перелома. Скажу вамъ только, что Государь сохраняетъ вполнѣ свою благоразумную твердость и ангельское терпѣніе. Нельзя не благоговѣть предъ его характеромъ и сердцемъ" [77]).

Въ *Дневникѣ* Никитенко, мы читаемъ:

Подъ *19 марта* 1862 г.: „Впереди перспектива становится все мрачнѣе и мрачнѣе. Если извѣстная партія одолѣетъ, тогда всѣмъ разумно-либеральнымъ, умѣреннымъ началамъ конецъ, и представители этихъ началъ будутъ смяты скачущею сломя голову и ломящею все толпою. А затѣмъ что? — Новый гнетъ, новый деспотизмъ".

— *14 апрѣля* — — : „Страшную будущность готовятъ Россіи всѣ эти ультра-прогрессисты. И чего хотятъ они? Вмѣсто постепенныхъ реформъ, вмѣсто разумнаго движенія впередъ, они хотятъ крупнаго переворота, хотятъ революціи, и пытаются произвести ее искусственнымъ образомъ. Безумные слѣпцы! Имъ хочется порисоваться на сценѣ, хочется поиграть въ Исторіи. Исторія ихъ первыхъ смелетъ, какъ мельничный жерновъ дрянное жито или овесъ, и унесетъ въ своемъ водоворотѣ. Развѣ Россіи необходимо то, что они замышляютъ"?

„Почему“,—спрашиваетъ Никитенко,—„школа отрицанія находитъ такъ много послѣдователей“?

Отвѣчаетъ: „Потому что она льститъ самолюбію людей легкаго ума, ничему основательно не учившихся. Они не хотятъ подчиниться авторитету, который всегда выказывается въ положительныхъ принципахъ, тогда какъ отрицая, они имѣютъ право думать, что они сами господа своихъ мнѣній. Имъ кажется, что они выше всѣхъ тѣхъ, кого не признаютъ“.

Въ Дневникѣ своемъ, Никитенко записалъ разговоръ свой съ однимъ радикаломъ:

— „Надо все разрушить: бей направо и налѣво“.

— Для чего же?

— „Разумѣется, чтобы истребить все накопившееся зло и достигнуть чего-нибудь лучшаго“.

— Но кто же построитъ на мѣсто разрушеннаго это лучшее?

— „Сама жизнь“.

— Хорошо, но, во первыхъ, кто же вамъ далъ право *насильственно* вести людей къ этому лучшему? Они не хотятъ имѣть васъ своими вождями; васъ никто къ тому не уполномочивалъ. Кто вы? Гдѣ ваши кредитивы? А во вторыхъ, гдѣ гарантіи, что это лучшее, ради котораго вы требуете столько жертвъ, будетъ дѣйствительно достигнуто“ [78])?

Между тѣмъ, въ продолженіи всей зимы,—свидѣтельствуетъ В. А. Мухановъ,—„распространяютъ въ народѣ возмутительныя прокламаціи. Въ день Пасхи находили подобныя воззванія на окнахъ въ Зимнемъ Дворцѣ“ [79]).

Преосвященный Порфирій, въ книгѣ своего *Бытія*, записалъ:

Подъ *12 апрѣля* 1862 г.: „Отъ генеральши Крыжановской (рожденной Перовской) я слышалъ, что мятежники, наканунѣ Пасхи, раздавали солдатамъ и народу печатное воззваніе о перемѣнѣ правленія, и что въ пасхальную ночь толпы народа стояли у Зимняго Дворца и ожидали бунта. Полиція

до сей поры не могла узнать, гдѣ напечатано это воззваніе“.

— *21* — — : „Во время всенощной, архимандритъ Поликарпъ шепнулъ мнѣ, что митрополиту Исидору, ко дню Пасхи, изъ Берлина, прислана кипа печатныхъ воззваній революціонныхъ, и что онъ слышалъ это отъ преосвященнаго Леонтія“ [80]).

Даже въ Московскомъ Кремлѣ, какъ свидѣтельствуетъ Филаретъ, „на недѣлѣ Пасхи, около Кремлевскихъ соборовъ, гдѣ прежде народъ собирался спорить о Православіи, нынѣ явились проповѣдники, которые перетолковываютъ манифестъ о крестьянахъ, изъявляютъ народу состраданіе о его бѣдности, указываютъ на множество серебра и драгоцѣнностей въ церквахъ, и обѣщаютъ изъ нихъ доставить народу богатство, совѣтуютъ не слушать Духовенства и не считать нужнымъ ходить въ церковь“ [81]).

„Возмутительныя прокламаціи“, — писалъ о. Белюстинъ Погодину, — „сыплются градомъ. Повсюдное раздраженіе противъ Адлербурговъ доходитъ до крайней степени; а они все на прежнемъ положеніи. Плакать готовъ я за добраго и благороднаго Царя, — совсѣмъ осѣтили его, и никого и ничего не допускаютъ до него. Главные распространители прокламацій голодная молодежь изъ чиновничьяго люда. Пролетаріатъ изъ этого люда—*бездна многа.* Все это будущіе санкюлеты. Въ Лондонѣ отпечатано пятьсотъ тысячь экземпляровъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, съ прибавленіемъ: *и съ землей*, и отправлено въ Россію. А отвратительные попы Петербургскіе и знать ничего не хотятъ; тамъ бы молиться и дѣйствовать до кроваваго поту, а они только и убиваются изъ за своихъ тысячь да изъ за крестовъ. Ну, за то и барствуютъ, не то что мы, чернорабочіе поденщики“.

Въ другомъ письмѣ своемъ о. Белюстинъ писалъ Погодину: „Студенты Университета продолжаютъ отличаться нелѣпыми выходками. Аресты продолжаются. На прошлой недѣлѣ обыскали два книжныхъ магазина; тоже грозитъ и прочимъ.

Изъ Варшавы вѣсти скверныя. А *карманныя типографіи* неутомимо работаютъ, вызывая народъ *на всеобщую рѣзню, на уничтоженіе монастырей и церквей* и пр. И тутъ Правительство не видитъ, что эти самыя воззванія—наилучшее средство отпугнуть народъ отъ этихъ незваныхъ печальниковъ объ немъ! — Дать бы имъ всю свободу, чтобы они выставились повиднѣе, да и указать бы народу: *Вотъ они, которые хотятъ наругаться надъ вашими храмами и сѣсть вамъ на шею; распорядись съ ними, какъ знаешь.* И головой, — чего головой? Вѣчнымъ спасеніемъ я поручился бы, что народъ и на секунду не задумался бы разорвать ихъ по клочкамъ. Хуже всего, что Царь оскорбляетъ народное чувство крайней подозрительностью и мѣрами *на всякій случай.* Не будетъ никакого случая отъ народа. Могутъ найтись Равальяки; но отъ нихъ не спасаютъ никакія мѣры. Да и Равальяковъ предположить едва ли возможно. Всѣ, — ожесточеннѣйшіе враги настоящаго порядка вещей, не находятъ ничего сказать противъ Царя — лично. Чистоту и благородство его намѣреній сознаютъ всѣ. Значитъ, лично онъ всегда безопасенъ. Къ чему жъ эти неотступные конвои? Вредятъ дѣлу, и больше ничего. Ну чтожъ это за народъ, окружающій Царя—отъ славнаго Бажанова и до кого угодно“ [82])!

„Мы должны противодѣйствовать“—писалъ Никитенко—„напору новыхъ разрушительныхъ идей, стремящихся ниспровергнуть все старое—для того, чтобы умѣрить его сокрушительное дѣйствіе и спасти для человѣчества то, что заслуживаетъ быть спасеннымъ. Уже одно то полезно, что, задерживая умы въ ихъ бурныхъ порывахъ, мы ихъ самихъ нѣсколько отрезвляемъ, заставляемъ одумываться, не считать себя во всемъ непогрѣшимыми и смирять свои деспотическія покушенія. Я не могу никакъ понять, какое мы право имѣемъ обрекать гибели и бѣдствіямъ настоящее поколѣніе во имя блага и усовершенствованія будущихъ“ [83]).

Графъ А. П. Толстой „нашелъ не безвременнымъ“—какъ онъ писалъ митрополиту Филарету—„прочитать Императрицѣ

Маріи Александровнѣ нѣкоторыя мѣста изъ слова, сказаннаго вами 25 іюня 1848 года, и вниманіе Государыни остановилось на слѣдующихъ словахъ: *Изъ мысли о народѣ выработали идолъ, и не хотятъ понять даже той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ.* Съ 1848 г. можно бы насчитать много подтвержденій этой столь прекрасно выраженной, но грустной истины" [84]).

Никитенко передаетъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее любопытное показаніе Делянова: „Вчера былъ у Делянова. Онъ разсказывалъ мнѣ слѣдующую вещь: когда недавно онъ представлялся Государю, то рѣчь коснулась безпорядковъ въ Университетѣ и либераловъ вообще.

— Нельзя отвергать, сказалъ Деляновъ,—что существуетъ партія съ самыми разрушительными демагогическими стремленіями.

— Никто—отвѣчалъ на это Государь—подробнѣе и точнѣе меня не знаетъ этого.

Наши ультра-либералы готовы Стеньку Разина и Емельку Пугачева счесть за глубокомысленныхъ политиковъ и народныхъ героевъ" [85]).

XIX.

Между массою прокламацій, въ то время распространяемыхъ, особенное вниманіе обратила на себя, разбрасываемая въ Москвѣ и Петербургѣ, прокламація, подъ заглавіемъ: *Молодая Россія.* Въ ней требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ признать несуществующимъ Бога, затѣмъ уничтожить бракъ и семейство, уничтожить права собственности, открыть общественныя мастерскія и общественныя лавки, достигнуть всего этого путемъ самаго обильнаго кровопусканія, какого еще нигдѣ не бывало, и забрать крѣпко власть въ свои руки. Въ прокламаціи упомянутъ и издатель *Колокола*, какъ родоначальникъ, какъ великій политическій умъ, впервые провозгласившій на Русскомъ языкѣ теоріи *кровавыхъ реформъ*; но

авторы прокламаціи находятъ, что Герценъ отсталъ, сдѣлался слишкомъ мягокъ и сбивается на тонъ простыхъ либераловъ, которые не хотятъ кровавыхъ реформъ.

Замѣчательно, что Герценъ, прочитавъ эту прокламацію, отнесся къ авторамъ ея „съ словомъ нѣжности". Въ *Молодой Россіи* увидѣлъ онъ „пріятную смѣсь" Шиллера въ Бобефомъ. „Вы насъ считаете отсталыми",—говоритъ онъ,— „мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали отъ васъ сердцемъ, а сердце даетъ тактъ". Герценъ „отечески журитъ *Молодую Россію* только за двѣ ошибки,—во-первыхъ, что она одѣта не по-Русски, а болѣе по-Французски; во-вторыхъ, что она появилась некстати, тѣмъ болѣе, что вскорѣ случились пожары".

Эту статью Герцена, Катковъ прочелъ „съ несравненно большимъ омерзѣніемъ" чѣмъ *прокламацію*. „Тутъ просто"— писалъ онъ,—„дикое сумасбродство; а тамъ видите вы старую блудницу, которая вышла плясать передъ публикой". Въ статьѣ Герцена особенно возмутили Каткова слѣдующія слова: „Чего испугались"! — восклицаетъ Герценъ, обращаясь къ Русскому обществу, которое по прочтеніи *Молодой Россіи*, будто бы ударилось со всѣхъ ногъ спасаться отъ прокламаціи подъ кровъ квартальнаго надзирателя. „Чего испугались"?— говоритъ Герценъ,—„народъ этихъ словъ не понимаетъ и готовъ растерзать тѣхъ, кто ихъ произноситъ... Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, *а если прольется, то это будетъ ихъ кровь,—юношей-фанатиковъ?* Въ чемъ же уголовщина"?

„Бездушный фразеръ не видитъ",—восклицаетъ Катковъ,— „въ чемъ уголовщина. Ему ничего,—пусть прольется кровь этихъ юношей-фанатиковъ! Онъ въ сторонѣ, — пусть она прольется... Онъ поетъ имъ о „тоскѣ ожиданія растущаго не по днямъ, а по часамъ, съ приближеніемъ чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется и чего еще нѣтъ", онъ поетъ имъ о „святомъ нетерпѣніи". Что жъ! Пусть прольется ихъ кровь, онъ прольетъ о нихъ слезы; онъ отслужитъ по нихъ панихиду; шутовской папа, онъ совершитъ

торжественную канонизацію этихъ Японскихъ мучениковъ. У религіи Христа, въ которую онъ не вѣритъ, онъ беретъ ея святыню, и отдаетъ имъ, этимъ несчастнымъ жертвамъ безумія, глупости и презрѣнныхъ интригъ. Онъ почтилъ ихъ титуломъ Шиллеровъ; онъ показываетъ имъ въ священной переспективѣ славу умершаго на Голгоѳѣ. Чтобы дать имъ предвкусіе ожидающей ихъ апоѳеозы, онъ поетъ молебенъ жертвамъ, уже пострадавшимъ за подметные листки, и молитъ ихъ, чтобъ они „съ высоты своей Голгоѳы“ отпустили грѣхъ народу, который требовалъ ихъ головы. „Вотъ вамъ человѣкъ“,—продолжаетъ Катковъ.—„Что же онъ такое? И еслибъ еще былъ онъ на мѣстѣ, съ ними, съ этими юношами-фанатиками, еслибъ еще дѣлилъ съ ними опасности,—нѣтъ, онъ поетъ имъ изъ-за моря, и гнѣвно спрашиваетъ встревоженное Русское общество: „Чего же вы испугались? Вѣдь прольется только *ихъ* кровь,—юношей-фанатиковъ“.

„Многіе точно падутъ невинными жертвами“,—заключаетъ Катковъ,—„и кровь этихъ несчастныхъ падетъ не на народъ, она падетъ на этихъ безчестныхъ поджигателей, которые такъ расточительны на кровь—не свою, а чужую“ [86]).

Между тѣмъ, въ тоже время, самъ Герценъ писалъ Каштерову: „Тата *) ходитъ на работу, а потому — да минуетъ ее Русская колонія юродивыхъ соотечественниковъ, скучающихъ, разочарованныхъ, очарованныхъ, недовольныхъ міромъ и освобожденіемъ крестьянъ“ [87]).

25 мая 1862 года, митрополитъ Филаретъ писалъ А. П. Ахматову: „18 дня сего мая въ Москвѣ одинъ діаконъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ близъ Кремлевскаго сада нашелъ страшную бумагу, которую долгомъ поставилъ представить начальству. Это печатный листъ подъ заглавіемъ: *Молодая Россія*, въ которомъ проповѣдуется безбожіе, мятежъ и кровопролитіе.

Сообщивъ о семъ словесно г. Московскому военному

*) Дочь Герцена. *Н. Б*,

генералъ-губернатору, я узналъ отъ него, что ему извѣстенъ сей листъ, и потому конечно принимаются соотвѣтственныя мѣры.

Впрочемъ, для достовѣрности, что листъ сей не пойдетъ далѣе моихъ рукъ, препровождаю его при семъ къ вашему превосходительству.

Не умолчу еще о свѣдѣніи, которое дошло до меня поздно и неопредѣленнымъ путемъ (почему я не могъ употребить наблюденія и дознанія), но котораго значительность подтверждается тѣмъ, что слухъ о немъ дошелъ и до Сергіевой Лавры.

Въ недѣлю Пасхи въ Кремль, около соборовъ, обыкновенно собирается народъ, и здѣсь прежде бывали споры о Православіи; а въ нынѣшнемъ году являлись люди, въ простонародной одеждѣ, но примѣтно переодѣтые, которые говорили, что данная свобода неудовлетворительна, что народъ страдаетъ, между прочимъ, скудостію денегъ, что въ церквахъ и монастыряхъ безъ пользы много золота и серебра, что все это надобно обратить въ пользу народа, а нѣкоторымъ, къ которымъ обращались съ большею довѣренностью, говорили, что и въ церковь ходить ненужно и что надобно всячески уничтожить довѣріе къ Духовенству. Когда одинъ священнослужитель приблизился, чтобы послушать и, естьли можно, взойти въ разговоръ съ лучшею цѣлію, то его насмѣшками заставили удалиться.

Молю Бога, чтобы вѣрнымъ слугамъ царевымъ даровалъ проницательность, ревность и твердость, дабы открыть и заградить источникъ зла".

Митрополитъ Исидоръ писалъ Филарету: „Вчера вечеромъ получилъ я по городской почтѣ безъименное письмо, и въ тоже время генералъ-губернаторъ князь Суворовъ прислалъ копію полученнаго письма, въ которомъ члены тайнаго революціоннаго общества хвалятся, что обманули нѣкоторыхъ священниковъ въ Петербургѣ и намѣрены то же сдѣлать въ Москвѣ... Нельзя винить священниковъ, которые не обязаны разузнавать, кто тѣ лица, о которыхъ просятъ молиться, но

нельзя—не скорбѣть, что священныя дѣйствія коварно употребляются для низкихъ цѣлей".

По полученіи этого письма Филаретъ, со своей стороны, писалъ Антонію. „Мрачные виды продолжаются и обновляются. Изъ Петербурга предостерегаютъ меня, чтобы случившееся тамъ не повторилось въ Москвѣ. Подземные люди въ Исакіевскомъ соборѣ служили панихиду по болярахъ Иванѣ, Петрѣ и Ѳедорѣ; и послали письмо къ митрополиту, увѣдомляя, кто служилъ, и объясняя, что бояре суть разстрѣлянные, и изъявляя намѣреніе продолжать такія панихиды и въ другихъ городахъ; я сказалъ скромно здѣшнимъ священникамъ и говорю вамъ: если придутъ неизвѣстные люди служить панихиду по неизвѣстныхъ, то сказать: мы не знаемъ, христіански ли сіи люди жили и скончались, потому сомнѣваемся поминать ихъ; поминайте тамъ, гдѣ о нихъ есть извѣстность. Два раза уже разсказывали мнѣ, что въ домѣ Пермскаго архіерея найдена типографія прокламацій, и напечатанныя прокламаціи. Подобный случай въ Кіевѣ вамъ извѣстенъ... Подземные люди вьютъ себѣ гнѣзда у Духовенства, вѣроятно, и потому, что здѣсь менѣе могутъ подозрѣвать, и частію потому, чтобы, въ случаѣ открытія, очернить Духовенство, разрушеніе котораго есть одна изъ цѣлей ихъ дѣйствованія".

А. О. Россети писалъ своей сестрѣ А. О. Смирновой: „Другая новость тебя поразитъ нелѣпымъ ужасомъ: явилась печатанная прокламація. Представь, въ ней говорятъ, что Герценъ, написавшій гдѣ то, что послѣ 48 года онъ имѣетъ отвращеніе къ крови, никуда не годенъ, что надо за топоры и перерѣзать всю царскую фамилію, все дворянство и духовенство. Сочинители оказались дамы: m-lle Александровская и m-me Bühler; попался племянникъ Оболенскаго, молодой Евреиновъ. Говорятъ, что Правительство хочетъ само ее напечатать" [88])...

Наконецъ и полиція встрепенулась. С. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ отдалъ по полиціи слѣдующій приказъ: „Не могу не поставить на видъ Санктпетербургской по-

лиціи, что она недостаточно обращаетъ вниманіе на разбрасываніе въ городѣ, людьми неблагонамѣренными, разныхъ воззваній, которыя хотя и не имѣютъ никакого значенія, но, однако, могутъ напрасно тревожить жителей, а черезъ это возбуждать ропотъ всѣхъ людей благомыслящихъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ справедливому нареканію на полицію, въ томъ, что она недовольно заботится объ исполненіи прямой своей обязанности, то есть, о спокойствіи обывателей, прекращая и даже предупреждая подобные безпорядки" [89]).

XX.

„Какъ тяжко очищается Петербургъ огнемъ"!—писалъ митрополитъ Филаретъ своему Московскому викарію Леониду.—„Да блюдется Москва" [90]).

Объ этомъ огненномъ очищеніи нашего царствующаго града, въ *Дневникѣ* Никитенко мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

Подъ 24 мая 1862: „Вчера въ Петербургѣ было разомъ четыре пожара въ разныхъ частяхъ города.—Толкуютъ о поджогахъ".

— 28 — —: „День, полный тревогъ и страха для цѣлаго Петербурга. Послѣдніе четыре или пять дней подъ рядъ въ городѣ были пожары, а иногда и по нѣскольку разомъ.— Носились слухи, что поджигаютъ... Удивительная безпечность полиціи. Городъ въ очевидной опасности... Въ 6 вечера разнесся слухъ, что Петербугъ жгутъ, что пожаръ вспыхнулъ около Невскаго проспекта... Надъ Петербургомъ висѣла огромная туча дыма... Щукинъ и Апраксинъ дворъ въ огнѣ... На улицахъ вездѣ стояла сумятица, но о грабежахъ не было нигдѣ слышно... Было въ огнѣ и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Сила пожара напирала на Министерство Просвѣщенія и на Пажескій Корпусъ. Пожаръ произвелъ страшное опустошеніе. Общее мнѣніе, что поджигаютъ".

— 30 — —: „Пожаръ на Пескахъ. На Царицыномъ

лугу были войска и Государь. Городъ въ большомъ волненіи. Въ поджигательствѣ никто не сомнѣвается".

— 31 — —: „Несомнѣнно, кажется, что пожары въ связи съ послѣдними прокламаціями" [91]).

Преосвященный Порфирій, въ книгѣ своего *Бытія*, подъ 30 мая 1862 года, записалъ: „Сегодня прогуливался въ тѣнистыхъ аллеяхъ Лавры, съ преосвященнымъ Леонтіемъ, и слышалъ отъ него вотъ какія недобрыя вѣсти: Теперь у насъ три политическія партіи: первая, Герценская—умѣренная, домогается конституціи; вторая, Великорусская—мечтаетъ о Славянской федеративной республикѣ, а третья, красная—жаждетъ безначалія и крови, уничтоженія монастырей, общенія женщинъ и имуществъ и разгульнаго житья... Пойманы поджигатели Петербурга,—студенты здѣшняго Университета. Открытъ заговоръ. Заговорщиковъ восемьсотъ. Въ числѣ ихъ есть литераторы. О, Господи! *Спаси Царя и услыши ны въ онь же день призоветъ Тя.* А Петербургъ горитъ. Знать, ему нужно огненное очищеніе отъ множества грѣховъ его. Этотъ пожаръ предвидѣла во снѣ великая княгиня Елена Павловна и предувѣдомила о немъ Государя, что сама она высказывала мнѣ".

1 іюля 1862 года, Куникъ писалъ Погодину: „Пакетъ на ваше имя, кажется, видѣлъ въ понедѣльникъ въ Коммиссіи во время пожара *). Тимоѳеевъ уѣхалъ въ Москву **). Я же пришелъ еще во-время, чтобы, въ случаѣ нужды, спасти рукописи Коммиссіи. Два раза была большая опасность, но, къ счастью, миновала. Вчера и третьяго дня мы жили здѣсь въ величайшей опасности. Со всѣхъ сторонъ подметныя письма и попытки поджечь, но варварамъ это больше не удалось. Настоящіе совратители молодежи, отъ которыхъ идетъ поджигательство, это — журналисты: ихъ рѣзкій тонъ

---

*) Археографическая Коммиссія въ то время помѣщалась въ зданіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. *Н. Б.*

**) Александръ Ильичъ, членъ Археографической Коммиссіи, жившій въ ея помѣщеніи. *Н. Б.*

возбудилъ молодыя души, какъ мнѣ удалось это наблюдать. Глупцы тѣ, которые думаютъ, что будетъ лучше, если они сотни тысячь убьютъ и все сожгутъ. Главное зло лежитъ въ плохомъ *домашнемъ* воспитаніи всѣхъ сословій, и въ особенности въ томъ, что *мужикъ* выростаетъ дикимъ. Онъ не опасенъ, но его дѣти, которыя въ городахъ сталкиваются съ полукультурой“ [92]).

Подводя итоги огненнаго мѣсяца, В. А. Мухановъ писалъ: „Прошелъ мѣсяцъ смущенія безпокойствъ и тревоги... И пожары прекратились тогда только, когда Правительство объявило, что зажигатели будутъ предаваться военному суду и судиться въ 24-ре часа... Потомъ явились письменныя угрозы, что съѣстные припасы будутъ отравлены. Вмѣстѣ съ тѣмъ на площадяхъ находили возмутительныя прокламаціи, призывавшія народъ къ рѣзнѣ“.

„У насъ дѣла,—писалъ Д. А. Милютинъ къ князю А. И. Барятинскому, — идутъ весьма неутѣшительно. Ко всѣмъ прежнимъ затрудненіямъ присоединилось новое бѣдствіе: страшные пожары, причиняемые несомнѣнно злоумышленниками. Бѣдствія эти наводятъ ужасъ на весь городъ, тѣмъ болѣе, что дерзость и нахальство злоумышленниковъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ“.

„Въ Петербургѣ у насъ“,—писалъ преосвященный Леонтій къ епископу Костромскому Платону,—„городъ (въ мирное время?!) на военномъ положеніи. О пожарахъ можете видѣть изъ газетъ; но постоянно открываютъ заговорщиковъ, и наряжена Коммиссія для изслѣдованія. Тяжелое время! Воззванія дерзкія и безбожныя распространяются. О спасеніи отъ бѣдствій у насъ ежедневно служатъ молебствія (по Высочайшему повелѣнію) по всѣмъ церквамъ. Въ городѣ страхъ и смятеніе; но вотъ, дня три все тихо, и пожаровъ нѣтъ, хотя всякій домохозяинъ боится за себя“ [93]).

„Народъ, все думаетъ“,—писалъ Никитенко,—„что поджигаютъ студенты. Головнинъ писалъ Валуеву, чтобы тотъ сдѣлалъ объявленіе въ томъ смыслѣ, что напрасно обвиняютъ

студентовъ. Валуевъ отвѣчалъ отказомъ. Очевидно, что существуетъ заговоръ, вѣтви котораго распространены далеко. Бѣдная Россія! Какимъ хаосомъ тебѣ угрожаютъ“ [94])!

Анна Борисовна Нейгартъ писала къ преосвященному Саввѣ: „Петербургъ горитъ уже довольно долгое время; тамъ ужасное разореніе; здѣсь носятся слухи, что будто бы и Зимній Дворецъ сгорѣлъ... Всюду возмутительныя прокламаціи, одна одной ужаснѣе!.. Послѣдняя прокламація провозглашаетъ, что нѣтъ Бога; что бракъ долженъ быть уничтоженъ, а также и храмы и монастыри, и священники и всѣ монахи. Кажется, желали бы перерѣзать и всѣхъ дворянъ, какъ защитниковъ престола. Вотъ въ какое мы живемъ время! Всѣ же прокламаціи эти были печатаны въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Это уже открыто... Ну, право, живемъ мы послѣднее время“ [95]).

„Горьки вѣсти Петербургскія“,—писалъ Филаретъ.—„Да умножитъ молитвы смиренныя Москва. Да даруетъ Богъ, чтобы благовременно употреблены были твердыя мѣры домовладыкою, прежде нежели много подкопали домъ. Мы живемъ въ такое время, въ которое скорбно и скорби умножаются“ [96]).

„Вѣсти идущія отъ васъ,—писалъ К. Д. Кавелинъ къ К. К. Гроту, изъ Эмса,—т.-е., отъ Петербурга и изъ Россіи, очень горестны. Сколько хорошихъ вещей, начатыхъ и разрѣшенныхъ, должно, благодаря послѣднимъ событіямъ, остановиться. Публичныя библіотеки, кабинеты для чтенія, воскресныя школы при полкахъ—все это, судя по газетамъ, сметено... Какая-то болѣзнь овладѣла молодежью, точно эпидемія или повѣтріе. Тяжелое время“!

Въ другомъ своемъ письмѣ Кавелинъ писалъ: „Очень можетъ быть, что мое пребываніе за границей продолжится гораздо дольше, потому что я не жду скораго успокоенія умовъ, а пока молодежь въ волненіи — ничего не подѣлаешь“ [97]).

„Что за горестныя извѣстія“,—писалъ Ѳ. И. Тютчевъ изъ

Висбадена,— „я только-что прочиталъ въ газе́тахъ, о томъ рядѣ Петербургскихъ пожаровъ, который недавно увѣнчался пожаромъ 30 мая. Теперь ясно, что горсть негодяевъ ободряемая безнаказанностью, порѣшила перейти отъ слова къ дѣлу. Мнѣ хочется вѣрить, что Правительство послѣдуетъ ихъ примѣру и что справедливая и скорая кара постигнетъ этихъ чужеумныхъ извергов, при надобности даже при помощи свинца. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы все происшедшее не вызвало серьезной реакціи въ умахъ. Въ глубинѣ я все еще отказываюсь вѣрить въ дѣйствительность опасности, но чувствую, что въ удаленіи эта увѣренность продержится недолго. Во всякомъ случаѣ, въ ожиданіи жгучихъ тревогъ, чувствую себя во власти смертельнаго унынія“.

Въ это время директоръ Департамента Полиціи былъ въ отпуску и, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ писалъ: „Въ назначенный срокъ я возвратился и нашелъ въ развалинахъ домъ нашего Министерства и большое число улицъ города вмѣстѣ съ двумя главными его рынками: Щукинымъ и Апраксинымъ дворами. Это было слѣдствіемъ поджоговъ. Въ этихъ случаяхъ Государь выказалъ всю чувствительность своего благороднаго сердца, всю доброту своей чистой души. Онъ принялъ самое горячее участіе въ общественномъ бѣдствіи: самъ присутствовалъ на всѣхъ пожарахъ, открылъ обильный источникъ пособія погорѣвшимъ, и не разъ на глазахъ его видѣли слезу искренняго участія.

Дѣло было ясно. Подпольные дѣятели, несмотря на всю безнаказанность своихъ преступныхъ изданій, несмотря на то, что прокламаціи ихъ являлись все болѣе и болѣе дерзкими, не произвели въ сущности никакого серьезнаго впечатлѣнія на народъ. Одно только Правительство дѣйствовало нерѣшительно и, такъ сказать, исподтишка, употребляя по большей части для сего III-е Отдѣленіе, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ предавая заподозрѣнныхъ суду. Такой образъ дѣйствій, съ одной стороны, придавалъ болѣе дерзости, а съ другой—должно признаться, распространялъ и въ здравой части

общества убѣжденіе, котораго не скрывали, что Правительство не только слабо, но и недальновидно. Такое убѣжденіе, разумѣется, было какъ нельзя болѣе съ руки злоумышленникамъ. Не успѣвъ ничего сдѣлать своими прокламаціями, они рѣшились на поджоги, чтобы доказать всю неспособность Правительства, которое не умѣетъ охранять жителей даже отъ матеріальной опасности.

Я сообщалъ это воззрѣніе министру Валуеву, присовокупивъ, что массы уважаютъ только силу, что если сочувствіе Государя къ несчастнымъ вполнѣ высоко и свято, то этого еще недостаточно для успокоенія столицы; нужно, чтобы жители видѣли, что имъ не только сострадаютъ, но заботятся объ нихъ и охраняютъ, и притомъ имѣютъ для того и средства, и силу. Я предложилъ учредить по улицамъ разъѣзды вооруженной силы, чтобы одновременно импонировать и злоумышленникамъ, и народу, ободряя послѣдній и устрашая первыхъ.

Мнѣ пріятно вспомнить, какъ ясно смотрѣлъ на это дѣло Валуевъ. Онъ не только согласился со мною, но сознался, что Правительство должно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы возстановить свой авторитетъ, столь сильно поколебленный въ послѣднее время. Онъ угадалъ то противоположное видамъ злоумышленниковъ впечатлѣніе, которое пожары должны были произвести на общественное мнѣніе. Валуевъ воспользовался этимъ событіемъ, чтобы усилить полицію столицы людьми гвардейскаго корпуса и исходатайствовалъ себѣ открытіе кредита въ триста тысячъ рублей для этой цѣли. Въ то же время онъ принялъ дѣятельное участіе, какъ въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, такъ и въ пресѣченіи имъ способовъ къ ихъ преступной дѣятельности. Если мѣры принятыя для сего были неуспѣшны, въ этомъ виноватъ не министръ Внутреннихъ Дѣлъ, который не былъ главнымъ распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ“ [98]).

XXI.

10 іюня 1862 года, князь С. Н. Урусовъ писалъ протоіерею Базарову:

„Въ послѣднее время мы были встревожены пожарами. Несчастіе — ужасное, разразившееся надъ тысячами бѣдняковъ—имѣло однако то благодатное вліяніе, что обнаружило во всей силѣ—преданность истинно-Русскаго народа къ Вѣрѣ и приверженность его къ Государю. Я самъ видѣлъ въ то ужасное время, какъ народъ молился, и самъ слышалъ, какъ онъ тронутъ былъ присутствіемъ на пожарѣ и печалію своего Царя. Государыня изволила быть на-дняхъ на мѣстѣ опустошенія; меня тутъ не было, но единогласно мнѣ сказывали, что, при видѣ Ея Величества, восторгъ погорѣвшихъ былъ неописанный. Но сколько, съ одной стороны, возбуждено въ народѣ чувство любви, столь же сильно въ немъ чувство омерзенія къ врагамъ церкви и власти. Глубоко обманулись тѣ, которые надѣялись, что найдутъ опору въ народѣ при усиліяхъ колебать все, что имѣетъ только нѣкоторый авторитетъ. Нельзя не признать, что постоянныя журнальныя разсужденія о недостаткахъ существующаго порядка вещей, желчныя осужденія всѣхъ безъ изъятія предметовъ народнаго уваженія, нападки на всѣ явленія, исходящія отъ какой бы то ни было законной власти — увлекли нашу молодежь, неопытную, впечатлительную — и сдѣлали ее недовольною, несчастною и нетерпѣливо переносящею всякую дисциплину и всѣ требованія порядка. Будемъ надѣяться, что грустныя послѣдствія такой разнузданности будутъ дѣйствительнымъ урокомъ и для руководителей, и для руководимыхъ“ [99]).

Почтенный академикъ Куникъ писалъ Погодину: „Lieber М. П. Мнѣ снова сильно захотѣлось услыхать что-нибудь отъ васъ. Я въ это смутное время не потерялъ духа, но смотрѣлъ на пожаръ, какъ на благодѣтельное кровопусканіе. Но этимъ я вовсе не хочу одобрить снисходительное отно-

шеніе Правительства къ этимъ новымъ Татарамъ. Опасность же, въ которой находились собранія Археографической Комиссіи и Публичной Библіотеки, должна быть для насъ предостереженіемъ, и я, подобно другимъ, совѣтую перевести Публичную Библіотеку. Предлагаютъ для этого Адмиралтейство. Впрочемъ, я уже болѣе года тому назадъ предсказалъ, что въ Россіи будетъ революція—рѣзня и *пожары*. Этимъ я обуздывалъ всѣхъ тѣхъ, которые находили, что Правительство недостаточно быстро идетъ впередъ" [100]).

„Тяжелы воспоминанія",—писалъ профессоръ И. Е. Андреевскій,—„о лѣтнихъ мѣсяцахъ 1862 года, когда страшныя пожарища въ городѣ, очевидно производимыя поджогами, лишили спокойствія населеніе. Чья преступная рука зажгла въ Духовъ день Апраксинъ дворъ, пустившая въ нищету тысячи небогатыхъ торговцевъ? Чьи руки поджигали городъ въ разныхъ мѣстахъ, въ слѣдующіе за этимъ пожарищемъ дни и недѣли? Какія побужденія были къ такимъ подвигамъ? Какихъ цѣлей думали достигнуть? Вотъ вопросы, которые всѣми ставились тогда, какъ ставятся и теперь, потому что и до сихъ поръ причины этихъ пожаровъ остались неразслѣдованными. Какъ тогда, такъ и теперь, существуютъ предположенія, что дѣйствовала шайка корыстныхъ поджигателей, начавшихъ поджоги Апраксина двора съ корыстною цѣлію и что будто бы, воспользовавшись такими поджогами, и политическіе агитаторы начали дѣлать поджоги, для увеличенія общественнаго безпокойства и смуты. Но это только предположенія, а не доказанные факты. Тогда, какъ извѣстно, въ Петербургѣ была устроена особая Коммиссія для изслѣдованія поджоговъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Жданова, посланнаго потомъ и для изслѣдованія поджоговъ въ городѣ Симбирскѣ, возвращаясь откуда Ждановъ и окончилъ жизнь. Для изобличаемыхъ въ поджогахъ назначено было тогда особое судопроизводство военнаго суда и для поджигателей объявлена смертная казнь и утвержденіе смертныхъ приговоровъ возложено было на генералъ-губернатора. Вспоминаю не ли-

шенную интереса съ нимъ бесѣду. Однажды, рано утромъ, часовъ въ 8, я тянулся на извозчикѣ по Каменноостровскому проспекту изъ Лѣсного Института, гдѣ жилъ на дачѣ, съ цѣлію поспѣть къ 9 часамъ въ городъ на экзаменъ. Вдругъ слышу сзади сильный крикъ: *Стой, стой!* Оборачиваюсь и вижу жандармовъ, конвоирующихъ карету князя Суворова, который, поспѣшая въ городъ, увидѣлъ меня и велѣлъ жандармамъ догнать и остановить. Пригласивъ меня пересѣсть къ нему въ карету, на что я согласился, заключивъ предварительно договоръ, чтобы онъ завезъ меня къ мѣсту, гдѣ мнѣ нужно отправлять экзаменъ и не заговорилъ (что было, какъ извѣстно, въ его обычаѣ) меня долѣе 9 часовъ. Чрезвычайно озабоченный, даже взволнованный, князь Суворовъ мнѣ говорилъ: „Вы знаете, какъ я люблю и всегда защищаю молодежь, но посмотрите на что же это похоже, вѣдь весь городъ въ пламени“? Я съ ужасомъ его спрашиваю, развѣ захваченъ кто-либо изъ нашей молодежи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ?—Да нѣтъ, какъ можно захватить, когда это политическій поджогъ, но всѣ говорятъ объ этомъ, и что если это правда“?

Я ему отвѣчалъ: „Знаете ли, ваша свѣтлость, мнѣ положительно извѣстно, потому что многіе говорятъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ Петербургѣ наводненіе и что его сдѣлаютъ наши студенты“.

— „Ну вотъ вы всегда шутите, и въ такомъ важномъ дѣлѣ, и критикуете нашего брата, а чтобы вы сдѣлали“ [101])?

„Теперь“—писалъ Катковъ—„только и рѣчи что о пожарахъ въ Петербургѣ. Газеты наполнены описаніями этихъ бѣдствій, жалобами и сѣтованіями, проектами, какъ предупредить зло, какъ помочь пострадавшимъ. Посреди всѣхъ этихъ толковъ, и въ домахъ, и на улицахъ, и въ правительственныхъ сферахъ, и въ простомъ народѣ, и въ печатныхъ статьяхъ, господствуетъ общее убѣжденіе, что эти бѣдствія происходятъ не случайно, что они совершаются преднамѣрено, что эти пожары слѣдствіе поджоговъ, что эти поджоги

будто бы находятся въ связи съ какими то политическими тенденціями.

Поджоги у пасъ не новость. До сихъ поръ они были дѣломъ мошенничества, грабежа, иногда чѣмъ то въ родѣ эпидеміи, свирѣпствовавшей между простыми и грубыми людьми, или наконецъ, дѣломъ дикихъ побужденій, не украшавшихъ себя никакими девизами, и не оправдывавшихъ себя никакими общими тенденціями. Это было невольничьимъ преступленіемъ, злодѣйствомъ людей униженныхъ и испорченныхъ рабствомъ. Такъ, въ средѣ Римскихъ невольниковъ было любимою мечтою: сжечь Капитолій, и въ Римѣ всѣ невольничьи смуты сопровождались поджогами; такъ и у насъ, когда половина народа находилась въ рабствѣ, поджоги были явленіемъ обыкновеннымъ. Но въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабство исчезло, исчезли и поджоги. Въ Европѣ часто происходили, и теперь еще происходятъ, политическія смуты, междуусобія, революціи; но нигдѣ въ Европѣ не прибѣгаютъ къ систематическимъ поджогамъ, никто изъ самыхъ отчаянныхъ Парижскихъ баррикадистовъ не осмѣлился бы подать такой мысли, и никто изъ нихъ не выслушалъ бы ея безъ негодованія; негодяя, который возымѣлъ бы такую мысль, разстрѣляли бы на мѣстѣ его собственные соумышленники. Вотъ почему мы не хотимъ вѣрить не только ожесточенной народной молвѣ о виновникахъ теперешнихъ поджоговъ, но и тѣмъ подозрѣніямъ, которыя проглядываютъ въ печати и слышатся отъ людей способныхъ къ самообладанію, слышатся въ сопровожденіи разныхъ уликъ и доводовъ. Мы не хотимъ вѣрить всѣмъ этимъ подозрѣніямъ, пока не получимъ несомнѣнныхъ доказательствъ, пока формальныя слѣдствія не обнаружатъ фактовъ.

Да и какъ вѣрить? Какъ допустить, чтобы въ людяхъ, имѣющихъ по крайней мѣрѣ лоскъ образованія, по крайней мѣрѣ грамотныхъ, по крайней мѣрѣ умѣющихъ связать нѣсколько словъ въ правильную рѣчь, хотя бы самаго нелѣпаго содержанія, чтобы въ людяхъ способныхъ подаваться

на какіе-нибудь умственныя увлеченія, хотя бы самаго безобразнаго свойства, могло быть столько животнаго безсмыслія, столько нравственнаго безсилія, столько рабскаго чувства?... Между нелѣпою мыслію и такимъ гнуснымъ дѣломъ, между возмутительною прокламаціею и поджогомъ — цѣлая бездна. Сколько нужно одуренія и сколько низости, чтобы этой бездны не было.

Однако, скажутъ намъ, въ послѣднее время много невѣроятнаго являлось на свѣтъ. Вѣра творитъ чудеса; но и безсмысліе творитъ въ свою очередь чудеса; очумѣвшее воображеніе творитъ также чудеса. Недавно случилось намъ упомянуть о Русскихъ агитаторахъ, проживающихъ комфортабельно за морями: развѣ то, что они дѣлаютъ не тѣ же поджоги? Или они такъ невинны, что не понимаютъ къ чему клонятся ихъ манифесты? Или они думаютъ, что возбуждать стихійныя страсти, которыя также мало разбираютъ свои жертвы, какъ и пожары, которыя также сопровождаются всеобщими бѣдствіями, падающими на бѣдныхъ и на богатыхъ, честныхъ и безчестныхъ, и еще болѣе на первыхъ, не значитъ поджигать, особенно когда проповѣдники живутъ весело въ сторонкѣ и еще менѣе обыкновенныхъ поджигателей рискуютъ своею особою? Развѣ это не одно и то же? Развѣ это еще не хуже? Развѣ нельзя ожидать всего отъ людей, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ? Люди, потерявшіе живое чувство и смыслъ дѣйствительности, способны на все. Невольники поджигали Капитолій; но Римъ поджигали также и обезумѣвшіе артисты, съ тѣмъ чтобы полюбоваться великолѣпнымъ спектаклемъ, и подразнить свою притупленную чувственность. Люди, загубившіе свой умъ и сердце въ фразѣ, люди потерявшіе способность что-нибудь дѣйствительно почувствовать и о чемъ-нибудь серьезно подумать, способны на всякіе эксперименты, не хуже несмысленныхъ ребятишекъ“.

Въ это время въ Московскомъ Кремлѣ проживала благословенная чета Вельтмановъ. Извѣстный писатель А. Ѳ.

Вельтманъ управлялъ Оружейною Палатою. Съ супругою его, тоже писательницею, товарищъ министра Внутреннихъ Дѣлъ Тройницкій завелъ переписку, изъ которой сохранилось нижеслѣдующее любопытное письмо.

18 іюля 1862 г. супруга А. Ѳ. Вельтмана, писала Тройницкому:

„Вы подвергли себя труду читать мое письмо, задѣвъ меня словами: *Не знаю, сквозь какую призму смотрите вы на насъ изъ Москвы*, да еще упомянули о *Славянофильскихъ призракахъ*. Москва не стоокій змѣй... ...У нея очей восемьсотъ тысячь, слѣдовательно и призмъ много, и есть тутъ всякая всячина. О Славянофилахъ мой баринъ (т.-е. А. Ѳ. Вельтманъ) говоритъ, что они писать не умѣютъ и взошли на тѣхъ же Нѣмецкихъ дрожжахъ. Западники чуждаются его, Славянофилы сторонятся. Академія пробовала писать противъ его ученыхъ трудовъ, но по собственному сознанію, разорвала написанное и не напечатала. Публика читаетъ его романы и требуетъ побольше чудодѣевъ, потому что всякому здорово похохотать до сыта. Знакомые говорятъ, что онъ живетъ на необитаемомъ острову, въ допотопномъ мірѣ и не знаетъ ничего, что дѣлается на свѣтѣ. Съ нашего необитаемаго острова мы смотримъ на свѣтъ Божій, на ломку, которая происходитъ на всѣхъ концахъ, слышимъ трескъ, видимъ пыль и прахъ и ждемъ, надѣясь на милость Господню, зная, что все въ Его рукѣ. Съ необитаемаго острова необычайный видъ представляла намъ наша Журналистика, въ которой давно уже виднѣлось зарево Петербургскаго пожара. Вы находите смѣшнымъ мое сравненіе настоящей эпохи съ Вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ; съ необитаемаго острова оно представляетъ именно этотъ эффектъ“ [102]).

XXII.

„Что же вы передовые“!—взывалъ Погодину Томашевскій,—„не вопіете противъ угрожающаго намъ Содома и Гомора? Хотите дождаться дѣлъ? Но не поздно ли будетъ“?

Собираясь писать о пожарахъ, Погодинъ обратился за свѣдѣніями въ Петербургъ, къ А. А. Краевскому. Послѣдній отвѣчалъ: „Вы мнѣ задали такой вопросъ, Михаилъ Петровичъ, на который едва ли кто возьмется отвѣчать удовлетворительно. Чтò *творится на Святой Руси*? Да еще отвѣтить яснѣе, помимо напечатаннаго! Что творится? Творится кавардакъ, порожденный Лондонскою пропагандою и воспитанный доморощенными свистунами. Правительство немного, кажется, поторопилось признать эти мальчишецкія движенія за что-то серьезное—и вотъ поднялся крикъ и стонъ на всю Русь... Вольно же было позволять воскресныя школы безъ всякаго контроля; ну, тамъ и начали проповѣдывать отрицаніе церкви, царя и существующаго порядка общественнаго! Вольно же было связывать Литературу по рукамъ и по ногамъ, чтобъ она ни слова не смѣла сказать противъ революціонныхъ утопическихъ ученій, дѣлая видъ, что этихъ ученій и нѣтъ на свѣтѣ, тогда какъ они преспокойно разносились Лондонскими листками по всему лицу Россіи, и въ подцензурныхъ журналахъ достаточно было только личныхъ намековъ, чтобъ читатели поняли, въ чемъ дѣло! Вольно же было въ Военноучебныхъ Заведеніяхъ готовить молодыхъ людей только къ экзамену, вовсе не обращая вниманія на ихъ внутреннее развитіе! Ну, вотъ и вышло, что надо было закрыть воскресныя школы, запретить два журнала, да разстрѣливать или ссылать офицеровъ. Все-то мы, видите заднимъ умомъ умны: хватимся тогда, когда ужъ поздно. Да еще какъ и хватимся-то! Придумаемъ полумѣры, полууставы — да и думаемъ, что все дѣло устроено. Тàкъ, я думаю, и теперь будетъ. Радикальныхъ реформъ, кажется, ожидать нечего, подъ

вліяніемъ разныхъ до сихъ поръ продолжающихся арестовъ въ Россіи и выстрѣловъ въ Варшавѣ. Авось, не посмотримъ ли дѣлу прямо въ глаза, когда все успокоится! А когда успокоится—Богу одному вѣдомо! Въ настоящую минуту, дѣятельно работаютъ нѣсколько слѣдственныхъ коммиссій: одна по поджогамъ, другая по подпольной Литературѣ, третья—по воскреснымъ школамъ, и. т. д. Между поджогами и тайной прессой не можетъ быть никакой солидарности. Это я говорилъ съ самаго начала пожаровъ и даже напечаталъ. Розыски, кажется, подтверждаютъ мое мнѣніе. Созналась въ поджогѣ какая-то баба, зажегшая лавку изъ личной мести къ сосѣдкѣ; сознался учитель Викторовъ, съ-пьяну поджигавшій Училище въ Лугѣ; да еще какіе-то мальчишки, путающіеся въ своихъ показаніяхъ. Пожаръ 28 мая произошелъ на Щукиномъ и Апраксиномъ дворахъ, которые аккуратно *каждый годъ* поджигаемы были лѣтомъ, но неудачно. Это повторялось и при Николаѣ; и теперь 28 мая былъ Духовъ-день: весь Апраксинской народъ былъ въ Лѣтнемъ Саду; а вѣтеръ былъ такой страшный, что деревья съ корнемъ выворачивало. Слѣдственно, если мазурики, точившіе давно зубы на Апраксинъ дворъ, случайно выбрали этотъ день, не потому что было вѣтрено, а потому, что былъ праздникъ, тутъ вотъ и разгадка страшнаго пожара. Другое дѣло—подпольная пресса: она въ прямой связи съ проповѣдью въ воскресныхъ школахъ и съ разными другими затѣями—и это явленіе не случайное, а давно готовившееся и быстро созрѣвавшее подъ гнетомъ цензуры, задерживавшей всѣ движенія *явной* Литературы. Что̀ открывается въ коммиссіяхъ, въ какой степени оказываются виновными арестованныя лица—конечно, никто не знаетъ. Слуховъ ходитъ, разумѣется, множество; но ни одинъ изъ нихъ не можетъ имѣть основанія. Вотъ пока и все. Всѣ мы ждемъ и ждемъ, что̀ откроется, чѣмъ дѣло кончится. Подождите и вы“ [103]).

Тѣмъ не менѣе Погодинъ, внявъ воззванію къ нему То-

машевскаго, написалъ статью: *О Петербургскихъ пожарахъ.* Статья эта дошла до насъ въ отрывкѣ.

Погодинъ писалъ: „...Другіе слухи приписываютъ пожары иностранной революціонной пропагандѣ, Полякамъ; есть такіе, которые даютъ пожарамъ политическое значеніе, и примѣшиваютъ имя нашего стараго бдагопріятеля, лорда Пальмерстона, желающаго будто произвести у насъ возмущеніе. Какъ это ни странно, ни больно, ни горько, но все таки сноснѣе, чѣмъ мысль объ участіи дѣтей, поднимающихъ руку на родную мать.

Пропагандистамъ и политикамъ можно бы сказать, что они не имѣютъ понятія о Россіи, и напрасно хлопочутъ о ея разореніи. *Россія*, — говаривалъ покойный старикъ Аксаковъ,—*есть такой слонъ, которому чѣмъ глубже нанесешь рану, тѣмъ скорѣе заплыветъ она жиромъ...* Такъ вы принимаете на себя лишній трудъ, и даромъ подвергаетесь опасности вздернуться на висѣлицу. Англичане, правда, не брезгливы въ средствахъ вредить друзьямъ и недругамъ, что доказала не однимъ бомбардированіемъ Копенгагена и разореніемъ Греціи; но все таки въ слухахъ объ ихъ участіи въ пожарахъ Петербургскихъ, смысла, кажется, еще менѣе чѣмъ въ Англійскихъ слухахъ о нашихъ намѣреніяхъ бунтовать Индію.

Что касается до Поляковъ, то ихъ послѣднія нелѣпыя демонстраціи,... оскорбленія войска, непріязненныя отношенія къ Русскому населенію, даже и дѣтямъ, учащимся въ однихъ училищахъ съ ихъ дѣтьми, питаютъ подозрѣніе; но съ другой стороны, тяжело было бы думать истиннымъ друзьямъ Польши, что несчастные братья до сихъ поръ не образумились; такой образъ дѣйствій,—такой путь, облитый кровью, —освѣщенный заревами, оглашенный воплями и стонами невинныхъ жертвъ, не приведетъ ихъ къ цѣли, а развѣ отдалитъ отъ нея, раздражитъ и возбудитъ Русскій народъ противъ Польши. Чѣмъ виноваты бѣдные ремесленники, промышленники и купцы въ дѣйствіяхъ или отношеніяхъ Правительства, положимъ противныхъ, хотя не безъ причины,

для Поляковъ? Какая польза для Польской національности, для общаго дѣла, если сгоритъ въ Петербургѣ товаровъ на нѣсколько милліоновъ, или въ другихъ городахъ истребится хлѣбъ, выжгутся лѣса? Лишніи слезы, лишніе стоны, отрава жизни нѣсколькимъ семействамъ, вотъ и все! Блистательная, многообѣщающая перспектива для политическихъ зажигателей" [104])!. . .

Статью свою до печати, Погодинъ отправилъ Кокореву на разсматрѣніе; но Кокоревъ писалъ С. И. Погодиной: „Статью Михаила Петровича, какъ написанную подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, не пуская въ ходъ, посылаю къ вамъ на храненіе. Вотъ причины, почему я это дѣлаю:

1. Поджоги существуютъ только въ разсказахъ, но никто въ томъ изъ массы разныхъ схваченныхъ воровъ, не уличенъ! Это мнѣ говорилъ предсѣдатель Коммиссіи генералъ-адъютантъ Зиновьевъ.

2. Всѣ газеты кинулись на *Пчелу*, первую вѣстницу того, что поджоги имѣютъ связь съ студентами и сама *Пчела* теперь переходитъ на сторону оправданія ихъ.

3. Выставлять въ такое смутное время, имя Михаила Петровича цѣлью дрянныхъ выстрѣловъ, въ дѣлѣ еще неизслѣдованномъ,—неблагоразумно.

4. Сказанное слово серебро, а умолченное золото. Этой поговоркой надобно въ особенности руководствоваться въ дѣлѣ обвиненія (тяжкаго и ужаснаго) молодежи и не спѣшить съ печатнымъ заявленіемъ опредѣлительныхъ подозрѣній пока дѣло не выяснилось какъ $2+2=4$.

Что же касается передачи черезъ меня статьи князю Суворову, то за это я уже никакъ не берусь, поставивъ себѣ правиломъ постоянное уклоненіе отъ всего меня не касающагося.

Когда окончатся занятія Слѣдственной Коммиссіи, обнаружатся виновные, напечатаются приговоры, тогда не уйдетъ время высказать Михаилу Петровичу печатно свои мысли. А если всѣ подозрѣнія окажутся ложны, то подумайте, какому

тяготѣнію, со стороны людской злобы и собственному упреку совѣсти, подвергнулась бы *вся остальная жизнь нашего дорогого Михаила Петровича!* Вотъ почему я не пускаю въ ходъ ни статьи его, ни письма къ Тютчеву“ [105]).

Подъ 10 сентября 1862 г., В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „У насъ обѣдаетъ князь Трубецкой и Гамбургеръ. Допрашиваю перваго о Головнинѣ, у котораго онъ наканунѣ обѣдалъ. Головнинъ говоритъ, что онъ много сдѣлалъ бы, но совершенно парализованъ Коммиссіею, разбирающею дѣло пожаровъ и взводящею подозрѣнія на всѣхъ, можетъ быть, и на него самого“.

XXIII.

„Съ каждымъ днемъ“,—писалъ Д. А. Милютинъ къ князю А. И. Барятинскому,—„все болѣе и болѣе раскрывается зло, запустившее уже, къ крайнему прискорбію, глубокіе корни. Не знаю, удастся ли теперь разыскать, гдѣ именно настоящій корень, и остановить развитіе яда. Ядомъ этимъ уже заражено большинство нашего молодого поколѣнія во всѣхъ слояхъ, не исключая и военнаго. Какъ часто вспоминаю я разговоръ съ вами въ Тифлисѣ, по предмету дисциплины и воинскаго духа въ нашей арміи, и въ особенности въ гвардіи и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. То, что тогда заботило васъ, только теперь разоблачается для всѣхъ. Не скрою также, что мнѣ приходитъ на мысль, какъ были бы полезны ваши совѣты и мнѣнія въ настоящую минуту“.

Ядомъ этимъ были *заражены* и *школы духовныя*, и *школы гражданскія*, и *школы военныя* и наконецъ, *школы воскресныя*.

„Горе намъ съ молодымъ поколѣніемъ“,—писалъ преосвященный Леонтій—„Право, непонятно такое быстрое увлеченіе потокомъ идей ненашихъ нашими. Я часто бранюсь съ молодежью; но нелегко урезонить ихъ на дѣлѣ, хотя слушаютъ и молчатъ. Броженіе, впрочемъ, должно пройти. И Аскоченскій тоже молодецъ“ [106])!

„Сознавая всю неудовлетворительность, всю безотрадность нашего положенія“,—писалъ князь С. Н. Урусовъ,—„мы, однако, должны добраться до корня зла. Не спорю,—преобладаніе формы, исключительность направленія, вліяніе извѣстнаго, неодушевленнаго элемента составляютъ органическіе недостатки учрежденія. Но утѣшительнѣе ли вамъ представится другая не духовная среда, гдѣ совершается движеніе, извѣстное подъ приторнымъ именемъ прогресса? Спросите у родителей, которые образуютъ своихъ дѣтей въ свѣтскихъ заведеніяхъ. Это сказано мною не для извиненія духовнаго воспитанія, а указана другая причина зла. Хорошо отворить окно, когда можно впустить свѣжій воздухъ, но если въ полу-развалившуюся лачугу проникаютъ міазмы,—то какъ ее ни строй, ни чини, нельзя ее оградить отъ гнилой мѣстности. Россія имѣетъ дѣло съ двумя поколѣніями: одно—отжившее, безжизненное; другое полу-испорченное, самоувѣренное, помышляющее только о ломкѣ; извольте изъ того и другого строя выбирать орудія для созданія чего-либо прочнаго. Добросовѣстный голосъ опыта, указывающій на злоупотребленія,—достоинъ уваженія. А когда цѣлая партія кричитъ молодежи: *Вы загнаны, вы истерзаны, вы забиты деспотизмомъ*, — удивительно ли, что молодежь волнуется, увлекается и вступаетъ въ борьбу не съ личностями, а съ коренными принципами. И молодежь, не только учащаяся, но и учащая,—наставники, разбросанные по всѣмъ концамъ Россіи и подготовляющіе будущихъ учителей. Конечно, есть заведенія, гдѣ ученики боятся начальниковъ, но есть и такія заведенія, гдѣ начальники дрожатъ передъ учениками. Намъ скажутъ: *Перемѣните начальниковъ*. А мы отвѣтимъ: Кѣмъ? Укажите. И кромѣ того, надо платить, надо одѣвать, надо кормить, надо строить. Свѣтскія заведенія берутъ деньги за ученье и щедро вознаграждаютъ учителей. Естественно, что лучшіе люди изъ духовнаго званія переходятъ на свѣтское поприще. У насъ остается, положимъ, бѣлое Духовенство“ [107]).

Савва, въ своей *Автобіографіи*, разсказываетъ, что въ быт-

10

ность его во Владимірѣ, „8 іюля 1862 года, послѣ литургіи, владыка Іустинъ пригласилъ его съ собою въ карету. — Зачаемъ у него имѣли разговоръ *о царскихъ панихидахъ*, которыя онъ считалъ совершенно излишними, особенно по такимъ особамъ, какъ напримѣръ Анна Іоанновна, — и *о любви ко врагамъ*, которую онъ считалъ противоестественною. Въ часъ пополудни у ректора былъ обѣденный столъ, за которымъ присутствовалъ преосвященный. За столомъ шла рѣчь о современной Русской Литературѣ, между прочимъ о журналѣ *Современникъ*, который преосвященный Іустинъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ журналамъ, а на *матеріализмъ* онъ смотрѣлъ какъ на философское ученіе, нисколько не опасное для общественной нравственности“.

При самомъ вступленіи своемъ въ должность оберъ-прокурора Св. Сѵнода, въ 1862 году, А. П. Ахматовъ посѣтилъ Сергіеву Лавру, Ярославль и другія мѣста, и вынесъ изъ этого посѣщенія печальное впечатлѣніе.

При посѣщеніи Троицкой Академіи, Ахматовъ обратился къ ректору Саввѣ съ вопросомъ о дѣлѣ, возникшемъ въ Вологодской Семинаріи по поводу распространенія между учениками сочиненія Фейербаха. Когда Савва отозвался, что ему извѣстно только начало этого дѣла, а о дальнѣйшемъ раскрытіи его онъ не получалъ еще никакихъ свѣдѣній, то Ахматовъ поручилъ Саввѣ снестись съ ректоромъ Семинаріи и потребовать отъ него обстоятельныхъ свѣдѣній по этому дѣлу.

Ректоромъ Вологодской Семинаріи въ то время былъ архимандритъ Іонаѳанъ, впослѣдствіи архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, который по этому дѣлу сообщилъ Саввѣ слѣдующія свѣдѣнія: „Неблагонамѣренныя сочиненія (Искандера и др.) найдены у четверыхъ учениковъ, а именно: у уволеннаго въ маѣ изъ средняго отдѣленія Семинаріи Благовѣщенскаго, проживавшаго въ домѣ отца своего въ Никольскомъ уѣздѣ; у окончившаго курсъ Семинаріи Румянцева и у двухъ братьевъ Соколовыхъ, изъ коихъ одинъ — Яковъ кон-

чилъ нынѣ курсъ, а другой — Петръ поступилъ въ высшее отдѣленіе Семинаріи (послѣдніе трое изъ Новгородской епархіи). Внезапные и строгіе обыски произведены были и у другихъ многихъ учениковъ; но предосудительнаго ни у кого ничего не найдено.

Ученикъ Благовѣщенскій на допросахъ Слѣдственой Коммисіи показалъ, что найденныя у него сочиненія получены имъ отъ студента Университета Фрязиновскаго, какъ это подтвердилъ и послѣдній, и что одно изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: *Что нужно Русскому народу*, давалъ онъ, по глупости, крестьянину Малыгину, который, какъ неграмотный, показалъ оное причетнику, а этотъ сказалъ Малыгину, что сочиненіе это негодное, и Малыгинъ донесъ о семъ исправнику, который, обыскавъ Благовѣщенскаго и Фрязиновскаго, арестовалъ того и другого.

Румянцевъ показалъ, что возмутительныя сочиненія списывалъ онъ съ тетрадей, взятыхъ имъ у гимназиста Невѣнскаго, что списывалъ ихъ изъ одного любопытства, отнюдь не сочувствуя ихъ содержанію и читать ихъ никому другому не давалъ. Послѣ такого показанія Румянцева, естественно и необходимо было бы тотчасъ же обыскать квартиру Невѣнскаго, но она обыскана была спустя уже нѣсколько дней, и потому, можетъ быть, въ ней ничего предосудительнаго не найдено. Невѣнскій же, спрошенный уже черезъ мѣсяцъ, въ дачѣ Румянцеву тетрадей не признался и при очной ставкѣ отказался даже отъ знакомства съ Румянцевымъ.

Яковъ Соколовъ показалъ, что найденныя въ его квартирѣ тетради принадлежатъ брату его Петру Соколову. Послѣдній отозвался, что эти тетради остались у него послѣ умершаго съ годъ тому назадъ ученика Мурашева. Читать ихъ Соколовъ никому не давалъ и содержанію ихъ не сочувствовалъ. Въ числѣ сихъ тетрадей оказался журналъ, писанный лучшими по дарованіямъ учениками въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1860 года, подъ названіемъ *Quod libet*,

заключающій въ себѣ до семи ученическихъ сочиненій, изъ коихъ одно подъ заглавіемъ *Взглядъ на наши секретныя собранія*, обратило на себя особенное вниманіе Коммиссіи. Авторъ этого сочиненія ученикъ Кедровскій и другой сотрудникъ журнала согласно показали, что они, въ концѣ 1860 года, собирались въ числѣ человѣкъ десяти, въ квартиру Румянцева, для чтенія и критики собственныхъ сочиненій. Секретными же собранія эти Кедровкій назвалъ потому, что на нихъ читались, хотя и невиннаго содержанія сочиненія, нописанныя безъ вѣдома начальства. Но помянутый выше ученикъ Благовѣщенскій показалъ, что по слухамъ, до него дошедшимъ, на собраніяхъ въ квартирѣ Румянцева читались лекціи какого-то неизвѣстнаго ему Нѣмецкаго философа, которыя будто бы пріобрѣтены были чрезъ ученика Славина отъ священника Алексѣя Попова (ректора Училища) *). Славинъ, на допросѣ Коммиссіи, въ Никольскѣ, показалъ, что онъ видалъ у дяди своего, ректора Училища Попова, *Ученіе о сущности религіи* Нѣмецкаго философа Фейербаха, но самъ его не читалъ, а однажды, тайно отъ дяди, давалъ читать товарищу Кедровскому. На основаніи этого показанія, у ректора Попова, несмотря на возраженіе со стороны преосвященнаго **), сдѣланъ былъ внезапный и строгій обыскъ, но ничего предосудительнаго не было найдено. Ученикъ Кедровскій относительно сего показалъ, что разъ онъ дѣйствительно просилъ у Славина книгъ для чтенія, и тотъ давалъ ему *Ученіе о религіи*, которое ему понравилось и съ котораго онъ успѣлъ даже списать нѣсколько листовъ, которые и представилъ въ Коммиссію. Какого автора это ученіе, онъ навѣрное не знаетъ: одни изъ товарищей говорили ему, что это ученіе покойнаго преосвященнаго Иннокентія, другіе, что оно покойнаго профессора Голубинскаго (въ дѣйствительности же покойнаго преосвященнаго Иннокентія)".

---

*) Впослѣдствіи, съ 1868—1874 г., епископъ Тотемскій. *Н. Б.*

**) Христофора, епископа Волынскаго. *Н. Б.*

Въ Ярославлѣ, А. П. Ахматовъ обратилъ вниманіе на ученическую библіотеку и нѣкоторыя книги въ ней, въ духѣ и направленіи Бѣлинскаго, призналъ совсѣмъ для нея ненужными. При этомъ высказалъ довольно строгій взглядъ на людей, сочувствующихъ такому направленію, угрожая немедленно увольнять таковыхъ отъ службы по духовно-училищному вѣдомству" [108]).

Въ свою очередь, и митрополитъ Филаретъ былъ недоволенъ направленіемъ Ярославскаго Духовенства. „Изъ Ярославля исходитъ мудрость", — писалъ онъ, — „которая, кажется, открываетъ новое ученіе и новую науку: *соціально-церковно-государственную экономію.* Она поставляетъ *церковныя имущества въ ряду государственныхъ имуществъ;* только сомнѣвается, какое первымъ дать мѣсто въ ряду послѣднихъ. Въ скромномъ видѣ вопроса она выставляетъ мысль, что церковныя имущества едва ли *составляли исключительную собственность Духовенства.* Сего не довольно. Онъ говоритъ далѣе, что церковныя имущества *или принадлежали всему народу, какъ государству, или народу какъ церкви.* Оное напечатано въ 37 номерѣ *Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.* Въ томъ же номерѣ сказано, что при отобраніи церковныхъ имуществъ, Духовенство молчало и не протестовало, *по боязни или другимъ видамъ.* Писавшій сіе видно не подозрѣвалъ, чтобы въ семъ случаѣ Духовенствомъ управляли болѣе чистыя побужденія, уваженіе къ государственной власти, терпѣніе, послѣдованіе слову Христову: — *Хотящему взяти у тебя ризу, отдаждь и срачицу.* Въ томъ же номерѣ нельзя похвалить и слѣдующихъ выраженій, что императрица Екатерина произвела *переворотъ, воспользовавшись неудовольствіемъ гвардіи на государя!* Мнѣ показалось весьма не излишнимъ, чтобы написанное здѣсь извѣстно было вашему превосходительству и первенствующему члену Св. Синода" [109]).

Съ своей стороны и Ахматовъ былъ недоволенъ направленіемъ духовной Журналистики. „Послѣднія событія", — писалъ онъ митрополиту Филарету, — „здѣсь совершившіяся, на-

вели, кажется, на слѣдъ многихъ возмутительныхъ стремленій и во многомъ измѣнили воззрѣнія многихъ. Значительное число арестовано и, къ сожалѣнію, между ними немало бывшихъ воспитанниковъ нашихъ академій и семинарій. Воскресныя школы, въ которыхъ открыто проповѣдывались безвѣріе и возмущеніе, закрыты... Дай Богъ, чтобы духовная молодежь не отвлекалась отъ своей высокой цѣли къ стремленіямъ ея недостойнымъ. Не скрою отъ вашего высокопреосвященства, что майская книга *Православнаго Обозрѣнія*, особенно въ послѣдней части *Замѣтки*, произвела на меня грустное впечатлѣніе, начиная отъ статьи представителя обличительной Литературы, духовнаго Щедрина, священника Белюстина, — до тона *Замѣтокъ* редакціи на письмо *о духовной цензурѣ*. Хороши также *наставленія, преподаваемыя Троицкимъ—Академіи и Лаврѣ* въ статьѣ *О своекоштныхъ студентахъ*. Крайне больно видѣть такое направленіе“ [110])!

23 октября 1861 года, полученъ въ Московской Духовной Академіи указъ изъ Св. Сѵнода о назначеніи ректора Академіи Саввы въ епископы Можайскіе; вечеромъ того же дня митрополитъ съ нарочнымъ прислалъ резолюцію о принятіи протоіереемъ А. В. Горскимъ должности ректорской.

О направленіи же студентовъ Троицкой Академіи, о которыхъ нѣкогда митрополитъ Филаретъ отзывался, что они „благодареніе Богу мудрствуютъ въ цѣломудріи“, новый ректоръ, въ своемъ *Дневникѣ*, сообщаетъ неутѣшительныя свѣдѣнія. „Принималъ у себя студентовъ“,—читаемъ въ этомъ *Дневникѣ*,—„говорилъ съ ними о необходимости сближенія съ ними въ духѣ и направленіи. Только это можетъ намъ облегчить успѣхъ въ дѣйствованіи, на какомъ бы то ни было поприщѣ, ученомъ ли, церковномъ ли. Безъ этого мы весьма легко сливаемся съ общимъ мірскимъ духомъ. Въ вещахъ безразличныхъ не нужно отступать отъ общепринятыхъ правилъ. Какъ скоро требованіе вѣка не слѣдуетъ тѣмъ началамъ духовной жизни, которыя должны мы проводить въ

общество и отстаивать, то мы должны помнить, что намъ сказано: *Не сообразуйтесь вѣку сему.*

Нынѣ получилъ примѣчательное письмо изъ Владиміра, отъ священника Николая Флоринскаго, съ жалобою на проповѣдуемое въ свѣтскихъ журналахъ нечестіе и на распространеніе вольномыслія даже между воспитанниками, выходящими изъ Академіи.

На другой день отъ о. инспектора узналъ я, что было у студентовъ литературное чтеніе; позволеніе спрашивалось у о. инспектора, но, какъ онъ объяснилъ, поздно, такъ что некогда было уже объясниться со мною. Студенты ему сказали, когда и что хотятъ читать. Вечеръ кончился часу въ 11-мъ, продолжался около $1^1/_2$ часа; читали статью Мельникова, помѣщенную назадъ тому года полтора въ *Современникѣ*, какой-то разсказъ о раскольникахъ.

Послѣ обѣдни пришелъ ко мнѣ о. инспекторъ съ объявленіемъ, что студенты чрезъ дежурнаго изъявили желаніе вечеромъ сдѣлать собраніе для литературнаго чтенія. Я не далъ на то согласія по той причинѣ, что недавно, т.-е. 8 числа, въ мое отсутствіе, у нихъ было такое чтеніе. Ввечеру, однакоже, послѣ того уже, какъ побывалъ у меня дежурный старшій Казанскій, вдругъ получаю чрезъ того же Казанскаго донесеніе отъ о. инспектора, что студенты собрались на литературное чтеніе. Спрашиваю Казанскаго: какъ же такъ вышло согласіе о. инспектора? Казанскій отвѣчалъ: Не знаю. Такъ и не узналъ я отъ него ничего о томъ, кто будетъ читать, и что будутъ читать. Только узналъ, что чтеніе будетъ въ спальнѣ старшихъ студентовъ 2 №. Я позвалъ къ себѣ старшаго этого №, Смирнова, разспрашивалъ его о томъ, какого рода статьи читаются въ этихъ собраніяхъ, и узналъ, что это болѣе комическія статьи; старался объяснить ему, что такого рода удовольствія не могутъ быть дозволяемы духовнымъ юношамъ такъ часто. Но кто будетъ читать въ этотъ вечеръ, и что читать, не узналъ и отъ него, только сказалъ, что предположено прочитать двѣ статьи. Тре-

бовалъ я, чтобы немедленно разошлись студенты. Но когда онъ сказалъ, что чтеніе уже началось, и сталъ просить, чтобы дозволено было окончить начатую статью и затѣмъ разойтись, отложивъ чтеніе второй; я далъ на это согласіе, объявивъ однакоже, чтобы по окончаніи чтенія, немедленно было мнѣ донесено, и я приду читать вечернія молитвы. Старшій Смирновъ пришелъ мнѣ сказать объ окончаніи чтенія, сказалъ, что читалъ Богословскій изъ Владиміра, читалъ пьесу Успенскаго *Колоколъ*, помѣщенную въ *Современникѣ* прошедшаго года. Я отправился читать молитву. Въ первомъ номерѣ нашелъ всѣхъ дома, во второмъ только четырехъ, въ третьемъ много, кажется, всѣхъ. По окончаніи молитвы, просилъ старшаго 2 № сказать мнѣ, кого не было при моемъ посѣщеніи и на вечерней молитвѣ" [111]).

Редакторъ *Сѣверной Почты*, подъ 2 іюня 1862 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Получилъ отъ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ статью, для завтрашняго номера *Сѣверной Почты*, объ открытіи въ Сампсоніевскомъ и въ Введенскомъ училищахъ злоумышленническаго преподаванія о томъ, что надо Петербургъ жечь. Это проповѣдывалось въ воскресныхъ школахъ, заведенныхъ въ этихъ училищахъ для рабочаго класса" [112]).

Статья, появившаяся въ газетѣ *День* о сельскихъ школахъ, и *откуда взять учителей* для оныхъ [113]), возбудила негодованіе, и Кохановская, изъ Харькова, писала Аксакову: „Вчера мнѣ довелось слышать, какъ осуждали въ *14* номерѣ статью *о сельскихъ учителяхъ*, и осуждая рѣзко, недоумѣвая, какъ могла въ серьезную газету попасть такая „православная чушь": что только въ семинарскихъ учителяхъ и есть спасеніе"... Въ другомъ письмѣ Кохановская писала Аксакову: „Я обѣдаю у учителя Гимназіи Павла Ивановича Ладовскаго, главнаго дѣятеля воскресныхъ школъ. Васъ, т.-е. Славянофиловъ, тамъ очень не жалуютъ; Московское государство и всѣхъ собирателей Русской Земли терпѣть не могутъ; а между тѣмъ, этотъ домъ очень мнѣ близкій и дорогой" [114]).

Сохранилось слѣдующее замѣчательное письмо графа С. Г. Строгонова къ митрополиту Московскому Филарету: „Долгомъ поставляю себѣ благодарить васъ за печатныя мнѣнія *о сельскихъ училищахъ*. Вопросъ первой важности для ближайшей будущности Россіи, какъ бы ни рѣшилъ его новый министръ Народнаго Просвѣщенія. Смѣю думать, что Церковь можетъ и должна бы опередить его, она могла бы дѣйствовать по примѣру морскихъ державъ въ XVI вѣкѣ, которыя, открывая материкъ или островъ, заявляли свои права водруженіемъ національнаго флага. Пусть теперь крестъ будетъ знаменіемъ готовности Церкви на образованіе народа. Я говорю образованіе, а не одно ученіе грамотѣ. Когда народъ увидитъ эту готовность и что дѣти его будутъ учиться при церквахъ, удобнѣе и дешевле, свѣтскія заведенія опустѣютъ, или вовсе не будутъ открываться. Вы можете быть увѣрены преосвященный, что всѣми силами буду я содѣйствовать А. П. Ахматову въ благихъ его дѣйствіяхъ въ этомъ важномъ дѣлѣ. Остается намъ уповать на молитвы ваши и надѣяться, что, любезному нашему Отечеству не суждено будетъ испытать новое искушеніе современнаго ученія“ [115]).

„Я долженъ обратить ваше вниманіе“, — писалъ князь А. И. Барятинскій, 14 сентября 1862 года, въ Тифлисъ, А. Ѳ. Крузенштерну, — „на извѣстнаго Воронова, учителя Гимназіи въ Тифлисѣ; онъ, какъ мнѣ его описали, изъ красныхъ. Велите хорошенько наблюдать за его дѣйствіями, а также за дѣйствіями всѣхъ Кавказскихъ воспитанниковъ, высланныхъ изъ Петербурга за университетскіе безпорядки. Примите наистрожайшія мѣры противъ ввоза на Кавказъ всѣхъ запрещенныхъ произведеній, какъ *Колокола* и т. п... и наблюдайте серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, за цензурою, воспретивъ печатать статьи въ тѣхъ Русскихъ журналахъ, въ которыхъ вы найдете сомнительное направленіе“ [116]).

Въ одной изъ Петербургскихъ гимназій гимназистами произведено было небывалое кощунство, о которомъ мы на-

ходимъ слѣдующее свѣдѣніе въ письмѣ протоіерея І. В. Рождественскаго къ протоіерею Базарову: „На первой недѣлѣ поста (въ 1862 году), въ церкви одной изъ здѣшнихъ гимназій, когда священникъ читалъ среди церкви великій канонъ, нѣсколько его питомцевъ забрались въ алтарь, выпили бывшее тамъ вино, нарядились въ облаченія, какое кому попало, посадили одного изъ среды себя на престолъ и—воздавали ему поклоненіе“ [117]).

Преосвященный Порфирій объ этомъ прискорбномъ событіи, въ своей книгѣ *Бытія*, записалъ слѣдующее: „Сегодня я обѣдалъ у Т. Б. Потемкиной и, между прочимъ, слышалъ отъ нея, что въ одной Петербургской гимназіи три ученика забрались въ алтарь гимназической церкви, сѣли тутъ на св. трапезу, закурили папиросы и выпили церковное вино, а запасные дары съѣли, но за то не были наказаны, хотя объ этомъ зналъ Государь. Такой пакости еще не бывало на Руси. За обѣдомъ подлѣ меня сидѣлъ А. Н. Муравьевъ и обмолвился, что чрезъ полгода едва ли будетъ цѣло Русское Государство. Уцѣлѣетъ! Я сказалъ ему: вѣдь простой народъ нашъ еще незараженъ тлетворными ученіями“ [118]).

Когда объ этомъ узналъ митрополитъ Филаретъ, то писалъ Антонію: „Видите, до чего мы дожили. Когда говорится, нѣкоторымъ, могущимъ не только слышать, но и дѣйствовать: для чего охранители не единодушны и не дѣятельны, когда противники единодушны и дѣятельны, отвѣчаютъ только, что это правда. Господи, спаси Царя и Отечество“ [119]).

Отъ „заразы“ не спаслись и Военно-Учебныя Заведенія того времени. В. А. Мухановъ представилъ намъ похожденія одного изъ питомцевъ ихъ, который, къ сожалѣнію, далеко не составлялъ въ то время исключенія.

Офицеръ этотъ „ѣздилъ за границу, гдѣ посѣтилъ Гарибальди, Мадзини и другихъ выходцевъ, напитался ихъ правилами. Надѣвши зипунъ, онъ ходилъ по селеніямъ и возмущалъ крестьянъ. Такъ, произвелъ онъ безпорядки въ имѣ-

ніяхъ графини Браницкой и князя Воронцова. Не ограничиваясь своимъ успѣхомъ между крестьянами, онъ обратился къ солдатамъ, которые хотѣли схватить его, но онъ побѣжалъ отъ нихъ. Солдаты пустились за нимъ въ погоню. Бѣглецъ гнался изъ улицы въ улицу, наконецъ вбѣжалъ въ домъ и съ поспѣшностью заперъ за собой на ключъ дверь. Пришла полиція, сошелся народъ и солдаты; всѣ требовали, чтобы открыли дверь: иначе войдутъ силою. Нечего было дѣлать. Дверь отворилась, и офицеръ явился на порогѣ въ мундирѣ. Народъ и солдаты закричали: Тотъ самый, что̀ былъ въ зипунѣ и подговаривалъ насъ на недоброе дѣло. Вошли въ квартиру, гдѣ и нашли только что снятый зипунъ. Возмутителя посадили подъ караулъ и послѣ производившагося слѣдствія предадутъ суду“.

XXIV.

„Въ антрактахъ между главами Исторіи“,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—„пишу по временамъ педагогическія замѣтки. А никто не спрашиваетъ. Кто и упоминаетъ, то развѣ для ругательства“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что „по народному просвѣщенію одни проекты, а умнаго ничего нѣтъ“, Погодинъ „непрошеннымъ“, является на помощь Головнину, обруганному, какъ сообщаетъ Погодинъ, всѣми „наповалъ“ [120]), и въ 1862 году пишетъ о томъ, *что̀ всего нужнѣе для Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Слѣдуетъ однако замѣтить, что когда Головнина назначали министромъ Народнаго Просвѣщенія, то Погодинъ, по собственному его признанію, почувствовалъ „приступъ зависти“.

Предупреждая тѣхъ, которымъ вздумалось бы спросить: какія права Погодинъ имѣетъ, „чтобъ говорить такъ рѣшительно“? Погодинъ, въ послѣсловіи своемъ, заявляетъ: „Мои права заключаются въ моихъ опытахъ: я учился дома, въ Пансіонѣ, и наконецъ кончилъ курсъ въ Гимназіи, прошелъ

курсъ въ Университетѣ, училъ въ Гимназіи и Пансіонѣ, прошелъ всѣ ученыя степени, служилъ двадцать пять лѣтъ по ученой службѣ, въ званіи профессора, проэкзаменовалъ нѣсколько тысячь молодыхъ людей изъ всѣхъ гимназій, переучилъ столько же, видѣлъ своихъ учениковъ чрезъ десять, двадцать, тридцать лѣтъ по выходѣ ихъ изъ Университета, и могъ судить о плодахъ университетскаго курса; наконецъ, видѣлъ много иностранныхъ заведеній, читалъ, думалъ—дѣйствовалъ въ Литературѣ въ продолженіе сорока пяти лѣтъ. Вотъ мои права говорить о предметахъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія".

Обезпечась съ этой стороны, Погодинъ приступаетъ къ поданію совѣтовъ министру Народнаго Просвѣщенія.

„Распространившійся въ послѣднее время духъ",—писалъ онъ,—„во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ, гражданскихъ, военныхъ, женскихъ, высшихъ и низшихъ, проникающій въ нѣдра семействъ, внушаетъ справедливыя опасенія во всѣхъ порядочныхъ людяхъ, для которыхъ дорого благосостояніе Отечества, нравственность народа. Причинъ, производившихъ это явленіе, много. Главными можно назвать: недостатокъ въ постоянномъ мѣстномъ надзорѣ, частая перемѣна начальниковъ, и наконецъ литературная анархія,—отголосокъ Европейской пропаганды.

Устроить учебныя наши заведенія на прочныхъ и лучшихъ началахъ, необходимо, но прежде необходимо произвести строгую, подробную ревизію, начиная съ подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Подъ ревизіею разумѣю я не кратковременное посѣщеніе министра, попечителя или инспектора, для которыхъ приготовляются обыкновенно особыя лекціи или уроки, и сообщается всему благовидная наружность. Такія посѣщенія, кромѣ расходовъ казны, приносили всегда больше вреда, чѣмъ пользы учебнымъ заведеніямъ. Нѣтъ, надо во всякомъ большомъ заведеніи остаться ревизору долго, вникнуть глубоко во всѣ потребности, познакомиться коротко съ преподаваніемъ, узнать

лично начальство, надзирателей и учителей, удостовѣриться въ ихъ образѣ мыслей, изслѣдовать ихъ занятія, методы, ученые пріемы, увидѣть достоинства и недостатки, и, на основаніи всесторонних наблюденій, подать нужные совѣты, завести порядокъ, учредить строгій надзоръ, при пособіи гражданскаго, духовнаго начальства или общества, подъ постояннымъ наблюденіемъ высшаго ученаго начальства, которое обязано слѣдить внимательно за заведеніями, учредивъ постоянныя сношенія съ собою, и опредѣливъ строгую періодическую провѣрку.

Всѣ дѣйствующія лица должны быть глубоко убѣждены въ томъ, чтобъ не облѣниваться, не ослабѣвать и не впадать въ эту несчастную апатію, которую мы видимъ теперь почти повсемѣстно. Жизнь надо возбудить въ нашихъ училищахъ, давно уже оттуда улетѣвшую или изгнанную. Жизнь можно возбудить только жизнью, а не циркулярами.

Ненадежные дѣятели должны быть отстранены, а благонамѣренные выдвинуты впередъ, получая болѣе обширный кругъ дѣйствій. Когда всѣ дѣятели сдѣлаются лично, коротко начальству извѣстны, тогда только можно будетъ распредѣлить ихъ по мѣстамъ съ пользою, а не наугадъ, какъ доселѣ бываетъ. Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ, Исторіи и Словесности, должно быть ввѣрено людямъ испытаннымъ, вразумленнымъ.

Я говорилъ о внутреннемъ устройствѣ,—внѣшнее нельзя упускать также изъ вида, но не то внѣшнее, что составляло до сихъ поръ главную заботу, т.-е., гладкіе полы, крашенныя стѣны, чищенные замки. Должно устроить хорошее помѣщеніе, выгодное содержаніе, доставленіе удобности возможной для учителей и надзирателей, но безъ отягощенія государственнаго казначейства. Надо умѣть найти для того средства мѣстныя, и они вѣрно найдутся, при помощи общества, которое непремѣнно надо позвать на помощь, чему оно будетъ даже радо, потому что воспитаніе составляетъ теперь главную его заботу, и родители не знаютъ, что дѣлать съ

дѣтьми, при разстройствѣ учебныхъ заведеній. Только тогда, когда всѣ дѣйствующія лица будутъ по возможности обезпечены, успокоены, ободрены, когда имъ будутъ открыты пути къ повышенію, можно уже требовать съ нихъ строгаго исполненія обязанностей, взыскивать, увольнять.

Нечего говорить, что всѣ учебныя пособія—библіотеки, кабинеты, собранія, должны быть приведены въ порядокъ, соотвѣтственно настоящему положенію наукъ, средства ими пользоваться облегчены, любознательность всѣми способами возбуждаема и ободряема, выборъ чтенія получалъ надлежащее умное руководство.

Университеты, какъ и гимназіи, упали значительно въ послѣднее время. Причиною упадка должно полагать, недостаточно спеціальное приготовленіе высшихъ лицъ, которыя завѣдовали этою самою важною и мудреною частью въ системѣ государственнаго управленія, при всей ихъ благонамѣренности, дѣятельности и прочихъ достоинствахъ. А къ этому надо присоединить и безпечный, расположенный къ лѣности народный характеръ, которому все еще нужно внѣшнее и сильное побужденіе для успѣшной дѣятельности. Что невиноваты одни прежніе министры Народнаго Просвѣщеніе, это ясно доказывается одинаково неудовлетворительнымъ положеніемъ нашихъ духовныхъ училищъ, нашихъ военныхъ училищъ, нашихъ женскихъ институтовъ, частныхъ заведеній, и наконецъ плодами домашняго воспитанія. Исключенія, разумѣется, есть вездѣ, и они въ разчетъ идти не должны. Слѣдовательно, мы виноваты всѣ кругомъ, но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“ [121]).

Въ то смутное время весьма благовременно раздался съ высоты каѳедры Московскаго Университета голосъ Б. Н. Чичерина объ *охранительномъ началѣ*.

„Россія“,—писалъ Чичеринъ,—„вступила въ эпоху преобразованій. Всѣ чувствуютъ въ нихъ потребность—и Правительство, и народъ. Старый порядокъ оказался несостоятельнымъ; мы стремимся къ новому, лучшему будущему.

Естественно, что въ такую пору все негодованіе либеральнаго общественнаго мнѣнія обращается на защитниковъ отживающей старины. Слово *консерваторъ* сдѣлалось у насъ пугаломъ. При этомъ звукѣ Русскій либералъ кипитъ злобой. Консерваторы виноваты во всемъ: и въ нашей лѣни, и въ нашемъ невѣжествѣ, и во взяткахъ, которыя существуютъ тысячу лѣтъ, и въ томъ, что Россія не такъ богата, какъ Англія, и въ томъ, что привозится больше товаровъ, нежели вывозится, и въ томъ, что нельзя выпустить заразъ на пятьсотъ милліоновъ новыхъ ассигнацій, и въ томъ, наконецъ, что съ неба не падаетъ талисманъ, который бы внезапнымъ чудомъ разрѣшилъ всѣ общественные вопросы, къ удовольствію всѣхъ и каждаго. Консерваторъ у насъ—синонимъ съ тупымъ равнодушіемъ къ общественному благу, съ презрѣніемъ къ народу, съ своекорыстіемъ вельможъ, съ нахальствомъ чиновниковъ, съ лестью, обманомъ и лихоимствомъ. Въ его черной душѣ таится одно лишь гнусное стремленіе къ чинамъ и карьерѣ. Малѣйшій оттѣнокъ консерватизма немедленно ставитъ человѣка въ разрядъ отсталыхъ, отпѣтыхъ людей, и дѣлаетъ его предметомъ насмѣшекъ, брани и клеветы.

Консерваторамъ, старикамъ, противополагается молодежь. Не дѣйствительная молодежь, не та, которая, съ непогасшимъ еще огнемъ идеальныхъ стремленій, работаетъ, готовясь на жизнь, а молодежь, какъ нарицательное имя. Въ ея ряды съ жадностью вступаютъ и старцы, украшенные сѣдинами, хотя, разумѣется, семнадцатилѣтній юноша всегда сохраняетъ преимущество даже надъ тридцатилѣтнимъ мужчиною, который искушенъ уже соблазнами жизни, успѣлъ отвѣдать запрещеннаго плода бюрократіи. Молодежь—это все то, что въ мысляхъ, но въ особенности въ словахъ, окончательно раздѣлалось съ старымъ, не успѣвши придумать ничего новаго; все, что вѣчно кипитъ и негодуетъ, неизвѣстно часто зачѣмъ; все, что ратуетъ во имя свободы и не терпитъ чужого мнѣнія; все, что выѣзжаетъ на фразахъ, не давая себѣ труда изу-

чить и понять существующее; все, что выкинуло изъ своихъ понятій категоріи дѣйствительнаго и возможнаго, и осталось при однихъ лишь безграничныхъ требованіяхъ и ничѣмъ не сдержанныхъ увлеченіяхъ.

Бѣдная молодежь! Зачѣмъ твоимъ привлекательнымъ именемъ окрестили это безпутное казачество, которое называется *современнымъ* или *передовымъ направленіемъ* въ Россіи? Впрочемъ, и настоящую молодежь успѣли сбить съ толку. Какъ не повѣрить, когда юношѣ безпрестанно твердятъ: „Все старое—дурно, все новое—хорошо, ополчайся на враговъ прогресса. Россія возложила на тебя свои надежды"! И юноша всѣмъ пыломъ свѣжей души ненавидитъ непонятое имъ старое, и жаждетъ неизвѣстнаго ему новаго.

Но что̀ же это, въ самомъ дѣлѣ? Что̀ такое консерватизмъ, который возбуждаетъ столь благородное негодованіе? Что за прогрессъ, котораго мы должны желать, какъ манны небесной? Обращаясь къ другимъ странамъ, мы видимъ, что̀ тамъ, во главѣ охранительной партіи стояли часто люди далеко не рядовые. Великій Питтъ былъ консерваторъ, сэръ Робертъ Пилль былъ консерваторъ; Гизо, Нибуръ, Савиньи были консерваторы. Вездѣ, гдѣ существуетъ политическая свобода, охранительная партія является одною изъ дѣйствующихъ силъ; безъ нея политическая жизнь становится почти невѣроятною. Очевидно, что тутъ нѣчто болѣе, нежели тупая рутина или привязанность къ матеріальнымъ выгодамъ, которыя доставляются существующимъ порядкомъ. Въ основаніи этой силы лежатъ начала, которыя коренятся глубоко въ свойствахъ человѣческаго духа и управляютъ развитіемъ человѣческихъ обществъ.

Многіе представляютъ себѣ прогрессъ въ видѣ безконечнаго движенія впередъ. Точно люди взапуски бѣгутъ къ скрывающейся вдали цѣли. Первенство принадлежитъ тому, кто бѣжитъ скорѣе, кто, скинувъ съ себя все ненужное бремя, даже самую одежду, налегкѣ пускается въ путь и перегоняетъ соперниковъ.

Одною проповѣдью свободы, однимъ разрушеніемъ стараго, въ надеждѣ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ, водворяется только анархія, которая, въ силу присущей человѣку потребности органическихъ началъ, сама приводитъ въ реакціи, но которая слишкомъ дорого обходится народу, неумѣвшему ея предупредить.

Изъ этого отношенія основныхъ началъ жизни къ элементамъ движенія ясно отношеніе охранительной партіи къ прогрессивной. Послѣдняя представляетъ въ обществѣ элементъ движенія. Задача ея — не дать существующему порядку застояться, окаменѣть въ своемъ устройствѣ; она пробуждаетъ дремлющія силы и содѣйствуетъ переходу жизни въ новую, высшую форму. Но чисто прогрессивное направленіе неспособно къ организаціи; за прелестью свободы, за безпокойствомъ движенія, оно слишкомъ забываетъ, что общество нуждается въ твердыхъ основахъ, въ постоянныхъ жизненныхъ началахъ, за которыя бы оно могло держаться, вокругъ которыхъ оно могло-бы окрѣпнуть. Уразумѣніе этихъ жизненныхъ основъ—вотъ задача охранительной партіи. Она ихъ недремлющій сторожъ и защитникъ. Она допускаетъ перемѣны только во имя началъ организующихъ, а не разлагающихъ. Разгулу свободы, шатанію мысли, она противополагаетъ тѣ силы, которыя связываютъ общество и даютъ ему внутреннюю крѣпость. Однимъ словомъ, гдѣ нѣтъ партіи прогресса, тамъ народъ погружается въ восточную неподвижность; но гдѣ нѣтъ охранительной партіи, тамъ общественный бытъ представляетъ только безсмысленный хаосъ, вѣчное броженіе, анархію, немыслимую въ разумномъ общежитіи. Безъ первой невозможно движеніе, но безъ второй невозможна никакая организація, невозможна, слѣдовательно, гражданская жизнь, и все то, что даетъ высшее значеніе человѣку. Горе народу, который извергнетъ изъ своей среды охранительныя начала“ [122])!

XXV.

Во дни „броженія великаго“, когда, по слову Каткова, „Русская Литература, да вообще Русское общество, представляли удивительное зрѣлище, не было такой нелѣпости, и такого безумства, которыя не могли бы разсчитывать на успѣхъ. Эти сатурналіи, о которыхъ невозможно и вспомнить безъ омерзенія. Это было время такъ называемыхъ *свистуновъ*, время всевозможныхъ безобразій по части соціализма, комунизма, матеріализма, нигилизма, эмансипаціи, простиравшейся на всѣ виды глупости и разврата, время поруганія всего, чѣмъ дорожитъ народъ, общество, человѣкъ, время невѣроятной терроризаціи, которая производилась надъ цѣлымъ обществомъ шайкою писакъ, захватившихъ въ свои руки публичное слово; это было время позорнаго господства надъ умами гг. Герцена и К°,—время, когда какая-то дама, имя которой теперь не припомнимъ, мимически представляла передъ Пермскою публикою Клеопатру *Египетскихъ ночей* Пушкина, и когда Петербургское образованное общество чуть-чуть не готово было признать эту даму за провозвѣстницу новыхъ началъ жизни и устроить для нея тріумфальное шествіе. Это было возмутительное время, когда люди, не вовсе потерявшіе смыслъ, хватали себя за голову, протирали глаза и не вѣрили глазамъ... Никакого просвѣта не было видно и можно было, не шутя, ожидать какого-нибудь катаклизма, который снесъ бы всю эту мерзость съ лица земли“.

Въ это-то время былъ напечатанъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* романъ Тургенева, подъ заглавіемъ *Отцы и Дѣти*.

Появленіе *Отцовъ и Дѣтей* было крупнымъ событіемъ въ жизни Тургенева. „Доселѣ публика“,—замѣчено въ газетѣ *Вѣкъ*,—„видѣла въ Тургеневѣ талантливаго художника, симпатизирующаго успѣхамъ общественнаго развитія. Въ новой повѣсти Тургеневъ сдѣлалъ крутой поворотъ къ воззрѣніямъ совсѣмъ другого рода. По всей вѣроятности, повѣсть эта

разочаруетъ очень многихъ даже изъ горячихъ поклонниковъ Тургенева [123])...

„Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ“,—писалъ извѣстный Аскоченскій,—„*Русская Рѣчь* съ испугомъ объявила, что перво-классный нашъ разсказчикъ и романистъ Тургеневъ готовится выпустить въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ безжалостно и во всемъ своемъ безобразіи встанетъ на судъ всѣхъ современное поколѣніе. Мы откровенно привѣтствовали Тургенева и съ робкой надеждой ожидали исполненія задуманнаго имъ предпріятія, опасаясь въ то же время, чтобъ онъ не спасовалъ передъ этимъ натискомъ отвсюду напирающихъ идей, которыя деспотически требуютъ рабскаго поклоненія себѣ. Но, благодаря Бога, нашъ талантливый разсказчикъ устоялъ, и подарилъ Русскую Литературу превосходнѣйшимъ романомъ *Отцы и Дѣти*. Положительно говоримъ, что одна изъ величайшихъ заслугъ Тургенева состоитъ въ томъ, что онъ романомъ своимъ заставилъ высказаться нашихъ *передовыхъ*, раздразнивъ ихъ картиною ихъ собственнаго безобразія, упорно проповѣдуемаго, какъ идеалъ вѣчной истины добра и красоты“ [124]).

Дѣйствительно, цѣлую бурю вызвало появленіе *Отцовъ и Дѣтей*. Критикъ *Современника*, Антоновичъ, увидѣлъ въ новомъ романѣ Тургенева „пасквиль на прогрессивное движеніе въ Россіи“. Критикъ этотъ находилъ, что романъ Тургенева „столько же скучное, сколько фальшивое и безобразное произведеніе“. Отъ Тургенева,—продолжаетъ критикъ,—„конечно, нельзя было и ожидать чего-нибудь особеннаго послѣ того, какъ онъ совершилъ столь тяжкій литературный грѣхъ, какъ его *Первая Любовь*; но можно было думать, что онъ, по крайней мѣрѣ, никогда не напишетъ вещи, которая бы не выдержала, напримѣръ, конкуренціи съ произведеніемъ г. Аскоченскаго: *Асмодей нашего времени*; но Тургеневъ написалъ даже и такую вещь. Его *Отцы и Дѣти* должны посторониться предъ *Асмодеемъ нашего времени*, и онъ самъ долженъ поклониться г. Аскоченскому, какъ родоначальнику

новаго въ нашей Литературѣ типа, въ воспроизведенiи котораго Тургеневу лучше было бы и не соперничать съ такимъ художникомъ, какъ г. Аскоченскiй; онъ избѣгнулъ бы случая потерпѣть стыдъ великой неудачи. Г. Аскоченскiй взглянулъ на новаго человѣка—готоваго фигурировать на аренѣ отечественной Исторiи и выведеннаго въ его романѣ подъ именемъ Пустовцева—далеко неласково и далеко несправедливо, но, по крайней мѣрѣ, съ приличнымъ художнику спокойствiемъ и съ совершеннымъ пониманiемъ всѣхъ тенденцiй и мiровоззрѣнiя новаго человѣка.

Тургеневъ, напротивъ, отнесся къ этому собирательному человѣку, который въ его романѣ называется *Базаровымъ*, не только непривѣтливо и безъ малѣйшей справедливости, но еще съ чувствомъ худо скрываемой злобы, какъ къ своему личному врагу, съ желанiемъ унижать его на каждой строчкѣ вполнѣ безопаснымъ для себя образомъ, такъ какъ идеальное лицо не можетъ дать никакого отпора; всякiй можетъ понять, какъ это неблагородно! Да вдобавокъ еще онъ, г. Тургеневъ, нисколько не понимаетъ образа мыслей новаго человѣка и, стало-быть, слѣдуетъ только удивляться, какъ онъ не догадался, что охарактеризовать направленiе этого человѣка хоть сколько-нибудь вѣроподобно—для него невозможное дѣло".

Отсюда сдѣлано заключенiе, что и всѣ прежнiя произведенiя г. Тургенева должны считаться отъ этой поры ничего нестоющими.

„Въ болѣе короткихъ словахъ—говоритъ Антоновичъ—это мнѣнiе можетъ быть выражено такъ: нѣтъ, г. Тургеневъ, Базаровы вовсе не таковы, какими вы стараетесь изобразить ихъ; вы клевещете на нихъ, потому что злобствуете противъ нихъ и потому что не вашего ума дѣло—понимать ихъ".

Между тѣмъ, одинъ изъ представителей молодого поколѣнiя, Д. И. Писаревъ, по замѣчанiю В. П. Батуринскаго, „обѣими руками подписался подъ изображенiемъ Базарова„, и въ *Русскомъ Словѣ* пропѣлъ Тургеневу хвалебный гимнъ.

„Романъ Тургенева“,—писалъ Писаревъ,—„безукоризненное, глубоко правдивое и вполнѣ художественное произведеніе; написавши такой романъ, Тургеневъ оказалъ рѣшительную услугу своему Отечеству: пусть оно знаетъ заранѣе, какой образъ мыслей и какое поведеніе въ немъ готовятся быть преобладающими. Мы,—молодые люди,—теперь смѣло можемъ поднять голову въ обществѣ, которое воображало, что оно можетъ отнять у насъ, какъ у людей неблагонадежныхъ, принадлежащую намъ будущность. Тургеневъ оправдалъ насъ и оцѣнилъ насъ по достоинству въ лицѣ своего—или, лучше сказать, нашего Базарова. Противъ этого типа Тургеневъ не нашелъ ни одного существеннаго обвиненія; онъ не полюбилъ его, но призналъ его силу, призналъ его перевѣсъ надъ окружающими людьми, и самъ принесъ ему полную дань уваженія. Это сущая правда, что люди такого закала, какъ Базаровъ, люди курьезные и, пожалуй—особеннаго довѣрія не внушающіе: они пристрастны къ своему образу мыслей и заботятся о преобладаніи своего направленія въ обществѣ лишь по тому же самому, почему вы, напр., любите яблоки; болѣе глубокихъ основаній у нихъ нѣтъ; ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ имъ убивать и грабить, но зато этотъ же личный вкусъ побуждаетъ ихъ и дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни. Да, Базаровы именно таковы; кто обвинитъ Тургенева въ клеветливости на нихъ, тотъ скажетъ безобразную клевету“.

Критикъ *Библіотеки для Чтенія* приводитъ еще третье мнѣніе о произведеніи Тургенева, по которому романъ Тургенева есть въ высшей степени жизненное явленіе настоящей минуты. Отъ Тургенева менѣе этого, конечно, нельзя было и ожидать, потому—что идея его романа была извѣстна задолго до его появленія, а талантъ этого любимца публики ручался заранѣе за достойное выполненіе этой идеи. Тургеневъ далъ возможность обществу оглядѣться, опознаться и назвать незаконныхъ претендентовъ на названіе общественныхъ вождей ихъ настоящими и далеко не столь лестными

именами. Теперь публика знаетъ, что за народъ эти *нигилисты*, эти всеотрицающіе люди, свободные отъ всякихъ принциповъ и подвластные однимъ только ощущеніямъ; имя имъ *Базаровы*—и это еще имя лучшихъ изъ нихъ; такъ называются вожаки ихъ партіи; а худшіе между ними, то-есть большинство ихъ, прозываются *Ситниковыми*. Подымите, гг. отрицатели, теперь свои головы! Дайте намъ посмотрѣть на васъ послѣ того, какъ ваше дѣло получило безапеляціонное рѣшеніе въ романѣ Тургенева не въ вашу пользу".

Въ заключеніе критикъ дѣлаетъ слѣдующее воззваніе: „Дѣти отцовъ своихъ, которыхъ вы еще не успѣли сдѣлать дѣдами, по молодости лѣтъ вашихъ! Дѣло идетъ объ васъ. Точно ли Тургеневъ оклеветалъ васъ, нисколько не понимая васъ, написалъ памфлетъ на васъ, глубоко ненавидя васъ, какъ гласитъ одно мнѣніе?—Точно-ли онъ составилъ вамъ панегирикъ, въ которомъ оправдалъ васъ, оцѣнилъ васъ по достоинству и принесъ вамъ полную дань уваженія, какъ гласитъ другое мнѣніе?—Точно ли онъ не написалъ вамъ ни памфлета, ни панегирика, а сказалъ о васъ и обо всемъ, чѣмъ вы живете и къ чему вы стремитесь, такую разрушительную правду, послѣ которой вамъ дышать невозможно, какъ гласитъ третье мнѣніе" [125])?

XXVI.

Въ 1862 году, въ Гейдельбергѣ, скопилось много Русскихъ студентовъ. Туда же собиралась одна изъ героинъ Тургенева, Евдоксія Кукшина. „Мнѣ писали изъ Гейдельберга",—сообщалъ Погодину о. Белюстинъ,—„подробно о буйствѣ тамъ нашей молодежи: что за отвратительное поколѣніе! Но и чего-жъ лучшаго ждать отъ него? Въ крови барско-православный развратъ; въ воспитаніи и образованіи все:—ученіе Бѣлинскихъ въ соединеніи съ Катехизисомъ Филарета; безсмысленное отрицаніе всего рядомъ съ архи-православнымъ авторитетомъ святѣйшихъ, правительствующихъ, вся-

ческихъ, и пр. и пр. Что и могло выработаться изъ всей этой помѣси, какъ не висѣльники. Таково настоящее поколѣніе; слѣдующее, по закону прогресса, выйдетъ еще лучше, краше, достойнѣе. Но зато великолѣпные у насъ проекты администраціи и судоустройства" [126])!

Въ то время, въ Гейдельбергѣ, искалъ премудрости и К. К. Случевскій. Онъ сообщилъ Тургеневу о дурномъ впечатлѣніи, которое произвели *Отцы и Дѣти* на Русскихъ студентовъ въ Гейдельбергскомъ Университетѣ.

Это извѣстіе видимо смутило Тургенева, и онъ поспѣшилъ написать Случевскому оправдательное письмо. „Мнѣніемъ молодежи",—писалъ Тургеневъ,—„нельзя не дорожить... Базаровъ все-таки подавляетъ всѣ остальныя лица романа. Катковъ находилъ, что я въ немъ представилъ апоѳеозу *Современника*... Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до конца ногтей. А вы не находите въ немъ *хорошихъ* сторонъ... Дуэль съ Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ именно введена для нагляднаго доказательства пустоты элегантно-дворянскаго рыцарства, выставленнаго почти преувеличенно комически. И какъ бы Базаровъ отказался отъ дуэли, вѣдь Павелъ Петровичъ его побилъ бы.—Базаровъ, по моему, постоянно разбиваетъ Павла Петровича... и если онъ называется *нигилистомъ*, то надо читать: *революціонеромъ*... Вся моя повѣсть направлена противъ Дворянства, какъ передового класса. Вглядитесь въ лица Кирсановыхъ. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно *хорошихъ* представителей Дворянства... Всѣ истинные *отрицатели*, которыхъ я зналъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ, происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей... Это отнимаетъ у отрицателей всякую тѣнь *личнаго* негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни. Графчикъ Сальясъ не правъ, говоря, что лица, подобныя

Николаю Петровичу и Павлу Петровичу—наши дѣды: Николай Петровичъ, это—я, Огаревъ и тысяча другихъ; Павелъ Петровичъ—Столыпинъ, Есаковъ, Боссетъ,—тоже наши современники. Они лучшіе изъ дворянъ—именно потому и выбраны мною, чтобъ доказать ихъ несостоятельность. Представить, съ одной стороны, взяточниковъ, а съ другой, идеальнаго юношу—эту картинку пускай рисуютъ другіе... Господи! Кукшина, эта каррикатура, по вашему—удачнѣе всѣхъ!.. Одинцова—это тоже представительница нашихъ праздныхъ, мечтающихъ, любопытныхъ и холодныхъ барынь—эпикуреекъ, нашихъ дворянокъ. Графиня Сальясъ это лицо поняла совершенно ясно... Смерть Базарова, которую графиня Сальясъ называетъ *геройскою* и потому критикуетъ, должна была, по моему, положить послѣднюю черту на его трагическую фигуру. А наши молодые люди и ее находятъ случайной! Если читатель *не полюбитъ* Базарова со всею его грубостію, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью—если онъ его не полюбитъ, повторяю я,—я виноватъ, и не достигъ своей цѣли. Но „разсыропиться“, говоря его словами, я не хотѣлъ, хотя черезъ это я бы, вѣроятно, тотчасъ имѣлъ молодыхъ людей на моей сторонѣ... Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на погибель, потому что она все-таки стоитъ еще въ преддверіи будущаго—мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачевымъ и т. д., — а мои молодые современники говорятъ мнѣ, качая головами: „Ты, братецъ опростоволосился и даже насъ обидѣлъ: вотъ Аркадій у тебя почище вышелъ — напрасно ты надъ нимъ еще не потрудился“. Мнѣ остается сдѣлать, какъ въ Цыганской пѣснѣ: *снять шапку да пониже поклониться...* Чрезъ Гейдельбергъ я не поѣду, а я бы посмотрѣлъ на тамошнихъ молодыхъ Русскихъ. Поклонитесь имъ отъ меня, хотя они меня почитаютъ отсталымъ. Скажите имъ, что я прошу ихъ подождать еще немного, прежде чѣмъ они произнесутъ окончательный приговоръ“ [127]).

Сохранилось очень интересное письмо Кохановской къ И. С. Аксакову, въ которомъ заключается строгая оцѣнка произведенія Тургенева. „*Отцы и Дѣти* — это возбуждало любопытство“, — писала Кохановская, — „думалось о поэтическомъ освѣженіи — и что же это такое? Отцы — какъ самыя глупыя дѣти; только еще этой пошлости и у самыхъ глупыхъ дѣтей нѣтъ; Ноздревъ и Тентетниковъ, пожалованные въ нигилисты, и какой отвратительный, пересоленный цинизмъ одного и всяческая, нравственная и литературная, ничтожность другого! И какія несообразности психологическія и этнографическія на каждомъ шагу! Улыбаться *застѣнчиво* и вмѣстѣ *откровенно*; быть лицу въ одно и то же время *пріятну* и *глупу*; матери, встрѣчающей долго не видѣннаго сына, смотрѣть на него *блаженными смѣшными глазами*, и это говоритъ самъ поэтъ, художникъ Тургеневъ, а не нравственный цинизмъ нигилиста его Базарова. А женщина? Эта Анна Сергѣевна, видите ли, самостоятельная Русская барыня съ достоинствомъ и положеніемъ, съ спокойною ясностью свѣтлаго взгляда?.. Вы не дивитесь этимъ недовольнымъ, высказывающимся строкамъ. Я точно могу вамъ сказать вѣсть довольно странную для литературныхъ критиковъ. У насъ, въ провинціи, между женщинами читающими и которыя не боятся *смѣть свое сужденіе имѣть* Тургеневымъ вовсе не восторгаются. Это, конечно, отнесутъ къ нашей тупости и неразвитости“...

Оцѣнка же И. С. Аксакова была еще строже. „Романъ замѣчательный“, — писалъ онъ, — „по своей соціальной задачѣ, но художникъ n'est pas à la portée du sujet, — и вышло довольно уродливое произведеніе. Тургеневъ очень умный, очень добродушный человѣкъ, но вотъ что замѣчательно умно и вѣрно сказала о немъ дочь извѣстнаго поэта Тютчева (которая воспитываетъ дѣтей Императрицы): il lui manque l'épine dorsale morale. Дѣйствительно, въ немъ костей совсѣмъ нѣтъ, а все хрящъ“ [128]).

До сихъ поръ, такъ называемая, *духовная* наша Литера-

тура чуждается, такъ называемой, нашей свѣтской Литературы. Въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе сдѣлалъ, въ 1862 году, профессоръ Кіевской Духовной Академіи В. Пѣвницкій, помѣстившій на страницахъ *Трудовъ Кіевской Духовной Академіи* обширный разборъ романа Тургенева *Отцы и Дѣти*.

Своему разбору Пѣвницкій предпослалъ слѣдующее введеніе:

„Собираясь говорить въ духовномъ журналѣ, по поводу свѣтской повѣсти, мы чувствуемъ, что нашъ замыслъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, для многихъ изъ нашихъ читателей покажется страннымъ и неумѣстнымъ, пожалуй даже оскорбительнымъ для утвердившихся обычаевъ нашей духовной письменности. Мы привыкли относить романы и повѣсти къ отреченному роду Литературы, и всецѣло занятые преслѣдованіемъ серьезныхъ, возвышенныхъ цѣлей, съ высоты своихъ строгихъ воззрѣній не всегда умѣемъ находить живой интересъ и смыслъ въ тѣхъ литературныхъ средствахъ и явленіяхъ, которыя не показаны въ принятомъ нами кодексѣ полезныхъ и солидныхъ книгъ. Для многихъ изъ насъ свѣтская повѣсть—вымыслъ, неимѣющій въ себѣ ничего существеннаго: она можетъ раздражать праздное любопытство, можетъ доставлять легкое и неутомительное занятіе тѣмъ людямъ, которымъ некуда дѣвать свободное время, но замѣтной пользы отсюда никакой не извлекаетъ читатель. Иные скажутъ даже, что отъ такого празднаго занятія мельчаетъ и понижается мысль наша, и подрывается цѣлость нравственнаго чувства, при постоянной встрѣчѣ съ пустыми и часто соблазнительными сценами, изображаемыми въ повѣстяхъ. Отъ того, говорятъ, люди съ дѣловымъ и нравственнымъ направленіемъ сторонятся отъ этого занятія, не представляющаго, по ихъ мнѣнію, за себя никакого вознагражденія.

Но настоящая повѣсть, вѣрная своему идеальному призванію, не похожа на неопредѣленное жужжаніе насѣкомыхъ. Она имѣетъ свою разумную миссію, которая даетъ ей не по-

слѣднюю роль между существующими средствами къ образованію человѣчества.

Въ ней приводятся къ сознанію внутренніе законы нравственной,—общественной, семейной и личной, человѣческой жизни, со всѣми ея уклоненіями и недостатками, и она, выставляя на видъ то или другое явленіе, непосредственно вытекающее изъ окрѣпшей связи общественныхъ обычаевъ и законныхъ или незаконныхъ причинъ, съ его трагическою или комическою судьбою, возбуждаетъ во внимательномъ читателѣ глубокія и долгія думы о цѣляхъ и направленіяхъ нашей жизнедѣятельности, и во внутреннихъ глубинахъ Исторіи, незамѣтно для поверхностнаго взгляда, приготовляетъ такой или иной складъ мыслей и желаній, заправляющихъ нашею жизнедѣятельностію. Въ ней болѣе или менѣе мѣтко характеризуется и отражается жизнь въ разныхъ ея отношеніяхъ. Призванные дѣйствовать на общественную среду силою религіознаго ученія, мы не можемъ пренебрегать этимъ важнымъ средствомъ, способствующимъ нашему ознакомленію съ дѣйствительностію; безъ этого знакомства наше слово не будетъ имѣть практичности и жизненной силы. Послѣ явленія характерной повѣсти, произведшей болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на читающую публику, въ ней слышны разные толки и сужденія, въ которыхъ и впрямь и вкривь переварачиваютъ вызванные авторомъ характеры и явленія; среди этихъ толковъ вырабатывается общественная мысль. Между тѣмъ, если внимательно прислушаться къ этимъ толкамъ, какъ они бываютъ иногда мелки, пусты и превратны. Едва ли полезно для нашего дѣла то равнодушіе, съ какимъ обыкновенно мы относимся къ этому живому явленію общественности, вносящему немалую долю вліянія въ измѣнчивую атмосферу нашего нравственнаго быта.

Можетъ быть, нашъ голосъ не пропадалъ бы совершенно безслѣдно, если бы мы умѣли и старались входить въ среду волнующейся народной мысли.

Тургеневъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ из-

бранныхъ повѣствователей, на литературную дѣятельность которыхъ можно смотрѣть какъ на общественное служеніе, оставляющее по себѣ замѣтные слѣды.

Послѣдняя повѣсть Тургенева, выставленная въ заглавіи нашей статьи, хочетъ затронуть, можно сказать, сердцевину нашего общественнаго развитія; она указываетъ качество и направленіе тѣхъ молодыхъ побѣговъ, въ которыхъ сокрыта надежда нашего будущаго. Мысль и направленіе нашей молодежи слишкомъ рѣзко расходятся съ мыслію и направленіемъ людей, отживающихъ или переступившихъ первую пору молодости. *Нѣтъ, уже не тѣ нынѣ времена!* говорятъ обыкновенно отцы будущаго подростающаго поколѣнія и съ печальнымъ недоумѣніемъ смотрятъ на его замашки и расположенія, не зная, къ чему они поведутъ и чѣмъ разрѣшатся въ жизни. *Уже не тѣ нынѣ времена*, повторяютъ за ними тѣ поэты и мыслители, которые были когда-то любимцами публики и вожатаями общественнаго мнѣнія, видя, что на нихъ теперь перестаютъ обращать вниманіе и ни во что ставятъ тѣ красоты и истины, въ которыхъ они думали полагать внутреннюю сущность человѣческаго міровоззрѣнія. А молодежь, сознавая свой разрывъ съ прошедшимъ и видя съ разныхъ сторонъ печальныя покачиванія головою на свой счетъ, не думаетъ дѣлать ни шагу назадъ, а только съ гордостію любуется новостію своихъ идей, съ самохвальствомъ выставляетъ свои запальчивыя тенденціи предъ тѣми людьми, для которыхъ эти тенденціи могутъ быть оскорбительны, и съ отвагою, свойственною непочатымъ силамъ, видящимъ предъ собою широкую будущность, безъ оглядки стремится все впередъ.

Въ послѣдней повѣсти Тургенева явился типъ, совершенно новый, невиданный при прежнемъ теченіи жизни.

Немного лицъ выведено Тургеневымъ для характеристики того новаго направленія, на которомъ сосредоточивается интересъ современности, и недолгій періодъ переживаютъ они въ повѣсти,—всего нѣсколько мѣсяцевъ; но и изъ этой ко-

роткой картины понятна и видна вся широта и вся сущность современности, беззастѣнчиво оттѣсняющей съ поприща жизни еще добрыхъ отцовъ нашихъ“ [129]).

Почтенный В. А. Мухановъ, подъ 20 сентября 1862 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеръ употребляю на укладываніе и на чтеніе повѣсти *Отцы и Дѣти*, весьма занимательной и замѣчательной“ [130]).

XXVII.

Само собой разумѣется, что Базаровъ, не внушалъ сочуствія сверстникамъ Тургенева, да, по предположенію Герцена, и самому Тургеневу. Онъ находилъ, что въ романѣ отразилось “сердитое„ отношеніе Тургенева къ своему герою. Впрочемъ, самъ Тургеневъ это отвергалъ. „Милый Александръ Ивановичъ“,—писалъ онъ Герцену,—„немедленно отвѣчаю на твое письмо не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и въ то же время заявить, что при сочиненіи Базарова я не только не сердился на него, но чувствовалъ влеченіе, родъ недуга,—такъ что Катковъ на первыхъ порахъ ужаснулся и увидалъ въ немъ апоѳеозу *Современника* и вслѣдствіе этого уговорилъ меня выбросить немало смягчающихъ чертъ, въ чемъ я раскаиваюсь. Еще бы онъ не подавилъ собой *человѣка съ душистыми усами* *) и другихъ! Это—торжество демократизма надъ аристократіей. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виноватымъ передъ Базаровымъ и не могъ придать ему ненужной сладости. Если его не полюбятъ, какъ онъ есть, со всѣмъ его безобразіемъ, значитъ, я виноватъ и не съумѣлъ сладить съ избраннымъ мною типомъ. Штука была бы неважная представить его идеаломъ; а сдѣлать его волкомъ и все-таки оправдать его, это было трудно; и въ этомъ я, вѣроятно, не успѣлъ; но я

---

*) Павла Петровича Кирсанова, однаго изъ героевъ романа *Отцы и Дѣти*. *Н. Б.*

хочу только отклонить нареканіе въ раздраженіи противъ него. Мнѣ, напротивъ, сдается, что противное раздраженію чувство свѣтится во всемъ, въ его смерти и т. д.".

В. П. Батуринскій приводитъ весьма вѣское свидѣтельство въ пользу сочувствія Тургенева къ Базарову. „Свидѣтельство это",—пишетъ Батуринскій,—„идетъ отъ такого компетентнаго наблюдателя, какъ извѣстный анархистъ Кропоткинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ движеніи шестидесятыхъ годовъ и наблюдавшій типы нигилистовъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности. Нечего и говорить, что его симпатіи лежатъ на сторонѣ нигилистовъ, а не ихъ противниковъ; тѣмъ характернѣе его слова. Въ вышедшихъ недавно *Воспоминаніяхъ* князя Кропоткина приведенъ любопытный разговоръ его съ Тургеневымъ именно по поводу Базарова.

„Однажды. — говорилъ Кропоткинъ,—когда мы вмѣстѣ возвращались изъ ателье Антокольскаго, Тургеневъ спросилъ меня—что я думаю о Базаровѣ?

Я откровенно отвѣтилъ ему:

— Базаровъ удивительно вѣрное изображеніе нилигиста, но читатель чувствуетъ, что вы относитесь къ нему не съ такой любовью, какъ къ другимъ вашимъ героямъ.

— Напротивъ, я очень, очень люблю его,—воскликнулъ съ живостью Тургеневъ. Я когда-нибудь покажу вамъ мой дневникъ и вы увидите, сколько слезъ я пролилъ, заканчивая романъ смертью Базарова".

Но Базарову не сочувствовали ни Салтыковъ, ни самъ Герценъ,—люди сороковыхъ годовъ

Съ рѣзкостью относился Салтыковъ къ мыслителямъ *Русскаго Слова*. „Всего болѣе,—писалъ Салтыковъ,—содѣйствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и юродствующіе, которые съ ухарской развязностью прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ, и, схвативъ одни наружные признаки этого дѣла, совершенно искренно исповѣдуютъ, что въ нихъ-то и вся сила. Эти люди

считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодого поколѣнія, забывая, что дрянь есть явленіе общее всѣмъ вѣкамъ и странамъ и что совершенно несправедливо и даже непозволительно навязывать ее исключительно современному Русскому молодому поколѣнію... Вислоухіе никогда не прельщали меня; я всегда былъ того мнѣнія, что они однимъ своимъ участіемъ дѣлаютъ неузнаваемымъ всякое дѣло до котораго прикасаются... Въ прошломъ году, какъ и нынче, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на людей, которые въ словѣ *нигилизмъ* обрѣли для себя какую то тихую пристань, въ которой можно отдыхать свободно... Я находилъ, что эти невинныя существа отнюдь не должны считаться представителями какого бы то не было поколѣнія, но что они изображаютъ собой тотъ паразитскій изъ угла въ уголъ шатающійся элементъ, отъ котораго, по несчастію, не можетъ быть свободно никакое, даже самое лучшее дѣло... Нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезлавили бы; нѣтъ дѣла, котораго они не засидѣли бы. *Я демократъ*,—говоритъ вамъ вислоухій и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевкѣ и сморкается безъ помощи платка. *Я нигилистъ и не имѣю никакихъ предразсудковъ*,—говоритъ вамъ другой вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время дня готовъ выбѣжать голый на улицу. И напрасно вы будете увѣрять его, что въ первомъ случаѣ онъ совсѣмъ не демократъ, а только нечистоплотный человѣкъ и что во второмъ случаѣ онъ тоже не болѣе, какъ бойкій человѣкъ, безъ надобности подвергающій себя заключенію въ частномъ домѣ; не повѣритъ онъ ни за что и васъ же обругаетъ аристократомъ и отсталымъ человѣкомъ".

„Передъ Герценомъ,"—замѣчаетъ В. П. Батуринскій,—„за довольно продолжительный періодъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ прошла длинная фаланга представителей Русскаго молодого поколѣнія, побывавшей за границею", а потому и любопытенъ взглядъ Герцена на Базарова. „Вѣрно ли понялъ Писаревъ Тургеневскаго Базарова,"—писалъ Герценъ Огареву,—„до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Важно то, что онъ въ

Базаровѣ узналъ себя и своихъ, и добавилъ, чего не доставало въ книгѣ. Базаровъ для Тургенева больше чѣмъ посторонній, для Писарева—больше чѣмъ свой".

Затѣмъ Герценъ подробно излагаетъ взглядъ Писарева на Базарова и останавливается на генеалогіи Базарова, сдѣланной Писаревымъ: „Онѣгины и Печорины родили Рудиныхъ и Бельтовыхъ, *) Рудины-Бельтовы—Базарова... У Печорина была воля безъ знанія, у Рудиныхъ—знаніе безъ воли, у Базаровыхъ—и знаніе и воля. Мысль и дѣло сливаются въ одно цѣлое", говоритъ Писаревъ.

„Тутъ все есть",—пишетъ Герценъ Огареву по поводу этой характеристики,—„и характеристика и классификація,—все коротко и ясно, сумма подведена, счетъ поданъ, и съ той точки зрѣнія, съ которой авторъ взялъ вопросъ, совершенно вѣрно. Но мы этого счета не принимаемъ. Странная судьба отцовъ и дѣтей! Что Тургеневъ вывелъ Базарова не для того, чтобъ погладить по головкѣ—это ясно; что онъ хотѣлъ что-то сдѣлать въ пользу отцовъ — и это ясно. Но въ соприкосновеніи съ такими жалкими и ничтожными отцами, какъ Кирсановы, крутой Базаровъ увлекъ Тургенева и, вмѣсто того, чтобъ посѣчь сына, онъ выпоролъ отцовъ. Оттого-то и вышло, что часть молодого поколѣніи узнала себя въ Базаровѣ. Но мы вовсе не узнаемъ себя въ Кирсановыхъ, такъ какъ не узнавали себя ни въ Маниловыхъ, ни въ Собакевичахъ... Писаревскій Базаровъ, въ одностороннемъ смыслѣ, до нѣкоторой степени предѣльный типъ того, что Тургеневъ назвалъ сыновьями, въ то время какъ Кирсановы самые стертые и пошлые представители отцовъ. Тургеневъ былъ больше художникъ въ своемъ романѣ, чѣмъ думаютъ, и оттого сбился съ дороги и, по моему, очень хорошо сдѣлалъ—шелъ въ комнату, попалъ въ другую, зато въ лучшую".

---

*) Бельтовъ одинъ изъ героевъ повѣсти Герцена: *Кто виноватъ*. *Н. Б.*

Далѣе, Герценъ сожалѣетъ, что Тургеневъ не послалъ своего Базарова въ Лондонъ. „Базаровъ въ Лондонѣ“,—говоритъ Герценъ,—увидѣлъ бы, что это только издали казалось, что мы размахиваемъ руками, а что на самомъ дѣлѣ мы ими работали. Можетъ, онъ смѣнилъ бы гнѣвъ на милость и перегалъ бы относиться къ намъ съ *укоромъ и насмѣшкой*“.

Далѣе, Герценъ съ горечью касается той темы, которая была затронута имъ въ разговорѣ съ Чернышевскимъ. Онъ находилъ, что молодое поколѣніе черезчуръ уже пренебрежительно относиться къ работѣ *отцовъ*. „Я признаюсь откровенно“,—писалъ Герценъ,—мнѣ лично это метанье камнями въ своихъ предшественниковъ—противно. Хотѣлось бы спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ—Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ Камчадаловъ, которые убиваютъ своихъ стариковъ.—Онѣгины и Печорины прошли.—Рудины и Бельтовы проходятъ.—Базаровы пройдутъ... и даже очень скоро. Это слишкомъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобъ ему долго удержаться“.

Герценъ указываетъ, что въ Русской Литературѣ далеко не полно отразились общественные типы двадцатыхъ годовъ. „Братъ Онѣгина“, —говоритъ онъ,—„за положительный типъ умственной жизни двадцатыхъ годовъ, за интегралъ всѣхъ стремленій и дѣятельностей проснувшагося слоя, совершенно ошибочно, хотя онъ и представляетъ одну изъ сторонъ тогдашней жизни“.

Въ доказательство справедливости своего мнѣнія, Герценъ указываетъ на то обстоятельство, что въ Литературѣ, по независящимъ обстоятельствамъ, былъ пропущенъ типъ декабриста, типъ не менѣе характерный для двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, чѣмъ типъ Онѣгина. „Если въ Литературѣ“,—говоритъ Герценъ,—„сколько нибудь отразился слабо, но съ родственными чертами, типъ декабриста—это въ Чацкомъ“.

Далѣе, Герценъ бросаетъ нѣсколько озлобленныхъ словъ по адресу мыслителей *Русскаго Слова* и *Современника*. „Чацкій“, — говоритъ онъ, — „не могъ бы жить, сложа руки, ни въ капризной брюзгливости, ни въ надменномъ самообоготвореніи: онъ не былъ настолько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи и не былъ такъ молодъ, чтобъ наслаждаться отроческими самоудовлетвореніями. Въ этомъ характерѣ безпокойнаго фермента, бродящихъ дрожжей, вся сущность его. Но именно эта-то сторона и не нравится Базарову, она-то его и озлобляетъ въ его гордомъ стоицизмѣ. Молчите, дескать, въ своемъ углу, коли силы нѣтъ что-либо дѣлать, а то и безъ вашего хныканья тошно,—говоритъ онъ; — побиты, ну и сидите побитые... Что вамъ ѣсть что ли нечего, что плачете, это все барскія затѣи“.

Герценъ возмущается такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ людямъ его поколѣнія, находитъ, что „это сильно сбивается на Аракчеевщину“, и спрашиваетъ: „На какомъ основаніи отнято право на горькую жалобу Лермонтова, на его упреки своему поколѣнію, отъ которыхъ многіе вздрогнули? Чѣмъ бы улучшилось положеніе, если бы и эти голоса были подавлены“?

— Да зачѣмъ они? Что проку?—спроситъ Базаровъ.

— „А зачѣмъ камень издаетъ звукъ, когда его бьютъ молотомъ“?

— Онъ не можетъ иначе.

— „А почему эти господа думаютъ, что люди могутъ страдать цѣлыя поколѣнія безъ слова жалобы, негодованія, проклятія, протеста? Если не для другихъ нужна жалоба, то для самихъ жалующихся. Высказанная скорбь утоляетъ боль“.

Въ сущности, нашихъ юношей приводитъ въ ярость то, что въ нашемъ поколѣніи выражалась наша потребвость дѣятельности, нашъ протестъ противъ существующаго иначе, чѣмъ у нихъ, и что мотивъ того и другого не всегда и не вполнѣ зависѣлъ отъ голода и холода.

Нѣтъ ли въ этомъ пристрастіи къ однообразію того же раздражительнаго духа, который сдѣлалъ у насъ изъ канцелярской формы сущность дѣла и изъ военныхъ эволюцій шагистику? Изъ этой стороны Русскаго характера развилась статская и военная Аракчеевщина. Всякое личное, индивидуальное проявленіе, отступленіе считалось непокорствомъ и возбуждало преслѣдованія и безпрерывныя придирки. Базаровъ не оставляетъ никого въ покоѣ, всѣхъ задираетъ свысока. Каждое слово его выговоръ высшаго низшему. Это не имѣетъ будущности“.

В. П. Батуринскій обращаетъ вниманіе на любопытное генеалогическое изслѣдованіе Герцена, ставившаго свое поколѣніе срединнымъ между декабристами и Базаровымъ.

„Декабристы“,—говоритъ Герценъ,—„наши отцы; Базаровы—наши блудныя дѣти. Чтò наше поколѣніе завѣщало новому“? — спрашиваетъ Герценъ. — Нигилизмъ. Вспомнимъ, какъ было дѣло. Около сороковыхъ годовъ, жизнь изъ-подъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣе прорываться. По всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманія, что въ болѣзни есть поворотъ къ лучшему, что силы очень слабы, но будто поднялись — другой тонъ. Гдѣ-то внутри, въ нравственно-микроскопическомъ мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, болѣе раздражительный, но и болѣе здоровый. Наружно все было мертво подо льдомъ, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти—какое-то чувство неловкости, неудовольствія. Ужасъ притупился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства. Приложить къ этому времени во всей ихъ рѣзкости рубрики Писарева трудно. *(У Печериныхъ есть воля безъ знанія, у Рудиныхъ — знаніе безъ воли).* Въ жизни все состоитъ изъ переливовъ, колебаній, перекрещиваній, захватываній и перехватываній, а не изъ отломленныхъ кусковъ. Гдѣ окончились люди безъ знанія съ волей и набрались люди съ знаніемъ и безъ воли? Природа рѣшительно ускользаетъ отъ взводнаго ранжира, даже отъ ран-

жира по возрастамъ. Лермонтовъ лѣтами былъ товарищъ Бѣлинскаго, онъ былъ вмѣстѣ съ нами въ Университетѣ, а умеръ въ безвыходной безнадежности Печоринскаго наставленія, противъ котораго возставали уже и Славянофилы и мы. Кстати, я назвалъ Славянофиловъ. Куда дѣть Хомякова и его *братчиковъ*? Что у нихъ было, воля безъ знанія, или знаніе безъ воли? А мѣсто они заняли нешуточное въ новомъ развитіи Россіи; они свою мысль далеко вдавили въ современный потокъ. Или въ какой рекрутскій пріемъ и по какой мѣрѣ мы сдадимъ Гоголя? Знанія у него не было, была ли воля—не знаю, сомнѣваюсь, а геній былъ и его вліяніе колоссально“ [131]).

XXVIII.

Въ самомъ началѣ 1862 года, Катковъ писалъ: „Время дѣйствительно наступаетъ новое, но тѣмъ крѣпче должны мы стоять и тѣмъ усерднѣе дѣйствовать, хотя наша дѣятельность и не совсѣмъ нравится нѣкоторымъ изъ нашихъ сотоварищей по Журналистикѣ“ [132]).

Само собою разумѣется, „дѣятельность“ Каткова не могла нравиться и Герцену. Послѣдній былъ очень недоволенъ своимъ другомъ Тургеневымъ когда узналъ о намѣреніи его напечатать свой романъ *Отцы и Дѣти* въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

„Et tu, Brute“!—писалъ Тургеневъ Герцену, — „Ты, ты меня упрекаешь, что я отдаю свою работу въ *Русскій Вѣстникъ*? Но изъ чего же я разсорился съ *Современникомъ*, воплощеннымъ въ образѣ Некрасова? Въ программахъ своихъ они утверждаютъ, что они мнѣ отказали, яко отсталому....... Ты очень хорошо знаешь, что я бросилъ Некрасова, какъ безчестнаго человѣка. Куда же мнѣ было дѣться съ своей работой? Въ *Библіотеку* пойти? Да и конецъ концовъ *Русскій Вѣстникъ* не такая же дрянь, хотя многое въ немъ мнѣ противно до тошноты“ [133]).

Въ мартовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* началось печатаніе романа Тургенева *Отцы и Дѣти*, и въ той же книжкѣ Катковъ напечаталъ свою статью, подъ заглавіемъ: *Къ какой принадлежимъ мы партіи?* Статья эта послужила началомъ ожесточенной полемики, возгорѣвшей между Катковымъ и Герценомъ. „Доктринерскій, поучительный тонъ“ статьи Каткова не понравился Герцену, и онъ, въ *Колоколѣ*, задѣлъ Каткова также за то, что онъ „не придаетъ значенія Русскимъ политическимъ партіямъ и указалъ на многихъ лицъ, попавшихъ за политическую агитацію въ казематы и Сибирь. *Это ли не убѣжденіе?* — спросилъ Каткова Герценъ.

Съ своей же стороны, Катковъ, не называя Герцена и говоря о мировыхъ посредникахъ, выразилъ желаніе, „чтобы прекратилось анархическое состояніе общественнаго мнѣнія. Это положеніе вещей (говоритъ Катковъ), въ которомъ раздраженныя и разложенныя общественныя силы сталкиваются между собою и предоставляя агитировать кому вздумается, какому-нибудь свободному артисту, который серьезно воображаетъ себя представителемъ Русскаго народа, рѣшителемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній и дѣйствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ мѣстахъ Русскаго Царства, а самъ, сидя въ безопасности за спиною Лондонскаго полисмена, для своего развлеченія, посылаетъ ихъ на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью, да еще не велитъ *сбивать ихъ съ толку и не говорить ему подъ руку.* Кто этому острослову, *выболтавшемуся* вонъ изъ всякаго смысла, кто даетъ ему эту силу и этотъ призракъ власти“ [134])?

Статья Каткова произвела сильное впечатлѣніе въ Россіи и задѣла Герцена за живое.

„Противъ ахинеи въ головахъ“, — писалъ А. О. Россети, 21 мая 1862 года, къ сестрѣ своей А. О. Смирновой, — „замѣчается уже сильная реакція; вчера *Русскій Вѣстникъ* прогремѣлъ противъ Герцена, какъ эта новая пиѳія, этотъ комическій цезарь, распорядитель судебъ Россіи, сидя подъ защитою Англійскихъ полисменовъ отъ воображаемыхъ имъ

Брутовъ, посылаетъ нашу неопытную молодежь въ Сибирь или казематы"[135]).

Съ своей же стороны, Герценъ отвѣчалъ Каткову: „Мы обращаемся прямо къ совѣсти издателей *Современной Лѣтописа*, и спрашиваемъ ихъ: Кого же это, когда, при какомъ случаѣ погубилъ нашъ совѣтъ, кого свелъ въ казематы и Сибирь? Вы толкуете, что мы сидимъ безопасно въ Лондонѣ за спиною полисмена. Почему же полисмена? Почему же не за спиной свободной Англійской конституціи? Отчего это, когда вы писали вашу статью, васъ все безпокоили полицейскіе образы и тѣни? Вамъ не нравится то, что мы печатаемъ за границей?—Отчего же вы сами не печатаете? Если мы ошибались,—отчего вы не возражали намъ? Если мы сбивались съ пути,—отчего вы намъ не указывали его?... Намъ кажется, что свободная рѣчь, какъ свѣжій воздухъ чахоточному, слишкомъ рѣзка для васъ. То ли дѣло съ сурдинкой, съ важнымъ невысказываемымъ, съ намекомъ на какую-то глубь премудрости... *Отворите мнѣ темницу*, отнимите мнѣ цензуру и посмотрите, что за Гималайская манна словъ посыплется на васъ... А ну, какъ вы въ самомъ дѣлѣ, господа, накличите свободу книгопечатанія... Вѣдь вамъ грозитъ тогда бѣда"[136])!

Между тѣмъ, гласная полемика съ Герценомъ въ то время въ Россіи не допускалась. А. В. Головнинъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ самый разгаръ вліянія *Колокола*. Предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета Головнинъ назначилъ В. А. Цеэ. При первомъ докладѣ новаго предсѣдателя Цензуры, Головнинъ объявилъ ему, что онъ конфиденціально сносился съ шефомъ Жандармовъ и съ министромъ Финансовъ, чтобы узнать отъ нихъ, какія мѣры они сочтутъ необходимыми принять для предупрежденія громаднаго ввоза *Колокола* въ Россію, и оба отвѣтили ему, что всѣ возможныя мѣры для достиженія этой цѣли приняты и что за симъ они не признаютъ возможнымъ придумать что-либо другое. „При этомъ

Головнинъ",—пишетъ Цеэ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*,—„спросилъ мое мнѣніе, какъ поступать въ этомъ случаѣ? Я ему отвѣчалъ, что, по моему искреннему убѣжденію, съ силою не физическою, а нравственною можно бороться только такою же силою, а потому я полагалъ бы весьма полезнымъ разрѣшить нашей печати возражать на статьи *Колокола* и при этомъ выразилъ надежду, что наша печать сумѣетъ разоблачить тѣ крайнія увлеченія, которыми, несмотря на замѣчательный умъ и способность Герцена, изобиловала его газета, имѣвшая за собою преимущество запрещеннаго плода. Выслушавъ меня, Головнинъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе".

Спустя нѣсколько дней, явился къ Цеэ редакторъ *Сѣверной Пчелы* П. Ст. Усовъ и принесъ ему нумеръ *Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1862 года, въ которыхъ находилась рѣчь, произнесенная Герценомъ въ Вяткѣ 6-го декабря 1837 года. Въ этой рѣчи Герценъ утверждалъ, что въ Россіи прогрессъ всегда исходитъ отъ Правительства. Усовъ приходилъ къ Цеэ съ жалобою на цензора, несогласившагося на перепечатаніе этой статьи въ *Сѣверной Пчелѣ*. Цеэ, къ великому удовольствію Усова, разрѣшилъ ему перепечатать.

Въ самый день появленія этой перепечатки въ *Сѣверной Пчелѣ*, Цеэ получилъ записку отъ шефа Жандармовъ, князя В. А. Долгорукова, въ которой онъ убѣдительно просилъ Цеэ заѣхать къ нему въ тотъ же день. Князь Долгоруковъ встрѣтилъ его крайне встревоженный, съ вопросомъ, кто тотъ злополучный цензоръ, который разрѣшилъ перепечатать въ *Сѣверной Пчелѣ* статью изъ *Вятскихъ Вѣдомостей*, повторяя нѣсколько разъ, что нельзя допускать, чтобы имя государственнаго преступника упоминалось въ печати. Цеэ ему отвѣчалъ, что здѣсь дѣло идетъ не о государственномъ преступникѣ, а о журналистѣ, котораго имя упоминается ежедневно въ обществѣ, и котораго статьи читаются на расхватъ, хотя и тайно; что статья пропущена не цензоромъ,

а имъ (Цеэ), подъ личною его отвѣтственностью, и что онъ (Цеэ) убѣдительно проситъ повременить своимъ сужденіемъ объ этой статьѣ не болѣе одной недѣли, т.-е., до полученія перваго слѣдующаго нумера *Колокола* изъ Лондона. Князь В. А. Долгоруковъ, по отзыву Цеэ, былъ человѣкъ въ высшей степени благородный и согласился на предложеніе Цеэ.

Между тѣмъ, въ *Колоколѣ* появились „желчныя нападки Герцена на *Сѣверную Пчелу* за напечатаніе старинной статьи, столь нелестной для его самолюбія и идущей въ разрѣзъ съ его нападками на наше высшее Правительство“.

Прочитавъ эту статью, князь В. А. Долгоруковъ при свиданіи съ Цеэ сказалъ ему: „Извиняюсь передъ вами, вы были правы, вамъ и книги въ руки“!

При этомъ Цеэ замѣчаетъ: „Вотъ гдѣ было первое начало полемики противъ Герцена и его постепеннаго паденія въ общественномъ мнѣніи“.

Вслѣдъ за симъ, была прислана изъ Москвы предсѣдателемъ тамошняго Цензурнаго Комитета М. П. Щербининымъ, запрещенная имъ весьма рѣзкая статья М. Н. Каткова противъ Герцена, въ которой онъ называлъ его *генераломъ-отъ-революціи*. Головнинъ тотчасъ же разрѣшилъ эту статью и далъ Каткову возможность продолжать борьбу „съ этимъ, въ то время значительнымъ авторитетомъ“.

Такимъ образомъ, А. В. Головнину „принадлежитъ заслуга разрѣшенія гласнаго возраженія *Колоколу*“ [137]).

XXIX.

Въ статьѣ своей о Петербургскихъ пожарахъ, Катковъ, не называя имени Герцена, писалъ: „Наши заграничные refugiés (мы хорошо знаемъ, что это за люди), находятъ, что Европа отжила свое время, что революціи не удаются въ ней, что въ ней есть много всякаго хлама, препятствующаго прогрессу, какъ напримѣръ: наука, цивилизація, свобода, права собственности и личности,—и вотъ они возымѣли бла-

гую мысль избрать театромъ для своихъ экскрементовъ Россію, гдѣ, по ихъ мнѣнію, этихъ препятствій нѣтъ, или гдѣ они недостаточно сильны, чтобы оказать успѣшный отпоръ. Они пишутъ и доказываютъ, что Россія есть обѣтованная страна коммунизма, что она позволитъ дѣлать съ собою что угодно, что она стерпитъ все, что оказалось нестерпимымъ для всѣхъ человѣческихъ цивилизацій. Они увѣрены, что на нее можно излить полный фіалъ всѣхъ безумствъ и всѣхъ глупостей, всей мертвечины и всѣхъ отсѣдовъ, которые скоплялись въ разныхъ мѣстахъ и отовсюду выброшены, что для такой операціи время теперь благопріятно, и что ненадобно только затрудняться въ выборѣ средствъ. Всѣ эти прелести съ разными гримасами появлялись въ Русскихъ заграничныхъ листкахъ,—всѣ онѣ воспроизводятся и развиваются въ подметныхъ прокламаціяхъ въ самой Россіи и которыя были бы невозможны нигдѣ кромѣ Россіи. Да, рабскіе инстинкты, нравственное несовершеннолѣтіе творятъ чудеса; они дѣлаютъ возможнымъ, что было бы невозможно нигдѣ. Благодаря имъ, даже скорбный поэтъ Огаревъ попалъ въ пророки. *Еда и Саулъ во пророцѣхъ*" [138])?

На этомъ, очевидно, дѣло не могло остановиться. Должна была произойти рѣшительная схватка. Герценъ отвѣтилъ письмомъ, которое просилъ редакторовъ *Современной Лѣтописи* напечатать.

Герценъ обращается къ нимъ со словами:

„Какіе же мы люди, г. Катковъ?

Какіе же мы люди, г. Леонтьевъ?

Вы вѣдь хорошо знаете, какіе мы люди?...

Да, гг. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотримъ на ваши ученые глаза, кто кого пересмотритъ?

Можетъ вы слыхали, какъ въ 1849 г., въ народномъ собраніи въ Парижѣ, Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся въ ту минуту въ страшный судъ: „Говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности,—я могу принять

это за личность и тогда я не вызовъ на дуэль вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой; здѣсь съ этой трибуны я разскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. И потомъ пусть разскажетъ мой противникъ свою жизнь" [139]).

Пользуясь разрѣшеніемъ гласной полемики съ *Колоколомъ,* Катковъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечаталъ свою знаменитую *Замѣтку для издателя Колокола,* въ которой „гнѣвная рѣчь Каткова бушуетъ и хлещетъ, какъ разъяренный потокъ". Онъ между прочимъ, писалъ: „Нѣсколько словъ сказанныхъ нами, въ *Современной Лѣтописи,* о Лондонскихъ страдальцахъ за Русскую Землю, дошли по адресу. Одинъ изъ нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ сообщилъ намъ выдержку изъ *Колокола,* гдѣ напечатанъ одинъ отзывъ, а на этихъ дняхъ получили мы изъ Лондона, какъ надобно думать, отъ самого издателя, послѣдній нумеръ этой газеты съ новымъ отзывомъ. Мы радуемся открывшейся возможности поговорить съ г. Герценомъ. Мы давно этого добивались; но до послѣдняго времени онъ былъ для Русской Литературы неприкосновенною святыней, болѣе чѣмъ всѣ потентаты міра, такъ что мы должны были ограничиваться лишь очень отдаленными намеками, которые, вѣроятно, и не удостоивались счастія быть имъ замѣченными. Насъ еще затрудняло и то обстоятельство, что публика у насъ съ нимъ разная, но въ этой бѣдѣ онъ намъ самъ помогъ. Онъ вдругъ заговорилъ о насъ и о нашихъ мнѣніяхъ, обидѣвшись тѣмъ, что мы не придаемъ значенія нашимъ политическимъ партіямъ, и гнѣвно указывалъ намъ на недавнія жертвы политической агитаціи, попавшія въ казематы и Сибирь. Онъ полагалъ, что слово останется за нимъ, а намъ говорить о немъ не позволятъ; однакожъ, намъ удалось сказать словцо, о *свободномъ артистѣ,* который самъ сидитъ въ безопасности, а другихъ посылаетъ на подвиги, ведущіе ихъ въ казематы и Сибирь. Это и удивило, и раздражило его, и удивленіе его высказалось также наивно, какъ и раздраженіе.

Нынѣшнія волненія не ограничатся вредомъ въ настоящемъ, они отзовутся еще бо̀льшимъ вредомъ въ будущемъ; чтобы тамъ ни вышло, а нѣсколько поколѣній молодежи, потерявшей время и силы, будетъ во всякомъ случаѣ бѣдствіе для страны. Каково же раздражать и безъ того возбужденные умы, кокетничая съ ними.

Онъ истощаетъ свое острословіе на генеральскіе чины и мундиры; онъ свысока смотритъ на нравственность Тьера. Но пусть онъ осмотрится въ томъ особомъ мірѣ, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ: тамъ есть свои мундиры и генералы. Пусть онъ подумаетъ, какъ онъ живетъ въ этой республикѣ разноплеменныхъ выходцевъ и политическихъ агитаторовъ всѣхъ сортовъ. Сначала онъ ухаживалъ за великими этого особаго міра, добиваясь ихъ интимности, собиралъ ихъ записочки и предавалъ ихъ тисненію, хотя въ этихъ записочкахъ, часто ничего другого не значилось, кромѣ *здравствуйте* и *прощайте*, или приглашенія на чашку чая. Ухаживая за великими, и онъ наконецъ самъ захотѣлъ сдѣлаться великимъ. Мадзини — представитель Италіи; ему надо сдѣлаться представителемъ Россіи. И вотъ тайная пружина его дѣятельности; вотъ на что употребилъ свою свободу и представившіяся ему средства дѣйствія. Вотъ чѣмъ онъ одурманилъ себя, вотъ за что онъ продалъ свою совѣсть. Нашъ острякъ не сообразилъ, что въ Мадзини была положительная, а не фантастическая народная сила; онъ забылъ, что у Итальянскаго агитатора написано на знамени: *Богъ и народъ*, и что если къ агитаціи примѣшивались революціонныя начала, то тѣмъ съ большею преданностью держался онъ положительныхъ основъ, которыя давали силу и смыслъ его агитаціи. За нимъ была родина, раздѣленная, томившаяся подъ иноземнымъ игомъ, стремившаяся къ единству, добивавшаяся независимости по прямому завѣту своей великой Исторіи,—и онъ дѣйствовалъ бы успѣшнѣе, если бы въ немъ не было примѣси теорій, которыхъ не хочетъ жизнь, которыя отвергаетъ народное чувство. Народное чув-

ство есть великая сила, и понятны увлеченія, которымъ предаются люди, повинуясь ему. Какъ и всякая положительная сила, которой служатъ люди, она облагораживаетъ ихъ и многое искупаетъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ преступныхъ средствъ. Кошутъ ли прельщалъ воображеніе нашего артиста? Но и за этимъ агитаторомъ также родина, которая ищетъ возстановленія своихъ историческихъ правъ и національной независимости. За Кошутомъ его прежняя политическая дѣятельность. Онъ—на дѣлѣ, а не въ фантазіи,—былъ представителемъ своего народа, и держалъ въ рукахъ его судьбы. Всѣ эти выходцы имѣютъ какое-нибудь политическое значеніе; каждый опирается хоть на что-нибудь положительное, каждый примыкаетъ хоть къ чему-нибудь опредѣленному въ своемъ народѣ, каждый знаетъ, чего онъ хочетъ. Чего же захотѣлъ и на чтò опирается нашъ фразеологъ? Ему захотѣлось что нибудь значить между этими знаменитостями и стать генераломъ отъ революціи. Родина его не раздѣлена и не находится подъ иноземнымъ политическимъ игомъ; тяжкая и трудная Исторія создала ее великимъ цѣльнымъ организмомъ; Русскій народъ, одинъ изъ всѣхъ Славянскихъ, достигъ политическаго могущества и сталъ великою державою; благодаря ему, Славянское племя не исчезло изъ Исторіи, какъ Чудское и Латышское; но эту судьбу купилъ онъ цѣною великихъ усилій и пожертвованій. Государственое единство есть благо, которымъ Русскій народъ дорожитъ и долженъ дорожить, если не хочетъ обратить въ ничто дѣло тяжкаго тысячелѣтія и исчезнуть съ лица земли. Это основа его національнаго бытія, купленная дорогою цѣной, и онъ долженъ крѣпко держаться ея, и онъ крѣпко ея держится. Но настала пора, когда задержанныя и подавленныя прежнимъ развитіемъ силы должны вступить въ дѣйствіе; настала пора внутреннихъ преобразованій, которыя должны воскресить эти силы. Открылась новая эпоха, которая требуетъ новыхъ тяжкихъ усилій; началось дѣло, исполненное величайшихъ трудностей. Явился необозримый

рядъ новыхъ потребностей и задачъ. Такое могущественное движенie въ общественномъ организмѣ не можетъ не сопровождаться броженieмъ умовъ и разстройствомъ многихъ интересовъ. Въ чемъ же состоитъ задача честнаго писателя, сколько-нибудь мыслящаго и дѣйствительно любящаго свою родину? Броженiю ли этому способствовать или созидательному дѣлу? Запутывать ли дѣло всякою негодною примѣсью, капризами и фантазiями, и вызывать губительныя реакцiи, или разъяснять и упрощать его, и сосредоточивать общественное вниманie на элементахъ существенныхъ и безспорныхъ? Каждый честный человѣкъ, въ такую минуту принимающiйся за публичное слово и находящiйся на полной свободѣ, не раздражаемый стѣсненieмъ, долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность, несовмѣстную съ легкомыслieмъ, и избѣгать всего, чего не сознаетъ съ полною ясностью, съ полнымъ разумнымъ убѣжденieмъ. Если онъ при всемъ этомъ ошибется или увлечется, и поданный совѣтъ окажется невѣрнымъ или одностороннимъ или неблаговременнымъ, то онъ останется по крайней мѣрѣ чистъ предъ своею совѣстiю, и дѣйствительно будетъ имѣть право на имя честнаго человѣка. Такъ ли дѣйствовалъ нашъ Мадзини или нашъ Кошутъ? Можетъ ли онъ, положа, руку на сердце, сказать, что онъ такъ дѣйствовалъ? Онъ не дѣйствовалъ, онъ юлилъ и вертѣлся, ломался и жеманничалъ, бросался подъ ноги всякому дѣлу; онъ умѣлъ только смущать и запутывать, вызывать реакцiю. Передъ каждымъ практическимъ вопросомъ онъ раскрывалъ бездну своего пустого и безсмысленнаго радикализма, и только пугалъ, раздражалъ и сбивалъ съ толку. Результаты его дѣятельности на виду: было ли сказано въ его писанiяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершились, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ возникали? Что путнаго было сказано, напримѣръ, по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и самаго труднаго? Ничего, кромѣ тупоумныхъ разглагольствованiй г. Огарева и сценическихъ вскрикиванiй

г. Герцена. Они то ругались холопски, то съ приторною аффектаціею, болѣе оскорбительною, чѣмъ ихъ грубости, выражали свое сочувствіе: *Ты побѣдилъ Галилеянинъ*, кричалъ нашъ Мадзини, стоя на одной ногѣ, какъ балетмейстеръ.

Онъ достигаетъ своей цѣли; онъ принимаетъ поздравленія и адресы и участвуетъ на совѣщаніяхъ о всемірной революціи. Онъ усиливаетъ свою пропаганду, и еще пуще принимаетъ тонъ пророка, и окончательно отождествляетъ себя съ Русскимъ народомъ; онъ вступаетъ въ переговоры съ представителями великихъ другихъ державъ, и, великодушный потентатъ, готовъ поступиться своими владѣніями и соглашается рѣшить судьбу нѣкоторыхъ провинцій точно такимъ же образомъ, какъ была рѣшена судьба Савоіи и Ниццы, — что потомъ и повторилось въ тѣхъ подметныхъ листкахъ, за которые недавно пострадалъ Обручевъ" [140]).

В. А. Мухановъ, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 27 августа 1862 г., записалъ: „Статья противъ Герцена Каткова произвела хорошее дѣйствіе, и вездѣ отзываются съ негодованіемъ о нарушителяхъ общественнаго спокойствія, какъ заграничныхъ, такъ и въ Россіи находящихся, разумѣя Чернышевскаго и другихъ" [141]).

Но иного мнѣнія о статьѣ Каткова былъ И. С. Аксаковъ. „Катковъ"—писалъ онъ Погодину,—„неправъ во многомъ относительно Герцена: все-таки это благороднѣйшее и симпатичное лицо; Катковъ грубъ и дерзокъ донельзя. Но во многомъ онъ и правъ: такъ выходитъ, и потому статья для Герцена убійственна. На мѣстѣ Каткова слѣдовало бы, однакожъ, нападая на Герцена, дать туза два-три и Правительству, чтобъ оно не слишкомъ радовалось низверженію своего обличителя" [142]).

Статьею Каткова былъ недоволенъ и самъ Погодинъ. „Статья Каткова", — писалъ онъ графинѣ Блудовой,—„мнѣ не нравится: 1) Носитъ характеръ личности. 2) Не касается до главныхъ винъ Герцена. 3) Состоитъ изъ ругательствъ площадныхъ. Къ Герцену я не могу быть пристрастенъ, потому

что брань моя съ нимъ началась двадцать пять лѣтъ, и онъ и его партія ругаютъ меня при всякомъ случаѣ, чуя врага; но я даже призналъ, что это есть талантъ сильный и что съ нимъ надо бороться посерьезнѣе и нашлись бы давно борцы, еслибы Правительство не связало руки".

Статья Каткова для Герцена была дѣйствительно убійственна. Въ то время значеніе его въ революціонномъ мірѣ падало. Авторъ или авторы прокламаціи *Молодая Россія*, заявляли уже, что Герценъ отсталъ, что онъ сбивается на тонъ простыхъ либераловъ, нежелающихъ кровавой перестройки. *Дирижерская палочка*,—замѣчаетъ Невѣдѣнскій,— *перешла къ Чернышевскому* [143]).

„Какой умница! Какой умница"!—восклицалъ въ то время Чернышевскій про Герцена,—„и какъ отсталъ! Вѣдь онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ Московскихъ салонахъ и препирается съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ съ страшной быстротой: одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ! Присмотришься, у него все еще въ нутрѣ Московскій баринъ сидитъ" [144]).

6 августа 1862, Герцена посѣтили два пріѣзжихъ „вольныхъ слушателей" изъ Гейдельбергской Русской колоніи, и одинъ изъ нихъ разсказалъ Н. М. Павлову о видѣнномъ и слышанномъ слѣдующее: „Герценъ и въ Лондонѣ жилъ прямо Русскимъ бариномъ; занималъ хорошій домъ-особнячекъ; мебель и убранство, вообще вся обстановка—на широкую ногу. Въ этотъ вечеръ тутъ былъ Бакунинъ, также Огаревъ, еще сынъ Герцена, мальчикъ 16 или 17 лѣтъ, какъ казалось. Этотъ все больше молчалъ. Самъ А. И. Герценъ заговорилъ о томъ, что онъ отъ души радуется *перемѣнѣ, происшедшей въ Россіи*; очень радъ тому, наконецъ, что въ Россіи съ него сняли *фиговый листъ*. Такъ остроумничалъ онъ по поводу того, что—хотя всѣ и читали *Колоколъ* въ Россіи, однако жъ на его имени лежалъ запретъ: его не смѣли произносить въ печати. Точь-въ-точь, молъ, какъ въ античныхъ статуяхъ, на нѣкоторыя части тѣла богинь и полубоговъ взирать не

дозволяется, и ихъ заботливо прикрываютъ фиговымъ листомъ, —говорилъ Александръ Ивановичъ,—также и меня Русская цензура отъ взоровъ Русской публики закрывала. Наконецъ то, молъ, надумались: сняли фиговый листъ. Говорятъ, Катковъ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, написалъ цѣлую статью на меня и en toutes lettres; нѣкоторые уже читали; очень любопытно: что такое изволилъ обо мнѣ написать Михаилъ Никифоровичъ? Да вотъ бѣда: не получаю до сихъ поръ этого нумера *Русскаго Вѣстника*. И странно: всѣ нумера до сихъ поръ доходили до меня очень исправно, всякій разъ во-время, а этотъ, какъ нарочно, пропалъ. Чего добраго, самъ Михаилъ Никифоровичъ устыдился, пожалуй, и принялъ мѣры, чтобы этотъ нумеръ не дошелъ до меня.

Въ самое это время, пока Герценъ налаживалъ еще импровизацію на эту тему, что и очень ужъ было бы забавно, еслибы Катковъ въ самомъ дѣлѣ принялъ мѣры, чтобы изо всѣхъ подписчиковъ этотъ нумеръ не дошелъ до одного его, Герцена, только до одного того, къ кому и относился,— въ самое это время, вдругъ, Огаревъ входитъ въ комнату, держа въ рукахъ самый этотъ нумеръ, и говоритъ: вотъ онъ, наконецъ! и, не выпуская зеленой книжки *Русскаго Вѣстника* изъ рукъ, прочелъ во всеуслышаніе, разстановочно: *Замѣтка для издателя Колокола*. Все общество оживилось. Герценъ сейчасъ же взялъ нумеръ, раскрылъ его на указанной Огаревымъ страницѣ, пробѣжалъ про себя первыя строки; но сейчасъ же и обратился ко всѣмъ. „Господа (сказалъ онъ), я, съ своей стороны, ничего не имѣю, вѣрно и вы всѣ ничего же не будете имѣть противъ того, чтобы статью, адресованную на мое имя, самъ же я и прочелъ вслухъ передъ всѣми же вами“. Это обращеніе, какъ нельзя болѣе, понравилось всѣмъ; смѣялись, радовались, просили читать. Онъ началъ. Статья, дѣйствительно, была имъ прочтена вслухъ, отъ начала до конца. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, всему обществу дѣлалось все неловче и неловче, а особливо противъ того игриваго настроенія духа, съ которымъ при-

ступили къ чтенію. Въ началѣ еще — Герценъ то и дѣло вставлялъ отъ себя отрывочныя замѣтки, иногда очень ловко и остроумно, такъ что даже всѣ смѣялись. Но чѣмъ дальше, тѣмъ Герценъ становился тише, наконецъ, уже и вовсе ничего не прибавлялъ отъ себя; чтеніе становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, какъ для него, такъ и для всѣхъ. Вторая половина была уже прочтена мрачно и выслушана въ молчаніи: ужъ никто и изъ слушателей не вставлялъ отъ себя никакихъ замѣтокъ—хоть бы полусловомъ. Слушатели не знали, какъ и досидѣть до конца чтенія, а чтецъ очевидно не зналъ, какъ и дочитать. Когда Герценъ кончилъ, въ комнатѣ воцарилась гробовая тишина,—тутъ ужъ окончательно стало неловко до немоготы. Герценъ закрылъ книгу и также ничего не говорилъ; его собственное и такое долгое молчаніе еще болѣе сконфузило всѣхъ. Наконецъ, онъ сказалъ: „Можно ли такъ ругаться? Какъ это терпится такая ругательная Литература? Это просто ругательство. На это и отвѣчать съ моей стороны нечего: это ругательство". Вечеръ, начавшійся было весьма оживленно, кончился такимъ образомъ какъ-то неудачно. Послѣ того мы скоро взялись за шляпы и разошлись".

В. П. Батуринскій сообщаетъ весьма любопытное письмо Герцена, написанное къ одному молодому литератору. Тамъ Герценъ совѣтуетъ своему корреспонденту не рвать связей съ родиной.

„Если вы не прервали себѣ путь оффиціально—то воздержитесь. Жизнь эмигранта и въ особенности Русскаго—ужасна... Какъ можно теперь оставлять Россію, когда всѣ мы рвемся туда, когда тамъ всякая сила нужна"...

Не менѣе характерно свидѣтельство доктора Бѣлоголоваго, которому Герценъ сказалъ: „Эмиграція для Русскаго человѣка—вещь ужасная; говорю по собственному опыту: это—не жизнь и не смерть, это нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя—какое-то глупое, безпочвенное прозябаніе. Пусть лучше вашъ пріятель (хотѣвшій эмигрировать) осмотрится... Мнѣ не разъ приходилось раздумывать на эту тему, и вѣрьте, не вѣрьте,

но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или Сибирскую каторгу, то, мнѣ кажется, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе Русскаго эмигранта".

„Того и гляди",—говорилъ Погодинъ Н. М. Павлову про Герцена,—„махнетъ къ намъ сюда, да еще прямо въ Соловки" [145])!

XXX.

Литературное участіе стараго друга Герцена И. С. Тургенева въ *Русскомъ Вѣстникѣ* послужило основаніемъ ссоры, происшедшей между друзьями. Этому способствовало и разномысліе, образовавшееся между ними по кореннымъ вопросамъ.

Тургеневъ былъ исконнымъ *западникомъ*. „Стремленіе молодыхъ людей, моихъ сверстниковъ, за границу",—сказалъ онъ,—„напоминало исканіе Славянами начальниковъ у Заморскихъ Варяговъ... Я бросился внизъ головой въ *Нѣмецкое море*, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконецъ вынырнулъ изъ его волнъ — я все-таки очутился *западникомъ* и остался имъ навсегда" [146]).

„Я все-таки европеецъ",—писалъ Тургеневъ Герцену,—„и люблю знамя; вѣрую въ знамя, подъ которое я сталъ въ молодости".

Между тѣмъ, Герценъ трактовалъ о разложеніи Запада и объ обновленіи стараго міра новыми началами, которыя долженствовала внести народная Россія.

„И такъ, любезный другъ",—писалъ Герценъ Тургеневу,—„ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ, лѣниво колеблющихъ свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта, тебя не страшитъ, что дни уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха зловѣщая и холодная; ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колѣно,

дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ-подъ снѣга, да и вообще нашего упованья на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго мы еще не дѣлали... Что же, съ Богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ. ...Тебѣ остается небольшая упряжка, ты пріѣхалъ—вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка, и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянувшаяся въ гоньбѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями. Будь увѣренъ, что я вполнѣ понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ передъ неустройствомъ ненаѣзженной жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя могутъ быть лучше, но которыхъ нѣтъ лучше... ...У насъ при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится—все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропилы и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественные пути наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи грязь помѣщичьей жизни и *жандармскій авангардъ цивилизаціи* изъ Нѣмцевъ, съ стихійной помощью и стихійной неразвитостью,—то, сказать откровенно, надо имѣть сильную зазнобу или сильное помѣшательство, чтобы по доброй волѣ ринуться въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое пророчествующими радугами и великими образами, постоянно вырѣзывающимися изъ за-тумана. ...Вопросъ между нами даже не о томъ, имѣетъ ли право человѣкъ удалиться въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древній философъ передъ безуміемъ Назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ ли дѣлѣ вѣковыя обители, упроченныя и обросшія западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное, такъ прочны, какъ были,

и, съ другой стороны, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ какихъ-нибудь чаръ въ нашихъ сновидѣніяхъ подъ снѣжную вьюгу, подъ троечные бубенчики, и нѣтъ ли основанія этимъ чарамъ? Было время, когда ты защищалъ идеи западнаго міра, и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно ненужно. Идеи Запада, т.-е., наука, составляли давнымъ-давно всѣми признанный маіоратъ человѣчества. Наука совершенно свободна отъ меридіана, отъ экватора. Теперь ты хочешь права маіората перенести и на самыя формы западной жизни и находишь, что исторически выработанный бытъ Европейскихъ бельэтажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка, что онъ только и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни, что искусство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ и что, наконецъ, другого искусства нѣтъ совсѣмъ" [147]).

Воззрѣнія Герцена на Западную Европу Н. Ф. Павловъ сближаетъ съ воззрѣніями Шевырева. „Герценъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ"—писалъ Павловъ—„отправляется отъ мысли, заимствованной имъ цѣликомъ у бывшаго профессора Московскаго Университета С. П. Шевырева, распространяетъ ее, доказываетъ, не можетъ съ нею разстаться. Когда-то задолго до 1848 года, возмутившаго всю Европу, задолго до кровавыхъ іюльскихъ дней, сбившихъ съ толку Герцена, заготовленъ для него пригодившійся мотивъ, данъ ему заранѣе камертонъ, по которому со временемъ онъ долженъ былъ настроить свои политическія струны. Кажется, въ *Москвитянинѣ*, говоря объ Европѣ, было сказано, что *Западъ гніетъ* *).

Иные придутъ въ ужасъ. Иные подумаютъ, что мы бредимъ. Намъ понятно, до какой степени наши слова поразятъ многихъ, и между тѣмъ мы нисколько не смущаемся, потому что говоримъ правду, которую отвергать не достанетъ силъ и у самого Герцена. Пожалуй, для точности, можно пере-

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1892, кн. VI, 10—15.

мѣнить одно изъ употребленныхъ нами выраженій. Нѣтъ. Герценъ ничего не заимствовалъ у Шевырева, а случайно повторилъ его, сошелся съ нимъ на одномъ и томъ же пунктѣ, выбралъ ту же политическую точку зрѣнія. Тогда поднялся вопль, никто не хотѣлъ простить этой дерзости, чуть не проклятія посыпались на голову Шевырева. Помнится, что и самъ Герценъ не давалъ ему пощады. Но чему посмѣешься, тому и поработаешь. Мы желали бы знать, пусть объяснятъ намъ теперь, что написано въ книгѣ: *Съ того берега*, написано только не въ двухъ словахъ, а на сто девяносто четырехъ страницахъ? Что въ запискахъ Герцена: *Былое и Думы*, а также въ другихъ сочиненіяхъ, звучитъ, какъ безпрестанно возвращающаяся мелодія въ шумнооглушительной гармоніи оркестра? Не то ли что давнымъ давно сказано? Не повтореніе ли это, что *Западъ гніетъ, Западъ умираетъ?* Разница въ томъ, что Шевыревъ выговорилъ свою мысль и какъ будто оробѣлъ; онъ былъ еще способенъ пощупать пульсъ у покойника, не предавать его тѣла землѣ въ продолженіе трехъ дней, опредѣленныхъ закономъ. Съ Герценомъ о такихъ предосторожностяхъ и не поминай: онъ разомъ порѣшилъ дѣло, закуталъ кое-какъ бѣдный Западъ въ саванъ, положилъ въ гробъ, да и отпѣлъ, не пригласивъ даже Прудона на похороны. Должно однако замѣтить, что Герценъ и многіе изъ тогдашнихъ славянофиловъ, которые раздѣляли мнѣніе Шевырева, недолго пребывали въ мирѣ и согласіи. Сойдясь на единый мигъ, они вдругъ, послѣ страннаго соприкосновенія, отскакиваютъ другъ отъ друга на неизмѣримое разстояніе. Изъ той же и одной мысли дѣлаются самые противоположные выводы. Одни думали, что за смертію Запада, распространеніе истинной образованности, основанной на Православной вѣрѣ, принадлежитъ Россіи; Герценъ назначаетъ ей то же не послѣднюю роль, но съ другимъ оттѣнкомъ. Онъ находитъ, что отъ Запада ждать нечего, что Западъ, вслѣдствіе химическаго разложенія, которому подвергся по случаю своей кончины, не способенъ устроить

у себя соціально-демократическую республику, а потому въ этомъ отношеніи для этой цѣли необходимо дѣятельное содѣйствіе Россіи, какъ государства, наиболѣе расположеннаго къ водворенію у себя соціально-демократическихъ установленій. Въ Россіи есть сельская община, артель, слѣдовательно соціально-демократическую республику подавай намъ хоть завтра, все на чеку, только того и ждетъ, все готово для такого благодѣтельнаго учрежденія. По мнѣнію Герцена, есть одно препятствіе: Русская полиція. Она задерживаетъ ходъ мировыхъ событій, благоденствіе Россіи и всего человѣчества. Не будь полиціи, дѣло уладилось бы безъ проволочекъ, соціально-демократическая республика заняла бы на землѣ подобающее ей мѣсто и людямъ не осталось бы ничего болѣе желать. Квартальные и частные пристава—вотъ единственное затрудненіе"[148]).

Противъ воззрѣній Герцена сильно возставалъ Тургеневъ. „Не изъ эпикуреизма, не изъ усталости и лѣни я удалился",—писалъ Тургеневъ своему другу,—какъ говоритъ Гоголь, *подъ сѣнь струй* Европейскихъ принциповъ и учрежденій. Мнѣ было бы двадцать пять лѣтъ, я бы не поступилъ иначе, не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль образованнаго класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать. Это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ. Эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, Нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы), абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что всего важнѣе, въ сущности, не отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніе ко вся-

кой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ. Я недаромъ употребилъ слово *абстрагировать*. Земство, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши, это пресловутое земство оказалось на дѣлѣ такой-же кабинетной высиженной штучкой, какъ родовой бытъ Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ (истинно потрудился!), и ничто не измѣнитъ теперь моего убѣжденія. Земство—либо значитъ то-же самое, что значитъ любое односильное западное слово— либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно ровно ста мужикамъ изо ста.

Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденныя вами: *земство, артель и община,* или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями Русскаго народа, еще не столько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность, то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ, чуть не на одной страницѣ, Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ...... Эхъ, старый другъ, — заключаетъ Тургеневъ свое письмо, — повѣрь: единственная точка опоры для живой пропаганды— то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое Бакунинъ называетъ и гнилыми, и оторванными отъ почвы, и измѣнниками".

Въ другомъ своемъ письмѣ Тургеневъ писалъ Герцену: „Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ Русскимъ тулупомъ и въ немъ ты видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ—das Absolute, однимъ словомъ, то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ Философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя—

такъ давай воздвигать алтарь этому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвѣстно—и опять можно молиться и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что вы отъ него ждете,—это, по вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшнею властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидитъ то, что вы любите,—богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоѣлъ, съ этимъ специфическимъ, ультра-фанатическимъ экстазомъ твердите о *весенней свѣжести*, о *благодатныхъ буряхъ* и т. д.—Исторія, Философія, Статистика—вамъ все нипочемъ; нипочемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, Русскіе. принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ Европейской семьѣ, *genus Europaeum* и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ Физіологіи должны идти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба. А, между тѣмъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого, и, наливъ головы нашей молодежи еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, съ горячимъ искреннимъ самоотверженіемъ—въ этомъ я не сомнѣваюсь—и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь... Но отъ этого не легче. Одно изъ двухъ: либо служи Европейскимъ идеаламъ попрежнему,—либо, если ужъ дошелъ до убѣжденія въ ихъ несостоятельности, имѣй духъ и смѣлость посмотрѣть чорту въ оба глаза, скажи: виновенъ—въ лицо всему Европейскому человѣчеству, и не дѣлай явныхъ или подразумѣваемыхъ исключеній въ пользу ново-долженствующаго придти *Рассейскаго Мессіи*, въ котораго, въ сущности, ты лично

такъ-же мало вѣришь, какъ и въ Европейскаго. Ты скажешь: это страшно—и популярность можно потерять и возможность продолжать дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь. Согласенъ, но, съ одной стороны, и такъ дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь—безплодно, а съ другой стороны, я въ тебѣ, на зло тебѣ, предполагаю достаточно силы духа, чтобы не бояться никакихъ послѣдствій отъ высказыванія того, что ты считаешь истиной“.

Побывавъ въ Лондонѣ и повидавшись съ Герценомъ, Огаревымъ, Бакунинымъ, Тургеневъ писалъ Анненкову: „Хотѣлъ бы я вамъ разсказать, кое-что о моей Лондонской поѣздкѣ, но лучше отложить все это до близкаго свиданія. Одно скажу, что—охъ, какая безжалостная мельница—жизнь!—Такъ людей и превращаетъ въ муку?—спросите вы.—Нѣтъ, просто въ соръ“...

Между тѣмъ, Герценъ „горячо защищалъ Огарева и проповѣдуемыя имъ соціальныя теоріи, причемъ находилъ, что ироническое отношеніе Тургенева къ этимъ теоріямъ ни на чемъ не основано и является чистымъ капризомъ, чѣмъ-то вродѣ безотчетной антипатіи *брюхатой женщины*“.

Тургеневъ отвѣчалъ своему раздраженному другу: „Признаюсь, я ожидалъ возраженій на мои возраженія, но я вижу, что ты огорчился и оскорбился моими, сколько я помню, далеко не рѣзкими и не непочтительными намеками на Огарева—или, лучше сказать, на его теорію. —Виноватъ, соглашаюсь, что лучше было не говорить объ этомъ и обѣщаюсь не задѣвать тебя ни единымъ словомъ съ этой, для тебя столь чувствительной, стороны. Только могу тебя увѣрить, что въ моемъ нерасположеніи къ вышеупомянутой теоріи существуетъ нѣчто не столь неразумное, какъ антипатіи *брюхатой женщины*. Я бы могъ изложить тебѣ подробно причины, почему я такъ думаю—но убѣдить тебя не надѣюсь, а огорчить тебя опять — боюсь. И такъ,—пусть весь этотъ вопросъ останется между нами вродѣ истукана въ Саисѣ, подъ непроницаемымъ покровомъ. Ты не правъ, когда припи-

сываешь мнѣ какія-то побочныя цѣли (вродѣ удовольствія кормить паразитовъ!) или небывалыя чувства, вродѣ раздраженія противъ молодого поколѣнія... Къ чему это? Не похоже ли это на упреки, которыя дѣлаютъ тебѣ въ томъ, что ты, молъ, говоришь и пишешь не изъ убѣжденія, а изъ тщеславія и т. д. Этого рода догадки и сплетни — скажу прямо — недостойны насъ съ тобою".

Между тѣмъ, отношенія Герцена къ Тургеневу все болѣе и болѣе обострялись, и послѣдній писалъ своему другу: „Не помню, какой-то мудрецъ сказалъ, что нѣтъ такихъ людей, которые умѣли бы освободиться отъ самыхъ очевидныхъ недоразумѣній. Неужели это изреченіе должно оправдаться надъ нами? Посуди самъ: я, напримѣръ, пишу тебѣ, что обвинять меня въ любви къ паразитамъ также нелѣпо, какъ искать въ тщеславіи причину твоей дѣятельности; а ты съ негодованіемъ доказываешь, что ты работаешь не изъ тщеславія; я называю Шопенгауэра — ты упрекаешь меня въ поклоненіи авторитету; я прошу тебя не сердиться на меня за одно слово объ Огаревѣ и отвѣчать мнѣ на мои вопросы, — ты иронически подозрѣваешь меня въ сожалѣніи о томъ, что я опровергъ тебя *до безмолвія* и т. д. Пожалуйста, бросимъ этотъ тонъ: будемъ лучше спорить горячо, но по-пріятельски, безо всякихъ недомолвокъ; если я этимъ былъ грѣшенъ, то прошу у тебя извиненій"...

За тѣмъ, Тургеневъ, въ письмѣ къ Герцену, обращаясь къ Огареву, писалъ: „Ты требуешь, чтобъ я изложилъ причины моего нерасположенія къ Огареву, какъ писателю. Я готовъ тебѣ повиноваться. Огареву я не сочувствую, во 1-хъ, потому, что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповѣдуетъ старинныя соціалистическія теоріи общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ (Бакстъ въ Гейдельбергѣ, напримѣръ, объявилъ мнѣ, что Николай Платоновичъ Огаревъ не потому опровергаетъ *Положеніе*, что оно несправедливо для крестьянъ, а потому, что оно освящаетъ принципъ частной собственности въ Россіи); во 2-хъ, потому, что онъ

въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и тому подобныхъ—показалъ значительное непониманіе народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія дѣлъ; въ 3-хъ, наконецъ, потому, что даже тамъ, гдѣ онъ почти правъ (какъ, напримѣръ, въ статьѣ о судебныхъ реформахъ), онъ излагаетъ свои вопросы языкомъ тяжелымъ, вялымъ и сбивчивымъ, обличающимъ отсутствіе таланта, что, впрочемъ, ты, вѣроятно, самъ, если не чувствуешь, то подозрѣваешь изъ несомнѣннаго факта постепеннаго паденія *Колокола* и охлажденія къ нему публики. Правда до политическихъ изгнанниковъ трудно доходитъ, обязанность друзей—доводить ее до нихъ. *Колоколъ* гораздо менѣе читается съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ царствовать Огаревъ. — *Колоколъ*, напечатавшій безъ протеста половину манифеста Бакунина и соціалистическія статьи Огарева,—уже не Герценовскій, не прежній *Колоколъ*. Вотъ пока все, что я могу тебѣ сказать“.

XXXI.

Наканунѣ, такъ сказать, кроваваго Польскаго мятежа 1863 года, въ нашемъ высшемъ государственномъ управленіи произошли важныя перемѣны. Одни изъ государственныхъ дѣятелей переселились въ животъ вѣчный, а другіе сошли съ государственнаго поприща и замѣнились новыми дѣятелями.

26 января 1862 года, скончался бывшій министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при коемъ совершилось освобожденіе крестьянъ, графъ Сергѣй Степановичъ Ланской. Преемникъ его П. А. Валуевъ писалъ своему товарищу, А. Г. Тройницкому: „Въ *Сѣверной Почтѣ* слѣдуетъ помѣстить почтительный и правдивый некрологъ о графѣ Сергіѣ Степановичѣ. Прошу совѣта вашего превосходительства: *Кому поручить написать оный*“ [149])?

9 марта того же 1862 года, В. А. Мухановъ записалъ

въ своемъ *Дневникѣ:* „Графъ Нессельроде умираетъ. Въ продолженіе полувѣка, полнаго важныхъ событій, онъ былъ постояннымъ дѣятелемъ на поприщѣ внѣшней политики и участвовалъ во всѣхъ конгрессахъ и трактатахъ своего времени. Мнѣнія о немъ различны: одни его унижаютъ, другіе возвышаютъ; и тѣ и другіе впадаютъ въ крайность. Во всякомъ случаѣ, нельзя ему отказать въ умѣ, нѣкоторой смѣтливости, плавной редакціи и навыкѣ къ дипломатическимъ совѣщаніямъ. Можетъ быть, въ немъ замѣчалась излишняя уклончивость и робость, несовсѣмъ умѣстныя въ главномъ представителѣ интересовъ Россіи въ Европѣ. Въ его нотахъ и депешахъ отражается эта черта характера, и многія изъ нихъ писаны въ тонѣ, несоотвѣтствующемъ достоинству первоклассной державы. Графъ Нессельроде отличный семьянинъ, заботливый и нѣжный къ своимъ дѣтямъ и внукамъ; онъ также всегда отличался гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, столъ его прослылъ первымъ въ столицѣ, и при самыхъ многочисленныхъ занятіяхъ канцлеръ находилъ возможность удѣлять часъ или полтора времени для совѣщанія съ поваромъ Valerot, котораго искусство долго еще будетъ жить въ памяти Петербургскихъ гастрономовъ“.

11-го марта, въ 8 утра, В. А. Муханову присылаютъ сказать изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, что графъ Нессельроде кончилъ жизнь. Наканунѣ смерти, канцлеръ пріобщился Св. Тайнъ. Передъ совершеніемъ надъ нимъ таинства, онъ указалъ на красную книжку, гдѣ записывалъ свои погрѣшности (ses fautes), по его выраженію, и читалъ ее. Въ день своей кончины, онъ всталъ съ постели, сѣлъ за письменный столъ и написалъ четыре прощальныхъ строки къ отсутствующей дочери баронессѣ Зеебахъ и потомъ продиктовалъ распоряженіе о похоронахъ, которое подписалъ по-Русски. Распоряженіе писалъ Евреиновъ, который, управляя въ продолженіе долгихъ лѣтъ дѣлами графа Нессельроде, заслужилъ полное довѣріе и дружбу его. Канцлеръ много страдалъ и просилъ, чтобы искусственными средствами

не поддерживали жизни, которая становилась очень мучительна. Онъ простился съ дочерью, зятемъ, сыномъ и внукомъ и блягословилъ ихъ“.

На другой день кончины, въ домъ покойнаго пріѣзжалъ Государь и „очень плакалъ“. Предъ кончиною канцлера великій князь Константинъ Николаевичъ „сталъ передъ нимъ на колѣни и умирающій благословилъ его“. Великій князь поцѣловалъ благословлявшую руку. Наканунѣ смерти, графъ Нессельроде продиктовалъ распоряженіе о похоронахъ, чтобы они были „какъ можно проще“.

14 марта 1862 года, А. О. Россети писалъ своей сестрѣ А О. Смирновой: „Вчера похоронили Нессельрода; онъ умеръ съ замѣчательною твердостію“.

Еще въ 1861 году, на мѣсто Н. О. Сухозанета, вступилъ въ управленіе Военнымъ Министерствомъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и вскорѣ былъ утвержденъ въ должности министра.

Давно оцѣнившій дарованіе Милютина, князь А. И. Барятинскій, изъ отдаленной Испаніи, привѣтствовалъ это назначеніе. „Затворническая моя жизнь,“—писалъ онъ, Милютину,—„была причиною, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ на любезное письмо ваше, которымъ вы извѣщаете меня о своемъ назначеніи военнымъ министромъ. Я рѣшительно не писалъ никому и этимъ однимъ способомъ достигъ того incognits, котораго домогательство такъ сильно встревожило князя Горчакова. Не смотря на мое молчаніе, вы однакожъ увѣрены, что день, въ которой я узналъ, что Государь имѣетъ васъ своимъ министромъ, былъ для меня торжественнымъ. Я знаю вашу привязанность и глубокую преданность къ его особѣ, знаю ваши правила и все то, чѣмъ щедро Богъ васъ наградилъ и что вы посвятите свою жизнь на славу его арміи и царствованія,—могъ ли я не быть въ восторгѣ“.

Вмѣшательство министра Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуевя въ дѣла церковныя заставило оберъ-прокурора Св. Сvнода графа А. П. Толстого подать въ отставку.

15 декабря 1861 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съ сожалѣніемъ узналъ, что графъ А. П. Толстой просилъ увольненія и получилъ его. Князь С. Н. Урусовъ отказался замѣстить Толстого, и теперь думаютъ объ Исаковѣ и Ахматовѣ. Послѣдній, недавно еще очень честолюбивый, удивляетъ меня своимъ отказомъ. Удаленіе Толстого—истинная потеря для Православія"...

Вскорѣ послѣ того у В. А. Муханова обѣдалъ А. О. Россети, который, какъ пишетъ Мухановъ, „не прочь отъ того, чтобы быть оберъ-прокуроромъ Сѵнода; но достовѣрно, что на это мѣсто будетъ назначенъ Ахматовъ, котораго туда прочилъ уже императоръ Николай I".

Самъ же А. О. Россети писалъ: „На мѣсто графа А. П. Толстого, не поладившаго съ министромъ въ дѣлѣ большаго участія нашего Духовенства въ народныхъ школахъ, назначаютъ Ахматова, Исакова, Николая Адлерберга или Дмитрія Толстого. Еще не рѣшено. Урусовъ отказался. Оболенскаго даже не именуютъ".

„Оберъ-прокуроръ",—писалъ Кіевскій митрополитъ Арсеній къ епископу Костромскому Платону,—„уходитъ, но никакъ не пріищутъ человѣка, способнаго занять его мѣсто. Очень, видно, трудно управлять архіереями; а сами, дескать, архіереи, безъ посторонней помощи, управлять и управляться отнюдь не могутъ. Гдѣ же имъ и откуда занять этой высокой мудрости".

19 февраля 1862 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Является графъ А. П. Толстой отъ Государя, который сказалъ ему, что назначеніе губернатора Харьковскаго Ахматова въ оберъ-прокуроры Сѵнода замедлилось, потому что не пріискали еще никого въ Харьковъ въ губернаторы. Толстой былъ особенно веселъ, что съ нимъ рѣдко случается, изъ чего мы заключили, что въ эту аудіенцію ему обѣщано было назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта" [150]).

Редакторъ журнала *Духъ Христіанина*, священникъ Гуми-

левскій, писалъ о. Янышеву: „Толстой сходитъ съ поля брани; спутникъ его—Аскоченскій, бичующій насъ въ каждомъ номерѣ, тоже прижимаетъ хвостъ,—заря занимается, хотя и много еще темныхъ облаковъ“ [151]).

А. Н. Муравьевъ, какъ сообщаетъ В. А. Мухановъ, „судитъ гораздо строже графа Толстого, чѣмъ графа Протасова. Послѣдній, говоритъ онъ, имѣлъ систему, которой слѣдовалъ неуклонно, а первый — никакой, пребывая по большей части въ совершенномъ бездѣйствіи“ [152]).

Привѣтствуя графа А. П. Толстого со вступленіемъ его въ Государственный Совѣтъ, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ ему: „Не кажется ли вамъ въ сіе время, что прежняя между нами близость уменьшилась? Позвольте мнѣ не думать такъ, и во время, призывающее къ сердечнымъ общеніямъ, находить себя въ прежней къ вамъ близости. Въ такомъ расположеніи простираю къ вамъ отъ сердца слово радости: Христосъ воскресе! Да явится Онъ серцу вашему и да наречетъ вамъ свою радость, никѣмъ неотъемлемую, и Свой миръ, невозмутимый треволненіями міра. Мы утѣшаемся благоволеніемъ къ вамъ благочестивѣйшаго Государя и надеждою, что въ высшихъ царскихъ совѣтахъ будетъ ваше слово правды на пользу церкви“.

Преемникомъ графа А. П. Толстого былъ назначенъ Харьковскій губернаторъ Алексѣй Петровичъ Ахматовъ. Потомокъ Ахмата, послѣдняго хана Золотой Орды, Ахматовъ былъ дворяниномъ Симбирской губерніи и высшее образованіе получилъ въ Казанскомъ Университетѣ. По окончаніи университетскаго курса, онъ вступилъ въ военную службу. Еще въ чинѣ Кавалергардскаго юнкера, Ахматовъ представленъ былъ Муравьевымъ митрополиту Московскому Филарету. Муравьевъ же для утвержденія въ Православіи молодого юнкера написалъ и напечаталъ *Письмо о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ.* По свидѣтельству Саввы, „ни съ однимъ изъ бывшихъ до А. П. Ахматова оберъ-прокуроровъ Св. Сѵнода митрополитъ Филаретъ не имѣлъ столь обширной частой пе-

реписки, дышащей искренними, можно сказать, дружескими чувствами, какъ съ этимъ благочестивымъ, честнымъ и ревностнымъ слугою Престола и Отечества" [153]).

Самъ же Филаретъ писалъ Антонію: „Новый оберъ-прокуроръ подаетъ благую надежду, что будетъ пещися о благѣ церкви, въ ея соприкосновеніи съ государствомъ. Я далъ ему обстоятельственную записку о церковной собственности, въ отношеніи къ настоящимъ требованіямъ" [154]).

„Про новаго оберъ-прокурора"—сообщаетъ В. А. Мухановъ,—„А. Н. Муравьевъ думаетъ благопріятно, но полагаетъ,—что онъ будетъ заноситься. Митрополитъ Московскій одобряетъ сей выборъ" [155]).

О. Белюстинъ писалъ Погодину: „Объ Ахматовѣ успѣлъ узнать только то, что онъ уклончивъ до послѣдней степени" [156]).

Сохранилось письмо Филарета къ новому оберъ-прокурору Св. Сѵнода, въ которомъ онъ характеризуетъ и его предшественника. „Что пишетъ А. Н. Муравьевъ",—писалъ Филаретъ,—„за то я не отвѣчаю. На его требованіе, чтобы я писалъ къ нему, отвѣчалъ, что меня недостаетъ для должностной переписки, особенно съ Петербургомъ, но это не касалось до переписки съ вами. При вашемъ предшественникѣ осебенно затрудняла меня переписка по дѣлу Грековъ и Болгаръ. Напримѣръ, присылаютъ депешу на Французскомъ языкѣ, худо списанную; мучу глаза и вниманіе, разбирая буквы; прочитываю нѣсколько листовъ, и оказывается, что надобно только сказать: живъ; потому что не хотятъ слушать и понимать и Греки, и Болгары. Но и это простое мнѣніе надобно доказывать" [157]).

Въ это же время сошелъ, но не надолго, съ поприща государственной дѣятельности и министръ Государственныхъ Имуществъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

26 декабря 1861 года, А. О. Россети писалъ своей сестрѣ А. О. Смирновой: „Министръ Муравьевъ, по неудовольствію съ Константиномъ Николаевичемъ, уѣзжаетъ на

дняхъ въ Ниццу, на девять мѣсяцевъ; вмѣсто него Зеленый"; а 13 февраля 1862 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Утромъ пріѣзжалъ прощаться съ братомъ бывшій министръ Государственныхъ Имуществъ М. Н. Муравьевъ, уѣзжающій за границу. Онъ описывалъ настоящее положеніе мрачными красками и сказывалъ, что въ Черниговской губерніи крестьяне отказываются отъ взноса податей, что въ Тверской губерніи мировые посредники находятъ невозможность привести въ исполненіе *Положеніе* и требуютъ его пересмотра. Съ ними, говорятъ, поступлено будетъ съ примѣрною строгостью. Муравьевъ полагаетъ, что съ каждымъ днемъ будетъ хуже, и что нельзя было думать, что безпорядокъ повсемѣстно распространится съ быстротою. По его мнѣнію, это только начало, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ развиваться событія, сохраняя тотъ же характеръ неправильности" [158]).

Редакторъ *Сѣверной Почты* А. В. Никитенко, 24 января 1862 года, получилъ отъ государственнаго секретаря, для напечатанія въ *Сѣверной Почтѣ*, указъ объ увольненіи Княжевича отъ должности министра Финансовъ и о назначеніи на его мѣсто Рейтерна [159]).

Кокоревъ писалъ Погодину: „Съ министромъ Финансовъ познакомился. Онъ мнѣ понравился. Когда ему говоришь, то онъ все жуетъ. Это хорошій знакъ, значитъ смакуетъ" [160]).

Подъ 30 ноября, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пріѣзжаетъ графъ А. А. Бобринскій, умный и пріятный. Онъ отзывается благопріятно о Рейтернѣ, говоря, что не было такъ понимающаго дѣла министра со времени графа Канкрина. Отзывъ утѣшительный" [161]).

Не устоялъ и министръ Юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

2 марта 1862 года, И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что Панинъ, говорятъ, шатается сильно" [162]).

„А твой другъ и фаворитъ",—писалъ Тургеневъ Герцену,—

„Панинъ? Кто ада и небесъ (своимъ ростомъ) досягалъ — упалъ! И Чевкинъ туда же“ [163]).

30 октября 1862 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ князь Урусовъ. Онъ справедливо благоговѣетъ предъ благочестіемъ императрицы Маріи Александровны. Онъ утверждаетъ, что графъ Панинъ имѣетъ твердыя убѣжденія, и о Замятнинѣ, его преемникѣ, отзывается съ снисхожденіемъ“ [164]).

„Замятнина“,—писалъ Валуевъ Тройницкому,—„считаю недолговѣчнымъ, хотя сезонъ или два, въ новой квартирѣ, можетъ быть, удастся прожить“ [165]).

Въ то же время разнесся слухъ, что Головнинъ назначается министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а на его мѣсто молва назначала князя Д. А. Оболенскаго. „Изволь идти хорошо Просвѣщеніе“,—писалъ о. Белюстинъ Погодину,—„когда министровъ тасуютъ какъ карты“ [166]). Самъ же Погодинъ писалъ Шевыреву: „Министровъ новыхъ у насъ пять, но дѣла все по старому“.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Д. Н. Блудовъ, въ 1862 году, по болѣзни, уѣхалъ за границу. 18 марта того же года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Великій князь Константинъ Николаевичъ, на время болѣзни графа Блудова, назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Многіе опасаются, говоря, что онъ такимъ образомъ забираетъ совершенно бразды правленія въ свои руки. Другіе замѣчаютъ, что, возвышаясь, онъ становится умѣреннѣе и вѣжливѣе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же думать, что Великій Князь желалъ бы паденія престола и гибели своего рода. По убѣжденію, возрасту и духу времени, онъ долженъ быть либераленъ (можетъ быть, неумѣренно); но, занимаясь важными дѣлами, онъ необходимо войдетъ въ предѣлы либерализма, поставляемые благоразуміемъ и опытностью жизни, подчиненной не мечтательности воображенія, а практическимъ требованіямъ и условіямъ государственной дѣйствительности“ [167]).

„Скажите, правда ли“,—писалъ И. С. Аксаковъ графинѣ

Блудовой, — „что пишутъ въ *le Nord* о томъ, будто графъ ѣдетъ за границу, что на его мѣсто покуда великій князь Константинъ Николаевичъ, и что къ 26 августа Государственный Совѣтъ перерядится въ Верховную Земскую Думу? Такой маскарадъ, кажется, весьма возможенъ въ наше время и въ Петербургѣ. Вѣроятно, учредится и чинъ оберъ-гофъ бояринъ“ [168]).

10-го апрѣля 1862 года, Кокоревъ писалъ Погодину: „Фельдмаршалъ князь Барятинскій женится на Давыдовой отъ живаго мужа и съ Давыдовымъ стрѣлялся“ [169]).

Къ сожалѣнію, это семейное событіе было началомъ конца замѣчательнаго государственнаго мужа и патріота.

Осенью 1862 года, князь А. И. Барятинскій, почувствовавъ облегченіе отъ своей болѣзни, пріѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ оттуда возвратиться на Кавказъ; но припадки вдругъ такъ усилились, что онъ вынужденъ былъ поспѣшно оставить столицу и уѣхать за границу. На пути, въ Вильнѣ, страданія заставили больного остановиться, и тутъ пришлось ему пролежать нѣсколько недѣль.

Наконецъ, отчаявшись въ исцѣленіи, князь Барятинскій рѣшился просить государя объ увольненіи его отъ должности намѣстника.

Изъ Вильны, въ декабрѣ 1862 года, князь Барятинскій написалъ письмо къ Государю, въ которомъ и указалъ себѣ преемника. „Вы изволите меня спрашивать“, — писалъ онъ Государю, — „кого я хотѣлъ бы видѣть на своемъ мѣстѣ, въ случаѣ моего окончательнаго рѣшенія не возвращаться болѣе на Кавказъ? По моему мнѣнію, назначеніе его высочества великаго князя Михаила послужитъ высшимъ доказательствомъ вашего благоволенія къ странѣ и къ арміи, которыя найдутъ въ этомъ новый залогъ заслуженнаго расположенія и всегда съумѣютъ его сохранить. Въ силу одного этого соображенія, необходимо отдать ему предпочтеніе предъ всѣми остальными, не говоря уже о личныхъ качествахъ, отличающихъ великаго князя“.

„Съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ я“,—писалъ Д. А. Милютинъ къ князю Барятинскому,—„отъ графа А. В. Адлерберга, по возвращеніи его изъ Вильны, о неожиданномъ вашемъ рѣшеніи—не возвращаться болѣе на Кавказъ. Такое рѣшеніе можно объяснить себѣ не иначе, какъ только усиленіемъ болѣзненнаго вашего состоянія... Во всякомъ случаѣ, Кавказъ уже понесъ потерю невознаградимую. Я увѣренъ, что весь край будетъ пораженъ скорбію при полученіи такого извѣстія и въ особенности въ то время, когда ежедневно уже ждали вашего возвращенія. Остается одно утѣшеніе, что отнынѣ вы можете вполнѣ предаться лѣченію съ тѣмъ спокойствіемъ духа, которое такъ необходимо для возстановленія вашего здоровья и даже для спасенія жизни. Сохраните себя еще на благо Россіи и на утѣшеніе Государя, такъ любящаго васъ“ 170).

XXXII.

По смерти князя М. Д. Горчакова, Государь поручилъ военному министру Сухозанету временное исправленіе должности намѣстника Царства Польскаго. 23 мая 1861 года, Сухозанетъ прибылъ въ Варшаву. Задача его была поддержать порядокъ и спокойствіе въ краѣ до прибытія новаго намѣстника, на должность котораго Государь назначилъ близкое къ себѣ и довѣренное лицо, католика по вѣроисповѣданію, графа К. К. Ламберта. Не стѣсняясь распоряженіями своего предшественника, Сухозанетъ, въ силу военнаго положенія, объявленнаго Паскевичемъ, въ 1833 году, и съ тѣхъ поръ формально неотмѣненнаго, сталъ дѣйствовать энергично. Наружное спокойствіе въ Варшавѣ возстановилось мало-по-малу. „Энергичныя мѣры одобряю“, отозвался Государь.

Строгое преслѣдованіе нарушителей общественнаго порядка не препятствовало Сухозанету постепенно вводить въ дѣйствіе дарованныя Царству Польскому учрежденія.

Образъ дѣйствій Сухозанета привелъ его къ столкновенію съ маркизомъ Велепольскимъ [171]).

Высокое мѣсто, которое занялъ маркизъ Велепольскій, до 27 февраля 1861 года, занималъ Павелъ Александровичъ Мухановъ, и, по свидѣтельству Спасовича, „держалъ, можно сказать, не въ тонкихъ и неловкихъ, но крѣпкихъ рукахъ все управленіе Царствомъ“... Мухановъ, по отзыву Спасовича, „представлялъ собою типъ чиновника, вышколеннаго въ системѣ управленія Паскевича, трудолюбиваго, дѣлового, расторопнаго, отлично понимавшаго, что можно въ данную минуту укротить и обуздать всякія шляхетскія затѣи, возстановивъ противъ помѣщиковъ крестьянъ... Ни на одну минуту не покидало Муханова высокомѣрное чувство человѣка отъ природы по національности своей предназначеннаго, чтобы править неспособными къ самобытному существованію людьми оной національности. Мухановъ былъ глубоко убѣжденъ, что Римско-католическое Духовенство надобно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, что всякое разрѣшеніе собираться и обсуждать сообща вопросы, всегда будетъ имѣть одинъ исходъ—политическую агитацію. Сама мысль объ Университетѣ въ Варшавѣ его пугала: *тогда надобно будетъ выстроить*,—сказалъ онъ,—*вторую цитадель*. Отсюда вытекали его предположенія о томъ, чтобы, не образуя въ одномъ пунктѣ Университета, разсѣять по всему краю отдѣльные факультеты... Мухановъ воплощалъ въ себѣ всю систему; понятно, что на него должны были направиться первые удары революціи, какъ на выставленную мишень, и его паденіе должно было значить почти тоже, что паденіе цѣлой системы... Непопулярнаго человѣка,—продолжаетъ Спасовичъ,—никто не поддерживалъ, отъ него сторонились высшіе сановники Царства. Поляки никогда не долюбливали Муханова за его спѣсивое національное высокомѣріе“ [172]).

Скрывшій свое имя подъ иниціалами *А. П. К.*, весьма основательно писалъ: „Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, почти во всей Европѣ нарождался вопросъ о возстановленіи на-

ціональностей и національнаго самоуправленія. Нельзя теперь сомнѣваться, что и Русское общество того времени, равномѣрно со всею Европою, было увлечено либеральными идеями и не сочувствовало Правительству, критикуя его дѣйствія въ Польшѣ. Русское общество начала шестидесятыхъ годовъ, зараженное космополитизмомъ, непригоднымъ на Русской почвѣ, забыло, а можетъ быть и не знало, своей Исторіи. Забыло, чего стоила Польша Россіи, забыло начало XVII столѣтія, смутное время, совращеніе въ унію и ополяченіе нашихъ юго и сѣверо-западныхъ окраинъ, постоянную борьбу Малороссовъ съ Польскимъ паномъ, ксендзомъ и жидомъ, участіе Поляковъ въ войнѣ Наполеона I противъ Россіи, войну 1831 года и многое другое, хорошо извѣстное изъ Исторіи Россіи и Польши... Забыло тогдашнее Русское общество и свою собственную политическую Исторію, и Русская правительственная власть въ Польшѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей Запада, измѣнила сразу всю систему князя Паскевича и перешла къ гуманному и мягкому управленію Польшею. На Польское общество такая рѣзкая перемѣна системы повліяла въ смыслѣ умаленія и ослабленія законной власти. Идея возстановленія національностей, подобно вѣтру пахнувшая на Польшу изъ Венгріи и Италіи, воспламенила всѣ умы, какъ мыслящіе, такъ и увлекающіеся, а послѣднихъ было громадное большинство; идея эта принята была всѣми съ восторгомъ, потому, что обѣщала освобожденіе Отечества и постороннюю помощь съ Запада. Вслѣдствіе принятаго болѣе гуманнаго и мягкаго управленія Польшею, страхъ передъ Правительствомъ исчезъ, и смута получила свое начало. Необладающая матеріальною силою, смута эта естественно должна была искать опоры въ силѣ нравственной, почему она и поставила себя подъ особенное покровительство Бога и Божіей Матери. Устами Духовенства призывался народъ, во имя оскорбленнаго Бога, поруганныхъ церквей и любви къ Отечеству, на вѣчное мщеніе. И народъ, стоя колѣно-

преклоненный на мостовой передъ костелами, запертыми ксендзами, находилъ свою нравственную силу въ принесеніи клятвы въ непримиримой враждѣ съ врагами его, Бога и родины“ [173]).

Этимъ вѣяніемъ снесенъ съ кормила правленія П. А. Мухановъ, и мѣсто его занялъ маркизъ Александръ Велепольскій. В. А. Мухановъ, въ *Дневникѣ* своемъ, о маркизѣ Велепольскомъ, писалъ: „Полагаютъ его человѣкомъ умнымъ и ищущимъ популярности, гордымъ и питающимъ глубокое презрѣніе къ своимъ соотечественникамъ. Онъ издалъ брошюрку объ избіеніяхъ, бывшихъ въ Галиціи, и послѣ изученія Права за границею, возвратясь въ Варшаву, выигралъ нѣсколько важныхъ процессовъ безъ содѣйствія посторонняго, т.-е., какого-либо законника или повѣреннаго“ [174]).

Но болѣе опредѣленную оцѣнку дѣятельности маркиза Велепольскаго дѣлаетъ А. П. К. „Извѣстно“,—пишетъ онъ,— „что фанатическая безкорыстная любовь къ Отечеству и къ либерализму болѣе всего находитъ отголосокъ въ молодежи,— значитъ, въ этомъ отношеніи, чтобы ослабить мятежъ, Правительству было необходимо удержать подъ своимъ вліяніемъ обучающуюся въ Варшавѣ молодежь и привлечь на свою сторону Духовенство. Наконецъ, чтобы не дать мятежу разлиться по всему краю и западнымъ губерніямъ, распространиться на всѣ сословія, необходимо было первыя же попытки смуты карать жестоко и энергично, чтобы немедленно остановить мятежъ и придать власти полное уваженіе. Прослѣдимъ же, какъ выполнены были эти три необходимыя для подавленія мятежа мѣры.

По весьма счастливой для Правительства случайности, Польскія министерства: Духовныхъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи, при самомъ началѣ смуты, соединены были въ рукахъ одного лица и при томъ поляка, что̀ могло привести къ самому счастливому результату. Такимъ образомъ, всѣ средства къ подавленію мятежа зависѣли отъ него, отъ его такта, ума и энергіи. Къ сожалѣнію, результатъ далеко не соотвѣтствовалъ ожи-

даніямъ. Чтобы яснѣе уразумѣть дѣятельность маркиза Велепольскаго, надо, хотя въ коротких словахъ, изобразить главныя черты его характера. Въ немъ неотъемлемы были: умъ, глубокая филологическая и юридическая ученость, энергія въ начинаніяхъ и упорство въ исполненіи; но также очевидны были: недостатокъ такта, неимѣніе достаточной опытности въ дѣлахъ управленія, крайняя гордость, обидная надменность въ обращеніи, тщеславіе и упрямство. Управленіе свое началъ онъ гордою обидною рѣчью, произнесенною Духовенству. Въ этой рѣчи чувствовался деспотизмъ неограниченнаго властелина. Іезуиты выслушали его съ покорностью, но обиженные ею, совсѣмъ отшатнулись отъ Правительства и окончательно перешли въ ряды возмутителей. Немедленно очутились они во главѣ мятежной смуты; церкви были обращены ими въ мѣста революціонныхъ собраній, молитвы—въ революціонные гимны, проповѣди—въ воззванія къ мятежу, исповѣди—въ поученія къ неповиновенію властямъ. Для прекращенія всѣхъ этихъ возмутительныхъ поступковъ Духовенства, маркизъ Велепольскій не находилъ никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ преслѣдованія провинившихся ксендзовъ легальнымъ судопроизводствомъ. Правительство послѣдовало совѣту маркиза Велепольскаго и долго не обращало вниманія на безнаказанно производившуюся политическую пропаганду во имя Бога и Божіей Матери. Велепольскій какъ бы забылъ, что юные умы и души по преимуществу впечатлительны, что на нихъ можно дѣйствовать всего сильнѣе живымъ, увлекающимъ словомъ и личнымъ обращеніемъ. Онъ съ самаго назначенія министромъ Народнаго Просвѣщенія не былъ ни разу ни въ одномъ учебномъ заведеніи; ни одинъ школьникъ не видалъ его въ глаза, всѣ знали его только по строгимъ приказамъ, остававшимся безнаказанно безъ всякаго исполненія, и по формальнымъ слѣдствіямъ, которыя онъ наряжалъ надъ 12—14-лѣтними мальчиками за произведенныя ими шалости. Видя въ своемъ начальникѣ какого-то Юпитера, мечущаго невидимо безвредные громы изъ своего кабинета, учащаяся

молодежь возненавидѣла своего министра, а съ нимъ и все Правительство. Съ другой стороны, видя на опытѣ, что проступки ихъ остаются безъ всякаго взысканія, они тотчасъ же перешли отъ ненависти къ презрѣнію, отъ боязни къ непомѣрной дерзости и всѣ до одного были завербованы делегатами возстанія и служили имъ въ видѣ политическихъ аванпостовъ, готовыхъ на все. Дерзость ихъ дошла до того, что самыя мелкія элементарныя школы расклеили на дверяхъ всѣхъ костеловъ Варшавы плакатъ съ изображеніемъ двухъ учениковъ и ученицы, увѣнчанныхъ гербами Литвы и Польши.

Маркизъ Велепольскій не ограничилъ преступнаго движенія молодежи въ Варшавѣ, но, какъ бы для распространенія его по всей Польшѣ, настоятельно потребовалъ отъ Правительства удаленія учащихся изъ Варшавы. Они дѣйствительно разъѣхались по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Польши, но принесли съ собою революціонные факелы, которыми сопровождали въ Варшавѣ похоронную процессію такъ называемыхъ жертвъ Русскаго тиранства, и этими факелами повсюду зажгли уже готовыя и заряженныя мины мятежа. Огонь охватилъ всю Польшу; не осталось ни одного города, ни одного мѣстечка, которые не принесли бы возмущенной Варшавѣ явнаго доказательства своего участія въ мятежѣ. Имѣя въ своихъ рукахъ все судопроизводство, Велепольскій полагалъ, что для возстановленія порядка достаточно употреблять самыя обыкновенныя средства спокойнаго времени, т.-е., забирать провинившихся помощью полиціи и судить ихъ обыкновеннымъ судомъ. Но пойманные на дѣлѣ бунтовщики и подкупные негодяи, преданные суду, были всѣ съ цинизмомъ оправданы. Безнаказанность придавала смѣлость другимъ, сами судьи и чиновники Министерства Юстиціи были замѣшаны въ смутѣ, такъ что Правительство было вовлечено въ кругъ, въ которомъ съ каждымъ шагомъ пріобрѣтало новыхъ враговъ и съ каждою минутою теряло болѣе власти. Надо было во что бы ни стало выйти изъ этого заколдованнаго круга и вернуть утраченную власть и вліяніе. Намѣстникъ,

пользуясь данною ему властью, вывелъ политическія преступленія изъ-подъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и передалъ такія дѣла особымъ суднымъ коммиссіямъ и началъ карать виновныхъ. Маркизъ Велепольскій протестовалъ, придалъ своему протесту всеобщую извѣстность и пересталъ исполнять тѣ повелѣнія высшей власти, которыя не согласовались съ его видами. Примѣръ начальника нашелъ тотчасъ же подражателей и въ подчиненныхъ: чиновники Польскаго Министерства Юстиціи и ксендзы стали открыто не повиноваться распоряженіямъ намѣстника и требовали приказаній министра. Въ это самое время, когда всеобщее вниманіе упорно слѣдило за малѣйшими дѣйствіями Правительства въ Польшѣ, маркизъ Велепольскій, одинъ изъ главныхъ членовъ этого самого Правительства, странными поступками своими парализовалъ его дѣйствія и самовольными, вредными выходками, какъ бы нарочно, приготовлялъ въ близкомъ будущемъ новыя и важныя затрудненія. Нѣкоторыя выходки его, совершенно неожиданныя, носили на себѣ отпечатокъ хитро задуманнаго плана. Однѣми изъ нихъ онъ отнималъ отъ намѣстника Царства возможность остановить явно революціонное движеніе со стороны Духовенства, другими же старался вселить ненависть къ Правительству со стороны земледѣльческаго населенія края. Маркизъ Велепольскій окончательно отклонилъ отъ Правительства Духовенство, онъ содѣйствовалъ къ поднятію молодежи, онъ помогъ распространенію мятежа по всему Царству, онъ унизилъ власть Правительства, убѣдилъ всѣхъ въ безнаказанности и породилъ, наконецъ, явное ослушаніе. Послѣдствіемъ такой дѣятельности и настояній маркиза Велепольскаго было невмѣшательство военной власти въ дѣла гражданскія, уничтоженіе военныхъ начальниковъ, выводъ войскъ изъ главныхъ городовъ Польши, подъ видомъ — нераздраженія жителей, составленіе самыхъ нелѣпыхъ адресовъ въ Совѣтахъ губернскихъ и городскихъ, постоянное и систематическое дѣйствіе агитаторовъ на землевладѣльцевъ, для вовлеченія ихъ въ мятежъ, соединеніе революціонныхъ коми-

тетовъ Царства Польскаго съ таковыми же въ западныхъ губерніяхъ Россіи, въ Познани, въ Галиціи и Венгріи, всеобщій протестъ будто бы угнетенной національности и религіи передъ лицомъ Европы и стараніе, всѣми мѣрами и путями, вовлечь Россію въ Европейскую войну, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы одновременно поднять во всей Польшѣ и западныхъ губерніяхъ вооруженное возстаніе" [175]).

„Съ прибытіемъ генерала Сухозанета въ Варшаву",—повѣствуетъ Татищевъ, — „личное положеніе маркиза Велепольскаго измѣнилось. Онъ пересталъ быть довѣреннымъ вліятельнымъ совѣтникомъ намѣстника, опиравшагося преимущественно на Русскую военную силу. Возникшія между ними несогласія скоро перешли въ явный и рѣзкій антагонизмъ. Обнародовывая въ оффиціальной газетѣ рѣчь, произнесенную Сухозанетомъ на обѣдѣ, данномъ въ день открытія засѣданій вновь образованнаго Государственнаго Совѣта, Велепольскій позволилъ себѣ передѣлать самыя его выраженія. Когда же состоялось распоряженіе о преданіи бунтовщиковъ военному суду и о высылкѣ изъ Царства неблагонадежныхъ лицъ, то Велепольскій протестовалъ противъ этихъ мѣръ, подъ предлогомъ ихъ незаконности. Кончилось тѣмъ, что Велепольскій подалъ въ отставку, „не признавая возможнымъ", какъ выразился онъ въ письмѣ къ Сухозанету, „при такихъ условіяхъ служить съ пользою Императору и Царю, какъ повелѣваютъ ему его лояльныя чувства и благо родины".

Въ то же время, Велепольскій, чрезъ посредство одного изъ Петербургскихъ сановниковъ, съ которымъ связывала его тѣсная дружба, довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о причинахъ своей размолвки съ Сухозанетомъ, обвиняя послѣдняго „въ замѣнѣ законнаго порядка военнымъ произволомъ". Вскорѣ послѣ того Государь писалъ Сухозанету: *Желаю, чтобы маркизъ оставался при занимаемыхъ должностяхъ до пріѣзда графа Ламберта*".

XXXIII.

12 августа 1861 года, прибылъ въ Варшаву графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ и вступилъ въ управленіе Царствомъ Польскимъ. „Новый правитель страны", — повѣствуетъ Спасовичъ, — „не ѣздилъ, какъ его предшественникъ, въ сопровожденіи полусотни Кубанскихъ казаковъ; онъ даже совсѣмъ отказался отъ конвоя и былъ ко всѣмъ необычайно любезенъ, доступенъ и мягокъ. Варшавскому населенію онъ приходился по душѣ, какъ французъ по происхожденію и Римскій католикъ, притомъ какъ человѣкъ самыхъ утонченныхъ манеръ и самаго высокаго общества. Вдобавокъ его воодушевляли самыя благія и гуманныя намѣренія; онъ бы желалъ удовлетворить и умиротворить край безъ кровопролитія, однѣми только мѣрами убѣжденія, широкими свободами... Въ кабинетѣ намѣстника и его гостиной бывали и вліятельнѣйшіе изъ членовъ бывшей городской делегаціи и люди изъ земледѣльческаго общества и даже лица весьма красноватаго оттѣнка".

Государь, въ рескриптѣ новому намѣстнику, между прочимъ, писалъ: „Возстановите спокойствіе въ Царствѣ, а я, съ своей стороны, съ радостью готовъ предать прошедшее забвенію, и на довѣріе ко мнѣ и любовь Польскаго народа отвѣчать всегда тѣмъ же".

По свидѣтельству Татищева, „графъ Ламбертъ подпалъ вліянію Велепольскаго. По представленію намѣстника, Велепольскій не только утвержденъ въ должности директора Коммиссіи Юстиціи, но и назначенъ вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Царства. Въ донесеніяхъ Государю Ламбертъ выражалъ надежду на успѣхъ принятыхъ имъ мѣръ, въ отмѣну распоряженій Сухозанета. Но Государь не раздѣлялъ этихъ ожиданій. Въ виду возобновившихся съ новою силою уличныхъ демонстрацій, онъ писалъ намѣстнику: „Телеграммы твои доказываютъ продолжающееся своеволіе. Оно

долѣе терпимо быть не должно ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ, и потому требую, чтобы тѣ мѣстности, которыя ты сочтешь нужнымъ, были объявлены на военномъ положеніи". Броженіе усилилось, когда въ Варшавѣ узнали о безпорядкахъ въ Вильнѣ. „Повторилось",—замѣчаетъ Татищевъ,—„то, что въ самомъ началѣ смуты уже происходило между Государемъ и княземъ М. Д. Горчаковымъ. Въ письмахъ и телеграммахъ къ Ламберту Государь постоянно настаивалъ на строгихъ мѣрахъ къ обузданію своеволія, а намѣстникъ отговаривался подъ разными предлогами, внушаемыми ему Велепольскимъ". Кончина архіепископа Варшавскаго Фіалковскаго послужила поводомъ къ новымъ демонстраціямъ [176]).

Наконецъ, „терпѣніе Правительства",—пишетъ А. П. К. — „истощилось. Варшавскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Герштенцвейгъ, человѣкъ пылкаго характера, энергичный, рѣшительный въ выполненіи крутыхъ мѣръ, часто необходимыхъ для собственнаго блага народа, уговорилъ намѣстника графа Ламберта объявить Царство Польское на военномъ положеніи, что̀ и было исполнено 2-го октября 1861 года. Къ несчастію, загадочная, трагическая смерть генералъ-адъютанта Герштенцвейга отняла у Россіи, въ роковую минуту, полезнаго и нужнаго ей человѣка, честно исполнявшаго свой долгъ. Почти одновременно со смертію генералъ-адъютанта Герштенцвейга, заболѣлъ намѣстникъ графъ Ламбертъ и съ отчаяніемъ взывалъ къ Государю: „Ради Бога, пришлите кого-нибудь на наши мѣста".

По замѣчанію А. П. К., „несогласовавшіяся съ намѣреніями графа Ламберта мѣры убійственно отразились на немъ самомъ. Онъ сразу какъ бы поблекъ, серьезно заболѣлъ и недолго послѣ того скончался, не возвращаясь уже болѣе въ Россію. Безпристрастный историкъ пожалѣетъ о человѣкѣ, который былъ полонъ великодушныхъ стремленій, разбитыхъ коварствомъ и измѣной, и погибъ тамъ, гдѣ предательскому народу былъ нуженъ человѣкъ сильный, рѣшительный, спо-

собный безъ колебаній прибѣгнуть къ необходимымъ мѣрамъ" [177]).

Государь въ это время пребывалъ въ Ливадіи и тотчасъ же вызвалъ туда изъ Одессы генералъ-адъютанта Лидерса и предложилъ ему должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, а впредь до прибытія его въ Варшаву, вызвался замѣстить его тамъ возвращавшійся чрезъ этотъ городъ изъ заграничной поѣздки Н. О. Сухозанетъ. Выражая благодарность свою за эту готовность, Государь писалъ Сухозанету: „Прошу васъ дѣйствовать безъ всякаго послабленія и не допускать ни подъ какимъ видомъ своеволій. Виновныхъ судите по военному положенію и приговоры приводите въ исполненіе не медля".

При первомъ извѣстіи о возвращеніи Сухозанета въ Царство, хотя и на время, Велепольскій подалъ въ отставку. „Объявите Велепольскому",—писалъ Государь Сухозанету,— „что я желаю, чтобы онъ оставался на службѣ и что онъ этимъ докажетъ истинную свою преданность Отечеству и мнѣ". Но Сухозанетъ доносилъ Государю, что „Велепольскій отвѣтилъ уклончиво; хочетъ съ курьеромъ писать Вашему Величеству. Причина желанія удалиться есть убѣжденіе, что я съ усиленною строгостью буду исполнять военное положеніе... Мое убѣжденіе въ необходимости увольненія или, по крайней мѣрѣ, оставленія его при одной только Юстиціи. Въ Просвѣщеніи, и въ особенности въ Духовной Коммиссіи, онъ положительно вреденъ" [178]).

Въ концѣ октября 1861 года, Государь вернулся изъ Ливадіи въ Царское Село и оттуда писалъ Сухозанету: „Письма ваши, любезный Николай Онуфріевичъ, отъ 14-го и 16-го, получилъ я въ самый день возвращенія моего сюда, но я до такой степени былъ заваленъ дѣлами, что мнѣ не было никакой возможности отвѣтить вамъ доселѣ. Впрочемъ, по важнѣйшимъ предметамъ я вамъ уже далъ отвѣты по телеграфу. Поведеніе Велепольскаго признаю ни съ чѣмъ несообразнымъ и нахожу потому дальнѣйшее пребываніе его въ Варшавѣ вреднымъ. Я приказалъ вамъ выслать его сюда.

Письмо его ко мнѣ, привезенное вчера его сыномъ, котораго я, разумѣется, не принялъ, ясно выказываетъ, чего онъ добивается, т.-е., совершеннаго отдѣленія гражданскаго управленія въ Царствѣ отъ военнаго, вѣроятно, съ надеждою сдѣлаться главою перваго, присовокупляя, что если я не одобрю его мысли, то онъ проситъ совершеннаго увольненія или позволенія прибыть сюда, для полученія моихъ окончательныхъ приказаній. Слѣдовательно, онъ какъ бы ожидалъ, что я его вызову сюда. Письмо Платонова и личныя объясненія Потапова еще сильнѣе подтверждаютъ то, что вы о немъ пишете. Надѣюсь, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ безвреденъ. Лицъ временно выбранныхъ вами для его замѣщенія, т.-е., сенатора Губе и Дембовскаго, равно и Крузенштерна, я утверждаю, но не окончательно, пока дѣло не разъяснится и я не выберу новаго военнаго генералъ-губернатора, которому, во всякомъ случаѣ, необходимо будетъ подчинить Коммиссію Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ какъ Непокойчицкій рѣшительно отказывается отъ сего мѣста, то остается одинъ Тимашевъ, котораго признаю вполнѣ способнымъ его занять, но боюсь, что онъ его не приметъ, ибо здоровье его дѣйствительно разстроено и онъ находится поэтому за границею. Я приказалъ выписать его сюда по телеграфу и по личнымъ объясненіямъ съ нимъ увѣдомлю генералъ-адъютанта Лидерса о томъ, что̀ рѣшу. Надѣюсь, что генералъ-лейтенантъ Крыжановскій съ нимъ сойдется, если же онъ предпочтетъ Непокойчицкаго въ начальники Главнаго Штаба, то я его стѣснять не стану, а первый можетъ быть полезенъ и на всякой другой должности. Мѣры, вами принятыя, какъ для арестованія давно извѣстныхъ личностей изъ главныхъ ажитаторовъ, такъ и отдачу въ рекруты въ счетъ недоимки, существующей еще въ Царствѣ, я одобряю. Но нахожу, что каноника Бялобржскаго, за самовольныя и явно преступныя распоряженія, слѣдовало немедленно арестовать и предать суду, что̀ и требую, чтобы было исполнено, ибо подобныя своеволія и въ обыкновенное время не должны быть терпимы, а подавно при существова-

ніи военнаго положенія, иначе мы опять не достигнемъ главной нашей цѣли—обузданія, во что бы то ни стало, духа анархіи. Письмо это прошу васъ прочесть генералъ-адъютанту Лидерсу, такъ какъ ему уже извѣстна и предыдущая моя переписка какъ съ вами, такъ и съ графомъ Ламбертомъ, и прошу васъ еще разъ подтвердить ему то, что я ему лично говорилъ о строжайшемъ соблюденіи всѣхъ послѣдствій военнаго положенія, не боясь отвѣтственности, а принимая ее на себя. Для ознакомленія его съ гражданскими дѣлами присутствіе, на первое время, Платонова будетъ полезно и даже необходимо, но я прошу его долго не задерживать, ибо онъ и для меня здѣсь очень нуженъ. Теперь не время вводить какія либо преобразованія, ибо прежде всего долженъ быть водворенъ порядокъ, а хотѣть основывать новый порядокъ, когда повсюду царствуетъ анархія, есть дѣло несбыточное и превыше силъ человѣческихъ. Желаю, чтобы по примѣру того, какъ мнѣ еженедѣльно представляютъ вѣдомости объ обыкновенныхъ происшествіяхъ по Царству, таковыя же вѣдомости составлялись и о томъ, что при теперешнихъ смутахъ тамъ происходитъ, иначе я часто остаюсь въ невѣдѣніи о такихъ случаяхъ, которые узнаю изъ иностранныхъ газетъ, что̀ ни съ чѣмъ несообразно и о чемъ мною было еще писано князю Горчакову, и, несмотря на то, не исполнялось. Дѣло о преобразованіи Комитета Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія я приказалъ разсмотрѣть еще здѣсь въ Департаментѣ Государственнаго Совѣта. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ проектъ объ очиншеваніи крестьянъ и надѣюсь, что онъ будетъ составленъ въ томъ смыслѣ, какъ я сего хочу, а не такъ, какъ Велепольскій его представилъ“.

Между тѣмъ, 1-го декабря Велепольскій представилъ Государю докладную записку, въ которой, оправдывая себя, осуждалъ дѣйствія Русской администраціи. Но записка эта не оправдала Велепольскаго въ глазахъ Государя, и онъ былъ отчисленъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, съ

оставленіемъ лишь членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго [179]).

Наконецъ, Велепольстій далъ знать, что онъ выѣзжаетъ въ Петербургъ. Предъ отъѣздомъ ему кто-то сказалъ: „Vous devenez populaire. Dans ce cas, отвѣчалъ онъ, est-ce que je n'ai pas fait quelque grosse balourdise“ [180])?

Вскорѣ за Велепольскимъ отправился въ Петербургъ и Сухозанетъ, сдавъ, 28 октября 1861 года, должность намѣстнику генералъ-адьютанту Лидерсу.

По свидѣтельству Татищева, „кратковременное вторичное пребываніе Сухозанета въ Варшавѣ ознаменовалось принятіемъ цѣлаго ряда мѣръ для обузданія распущеннаго населенія, и къ пріѣзду Лидерса наружное спокойствіе города было возстановлено“ [181]).

XXXIV.

Съ 22 октября 1861 года, бразды правленія Царствомъ Польскимъ принялъ генералъ-адъютантъ Лидерсъ. „Посѣдѣвшій въ бояхъ“,—пишетъ А. П. К.,—„но еще бодрый воинъ, привыкшій водить войска къ славнымъ побѣдамъ, но никогда не подвизавшійся на поприщѣ гражданскаго управленія, онъ нашелъ край не въ броженіи, а вполнѣ въ опасномъ состояніи. Трудная задача досталась ему, никогда не встрѣчавшемуся съ измѣной и коварствомъ; вступилъ онъ въ нее безъ мечтаній, безъ искусственно соображенныхъ системъ, а лишь съ полнымъ довѣріемъ къ правому дѣлу, имъ защищаемому, и спокойно глядѣлъ опасности прямо въ глаза. Опираясь на найденныя имъ на мѣстѣ силы, онъ болѣе восьми мѣсяцевъ держалъ твердой рукой всю Польшу въ порядкѣ и тишинѣ“.

„По отзыву Спасовича, „новый главный начальникъ края, былъ не въ примѣръ умнѣе Сухозанета, хладнокровнѣе, энергичнѣе, но понималъ задачу Правительства по военному, какъ укрощеніе безпорядковъ. Пріемы были болѣе приличные,

но аресты коснулись всѣхъ тѣхъ людей, которые стояли на виду или пользовались популярностью" [182]).

Но строгія мѣры намѣстника смягчались предписаніями изъ Петербурга.

По сношеніи съ Ватиканомъ, на мѣсто умершаго Фіалковскаго, архіепископомъ Варшавскимъ назначенъ молодой прелатъ Фелинскій, бывшій преподавателемъ въ С.-Петербургской Римско-Католической Духовной Академіи. Спасовичъ сообщаетъ весьма интересныя біографическія свѣдѣнія о новомъ архіепископѣ Варшавскомъ.

На мѣсто Фіалковскаго, Велепольскій, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, „предложилъ умнаго, ловкаго и свѣтскаго человѣка-священника при Мальтійской церкви Пажескаго Корпуса, графа Константина Лубенскаго; но этотъ выборъ встрѣтилъ затрудненія. Тогда по совѣту Лубенскаго и по указанію Велепольскаго, взятъ человѣкъ еще молодой, весьма мало извѣстный въ Петербургѣ, Феликсъ-Сигизмундъ Фелинскій, въ жизни котораго были слѣдующія, довольно странныя сочетанія. Онъ былъ внучатый племянникъ поэта классика начала XIX столѣтія, Алоизія Фелинскаго, и сынъ писательницы Евы, урожденной Вендорфъ. Фелинскій воспитывался сначала въ Московскомъ Университетѣ и былъ слушателемъ Грановскаго; потомъ мы видимъ его въ Парижѣ, въ 1847 году, на курсахъ въ Сорбоннѣ и Collège de France, съ намѣреніемъ надѣть рясу. Здѣсь онъ сблизился съ великимъ Польскимъ поэтомъ Юліемъ Словацкимъ, впавшимъ уже въ то время въ религіозный мистицизмъ. Потомъ, въ 1848 году, мы встрѣчаемъ его въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, въ рядахъ повстанцевъ, сражающимся противъ Пруссаковъ и раненымъ подъ Милославомъ. Въ концѣ того же 1848 года, Фелинскій изучалъ уже Богословіе въ Мюнхенѣ, отсюда былъ вызванъ въ Парижъ Словацкимъ, который и умеръ, можно сказать, на его рукахъ. Фелинскій былъ патріотъ-полякъ, но еще болѣе Римскій католикъ, ультрамонтанскаго оттѣнка, что его и предохраняло отъ

профанирующаго церковь не только общенія съ повстаніемъ, но и служенія революціи, въ чемъ повинны были въ то время всѣ почти духовные Царства Польскаго поголовно. Гибкости въ характерѣ у него не было, равно какъ и способностей дипломатическихъ, но онъ готовъ былъ идти, по долгу патріота, бороться съ революціоннымъ движеніемъ и стать какъ миротворецъ, съ крестомъ въ рукахъ, между сражающимися, подъ ихъ обоюдные удары... 25 декабря 1861 года, Фелинскій утвержденъ въ Ватиканѣ архіепископомъ; быстро совершилось въ Петербургѣ его посвященіе въ духовный санъ".

16 января 1862 года, А. В. Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Ѣздилъ въ Римско-Католическую Академію... Тутъ я наткнулся на приготовленія къ поздравленію новаго Варшавскаго митрополита; онъ изъ нашихъ воспитанниковъ... Это неслыханное возвышеніе... Я вмѣстѣ съ другими пошелъ его поздравлять, какъ моего бывшаго ученика. Такого умнаго, кроткаго, плѣнительнаго лица между мужчинами, кажется, никогда не видалъ. Имя его Феликсъ Фелинскій. Онъ наговорилъ мнѣ много любезностей — какъ меня любятъ всѣ мои слушатели" [183]).

31 января 1862 года, Фелинскій отправился въ Варшаву, „гдѣ",—повѣствуетъ Спасовичъ,—„очутился въ страшно трудномъ положеніи среди своей паствы, которая его не слушала, и властей, которые предлагали ему военный конвой для охраненія его особы. Этого роду опеку архіепископъ отклонилъ; церкви въ Варшавѣ онъ открылъ, но когда, въ воскресенье, 3 февраля, онъ, среди богослуженія, произнесъ пастырское слово, въ которомъ внушалъ воздержаніе отъ (революціонныхъ) пѣсней въ церквахъ и манифестацій, то оскорбительныя выраженія послышались въ толпѣ; молодежь съ шумомъ стала выходить изъ церкви, не многіе остались. Изъ Петербурга Фелинскій привезъ заготовленное *пастырское посланіе*, одобренное Правительствомъ. Побывавъ въ Варшавѣ, онъ убѣдился, что оно неподходящее къ положенію вещей,

и чрезъ Велепольскаго сообщилъ, что находитъ неудобнымъ его обнародовать.—Между тѣмъ, Ватиканъ не оказалъ архіепископу надлежащей поддержки, вліяніе враговъ Русскаго Правительства перевѣсило. На архіепископа жаловался и Лидерсъ, за его слишкомъ малое содѣйствіе возстановленію дисциплины... Борясь съ неимовѣрными трудностями своего положенія, архіепископъ оставался вѣрнымъ сподвижникомъ Велепольскаго, который вполнѣ сознавалъ полную невозможность безъ этого сотрудника совладать со своею задачею. „Я могъ бороться съ Фіалковскимъ и со сбитымъ черезъ него съ толку Духовенствомъ“,—писалъ Велепольскій,—„потому что я предчувствовалъ и усматривалъ лѣкарство въ перемѣнѣ архіепископа и въ новомъ духѣ, который будетъ исходить изъ его преемника. Перемѣна произошла моими руками въ лицѣ ксендза Фелинскаго. Если бы онъ сталъ въ то же, какъ Фіалковскій, положеніе по отношенію къ Правительсгву, то я отказался бы отъ должностей, требующихъ возобновленія прежней борьбы при неимѣніи уже лѣкарства“.

Между тѣмъ, Варшавскій Красный Комитетъ, образованный въ концѣ 1861 года, въ маѣ 1862 года уже именовался *Центральнымъ Народнымъ Комитетомъ*, стоящимъ во главѣ цѣлой *Народной Организаціи*, и „незримо, подъ управленіемъ Лидерса, получали правильную организацію элементы, изъ которыхъ долженъ былъ составиться потомъ революціонный *нардный ржондъ*“ [184]).

Пріѣхавшій въ Петербургъ (въ февралѣ 1862 года) изъ Варшавы адъютантъ генерала Лидерса, С. С. Мухановъ, сообщилъ В. А. Муханову, что „разныя дамы Польскія, напримѣръ, г-жа Калерджи и Скаржинская, всегда отличавшіяся патріотизмомъ, особенно первая, стараются поссорить генерала Крыжановскаго съ новымъ епископомъ Фелинскимъ“. При этомъ В. А. Мухановъ замѣчаетъ: „Молодой Мухановъ приверженецъ г-жи Калерджи, обвиняетъ Крыжановскаго въ произволѣ и безразсудныхъ арестахъ, которымъ подвергаетъ онъ многихъ Поляковъ; но онъ является отголоскомъ особы,

въ которую влюбленъ“. Тотъ же молодой Мухановъ сообщилъ, что Лидерсъ нездоровъ, вслѣдствіе неудовольствій, возникшихъ между нимъ и новымъ епископомъ Фелинскимъ. По пріѣздѣ епископъ долженъ былъ обратиться къ паствѣ въ воззваніи, утвержденномъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ удостовѣрился въ благоволеніи Государя къ Польшѣ, а въ исполнителяхъ Варшавскихъ нашелъ противное. Епископъ не рѣшился издать своего воззванія и приготовилъ другое, на обнародованіе котораго отсюда не послѣдовало соизволенія. Такимъ образомъ, къ паствѣ не было никакого обращенія. Изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе, чтобы воздержаться отъ арестовъ“ [185]).

Между тѣмъ, въ годовщину восшествія на престолъ и въ день рожденія Государя (1862 г.), объявлено помилованіе большому числу политическихъ преступниковъ, участь прочихъ значительно смягчена. Многіе изъ нихъ возвращены въ Царство изъ ссылки, крѣпостей и арестантскихъ ротъ. Среди прощенныхъ не мало находилось ксендзовъ и наиболѣе виновный прелатъ Бялобржскій. Возвращеніе его въ Варшаву было тріумфальнымъ шествіемъ. Мужчины выпрягли лошадей изъ экипажа, женщины осыпала его цвѣтами. Густая толпа наполняла храмъ, въ которомъ онъ впервые отправлялъ богослуженіе, и привѣтствовала его восторженными криками. „На такой благопріятный для Поляковъ оборотъ,—замѣчаетъ Татищевъ,—несомнѣнно повліяло продолжительное пребываніе въ Петербургѣ маркиза Велепольскаго“ [186]).

Въ то же время „дѣятельность генерала Лидерса“,—пишетъ А. П. К.,—„должна была прекратиться,—рука, изъ-за угла, въ упоръ раздробила челюсть маститаго воина, котораго Провидѣніе хранило во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и до почтенной старости. Графъ Лидерсъ до самой смерти сильно страдалъ отъ этой раны“ [illegible]

По свидѣтельству очевидца, „покушеніе на жизнь графа Лидерса произошло при обстоятельствахъ, которыя стоятъ того, чтобы объ нихъ помнили. Это произошло въ Саксон-

скомъ саду, во время утренней его прогулки. Дойдя до заведенія минеральныхъ водъ, что̀ было около желѣзныхъ воротъ, Лидерсъ повернулся, чтобы идти по аллеѣ назадъ, къ выходу изъ сада. Не успѣлъ онъ сдѣлать и шага, какъ изъ-за угла зданія раздался выстрѣлъ, и Лидерсъ былъ, почти въ упоръ, раненъ въ челюсть. Онъ остановился на секунду отъ неожиданности... И первое, что въ немъ сказалось—это храбрость честнаго воина: онъ не оборачиваясь, произнесъ только два слова: *Подлецъ-сзади!* Прижавъ къ ранѣ платокъ, не ускоривая шагу, Лидерсъ дошелъ до выхода изъ сада, гдѣ сѣлъ въ экипажъ" [187]).

Во все время управленія Лидерса Царствомъ Польскимъ, маркизъ Велепольскій пребывалъ въ Петербургѣ. „При появленіи Велепольскаго въ Петербургъ",—свидѣтельствуетъ Спасовичъ,—„лицо его сдѣлалось интереснымъ и популярнымъ между Русскими образованными людьми. Положеніе Польскаго реформатора, незнающаго слова по-Русски и очутившагося впервые въ жизни въ сѣверной столицѣ, было въ высшей степени новое и оригинальное"... [188]) Пріемъ ему тамъ оказанъ былъ,—свидѣтельствуетъ Татищевъ,—„благосклонный и даже милостивый. Государь принялъ его въ частной аудіенціи въ Царскомъ Селѣ и, поблагодаривъ за службу, внимательно выслушалъ мнѣнія его о способахъ водворенія спокойствія въ Царствѣ Польскомъ. Велепольскій указывалъ на необходимость отдѣлить военное управленіе отъ гражданскаго, на что Государь возразилъ, что объ этомъ не можетъ быть рѣчи при военномъ положеніи. Но вскорѣ послѣ этой аудіенціи, Государь согласился на эту мѣру. На выходахъ въ Зимнемъ Дворцѣ, Велепольскій, *не безъ афектаціи,* занималъ мѣсто въ ряду членовъ дипломатическаго корпуса. При милостивой грамотѣ онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, „во вниманіе къ тому самоотверженію", какъ сказано въ грамотѣ, „какое онъ оказалъ, вступивъ въ составъ правленія Царство Польскаго при трудныхъ обстоятельствахъ, и полезныхъ трудовъ для общественной пользы".

Въ Петербургѣ Велепольскій не сидѣлъ сложа руки. По его настоянію, изготовленные имъ проекты законовъ разсматривались въ особыхъ комитетахъ [189]), и его мнѣніе было столь вѣско и авторитетъ столь великъ, что проекты удостоились высочайшей санкціи почти безъ измѣненій, — въ томъ числѣ два капитальные: о народномъ воспитаніи и объ Евреяхъ“ [190]).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что проектъ Велепольскаго о народномъ воспитаніи встрѣтилъ сильный отпоръ въ его предшественникѣ, Павлѣ Александровичѣ Мухановѣ.

26 февраля 1862 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Теперь идетъ рѣчь о проектѣ преобразованія народнаго просвѣщенія въ Царствѣ, по предположенію маркиза Велепольскаго. Мухановъ подалъ записку, въ которой жестоко критикуетъ проектъ. Въ Коммиссіи нападаютъ на Польскаго маркиза, и онъ уже вынужденъ былъ сдѣлать нѣсколько уступокъ. Головнинъ говоритъ, что проектъ писанъ въ Польскомъ духѣ, при соблюденіи выгодъ одной Польши, въ ущербъ пользамъ Россіи. Титовъ смотритъ на Польшу односторонне. Онъ хочетъ, чтобы, занимаясь народнымъ образованіемъ исключительно, не обращали вниманія на политическую сторону вопроса: взглядъ негосударственнаго человѣка. Мухановъ отражалъ его очень сильно“ [191]).

„Велепольскій,—какъ пишетъ Спасовичъ,—сначала жаловавшійся на одиночество въ Петербургѣ, очутился вскорѣ въ такомъ положеніи, что ему не хватало времени на всѣ получаемыя приглашенія, до того многочисленны были знакомства и связи въ высшихъ офиціальныхъ сферахъ общества и въ средѣ дипломатической, въ которыя онъ вошелъ, какъ оригинальное лицо, интересующее своею новизною. Онъ близко сошелся съ лордомъ Нэпиромъ и Фурнье, и познакомился съ Бисмаркомъ и княземъ А. М. Горчаковымъ; онъ часто бывалъ въ домѣ канцлера Нессельроде, у барона Петра Мейендорфа и у графа Д. Н. Блудова, котораго дочь, графиня Антонина Дмитріевна, встрѣтившись съ Велепольскимъ на общей почвѣ

Славянской идеи, сдѣлалась восторженною его почитательницею и рѣшительною сторонницею *развода Царства Польскаго и Россіи*, съ тѣмъ же горячимъ увлеченіемъ съ какимъ она впослѣдствіи стала превозносить М. Н. Муравьева и проповѣдывать обрусеніе. Велепольскій былъ принимаемъ великою княгинею Еленою Павловною. Еще важнѣе были сношенія его съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, въ которомъ Велепольскій предугадывалъ возможнаго будущаго намѣстника. Въ своихъ разговорахъ съ Великимъ Княземъ, онъ могъ указывать ему путь миротворца и спасителя двухъ Славянскихъ націй, искреннее соединеніе которыхъ повлечетъ за собою безчисленныя, благодѣтельныя послѣдствія для нихъ и, можетъ быть, для всего міра“ [192]).

XXXV.

Мысль маркиза Велепольскаго объ отдѣленіи въ Польшѣ военной власти отъ гражданской восторжествовала. На это согласился Государь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы должность начальника гражданскаго управленія поручить природному русскому. Выборъ Государя остановился на Н. А. Милютинѣ.

11 мая 1862 года, Милютинъ, изъ Парижа, прибылъ въ Петербургъ, и въ тотъ же день получилъ два письма. Въ одномъ великая княгиня Елена Павловна выражала желаніе, чтобъ его „миновалъ опасный Варшавскій постъ, который отнялъ бы его отъ Россіи, безъ всякаго шанса успѣха во враждебной странѣ, языкъ, законы и стремленія которой нужно еще изучить и которая долго еще будетъ обращать въ жертвы тѣхъ Русскихъ, что будутъ посланы туда“. Въ другомъ письмѣ, другъ Милютина, Головнинъ, передавалъ ему мнѣніе великаго князя Константина Николаевича, совѣтовавшаго ему отказаться отъ должности въ Польшѣ, такъ какъ, по убѣжденію Великаго Князя, на должность эту „нуженъ не русскій, а полякъ“.

Самъ же Милютинъ писалъ своей женѣ: „Дѣло въ томъ, что промедленіе въ моемъ пріѣздѣ сюда (въ Петербургъ) не осталось безъ послѣдствій. Намѣреніе Императора дошло до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ. Велепольскій принялся за работу и, поддерживаемый княземъ Горчаковымъ и еще нѣсколькими особами, поколебалъ первоначальныя намѣренія Государя. Придумали новую комбинацію: ввѣрить управленіе Царствомъ Велепольскому, а чтобъ успокоить тѣхъ, кто не вѣритъ въ его искренность, поставить надъ нимъ намѣстника, въ лицѣ самого великаго князя Константина. Къ величайшему удивленію всѣхъ—не исключая и Императора – Великій Князь не только принялъ комбинацію, но и выказалъ необычайное рвеніе. Все это совершилось въ нѣсколько дней, можно почти сказать, въ нѣсколько часовъ, и скромная моя личность, нечаянно выдвинутая было на первый планъ, очень скоро отодвинута на послѣдній, къ полному моему удовольствію".

Въ концѣ мая 1862 года, состоялся высочайшій указъ о назначеніи великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ Царства Польскаго, а маркиза Велепольскаго начальникомъ гражданскаго управленія [193]).

„По дѣламъ Польскимъ",—писалъ Д. А. Милютинъ къ князю А. И. Барятинскому,—„начинается новая эра съ назначеніемъ намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича, а помощникомъ ему по гражданской части, маркиза Велепольскаго. Дай Богъ, чтобъ эта комбинація повела къ болѣе счастливымъ результатамъ, чѣмъ было до сихъ поръ".

Съ своей стороны, Куникъ, 22 мая 1862 года, писалъ Погодину: „Константинъ Николаевичъ назначенъ вицъ-королемъ Польши, хотя оффиціально объ этомъ рѣчь будетъ позднѣе. Онъ уже прилежно учится Польскому языку, но до осени не уѣдетъ. Завтра я буду имѣть свиданіе съ Велепольскимъ".

Въ это время Куникъ хлопоталъ о привлеченіи въ Академію извѣстнаго Іенскаго филолога Шлейхера, который, какъ писалъ Куникъ Погодину, „по слухамъ, получилъ по-

четное приглашеніе въ Варшаву. Поляковъ можно поздравить, если они пріобрѣтутъ себѣ такую методическую голову по Славянскимъ и Литовскому языкамъ. Имъ, какъ разъ, недостаетъ, особенно въ области Лингвистики, методики. Шлейхеръ владѣетъ ораторскимъ талантомъ. Не только онъ стоитъ на высотѣ современной Лингвистики—но у него тонкій слухъ, и это очень облегчило ему практическое изученіе Чешскаго и Литовскаго языковъ“.

Въ другомъ своемъ письмѣ Куникъ писалъ Погодину: „Шлейхеръ не принялъ приглашенія въ Варшаву, главнымъ образомъ потому, что онъ думаетъ (или ему кажется), что положеніе вещей тамъ непрочно. Его хотѣли имѣть во что бы то ни стало, предлагали ему ежегодно 2000 р. и 1000 руб. на переѣздъ, и хотѣли, кромѣ того, по прошествіи 10 лѣтъ службы, назначить пенсію. Въ Россію онъ хотѣлъ бы пріѣхать потому, что имѣетъ болѣе довѣрія къ Русскому ученому міру. По моему мнѣнію, лучше, если онъ останется въ Іенѣ, однако, предполагая, что онъ работаетъ для насъ. Самымъ твердымъ основаніемъ этической части Славянской древности служитъ точное опредѣленіе родственныхъ отношеній трехъ вѣтвей Балтійскаго племени (Германцевъ, Литовцевъ, Славянъ) между собою и ихъ противоположности остальнымъ Индоевропейцамъ. Ни одинъ изъ современныхъ лингвистовъ не готовъ къ этому болѣе *Шлейхера*. Только ему нужно еще съѣздить въ Самогитію и въ Курляндію. Я теперь взялся за это дѣло и веду съ нимъ переговоры“.

Въ іюнѣ 1862 года, Велепольскій возвратился въ Варшаву. Въ это время, по пути въ Веймаръ, Ѳ. И. Тютчевъ посѣтилъ Вильну и оттуда писалъ: „Я попалъ удачно: это былъ Троицынъ день. Городъ ярко выступалъ съ своими особенностями. Ничто не можетъ быть лучше, какъ видѣть вещи собственными глазами. Обзоръ Виленскихъ церквей и улицъ, во время утренней прогулки, былъ для меня полнымъ открытіемъ. Благодаря ему, я, такъ сказать, коснулся перстомъ

различныхъ составныхъ частей того, что называютъ Польскимъ вопросомъ. Меня особенно поразила католическая ревность этой бѣлой толпы. Церкви были вымощены головами и простертыми ницъ тѣлами молящихся и рыдающихъ. Дышалось полнымъ вѣяніемъ католическаго средневѣковья. Среди всего этого выдавались горожанки, большею частію хорошенькія, въ глубокомъ траурѣ, что̀ представляло забавный контрастъ съ оживленнымъ выраженіемъ ихъ привлекательныхъ личекъ. Однимъ словомъ, Вильна возбудила мое любопытство".

Въ Вильнѣ, Тютчева посѣтилъ „одинъ изъ ветерановъ" Польской Поэзіи, Одынецъ, старинный другъ Мицкевича. „Это",—писалъ Тютчевъ,—„старый ребенокъ, въ родѣ покойнаго Жуковскаго. Онъ сказалъ мнѣ, что назначеніемъ великаго князя Константина вообще всѣ чрезвычайно довольны. Разочарованіе не заставитъ себя ждать. Назначеніе этого Великаго Князя навѣрно подвинетъ вопросъ, но не разрѣшитъ его" [194]).

Велепольскій, встревоженный выстрѣломъ въ Лидерса, тотчасъ обратился къ великому князю Константину Николаевичу съ убѣдительною просьбою ускорить прибытіемъ въ Варшаву. Великій Князь съ супругою, великою княгинею Александрою Іосифовною, пріѣхалъ туда 20 іюня.

„Желанія ваши, любезный маркизъ",—писалъ Велепольскому князь А. М. Горчаковъ,—„были тотчасъ же исполнены. Государь Великій Князь — посреди васъ и Государыня Великая Княгиня, не смотря на свою беременность, пожелала сопровождать своего августѣйшаго супруга. Русская императорская семья не знаетъ робкой осмотрительности. Мы не смѣшиваемъ націи съ преступленіемъ, опозорившимъ Варшаву. Въ виду этого преступленія, прошу васъ выпрямиться во всю высоту вашей энергіи. Sic itur ad astre, любезный маркизъ. Въ нашъ злополучный вѣкъ, вы обезпечиваете себѣ прекрасную страницу въ Исторіи. Въ мои лѣта, я, по всей вѣроятности, долженъ завѣщать моимъ преемникамъ удовольствіе прочесть ее" [195]).

Черезъ пять дней послѣ выстрѣла въ Лидерса, 20 іюня 1862 года, вечеромъ, Великій Князь прибылъ въ Варшаву. „Никто не зналъ“,—пишетъ Спасовичъ,—„что въ этой самой толпѣ, встрѣчавшей Великаго Князя на вокзалѣ, затаенъ рѣшившійся на злое дѣло убійца, который не рѣшился, однако, на злодѣяніе потому, что Великій Князь велъ подъ руку свою супругу“ [196]); но, на другой день, 21 іюня, при выходѣ Великаго Князя изъ театра, сдѣланъ былъ на него выстрѣлъ изъ пистолета. „Спалъ хорошо, лихорадки нѣтъ“,—телеграфировалъ Великій Князь Государю,—„жена не испугана, осторожно ей сказали. Убійцу зовутъ Ярошинскій, портной, подмастерье“ [197]).

Извѣстіе изъ Варшавы о покушеніи на жизнь великаго князя Константина Николаевича, пришло въ Царское Село въ то время, когда въ Царскосельскомъ Дворцѣ, у А. Ѳ. Тютчевой, гостила извѣстная писательница Кохановская, и она, въ ожиданіи пріема Императрицы Маріи Александровны, заслушалась пѣнія родной ей птички, которую въ Малороссіи зовутъ *пастушкомъ*, и ея пѣніе раздавалось въ Царскосельскихъ садахъ. „Въ эту ночь“,—писала Кохановская,—„получена была депеша изъ Варшавы о выстрѣлѣ. Тютчева вошла ко мнѣ въ слезахъ, вся разстроенная, говоря, что такою она застала Императрицу. *C'est vraiment une couronne d'épines que nous portons aujourd'hui*, сказала разстроенная Императрица“ [198]).

Государь отвѣчалъ Великому Князю: „Слава Богу, что ты чувствуешь себя хорошо и что Саня *) не была испугана. Общее участіе меня радуетъ и не удивляетъ. Могу тоже сказать и здѣсь. Обнимаемъ васъ. Утромъ былъ у насъ благодарственный молебенъ“ [199]).

Но митрополитъ Исидоръ писалъ Филарету: „Когда Государь по телеграфу далъ приказаніе въ Варшаву, чтобы въ полкахъ совершены были благодарственныя молебствія за спасеніе великаго князя Константина Николаевича, получено

*) Великая Княгиня Александра Іосифовна. *Н. Б.*

было донесеніе, что нѣкоторые офицеры и тридцать солдатъ Люблинскаго полка упросили своего священника отслужить панихиду по разстрѣленнымъ тремъ мятежникамъ, — и священникъ это исполнилъ. Вѣроятно, онъ былъ также обманутъ. Но если и солдаты соглашаются идти по слѣдамъ развращенныхъ офицеровъ,—это несчастіе, о послѣдствіяхъ котораго страшно подумать“ [200]).

Самъ же Филаретъ писалъ викарію Леониду: „Получивъ извѣстіе о избавленіи великаго князя Константина Николаевича въ Варшавѣ отъ явной опасности, я возблагодарилъ Бога—и пріостановился въ ожиданіи или наставленій отъ Св. Сѵнода, или братскаго совѣта отъ владыки Новгородскаго, чтобы выраженіе общихъ чувствованій было взаимно согласно. Но въ Петербургѣ нерѣдко, въ подобныхъ случаяхъ, забываютъ, что Москва существуетъ“ [201]).

„Однако“,—спрашиваетъ Никитенко,—„что же такое будетъ съ обществомъ, если всякій присвоитъ себѣ право осуществлять свои политическія идеи, свои проекты о благѣ народовъ и человѣчества посредствомъ пистолета, пожаровъ и т. п.“ [202])?

Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, маркизъ Велепольскій воскликнулъ: „Если удары убійцъ станутъ снова отыскивать жертвы, то пусть лучше обратятся они на мою грудь, чѣмъ мнѣ пережить добродѣтели отцовъ нашихъ и честь Польскаго имени“.

На вызовъ этотъ отвѣтило два покушенія на жизнь самого маркиза Велепольскаго. Всѣ три убійцы были судимы военнымъ судомъ и повѣшены на гласисѣ Варшавской цитадели [203]).

„Какъ иронія“, —пишетъ А. П. К., — „выглядывало тогдашнее поведеніе маркиза Велепольскаго въ Варшавѣ. Послѣ покушенія на его личность, домъ, гдѣ онъ жилъ, былъ окруженъ день и ночь полиціей, во дворѣ стоялъ сильный воинскій караулъ; когда же онъ, по необходимости, выѣзжалъ изъ дома, то ѣхалъ по улицамъ Варшавы не иначе, какъ въ

каретѣ, окруженной густымъ военнымъ конвоемъ. Все это черезъ годъ, послѣ его настоятельнаго требованія о *невмѣшательствѣ военной власти въ дѣла Польскаго мятежа и предоставленія умиротворенія края одной гражданской власти и судамъ обыкновеннаго времени*" [204]).

Герценъ же писалъ: „Разъ у меня сидѣли: Ксаверій Браницкій, Хоецкій и еще кто-то изъ Поляковъ; всѣ они были проѣздомъ въ Лондонѣ и заѣхали пожать мнѣ руку за статьи. Зашла рѣчь о покушеніи на жизнь великаго князя Константина Николаевича. Выстрѣлъ этотъ, сказалъ я, страшно повредитъ вамъ. Можетъ быть, вамъ бы и уступили *кое-что*; теперь же ничего не уступятъ. — *Да мы только этого и хотимъ!* — замѣтилъ съ жаромъ Ш. Е. — Для насъ нѣтъ хуже несчастья, какъ уступки... Мы хотимъ *разрыва*, открытой борьбы" [205])!

Къ чему же наконецъ привело назначеніе въ Варшаву и великаго князя Константина Николаевича и маркиза Велепольскаго?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ А. П. К.: „Оно привело: къ снятію военнаго положенія, къ покушенію на жизнь Его Высочества, къ вооруженному нападенію на личность самого же маркиза Велепольскаго и, наконецъ, къ открытому вооруженному возстанію всей Польши и Западныхъ губерній Россіи" [206]).

XXXVI.

Въ концѣ 1861 года, въ Лондонъ пріѣхалъ бѣжавшій изъ Сибири Бакунинъ.

Всю свою кипучую дѣятельность, всю свою энергію Бакунинъ посвятилъ не на благо, а на зло своему Отечеству. Появленіе Бакунина въ Лондонѣ было роковымъ для Герцена. Онъ увлекъ его и Огарева присоединиться къ мятежнымъ Полякамъ, имѣвшимъ цѣлію не *автономію этнографической Польши*, а возстановленіе *исторической Польши*, въ границахъ

1772 года, т.-е., со включеніемъ областей, населенныхъ вовсе не Поляками.

„Признаніе Русскими радикалами“,—пишетъ В. П. Батуринскій,—„претензіи Поляковъ на *историческую Польшу*, въ границахъ 1772 года, было главною причиною паденія популярности, какъ *Колокола*, такъ и самого Герцена. Одинъ изъ современниковъ Польскаго возстанія, жившій въ Кіевѣ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ Малороссіи возстаніе Польское, пока оно сосредоточивалось около Варшавы, пользовалось сочувствіемъ образованнаго общества. Но сочувствіе это оборвалось сразу, какъ только Польскіе мятежники появились около Кіева и въ Могилевской губерніи, и всѣ стали за *единство* Россіи“.

Замѣчательно, что и самъ Бакунинъ, 8 декабря 1860 года, вотъ что писалъ Герцену изъ Сибири: „Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между Поляками,—пропагандою, впрочемъ довольно успѣшной; мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ невозможности для Поляковъ оторвать свою жизнь отъ Русской жизни, а потому и въ необходимости *примиренія съ Россіей*“.

Въ Лондонъ Бакунинъ явился безъ всякихъ средствъ. Герцену пришлось содержать его на свой счетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Герценъ обратился къ Тургеневу съ просьбою, чтобы онъ, съ своей стороны, высылалъ какую-либо сумму на содержаніе Бакунина и склонилъ къ тому же и Сазонова. Тургеневъ отвѣчалъ: „Доставленіе постоянной суммы Бакунину затруднительно. Сазоновъ давно уѣхалъ въ Египетъ, да и сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ гроша, если нельзя протрубить о немъ во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы. Объ остальныхъ здѣшнихъ Русскихъ и говорить нечего. Надо посмотрѣть, что̀ можно сдѣлать въ самой Россіи. Что касается до меня, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Бакунину ежегодную сумму тысячу пятьсотъ франковъ. Но, не взирая на это, Тургеневъ о Ба-

кунинѣ и его вредномъ вліяніи на *Колоколъ* неоднократно говорилъ въ своихъ письмахъ Герцену.

Какъ только Бакунинъ оглядѣлся и учредился въ Лондонѣ, т.-е., перезнакомился со всѣми Поляками и Русскими, онъ принялся за дѣло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бакунинъ былъ недоволенъ своими Лондонскими друзьями и находилъ ихъ *умѣренными*, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Въ ожиданіи ихъ обращенія, Бакунинъ „сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ Славянъ. Тутъ были Чехи, Сербы, которые просто величались по батюшкѣ: Іоановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были Валахи, состоявшіе въ должности Славянъ, съ своимъ вѣчнымъ *еско* на концѣ; наконецъ былъ болгаринъ и Поляки всѣхъ, епархій: Бонапартовской, Мирославской, Чарторыжской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ-нибудь подраться, въ Сѣверной или Южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ. Отдохнулъ съ ними Бакунинъ за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организировалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки... Бакунинъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время“. Отъ этой неразборчивости, замѣчаетъ Герценъ, выходили иногда пресмѣшныя вещи. Бакунинъ вставалъ поздно; нельзя было иначе и сдѣлать, употребляя ночь на бесѣду и чай. Разъ, часу въ 11-мъ, слышитъ онъ, кто-то копошится въ его комнатѣ.

— Кто тамъ?—кричитъ Бакунинъ, просыпаясь.

Русскій.

— Ваша фамилія?

Такой-то.

— Очень радъ.

Что это вы такъ поздно встаете, а еще демократъ!

(Молчаніе... Слышенъ плескъ воды... Каскады...)

Михаилъ Александровичъ!

— Что?

Я васъ хотѣлъ спросить, вы вѣнчались въ церкви?

— Да.

Нехорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности. Вотъ и Тургеневъ свою дочь прочитъ замужъ. Вы, старики, должны насъ учить примѣромъ.

— Что вы за вздоръ несете!

Да вы скажите, по любви женились?

— Вамъ что за дѣло?

У насъ былъ слухъ, что вы женились оттого, что невѣста ваша богата.

— Что вы это допрашивать меня пришли? Ступайте къ чорту!

Ну, вотъ вы и разсердились, а я, право, отъ чистой души.—Прощайте. А я все-таки зайду.

— Хорошо, хорошо. Только будьте умнѣе".

„Какъ-то въ концѣ сентября 1862 года, — писалъ Герценъ, — пришелъ ко мнѣ Бакунинъ, особенно озабоченный и нѣсколько торжественный.

— Варшавскій Центральный Комитетъ — сказалъ онъ— прислалъ двухъ членовъ, чтобы переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь, это — Подлевскій; другой — Гиллеръ. Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ, а завтра соберемся у меня. Надобно окончательно опредѣлить наши отношенія.

Тогда набиралось мое *Письмо Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ.*

— Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

— Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ мало.

Вечеромъ Бакунинъ пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Бакунинъ сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ, или съ адвокатами, трепещущими,

16

чтобы ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей игры защиты, хорошо налаженной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

Я видѣлъ по лицамъ, что Бакунинъ угадалъ и что чтеніе не то, чтобъ особенно понравилось.

На другой день утромъ Бакунинъ уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю...

— Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! Ты вовсе не практическій человѣкъ...

— Это уже прежде тебя говорили. Бакунинъ махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ; видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкуешь теперь. Онъ шагалъ семимильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія, онъ торопился сгладить какъ-нибудь затрудненія, затушевать противорѣчія, не заровнять овраги, а— бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ.

— Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ,—повторялъ мнѣ съ досадой Бакунинъ, когда мы потомъ толковали у него съ представителями ржонда,—придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальныя статьи, не Литература".

Въ то же время пріѣхалъ въ Лондонъ уполномоченный Общества *Земля и Воля*, Потебня, приглашать Герцена, Огарева и Бакунина сдѣлаться агентами Общества. Герценъ отклонилъ это, къ крайнему удивленію не только Бакунина, но и Огарева. Герценъ сказалъ, что ему „не нравится это битое, Французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ комиссары Конвента 1793 года трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

А много васъ?—спросилъ Герценъ Потебню.

— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.

Ты вѣришь?—спросилъ я потомъ Огарева.

Онъ промолчалъ.

— Ты вѣришь?—спросилъ я Бакунина.

— Конечно. Онъ прибавилъ:—ну, нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ! При этомъ расхохотался.

— Это другое дѣло".

Въ то время, когда шли эти преступныя совѣщанія, проживалъ въ Лондонѣ, въ качествѣ эмигранта, вольноотпущенный графа Гурьева, Мартьяновъ. Онъ крайне не сочувствовалъ участію Герцена въ Польскомъ мятежѣ. „Пришелъ Мартьяновъ",—писалъ Герценъ,—„блѣднѣе обыкновеннаго, печальнѣе обыкновеннаго; онъ сѣлъ въ углу и молчалъ. Онъ страдалъ по Россіи и носился съ мыслью о возвращеніи домой. Шелъ споръ о возстаніи. Мартьяновъ слушалъ молча, потомъ всталъ, собрался идти и вдругъ, остановившись передо мной, мрачно сказалъ мнѣ:—Вы не сердитесь на меня Александръ Ивановичъ, такъ ли, иначе ли, а *Колоколъ*-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ Польскія дѣла? Поляки, можетъ и правы, но ихъ дѣло шляхетное, не ваше. Не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, чтó я говорилъ. Я-то самъ не увижу, я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать... Ни вы не поѣдете въ Россію, ни *Колоколъ* не погибъ, отвѣтилъ я ему. Мартьяновъ, молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ пророчества и какого-то темнаго сознанія, что что-то ошибочное сдѣлано"...

Самъ Герценъ, убѣдившись въ своемъ преступномъ увлеченіи, *плакася горько*. Онъ писалъ: „Останавливаюсь на грустномъ вопросѣ: Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? — Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, еслибъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя... Причиной быстрой сговорчивости былъ: *ложный стыдъ*, а иногда и лучшія *побужденія*

любви, дружбы, снисхожденія, но почему же все это побѣждало логику"?

Къ тому же Герценъ имѣлъ свой собственный взглядъ на Поляковъ. „Послѣ похоронъ Ворцеля", — писалъ онъ, — „5 февраля 1857 года, когда всѣ провожавшіе разбрелись по домамъ и я, воротившись въ свою комнату, сѣлъ грустно за свой письменный столъ, мнѣ пришелъ въ голову печальный вопросъ: не опустили ли мы въ землю вмѣстѣ съ Ворцелемъ, не схоронили ли съ нимъ всѣ наши отношенія съ Польской эмиграціей? Кроткая личность старика Ворцеля, являвшаяся примиряющимъ началомъ при безпрерывно возникавшихъ недоразумѣніяхъ, исчезла, а недоразумѣнія остались. Частно, лично, мы могли любить того-другого изъ Поляковъ, быть съ ними близкими; но вообще, одинаковаго пониманія между нами было мало, и оттого отношенія наши были натянутыми, добросовѣстно неоткровенными. Договориться до одинаковаго пониманія было невозможно. Мы шли съ разныхъ точекъ. Идеалъ Поляковъ былъ за ними, они шли къ своему прошедшему и только оттуда могли продолжать свой путь. У нихъ была бездна мощей, а у насъ пустыя колыбели. Они ищутъ воскресенія мертвыхъ... Формы нашего мышленія, упованія—не тѣ; весь геній нашъ, весь складъ, не имѣетъ ничего сходнаго. Наше соединеніе съ ними казалось имъ то mésalliance'омъ, то разсудочнымъ бракомъ. Съ нашей стороны, было больше искренности, но не больше глубины: мы сознавали свою косвенную вину, мы любили ихъ отвагу. Что̀ они могли въ насъ любить? Что̀ уважать? Они переламывали себя, сближаясь съ нами. Во время Николаевскаго царствованія, мы болѣе сочувствовали другъ другу, чѣмъ знали другъ друга. Но когда окно немного пріотворилось, мы догадались, что насъ привели по разнымъ дорогамъ и что мы разойдемся по разнымъ. Послѣ Крымской кампаніи, мы радостно вздохнули, а ихъ наша радость оскорбила: новый воздухъ въ Россіи имъ напомнилъ ихъ утраты, а не надежды. У насъ новое время началось съ заносчивыхъ требованій, мы рвались впередъ,

готовые все ломать, а у нихъ — съ панихидъ и упокойнихъ молитвъ“ [207]).

Въ 1863 году, вслѣдствіе покушенія на жизнь графа Берга, произведены были обыски въ домѣ графа Андрея Замойскаго. При осмотрѣ его кабинета, обратила на себя вниманіе четвертушка прозрачной почтовой бумаги... Оказалось, что этотъ листокъ содержитъ въ себѣ проектъ Польскаго возстанія, подписанный Лудовикомъ Мирославскимъ и помѣченный 1-мъ марта 1861 года. Тамъ, между прочимъ, сказано: „Неизлѣчимымъ демагогамъ необходимо открыть клѣтку для полета за Днѣпръ. Пусть тамъ распространяютъ казацкую гайдамачину противъ Русскихъ поповъ, чиновниковъ и бояръ. Пусть агитація малороссіянизма переносится за Днѣпръ; тамъ обширное Пугачевское поле для запоздавшей числомъ хмѣльничевщины. Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа! Вотъ весь Польскій *герценизмъ!* Пусть онъ издали помогаетъ Польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности царизма. Это достойное и легкое ремесло для полу-Поляковъ и полу-Русскихъ, наполняющихъ нынѣ всѣ ступени гражданской и военной іерархіи въ Россіи. Пусть они обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ *для нашей и вашей свободы*; перенесеніе его въ предѣлы Польши будетъ однако считаться измѣной Отечеству и наказываться смертною казнію“.

По поводу этихъ строкъ Катковъ писалъ: „Трудно выразить болѣе полное и болѣе заслуженное презрѣніе Польскихъ патріотовъ къ своимъ союзникамъ, г.г. Герцену и К° со всею ихъ свитою“ [208]).

XXXVII.

Между тѣмъ, на сношеніе Тургенева съ Герценомъ обратили вниманіе въ Петербургѣ, и первому грозила серьезная непріятность. Въ тоже время Герценъ, съ своей стороны, дѣлалъ все, чтобы огорчать своего друга. Онъ, по свидѣтель-

ству В. П. Батуринскаго, упрекалъ Тургенева „въ дружбѣ съ богатымъ помѣщикомъ и реакціонеромъ Фетомъ, ставя ему въ вину, что другой его близкій пріятель, Анненковъ, печатается въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, несмотря на то, что въ немъ появляются такія статьи, какъ *Новые подвиги нашихъ Лондонскихъ агитаторовъ*, и т. п.

Тургеневъ отвѣчалъ Герцену слѣдующимъ ироническимъ письмомъ: „Гнѣвенъ же ты, любезный Александръ Ивановичъ, ужъ такъ гнѣвенъ, что и сказать нельзя! И въ концѣ письма поставилъ такое неразборчивое слово. Я рѣшилъ прочесть; за симъ кланяюсь, хотя по настоящему выходитъ: засимъ плююсь... П. В. Анненковъ, конечно, великій преступникъ, но что онъ, отдавая свою невинную статью *Русскому Вѣстнику*, въ началѣ года, не могъ съ достовѣрностью предвидѣть, что ее помѣстятъ въ концѣ года рядомъ съ виновной; наконецъ, ты вѣроятно смѣшалъ А. А. Фета, у котораго вовсе нѣтъ деревни, съ извѣстнымъ Англійскимъ богачемъ, Sir Feth'омъ, котораго, впрочемъ, никогда не существовало".

Самъ же подсудимый Анненковъ сообщаетъ Тургеневу о ходившемъ по Петербургу слухѣ, что Тургеневу грозитъ привлеченіе къ отвѣтственности за сношеніе съ Лондонскими „эмигрантами". Тургеневъ писалъ Анненкову по этому поводу: „Очень меня удивило, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, извѣстіе, сообщенное вашимъ письмомъ. Я убѣжденъ, что этотъ слухъ не имѣетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нелѣпъ. Вызвать меня теперь (въ Сенатъ), послѣ—*Отцовъ и Дѣтей*, послѣ бранчивыхъ статей молодого поколѣнія, именно теперь, когда я окончательно, чуть не публично разошелся съ Лондонскими изгнанниками, т.-е., съ ихъ образомъ мыслей,—это совершенно непонятный фактъ. Здѣсь мнѣ никто объ этомъ не говорилъ, никто, начиная съ нашего теперешняго посланника Будберга, съ которымъ я познакомился въ новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ, Киселевымъ, у котораго я обѣдалъ надняхъ. Разумѣется, если меня вы-

зовутъ, я немедленно поѣду, смѣшно даже прибавлять, со спокойной совѣстью; одно мнѣ будетъ непріятно — зимняя поѣздка, которая при моемъ нездоровьи, не представляетъ ничего отраднаго; да и дочь мнѣ здѣсь оставить не совсѣмъ весело... А все-таки я имѣю самонадѣянность думать, что мой образъ мыслей извѣстенъ и Государю, и правительственнымъ лицамъ у насъ... Неосмотрительнаго же или необдуманнаго поступка, какъ вы пишете, я за собой не знаю; вся моя жизнь, какъ на ладони, и скрывать мнѣ нечего".

Затѣмъ Тургеневъ извѣстилъ Анненкова о своемъ намѣреніи обратиться съ откровеннымъ письмомъ къ Государю, въ которомъ онъ намѣревался изложить дѣло „съ совершеннымъ чистосердечіемъ".

„Задача эта будетъ нетрудная",—писалъ Тургеневъ Анненкову,—„потому, что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи себѣ представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я — писатель, какъ я это представилъ самому Государю,— писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный; писатель, — и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаетъ со своимъ *тайнымъ приверженцемъ*, какъ вы, помнится, меня называли. Впрочемъ, я совершенно спокоенъ и буду спокойно ждать отвѣта; не могу также не сообщить вамъ, что баронъ Будбергъ (нашъ посланникъ) выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ съ самой лучшей стороны".

Тургеневъ писалъ Государю: „Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Уже два раза имѣлъ я счастье обращаться письменно къ Вашему Величеству и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно. Удостойте меня, Государь, и на этотъ разъ своего высокаго вниманія.

Сегодня я получилъ черезъ здѣшнее посольство предписаніе немедленно вернуться въ Россію. Сознаюсь, съ полной откровенностью, что не могу объяснить себѣ, чѣмъ я заслужилъ подобный знакъ недовѣрія. Образа мыслей своихъ я никогда не скрывалъ, дѣятельность моя извѣстна всѣмъ, предосудительнаго поступка я за собой не знаю. Я писатель, Ваше Величество, и больше ничего; вся моя жизнь выразилась въ моихъ произведеніяхъ, меня по нимъ судить должно. Смѣю думать, что всякій, кто только захочетъ обратить на нихъ вниманіе, отдастъ справедливнсть умѣренности моихъ убѣжденій, вполнѣ независимыхъ, но добросовѣстныхъ. Трудно понять, что въ то самое время, когда вы, Государь, обезсмертили свое имя совершеніемъ великаго дѣла правосудія и человѣколюбія, трудно понять, говорю я, какъ можетъ быть подозрѣваемъ писатель, который въ своей скромной сферѣ старался, по мѣрѣ силъ, способствовать тѣмъ высокимъ предначертаніямъ? Состояніе моего здоровья и дѣла, нетерпящія отлагательства, не позволяютъ мнѣ вернуться теперь въ Россію; а потому соблаговолите, Всемилостивѣйшій Государь, приказать выслать мнѣ запросные пункты; обѣщаюсь честнымъ словомъ отвѣчать на каждый изъ нихъ немедленно и съ полной откровенностью. Вѣрьте искренности моихъ словъ, Государь; къ вѣрноподданническимъ чувствамъ, которыя мой долгъ заставляетъ меня питать къ особѣ Вашего Величества, присоединяется личная благодарность“.

Въ то же время Тургеневъ писалъ и Герцену: „Начинаю съ того, что требую отъ тебя глубочайшей и ничѣмъ не нарушимой тайны. Можешь ли ты себѣ представить: меня, меня, твоего антагониста, требуютъ въ Россію. Каково?! Вѣдь это, наконецъ... юморъ! Я отвѣчалъ письмомъ Государю, въ которомъ прошу его велѣть мнѣ выслать допросные пункты. Если они удовлетворятся моими отвѣтами, тѣмъ лучше, — если нѣтъ, — я не поѣду и пусть лишаютъ меня чиновъ и т. д. Будбергъ, который въ этомъ дѣлѣ велъ себя какъ нельзя лучше, увѣряетъ, что это кончится ничѣмъ.

Онъ выразилъ сильное негодованіе, самъ написалъ Долгорукову и т. д.“.

„Дѣло это“,—по замѣчанію В. П. Батуринскаго,—„причинившее Тургеневу столько хлопотъ и огорченій, закончившись благополучно въ Сенатѣ, было подвергнуто пересмотру въ *Колоколѣ*, и тамъ была напечатана язвительная замѣтка, въ которой Тургеневъ обвинялся въ позорной трусости и чуть ли не въ предательствѣ“.

Оскорбленный Тургеневъ писалъ Герцену: „Я долгое время колебался, вернувшись изъ Россіи, писать ли тебѣ по поводу замѣтки въ *Колоколѣ* о *сѣдой Магдалинѣ изъ мужчинъ, у которой отъ раскаянія выпали зубы и волосы* и т. д., Признаюсь, эта замѣтка, явно относившаяся ко мнѣ, огорчила меня. Что Бакунинъ, занявшій у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе—(другихъ онъ погубилъ вовсе)—что Бакунинъ, говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и грязныя клеветы,—это въ порядкѣ вещей—и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожидалъ. Но я не полагалъ, что ты точно такъ же пустишь грязью въ человѣка, котораго зналъ чуть не двадцать лѣтъ, потому только, что онъ разошелся съ тобой въ убѣжденіяхъ... Если бы я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, вѣроятно, убѣдился, что ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться; я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости вспоминаю я эти отвѣты, которые, несмотря на тонъ, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моимъ судьямъ. Что же касается до письма къ Государю, которое ты представилъ въ столь гнусномъ видѣ, то вотъ оно *). Да, Государь, который не зналъ меня вовсе, все-таки понялъ, что имѣетъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ, и за это

---

*) См. выше, стр. 247. *Н. Б.*

моя благодарность къ нему еще увеличилась; а старинные друзья, которые, кажется, могли хорошо меня знать, не усомнились приписать мнѣ подлости и разгласить это печатно. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ прежнимъ Герценомъ, я бы не сталъ тебя просить не употреблять моего довѣрія во зло и тотчасъ же уничтожить это письмо; но ты самъ спуталъ мои понятія о тебѣ, и я прошу тебя не надѣлать мнѣ новыхъ непріятностей; довольно и старыхъ. Впрочемъ, самое это письмо доказываетъ, что мои чувства къ тебѣ не совсѣмъ исчезли; Бакунина я бы не удостоилъ полусловомъ".

„Незадолго передъ разрывомъ съ Тургеневымъ,—пишетъ В. П. Батуринскій, — Герценъ разошелся по Польскому вопросу и съ другимъ старымъ пріятелемъ своимъ, Кавелинымъ. Разошелся же и съ И. С. Аксаковымъ и съ Ю. Ѳ. Самаринымъ"...

„Несчастная Польша и несчастные Поляки"! — писалъ Кавелинъ баронессѣ Раденъ (9 сентября 1862 г.).—„Чѣмъ они глубже пали, тѣмъ больше мое сердце болитъ за нихъ, и вы, какъ женщина съ сердцемъ, не можете этого не понимать. Они проходятъ теперь страшную минуту! Теперь рѣшается для нихъ вопросъ: быть или не быть, потому что, очевидно, не тотъ народъ имѣетъ будущность, который умѣетъ храбро умирать въ битвахъ, на висѣлицѣ и въ каторгѣ, а тотъ, который умѣетъ переродиться и вынести реформу!.. Высшіе классы висятъ, и въ Царствѣ, и въ Литвѣ, на воздухѣ... Народъ въ Польшѣ вѣритъ только въ Царя и ни въ кого больше... Для меня вопросъ Польскій особенно интересенъ по глубокой его связи съ Русскими вопросами и съ будущностью Россіи" [209]).

XXXVIII.

Мы уже знаемъ, что въ концѣ 1862 года, подагра задержала князя А. И. Барятинскаго въ Вильнѣ. Это вынужденное уединеніе тѣмъ болѣе было для него тягостно, что

Россія переживала тогда тяжелое время. Студенческіе безпорядки, страшные пожары, явное усиленіе анархическихъ идей, безпорядки въ Польшѣ, принимавшіе все болѣе и болѣе угрожающій характеръ... Такой пламенный патріотъ, какъ князь Барятинскій, могъ ли равнодушно относиться къ подобному положенію дѣлъ... Не взирая на физическія страданія, онъ, 21 ноября 1862 года, написалъ слѣдующее письмо къ Государю: „Два прошедшіе года дали много такихъ явленій на политическомъ горизонтѣ Европы и такъ много указаній въ будущемъ, хотя, быть можетъ, еще и отдаленномъ, къ совершенному измѣненію системъ государственнаго устройства, что я, по долгу вѣрноподданнаго и чувству преданности моей къ вамъ, счелъ для себя обязанностію не ограничиваться однимъ только наблюденіемъ совершившихся событій и готовящихся преобразованій, но изыскивать и привести въ систему тѣ средства, принятіе и развитіе которыхъ, по моему мнѣнію, обезпечило бы вашу Имперію отъ наплыва анархіи съ Запада. Посему, прибывъ къ вамъ, Государь, въ іюлѣ прошлаго года, я изложилъ Вашему Величеству свои предположенія о возстановленіи независимой Польши и о поставленіи Россіи во главѣ Славянскаго движенія. Ваше Величество, удостоивъ выслушать мой докладъ по сему предмету, повелѣли мнѣ совѣщаться объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми государственными сановниками. Мнѣ казалось, что въ этихъ совѣщаніяхъ, соглашаясь съ истиною моихъ мыслей, они затруднялись, однако, въ принятіи иниціативы такого знаменательнаго дѣла. Послѣ первыхъ совѣщаній, и Ваше Величество уже не возобновляли со мною разговоровъ до отъѣзда вашего въ Крымъ и на Кавказъ; но тогда, Государь, вы соблаговолили ясно замѣтить, что рѣшились остаться при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, свято ихъ сохраняя. Затѣмъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я счелъ долгомъ письменно заявить Вашему Величеству свои мысли по тому же предмету, и смѣлость, съ которою я рѣшился вновь безпокоить васъ, Государь, дѣломъ, повидимому вами уже рѣшеннымъ, была слѣдствіемъ созна-

нія моего болѣзненнаго состоянія, которое, быть можетъ, вскорѣ и не позволило бы мнѣ исполнить священную обязанность изложенія обстоятельствъ, могущихъ, по моему мнѣнію, имѣть роковое вліяніе на судьбы Россіи. Годъ прошелъ съ того времени, и дѣла пошли такъ, что нельзя ручаться за дальнѣйшее продолженіе настоящаго порядка вещей. Движеніе элементовъ возстановленія національностей и измѣненія нынѣшнихъ формъ государственнаго управленія и самихъ династій охватило Италію, земли Славянскія и Грецію; паденіе Бурбоновъ въ Неаполѣ, возстаніе Черногоріи и дѣла Сербскія не могли не отразиться въ Польшѣ и нашихъ западныхъ провинціяхъ, а можетъ быть и во всей Россіи. Въ тотъ же періодъ времени, по указаніямъ Вашего Величества, былъ предпринятъ рядъ мѣръ, клонившихся къ развитію благосостоянія Польши, и съ этою цѣлью произведены коренныя реформы во всемъ управленіи Царства, и притомъ на началахъ либеральныхъ, вполнѣ долженствовавшихъ удовлетворить требованіямъ націи; въ заключеніе же этихъ реформъ, и какъ бы въ залогъ монаршаго довѣрія къ Полякамъ, великій князь Константинъ Николаевичъ является въ Варшавѣ, какъ намѣстникъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества. Но, ни высокое довѣріе ваше, ни совершившіяся преобразованія въ управленіи Царствомъ не удовлетворяютъ Поляковъ; положеніе западныхъ губерній не измѣнилось, и вопросъ возстановленія національностей до такой степени искаженъ, что автономія Царства немыслима уже безъ Литвы, Волыни, безъ Кіева и чуть ли не безъ Смоленска, Малороссіи и даже Одессы. Такимъ образомъ, пагубныя идеи начинаютъ охватывать наши предѣлы, и мѣры противу того, казавшіяся годъ назадъ достаточными и удовлетворяющими національнымъ требованіямъ Поляковъ, теперь совершенно ничтожны; послѣдніе полтора года поставили Россію, относительно политическаго движенія Польши и западныхъ губерній, почти въ безвыходное положеніе. Такъ называетъ его общій голосъ, и такимъ оно останется

до радикальнаго разрѣшенія въ ту или другую сторону. Вы, Государь, согласитесь, что такой приговоръ общественнаго мнѣнія съ избыткомъ достаточенъ, чтобы каждый вѣрноподданный Вашего Величества обратилъ всѣ способности, всю энергію своихъ мыслей къ выходу изъ настоящаго положенія. Медлить далѣе, кажется, будетъ большой ошибкой, ибо движеніе этого вопроса, соединившагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ вопросомъ о династіяхъ, быстро направляется и къ намъ. Съ сознаніемъ своихъ обязанностей и преданный Вашему Императорскому Величеству и всей Августѣйшей фамиліи вашей, я посвятилъ пребываніе свое, по болѣзни, въ Вильнѣ, размышленіямъ о всемъ вышеизложенномъ, и мысли свои по этому предмету считаю долгомъ совѣсти повергнуть на благовоззрѣніе ваше, Государь. Въ послѣднее время, Русская Литература довольно пространно обсуждала вопросъ возстановленія Царства въ извѣстныхъ границахъ и притязанія Поляковъ на включеніе въ эти границы Литвы, Подоліи, Волыни и даже Кіева. Самыя логическія разсужденія, подкрѣпленныя Исторіею, ничего не могли сдѣлать: или Поляки не читаютъ ихъ, или же умы ихъ стали выше пониманія истины и только преданы восторженному созерцанію совершившихся возлѣ нихъ, на Юго-Западѣ, фактовъ, измѣняющихъ границы государствъ и политическое устройство ихъ. Нельзя не предполагать, чтобы на эти событія не возлагались всѣ надежды Поляковъ, видящихъ недавніе примѣры, что совершившійся фактъ въ измѣненіи политическаго государственнаго устройства легко признается даже первоклассными державами. Въ виду такого настроенія умовъ и совершающихся событій, безсильны всѣ попытки Литературы, всѣ историческіе доводы. Движенію, родившемуся и постоянно укрѣпляющемуся на примѣрахъ совершившихся фактовъ, можно съ успѣхомъ противопоставить только равносильное. Такимъ событіемъ, могущимъ парализовать слишкомъ широкія притязанія Поляковъ, было бы, смѣю думать, перенесеніе резиденціи Вашего Величества въ Кіевъ, въ сей, по спра-

ведливому выраженію Жуковскаго, пращуръ Русскихъ городовъ. Такой фактъ не можетъ быть не признанъ послѣдовательнымъ. Онъ доказалъ бы всѣмъ на дѣлѣ, что Кіевъ столица Россіи и всѣ притязанія на него ни что иное, какъ бредни умовъ, незнакомыхъ съ Исторіею, но увлеченныхъ наитіемъ идей Запада. И эти идеи, и эти бредни, и самое движеніе Славянъ, все остановится передъ неожиданнымъ событіемъ—перенесеніемъ вашей столицы въ Кіевъ, какъ бы въ ожиданіи великихъ указаній къ дальнѣйшему развитію, направленію и упроченію идей либерально-благодѣтельнаго государственнаго устройства и политическаго возстановленія всѣхъ Славянскихъ національностей. Такимъ образомъ, придется уже не принимать на себя тяжелый толчокъ движенія сего, а, ставъ навстрѣчу, дать ему истинное направленіе. Этимъ только путемъ, полагаю, и могутъ рѣшиться въ монархическомъ смыслѣ вопросы автономіи не только различныхъ земель Славянскихъ, но и прочихъ народностей. Рѣшимость Вашего Величества стать на сторону моего предложенія и приведенія его въ исполненіе явитъ вамъ, Государь, слѣдующія послѣдствія. Государь Россійскій сдѣлается опять ближайшимъ сосѣдомъ всѣхъ Славянскихъ племенъ и легко можетъ возстановить угасающую нынѣ надежду Славянъ на Россію. Отдавая Кіеву долгъ, вы явите тѣмъ примѣръ исторической справедливости: самыя нынѣ безпокойныя партіи въ Россіи получатъ удовлетвореніе лучшихъ своихъ желаній и направятъ тогда свою дѣятельность къ развитію и осуществленію видовъ Вашего Величества; государство покроется новыми путями сообщенія, а отсюда развитіе народнаго благосостоянія и пріобрѣтеніе милліоновъ благодарныхъ сердецъ. А когда, Государь, ваше рѣшеніе будетъ имѣть столько сторонниковъ и фактовъ за себя, то никакія усилія ума человѣческаго не докажутъ, что Литва, Волынь и Подолія не принадлежатъ Россіи; тогда и Польша возстановится, уже по волѣ Вашего Величества, въ границахъ историческихъ, и станетъ сама подъ высокій протек-

торатъ вашъ. Утвердивъ такимъ образомъ политическое значеніе ваше, какъ главы царствующей въ Россіи династіи, упроченіе которой является необходимымъ слѣдствіемъ всего мною высказаннаго, вы, Государь, свободно и спокойно предадитесь развитію, столь близкаго вашему сердцу, благоустройства Богомъ ввѣренной вамъ Монархіи. Я постигаю вполнѣ ту смѣлость, съ которою высказалъ Вашему Величеству свое мнѣніе, быть можетъ, вами совершенно не раздѣляемое; но моею рѣшимостью руководило одно желаніе блага моему Отечеству и величія моему Государю. Одержимый неизлѣчимою болѣзнію, а вслѣдствіе того не слишкомъ разсчитывая на будущее для болѣе тщательной обработки моихъ мыслей, я излагаю ихъ только что родившимися, безъ прикрасъ, развитія и отдѣлки въ мелочахъ. Если все, что я сказалъ сегодня, противно вашимъ собственнымъ взглядамъ, то простите, Государь, что считаю для себя священнымъ долгомъ всѣ мои убѣжденія откровенно повергать на воззрѣніе ваше“.

XXXIX.

Наканунѣ Польскаго мятежа 1863 года, въ Петербургѣ (въ 1862 года) вышла книга, подъ заглавіемъ: *Неизданыя Сочиненія и Переписка Н. М. Карамзина*. Любопытна судьба, постигшая эту книгу въ Русской Литературѣ того времени.

Книжка эта вышла въ свѣтъ, когда въ обществѣ и Литературѣ господствовали тѣ, которые, по древнему слову Филлиппа митрополита Московскаго и всея Руси, *льстятъ сердца незлобивыхъ и посреди мирнующихъ вводятъ неправду и нелѣпую ярость*.

Погодинъ, извѣщая Шевырева о появленіи этой книги, писалъ ему: „Вышли письма Карамзина къ Царскому Дому и приняты съ великимъ пренебреженіемъ. Ожидаются ругательства“.

Одни журналы, какъ напримѣръ, *Отечественныя Записки*, *Современникъ*, *Русскій Вѣстникъ*, *День*, объ ней вовсе промолчали. *Московскія Вѣдомости*, издаваемыя въ то время В. Ѳ. Коршемъ, ограничились краткимъ библіографическимъ извѣстіемъ. Только два Петербургскіе журнала *Время* и *Русское Слово*, обрушились на *Неизданныя Сочиненія Н. М. Карамзина* „ругательствами“.

Нужно замѣтить, что въ концѣ 1860 года, въ С.-Петербургѣ, основался органъ С.-Петербургскихъ славянофиловъ, Достоевскаго, Страхова и другихъ, журналъ литературный и политическій, подъ заглавіемъ *Время.* 20 октября 1860 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Являются еще новые журналы... *Время*—Достоевскаго. Программа послѣдняго списана какъ будто съ *Москвитянина*... А насъ ругали за то, что мы говорили это двадцать лѣтъ назадъ“.

И. С. Аксаковъ отнесся тогда весьма несочувственно къ проявившемуся Петербургскому славянофильству и въ своемъ *Днѣ* писалъ: „Въ послѣднее время Санктпетербургская Литература стала очень много толковать о національномъ принципѣ, о народности; нѣкоторые ея органы славянофильничаютъ напропалую, а молодые Санктпетербуржцы щеголяютъ въ красныхъ рубашкахъ и поддевкахъ. Вы бы очень ошиблись, читатель, еслибъ вывели изъ того заключеніе, что Санктпетербургъ протестуетъ самъ противъ себя, противъ своего принципа... Санктпетербуржцы обезьянничаютъ, передразниваютъ Русскихъ и рядятся въ Русскіе зипуны и охабни, и будетъ *послѣдняя лэсть горша первыя*“.

Почтенный Н. А. Мельгуновъ назвалъ *Время* Достоевскаго „ублюдкомъ славянофильства съ чернышевчиной“.

Вотъ въ этомъ-то Петербургскомъ славянофильствующемъ журналѣ *Время* и была напечатана статья, подъ заглавіемъ: *Карамзинъ. Неизданныя Сочиненія и Переписка.*

Анонимный авторъ этой статьи, не вступая въ разборъ названной книги, и даже мало обращая на нее вниманіе, предлагаетъ своимъ читателямъ краткій очеркъ жизни и дѣятель-

ности Карамзина, въ которомъ хотя и признаетъ, что онъ „стоялъ выше своихъ современниковъ по уму и образованію“, но вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваетъ въ его жизни и дѣятельности какія-то противорѣчія, трудно согласимыя. „Владѣя огромными умственными силами,—пишетъ анонимный авторъ,—этотъ человѣкъ не сумѣлъ понять великое движеніе конца прошлаго столѣтія и не подалъ руки тому прогрессивному движенію Русской государственной жизни, во главѣ котораго тогда стоялъ Сперанскій“.

Далѣе, въ этомъ *Очеркѣ* замѣчается, что Карамзинъ, „часто толкуя на словахъ и въ письмахъ о своемъ гражданскомъ мужествѣ, совершенной честности, этотъ человѣкъ нерѣдко пускается въ такую лесть, что невольно приходишь въ изумленіе“...

Достается отъ Петербургскаго славянофила и несчастнымъ „панегиристамъ“ Карамзина, которыхъ вина состояла въ томъ, что они „потрудились много для его прославленія“, и что будто бы „на ихъ усердіе въ этомъ отношеніи имѣли вліяніе особыя обстоятельства: Карамзинъ былъ другъ и пріятель первыхъ государственныхъ сановниковъ и Императорскимъ исторіографомъ“.

Упомянувъ объ отношеніяхъ Карамзина къ Аракчееву и о полученіи первымъ статскаго совѣтника, Анны первой степени и шестидесяти тысячъ рублей на изданіе *Исторіи Государства Россійскаго*, авторъ Очерка, неизвѣстно на какомъ основаніи, утверждаетъ, что дальнѣйшая жизнь Н. М. Карамзина тянулась какъ-то уныло и однообразно. Избравъ своимъ мѣстопребываніемъ, по приглашенію Государя, Царское Село, Карамзинъ доканчивалъ свой трудъ. Какъ видно, придворная жизнь пришлась ему по вкусу... Онъ жилъ окруженный почетомъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ лицами Императорскаго Дома. Реакція коснулась его очень сильно. И немудрено. Трудно и не такому человѣку, каковъ Карамзинъ, удержаться противъ напора извѣстныхъ

понятій, жить и вращаться въ извѣстной средѣ, не усвоивъ ея духа и не вошедши во вкусъ ея стремленій".

Сказавъ это, авторъ Очерка съ снисходительностію оговаривается: „Впрочемъ, реакція въ Карамзинѣ не была тупымъ противодѣйствіемъ всѣмъ живымъ человѣческимъ стремленіямъ", что и въ Карамзинѣ, „по временамъ, сквозь ученаго и придворнаго, пробивался человѣкъ, по временамъ заговаривало и въ немъ человѣческое чувство! Но, разумѣется, прежде всего и болѣе всего онъ прилаживался къ обстоятельствамъ"...

Какъ и слѣдовало ожидать, еще свободнѣе, безцеремоннѣе отнесся къ Карамзину, заведенный на средства графа Г. А. Кушелева-Безбородко, органъ извѣстнаго Писарева, Благосвѣтлова и К°, журналъ политическій и литературный, подъ заглавіемъ *Русское Слово*.

„Чего только", —восклицаетъ рецензентъ этого журнала,— „не вошло въ эту книгу: и дѣловыя бумаги, и выписки изъ записной книжки, и матеріалы, и замѣтки. Въ этой интересной рубрикѣ не достаетъ только обѣденныхъ карточекъ и счетныхъ записокъ... И все это, конечно, по мнѣнію издателя, должно пролить новый свѣтъ на характеръ Карамзина. Изъ чисто-литературныхъ произведеній его мы находимъ здѣсь *Мысли въ саду Павловскомъ* (1816), въ которыхъ собственно нѣтъ никакой мысли, кромѣ общихъ риторическихъ фразъ, напоминающихъ пухленькія лирическія мѣста *Бѣдной Лизы*. Далѣе встрѣчается стихотвореніе, посвященное Луизѣ *), въ день ея рожденія 13 января, при врученіи ей подарка. Рецензентъ иронически рекомендуетъ эти стихи М. Н. Лонгинову, „какъ новый историческій фактъ, свидѣтельствующій о присутствіи поэтическаго дара въ Карамзинѣ, даже на старости его лѣтъ".

Обращаясь къ главному отдѣлу книги, гдѣ помѣщены *Бумаги для моихъ сыновей*, рецензентъ *Русскаго Слова* оста-

---

*) Императрица Елизавета Алексѣевна. *Н. Б.*

навливаетъ вниманіе на *Мнѣніи Русскаго Гражданина* и толкуетъ, что въ этомъ *Мнѣніи* является Карамзинъ публицистомъ, совѣтующимъ Александру 1-му не возстановлять Польши, не увлекаться христіанскимъ либерализмомъ въ ущербъ патріотическому чувству, что свободный публицистъ оказался гораздо консервативнѣе своего монарха", но что *Мнѣніе* Карамзина „не имѣло ни малѣйшаго вліянія на рѣшимость Государя, потому что возстановленіе Польши было предметомъ задушевной его мечты еще нѣсколько лѣтъ послѣ этой записки".

За тѣмъ, рецензентъ глумится надъ заботою Карамзина о „безсмертіи своего имени", и пишетъ: „Съ какимъ неподражаемымъ кокетствомъ Симбирскаго дворянина онъ поручаетъ себя грядущему поколѣнію, рекомендуя ему *гражданское мужество*"!

Далѣе, рецензентъ укоряетъ Карамзина, что онъ, „въ продолженіе всего царствованія императора Александра, стоялъ на стражѣ ретроградной партіи, осуждавшей предпріятія людей, подобныхъ Сперанскому, людей, надъ которыми носился духъ новаго времени... Когда, напримѣръ, заходила рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, Русскій гражданинъ и дворянинъ вовсе не раздѣлялъ мнѣнія Шторха и другихъ", и пр.

Въ заключеніе, оракулъ изрекаетъ, что „умственныя способности Карамзина были самыя обыкновенныя; въ нихъ не было ни творческихъ элементовъ, ни зоркаго и энергическаго взгляда на вещи. Карамзинъ не могъ произвести никакого переворота въ области мысли или искусства; ему былъ противенъ разрушительный скептицизмъ и холодная сатира", и что „*Исторія Государства Россійскаго* давно потеряла свое значеніе, какъ патріотическая пропаганда" и пр., и пр., и пр.

Вотъ такія-то идеи у насъ открыто проповѣдывались и проникали въ школы и въ сердца довѣрчиваго юношества. А кто виноватъ?

Изъ всѣхъ органовъ тогдашней печати только скромный

Современный Листокъ, еженедѣльная газета, издаваемая А. Поповицкимъ, съ уваженіемъ отнесся къ *драгоцѣнной для Россіянъ памяти,* по поводу выхода въ свѣтъ *Неизданныхъ Сочиненій и Переписки.* Тамъ сказано: „Въ Карамзинѣ мы видимъ правдиваго, честнаго и прямого человѣка, который не задумывался говорить правду въ глаза и задѣвать такіе вопросы, о которыхъ десятки другихъ, находясь въ его положеніи, разсудили бы за лучшее помолчать. Изъ признанія его видно, что онъ, въ качествѣ близкаго человѣка къ Царю, не былъ пассивнымъ зрителемъ современныхъ ему неустройствъ нашего государственнаго быта. „Я не безмолвствовалъ",—говорилъ онъ, — „о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣщенія . . . . . . , о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные" [210]).

XL.

Въ 1862 году, Государь не счелъ возможнымъ ѣхать ни за границу, ни въ Крымъ, но, въ продолженіе іюля, совершилъ вмѣстѣ съ Императрицею путешествіе по Балтійскому краю.

Въ субботу, 7 іюля, въ 10-ть утра, Августѣйшіе путешественники выѣхали изъ Петербурга по Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ. Въ 4 съ половиною часа, прибыли въ Псковъ, гдѣ на станціи желѣзной дороги былъ обѣдъ. Кромѣ лицъ свиты, къ столу приглашены были чрезвычайный посланникъ при Прусскомъ Дворѣ баронъ Будбергъ, отправлявшійся въ Варшаву генералъ адъютантъ баронъ Рамзай, главноуправляющій Путями Сообщенія и Публичными Зданіями генералъ-адъютантъ Чевкинъ, начальникъ желѣзныхъ дорогъ генералъ майоръ баронъ Дельвигъ, генералъ-майоръ Путей Сообщенія Даненштернъ,

Псковскій гражданскій губернаторъ и тамошній предводитель Дворянства. Встрѣча въ Псковѣ была восторженная: городской голова съ депутатами отъ жителей поднесъ хлѣбъ-соль. Толпа была непроходима. Отобѣдавъ во Псковѣ, Ихъ Величества прибыли къ вечеру въ Динабургъ; крѣпость и форштаты были иллюминованы, у дебаркадера стояло множество народа, который потомъ бѣжалъ за экипажемъ до самого комендантскаго дома. На другой день, утромъ, Государь произвелъ смотръ находящимся въ Динабургѣ войскамъ.. За тѣмъ, отслушавъ литургію въ крѣпостномъ соборѣ, Ихъ Величества отправились, въ 11 часовъ утра, въ дальнѣйшій путь по Рижско-Динабургской желѣзной дорогѣ. Въ Кокенгузенѣ Августѣйшіе путешественники были встрѣчены собравшимся тамъ Дворянствомъ Лифляндской губерніи, приготовившимъ великолѣпный пріемъ. Ихъ Величества остановились въ помѣщицьемъ домѣ фамиліи Кампенгаузенъ, гдѣ было общее представленіе съѣхавшихся дворянъ и дамъ и былъ устроенъ большой обѣдъ, удостоенный присутствіемъ Ихъ Величествъ. Послѣ обѣда предполагались: прогулка по живописному помѣстью Кокенгузенъ, иллюминація и фейерверкъ, но дождь много помѣшалъ празднеству. 9 числа, послѣ утренней прогулки въ Кокенгузенскомъ саду, Ихъ Величества отправились въ дальнѣйшій путь и въ половинѣ 2-го по-полудни прибыли въ Ригу. На станціи желѣзной дороги они были встрѣчены начальствомъ, дворянами и горожанами; отъ вагона до экипажа стояло сорокъ дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ корзинами, наполненными цвѣтами, которые онѣ бросали при проходѣ Ихъ Величествъ. Невдалекѣ отъ дебаркадера желѣзной дороги были устроены большіе тріумфальные ворота, украшенные зеленью, цвѣтами и флагами; всѣ дома были убраны флагами, вѣнками и коврами. Кавалерійскій отрядъ съ музыкой провожалъ экипажъ до собора [211]).

При вступленіи въ соборъ, архіепископъ Рижскій Платонъ привѣтствовалъ Государя слѣдующимъ словомъ: „Какъ дѣти радуются свиданію съ любимымъ отцемъ ихъ, такъ мы

всегда радовались твоему прибытію къ намъ; а теперь, когда ты, державный отецъ нашъ, благоволилъ посѣтить насъ купно съ любезнѣйшею супругою твоею, нашею матеріею, Царицею, мы чувствуемъ сугубую радость, которой не можемъ вполнѣ выразить. Государь! Мы живемъ на рубежѣ твоей Имперіи; но наша преданность тебѣ не имѣетъ границъ. Мы принадлежимъ къ числу младшихъ сыновъ въ великой семьѣ твоихъ народовъ, но любимъ тебя неменьше старшихъ братій. Мы скудны, не имѣемъ общественныхъ даровъ, достойныхъ тебя: прими же въ даръ наши сердца, которыя мы приносимъ тебѣ съ пламеннымъ желаніемъ, да благословитъ Господь тебя и Августѣйшую спутницу твою во всѣхъ путяхъ вашей жизни, да поможетъ Онъ тебѣ успѣшно совершить всѣ твои дѣла и намѣренія ко благу Россіи и да воздастъ тебѣ сторицею за тѣ великіе труды и безпокойства, которые ты подъемлешь, устрояя наше благоденствіе! Государь! мы знаемъ, что недавнія событія въ твоихъ столицахъ огорчили твое сердце, и преискренно сочувствуемъ тебѣ. Но, болѣзнуя о томъ, что печалитъ всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи, мы имѣемъ утѣшеніе въ тебѣ: въ чемъ-же ты найдешь его?... Твое утѣшеніе въ Богѣ-Промыслителѣ, Который хранитъ царей, яко зеницу ока, и въ благотворно великихъ дѣлахъ твоихъ. Ты нѣкогда прекратилъ грозную брань, тяготившую наше Отечество, и оградилъ насъ вожделѣннымъ миромъ. Ты избавилъ милліоны братій нашихъ отъ рабства человѣкамъ и призвалъ ихъ въ свободу чадъ Божіихъ. Ты даешь Россіи лучшее во всемъ устройство и вводишь ее въ новую жизнь, болѣе сообразную съ тысячелѣтнимъ ея возрастомъ, нынѣ совершающимся. За такія дѣянія подобаютъ тебѣ вѣчная хвала и благословеніе не отъ людей токмо, но и отъ Бога. Радуйся и веселися: мзда твоя многа на небесѣхъ. А ты, Рижская паства, красуйся и ликуй! Се Царь твой грядетъ къ тебѣ кротокъ и предста Царица одесную его. Срѣтай съ любовію помазанниковъ Божіихъ и отъ души моли Всевышнаго: Господи, спаси Царя и Царицу, даруй

имъ здравіе и миръ душевный, храни ихъ въ благоденствіи со всѣмъ Августѣйшимъ ихъ родомъ“ [212])!

Къ обѣденному столу были приглашены, сверхъ особъ свиты, генералъ губернаторъ баронъ Ливенъ и комендантъ. Послѣ обѣда Государь съ Императрицею катались въ экипажѣ по городу, а въ 10 часовъ вечера, посѣтили балъ, данный горожанами въ зданіи Биржи. 10 іюля, въ 10 утра, Ихъ Величества изволили выѣхать изъ Риги въ Митаву. На разстояніи двадцати верстъ, въ Курляндской губерніи, разставлены были по обѣимъ сторонамъ большой дороги крестьяне и крестьянки съ вѣнками и гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ были выстроены тріумфальныя арки. Въ Митавѣ Ихъ Величества остановились въ замкѣ, въ квартирѣ генералъ-губернатора, и въ 2 по-полудни изволили принимать Дворянство, Духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, а затѣмъ осматривали царскіе покои въ замкѣ и герцогскія гробницы. Въ 4 съ половиною часа, Ихъ Величества присутствовали на обѣдѣ, данномъ Дворянствомъ, въ Рыцарскомъ Домѣ, и въ 7 вечера изволили отправиться обратно въ Ригу, гдѣ ихъ встрѣтили иллюминаціей, а въ 11 часовъ вечера, была устроена серенада отъ Общества Liedertafel. Утромъ 11 числа, Ихъ Величества отправились въ Зегевольде, имѣніе, принадлежащее оберъ-церемоніймейстеру графу Борху, гдѣ имѣли обѣденный столъ. Послѣ обѣда они ѣздили въ Кроненбергъ и въ Кремонъ, имѣніе Лифляндскаго губернскаго предводителя князя Ливена *), гдѣ были устроены: гулянье, иллюминація, фейерверкъ, концертъ и ужинъ. Ночевавъ въ Кремонѣ, Ихъ Величества, послѣ утренней прогулки въ Кремонскомъ саду, посѣтили близъ-лежащее имѣніе Шлоссъ-Трейденъ, извѣстное по своему живописному положенію и были въ тамошней православной церкви. Вече-

---

*) Оба имѣнія, Зегевольде и Кремонъ, находятся въ такъ называемой Лифляндской Швейцаріи, на окраинахъ живописной долины рѣки Аа, и лежатъ одно противъ другого: Кремонъ на правомъ, а Зегевольде—на лѣвомъ берегу рѣки.

ромъ того же дня Августѣйшіе путешественники прибыли обратно въ Ригу, гдѣ вторично встрѣчены были торжественною иллюминаціей. На другой день, 13 числа, Ихъ Величества изволили осматривать Рижскій замокъ, церкви св. Петра и св. Іакова, Домъ Черноголовыхъ, зданіе большой гильдіи, домъ дворянскаго собранія и царскій садъ. Къ обѣденному столу Ихъ Величествъ, въ 5 часовъ по-полудни, были приглашены, кромѣ особъ свиты, начальники всѣхъ частей и почетныя лица. Вечеромъ Ихъ Величества отправились на ночлегъ на императорскій пароходъ Штандартъ, на которомъ, 14 числа, въ 3 часа утра, изволили отбыть изъ Риги въ Либаву. По случаю сильной бури, пароходъ не могъ войти въ Либавскій портъ 14 числа, и потому Ихъ Величества прибыли въ Либаву только 15 іюля, въ 9 часовъ утра. Здѣсь Августѣйшіе путешественники были встрѣчены великими князьями, Александромъ и Владиміромъ Александровичами, князьями Сергіемъ и Георгіемъ Максимиліановичами и княжнами Маріею и Евгеніею Максимиліановнами, членами Дворянства и Духовенства и городскими представителями. Ихъ Величества остановились въ домѣ консула Шнобеля. Послѣ обѣденнаго стола, въ 7 часовъ вечера, Дворянствомъ устроенъ былъ близъ павильона народный праздникъ, на который собралось до шестисотъ крестьянъ обоего пола. Государь и Императрица два раза обошли столы, за которыми были угощаемы крестьяне, и изволили со многими изъ нихъ разговаривать. Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ.

Пребываніе Ихъ Величествъ въ Либавѣ было непрерывнымъ рядомъ празднествъ. По случаю высочайшаго посѣщенія, въ Либаву съѣхалось много окрестныхъ дворянъ, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать пребываніе въ этомъ городѣ возможно пріятнымъ для Августѣйшихъ посѣтителей. Во вторникъ и пятницу 17 и 20 іюля, устроены были для Государя двѣ охоты, первая на дикихъ козъ, вторая—на тетеревей. Въ пятницу, 20 іюля, вечеромъ, въ зданіи Ратуши,

устроенъ былъ базаръ въ пользу Либавскаго Сиротскаго Дома. Ихъ Величества и Ихъ Высочества осчастливили этотъ благотворительный праздникъ своимъ присутствіемъ, и благодаря тому, сборъ денегъ превзошелъ всякое ожиданіе и простирался до 1700 рублей. Въ субботу, 21 числа, данъ былъ Дворянствомъ праздникъ въ общественномъ паркѣ, въ верстѣ отъ города. Павильонъ, въ которомъ танцовали, былъ убранъ цвѣтами, которыми были обвиты всѣ люстры, канделябры, а въ большой залѣ красовался щитъ съ вензелями А. и М.

22 іюля, въ день тезоименитства Императрицы, городъ принялъ особенно радостный видъ, погода была ясная и теплая, дома украсились свѣжею зеленью, и все населеніе наполняло улицу около дома, гдѣ жили Августѣйшіе гости. Въ 10 ч. утра, городскія жены пропѣли поздравительный гимнъ въ саду у Императрицы, а въ 11 часовъ совершена была литургія въ православной церкви. Послѣ обѣдни былъ завтракъ для свиты, а въ 4 часа обѣденный столъ, къ которому, кромѣ особъ свиты, приглашено было нѣсколько почетныхъ лицъ. Вечеромъ предполагалось устроить праздникъ на берегу моря, къ которому приглашены были всѣ участвовавшіе въ загородномъ вечерѣ 21 іюля. Но погода внезапно измѣнилась; съ моря подулъ вѣтеръ, нагнавшій сильный дождь, и праздникъ былъ отмѣненъ.

28 іюля было послѣднимъ днемъ пребыванія Ихъ Величествъ въ Либавѣ. Въ этотъ день, послѣ обѣдни, въ 10 часовъ утра, Ихъ Величества выѣхали изъ Либавы, и къ 10 часамъ вечера прибыли въ Митаву, а 29 іюля, въ 10 утра, благополучно возвратились въ С.-Петербургъ [213]).

Подъ этимъ числомъ В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Государь возвратился сегодня въ Петергофъ изъ путешествія съ Императрицею по Балтійскимъ губерніямъ. Ихъ принимали тамъ отлично. Предводитель Ливонскаго (кажется) Дворянства князь Ливенъ много потратился на блестящій пріемъ. Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Борхъ принялъ также великолѣпно царственныхъ путешественниковъ. Молодые люди,

по собственной охотѣ, несмотря на холодъ по ночамъ, охряняли домъ, гдѣ останавливалось царское семейство. Восторгъ всеобщій. Передъ пріѣздомъ Государя явились въ трaурѣ Поляки и Польки; ихъ попросили удалиться, сказавъ имъ, что одѣяніе ихъ неумѣстно въ то время, когда такъ радуются прибытію Государя" [214]).

По поводу этого путешествія И. С. Аксаковъ писалъ Кохановской: „Путешествіе къ Нѣмцамъ очень мнѣ не нравится". Кохановская отвѣчала: „Вы пишете, что вамъ не по сердцу *это путешествіе къ Нѣмцамъ;* да кому же оно по сердцу? А. Ѳ. Тютчева писала мнѣ, что, читая эти торжественности и восторги отъ нихъ, она плакала *отъ досаднаго и огорченнаго сердца.* Но вообразите же, что Императрица изъ самой середины Нѣмцевъ вспомнила *о народной Русской писательницѣ,* и изъ Риги прислала мнѣ свою карточку съ подписью *Марія* и съ полуфранцузской надписью: *Pour m-lle Кохановскій"* [215]).

Вскорѣ по возвращеніи въ Петергофъ, Государь предпринялъ поѣздку, на нѣсколько дней (16—25 августа), въ Москву.

По дорогѣ, Государь заѣхалъ въ Тверь, куда прибылъ 17-го августа, въ 10 утра. Въ часъ по-полудни состоялся пріемъ. Тверскимъ дворянамъ и мировымъ посредникамъ Государь сказалъ: „Благодарю васъ, господа, которые сюда пріѣхали. Я долженъ вамъ повторить тоже, что говорилъ въ 1858 году. Я сохранилъ тоже расположеніе къ Дворянству, которое всегда имѣлъ, но мнѣ грустно, что меня не всегда понимаютъ, и что, вмѣсто содѣйствія, я встрѣчаю противодѣйствія, или такія дѣйствія, которыя вынуждаютъ меня взыскивать; я надѣюсь, что это не повторится, и что всякій будетъ содѣйствовать общему дѣлу, какъ подобаетъ истинному Русскому дворянину" [216]).

18 августа, въ 7 по-полудни, Государь прибылъ въ Москву, и на другой день состоялся выходъ въ Успенскій соборъ [217]).

При входѣ въ соборъ, митрополитъ Филаретъ привѣтствовалъ Государя:

„Прежде нежели тысящелѣтній старецъ Новгородъ будетъ привѣтствовать тебя тысящелѣтіемъ твоей Россіи, да будетъ позволено семисотлѣтней Москвѣ предварить тебя симъ привѣтствіемъ.

Царь вѣковъ далъ тебѣ жребій стать на границѣ тысящелѣтія, совершившагося и тысящелѣтія начинающагося, чтобы внимательнымъ воспоминаніемъ прошедшаго, изощрить и управить взоръ на настоящее и будущее.

Благодарное воспоминаніе прежнихъ благодѣяній Божіихъ да привлечетъ новыя благодѣянія Божіи.

Почетная память доблестей, явившихся въ минувшихъ поколѣніяхъ, да поощритъ къ доблестямъ новыя поколѣнія.

Безпристрастный взоръ на погрѣшности прошедшаго да отразитъ ихъ отъ настоящаго.

Добрые царственные опыты и примѣры да обратятся въ совѣтъ и въ руководство.

Что̀ было началомъ огражданствованія и просвѣщенія Россіи? Что̀ объединило ее послѣ княжескаго раздробленія? Что̀ не допустило ее пасть подъ чуждымъ игомъ, исторгло изъ подъ ига? Что̀ изъ разрушительнаго междуусобія возсоздало ее въ сильно сосредоточенную Монархію? Не паче ли всего Православная вѣра?

Молимъ Царя вѣковъ, Бога, да споспѣшествуетъ тебѣ во всемъ благомъ и полезномъ для Россіи, первѣе же всего въ охраненіи и на грядущіе вѣка вѣры Православной, вѣры, охраняющей Россію“ [218]).

„Вчера съ утѣшеніемъ“,—писалъ Филаретъ къ Антонію,— „срѣтали мы Государя Императора. Онъ вошелъ въ Успенскій соборъ въ часъ пополудни; мнѣ, по неудовлетворительному свѣдѣнію, случилось ожидать его полтора часа. Благодареніе Богу, что достало силъ. Потомъ я былъ у Государя въ кабинетѣ и за столомъ, во время котораго онъ говорилъ о Лаврѣ и Скитѣ, спросилъ о вашемъ здоровьѣ“.

Въ другомъ письмѣ Филарета читаемъ: „Императоръ спрашивалъ меня о желѣзной дорогѣ, и когда я сказалъ, что

былъ на обновленіи ея съ молитвою, онъ прибавилъ: Желаю, чтобы вы проѣхали по ней. Видно, надобно исполнить царское слово" [219]).

Въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву, Государь посѣтилъ Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи, и 25 августа возвратился въ Царское Село [220]).

XLI.

Въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, 1862 года, Россія праздновала въ Великомъ Новгородѣ тысячелѣтіе своего государственнаго бытія.

На митрополита Московскаго Филарета возложено было написаніе возглашенія многолѣтія, вѣчной памяти и молитвы. Написавъ „проектъ возглашенія", Филаретъ отправилъ его къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода А. П. Ахматову, и послѣдній писалъ ему: „Доставленный мнѣ вами проектъ возглашенія многолѣтія и вѣчной памяти при освѣщеніи памятника въ Новгородѣ, былъ представленъ мною Государю Императору. Его Величество вполнѣ изволилъ его одобрить и поручить мнѣ передать вашему высокопреосвященству искреннюю высочайшую благодарность, выразивъ при этомъ мысль, что было бы умѣстно, послѣ вѣчной памяти замѣчательнѣйшимъ государямъ и всѣмъ царствовавшимъ особамъ, провозгласить таковую же и ихъ сподвижникамъ... Не изволите ли, высокопреосвященнѣйшій владыко, взять на себя трудъ въ свободную минуту составить это прибавленіе" [221])?

Наканунѣ праздника, т.-е., 7 сентября, митрополитомъ Новгородскимъ Исидоромъ совершено было переложеніе мощей св. князя Владиміра Ярославича, храмоздателя Софійскаго собора, въ новую серебряную раку. Послѣ литургіи мощи были обнесены вокругъ собора; несли архимандриты и священники, въ предшествіи великаго князя Николая Николаевича; а губернаторъ В. Ѳ. Скарятинъ и губернскій предводитель Дворянства князь Мышецкій несли на подушкахъ

княжескую шапку и княжій крестъ, хранящіеся въ княжеской ризницѣ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Валуевъ предложилъ своему директору Департамента Полиціи, графу Д. Н. Толстому, ѣхать въ Новгородъ. „Холодность Дворянства къ Правительству, — писалъ послѣдній, — еще продолжалась. Валуевъ опасался, что пріемъ Государя отъ Дворянства будетъ несимпатиченъ; ему хотѣлось, напротивъ, при каждомъ случаѣ стараться примирять сословія съ Правительствомъ. Онъ поручилъ мнѣ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и по возможности направить Новгородское общественное мнѣніе... Нужно знать однакоже, что наканунѣ пріѣзда Государя, Новгородское Дворянство, собравшись въ залѣ Благороднаго Клуба, положило не подавать никакого адреса и не давать бала; но я не припишу себѣ послѣдовавшей перемѣны. Нѣтъ, она произошла во-первыхъ, отъ того глубокаго чувства любви и преданности къ Монарху, которое, благодаря Бога, еще доселѣ твердо коренится въ душѣ всего Русскаго Дворянства и, во-вторыхъ, отъ той обаятельной симпатичности, которою обладаетъ Государь. О немъ можно сказать словами Цезаря: *Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ*“ [222])!

Преосвященный Порфирій, 28 іюня 1862 года, записалъ въ своей книгѣ *Бытія:* „Великій князь Николай Николаевичъ жаловался мнѣ и архіепископу Рижскому Платону на нерасположенность нашего Дворянства къ Императорской Фамиліи“ [223]).

7-го сентября 1862 года, въ полдень, Государь въ сопровожденіи своего семейства, выѣхалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ со станціи Колпино, и въ 3-мъ пополудни прибыли къ Соснинской пристани, гдѣ стояли для слѣдованія въ Новгородъ пароходы. На первомъ, подъ названіемъ *Красотка*, помѣстились: Государь, Императрица, Государь Цесаревичъ Николай Александровичъ, великіе князья Александръ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Михаилъ Николаевичъ и Николай Константиновичъ,

великія княгини Марія Николаевна, Ольга Ѳеодоровна и княжна Марія Максимиліановна Лейхтенбергская. На томъ же пароходѣ находились: графъ В. Ѳ. Адлербергъ, графъ А. П. Шуваловъ, статсъ-дама княгиня Салтыкова, графъ С. Г. Строгоновъ, графъ А. В. Адлербергъ и министръ Путей Сообщенія. Другія лица свиты слѣдовали на второмъ пароходѣ. Ровно въ 6 пополудни, въ Новгородѣ начался звонъ во всѣхъ церквахъ. У пристани стоялъ почетный караулъ и ожидали Государя: великіе князья Николай Николаевичъ Старшій, Николай Николаевичъ Младшій, великая княгиня Александра Петровна, министръ Государственныхъ Имуществъ, начальникъ губерніи, воинскіе и гражданскіе чины, дворянство, купечество, волостные старшины и сельскіе старосты [224]). Въ Святой Софіи, Государя встрѣтилъ митрополитъ Новгородскій Исидоръ. Помолившись въ соборѣ, царственные богомольцы удалились въ архіерейскій домъ, гдѣ для нихъ было приготовлено помѣщеніе.

Присутствовавшій при встрѣчѣ Государя, графъ Д. Н. Толстой свидѣтельствуетъ: „Я не забуду самой первой встрѣчи Государя на пристани Волхова, куда долженъ былъ пристать пароходъ высокаго гостя. Длинная пристань, вдававшаяся съ берега въ рѣку до самаго фарватера, была обита краснымъ сукномъ. Правая сторона ея была занята шпалерою гвардіи, подъ командою великаго князя Николая Николаевича, съ которымъ была тутъ же и Великая Княгиня съ малолѣтнимъ сыномъ. Лѣвая сторона пристани покрывалась чиновниками и Дворянствомъ съ своимъ губернскимъ предводителемъ во главѣ. Всѣ были въ мундирахъ. Дворяне, повидимому, были вѣрны одушевлявшему ихъ еще наканунѣ чувству; по крайней мѣрѣ, многіе сверхъ мундировъ были задрапированы фантастическими плащами и вмѣсто форменныхъ шляпъ имѣли на головахъ какія-то диковинныя шапки. Ихъ тѣлодвиженія, позы, словомъ, все выражало людей недовольныхъ и какъ бы сознающихъ свою самостоятельность... Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія, показался, наконецъ, царскій пароходъ.

Войско стало въ порядокъ; по массамъ народа, покрывавшимъ оба берега Волхова, стѣны Кремля и Софійскую *звонницу*, пробѣжало, какъ электрическая искра, то движеніе, которымъ выражается напряженное вниманіе толпы. Я смотрѣлъ на дворянъ; мнѣ хотѣлось уловить то первое впечатлѣніе, которое произведетъ на нихъ присутствіе Государя. И что же? По мѣрѣ приближенія парохода, лица ихъ оживлялись; на нихъ выражалось не одно простое любопытство; нѣтъ, въ глазахъ виднѣлась любовь. Многіе, смотря на пароходъ, крестились, и крестились не изъ трусости; всѣми овладѣвало чувство любви, радости, восторга! Такова вообще оппозиція нашего Дворянства! Разстроенное крестьянскою реформою въ своемъ экономическомъ быту, оно находится въ болѣзненномъ положеніи и, пока не излѣчатся нанесенныя ему язвы, оно не можетъ не ощущать того тревожнаго неудовольствія, которымъ пользовались люди, желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу. Проникнутое этимъ болѣзненнымъ чувствомъ, оно собиралось на выборы въ губернскіе города. Тамъ это чувство возрастало по мѣрѣ сближенія дворянъ между собою, по мѣрѣ возможности передавать другъ другу свои жалобы, и этимъ пользовались агитаторы. Тѣ изъ сихъ послѣднихъ, которые хотя считались принадлежавшими къ мѣстному Дворянству, но въ сущности состояли изъ бюрократовъ и литераторовъ, спѣшили изъ столицъ на выборы, раздражали тамъ массу и подсовывали готовые адреса, враждебные Правительству, которые та подписывала не читая и безсознательно, съ единственною цѣлью выразить только свое неудовольствіе, истекавшее изъ затруднительности положенія каждаго. Забавнѣе всего, что каждый, подписавъ такой адресъ, возвращался домой, храня въ душѣ единственную надежду своего спасенія на Правительство. Такова была и отчасти есть и доселѣ оппозиція Русскаго Дворянства“ [225])!...

Съ своей стороны, П. А. Валуевъ писалъ: „Меня тревожило опасеніе на счетъ погоды. Для торжества нужно было солнце... Я вышелъ, стараясь угадать, по свойству и направленію дождя, насколько онъ могъ продолжиться. На одной

изъ улицъ была открыта и освѣщена часовня, ярко выдѣлявшаяся своимъ свѣтомъ изъ окружавшей ее влажной мглы. Этотъ свѣтъ напомнилъ мнѣ, что надъ всѣмъ, что на землѣ происходитъ, всегда и вездѣ царитъ нѣчто высшее, неземное, измѣнчивымъ случайностямъ неподчиненное, отъ нашихъ торжествъ и печалей независящее и постоянно присущее... На улицѣ не было прохожихъ. Я вошелъ въ часовню. Въ одномъ углу, передъ иконою Богоматери, стояла на колѣняхъ пожилая женщина, въ бѣдной одеждѣ, и молилась, не сводя глазъ съ иконы. Она плакала... Мнѣ стало жаль ея; потомъ пришло на мысль, что ея молитву не должно тревожить, и я тихо вышелъ; но въ дверяхъ встрѣтился съ офицеромъ, который на меня не обратилъ вниманія и сталъ на томъ самомъ мѣстѣ, у двери, которое я занималъ... Офицеръ тихо приблизился къ молельщицѣ и, вѣроятно, спросилъ о чемъ она плачетъ, потому что она вздрогнула, встала, и между ними завязался разговоръ, мнѣ слышный отрывочно. У молельщицы была больная дочь въ Твери, которая звала ее къ себѣ, но средствъ на дорогу не имѣлось. Богъ вамъ посылаетъ средства по случаю пріѣзда Государя,—сказалъ офицеръ,—и я видѣлъ, что онъ двадцатипяти-рублевую бумажку подалъ молельщицѣ, которая передъ нимъ бросилась на колѣни. Вы за меня Богу помолитесь и поставьте свѣчку. Завтра парадъ, и я долженъ выѣхать на горячей лошади. Я смотрѣлъ на офицера съ чувствомъ похожимъ на зависть. Почему, думалось мнѣ, не сдѣлалъ я того, что онъ сдѣлалъ? Медленнымъ шагомъ, наклонивъ голову, я вернулся въ свою квартиру и на пути болѣе думалъ объ офицерѣ и бѣдной молельщицѣ, чѣмъ о предстоящемъ на слѣдующій день событіи“ [226]).

Въ это время въ Новгородѣ гостилъ церковный историкъ графъ М. В. Толстой. Еще въ 1860 году, онъ написалъ книгу о Новгородскихъ древностяхъ, которая вышла въ свѣтъ въ 1861 году. Книгу свою, чрезъ министра Народнаго Просвѣщенія, графъ Толстой пожелалъ представить Государю и

Императрицѣ. Но книга пришла къ нему обратно съ увѣдомленіемъ, что Государю угодно принять ее отъ автора лично при торжествѣ тысячелѣтія Русскаго Государства [227]).

XLII.

Утромъ 8 сентября 1862 года, пять пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили Великому Новугороду о наступавшемъ торжествѣ.

„Погода“,—писалъ Валуевъ,—„къ счастію, прояснилась. Свѣжій вѣтеръ уносилъ облака; показалось солнце; все предвѣщало день не бѣдный его лучами. Народъ хлынулъ въ Кремль“ [228]).

До обѣдни, Государь принималъ Новгородское Дворянство. Губернскій предводитель князь Мышецкій сказалъ: „Государь! Поднося вамъ хлѣбъ-соль и съ благоговѣніемъ и сердечною радостью привѣтствуя пріѣздъ вашъ въ колыбель царства Русскаго, Новгородское Дворянство осмѣливается выразить своему Монарху тѣ неизмѣнныя чувства горячей любви и преданности, которыми оно всегда гордилось и гордиться будетъ“.

Государь отвѣчалъ: „Поздравляю васъ, господа, съ тысячелѣтіемъ Россіи. Радъ, что мнѣ суждено было праздновать этотъ день съ вами, въ древнемъ вашемъ Новгородѣ, колыбели Царства Всероссійскаго. Да будетъ знаменательный день этотъ новымъ знакомъ неразрывной связи всѣхъ сословій Земли Русской съ Правительствомъ, съ одной цѣлью—счастія и благоденствія дорогого нашего Отечества. На васъ, господа дворяне, я привыкъ смотрѣть, какъ на главную опору престола, защитниковъ цѣлости Государства, сподвижниковъ его славы, и увѣренъ, что вы и потомки ваши, по примѣру предковъ вашихъ, будете продолжать, вмѣстѣ со мною и преемниками моими, служить Россіи вѣрою и правдою. *(Государь, будемъ!*—съ чувствомъ воскликнули дворяне). Благодарю васъ отъ всей души за радушный пріемъ. Я вѣрю

чувствамъ вашей преданности *(Вѣрьте, Государь, вѣрьте!)*, и убѣжденъ, что они никогда не измѣнятся“ [229]).

Въ 9-мъ часу утра, церковный историкъ графъ М. В. Толстой получилъ отъ графа А. В. Адлерберга извѣщеніе о скорѣйшемъ приходѣ во дворецъ для поднесенія книгъ Государю и Императрицѣ. Толстому назначено было стать въ большой залѣ, у одного изъ мраморныхъ столовъ, подаренныхъ Екатериною II митрополиту Гавріилу. Черезъ нѣсколько минутъ, изъ внутреннихъ дверей, показался Государь, объ руку съ Императрицею, въ сопровожденіи Наслѣдника. Поровнявшись съ Толстымъ, они остановились, и Толстой поднесъ имъ книги [230]).

При вступленіи въ Софійскій соборъ, митрополитъ Исидоръ встрѣтилъ державныхъ съ крестомъ и святой водой, и вслѣдъ затѣмъ началъ литургію. „Глубокое впечатлѣніе“,— писалъ П. А. Валуевъ,— „произвела литургія, совершенная высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ; она слушалась въ древнемъ соборѣ, выстроенномъ болѣе восьми столѣтій предъ тѣмъ. Подъ его вѣковыми сводами, предъ алтаремъ, предъ которымъ молился длинный рядъ поколѣній, Русскій Государь, его царственная семья и его подданные возносили Царю царей новыя мольбы, благодаренія и упованія. Прошлое воскресало предъ настоящимъ. Древній Новгородъ единился съ нынѣшнимъ. Тотъ великій князь, который въ свое царствованіе сломилъ стародавнія Новгородскія вольности, не предвидѣлъ, что именно въ Новгородѣ должно было состояться празднованіе тысячелѣтія Русской державы. Еще менѣе могъ его предвидѣть тотъ другой царь, кровавой памяти, о которомъ Новгородскій памятникъ не безъ намѣренія молчитъ“ [231]).

Предъ концомъ литургіи внесены были въ соборъ Новгородскія чудотворныя иконы и расположены были у южнаго выхода изъ собора. По окончаніи литургіи, послѣдовалъ крестный ходъ. Въ крестномъ ходу, слѣдуя за митрополитомъ и

двумя его викаріями Леонтіемъ и Ѳеофилактомъ, Государь и Императрица обошли кругомъ памятника тысячелѣтія Россіи. Къ благодарственному молебну присоединена была слѣдующая молитва, написанная Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ:

„*Господи Боже, Царю вѣковъ, глаголяй на языкъ и царство, и созиждаяй и насаждаяй ихъ! (Іеремія*, XVIII, 9). Ко Твоему величеству припадающе со страхомъ и благоговѣніемъ, благодарнѣ исповѣдуемъ милости Твоя, многочастнѣ и многообразнѣ въ десяти вѣкахъ явленныя народу и Царству Россійскому.

Ты бо, Господи, возглаголалъ еси Твое зиждительное слово на сей народъ, и создалъ еси въ немъ Царство, и насадилъ и укоренилъ, и возрастилъ, и расширилъ еси его на земли обитанія его, и поставилъ еси надъ нимъ отъ Тебе сущую власть, и укрѣпилъ еси его на сопротивныхъ, и оградилъ еси его законами, наипаче же просвѣтилъ и одушевилъ еси его спасительною вѣрою, и сице иногда и жезломъ посѣщалъ еси неправды его, но милости Твоея не удалилъ и не удаляеши отъ насъ.

Тя убо Владыку, Господа и Благодѣтеля славимъ, хвалимъ, благодаримъ, поемъ и величаемъ, и, отъ самыхъ щедротъ Твоихъ въ вѣрѣ и упованіи утвержденіе и дерзновеніе предъ Тобою пріемлюще, смиренно молимъ: сохрани престолъ и царство Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя Императора Александра Николаевича всея Россіи въ истинномъ величіи, твердости и славѣ.

Прости, всемилостиве Господи, вся грѣхи наша и отецъ нашихъ, и исправи стопы наша къ дѣланію заповѣдей Твоихъ.

Соблюди въ насъ Православную вѣру въ ея чистотѣ и силѣ, и да пребудетъ она, якоже бысть средоточіемъ общественнаго единенія, источникомъ просвѣщенія, основаніемъ и твердынею народнаго благонравія, правды, законовъ, благодѣтельности управленія, нерушимости благосостоянія.

Да не увянетъ и не изсохнетъ древнее насажденіе добра, но да привіется къ нему новое стебліе лучшаго, и да изыдетъ новый цвѣтъ благолѣпія и плодъ совершенства.

Тако призри на насъ и ущедри насъ, да благословляеми Тобою, отъ дне до дне и отъ вѣка и до вѣка благословимъ Тя, Господи.

Слава Тебѣ Богу, Благодателю нашему, во вѣки вѣковъ. Аминь".

По окончаніи молебна и по возглашеніи многолѣтія Благочестивѣйшему Государю и всему Царствующему Дому, произнесены были протодіакономъ слѣдующія провозглашенія: „Просвѣтившимъ Россію Христіанскою православною вѣрою равноапостольнымъ великому князю Владиміру и великой княгинѣ Ольгѣ, преемственнѣ въ теченіи вѣковъ созидавшимъ и укрѣплявшимъ единодержавіе Россіи благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ, новосозидавшимъ Россійское Царство и расширившимъ и прославившимъ оное въ Бозѣ почившимъ благочестивѣйшимъ императорамъ и императрицамъ, вѣчная память".

„Всѣмъ избраннымъ сынамъ Россіи, въ теченіи вѣковъ вѣрно подвизавшимся за ея единство, благо и славу, на поприщахъ благочестія, просвѣщенія, управленія и побѣдоносной защиты Отечества, вѣчная память".

„Времена и лѣта, въ руцѣ Своей положивый, Господи, Твоимъ премудрымъ всеблагимъ Промысломъ тысящелѣтнѣ сохраняемому и возращаемому Царству Всероссійскому, пробави велію милость Твою и сохраняй оное въ вѣрѣ и правдѣ, во Богозаконіи и благоустроеніи на лѣта и вѣки многіе".

Возвратившись въ архіерейскія келліи, Государь принялъ отъ почтеннаго старца, Кирилловскаго предводителя Дворянства А. А. Богданова, девятнадцать огромныхъ живыхъ Шекснинскихъ стерлядей, плававшихъ въ ваннѣ [232]).

Купечество давало обѣдъ войску. На этомъ обѣдѣ присутствовали Государь и Императрица. „Все благополучно и удачно"—писалъ Валуевъ [233]).

Въ тотъ же день Государь и Императрица, въ сопровожденіи министра Внутреннихъ Дѣлъ Валуева и губернатора Скарятина, ѣздили водою въ село Рюриково-Городище. Тамъ былъ приготовленъ праздникъ для крестьянъ, къ которому собрались волостные старшины и сельскіе старосты. Государю поднесена была хлѣбъ-соль на дубовомъ блюдѣ. Когда Государь и Императрица подъѣхали на лодкѣ къ Городищу, крестьяне, видя, что выходъ на берегъ нѣсколько сыръ, разостлали свои кафтаны для прохода царственной четы.

XLIII.

Новгородскій праздникъ посѣтилъ Ѳ. И. Тютчевъ. „Празднество было очень хорошо“,—писалъ онъ. „Единственно, чего не доставало мнѣ, какъ и многимъ другимъ, это религіознаго чувства прошлаго; а только оно могло придать истинное значеніе этому празднеству. Тысячелѣтія не смотрѣли на насъ съ высоты этого памятника. У всѣхъ насъ душа слишкомъ усыплена, и вѣдаетъ Богъ, что̀ нужно, чтобы пробудить ее. По свидѣтельству П. И. Бартенева, „исключеніе составляла Императрица Марія Александровна. Она изумляла близкимъ знакомствомъ своимъ съ Исторіею Новгорода и его древностей“.

Вечеромъ, митрополитъ Исидоръ пригласилъ къ себѣ графа М. В. Толстого и объявилъ ему, что Государынѣ угодно, чтобы, при обозрѣніи Новгородскихъ древностей сопровождалъ ее кто-либо съ археологическими свѣдѣніями и знаніемъ Французскаго языка, потому что объясненія ризничихъ не всегда могутъ быть понятными для Августѣйшей посѣтительницы. Сообщая это Толстому, митрополитъ Исидоръ замѣтилъ: „Я думаю, что Государыня Императрица вовсе не нуждается въ объясненіяхъ на Французскомъ языкѣ, но не довѣряетъ нашимъ ризничимъ, которые часто сами не знаютъ того, что̀ показываютъ посѣтителямъ“. Во время этого разговора вошелъ оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода А. П. Ахма-

товъ; несмотря на присутствіе Толстого, онъ увѣрялъ владыку, что достаточно было бы пригласить ректора Семинаріи, архимандрита Макарія, перваго знатока всѣхъ древностей Новгорода.

На слѣдующее утро (9 сентября), Государыня начала осмотръ Новгородскихъ древностей съ Софійскаго собора, гдѣ была встрѣчена преосвященнымъ викаріемъ Ѳеофилактомъ. Кромѣ преосвященнаго, при осмотрѣ присутствовали: архимандритъ Макарій, соборная братія и графъ М. В. Толстой. Разсматривая остатки старины, Государыня пожелала видѣть артосную панагію XV вѣка, устроенную по распоряженію св. владыки Евѳимія, при великомъ князѣ Василіѣ Темномъ. Старецъ-ключарь, не разслышавъ вопроса, подалъ панагію архіепископа Пимена XVI вѣка, съ изображеніемъ Софіи Премудрости Божіей. Тогда Государыня, обратясь къ Толстому, сказала по-Французски: „Можетъ быть, я не такъ выразилась; лучше бы было сказать *панагіаръ*. Такое знаніе техническихъ терминовъ церковной Археологіи удивило Толстого и Макарія. При дальнѣйшемъ осмотрѣ святынь и древностей, историческія познанія Императрицы еще болѣе обнаружились. Такъ, еще не выходя изъ собора, пожелала она видѣть икону Соловецкихъ Чудотворцевъ, на которой въ числѣ клеймъ съ чудесами изображена два раза Марѳа Борецкая, въ бесѣдѣ съ преподобнымъ Зосимою, и на обѣдѣ, гдѣ чудотворецъ пророчественно видѣлъ обезглавленными Новгородскихъ вельможъ, которыхъ ожидала казнь отъ Іоанна III-го. „Къ какому времени принадлежитъ эта икона“? спросила Императрица каѳедральнаго протоіерея.—Вѣроятно къ началу XVII-го вѣка,—отвѣчалъ онъ. „Судя по пошибу, я думаю, что икона древнѣе“, отозвалась Императрица. Тогда Макарій доложилъ ей, что этотъ образъ значится въ соборной описи 1572 года и, вѣроятно, могъ быть написанъ ранѣе этого времени, такъ что иконописецъ могъ лично знать Марѳу и въ чертахъ миніатюрнаго изображенія сохранить нѣкоторыя черты лица ея. При входѣ въ Грановитую Палату, Импе-

ратрица сказала Толстому по-Французски: „Вѣроятно это та самая Палата, въ которой Грозный царь своимъ *ясакомъ* (крикомъ) подалъ знакъ къ началу грабежа". Въ келліяхъ св. владыки Іоанна, Императрица замѣтила, что древность приписываемаго ему рукомойника изъ желтой мѣди весьма сомнительна. Выходя оттуда, Императрица пожелала войти въ крестовую церковь, устроенную, въ 1463 году, св. владыкою Іоною, въ честь преподобнаго Сергія Радонежскаго. „Желаю приложиться къ иконѣ преподобнаго Сергія",—сказала Императрица [234]).

Въ то время, когда Императрица обозрѣвала Новгородскія древности, Государь принималъ хлѣбъ-соль отъ удѣльныхъ, государственныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ Новгородской губерніи. Обращаясь къ послѣднимъ, онъ громко и внятно сказалъ, чтобы они не вѣрили кривотолкамъ людей недоброжелательныхъ, исполняли бы *Положеніе 19 февраля*, не ожидали иной воли, и всѣмъ объявили бы, что имъ это сказалъ самъ Государь. *Понимаете ли меня?*—заключилъ онъ рѣчь свою.—*Понимаемъ*, единогласно отвѣчала толпа" [235]).

Вечеромъ того же дня Новгородское Дворянство давало балъ для Императорской Фамиліи, въ домѣ своего Собранія. На этомъ балѣ графъ М. В. Толстой состоялъ дежурнымъ при Императрицѣ и удостоился продолжительнаго разговора Ея Величества объ осмотрѣ Новгородскихъ древностей и посѣщеніи Рюрикова-Городища. „Усердіе крестьянъ меня очень тронуло",—прибавила Императрица,—„но жаль, что за темнотою намъ не удалось осмотрѣть старинную церковь въ этомъ селѣ" [236]).

10 сентября 1862 года, посѣтивъ Юрьевъ монастырь, все Царское семейство возвратилось въ Петербургъ" [237]).

18 сентября того же 1862 года, Погодинъ сухо писалъ Шевыреву: „Тебѣ данъ орденъ Владиміра 3-й степени, въ день тысячелѣтія. Но вѣдь онъ у тебя былъ уже, кажется. Мнѣ также вмѣстѣ съ Славянскими учеными" [238]).

Въ *Дневникѣ* же своемъ Погодинъ отмѣтилъ: Подъ 5

сентября 1862 г.: „Къ Ахлестышеву: о праздникѣ (тысячелѣтія). Только въ Новгородѣ. Никто не приглашенъ. Какъ все глупо“.

— 8 — — : „Къ обѣднѣ. Нѣтъ и молебна“.

XLIV.

Въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія хранятся корректурные листки ненапечатанной статьи И. С. Аксакова, подъ заглавіемъ: *Москва. 8 сентября.* Прочитавъ эту статью, Императоръ Александръ II замѣтилъ, что въ ней „много справедливаго“.

Познакомимся и мы съ этою статьею: „Нынѣшній день назначенъ днемъ празднованія тысячелѣтія Россіи“, — писалъ Аксаковъ, — „нынѣшній день Россія изъ собственныхъ устъ воздаетъ себѣ хвалу и собственными руками ставитъ себѣ памятникъ славы въ Великомъ Новѣгородѣ. Такова офиціальная программа офиціальнаго торжества, котораго значеніе, впрочемъ, едва ли доступно пониманію простонародной Россіи. Она не вѣдаетъ нашихъ археологическихъ вычисленій, она непричастна западной юбилейной сантиментальности; ей—живущей непрерывнымъ историческимъ преемствомъ народнаго духа, мало извѣстны времена и лѣта минувшаго— внѣшнія грани внѣшней Исторіи. Но и внѣшняя Исторія не была ей чужда, пока сохранялась связь между Землею и Государствомъ, пока переворотъ, положившій начало нашей новой Исторіи, не нарушилъ цѣльности общественнаго организма, пока Петръ I не воздвигъ гоненія противъ народной исторической памяти—одного изъ могущественнѣйшихъ образовательныхъ и просвѣтительныхъ элементовъ Русскаго народа—запретивъ, подъ страхомъ жестокихъ казней, древній обычай монастырскаго уединенія, въ силу котораго неумолчно слагались письменныя сказанія о судьбахъ родного края, и въ тишинѣ келлій, въ часы отдыха между молитвами, велась непрерывная лѣтопись Русской Земли.

Но мы, знакомые съ Исторіей Россіи не по внутреннему вѣдѣнію, какъ теперь народъ, а путемъ научнаго изученія, мы не можемъ оставаться равнодушными къ обычнымъ человѣческимъ дѣленіямъ времени, и мѣра годовъ, прожитыхъ нами, становясь предметомъ вниманія, невольно наводитъ насъ на судъ и размышленіе.

Мы невольно спрашиваемъ себя, чѣмъ бы въ настоящую минуту проявилъ себя Русскій народъ, если бы, обладая нашей Наукой, онъ сознавалъ въ то же время всю историческую цѣнность тысячелѣтняго пространства времени въ жизни гражданскихъ обществъ?

Онъ почувствовалъ бы потребность подвести итогъ десятивѣковому своему существованію, обнять сознаніемъ все прожитое имъ тысячелѣтіе, и—силою мысли и памяти возсоздавъ въ своемъ представленіи эту тысячу лѣтъ *яко день единъ*, призвать самого себя къ неумолимо строгому суду всенародной совѣсти. Постоянно знаменуя присутствіе Бога въ Исторіи, постоянно предносяя въ своихъ бытописаніяхъ созерцаніе глубоко вѣрующаго духа, и простирая, устами своихъ лѣтописцевъ, нравственныя требованія ко всѣмъ дѣятелямъ историческимъ Русскій народъ и теперь, какъ и въ прежнія времена, не сталъ бы ублажать себя горделивыми самовосхваленіями, легкомысленными славословіями и вообще превозноситься земною славою; онъ понялъ бы, что такой минутѣ, какая проживается теперь, такому дѣйствію народнаго самосознанія, приличны важность и трезвое слово. Онъ не соорудилъ бы себѣ памятника, восхищая прежде времени приговоръ Исторіи, а воздвигъ бы храмъ Тому, кому принадлежитъ судъ надъ временами и лѣтами, и въ этомъ храмѣ покаянія, принесъ бы всенародную исповѣдь всѣхъ своихъ историческихъ неправдъ и прегрѣшеній!

Если Исторія вообще считается наставницей народовъ, то ни для кого не имѣетъ она такого жизненнаго значенія, какъ для племенъ Славянскихъ, и для Русскаго въ особенности. При ея помощи совершается возрожденіе Славянскихъ

народностей тяжкимъ подвигомъ самосознанія, обрѣтается мыслію утраченное жизнію, и вновь усвоивается жизни, вооруженное всею крѣпостью разумнаго вѣдѣнія; она возвращаетъ насъ къ нашимъ основнымъ органическимъ началамъ и предноситъ путеводный свѣтъ нашему историческому шествію. Ни одинъ Европейскій народъ не состоялъ никогда и не имѣлъ надобности состоять въ такомъ сознательномъ отношеніи къ своей Исторіи во всемъ ея цѣломъ объемѣ; ни одинъ не искалъ въ ней отвѣтовъ на такіе жизненнонравственные запросы, какъ народы Славянскіе, ни у кого изъ нихъ Литература исторической Науки не представляетъ такого пытливаго суда, такого строгаго слѣдствія надъ своей Исторіей, какъ Русская историческая Литература. Дѣйствительно, какими бы ближайшими побужденіями не руководствовались наши дѣятели на поприщѣ исторической Науки, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни отрицали въ принципѣ нравственный элементъ и его духовно-производительную силу въ Исторіи, какъ бы ни уклонялись, повидимому, отъ христіанскаго созерцанія, всѣ они, невольно, безсознательно, движимые тѣмъ же народнымъ инстинктомъ, къ которому большая часть изъ нихъ выражаетъ такое высокомѣрное презрѣніе, всѣ они предъявляютъ прожитому тысячелѣтію такія нравственныя требованія, какія свидѣтельствуютъ о живучести нравственнаго начала въ народѣ и о живомъ значеніи Исторіи. Даже для Англійской исторической Науки, Исторія представляется, кажется намъ, скорѣе суммою жизненнаго внѣшняго опыта, чѣмъ нравственнымъ судомъ надъ жизнію народа и государства. Кто не согласится, что наша историческая Литература есть какъ бы постоянное слѣдствіе, произносимое надъ историческимъ бытіемъ Русской Земли, слѣдствіе безпощадное, неумолимое, пристрастно строгое, нерѣдко грубое и невѣжественное? Но и такое слѣдствіе принесло свою значительную пользу нашему народному самосознанію, заставляя насъ изыскивать разумныя оправданія для нашей непосредственной любви къ родной Землѣ, и

износить изъ тьмы невѣдѣнія на свѣтъ Божій тѣ сокровенныя основныя начала, безъ постиженія которыхъ немыслимо наше будущее духовное развитіе. Мы постоянно встрѣчаемся въ нашей Словесности съ оживленными преніями о томъ, вполнѣ ли согласенъ съ понятіями добра или чести—тотъ или другой поступокъ народа или князя, начиная чуть ли не со временъ Рюрика; наши книги исполнены нравственныхъ приговоровъ и личной оцѣнки всѣхъ нашихъ историческихъ дѣятелей; вопросъ объ оправданіи Іоанна Грознаго или Бориса Годунова есть для насъ вопросъ вовсе не мертвый и не отвлеченный, и конечно ни одно темное пятно нашей исторической тысячелѣтней жизни, ни одна совершенная нами неправда, въ какомъ-нибудь XIV или XV вѣкѣ, не осталась или не останется безъ указанія, безъ строгаго осужденія и, слѣдовательно, возмездія, если не въ жизни, то въ области самосознанія. Такъ, насиліе и двоедушіе Москвы въ собираніи Московскаго Государства сказываются намъ нынѣ учеными толками о федераціи, и какъ ни безобразны эти толки сами по себѣ, какъ ни противорѣчатъ они откровеніямъ жизни и Исторіи, но доля неправды, внесенная Государствомъ въ дѣло сложенія Государства, силою сокровенной нравственной логики, отразилась, чрезъ много вѣковъ и въ нашемъ историческомъ сознаніи, — въ формѣ отвлеченнаго отрицанія. Мы могли бы привести много примѣровъ подобной расправы нашей ученой мысли со всѣми историческими прегрѣшеніями прожитаго тысячелѣтія, но намъ достаточно возбудить въ этомъ отношеніи вниманіе любопытнаго читателя: оно само поможетъ ему отыскать необходимыя доказательства въ пользу нашего мнѣнія. Повторяемъ, при всемъ отчужденіи нашего общества отъ народности, при всей личной безнравственности каждаго изъ насъ отдѣльно, наша историческая Литература постоянно вращается въ сферѣ нравственнаго суда и не сходитъ съ поля нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ во имя нравственнаго идеала, безсознательнаго, присущаго даже сердцамъ самихъ отрица-

телей этого идеала. И какъ ни строгъ, какъ ни придирчивъ, какъ ни жестокъ иногда этотъ отвлеченный приговоръ, отрѣшенный отъ живого ощущенія всей жизненной обстановки данной исторической минуты, — но мы предпочитаемъ такое отношеніе къ Исторіи, какъ болѣе живое, какъ нравственно плодотворное,—чисто отвлеченному безстрастному отношенію, или внѣшней любознательности, или же, наконецъ, тому кровному естественному самодовольству потомковъ своими предками, какимъ отличаются, напримѣръ, Французы. Да, намъ кажется, что дѣйствіе нравственныхъ истинъ не прекращается въ нашей Исторіи и продолжаетъ свой логическій процессъ въ сферѣ отвлеченной работы мысли, и мы, такимъ образомъ, повторяемъ, мы переживаемъ вновь и должны пережить всю нашу тысячелѣтнюю Исторію въ области сознанія.

Намъ нечѣмъ превозноситься и радоваться. Итогъ нашего тысячелѣтія скуденъ благими даяніями человѣчеству; намъ не на что указать, въ чемъ бы плодотворно проявилось наше историческое призваніе въ семьѣ народовъ. Мы слышимъ въ себѣ присутствіе силы и талантовъ, но силы наши служили до сихъ поръ только внѣшнему сложенію Государства,—а на таланты наши, обильно отпущенные намъ отъ Бога, не принесли мы ни единаго таланта, и едва ли не зарыли ихъ въ землю. Съ уваженіемъ должны мы взглянуть на западные народы, которымъ дано едва ли не менѣе, чѣмъ намъ, непосредственныхъ даровъ духа, но которые врученные имъ таланты умножили сторицею, подвизаясь въ непрерывной работѣ. То, что составляетъ силу, крѣпость и упованіе Россіи— принадлежитъ къ такой области нравственной, которая не терпитъ ни похвалы, ни гордости, а требуетъ смиренія и непрестаннаго духовнаго подвига, *да не отнимется отъ нея и сія часть* за наше нерадѣніе и грѣшную косность. Мы можемъ утѣшаться тѣмъ, что донесли къ рубежу новаго тысячелѣтія въ неприкосновенной цѣлости наши нравственныя народныя основы, и ученіе Вѣры въ первоначальной

догматической чистотѣ, и коренныя добродѣтели народа, и стихію гражданскаго братства, выражающуюся въ нашихъ общинахъ, мірахъ и артеляхъ,—но мы только донесли, мы еще не вывели ихъ на путь всемірнаго историческаго развитія, мы еще не явили ихъ свѣта міру. Конечно, благодаря вѣрности народа этимъ основамъ, Русское Государство одно изъ всѣхъ нѣкогда могучихъ Славянскихъ державъ, пережило тысячелѣтіе... Но это самое призываетъ насъ къ удвоенному труду и къ неусыпной заботѣ и налагаетъ на насъ, на все наше образованное общество строгую отвѣтственность предъ Провидѣніемъ и предъ нашимъ простымъ народомъ.

Да, мѣра годовъ, пережитыхъ Россіей, заставляетъ насъ съ благодарнымъ чувствомъ почтить подвигъ простого Русскаго народа, который, какъ мы однажды выразились, несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на то, что органы, необходимые для полноты жизненныхъ отправленій, были у него оторваны въ лицѣ образованныхъ сословій, сохранился и уберегся, перемогъ и перебылъ многое множество исторической лжи и неправды, и спасъ для насъ залогъ нашего будущаго духовнаго возрожденія.

Но, возрожденіе невозможно безъ обличенія всей лжи и неправды: оно требуетъ отъ насъ не самовосхваленія и памятниковъ, а покаянія и исповѣди. Хотя мы и указали на присутствіе нравственнаго элемента въ нашей исторической Наукѣ, хотя мы придаемъ большую цѣну этому переживанью *нашей* Исторіи въ сознаніи, но этого еще не довольно. Необходимо, чтобъ этою же нравственною потребностью отреченія отъ лжи были объяты всѣ слои общества, отъ самаго верхняго, чтобы мы не боялись, чтобъ мы жаждали спасительнаго отрезвленія, строгаго суда, суроваго укора. Необходимо, чтобы мы вмѣстѣ съ поэтомъ почувствовали на своей совѣсти тяжесть грѣховъ не только личныхъ, но и другъ друга и всей Русской Земли, во всемъ ихъ историческомъ грѣховномъ преемствѣ; чтобы вмѣстѣ съ Хомяковымъ, такъ горячо и всецѣло любившимъ Русь въ ея прошедшемъ, настоящемъ

и будущемъ, мы, съ такою же какъ онъ искренностью убѣжденія, могли повторить его покаянный поэтическій гимнъ къ небу за Русскую Землю, и упреки, съ которыми обращается онъ къ нашему обществу, напоминая намъ, что старый грѣхъ отцовъ еще съ нами, что онъ,

...въ насъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ нашими сердцами,
Сердцами мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За наши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда враждой упоены,
Мы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечемъ Литвы,
За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы,
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя—святоубійцы
За разоренный Новоградъ....
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья
За плѣнъ народа....

За то, наконецъ, продолжаетъ пророческій голосъ поэта, что

...обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Мы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной;
За все, за *всякія страданья,*
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды родного края,
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ“...

XLV.

12 января 1862 года, М. А. Максимовичъ, съ своей Михайловской Горы, писалъ Погодину: „Отъ всей души обнимаю тебя, любезный товарищъ мой Погодине, въ день нашего питомника—Университета. Да процвѣтаете и онъ и ты на этотъ тысячный годъ Руси! А что же ты, Русскій историкъ, готовишь что-либо монументальное, на открытіе монумента—о чемъ такъ усовѣщевалъ я тебя, помнишь, въ прохладѣ твоего Дѣвичьепольскаго сада?.. Работай и сработай—Богъ тебѣ въ помочь"!

Въ концѣ того же 1862 года, самъ Погодинъ писалъ графинѣ Блудовой: „*Раздраженный и огорченный*, я сидѣлъ годъ слишкомъ въ своей кельѣ разбиралъ преданія старины глубокой, отказавшись отъ печатнаго участія въ дѣлахъ современныхъ".

О ходѣ этаго „разбора преданій старины глубокой", мы получаемъ скудныя свѣдѣнія изъ нижеслѣдующихъ записей *Дневника* Погодина:

Подъ *1 января 1862 г.*: „Писалъ *Смоленское княженіе.*

— *2* — — —: Работалъ отлично.

— *3* — — —: Работалъ послабѣе, потому что Сѣверское княженіе обдѣлалъ большею частію прежде въ Кіевскомъ.

— *5* — — —: Набросалъ о Туровскомъ княжествѣ. Перечелъ Изяслава.

— *8* — — —: Хорошо. Дочелъ до Изяслава.

— *9* — — —: Исправилъ Изяслава.

— *10* — — —: Исправлялъ Изяслава. Отличная вещь.

— *7 февраля* — —: Принялся за Исторію, и исправилъ Изяслава.

— *8* — — —: Исправилъ до Андрея.

— *9* — — —: Исправилъ до Романа.

— *10* — — —: Кончилъ о Кіевскихъ князьяхъ и очень радъ.

— *11* — — —: Надъ Черниговомъ. Много возни будетъ еще надъ княжествомъ.

— *12* — — —: Черниговъ до 1147 г.

— *13* — — —: Надъ Черниговомъ.

— *14* — — —: Обработалъ Сѣверское княжество и думалъ объ общемъ планѣ.

— *15* — — —: Работалъ усердно надъ Переяславскимъ княжествомъ. Кончилъ о Сѣверскомъ княжествѣ.

— *16* — — —: Надъ Сѣверскимъ, Переяславскимъ и пр. Усердно.

— *17* — — —: Надъ Сѣверскимъ, Переяславскимъ и Полоцкимъ княжествами. Ослабляется вниманіе.

— *28* — — —: О Кіевскихъ князьяхъ.

— *26 апрѣля* — —: Рѣшился устроить вновь порядокъ въ занятіяхъ. Перейду и примусь за Исторію, или въ Кирѣево *).

Подъ *1 мая 1862 г.:* Не удалось приняться, какъ предполагалъ за Исторію.

— *13* — — —: Набрасывалъ о Князѣ.

— *15* — — —: Думалъ объ Исторіи, но все еще не вытанцовывается.

— *26* — — —: Все прилаживаюсь къ Исторіи.

— *31 іюля* — —: Одолѣлъ наконецъ корректуру, а какъ остроумно и дѣльно объ Ярополковомъ времени. И ни чему цѣны не даютъ.

— *28 августа* — —: Надъ Исторіей.

— *30* — — —: Надъ Исторіей.

— *5 сентября* — —: За Исторію. Опять складывается.

— *8* — — —: За Исторіей.

— *10* — — —: За Исторіей.

— *12* — — —: За Исторіей.

— *13* — — —: За Исторіей.

---

*) Имѣніе И. Ѳ. Мамонтова, близъ Химокъ. *Н. Б*

— *16* — — —: Вечеромъ у Кохановской съ Вельтманомъ. О Монголахъ и пр.

— *22* — — —: За Исторіей.

— *23* — — —: За Исторіей.

— *27* — — —: Немного за Исторіей.

— *28* — — —: Мало за Исторіей.

— *5 октября* — —: Завтра примусь за Исторію наконецъ.

— *6* — — —: За Исторіей.

— *8* — — —: За Исторіей и думалъ.

— *9* — — —: Опять нужда. Деньги подбираются. Не знаю что и дѣлать? Не вступить ли въ службу, но министерствомъ управлять не зовутъ! За Исторіей мало.

— *11* — — —: Надъ Исторіей.

— *12* — — —: Надъ Исторіей.

— *14* — — —: За Исторіей.

— *15* — — —: За Исторіей. Складывается.

— *16* — — —: Надъ Исторіей.

— *21* — — —: За Исторіей.

— *22* — — —: Побольше надъ Исторіей.

— *23* — — —: За Исторіей.

— *24* — — —: Мало за Исторіей.

— *25* — — —: За Исторіей. Непріятное извѣстіе съ завода и я насилу опомнился. Молитва.

— *26* — — —: Поразсѣялся. За Исторіей.

— *29* — — —: Безпокоился о затруднительномъ положеніи по заводу и проч. Куда дѣвался мой капиталъ, и опять нужда грозитъ! Молился.

Подъ *7 ноября 1862 г.:* За Исторіею поусерднѣе и ладнѣе.

— *10* — — —: За Исторіей.

— *12* — — —: Исторія не дается, хоть и все думаю. Молился".

Въ это время Погодинъ былъ утѣшенъ письмомъ къ нему историка К. Н. Бестужева-Рюмина, въ которомъ Погодинъ

нашелъ оцѣнку трудовъ своихъ по Древней Русской Исторіи. „Позвольте студенту *), когда-то такъ плохо и неудачно понявшему вашу мысль“,—писалъ онъ,—„поблагодарить васъ и за память и за подарокъ. Экземпляръ вашего превосходнаго изслѣдованія, которое я уже видѣлъ и не могъ, къ сожалѣнію, пріобрѣсти, полученъ мною отъ Краевскаго. Какъ бы въ укоръ намъ, хватающимъ вершки и поживляющимся чужимъ трудомъ, отъ времени до времени, появляются ваши капитальныя изслѣдованія. Въ послѣднее время, работая по Лексикону, я не разъ мысленно благодарилъ васъ за нихъ; мнѣ очень пріятно придраться къ этому случаю и поблагодарить васъ лично. Вы подводите подъ будущее зданіе Русской Исторіи прочный фундаментъ. Грустно только то, что слишкомъ мало людей идутъ по вашему пути въ другихъ отдѣлахъ Науки; слишкомъ много силъ молодыхъ и годныхъ къ дѣлу уноситъ вихрь *разныхъ* воззрѣній. Скажу по совѣсти, что я не совсѣмъ согласенъ съ вашимъ приговоромъ надъ нашими историками, даже надъ Соловьевымъ: у него есть заслуги неоспоримыя; только *котелокъ самомнѣнія*... Догадки его часто остроумны, матеріалы, которыми онъ пользуется, нерѣдко новы,—но художественное зданіе воздвигать не ему. Онъ не Макколей, не Гизо, а Нѣмецкій даровитый компиляторъ. Пиши онъ поменьше, думалъ бы побольше и выходило бы лучше. Подобное мнѣніе я не разъ высказывалъ въ печати, разумѣется не прилагая такой провѣрки его писаній, какой требуете вы, ибо ни одинъ журналъ не печаталъ бы подобной критики въ наше время: я говорю о журналахъ литературныхъ. Долгія блужданія по современнымъ теоріямъ снова привели меня къ Карамзину. Въ этомъ отношеніи мнѣ пріятно опираться на ваше мнѣніе. Гигантомъ стоитъ этотъ *литераторъ*, какъ его называютъ наши ученые на Нѣмецкій ладъ, и наши беллетристы-историки—на Французскій ладъ,—гигантомъ стоитъ онъ надъ столькими поколѣніями: мнѣ самому случалось въ архивахъ его

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1895, кн. IX, 147—149. *Н. Б.*

Примѣчаній находитъ свѣдѣнія, которыхъ напрасно было бы искать не только въ *Исторіи Русскаго народа*, но и въ *Исторіи Россіи*. Я уже не говорю о художникѣ; такого долго не будетъ: да теперь едва ли и время для художника, который возсоздалъ бы всю Исторію; конечно, я говорю не о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя составляютъ переходъ отъ учебника къ сочиненіямъ ученымъ. Такія необходимы. Но Исторія полная въ художественной формѣ есть завершеніе длиннаго періода предварительныхъ работъ; такой намъ долго еще ждать. Это не монографіи и не обзоры или очерки отдѣльныхъ періодовъ. Жду съ нетерпѣніемъ выхода вашего *Удѣльнаго періода*, ибо надѣюсь прочесть его съ такимъ же удовольствіемъ, какъ читалъ *Норманскій*, въ которомъ, впрочемъ, со многимъ (въ приложеніяхъ) въ свое время осмѣлился не соглашаться“.

Пріятно было прочесть Погодину и нижеслѣдующія строки И. С. Аксакова: „Петербургская Академія Художествъ, прочитавъ, вѣроятно, вашъ *Норманскій періодъ*, увлеклась имъ и задала тему для картины (на полученіе золотой медали): *Походъ Олега на Царьградъ и переправа черезъ Днѣпровскіе пороги*. Ко мнѣ явился художникъ Иванъ Николаевичъ *Крамской*, который хочетъ добросовѣстно отнестись къ этой задачѣ: изучаетъ одежды, вооруженіе того времени, устройство судовъ, и проч. Онъ прочелъ вашъ *Норманскій періодъ*, но нуждается еще въ нѣкоторыхъ частностяхъ, которыя вы вѣроятно ему сообщите. Я ему совѣтую рѣзко отличить Варяговъ—тогда еще свѣженькихъ, отъ племенъ Славянскихъ, которыя повлекъ съ собою Олегъ, и обозначить типы Славянскихъ племенъ, хоть по Нестору“.

Трудясь самъ надъ древнѣйшей нашей Исторіей, Погодинъ интересовался также трудами и другихъ ученыхъ въ этой области.

На вопросъ, предложенный имъ графу А. С. Уварову: Чтò онъ дѣлаетъ? послѣдній (13 ноября 1862 г.) отвѣчалъ: „Прежде чѣмъ вамъ передать заглавіе того, что я пишу, я хочу вамъ сначала изложить тѣ мысли, которыя подали мнѣ

поводъ начать этотъ трудъ. Надѣюсь на старую вашу дружбу, и увѣренъ что вы скажете откровенно ваше мнѣніе. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ нашихъ лѣтописяхъ, въ источникахъ нашей Исторіи, меня всегда поражала односторонность сообщаемыхъ свѣдѣній. Отъ мниха Лаврентія до *Софійскаго Временника* и самыхъ позднѣйшихъ лѣтописей мы видимъ только одно: краткое или подробное изложеніе физической жизни Государства. Мы видимъ, какъ тысяча людей умирали за князя, желающаго столъ своего сосѣда, какъ разоряли или строили города и пр. Но нигдѣ не видимъ, что̀ мыслили или чувствовали эти всѣ люди; однимъ словомъ, совершенно опущена изъ виду умственная часть государственной жизни. А въ этой жизни пропущенная лѣтописцами часть составляетъ главнѣйшій интересъ для Исторіи. Кто бы изъ насъ не пожертвовалъ всѣми лѣтописцами за такого лѣтописца, который подробно бы излагалъ намъ современную ему степень развитія всѣхъ массъ въ Государствѣ и объяснилъ бы тѣ мысли которыя въ его время были въ ходу. Этотъ недостатокъ нашихъ хроникъ побудилъ меня попробовать, по возможности, пополнить этотъ пробѣлъ и изслѣдовать: не возможно ли намъ узнать, до какой степени умственнаго развитія дошли наши предки, и какія научныя идеи были у нихъ въ ходу. Къ такому изслѣдованію мнѣ открылись два пути: филологическій и археологическій. Филологія, съ эластичностію своихъ выводовъ, давала мнѣ изученіемъ словъ много весьма любопытныхъ результатовъ, которые могутъ быть весьма остроумны, но которые не убѣждаютъ еще меня въ томъ, что наши предки дѣйствительно ихъ имѣли въ виду; они могли безсознательно до нихъ дойти, и не давать себѣ яснаго отчета. Въ противоположность филологической эластичности, является Археологія,—эта почти математическая наука по положительности своей. Въ ней я нашелъ памятники, которые пластично выражая мысль, неоспоримо доказываютъ что такая мысль или идея существовала въ такое-то время. Если въ древнія времена не желали бы осязательно выразить идею монотеизма, единаго Боже-

ства, то не стали бы сначала строить церкви съ одною главою. Когда захотѣли выразить Троицу, то построили храмы съ тремя главами и пр. Сколько такихъ примѣровъ мы найдемъ въ Археологіи; надо хорошо изучить памятникъ, и тогда идея, проведенная при его составленіи, при его созданіи, ясно представится глазамъ наблюдателя. Посредствомъ этихъ памятниковъ, съ помощью письменныхъ памятниковъ, я старался разузнать, что̀ наши предки выучились у Грековъ, что̀ сохранили они отъ Славянства и отъ Скандинавовъ. Когда мысль или сужденіе или суевѣріе, подтверждались вещественнымъ памятникомъ, т.-е., пластично были выражены нашими предками, то я положительно могъ сказать, что они имѣли и понимали такую то мысль. Пластичность археологическихъ памятниковъ есть алгебраическій выводъ для филологическаго X. Отъ того я назвалъ свое сочиненіе *Русскою Символикою.* Оно составитъ введеніе къ Исторіи Русской Археологіи. Когда пріѣду въ Москву, и если у васъ будетъ свободная минута, то прочту вамъ отрывокъ Символики. Матеріалы почти всѣ собраны и мнѣ остается только одна окончательная редакція. Что думаете вы, любезный Михаилъ Петровичъ, о моей мысли? Прощайте, любезный Михаилъ Петровичъ, обнимаю васъ отъ души. Кадушечка такъ развивается, что требуетъ уже названіе шарика; жена вамъ кланяется, а я еще разъ обнимаю. Напишите, что дѣлается въ Москвѣ? Читали ли вы два чудовищные фактичка объ университетахъ? Я сознаюсь, что довольствовался только созерцаніемъ ихъ внѣшняго вида“.

Отрывки изъ своего грандіознаго труда *Русская Символика*, графъ А. С. Уваровъ напечаталъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 года, подъ слѣдующими заглавіями:

1) *Образецъ Ангела Хранителя съ похожденіями* и

2) *Вѣтеръ.*

Куникъ, въ письмахъ своихъ къ Погодину, сообщалъ ему свои критическія наблюденія надъ источниками Древней Исторіи нашей.

„Недавно я“,—писалъ Куникъ (13 октября 1862)—„*принужденъ былъ* снова взяться за Егорія Храбраго, котораго, впрочемъ, я никогда не терялъ изъ виду. При этомъ я отчасти отыскалъ источники, изъ которыхъ образовались пѣсни о Егоріѣ Храбромъ. То, что во 2-й части объ этомъ сказалъ Рыбниковъ, непоколебимо. Я буду трактовать объ этомъ... Надъ Исторіей культа святого Георгія въ Византіи и Россіи стоило бы потрудиться. Какъ умѣютъ теперь въ Германіи разрабатывать легенды Среднихъ Вѣковъ! А у насъ приходится выслушивать насмѣшки и издѣвательства отъ ословъ всякаго рода, если считаешь легенды о святыхъ драгоцѣнными. Но вѣчнымъ позоромъ покрыло себя Русское Духовенство за то, что не принимается за изданіе *Четій-Миней Макарія.* Это есть убѣдительнѣйшее доказательство того, что оно недостойно развязать ремень обуви у тѣхъ мужей отдаленныхъ временъ, которые когда-то эти легенды записывали, переписывали и т. д. Безъ *Макарьевскихъ Чети-Миней* недостаетъ важнаго соединительнаго нерва между царскою Россіей и Византіей, легенды которой также имѣютъ свою прелесть и важность. Всегда говорятъ, что у Макарія встрѣчаются вещи, которыя не могутъ быть напечатаны, но все это *голоса темныхъ временъ*... Въ худшемъ случаѣ, можно ту или другую легенду отложить лѣтъ на десять, когда Просвѣщеніе подвинется впередъ. Вы должны бы были обратиться къ Духовенству съ открытымъ и смѣлымъ словомъ по поводу Макарія“.

Въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину (22 мая 1862) Куникъ сообщаетъ, что о Рюрикѣ и его братьяхъ, подъ искаженными именами, сохранилось сказаніе у Эстляндскихъ Шведовъ. Я напечатаю его въ своемъ сочиненіи, такъ же какъ и сказаніе Саксовъ на Сѣверномъ морѣ... *Фактъ призванія* Рюрика, такимъ образомъ, навсегда прочно установленъ, только слова *наша земля* и т. д. не удержались въ Несторовой формѣ. Несторъ принялъ Варяжскую форму, какъ онъ ее слышалъ“.

XLVI.

Въ 1862 году, Степанъ Александровичъ Гедеоновъ прислалъ, изъ Рима, въ Академію Наукъ отрывки своего классическаго сочиненія о Варяжскомъ вопросѣ. Сочиненіе это произвело переполохъ среди нашихъ норманистовъ, представителями которыхъ были Погодинъ и Куникъ.

„Я хочу быть терпимымъ",—писалъ Куникъ (29 апрѣля 1862) Погодину:—„и отдать печатать *Отрывки*. Впрочемъ, у Гедеонова есть много дѣльныхъ замѣчаній, и совершенно вѣрно, что многія изъ нашихъ основаній будутъ потрясены или подвергнуты сомнѣнію. Но это приведетъ насъ къ болѣе правильному пониманію" [239]).

Вскорѣ по полученіи, *Отрывки* были напечатаны въ приложеніи къ *Запискамъ Академіи Наукъ*, по просьбѣ автора, съ слѣдующимъ предисловіемъ Куника: „Прошло то время, когда въ Варяго-Русскомъ вопросѣ разсматривалось единственно и исключительно происхожденіе Руси. Именно это ограниченное пониманіе вопроса вызывало у многихъ мысль о томъ, что вопросъ этотъ есть только предметъ ученаго любопытства и не заслуживаетъ впредь особеннаго вниманія. Между тѣмъ, отъ времени до времени появляющіеся отзывы объ этомъ вопросѣ, какъ *еще нерѣшенномъ*, и вновь возникающія теоріи для его рѣшенія ясно свидѣтельствуютъ, что онъ стоитъ камнемъ преткновенія для тѣхъ, кто хотѣлъ бы составить себѣ ясное и твердое понятіе объ основной организаціи Русскаго Государства, особенно въ сревненіи ея съ происхожденіемъ другихъ Славянскихъ княжествъ и царствъ. Но этого мало. Знаніе Славянскихъ древностей не развилось еще до состоянія Науки. Шафарикъ, этотъ незабвенный Славянскій мученикъ, написалъ только историко-этнографическое введеніе къ этой будущей Наукѣ. Для самого же состава ея, который бы наглядно представилъ

намъ бытъ языческихъ Славянъ въ ихъ нравахъ, юридическихъ отношеніяхъ, въ религіозномъ вѣрованіи и умственномъ образованіи по письменнымъ источникамъ и по свидѣтельствамъ языка, обычаевъ и вещественныхъ памятниковъ, доселѣ произведены лишь слабыя предварительныя работы. Пополнить этотъ чрезвычайно чувствительный пробѣлъ по требованію современнаго состоянія Науки — необходимо; но прежде всего должно выяснить понятіе о Варяго-Русской стихіи во времена передъ Владиміромъ Святымъ, ужъ и для того, чтобы дать надлежащее мѣсто Несторовой лѣтописи въ Славянской и вообще средне-вѣковой Исторіографіи. Вѣдь дожили же мы до того, что Нестора, т.-е., редактора и продолжателя древне-Русской лѣтописи, обвиняютъ въ томъ, будто онъ облекъ свои личныя мнѣнія о Варяго-Руссахъ въ хитро обдуманную систему.

Представители Норманской системы въ нѣкоторомъ отношеніи сами виноваты, если противъ нихъ отъ времени до времени поднимались голоса. Нѣтъ сомнѣнія, что норманисты въ частностяхъ преувеличивали значеніе Норманской стихіи для Древне-Русской Исторіи, то отыскивая вліяніе ея тамъ, гдѣ, какъ я недавно замѣтилъ, оно было или ненужно или даже невозможно, то разбирая главныя свидѣтельства не съ однинаковой обстоятельностью и не безъ пристрастья.

Къ тому же вопросъ очень сложенъ и притомъ никто изъ норманистовъ не произвелъ полной системы, въ которой были бы разобраны всѣ свидѣтельства въ пользу и противъ норманизма одинаково основательно, подробно и безпристрастно. Антинорманисты, въ свою очередь, до сихъ поръ чуть ли не всѣ безъ исключенія слишкомъ легко принимались за дѣло. У однихъ не доставало знакомства съ современною Лингвистикою, безъ которой нельзя здѣсь пріобрѣсти твердой точки отправленія. Другіе, столь же мало знакомые съ методой исторической критики, развивали субъективныя мнѣнія, не заботясь о времени и мѣстности источниковъ и о положеніи, въ какомъ старинные писатели заносили въ письмен-

ные памятники свои извѣстія и свидѣтельства. Мы ужъ не придаемъ особеннаго вѣса тому, что нерѣдко брались за дѣло люди, или незнавшіе и половины всѣхъ относящихся сюда источниковъ, или неимѣвшіе никакого понятія о сравнительномъ изученіи Исторіи средне-вѣковыхъ народовъ, тогда какъ такимъ дѣятелямъ, какъ бы ни были они проницательны отъ природы, нельзя предоставить рѣшительнаго голоса въ подобныхъ изслѣдованіяхъ.

Сочинитель предлагаемаго изслѣдованія, Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ норманизма. Кромѣ того, что онъ строго держится въ границахъ чисто-ученой полемики, онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что не слегка берется за дѣло, а послѣ довольно обширнаго изученія источниковъ и сочиненій своихъ противниковъ, старается рѣшить вопросъ новымъ способомъ. Занимаясь около пятнадцати лѣтъ изслѣдованіями о Варяжскомъ вопросѣ и Славянскою Древностью вообще, С. А. Гедеоновъ пришелъ къ убѣжденію, что при несомнѣнномъ участіи въ Древне-Русской Исторіи Норманскаго элемента, Варяги были однакоже западно-Славянскаго происхожденія, а Русь искони особымъ восточно-Славянскимъ народомъ. Эти убѣжденія онъ изложилъ въ сочиненіи, коего первая часть имѣетъ заглавіемъ *Варяги*, а вторая—*Русь*. Вполнѣ окончить пространное сочиненіе ему, къ сожалѣнію, не дозволили обстоятельства, служба, путешествія и слабое зрѣніе. Онъ рѣшился издать извлеченіе изъ своего сочиненія и особенно приготовить для печати нѣсколько отрывковъ изъ послѣдней, менѣе обработанной части... Должно надѣяться, что со временемъ изданы будутъ и изслѣдованія о Варягахъ. А покуда они не напечатаны, нельзя навѣрное сказать, какую силу имѣетъ система автора въ противоположность Норманской. Но во всякомъ случаѣ надобно уже и теперь признать, что иное свидѣтельство, до сихъ поръ считавшееся неопровержимымъ или безусловно важнымъ для рѣшенія Варяжскаго

вопроса, авторъ разсматриваетъ съ новой стороны или указываетъ правильныя границы его значенію.

Ради успѣха самого дѣла, авторъ прямо выразилъ желаніе, чтобы я снабдилъ его трудъ моими примѣчаніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я съ нимъ буду не согласенъ. Изъявляя мою признательность за это лестное для меня довѣріе, я однакоже, по причинѣ другихъ занятій, не пользуюсь этимъ дозволеніемъ въ самомъ текстѣ сочиненія. Лишь къ концу я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, чтобы не подать другимъ повода къ недоразумѣнію на счетъ моихъ личныхъ взглядовъ" [240]).

Отправляя Погодину экземпляръ отпечатаннаго сочиненія Гедеонова, Куникъ писалъ ему (10 мая 1862): „Вы вѣрно будете удивляться тому, что я помѣстилъ въ *Запискахъ* это сочиненіе. Однако, для этого у меня было много основаній. Во-первыхъ, позднѣйшія главы содержатъ много важныхъ замѣчаній положительнаго свойства. Затѣмъ, у Гедеонова есть поводъ поднять сомнѣніе противъ многихъ составленныхъ нами понятій. Такія сомнѣнія должны быть устранены, и намъ надлежитъ выказать терпимость, потому что мы не можемъ быть побѣждены. Къ тому же, я лично хотѣлъ показать, что я не хочу быть такимъ исключительнымъ, какъ прежде. Академія такъ часто высказывала свое *pro*,—послушаемъ и другую сторону. Гедеоновъ самъ хотѣлъ, чтобы я написалъ предисловіе къ его труду, и я счелъ это вполнѣ справедливымъ, чтобы доказать молодымъ крикунамъ, что два различныхъ человѣка съ совершенно противоположными взглядами могутъ спорить между собою, не ссорясь. Здѣсь такое согласіе между мной и Гедеоновымъ произвело вездѣ хорошее впечатлѣніе. Окончательный отзывъ о статьѣ Гедеонова я не хочу еще пока высказывать, потому что еще не напечатаны остальныя главы".

Особенное вниманіе Куника въ сочиненіи Гедеонова обратила на себя глава XIII-я—о Варягахъ, Варянгахъ и Варингахъ, которая, по словамъ Куника, „представляетъ собою рѣзкую критику, которая когда-либо была произнесена про-

тивъ норманистовъ". Но,—утѣшаетъ себя Куникъ,—„положительный результатъ всего этого собственно равняется нулю, хотя онъ и торжествуетъ, что нашелъ Славянскій Warang (мечъ) у Люнебургскихъ Славянъ". Тѣмъ не менѣе, Куникъ сознается Погодину, что Гедеоновъ „ставитъ норманистамъ такіе вопросы", отвѣтить на которые затруднится и самъ Погодинъ.

Осенью 1862 года, Гедеоновъ возвратился въ Петербургъ, и Куникъ при личномъ свиданіи сказалъ ему: Vous êtes un homme plus que cruel. Non seulement vous avez pris d'assaut nôtre bourg défendu par des Fédérates varavargues, mais vous allez même nous mettre le varang à la gorge. Mais patience, nous conduisons sur le champ de bataille notre vieille *garde*".

XLVII.

Несторъ Лифляндскихъ историковъ, К. Э. Напіерскій, указалъ академику Кунику на одного бѣднаго труженика, служившаго по найму въ Публичной Библіотекѣ, Боннеля. Когда же послѣдній представилъ Кунику свое сочиненіе о годѣ битвы на Калкѣ, то онъ призналъ въ Боннелѣ „молодого, дѣльнаго изслѣдователя", и Кунику „пришло въ голову воспользоваться имъ для провѣрки хронологіи Русскихъ лѣтописей посредствомъ Лифляндскихъ источниковъ". Куникъ былъ убѣжденъ, что и Лифляндскіе историки „многому могли бы научиться изъ Русскихъ источниковъ". Куникъ находилъ, что „мы слишкомъ пренебрегаемъ Лифляндскими источниками, а они нашими". Чтобы отстранить „взаимную односторонность", Куникъ поручилъ Боннелю составить *Russisch-Livlaendische Chronographie* по Лифляндскимъ, Русскимъ и Ганзейскимъ источникамъ. Боннель со всеусердіемъ принялся за этотъ трудъ и съ успѣхомъ его окончилъ.

Но Боннель былъ очень бѣденъ, и Куникъ въ житейскихъ нуждахъ почтеннаго труженика принялъ трогательное участіе.

Цѣлый рядъ писемъ Куника къ Погодину посвященъ житейскимъ нуждамъ Боннеля, и эти письма украсятъ страницы біографіи почтеннаго академика.

12 февраля 1862 года, Куникъ писалъ: „Боннелю было поручено написать въ формѣ каталога все, что окажется въ Русскихъ источникахъ о Лифляндіи и Ганзѣ, а въ Лифляндскихъ и Ганзейскихъ источникахъ—о Россіи. Если бы положеніе Боннеля было лучше, я бы самъ принялъ больше участія во всемъ этомъ предпріятіи; но я удержался отъ этого, чтобы не сказали, что Боннель могъ написать свое сочиненіе только съ моею помощью“.

21 марта — —: „Положеніе Боннеля теперь дѣйствительно отчаянное. Уваженіе, которое вы ему оказали, подняло его духъ, но въ то же время онъ мнѣ подробно разсказалъ, въ какомъ удручающемъ положеніи находится онъ съ своей семьей, и что онъ, вслѣдствіе страшной нужды, отягощенъ долгами. Онъ ничего такъ пламенно не желаетъ, какъ посвятить всѣ свои силы обработкѣ Литовской Хронографіи; однако, если ему, кромѣ преміи, не дадутъ послѣ Пасхи лучшаго жалованья, то онъ потерянъ для Науки: я боюсь, что скорбь убьетъ его. Боннель чрезвычайно скромный, довольствующійся малымъ человѣкъ, который съ своей женой и четырмя дѣтьми привыкъ къ лишеніямъ. Въ немъ есть что-то Нѣмецки-неуклюжее и непрактичное, вотъ почему, могу это сказать по совѣсти, на него мало обращаютъ вниманія и тѣ лица, которыя прежде могли что-нибудь для него сдѣлать. Только въ ноябрѣ 1861 г., Корфъ увеличилъ его жалованье съ 25 рублей до 35, въ то время, какъ другіе, совсѣмъ не такіе способные и ученые труженики, уже давно получаютъ вдвое больше. Кромѣ этого онъ имѣетъ маленькое мѣсто въ реформированной школѣ и нѣсколько частныхъ уроковъ. Постоянное мѣсто въ Академіи я не могу ему доставить. Ваша же рекомендація очень помогла бы мнѣ устроить, чтобы ему назначено было для разработки Литовской Хронографіи ежегодно сто рублей. Деляновъ обѣщалъ сдѣлать *что-нибудь* для Боннеля, какъ только

новый уставъ Библіотеки войдетъ въ силу. Боннель могъ бы быть очень полезенъ при описаніи историческихъ рукописей на Латинскомъ и другихъ западныхъ языкахъ, но я все же не рѣшаюсь говорить объ этомъ А. Ѳ. Бычкову, потому что боюсь какъ бы не повредить черезъ это Боннелю. Корфъ былъ всегда доволенъ Боннелемъ, хвалилъ его прилежаніе и. т. д., но ничего для него не сдѣлалъ, частью потому, что на него имѣли вліяніе такъ называемые умные библіотекари. Корфъ могъ бы и теперь еще что-нибудь сдѣлать для Боннеля. Въ его распоряженіи есть различныя суммы. Между прочимъ, онъ легко могъ бы назначить ему рублей 50 въ мѣсяцъ изъ суммъ, ежегодно получаемыхъ имъ изъ Государственнаго Казначейства на собраніе матеріаловъ для Исторіи царствованія Императора Николая. Изъ этихъ 12000 р. онъ употребляетъ на это не болѣе половины, а другую половину онъ всегда обращалъ въ пользу Библіотеки. Корфъ могъ бы также доставить Боннелю какое-нибудь занятіе во Второмъ Отдѣленіи. Тамъ есть богатая юридическая Библіотека. Я думаю, что если вы объясните барону, какіе полезные труды издаетъ Боннель, какъ мало такихъ трудовъ, то онъ охотно сдѣлаетъ что-нибудь, особенно, если *вы* представите это ему, какъ заслугу Мецената для Русской Исторіи. Было бы желательно, чтобы Боннель крѣпко утвердился въ Публичной Библіотекѣ, — теперь онъ только вольнотрудящійся, — чтобы онъ свободно могъ пользоваться всѣми источниками и литературными пособіями. Но вы сами лучше знаете, что дѣлать".

29 апрѣля 1862 года: „Главная задача заключается въ томъ, чтобы Боннеля устроить въ Публичной Библіотекѣ, и здѣсь многое зависитъ отъ Бычкова. Я не рѣшаюсь говорить объ этомъ съ Бычковымъ, и не хочу, чтобы вы ему сослались на меня. Бычковъ въ этихъ дѣлахъ какой-то странный. Бычкову теперь подвѣдомственно Отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ, и онъ легко могъ бы сдѣлать Боннеля *помощникомъ*, т.-е., поручить ему *описаніе* многочисленныхъ рукописей на Латинскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ.

Боннель уже началъ описывать въ залѣ рукописей неизданные Латинско-Лифляндскіе акты, и все это дѣлалъ, чтобы пріобрѣсти благосклонность Бычкова. При этомъ Боннель очень признательный человѣкъ и въ будущемъ, безъ сомнѣнія, все будетъ дѣлать такъ, что Бычковъ останется доволенъ. Но дѣломъ этимъ надо поторопиться, потому что, какъ я слышалъ, Бычковъ черезъ десять дней уѣзжаетъ за границу. До его возвращенія Боннель можетъ умереть съ голода".

2 мая 1862 года: „Еще нѣсколько строкъ о Боннелѣ. Вчера я ходилъ съ А. Ѳ. Бычковымъ взадъ и впередъ по залѣ рукописей, и онъ самъ спросилъ у меня дружески мое мнѣніе, одобряю ли я его планъ описанія Русскихъ рукописей и просилъ меня оказать ему услугу въ Типографіи. Само собой рѣчь зашла о Боннелѣ. А. Ѳ. Бычковъ готовъ что-нибудь для него сдѣлать, т.-е., сдѣлать его помощникомъ при описаніи иностранныхъ рукописей, но *онъ* можетъ это тогда сдѣлать, когда будетъ утвержденъ новый проектированный уставъ. А это еще не такъ скоро будетъ. До этихъ поръ Боннель можетъ совсѣмъ погибнуть. Если вы еще ничего не написали Делянову, то сдѣлайте это, чтобы Боннель получилъ хоть маленькую прибавку жалованья ежемѣсячно, хоть 10 или 15 рублей. Послѣ частыхъ обращенныхъ ко мнѣ Деляновымъ вопросовъ о васъ, ваше ходатайство очень подѣйствуетъ".

26 мая 1862 года: „Боннель теперь болѣе чѣмъ когда удрученъ. Его положеніе, дѣйствительно, ужасно. Вчера въ Библіотекѣ онъ сказалъ: Если бы у него не было семьи, то онъ хотѣлъ бы умереть".

Наконецъ, Куникъ, 13 октября 1862 года, съ досадою писалъ Погодину: „Положеніе Боннеля не улучшается. Люди, въ родѣ Корфа, Делянова, и т. д., считаютъ работу Боннеля учеными пустяками" [241])!

XLVIII.

Наконецъ появилось въ свѣтъ сочиненіе Боннеля *Russisch-Livlaendische Chronographie.*

Куникъ напутствовалъ автора слѣдующими строками: „Въ наше борзописное время количество историческихъ книгъ и статей такъ быстро умножается, что добросовѣстнымъ изслѣдователямъ почти нѣтъ возможности по достоинству оцѣнивать все, что касается области ихъ спеціальныхъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ они теряютъ даже и охоту слѣдить за сочиненіями, которыя обнимаютъ вдругъ обширныя области Исторіи; ибо знаютъ по опыту, что изъ тѣхъ, которые хотятъ прослыть историками, многіе очень не глубоко вникаютъ въ свой предметъ, или даже посвящаютъ ему только трудъ компиляціи, или, наконецъ, прикрываютъ недостатокъ положительнаго знанія блестящимъ изложеніемъ.

Разсматривая съ этой точки съ каждымъ годомъ накоплявщуюся массу историческихъ книгъ и статей, невольно приходишь къ мысли, что едва-ли по какой-нибудь отрасли наукъ является въ Литературѣ столько безполезнаго и посредственнаго, какъ по Исторіи. Знатокамъ нѣтъ нужды объяснять, что при этомъ отзывѣ мы имѣемъ въ виду не только историческое изслѣдованіе, но даже и искусство историческаго изложенія. Конечно, пора противодѣйствовать этому историческому наводненію Литературы рѣшительнѣе, чѣмъ дѣлалось доселѣ. А противодѣйствіе возможно частію посредствомъ литературной критики, частію, и при обстоятельствахъ еще съ большимъ успѣхомъ, посредствомъ зрѣлыхъ историческихъ изысканій, которыя значительно пріумножили бы капиталъ твердаго историческаго знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчали бы трудъ для историковъ-художниковъ, а младшихъ и поверхностныхъ дѣятелей исторической Литературы вызывали бы испытать свои силы на серьезномъ трудѣ.

Къ явленіямъ такого рода должно относить особенно хронологическія изслѣдованія, потому что только ими открывается и объясняется связь событій. Особенно же плодотворными оказываются хронологическія изслѣдованія въ критикѣ и оцѣнкѣ лѣтописей среднихъ вѣковъ и послѣднихъ столѣтій. Предпринять хронологическія изслѣдованія такого рода по Русскимъ и Ливонскимъ лѣтописямъ и представить результаты этихъ изслѣдованій въ наглядной хронологической формѣ—на эту задачу вызывали разные поводы въ теченіе послѣдняго времени.

Необходимость сличенія извѣстій Русскихъ и Ливонскихъ лѣтописей между собою уже съ давняго времени ощутительна въ двухъ разныхъ областяхъ историческаго изслѣдованія, а именно: какъ у тѣхъ, которые занимались Исторіей Лифляндіи, преимущественно по Латинскимъ источникамъ, такъ и у тѣхъ, которые обработывали собственно Русскую Исторію, главнымъ образомъ, по Русскимъ источникамъ. Вполнѣ признавая плодотворныя усилія Лифляндскихъ изслѣдователей объяснить древность Балтійско-Русскихъ провинцій, надобно, однако, сказать, что они мало или вовсе не пользовались Русскими источниками и слишкомъ мало принимали во вниманіе нѣкоторыя спеціальныя изслѣдованія на Русскомъ языкѣ. Съ другой стороны, нельзя также не сознаться, что и Русскіе историки со временъ Карамзина почти всѣ оставляли безъ надлежащаго вниманія Лифляндскіе источники и труды Лифляндскихъ историковъ, особенно тамъ, гдѣ дѣло шло объ Исторіи Литовской Руси, также Новгорода и Пскова. Конечно, пора было принять мѣры противъ односторонняго обращенія съ Исторіей стольких и столь важныхъ частей въ Древней Россіи. Всего прямѣе къ цѣли, мнѣ казалось, составить Русско-Ливонскую Хронографію, въ которой были бы сведены вмѣстѣ Русскіе и Лифляндскіе источники и тѣмъ было бы положено надежное основаніе для строго-научнаго изслѣдованія историческаго отношенія Лифляндіи къ самой Россіи. Составленіе такой Хронографіи Императорская Ака-

демія Наукъ, по моему предложенію, поручила г. Боннелю, который до тѣхъ поръ съ любовію занимался собственно Лифляндской Исторіей и былъ поощряемъ въ этихъ занятіяхъ Несторомъ Лифляндскихъ историковъ, К. Э. Напіерскимъ. Послѣдній рекомендовалъ мнѣ г. Боннеля, какъ ученаго, особенно способнаго къ хронографическимъ трудамъ, которые я имѣлъ въ мысли. Доставленная мнѣ при этомъ случаѣ г. Напіерскимъ небольшая рукописная статья г. Боннеля, о 1222 годѣ, какъ времени битвы при Калкѣ, по Генриху Латышу, подала поводъ къ нѣсколькимъ статьямъ, и привела къ точнѣйшему опредѣленію задачи Русско-Литовской Хронографіи въ томъ значеніи, въ какомъ она казалась мнѣ нужною для вышепоказанной цѣли“ [242]).

По напечатаніи *Russisch-Livlaendische Chronographie*, Куникъ поручилъ Боннелю: заняться разработкою Литовской и Литовско-Русской *Хронографіи*, и составилъ проектъ этой разработки. Проектъ свой Куникъ представилъ на одобреніе Погодина и писалъ ему: „Къ слабымъ сторонамъ Русскаго и Польскаго историческаго изслѣдованія принадлежитъ, въ особенности, исторія Великаго Княжества Литовскаго. Чтобы получить для нея твердое основаніе, нужно подвергнуть обработкѣ имѣющіеся налицо источники.

Въ таковой *Литовской* и *Литовско-Русской Хронографіи* должны быть описаны всѣ, находящіяся въ напечатанныхъ источникахъ, свѣдѣнія о Литовцахъ, родственныхъ имъ Пруссахъ и Латышахъ *), также какъ и извѣстія о Русскихъ областяхъ, которыя, мало-по-малу были присоединены къ Литвѣ, до 1569 года, хотя и въ сжатомъ видѣ, какъ въ *Русско-Лифляндской Хронографіи*.

---

*) Я включаю Пруссовъ и Латышей, потому что такимъ образомъ можно получить матеріалъ по Славянскимъ древностямъ и по исторической Этнографіи. Сравнительно незначительныя свѣдѣнія о Пруссахъ и Латышахъ находятся, большею частью, въ тѣхъ хроникахъ, которыми будетъ пользоваться составитель при разработкѣ своей главной темы. *А. К.*

Главные источники:

1) Русскія и Русско-Литовскія хроники.

2) Польско-Латинскія и Польско-Литовскія хроники и извѣстія.

3) Латинскія и Нѣмецкія извѣстія и хроники Нѣмецкаго ордена въ Пруссіи и Лифляндіи.

4) Папскія извѣстія.

5) Ганзейскія извѣстія и, въ особенности, извѣстія города Данцига *).

При составленіи Хронографіи составитель долженъ собрать всѣ необходимые матеріалы: 1) для критическаго обзора упомянутыхъ хроникъ. 2) для составленія подробныхъ генеалогическихъ таблицъ Литовскихъ и Литовско-Русскихъ княжескихъ домовъ и 3) для составленія нѣкоторыхъ историко-географическихъ картъ.

Особенное вниманіе составитель долженъ обратить на Русскій элементъ въ Литовскомъ Государствѣ. Для этой цѣли онъ долженъ, между прочимъ, вмѣнить себѣ въ обязанность на каждомъ приводимомъ имъ извѣстіи кратко обозначать, на какомъ языкѣ оно написано.

На составленіе должно быть положено пять лѣтъ, а сосоставителю назначенъ ежегодный гонораръ въ четыреста рублей, за что онъ обязанъ представлять Академіи, въ концѣ каждаго года, соотвѣтствующую сроку рукопись **).

Печатаніе Хронографіи и объяснительнаго комментарія начнется только тогда, когда составитель достаточно подвинется впередъ въ своей работѣ; но печатаніе перваго тома (съ древнихъ временъ до 1386 года), можетъ быть начато не въ ущербъ единству цѣлаго, до окончательной редакціи послѣднихъ двухъ столѣтій, чтобы легче было обозрѣть и одо-

---

*) Данцигъ имѣлъ долгое время въ *Ковно* Контору, о чемъ мы теперь получаемъ подробныя извѣстія. *А. К.*

**) Иначе, я не могу это устроить. Ни Блудовъ, ни Веселовскій до сихъ поръ не хотѣли отказаться отъ ихъ мнѣнія, что гонораръ долженъ быть заплаченъ по окончаніи всей работы. *А. К.*

лѣть запасъ источниковъ для перваго и второго періода (отъ X вѣка до 1223 г.; отъ 1223—1386 г.)".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ извѣщалъ Погодина, что онъ „попытался устроить, чтобы Академія поручила Боннелю составленіе Литовской Хронографіи съ 1-го іюля 1862 года по 1 іюля 1866 года, если только будетъ согласенъ отсутствующій президентъ. Это ободрило Боннеля, но пока еще ничего ему не помогло, такъ какъ онъ получаетъ скудное жалованье только послѣ доставленія извѣстной части готовой къ печати рукописи. Чтобы Боннель могъ существовать и усердно работать, его доходъ долженъ увеличиться рублей до четырехъ сотъ въ годъ, независимо отъ жалованья въ Академіи. Я, по крайней мѣрѣ, настоялъ въ Академіи, чтобы онъ въ продолженіе отъ 1862—1866 года ежегодно получалъ четыреста руб. Но работа эта ужасно трудная".

Въ другомъ письмѣ Куникъ писалъ Погодину: „Боннель уже прилежно работаетъ надъ Литовской Хронографіей... Слишкомъ много путаницы и источники слишкомъ разбросаны".

XLIX.

Когда сочиненіе *Russisch-Livlaendische Chronographie* было уже напечатано, то Куникъ, продолжая принимать живое участіе въ житейскихъ нуждахъ Боннеля, просилъ Погодина, чтобы онъ написалъ разборъ этого сочиненія для присужденія ему Демидовской преміи. „Отнеситесь же милостиво къ Боннелю",—писалъ Куникъ къ Погодину,—„и къ доброму дѣлу".

Погодинъ согласился, и принялся за разборъ. Въ *Дневникѣ* его находимъ слѣдующіе записи:

Подъ *19 марта 1862 года*: „Читалъ Боннеля.
— *20* — — —: Читалъ для разбора Боннеля.
— *24* — — —: За Боннелемъ.
— *29* — — —: Надъ Боннелемъ.
— *30* — — —: Надъ Боннелемъ.
— *31* — — —: Надъ Боннелемъ.

— *2 апрѣля* — —: Надъ рецензіей Боннеля. Написалъ кое-какъ.

— *17 — 18 мая* — —: Надъ Боннелемъ. Написалъ письмо къ Корфу о Боннелѣ.

— *19* — — —: Подготовилъ и перечитывалъ Боннеля".

Куникъ остался очень доволенъ разборомъ Погодина. „Вы меня", — писалъ Куникъ, — „имъ порадовали; такъ кратко, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно вѣрно охарактеризованъ трудъ" [243]).

Погодинъ писалъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Академіи угодно было поручить мнѣ разсмотрѣніе хронологическихъ изслѣдованій покойнаго Энгельмана въ области Русской и Ливонской Исторіи, въ XIII и XIV столѣтіяхъ, и я очень радъ былъ случаю засвидѣтельствовать ихъ несомнѣнныя достоинства и вмѣстѣ права на вниманіе ученой Комиссіи. Тѣ же достоинства и тѣ же права, но только гораздо въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, представляетъ Русско Ливонская Хронографія Боннеля, которую разсмотрѣть поручила мнѣ Академія въ нынѣшнемъ году. Энгельманъ предназначалъ себѣ тѣсные предѣлы: нѣсколько лѣтъ и нѣсколько происшествій. Боннель обнимаетъ всю Исторію сношеній Ливоніи и сопредѣльныхъ странъ Прибалтійскихъ съ Россіею, и изслѣдуетъ время всѣхъ значительныхъ происшествій, въ этомъ смыслѣ, до 1410 года, то есть, до эпохи, когда Нѣмецкій орденъ понесъ рѣшительное пораженіе.

По этой причинѣ, заглавіе, которое далъ онъ своему труду, кажется мнѣ слишкомъ скромнымъ, и даже неточнымъ, подающимъ поводъ къ недоумѣнію, ибо нельзя требовать отъ всѣхъ читателей, чтобъ они подъ Лифляндіей разумѣли всѣ три Остзейскія губерніи, какъ то употреблялось нѣкоторое время въ разныхъ сочиненіяхъ и памятникахъ.

По внимательномъ разсмотрѣніи, смѣю сказать утвердительно, что это трудъ важный, полезный, въ полномъ смыслѣ слова капитальный, служащій достойнымъ продолженіемъ трудовъ Лерберга, Круга, Френа, Шегрена, для Русской Исто-

ріи. Русская Исторія, что касается до княжествъ Новгородскаго, Псковскаго и Полоцкаго, до отношеній ея къ племенамъ Латышскимъ и Финскимъ, къ князьямъ Литовскимъ, и наконецъ къ Шведамъ и городамъ Ганзейскимъ,—получаетъ здѣсь значительное пособіе и вмѣстѣ объясненіе нѣкоторыхъ затруднительныхъ, преимущественно хронологическихъ вопросовъ.

Что же касается до собственной Исторіи Остзейскаго края, то она обогащается здѣсь, разумѣется, еще болѣе Русской.

До сихъ поръ, къ сожалѣнію, Русскіе изслѣдователи не обращали достаточнаго вниманія на Ливонскіе источники, а изслѣдователи Нѣмецкіе не отличались знакомствомъ съ Русскими лѣтописями и грамотами. Этотъ недостатокъ теперь значительно исправленъ и дополненъ.

Въ чемъ состоитъ вообще задача подобной Хронографіи?

Во-первыхъ, собрать по возможности во едино всѣ быти (facta), имѣющія сценою извѣстную страну, и разсѣянныя по разнымъ источникамъ.

Эта задача исполнена совершенно удовлетворительно; всѣ извѣстные источники исчерпаны почти до дна: лѣтописи, грамоты, сказанія, какъ туземныя, такъ и сосѣднія—Русскія, Литовскія, Нѣмецкія, Римскія. Напрасно сталъ бы припоминать референтъ, что здѣсь пропущено. Сужу преимущественно по происшествіямъ, записаннымъ въ Русскихъ лѣтописяхъ. Самъ занимаясь уже давно составленіемъ хронологическаго указателя ко всей Древней Русской Исторіи, я сличилъ свои показанія, данныя, съ данными Боннеля, и удостовѣрился, что онъ воспользовался нашими лѣтописями очень тщательно; развѣ только въ началѣ 13-го столѣтія, 1210—1220 гг., можно указать на нѣкоторыя упущенія, и недостаточную обработку Новгородской лѣтописи.

Вообще, если Боннель такъ успѣшно воспользовался Русскими источниками, то собственные источники, ему болѣе знакомые, употреблены имъ еще отчетистѣе,—можно предположить даже à priori.

Нѣкоторыя данныя Русскія кажутся излишними въ Ливонской Хронографіи, другія недостающими (напримѣръ, о дѣйствіяхъ Мстислава Мстиславича), но здѣсь весьма трудно сдѣлать строгое распредѣленіе, и должно предоставить выборъ частному воззрѣнію изслѣдователя.

Вторая задача состоитъ въ томъ, чтобъ разобрать, какому источнику слѣдуетъ оказать предпочтеніе при хронологическомъ опредѣленіи того или другого событія, и на какихъ основаніяхъ, ибо многія происшествія значатся въ разныхъ источникахъ подъ разными годами, а другія предлагаются вовсе безъ указаній.

Эта задача гораздо труднѣе простого собранія событій, и одинъ годъ опредѣлить требуетъ иногда долгаго и тяжелаго изслѣдованія, при разности въ показаніяхъ, при запутанности обстоятельства, при обыкновенныхъ умолчаніяхъ.

Смѣло засвидѣтельствовать можно, что ни одного событія не поставлено авторомъ наобумъ, что онъ имѣлъ въ виду всѣ главныя, до сихъ поръ изданныя изслѣдованія (напримѣръ, Фохта, Лаппенберга, Репеля, Бунге, Напирскаго и проч.), и выбралъ изъ нихъ, а въ нужныхъ случаяхъ, вывелъ вѣроятнѣйшія заключенія.

Я увидѣлъ здѣсь нѣсколько своихъ ошибокъ, кои съ благодарностію и исправлю въ дополненіяхъ къ изслѣдованіямъ моимъ, печатаемымъ въ Запискахъ Второго Отдѣленія.

Нѣкоторыя данныя опредѣляются нами различно, но у каждаго по своимъ основаніямъ, кои и подвергнутся ученому суду. Укажу здѣсь для примѣра на сраженіе при Калкѣ, которое Боннель, какъ и Куникъ, относятъ ранѣе 1224 года, общепринятаго Карамзинымъ и другими изслѣдователями. Мнѣ кажется, оба ученые увлекаются довѣренностію къ Генриху Латышу, и забываютъ, что нашествіе Татарское есть для него происшествіе постороннее, отдѣльное, которое занесъ онъ въ свою лѣтопись по слухамъ. Ненадо упускать изъ виду, что и Русскія лѣтописи не сами собою опредѣляютъ его различно, ибо *одно* современное сказаніе помѣ-

щаютъ онѣ у себя въ различныхъ извлеченіяхъ. Иное дѣло самому записать происшествіе подъ тѣмъ или другимъ годомъ, иное—пріурочить послѣ чужое описаніе къ тому или другому году. Впрочемъ, съ Куникомъ (см. Уч. Зап. Акад. по I и III отдѣл. Томъ II, стр. 513) можно сойтись скорѣе, чѣмъ съ г. Боннелемъ, но я не могу теперь вообще выразиться рѣшительно, потому что не готовъ съ полною Хронологіей Мстислава Галицкаго. Это мимоходомъ.

Я долженъ замѣтить здѣсь только, что напрасно г. Боннель вдался въ изслѣдованія, какому тексту въ нашихъ лѣтописяхъ должно вообще оказать предпочтеніе, а равно и нѣкоторыя древнѣйшія показанія представилъ не согласно съ общепринятыми мнѣніями, напримѣръ, о прибытіи Рюрика, Рогвольда и проч. Чтобъ утвердить то или другое его мнѣніе, изслѣдованія его недостаточно, слѣдовательно, въ настоящемъ объемѣ оно излишне для Русской-Лифляндской Хронографіи. Супральскій текстъ, цѣнимый имъ высоко, долженъ быть гораздо новѣе его предположенія. Переяславскій указываетъ только на подлинникъ, древнѣе нынѣ извѣстныхъ.

Гораздо было бы полезнѣе, если бы онъ представилъ, вмѣсто того, полное историко-критическое обозрѣніе Ливонскихъ источниковъ съ замѣчаніями объ ихъ достовѣрности и объ ихъ лучшихъ изданіяхъ.

Касательно третьей задачи, долженъ я замѣтить, что метода, избранная Боннелемъ для изложенія—отличная: смотря на его Хронографію, вы видите, такъ сказать, движеніе событій, въ совершенной ясности, свободное отъ всѣхъ разсужденій, здѣсь не нужныхъ, и незапутанное никакими вставками. Вмѣстѣ видите въ совокупности и самыя свидѣтельства, на коихъ то или другое извѣстіе основывается, подлинными словами, въ разумномъ извлеченіи.

Наконецъ, здѣсь же вы встрѣтите указанія на комментарій, гдѣ извѣстное происшествіе изслѣдуется обстоятельно, и гдѣ показываются причины, почему оно занимаетъ въ Хронографіи то или другое мѣсто.

Такимъ образомъ, читателю-критику облегчается средство провѣрить автора, или сдѣлать свои собственныя изслѣдованія,—примѣръ прекрасный и достойный подражанія для Русскихъ издателей.

Въ комментаріяхъ находится много особыхъ, такъ сказать, монографій, болѣе или менѣе подробныхъ, которыя служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ трудолюбія и добросовѣстности автора: таковы, изслѣдованія о началѣ и прекращеніи дѣятельности нѣкоторыхъ князей Новогородскихъ и Полоцкихъ, Ливонскихъ гермейстеровъ и Рижскихъ епископовъ; о договорахъ Ганзейскихъ и объ отношеніяхъ Ганзы къ Новгороду, непосредственныхъ и посредственныхъ, чрезъ Лифляндію; о взаимныхъ отношеніяхъ Лифляндіи и Литвы, Литвы и Пруссіи, о походѣ Лифляндскомъ на Псковъ, въ 1308 года; объ Орѣховскомъ договорѣ и проч.

Смѣю думать, что одно указаніе главныхъ достоинствъ въ сочиненіи г. Боннеля, достаточно можетъ убѣдить всякаго безпристрастнаго судью въ ея правахъ на достойную награду.

Входить въ частныя изслѣдованія нѣкоторыхъ недостатковъ или ошибокъ, я считаю здѣсь излишнимъ: это дѣло литературной критики, которая въ свое время дастъ отчетъ.

Я же, съ своей стороны, принимаю на себя смѣлость замѣтить автору, что кромѣ обозрѣнія источниковъ, о которыхъ упомянулъ я выше, и которое можно предпослать сочиненію въ формѣ предисловія, желательно было бы имѣть отъ него хронологическій реестръ источниковъ, и наконецъ, *карту* Балтійскаго поморья съ означеніемъ главныхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Исторіи, преимущественно древней. Приложеніе карты я считаю необходимымъ, не только что въ высшей степени полезнымъ.

Замѣтно также, что Боннелю хочется отдалить хоть сколько-нибудь подчиненіе Латышскихъ и Финскихъ племенъ Русскимъ, и относительно времени, и относительно мѣста,—въ чемъ грѣшилъ и самъ Шегренъ.

Все это мелочи, ничтожныя въ сравненіи съ значитель-

ными учеными достоинствами Хронографіи, которую вполнѣ считаю заслуживающей *полную Демидовскую премію*, и смѣю думать, что Академія принесла бъ большую пользу Наукѣ, и въ особенности Русской Исторіи, если бъ зависящими отъ нея средствами побудила Боннеля къ продолженію его труда" [244]).

Нѣкоторыя мѣста въ рецензіи Погодина, побудили Куника написать ему: „Ваша рецензія вполнѣ удовлетворительна. Только мѣсто о битвѣ на Калкѣ, сказать съ вашего позволенія, написано очень поверхностно. Между мною и Боннелемъ здѣсь есть разногласіе. Онъ стоитъ на 1222 году, я же на 1223-мъ. Русскія лѣтописи ничего не даютъ для рѣшенія этого вопроса, потому что вездѣ вставка". Въ другомъ письмѣ своемъ Куникъ писалъ: „Относительно Генриха Латыша будьте осторожны. Я не имѣю никакого особеннаго пристрастія къ нему, но онъ замѣчательно точенъ въ Хронологіи, исключая только Татарскаго нашествія. Карамзинъ зналъ его только по изданію Грубера, но вычисленія Грубера почти всѣ невѣрны, потому что онъ не зналъ, что Генрихъ велъ счетъ по *Marienjahren* и не зналъ епископства Альберта. Въ новомъ изданіи *Scriptores rerum Livonicorum* (1849 г.), при Латинскомъ текстѣ, сохранены ложныя Груберовскія вычисленія; но въ Нѣмецкомъ переводѣ, у Гаузена, на поляхъ, поставлено вѣрное число" [245]).

Надо замѣтить, что самъ Куникъ, въ *Ученыхъ Запискахъ Академіи* (1854), напечаталъ свое замѣчательное изслѣдованіе: *О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ.*

Это изслѣдованіе обратило на себя вниманіе П. М. Строева, и онъ, 9 апрѣля 1855 года, писалъ М. А. Коркунову: „При свиданіи съ А. А. Куникомъ, покорнѣйше прошу сообщить ему: его изслѣдованіе о Калкской битвѣ я прочиталъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Историческая (т.-е., наша) Литература не представляетъ ничего подобнаго. У меня есть лѣтопись (Тверская *), подтверждающая многіе Куника выводы" [246]).

*) См *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб., 1878 г., стр. 488—493.

L.

25 апрѣля 1862 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Я положилъ значительную часть капитала на заводъ мѣдный (на Уралѣ), устраиваемый Вагнеромъ, братомъ покойной моей жены. Если заводъ пойдетъ такъ, какъ обѣщаетъ Вагнеръ, оставившій для меня службу и мѣсто почти губернаторское, то я съ семействомъ обезпеченъ, и тебѣ готовъ буду служить, чѣмъ хочешь, ибо всегда одинаково смотрѣлъ на тебя и твое, какъ на самое близкое" [247]).

Опытный предприниматель Кокоревъ не сочувствовалъ предпріятію Погодина.—„Вы чудакъ",—писалъ онъ ему. „Не сами ли вы писали мнѣ о бюджетѣ приходовъ и расходовъ. Неужели же вы пошли въ заводчики на Уралъ—безъ всякихъ средствъ? Это уже просто вѣтренность, широкое, Русское, историческое оберъ-авось" [248]).

Съ цѣлію ознакомиться на мѣстѣ съ своимъ предпріятіемъ, Погодинъ, 1-го іюня 1862 года, предпринялъ путешествіе на Уралъ [249]).

Послѣдуемъ и мы за нимъ.

Свѣдѣнія о путешествіи Погодина на Уралъ мы почерпаемъ изъ сохранившихся отрывковъ его *Дорожнаго Дневника*.

Въ предисловіи къ этому *Дневнику*, Погодинъ писалъ: „Въ нынѣшнюю поѣздку мнѣ случилось останавливаться во многихъ городахъ, дня по два и по три, и осматривать ихъ достопримѣчательности. Я припоминалъ событія, коимъ они были сценою и думалъ объ ихъ Исторіи. Не стыдно ли, что до сихъ поръ нѣтъ у насъ хотя бы краткаго прочнаго общедоступнаго занимательнаго ихъ описанія. Чѣмъ же питать намъ народное чувство, чѣмъ привязывать людей къ Отечеству, къ мѣсту своего рожденія, какъ не Исторіей. О чемъ думаютъ наши попечители, директоры, инспекторы, учители и господа министры Просвѣщенія. Всѣ пренебрегли этими

мѣрами и смотрите теперь, какъ дворяне, а за ними и купцы бѣгутъ за границу, и остаются тамъ жить и воспитывать дѣтей. Сколько Русскихъ семействъ поселилось въ Дрезденѣ, Гейдельбергѣ, Парижѣ, Ниццѣ и пр. пр.

Отечество мое чрезъ сихъ ли ослѣпленныхъ,
Ты будешь силою и славою возрастать.

Отмѣчу главныя черты изъ Исторіи городовъ, гдѣ мнѣ случилось нынѣ быть; потолкую, пристыжу, авось явятся мѣстныя передѣлки, описанія, руководства для учащихъ, для жителей, для путешественниковъ.

Троицкая Лавра, Александровъ, Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Кострома, Нижній, Казань, Пермь, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Владиміръ.

Какія примѣчательныя мѣста! А мы проѣзжаемъ ихъ равнодушно. Мы слѣпы и глухи, а они нѣмы. Есть нѣсколько описаній, но устарѣлыхъ, сухихъ, безконечныхъ, наполненныхъ ненужными подробностями, ихъ надо передѣлать, сократить, дополнить, оживить, раскрасить.

Троицкая Лавра. св. Сергій. Его жизнь въ пустыни. Видѣнія. Димитрій Донской, принимающій благословеніе. Пересвѣтъ и Ослябя, начинающіе Куликовскую битву. Св. Никонъ. Памятники отъ нихъ оставшіеся: деревянные сосуды св. Сергія, крашенинныя ризы его, служебникъ харатейный. Отношенія Іоанновъ. Максимъ Грекъ. Дары Бориса Годунова. Могила его семейства. Службы по немъ. Польская осада. Авраамій Палицинъ и его участіе въ освобожденіи Москвы, Россіи. Архимандриты Іоасафъ и Діонисій. Ихъ грамоты. Миръ Деулинскій. Убѣжище для Петра. Софія и Хованскій. Казнь Щегловитаго. Митрополитъ Платонъ и его учрежденія. Виѳанія. Митрополитъ Филаретъ. Нынѣшнее состояніе, ризница, богомольцы, статистическія наблюденія. Духовная Академія и ея воспитанники.

Александровъ остался у насъ въ сторонѣ, потому что наши инженеры не хотятъ, кажется, знать ничего, кромѣ линій, но я

былъ тамъ прежде. Пребываніе Іоанна Грознаго. Событія изъ его жизни въ слободѣ. Псалтирь. Его монастырь и монашеская жизнь. Московское посольство не отказываться отъ царства. Казни. Сыноубійство. Соборъ имъ основанный. Васильевскія двери, привезенныя имъ изъ Новагорода. Слѣды жилища Іоаннова. Подвалы и погреба. Итальянскіе часы. Пребываніе двухъ сестеръ Петра Великаго. Кожаныя деньги. Купецъ Барановъ и его мануфактурная дѣятельность. Мысль—привозить хлопчатую бумагу изъ Средней Азіи. Переяславль".

Сохранилось письмо Погодина къ Ѳ. И. Тютчеву, отъ 12 іюня 1862 года, въ которомъ Погодинъ описываетъ свое пребываніе въ Ярославлѣ: „Вотъ откуда я пишу къ вамъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ. Въ Ярославлѣ, гдѣ съ товарищемъ (купцомъ Пастуховымъ) долженъ сѣсть я на пароходъ, должно мнѣ было прождать трое сутокъ. Какое прекрасное положеніе (Ярославля)! Сколько древностей церковныхъ, преданій купеческихъ. Лица, имена, мѣста—все интересно. Есть иконостасъ по рисунку Волкова. Видѣлъ пустырь, гдѣ стоялъ сарай, въ коемъ первая Русская труппа, съ Волковымъ во главѣ, начала свои представленія. Владѣлецъ и не зналъ объ этомъ. Убѣдилъ его поставить памятникъ. Есть большой домъ призрѣнія бѣдныхъ, основанный купцомъ Кучумовымъ при Екатеринѣ. Указываютъ мѣсто, гдѣ содержался Биронъ. Много сдѣлалъ городу Безобразовъ. Аллеи, бульвары... Въ Лицеѣ можно помѣстить четыре тысячи, а учатся сорокъ человѣкъ. Доми́на страшный, а профессорамъ нѣтъ квартиръ. Чортъ знаетъ, что это за глупое управленіе. Казенныя Екатерининскія строенія разваливаются, а новыя строятъ"!

14 іюня 1862 года, Погодинъ приплылъ къ Макарьеву. „Вотъ Макарьевъ",—писалъ онъ,—„купцы всѣ сбѣжались на палубу и начали креститься, и потомъ разсказывать, вспоминать. Мой крѣпкій старикъ *) почти прослезился: сколько

---

*) Прикащикъ Пастухова. *Н. Б.*

лѣтъ мы сюда пріѣзжали, здѣсь торговали. Чего здѣсь ни бывало и проч.“ Тутъ Погодину довелось выслушать разсказъ о продажѣ казенныхъ строеній и разныхъ злоупотребленіяхъ. Разумѣется, все это происходитъ отъ недостатка гласности“.

Погодинъ примѣтилъ, что „берегъ монастырскій безпрестанно подмывается водою, и опасность угрожаетъ монастырю. На противоположномъ берегу живописная усадьба. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ отмѣтилъ нѣкоторыя купеческія поговорки, которыя случилось услышать ему въ ихъ разговорѣ: *Не учитъ покупка, учитъ продажа. Купить, какъ вошь убить, а продать—что блоху поймать. Это человѣкъ мятой.*

Въ Казань наши путешественники прибыли 15 іюня. „Дорога“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„отъ пристани до города—головоломная, гостинница въ огромномъ каменномъ домѣ, сродни Переяславской. Какимъ ситцемъ обтянуты диваны и стулья! Сколько пыли на нихъ, сколько сору на полу. Что за грязь въ корридорахъ. Пошли обѣдать въ другую, первую въ городѣ. Залы огромны. Органъ. Столъ прекрасный, но опрятности все-таки нѣтъ, начиная съ лѣстницы“.

Затѣмъ Погодинъ отправился въ Университетъ и спросилъ о князѣ Вяземскомъ *).—Его здѣсь нѣтъ.—Гдѣ же онъ?—Не знаемъ. — Давно уѣхалъ? — Онъ уѣхалъ ужъ съ полгода. — Кто же здѣсь попечителемъ? — Г. Стендеръ. Въ первый разъ отъ роду Погодинъ услышалъ это имя, которому, замѣтилъ онъ, теперь подчинено Просвѣщеніе Русское даже до Восточнаго океана“. Погодинъ заходилъ также на университетскій дворъ, „чтобы поклониться памятнику Державина“.

Въ кратковременное пребываніе въ Казани, Погодину удалось повидаться съ нѣкоторыми профессорами. Отыскалъ Ковалевскаго, который былъ ему радъ безъ памяти, и они помянули стариковъ. Ковалевскій разсказывалъ Погодину

---

*) Князь Павелъ Петровичъ, бывшій попечитель Казанскаго Учебнаго Округа. *Н. Б.*

объ ужасномъ разстройствѣ Округа. Въ какомъ-то училищѣ ученики, учители съ почетнымъ смотрителемъ пировали вмѣстѣ въ Страстную пятницу, пили, ругались. Въ Перми открыто какое-то тайное печатаніе. Профессоръ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ „утѣшилъ Погодина напечатанными имъ службами Св. Кириллу и Меѳодію. Онъ собирается оставить Казань".

Вмѣстѣ съ Григоровичемъ Погодинъ прогулялся по городу и зашли посмотрѣть въ балаганѣ на *Сотвореніе міра*. „Вотъ"— замѣчаетъ Погодинъ, — „за такими явленіями не смотритъ наша цензура. Изъ сотворенія міра составить балаганное зрѣлище для народа—помилуйте, до чего мы дожили! И молчатъ наши архіереи и духовенство не смѣетъ рта разинуть, а гражданское начальство не понимаетъ, что̀ есть непозволительнаго".

На другой день (16-го іюня), Погодинъ поплылъ далѣе на пароходѣ *Бурлакъ*. „Капитанъ", — пишетъ онъ,— „прелюбезный, и мы расположились отлично, успокоенные, что останемся такъ до Перми. На пристани окружили насъ Татары съ апельсинами, папиросами и прочимъ снадобьемъ. Не запомню по какому-то поводу я сказалъ одному: Да развѣ Магометъ это позволяетъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но я грѣшный человѣкъ.—Это, братъ, по-Русски. Женатъ ли ты?—Неначто достать жены. Поплыли. Поднялся вѣтеръ. Съ прикащика Пастуховскаго снесло фуражку съ головы въ воду.—Э, закричалъ его сосѣдъ, отправилась рыбу ловить. Старикъ былъ однако же опечаленъ: я купилъ, говоритъ, фуражку-то въ Петербургѣ.—Небось три рубля далъ, промолвилъ хозяинъ.— Нѣтъ, два.—Ну я тебѣ куплю такую же. Этотъ старикъ правая рука Пастухова, и управляетъ всею желѣзною его торговлею. Нѣтъ такого мастера купить и продать, какъ онъ, открылся мнѣ Пастуховъ. Онъ орудуетъ у насъ лѣтъ тридцать и получаетъ жалованья по пяти тысячъ въ годъ, а прежде служилъ въ кучерахъ".

Въ Богородскомъ сѣло на пароходъ множество бурлаковъ, которые сплавляли караванъ внизъ, „заработывая рублей по

двадцати на брата. Для нихъ сбавлена цѣна, по два рубля до Перми. Имъ удобно и обществу выгодно. Не тяжело ли для парохода? спросилъ Погодинъ капитана.—Нѣтъ, я могъ бы посадить триста. И такъ, нашъ *Бурлакъ* повезетъ девяносто бурлаковъ, которые прежде сами тянули суда своими плечами. Здѣсь примѣтно большое движеніе: каравановъ много".

Приплыли къ устью Камы. „Когда",—замѣчаетъ Погодинъ,—„въ Волгѣ воды мало, тогда Кама бурлитъ, а когда много, такъ утихаетъ". Толковалъ Погодинъ съ солдатомъ, который „съ Кавказа, отслуживъ службу, возвращался домой, къ женѣ, къ родителямъ: куда-то за Пермь; что за радость, что за удовольствіе слышалось въ каждомъ его словѣ. Вотъ оно чувство родины".

Поутру рано (17 іюня), пароходъ *Бурлакъ* остановился передъ Чистополемъ. Пользуясь остановкой, Погодину хотѣлось „зайти въ соборъ, подать за здравіе И. Ѳ., Чистопольскаго купца, но побоялся опоздать". Плохія *избенки* на берегу обратили на себя вниманіе Погодина, и онъ спросилъ встрѣтившуюся женщину: Отчего это у васъ такая бѣдность? —Отъ лѣни, отвѣчала она не задумавшись". Между тѣмъ, бурлаки, замѣтилъ Погодинъ, „вышедъ на берегъ, принялись играть, то есть, драться, толкаться и валять другъ друга на землю. Что за дикость или одичалость. Трудны ли для нея преступленія".

Пастуховъ разсказывалъ Погодину, какъ они принимали въ Ярославлѣ Наслѣдника Александра Николаевича: „Надо же быть счастію: передъ пріѣздомъ его попался у насъ въ Волгѣ осетръ, чего и старики не запомнятъ. И онъ былъ очень доволенъ: писалъ къ Царю-батюшкѣ и Царицѣ, что нигдѣ не было ему такъ весело, какъ въ Ярославлѣ. Когда мнѣ послѣ случилось представляться вскорѣ, Александра Ѳедоровна спросила: Чѣмъ вы такъ угостили Сашу? Нашимъ усердіемъ матушка, Ваше Императорское Величество. Пять разъ ручку у нея поцѣловалъ. А когда пріѣхалъ я поздравлять съ совершеннолѣтіемъ, такъ и къ министру не являлся,

а прямо во Дворецъ, а тамъ всѣ уже депутаты собрались. Пришлось мнѣ стоять послѣднему, стыдно, непріятно, а Государь-батюшка подошелъ ко мнѣ, потрепалъ по плечу и сказалъ милостивое слово". Выслушавъ этотъ разсказъ, Погодинъ замѣтилъ: „О такомъ усердіи не имѣютъ понятія столичные жители". Вслѣдъ за симъ Погодинъ записалъ: „Широкое устье рѣки Вятки, а городъ Вятка еще въ четырехстахъ верстахъ отсюда, а далѣе Бѣлая, текущая изъ Оренбургской обширной стороны, а повыше Пермь, Соликамскъ. Какія мѣста, какія страны, какія богатства, если бы приложить къ нимъ руки"!

Когда пароходъ (18 іюня) подошелъ къ Сарапулу, капитанъ собрался въ городъ.—Зачѣмъ?, спрашиваетъ Погодинъ. —Покупать сапоги.—Почему же здѣсь?—Потому что здѣсь они дешевле всего". Это заинтересовало Погодина, и онъ отправился за капитаномъ и купилъ двѣ пары сапоговъ, одни опойковые, другіе козловые, двѣ пары калошъ, двѣ пары женскихъ ботинокъ и за все заплатилъ десять рублей. „Здѣсь",—замѣчаетъ Погодинъ,— „издавна есть кожевенный заводъ, а работа дешевая. Прежде еще было дешевле, а теперь нѣкоторые торговцы вздумали повезти свои товары на ярмарку и получили большіе барыши и набили цѣну. По крайней мѣрѣ стали работать лучше, чище, крѣпче?—Нѣтъ, хуже: торопятся, а съ рукъ сойдетъ. Вотъ вамъ правила Русской промышленности по губерніямъ, въ столицахъ только нѣкоторые стали смотрѣть иа дѣло поумнѣе".

„Время стоитъ прекрасное",—записываетъ Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ*,—„и плаваніе наше очень пріятно. Пароходомъ очень довольны. Столъ, съ ухою и разварною стерлядью, отличный".

Гуляя по обширному лугу и встрѣчая нѣсколько городскихъ жителей, шедшихъ къ пароходу, Погодинъ думалъ о нихъ: „Толкуете ли вы добрые люди о лордѣ Пальмерстонѣ, думаете ли о Гарибальди? Вѣроятно нѣтъ, а благодарите Бога, если попадется къ вамъ на кормленіе Антонъ Анто-

новичъ такой, который справляетъ именины на св. Онуфрія, кромѣ св. Антонія“.

По пріѣздѣ въ Пермь (20 іюня), Погодинъ сталъ отыскивать указаній для дальнѣйшаго пути. „Не тутъ-то было“,— отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*,—„безтолковый Вагнеръ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. Пріискали тарантасъ“.

Изъ Перми наши путешественники выѣхали ночью. Кругомъ пустынь. Слышались свистки, и ямщикъ подгонялъ лошадей“.

На другой день наши путешественники пріѣхали въ Кунгуръ. „Городъ имѣетъ видъ оживленный, народу много на площади“, замѣтилъ Погодинъ.

О *Кыновскомъ* заводѣ, куда они прибыли 22 іюня, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Старинное заведеніе Строгановское. Множество построекъ. Войдя въ избу почтовую, мы встрѣтили двухъ путешественниковъ, которые, окончивъ чай, сбирались ѣхать дальше. Мы также заказали себѣ самоваръ. Не прошло пяти минутъ, какъ они воротились съ горькими жалобами, что выпрягли лошадей изъ ихъ тарантаса и поставили къ нашему. По какой же причинѣ? спросилъ я. По той причинѣ, что у васъ на шеѣ орденской крестъ, а у меня нѣтъ. Если вамъ пришла нужда ѣхать, то мы готовы уступить вамъ лошадей, и подождемъ другихъ. Вы можете передать это содержателю. Неизвѣстный былъ очень благодаренъ, и послѣ я узналъ, что онъ спѣшилъ на конкурсъ для съема золотыхъ пріисковъ, что пріѣхалъ туда только что къ сроку, и по жеребью получилъ именно тотъ пріискъ, который желалъ и который разработывался имъ прежде. Мы ожидали однако же долго и за наше великодушіе получили лошадей къ тому времени, какъ кончили свой завтракъ“.

Переправились чрезъ Чусовую. „Берега Чусовой“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„покрыты лѣсомъ“, и Погодинъ вспоминалъ здѣсь Ермака, но какъ, замѣчаетъ онъ, „мертва у насъ Исторія. Ни отъ кого и слыхомъ не слыхать сего имени. Никто не спрашиваетъ да никто и не навязывается съ разсказами“.

Въѣздъ въ Серебрянку поразилъ Погодина. „Нѣчто необыкновенное, о чемъ я не имѣлъ еще понятія, хоть много ѣзжалъ по дорогамъ. Благодаря особенной силѣ нашихъ лошадей,—писалъ онъ,—мы только не погрязли въ грязи застылой особаго рода. Лошадей нѣтъ". Погодинъ отправился къ главному смотрителю, просить о содѣйствіи, но онъ „отсовѣтовалъ ему отправляться нынѣ въ путь, далеко не безопасный, а лучше отдохнуть, чтобъ отправиться спозаранку".

„Слава Богу",—восклицаетъ Погодинъ (23 іюня),—„перевалили мы чрезъ Уралъ, кое-какъ добрались до Кушвы, гдѣ опять таки не нашли никакихъ указаній. Въ Нижней Турѣ нашли знакомаго начальника Грасгофа, который сообщилъ нѣсколько извѣстій о дорогѣ и Павдѣ и Вагнерѣ; пустились далѣе чтобъ скорѣе на мѣсто".

Верхнюю Туру наши путешественники проѣхали со свѣтомъ. Отсюда была дорога прямо въ Павду и имѣла не болѣе восьмидесяти верстъ, „а теперь",—жалуется Погодинъ,—„надо объѣзжать на Верхотурье болѣе двухсотъ верстъ. Дорога лѣсистая и болотистая, комары допекали ужасно. Пусто, дико, скучно".

По пріѣздѣ въ Верхотурье, наши путешественники помолились въ монастырѣ и поспѣшили ѣхать далѣе.

Рано утромъ, 25 іюня, пріѣхали въ Какву, къ послѣдней станціи: „Ну, слава Богу",—записываетъ Погодинъ, „теперь остается только тридцать верстъ".

Въ *Дорожномъ Дневникѣ*, мы находимъ любопытное описаніе этихъ тридцати верстъ. Описаніе это свидѣтельствуетъ, въ какомъ положеніи находились тогда нѣкоторыя Сибирскія дороги, и какъ жили тамъ люди.

„Бревенчатый мостъ черезъ какую-то рѣченку, разбушевавшуюся вслѣдствіе дождей, былъ совершенно развороченъ. Ѣхать по немъ не было, казалось, никакой возможности. Попытаемся, сказалъ ямщикъ, авось. Рѣшено было провести насъ пѣшкомъ, распречь лошадей, и провести ихъ также по одной подъ устцы, а потомъ уже перевезти тарантасъ на

одной лошади. Кое-какъ я перетащился, опираясь на ямщика, оступаясь безпрестанно, и однажды упалъ въ воду, поскользнувшись. За мною повели лошадь, она упала въ воду по шею. Оказалась совершенная невозможность переправы. Много труда стоило, чтобъ вытащить лошадь. Наконецъ надо было перевезти меня назадъ съ другого берега. Часа три провозились мы на этой ужасной переправѣ. Есть объѣздъ, сказалъ ямщикъ, но надо проѣхать верстъ двадцать, чтобъ попасть на ту точку противоположнаго берега на которой я стоялъ. Поѣхали, но ямщикъ признался, что ему на станціи говорили еще, что надо ѣхать въ объѣздъ, потому что переправы черезъ рѣчку нѣтъ, но подумалъ: авось, проѣдемъ какъ нибудь, не хотѣлось волочиться столько даромъ. Что же это былъ за объѣздъ въ двадцать верстъ! Онъ стóилъ любыхъ пятидесяти. Лѣсомъ, между деревьями, безпрестанно зацѣпляясь, покачиваясь съ боку на бокъ,—и не имѣя въ виду никакой помощи. Сердце изныло. И надо имѣть еще Русскую смѣтливость, чтобъ умѣть пробираться въ этой чащѣ и глуши, безъ всякихъ, кажется, примѣтъ дороги. Часовъ черезъ пять пріѣхали мы на тотъ берегъ, на которомъ я уже стоялъ, смотря на паденіе и вытаскиваніе лошади. Какую досаду причиняетъ эта напрасная трата времени и трудовъ, соединненая со столькими душевными тревогами. Оставалось до деревни, въ которой можно перемѣнить лошадей, еще верстъ двадцать. Дорога по трясинѣ бревенчатая и нечиненная со времени Походишина, отбила намъ всѣ бока. Что то случилось съ тарантасомъ, понадобился топоръ, а топора нѣтъ; передняя тройка уѣхала далеко впередъ, и не слыхала нашихъ кликовъ. Сколько потребовало усилій, чтобы сдѣлать то, что съ топоромъ сдѣлали бы въ минуту. Замѣтьте, что на пространствѣ пятидесяти верстъ не встрѣтилось ни одного человѣка и не видать было ни одного дома. Мучительный перегонъ. Наконецъ, кое какъ добрались до Лобви. Ну, слава Богу, теперь осталось только 18 верстъ, такъ было считано и говорено, мы почти дома. Напились чаю,

закусили и отправились,—мы въ тарантасѣ, молодой Вагнеръ—въ тележкѣ. Ѣдемъ, проѣхали верстъ шесть остается, слѣдовательно, верстъ десять. Дорога скверная. Нѣсколько дней дождь испортилъ ее совершенно. Горная. Лошади не вывезли и остановились на половинѣ, а передняя тройка съ молодымъ Вагнеромъ пронеслась и, не останавливаясь, понеслась далѣе. Начались хлопоты и усилія около лошадей, чтобъ побудить ихъ къ дружному подъему. Мы вылѣзли изъ тарантаса, по колѣно въ грязь. Ну, ну, ну!—ни съ мѣста. Началъ накрапывать дождь. Оказалось, лошади были тѣ же, которыя привезли насъ изъ Каквы, то есть, которыя промучились часовъ десять по ужасной дорогѣ. Ямщику хотѣлось заработать лишнее и онъ, давъ имъ перехватить немножко впродолженіе нашей закуски, запрегъ ихъ опять, а первая тройка была свѣжая. Выбившись изъ силъ, подъ дождемъ, мы съ Пастуховымъ поднялись на гору и укрылись подъ деревьями, дожидаться пока лошади отдохнутъ; между тѣмъ, дождь усиливался. Почва болотистая, или намокшая, такъ что мы были совершенно въ водѣ, и съ верху и снизу. Прошло нѣсколько времени. Идетъ, къ счастію, на встрѣчу старикъ, кажется, угольщикъ съ сыномъ. Старинушка, ты знаешь заводъ? Знаю, оттуда и иду. Сдѣлай милость, пусти сына туда, вотъ на нашей лошади, сказать, что бы прислали за нами повозку съ лошадьми потому, что съ нами случилось вотъ что, а самъ побудь съ нами. Мы тебѣ заплатимъ. Хорошо. Отпрягли третью лошадь. Парень сѣлъ и поскакалъ. Отлегло у насъ немного на сердцѣ. Старикъ походилъ также около тарантаса, но безуспѣшно. Ждемъ часъ. Нѣтъ ничего, а дождь ужъ пошелъ какъ изъ ведра. Начинаемъ ругать молодого человѣка, который, по расчету нашему, долженъ былъ давно уже пріѣхать на заводъ, сказать что мы ѣхали вмѣстѣ и что вѣрно случилось съ нами что-нибудь, почему мы замедлили.

Просимъ старика взять другую лошадь и ѣхать на заводъ, чтобъ торопить о подмогѣ. Проходитъ еще часъ. Нѣтъ ничего. Въ нетерпѣньи мы посылаемъ ямщика на третьей

лошади, полагая, что парень не нашелъ дороги, что старикъ не посмѣлъ идти самъ къ управляющему, что его можетъ быть нѣтъ дома. Мы велѣли ямщику идти на конюшню взять лошадей и тотчасъ возвращаться къ намъ. Между тѣмъ, холодъ начиналъ пронимать меня; чтобъ согрѣться, я сталъ ходить, но ходить по грязи очень тяжело, скоро усталъ съ переломленною ногою, долженъ былъ остановиться. Погибель наша представлялась неизбѣжною. Что за удивительная судьба! Проѣхать двѣ тысячи верстъ и въ семи-восьми верстахъ отъ мѣста, гдѣ насъ ждутъ съ нетерпѣніемъ, гдѣ готовы для насъ всѣ удобства, подвергаться такимъ опасностямъ. За нами, положимъ, пріѣдутъ, все-таки, но мы промочили ноги, простуда захватила насъ, долго ли до горячки, до тифа, а помощи здѣсь нѣтъ. Лекарь не можетъ пріѣхать раньше трехъ дней. Я началъ мысленно обдумывать завѣщаніе, чтобы пріѣхавъ на мѣсто, записать его, пока не оставитъ память; потомъ пошелъ въ философское разсужденіе съ Пастуховымъ: вотъ видите ли на какомъ волоскѣ виситъ всегда жизнь человѣческая. Какую пользу приносятъ всѣ ваши милліоны, какую пользу приносятъ мнѣ мои книги. Ахъ, если бы мы думали объ этомъ чаще!.. Вы ѣхали за золотомъ и я отъ него не былъ прочь, и вотъ мы въ лѣсу, одни, подъ дождемъ, въ водѣ, пожалуй, еще попадется какой-нибудь медвѣдь или каторжный съ кистенемъ въ дополненіе. Между тѣмъ, прошелъ еще часъ, и мы потерялись въ догадкахъ; наконецъ, молча предались судьбѣ, обращались къ Богу и молились. Наконецъ, черезъ четыре часа мучительныхъ ожиданій, показавшихся намъ цѣлою вѣчностію, услышали мы шумъ, и шестерка здоровыхъ лошадей къ намъ прикатила. Мы перекрестились, сѣли въ легонькую таратаечку и отправились. Что же оказалось и какъ объяснить непонятное замедленіе. Вмѣсто предположенныхъ семи верстъ, оказалось ихъ добрыхъ пятнадцать. Что это за дорога, вообразить нѣтъ возможности: рытвины, косогоры, лужи въ родѣ рѣчекъ, бревна со впадинами. На свѣжихъ лошадяхъ, въ лег-

кой повозкѣ, мы проѣхали часа три. Разумѣется, по пріѣздѣ въ Павду, на заводъ, мы тотчасъ вытерлись виномъ и уксусомъ,—напились крѣпкаго пунша и повалились въ постели. Прошибъ потъ. На другой день—въ жаркую баню, пропотѣли еще, и пошли какъ встрепанные на свѣтъ Божій".

LI.

По описанію Погодина, *Павда* — есть цѣлое герцогство: восемдесятъ тысячь десятинъ земли, покрытой лѣсомъ съ восемьюдесятью мѣдными, съ семью желѣзными рудниками и золотыми пріисками въ придачу".

Съ перваго разу Погодину показалось, что А. В. Вагнеръ *) „сдѣлалъ чудо: въ одну зиму онъ вырубилъ лѣсъ, расчистилъ мѣсто, выстроилъ заводъ со множествомъ службъ, казармами для рабочихъ, жилищемъ для служащихъ, магазинами для припасовъ, сараями и конюшнями, наготовилъ дровъ, выстроилъ кирпичные заводы и нажегъ кирпичу. Поставилъ машины, откачалъ воду изъ золотыхъ рудниковъ, накопалъ руды двѣсти тысячь пудъ, построилъ печи и приготовился къ плавкѣ". Приставленный къ заводу, въ качествѣ кассира, приказчикъ Пастухова засвидѣтельствовалъ, что „все дѣло ведется честно, съ толкомъ, что ни денегъ, ни времени не тратится даромъ. Рабочіе стекаются къ Вагнеру со всѣхъ сторонъ. Содержаніе имъ дается отличное, разсчеты еженедѣльные и вѣрные. Всѣ довольны, какъ нельзя болѣе".

Но, однажды, за ужиномъ, тотъ же приказчикъ Пастухова сказалъ, къ чему-то, что, по его разсчетамъ, мѣдь обойдется намъ рублей по шести за пудъ. Помощникъ Вагнера замѣтилъ, что и по его мнѣнію такъ, еще съ чѣмъ-нибудь. Вагнеръ вспылилъ и наговорилъ имъ грубостей: вы ничего не понимаете, и смотрите на дѣло съ одной стороны, а я вижу его со всѣхъ. Нечего вамъ толковать о своихъ вздо-

*) Компаньонъ Погодина. *Н. Б.*

рахъ. Мѣдь обойдется намъ меньше пяти. Вагнеръ такъ раскричался, что Погодинъ „долженъ былъ ему замѣтить: у насъ у всѣхъ здѣсь одно дѣло, мы желаемъ ему добра, и всякій помогаетъ чѣмъ можетъ; если кому-нибудь случится ошибиться въ своихъ мнѣніяхъ или даже дѣйствіяхъ, то не слѣдуетъ за это сердиться, здѣсь нѣтъ вѣдь никакого злого намѣренія и проч.“.

Показавъ пріѣзжимъ все, Вагнеръ сказалъ: „Я обѣщалъ вамъ къ 1 мая доставить десять тысячъ пудъ мѣди. Этого я не могъ сдѣлать, потому что обѣщанныя машины не поспѣли къ сроку, главная застряла въ Верхотурьѣ, въ снѣгу. Получивъ мѣдь, я *заложу* ее въ Горное Правленіе, въ Екатеринбургѣ, и получу шестьдесятъ тысячъ рублей, нужныхъ для веденія дѣла въ слѣдующемъ году“. На это предположеніе Вагнера Пастуховъ сказалъ: „Негодится для меня и для моего имени *закладывать* мѣдь съ завода, въ которомъ я принимаю участіе. Я самъ вамъ дамъ денегъ подъ залогъ мѣди, когда она будетъ готова; мой приказчикъ дастъ мнѣ знать объ ней, приметъ ее подъ свой надзоръ. Вы заплатите мнѣ только по 8 процентовъ, вмѣсто казенныхъ пяти“.

На это Погодинъ отвѣтилъ: „Я совершенно согласенъ и при такой блистательной перспективѣ, какую открываетъ намъ Ал. Вас. Вагнеръ, готовъ бы и бо̀льшіе проценты, лишь бы дѣло шло“.

Между тѣмъ, осмотрѣли все. „Пастуховъ“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„глазами опытными, я—какъ дилетантъ. Слазили въ рудники мы, по лѣстницѣ, англичанинъ-механикъ спустился по веревкѣ; походили. При насъ дѣлали взрывъ порохомъ, и отбивали руду. Страшно мнѣ было съ непривычки, и я сѣвши на площадкѣ, думалъ о человѣческихъ трудахъ, о той работѣ, которая нужна, чтобы сковать гвоздь или листъ желѣза. Впечатлѣніе особаго рода. Сколько же работы предполагается для нашей жизни comme il faut! Здѣсь работается на 12 саженяхъ, а у Демидовыхъ работаютъ уже на 70. Страшно

становилось въ утробѣ земли, и я поспѣшилъ на свѣтъ Божій. Съ Симеоновскаго рудника мы отправились въ Павду,—средоточіе дачи“.

Въ Павдѣ Вагнеръ выстроилъ себѣ домъ и поселилъ свое семейство, и здѣсь предположилъ построить желѣзный заводъ. „Вотъ, если хотите, для начала“,—сказалъ онъ пріѣзжимъ,—„дайте десять тысячь, и я переплавлю весь старый доставленный намъ чугунъ, и къ слѣдующей ярмаркѣ Нижегородской доставлю вамъ желѣзо, какое назначите на эту сумму, такъ что постройки останутся для насъ въ барышахъ“. Пріѣзжіе согласились, и дали Вагнеру двѣнадцать тысячь. „Отслужена“—пишетъ Погодинъ,—„панихида по основателѣ завода Максимѣ Походинскомъ, заздравная обѣдня—за нынѣшнихъ хозяевъ, служащихъ и работающихъ. Архіерейскій діаконъ, жившій на покоѣ въ Перми, приглашенъ Вагнеромъ, охотникомъ до церковнаго пѣнія, жить въ Павдѣ, и онъ провозгласилъ такую вѣчную память и такія многая лѣта, что хоть бы и въ столичномъ соборѣ“.

Пребываніемъ своимъ въ Павдѣ Погодинъ остался очень доволенъ. „Будущее улыбалось. Все шло какъ нельзя, казалось, лучше. Мы выѣхали оттуда совершенно довольные и покойные“.

Погодинъ хотѣлъ-было остаться еще нѣсколько времени въ Павдѣ, „чтобы присмотрѣться поближе къ ходу дѣла, разсмотрѣть расходныя книги“, но его спутникъ, Пастуховъ „объявилъ рѣшительно, что онъ долженъ спѣшить въ Ярославль, по важному дѣлу. Погодину совѣстно было оставить старика одного, на первый случай, только что познакомившись съ нимъ, и начавъ общее большое дѣло, и онъ, скрѣпя сердце, рѣшился пожертвовать случаемъ познакомиться хорошенько съ Ураломъ, побывать на главныхъ заводахъ, поразспросить о движеніи работъ и прочихъ обстоятельствахъ. Послѣ Погодинъ пожалѣлъ о своей уступчивости, особенно когда узналъ что Пастуховъ спѣшитъ въ Ярославль на переложеніе мощей Ярославскихъ князей во вновь устроенную

имъ раку, а это переложеніе совершилось черезъ годъ, потому что заказанная рака не была готова къ сроку".

LII.

Отслуживъ молебенъ Ярославскимъ чудотворцамъ, которыхъ особенно чтилъ спутникъ Погодина купецъ Пестуховъ, отправились въ путь. Ночью 5 іюля, они уже за Лобвою, вступили въ предѣлы Пермской губерніи.

По дорогѣ до Верхотурья, съ нашими путешественниками, по свидѣтельству одного изъ нихъ, Погодина, „ничего особеннаго не случилось. Ночь навела страхъ, тѣмъ болѣе что дорога послѣ дождей очень испортилась, а спутникъ мой, — говоритъ Погодинъ—чуть очнется изъ забытья, такъ и кричитъ: пошелъ! Я и сердился и боялся, чуть лѣсъ станетъ по шире, чуть въ переди забрежетъ свѣтъ, и отдохнешь душею, но вотъ опять стѣснились обѣ стороны и зги не видно".

Наконецъ, достигли Верхотурья. „Меня",—пишетъ Погодинъ —„такъ закачало, что я насилу поднялся на лѣстницу и повалился на полъ, подославъ шинель. Ноги отнимались. Думалъ, что и не встану на другой день и рѣшился остановиться. Поѣсть было нечего, и только чай поддерживалъ нѣсколько упавшія силы".

Собравшись съ силами, Погодинъ отправился осматривать городъ. Посѣтилъ Николаевскій Верхотурскій монастырь, въ которомъ почиваютъ св. мощи праведнаго Симеона. Здѣсь Погодинъ получилъ въ подарокъ житіе сего святаго. Почтеннаго отца игумена Погодинъ просилъ собрать, сколько можетъ, извѣстій о Походишинѣ, по имени котораго до сихъ поръ называется еще въ Верхотурьѣ одна улица. Игуменъ доставилъ Погодину нѣсколько грамотъ.

Въ соборѣ обратила на себя вниманіе Погодина икона Іоанна Богослова. „Положеніе Верхотурья",—замѣчаетъ Погодинъ— „живописно, но стариннаго богатства нѣтъ и слѣдовъ. Съ тѣхъ поръ какъ дорога изъ Россіи пошла по низу, чрезъ Екатерин-

бургъ, города бѣднѣли и наконецъ совсѣмъ упали. Мы не могли найти рогожи. Жители промышляютъ болѣе всего кедровыми орѣхами. Одинъ степенный человѣкъ жаловался на Верхотурскій Банкъ. Помилуйте—сказалъ Погодинъ—почему вы такъ жестоко его осуждаете? Потому—отвѣчалъ тотъ,—что Банкъ въ конецъ разоритъ Верхотурье. Жители наши облѣнились, они вонъ дровъ себѣ запасти на зиму лѣнятся, хоть окружены со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Приходитъ время платить подать, они тотчасъ и въ Банкъ, получатъ, расплотятся, а надо и заплатить; вотъ, съ молотка и продаются безпрестанно дома. Воды кругомъ, а рыбы никто не ловитъ, и предпочитаютъ голодать, лежа на боку, чѣмъ потрудиться и съѣсть послаще". Рыбы даже въ почтовой гостинницѣ наши путешественники не могли найти. Хозяинъ сказалъ имъ, что онъ предлагалъ по утру полтину за фунтъ, но ничего не могли найти. Главный промыселъ кедровые орѣхи. Въ урожай можно заработать въ день до двухъ рублей серебромъ.

О кондукторѣ Бѣлоусовѣ Погодинъ сообщаетъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія: „Воспитанникъ Технологическаго Института. Сдѣлалъ важное улучшеніе въ дѣйствіи паровой машины. Объ открытіи сообщено по командѣ и прошло много времени, а отвѣта нѣтъ никакого. Вотъ что губитъ у насъ дарованіе, вотъ что убиваетъ самодѣятельность на самомъ корню. Что̀ почувствуетъ великій изобрѣтатель, особенно молодой человѣкъ, увидя такое невниманіе къ мысли для него дорогой, любезной. По-неволѣ иной сопьется или предастся ломберному столу".

Одинъ золотопромышленникъ пригласилъ нашихъ путешественниковъ „къ себѣ, на перепутье, и предложилъ не только закуску, но и тарантасъ, который оказался слишкомъ громаднымъ. Рѣшились перечинить за ночь свой. Остались ночевать у любезнаго хозяина, который разсказалъ гостямъ свою судьбу: онъ занимался промысломъ и жилъ очень хорошо. Вдругъ, доносъ. Его схватили и посадили; а жена была на сносяхъ. Разговорились о дѣтяхъ хозяина: одному лошадь

выбила зубы, другой обварился кипяткомъ изъ самовара. При этомъ Погодинъ задался вопросомъ: Какія же средства для воспитанія у насъ но мѣстамъ? Это было бы—замѣчаетъ онъ,—занятіемъ для священника и его жены, для лекаря... Нѣтъ, они о томъ не думаютъ".

„Поужинавши хорошенько", наши путешественники расположились спать; но—пишетъ Погодинъ,—„проснулись скоро: все тѣло разчесалось, засвѣтили огня и увидѣли простыни усыпанныя клопами, отряхнулись кое какъ, переселились на лавки, но уснуть не могли: набѣги продолжались, кое какъ домаелись до 3-хъ часовъ, и начали сбираться въ дорогу. Между тѣмъ, хозяева любезные спросили, хорошо ли они спали?—И не спрашивайте отвѣчали они. А сколько есть домовъ въ Россіи—замѣчаетъ Погодинъ,—безъ клоповъ. О, любезные фельетонисты, рѣшающіе вопросы, подумайте-ка прежде какъ бы растолковать добрымъ людямъ, что клопы водятся отъ нечистоты, что надо ихъ искоренить и что это нужно прежде многаго другаго".

Изъ Верхотурья наши путешественники отправились въ Кушвинскій чугунноплавильный казенный заводъ, отстоящій въ ста восьмидесяти пяти верстахъ отъ Екатеринбурга.

„Въ Кушву",—повѣствуетъ Погодинъ,—„пріѣхали рано. Справиться на почту о письмахъ изъ дома, откуда по выѣздѣ я не имѣлъ еще никакого извѣщенія; есть письмо, да заперто, отвѣчали служители.—Ну, такъ отоприте.—У насъ ключа нѣтъ. —Гдѣ же ключъ?—У смотрителя.—Спросите его.—Уѣхалъ.—Куда? —Въ Верхотурье Богу молиться.—Скоро ли пріѣдетъ?—Не могимъ знать.—Зачѣмъ же онъ письмо заперъ?—Оно страховое, такъ видно побоялся оставить онъ и заперъ съ деньгами. Надо представить себѣ мою досаду и огорченіе. Но просилъ переслать въ Екатеринбургъ. Вотъ какія у насъ вездѣ бываютъ случайности! Хотѣлъ сходить къ начальнику. Отсовѣтовали: и не пытайтесь, онъ вѣрно спитъ".

Прежде всего Погодинъ нанялъ таратайку и поѣхалъ на гору Благодать, верстахъ въ двухъ отъ завода. „Благодать",—

пишетъ онъ,—доставляетъ руду на всѣ казенные заводы и заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ неистощимый его источникъ, который, несмотря на двѣсти лѣтъ разработки, нимало не уменьшается. Повсюду руда и самаго лучшаго магнитнаго качества".

По возвращеніи, Погодинъ хотѣлъ осмотрѣть заводъ, но смотритель еще спалъ. „Однакоже",—писалъ Погодинъ,—„взялись намъ показать, и мы спустились, гдѣ жаль, что не было проводника, который бы показалъ всѣ достопримѣчательности. Для здѣшнихъ жителей это не нужно, а чужихъ путешественниковъ не бываетъ. Работа толпами по разнымъ угламъ представляетъ оживленное зрѣлище".

Изъ Кушвы наши путешественники „къ чаю прикатили" въ Тагилъ.

„Это",—писалъ Погодинъ,—„цѣлый городъ, оживленный, многолюдный. Остановились у одного торговца, знакомаго нашему спутнику, и принявшаго насъ съ распростертыми объятіями. Тотчасъ отведенъ намъ былъ цѣлый этажъ. Мы хотѣли засвѣтло посмотрѣть на заводъ. Отыскался старый мой ученикъ, смотритель и учитель здѣшняго Училища, Родіонъ Матвѣевичъ Рябовъ. По временамъ переписывался со мною съ тридцатыхъ годовъ. Насилу узнали другъ друга черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ. Онъ вызвался быть нашимъ чичероне и показалъ прежде всего мѣсто жительства перваго Демидова, сына Никитина, которому здѣшніе заводы обязаны своимъ основаніемъ и устройствомъ. Я просилъ собрать какъ можно болѣе свѣдѣній объ этомъ примѣчательномъ дѣятелѣ".

Лишь только наши путешественники вошли въ ворота, какъ и явились разные управляющіе, которые повели ихъ по разнымъ мастерскимъ. По словамъ Погодина, И. М. Рябовъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ зашелъ къ нему въ домъ и тамъ онъ долженъ былъ выпить нѣсколько бокаловъ шампанскаго, впрочемъ отличнаго, и за свое здоровье, и за Университетъ, и за Москву".

Сама хозяйка „обносила кушаньями, между коими играли

главную роль пермени, здѣшніе уроженцы. Прислуживала еще прекрасная дѣвушка, которой портретъ могъ бы служить подъ пару знаменитой Дрезденской кофейницѣ“.

Въ то время, въ Тагилѣ ожидали „молодого хозяина“, Павла Павловича Демидова,—„воспитанника“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„Петербургскаго Университета“.

На другой день, поутру, Погодинъ осматривалъ церковь. „Иконостасъ“,—замѣчаетъ онъ,—„состоитъ изъ образовъ, писанныхъ въ Италіи, по заказамъ Николая Никитича Демидова, проведшаго большую часть своей жизни во Флоренціи. Въ 1820 годахъ, помню, я написалъ грозную филиппику на него, по поводу какого-то большого пожертвованія для нищихъ во Флоренціи *). Здѣсь есть нѣкоторыя копіи съ капитальныхъ произведеній Итальянской живописи“. На площади возвышается бронзовый памятникъ въ честь Николая Никитича Демидова, „съ глупыми“, по замѣчанію Погодина, „фигурами“. Съ высоты каланчи Погодинъ „бросилъ взглядъ на все заселеніе“. За симъ Погодинъ посѣтилъ единовѣрческую церковь, и здѣсь ему показывали погребъ, гдѣ „подъ видомъ шкапа устроена дверь, ведущая въ подземный корридоръ и галлерею“. Изъ единовѣрческой церкви наши путешественники, вмѣстѣ съ Рябовымъ, посѣтили мѣдный заводъ. Тамъ предполагалось устроить богадѣльню въ честь Андрея Николаевича Карамзина, который, по свидѣтельству Погодина, „оставилъ здѣсь прекрасную о себѣ память, несмотря на кратковременность своего управленія. Теперь все покинуто, и зданіе неотстроенное стоитъ пустое“.

По желанію Рябова, Погодинъ осмотрѣлъ Училище, хотя, по лѣтнему времени, и безъ учениковъ. „Въ церкви“,—свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„находится образъ, которымъ святитель Дмитрій Ростовскій благословилъ перваго Демидова“.

Къ 2-мъ часамъ, Погодинъ, „объѣхавъ изъ конца въ конецъ весь Тагилъ, а онъ будетъ съ большой губернскій го-

---

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*: Спб. 1888, кн. I, 224, 225.

родъ, возвратился домой, гдѣ былъ уже готовъ обѣдъ, обильный, радушный".

Послѣ обѣда Погодинъ отправился въ дальнѣйшій путь. „На выѣздѣ",—писалъ онъ,—„передъ Больницею стоитъ памятникъ Андрею Николаевичу Карамзину. Выйдя изъ тарантаса осмотрѣть памятникъ, Погодинъ завелъ разговоръ о Карамзинѣ, сказавъ, что „былъ знакомъ съ нимъ и видѣлся даже передъ отъѣздомъ его въ армію. Царство ему небесное, послышалось кругомъ. Нѣкоторые сняли шляпы. Напишу объ этой встрѣчѣ его брату. Народу вокругъ множество: бабы, дѣти, старики, рабочіе, въ праздничныхъ платьяхъ".

При этомъ Погодинъ вспомнилъ „живого, благонамѣреннаго Тентетникова, который подъѣзжалъ къ своему богатому помѣстью, полученному въ наслѣдство, и слышалъ отвѣты на всѣ вопросы.—Чье это поле?—Тентетникова.—Чей это лѣсъ?—Тентетникова.—А луга?—Все, все Тентетникова. Демидовъ услышитъ свое имя на разстояніи многихъ и многихъ верстъ, больше и богатѣе цѣлыхъ герцогствъ и курфиршествъ. Здѣсь золотое дно. Вѣрно и у него въ головѣ возросли разныя благія намѣренія исправить, усовершенствовать, благодѣтельствовать. Дай Богъ, чтобы онѣ имѣли больше успѣха и принесли больше, чѣмъ замыслы Тентетникова, который пришелъ мнѣ на память, когда я проѣзжалъ безконечныя живописныя и разнообразныя владѣнія Демидовскія".

Дорогою, спутникъ Погодина разсказалъ ему исторію своей женитьбы, изъ которой можно бы составить повѣсть.

По поводу этого разсказа, Погодинъ замѣтилъ: „Въ купечествѣ у насъ молодые вдовцы не остаются долго безъ женъ".

LIII.

По прїѣздѣ въ Екатеринбургъ, Погодину „пришла на умъ Екатерина I-я.... Всероссійская Императрица, которой случилось дать имя столичному городу Урала. Удивительная судьба этой женщины“!...

На первыхъ порахъ, о самомъ городѣ Погодинъ замѣтилъ: „Много прекрасныхъ зданій“, и велѣлъ везти себя въ лучшую гостинницу. „Но ямщикъ“,—писалъ Погодинъ,—„попытавшись высадить насъ у своихъ пріятелей, привезъ наконецъ на площадь, оказались комнаты совершенно темныя. Коекакъ добрались мы до гостинницы Новицкаго, въ которой нашли комнаты хорошія, хоть и не совсѣмъ чистыя, вообще безъ большого порядка, но съ видомъ на бульваръ. Обѣдъ еще хуже, потому что кухарки не было дома“.

Объѣхавши городъ, Погодинъ замѣтилъ: „Городъ очень красивый и обширный. Есть купеческіе дома, которые украсили бы столицу, есть сады отличные съ большимъ вкусомъ и роскошно содержимые“.

Пастуховъ пригласилъ Погодина съѣздить на Верхъ-Исетскій заводъ, къ его старому пріятелю, прежнему управляющему В. Ѳ. Сигову. Приглашеніе Погодинъ принялъ. „Прекрасная аллея“,—писалъ онъ,—„ведетъ изъ города на заводъ. За аллеею начинается улица: дома и домики одинъ другого лучше. Контора на берегу запруженной Исети—великолѣпное зданіе. Все говоритъ объ умномъ управленіи Алексѣя Ивановича Яковлева, которому эти заводы принесли милліоны. Теперь они достались молодому человѣку, сыну его сестры, графини Стейнбокъ-Ферморъ, который пріѣхалъ самъ лично управлять ими, и уже перемѣнились прежнія власти. Мы нашли своего хозяина въ саду за рыболовствомъ. Радушный пріемъ и прекрасное угощеніе. Голодъ нашъ удовлетворенъ вполнѣ, было чѣмъ и утолить жажду. Старикъ принесъ заповѣдныхъ двѣ

бутылочки, съ которыми жаль было разстаться, и онъ напрасно упрашивалъ насъ".

Сынъ Сигова былъ женатъ на дочери стараго Московскаго знакомаго Погодина, Васкова, котораго онъ помнилъ еще съ торговли на рогожкѣ, у Ильинскихъ воротъ, послѣ Французовъ. „Мнѣ",—писалъ Погодинъ,—„было очень пріятно найти здѣсь съ Русскимъ хлѣбосольствомъ и гостипріимствомъ, здравымъ смысломъ, еще и образованіе, знакомство съ Литературою".

Засвѣтло наши путешественники успѣли осмотрѣть заводскія строенія, полюбоваться зелеными огнями и видѣть выплавку мѣди.

„Въ самомъ пріятномъ расположеніи духа",—писалъ Погодинъ,—„оставилъ я это почтенное Русское семейство и жалѣлъ, что не могъ провести съ ними больше времени".

На другой день, нашихъ путешественниковъ „осадили торговцы гранеными вещами". Вещи,—замѣчаетъ Погодинъ,—въ самомъ дѣлѣ были однѣ другихъ лучше и искушенію противиться было трудно. Странно, что онѣ такъ мало извѣстны внѣ Екатеринбурга. Вмѣсто разныхъ вещей изъ косметическихъ магазиновъ, почему бы не употреблять для подарковъ Екатеринбургскихъ издѣлій, которыя представляютъ еще то удобство, что можно выбирать въ какую угодно цѣну пуговицы, перстни, печати, запонки, пресс-папье, футляры часовые, крестики, брошки и проч. проч.".

Въ это самое время, „вдругъ раздалась",—повѣтствуетъ Погодинъ,—„вдали мелкая, но преунывная дробь барабана, громче и громче. Я подошелъ къ окну: длинная вереница колодовниковъ въ оковахъ и безъ оковъ, мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми, со стражами впереди, позади и съ боковъ, брела по улицѣ, за нею множество подводъ съ больными и разными вещами. Это ссыльные со всѣхъ концовъ Россіи. Куда идете вы? Что васъ ожидаетъ? Объ чемъ они думаютъ? Неужели никогда не воротятся? Прощай, родина! Я хотѣлъ-было посѣтить ихъ на ночлегѣ, но мнѣ сказали, что отдыхъ у нихъ

былъ уже, а теперь они прошли уже далѣе. Мы привыкаемъ къ подобнымъ явленіямъ. Простолюдины подаютъ милостыню. Но нравственнаго врачеванія, сердечнаго участія несчастные не встрѣчаютъ нигдѣ. Въ Москвѣ только былъ одинъ человѣкъ докторъ Газъ, который ѣздилъ на Воробьевы горы и разговаривалъ съ ссыльными".

„Между тѣмъ",—писалъ Погодинъ,—„дождь лилъ какъ изъ ведра, но мы все-таки рѣшились отправиться на Монетный Дворъ и осмотрѣть также механическое заведеніе и знаменитую Гранильную Фабрику. Здѣсь приготовлялись славныя украшенія Эрмитажа: вазы, канделябры, столы. Что за тяжелая, утомительная и скучная работа. Одна ваза выдѣлывалась 24 года. Рабочіе посѣдѣли, состарились, долбя камень инструментомъ. Нѣтъ, пора уничтожить эти Египетскія заведенія и не занимать людей такою неблагодарною работою. Заѣхавши пить чай къ любезному головѣ, мы нечувствительно, слово за слово, чашка за чашкой, и потомъ рюмка за рюмкой, просидѣли до полуночи. Угощеніе радушное, сердечное, веселое, умное. Общество оказалось замѣчательное, знакомое со всѣми вопросами, слѣдящее за всѣми событіями, исполненное здраваго смысла, Русскаго толка, читающее и размышляющее. Здѣсь я узналъ о запрещеніи *Дня*, которому горячо сочувствуютъ и искренно сожалѣютъ. Мнѣ было очень пріятно встрѣтить дружеское расположеніе. Я наслушался много любопытнаго о краѣ и объ управленіи, жаль, что не могъ оставаться долѣе".

„Напутствуемые добрыми пожеланіями", наши путешественники пустились въ обратный путь, и о „благополучномъ началѣ возвратнаго пути" послали телеграмму въ Ярославль и Москву.

Около Бисертскаго желѣзнаго завода съ нашими путешественниками встрѣтился какой-то заводскій повѣренный, въ каретѣ съ шестью лошадьми, да тремя въ запасѣ. „Это",—замѣчаетъ Погодинъ,—„все накладные расходы на желѣзо — мудрено ему выдерживать состязаніе съ Англичанами".

Погодинъ былъ очень доволенъ, что до Перми нашлись попутчики: „два крестьянина изъ Шадринскаго уѣзда, ѣдущихъ на парѣ въ Пермь, жаловаться за отнятіе у нихъ земли отъ ихъ деревни въ пользу сосѣдней, вслѣдствіе козней какого-то начальника. Мы очень обрадовались имъ, потому что дошли до насъ слухи о шалостяхъ около Быкова“.

На послѣдней станціи передъ Быковымъ, когда наши путешественники „ожидали парома черезъ Чусовую, подбѣжалъ къ ихъ тарантасу малый лѣтъ 15-ти и началъ просить подаянія, говоря что онъ идетъ въ Верхотурье на богомолье, къ преподобному Симеону.—Лучше бы тебѣ идти теперь на сѣнокосъ, сказалъ ему Погодинъ. Нѣтъ, я обѣщался, и началъ разсказывать длинную исторію. —Да не пьянъ ли ты? Нѣтъ, не пью, а у меня такой характеръ“.

Проѣхавъ благополучно „опасное Быково“, наши путешественники, 11 іюля 1862 года, добрались до Кунгура. „Обозы“ — пишетъ Погодинъ.— „тянулись одинъ за другимъ. День былъ превосходный. Множество народа копошилась по всѣмъ угламъ и весело пѣли пѣсни. Видъ на Кунгуръ — съ обѣихъ сторонъ очень хорошъ“. Послѣдней станціей до Перми такъ же ихъ стращали; но, „слава Богу, попустому“. Путешественники доѣхали благополучно до Перми, часамъ къ 12, и нашли прекрасную комнату въ гостинницѣ *Кавказъ и Меркурій*. „Какъ рады были“,—писалъ Погодинъ,— „раздѣться и завалиться по-царски. Наконецъ — кончены наши всѣ дорожныя передряги“.

„Проснувшись рано поутру“,—писалъ Погодинъ,— „мы получили пріятное извѣстіе, что любезный нашъ *Бурлакъ* стоитъ на якорѣ и отправляется завтра въ полдень. Второе извѣстіе — непріятное, что сынъ моего спутника воротился изъ Лондона и занемогъ въ Ярославлѣ. Эта нечаянная телеграмма встревожила ужасно отца. Кстати, скажу здѣсь, что телеграфъ страннымъ образомъ переврал извѣстіе и причинилъ напрасное огорченіе. Вмѣсто: *всѣ мы здоровы*, онъ

написалъ: *Ваня нездоровъ,* а ожидаемаго сына дѣйствительно называли Иваномъ".

Всего три часа свободныхъ оставалось нашимъ путешественникамъ въ Перми; а Погодину хотѣлось отыскать домъ, гдѣ жилъ въ ссылкѣ Сперанскій, и освѣдомиться о купцѣ Поповѣ, который былъ къ нему такъ близокъ. Человѣкъ пять отвѣчали ему, что не знаютъ. Были между ними и такіе, которые, кажется, и не слыхали о Сперанскомъ. Другіе поднимали споръ. Наконецъ, отъ почтеннаго головы, Любимова, узналъ Погодинъ, что домъ находился около нынѣшняго губернаторскаго дома, на площади, и былъ сломанъ. Теперь тамъ пустырь. Самъ Поповъ умеръ на заводѣ Д. Д. Пономарева. Погодину обѣщали собрать свѣдѣнія объ его запискахъ.

Вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, Погодинъ посѣтилъ архіепископа Пермскаго Неофита. Высокопреосвященный разспрашивалъ Пастухова о состояніи церквей въ Ярославлѣ съ особеннымъ участіемъ. Сколько пѣвчихъ у преосвященнаго Нила? И у меня будетъ до 40, съ подростками. Пастуховъ при этомъ описалъ предполагаемое празднество въ честь святыхъ благовѣрныхъ князей Ярославскихъ.

Погодинъ также „заглянулъ въ Гимназію, при коей выстроенъ отличный корпусъ для Пансіона. Денегъ казенныхъ не потребовано нисколько. Новая церковь расписана своими учениками рисованія. Нельзя не порадоваться такимъ успѣхамъ".

Почтенное семейство Любимовыхъ,—свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„служащее истиннымъ украшеніемъ Перми, задало намъ великолѣпный завтракъ. Мать и дочь да и отецъ примѣчательные, и красотою, и умомъ".

Затѣмъ Погодинъ посѣтилъ Александра Всеволодовича Всеволожскаго; „заговорился" съ нимъ „и опоздалъ на пароходъ, котораго первый звонокъ пропустилъ мимо ушей, впрочемъ не по своей винѣ: онъ былъ слишкомъ тихъ и не услышанъ, ни у Любимовыхъ, ни у Всеволожскаго. За нами послали уже гонцовъ во всѣ стороны". Въ заключеніе По-

годинъ „отдалъ справедливость гостинницѣ *Кавказъ и Меркурій:* чисто учтиво и дешево“.

Съ наслажденіемъ Погодинъ сѣлъ на пароходъ. „Какъ пріятно было“ — писалъ онъ, — „расположиться въ гостяхъ у любезнаго нашего *Бурлака*, къ которому мы привыкли, какъ къ старому знакомому, какъ пріятно было думать, что впереди нѣтъ уже ни станцій, ни старостъ, ни ямщиковъ, ни горъ, ни мостовъ“.

Въ это время Погодинъ познакомился съ судебнымъ слѣдователемъ изъ города Осы. Онъ учился въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, и сказалъ Погодину, что „несъ его на рукахъ“ съ диспута Нормано-Жмудскаго, о которомъ и сообщилъ нѣсколько свѣдѣній заднимъ числомъ. Погодинъ спросилъ его объ одномъ литвинѣ, который когда-то просилъ Погодина письмомъ о ходатайствѣ. Что это за человѣкъ? спросилъ Погодинъ своего новаго знакомца, и тотъ отвѣчалъ: „Это добродѣтельный, почтенный человѣкъ, употребляющій большую часть своихъ доходовъ на вспоможеніе бѣднымъ. Лѣтъ десять томится онъ въ изгнаніи“. На вопросъ: За что онъ сосланъ? Отвѣчалъ: „По ссорѣ съ женою“. Нѣтъ ли другихъ какихъ причинъ? продолжалъ вопрошать Погодинъ, и тотъ отвѣтилъ, что не знаетъ. Между тѣмъ, „фамилія моего собесѣдника“ — писалъ Погодинъ, — „напоминала мнѣ пословицу, что свой своему по-неволѣ другъ“.

13 іюля, по утру, наши путешественники проѣхали пристань Усть-Рѣчку; къ обѣду они „приплыли или какъ говорятъ лоцмана, прибѣжали“ въ Сарапулъ. Погодинъ вышелъ на берегъ и осмотрѣлъ острогъ.

Вниманіе Погодина обратило на себя каменное обширное зданіе, занятое вверху присутственными мѣстами, богадѣльнею, училищемъ, а внизу лавками. „Вѣрно“, — писалъ Погодинъ, — „выстроилъ его какой-нибудь голова. Господина Земляники искать было некогда, и я спросилъ высокаго мужчину, коловшаго дрова передъ лѣстницею, можно ли посмотрѣть богадѣльню? Можно отвѣчалъ онъ, ко-

лотя изъ всей силы обухомъ по клину. По сквернѣйшей лѣстницѣ мы вошли въ кануру, неуступающую острожной ни въ грязи, ни въ духотѣ. Здѣсь сидѣло два старика, одинъ больной глазами, начинающій однакожъ разглядывать предметы. Ему бы леченье — да позаботиться-то некому; другой старикъ, нѣкогда богатый купецъ. Въ другой канурѣ двѣ старухи растрепанныя. Хорошо ли вамъ жить здѣсь? Благодаримъ, сыты, тепло. Подаютъ добрые люди. По такому вызову подали и мы. Когда мы спустились кое-какъ съ лѣстницы, сторожъ началъ просить у насъ милостыню и разсказалъ свою исторію. Намъ показалось, что онъ помѣшанъ, и мы поняли только, что онъ служилъ актуаріусомъ, попалъ подъ судъ за какіе-то семь рублей и, оправдавшись, оставилъ службу, принялся колоть дрова“.

Оставалось для обозрѣнія Уѣздное Училище. Погодинъ попросилъ прохожаго мальчика провести его въ классы. „Къ счастію“, — писалъ Погодинъ, — „всѣ двери были растерты, а людей никого, нынѣ былъ экзаменъ. Вотъ первый классъ, вотъ второй, а третій запертъ: тамъ ландкарты висятъ“.

Пользуясь оставшимся временемъ, Погодинъ отправился къ протопопу. „Прохожіе“, — писалъ Погодинъ, — „съ любезностію взялись проводить меня, боявшагося собакъ. Прислужница сказала, что батюшка за обѣднею. Комнаты очень чисты и убраны хорошо. По стѣнамъ портреты знаменитыхъ архіереевъ, по столамъ газеты. Во всемъ видно образованіе. Чрезъ двѣ минуты явился почтенный хозяинъ. Оказалось, что онъ учился въ Московской Академіи, и мы съ удовольствіемъ провели часъ въ разговорахъ о состояніи Духовенства, о подавленіи духа въ прежнемъ Духовенствѣ, о новой духовной Литературѣ, и наконецъ объ его товарищахъ, которымъ просилъ поклониться. Многое можно бы сказать, но это многое вяжется со всѣмъ прочимъ, а обо всемъ говорить нельзя, такъ нечего и начинать“.

На пароходѣ, по отплытіи изъ Сарапула, Погодинъ сдѣлалъ еще новое знакомство съ г. Б., который — какъ писалъ

Погодинъ,—„передалъ свое наблюденіе надъ младшею молодежью, обратившеюся къ занятіямъ, и думающею гораздо степеннѣе. Дай Богъ! Онъ разсказалъ также о прежнемъ состояніи Ларинской Гимназіи, которая отнюдь не такъ была хороша при Фишерѣ, какъ шла молва, о состояніи Коммерческаго Училища“.

Другой спутникъ Погодина, Григоровъ, за чаемъ, разсказалъ Погодину исторію своего родства съ покойнымъ Голубковымъ, исторію своей тяжбы объ его наслѣдствѣ, исторію своего пожертвованія на женскую Гимназію въ Костромѣ (200 т.), за которую прапорщикъ получилъ чинъ статскаго совѣтника и Владиміра на шею.

„О много, много“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„есть о чемъ подумать, слушая подобные, любопытные разсказы“.

„Вспомнилъ о Голубковѣ“,—писалъ Погодинъ,—у котораго я былъ однажды по порученію великаго князя Константина Николаевича и имѣлъ глупость не остаться на обѣдъ и тѣмъ огорчилъ его. А мнѣ хотѣлось показать прочимъ гостямъ, что я не дорожу подобными приглашеніями. Своего рода слабость. А это знакомство могло бы.... Если-бъ Московское начальство умѣло съ нимъ взяться, то отъ него можно-бъ получить милліоны на благотворительныя и ученыя учрежденія. Ленту да титулъ превосходительства, и онъ отдалъ бы все, потому что у него прямыхъ наслѣдниковъ не было, а все досталось свояку и старухѣ сестрѣ, вышедшей замужъ за Григорова. Начало его богатства въ продажѣ казеннаго вина, потомъ попались золотые пріиски. Впрочемъ, онъ выкупилъ много грѣховъ своими пожертвованіями“.

Послѣ того Погодинъ вышелъ на палубу послушать разговоры. „Около паровой трубы лежало нѣсколько солдатъ и грѣлось; оказалось, что между ними былъ полякъ, жидъ, татаринъ и русскій съ широкими скулами, бѣлокурый коренастый. Жидъ такъ и разсыпался въ разсказахъ о томъ, гдѣ онъ былъ, полякъ экзаменовалъ въ познаніяхъ о службѣ. Русскій все молчалъ, а потомъ, когда бесѣда замолкла, ни съ

того ни съ сего гаркнулъ: а вы скажите мнѣ, есть ли у жидовъ вѣра, и захохоталъ очень довольный своей остротой ни къ селу ни къ городу".

„Въ Чистополѣ",—разсказываетъ Погодинъ,—„маркитантъ хотѣлъ-было купить стерлядей, но онѣ показались ему дороги, по рублю за десятокъ, и онъ, услыша эту цѣну, жаловался при мнѣ капитану, что ему несходно при такой цѣнѣ брать по 30 к. за порцію ухи. Мнѣ кажется, что и здѣсь много вредитъ неумѣнье взяться за дѣло, неповоротливость и преданность рутинѣ. По Камѣ и Волгѣ пристаней, преимущественно въ городахъ, очень много, и въ каждой пристани ежедневно перебываетъ пароходовъ по пяти, шести, а есть такія и десять не въ рѣдкость. Еслибъ маркитанты заранѣе познакомились съ произведеніями всякой мѣстности и самими торговцами, то къ каждому прибытію моглибъ быть приготовлены свѣжіе припасы по опредѣленной цѣнѣ, безъ всякаго сомнѣнія ниже таксы. Потребленіе увеличилось бы, къ удовольствію плавателей, пользѣ маркитантовъ и движенію торговли. А теперь цѣны дороги, потребленія меньше, всякій норовитъ пробавляться собственными запасами, и маркитантамъ убытки. Взять меньше таксы,—а этого никакъ не могутъ понять они, чтобъ тутъ была выгода".

„Предъ Лаишевымъ",—пишетъ Погодинъ,—„нѣтъ пристани, которую отняло отъ него сосѣднее Богородское. Мы были вознаграждены, впрочемъ, очень интересною картиною. Приплыла къ пароходу лодка и взяла отъ насъ трехъ пассажировъ: мущину и двухъ женщинъ. Они вышли на берегъ, стали, кажется, совѣтоваться, какъ добраться имъ до города, отъ коего было версты двѣ или три. Вдругъ, изъ ущелья, по дорогѣ въ городъ, показалась телѣга. Мущина бросился къ ней на встрѣчу попросить довезти. Вотъ остановилась телѣга. Видно договариваются, но пароходъ пустилъ пары. Темнота опустилась", а спутники Погодина, „сойдясь на палубѣ, выразили-было опасеніе, чтобъ подъ дождемъ, на вѣтру, въ темнотѣ, не столкнуться-бъ съ какимъ нибудь пароходомъ

или баржею; но утро вечера мудренѣе: мы разлеглись спать по каютамъ“.

LIV.

На другой день, 16 іюля, наши путешественники приблизились къ Казани. Погодинъ „не успѣлъ одѣться“, какъ уже пароходъ остановился.

Въ Казани они пересѣли на пароходъ *Сергій.*

Въ ожиданіи отплытія, Погодинъ „прошелся по пристани“, гдѣ устроился „цѣлый гостинный дворикъ съ товарами всякаго рода“.—Въ Казани, замѣчаетъ Погодинъ,—„скопилось много новостей, главныя—признаніе Италіи и сближеніе съ Франціей, чему былъ очень радъ“. Одного почтеннаго обывателя Погодинъ спросилъ: „Что̀ вы думаете о настоящемъ положеніи, о безпорядкахъ и неудовольствіяхъ. Чѣмъ все это кончится“? Обыватель, подумавъ минуту, отвѣчалъ: „Обойдется“. Именно все обойдется,—замѣчалъ съ своей стороны Погодинъ,—„на поверхности Волги несется всякая дрянь, а внизу—все-таки живая здоровая струя“.

Выѣздъ изъ Казани былъ очень затруднителенъ отъ множества судовъ и барокъ, столпившихся у пристани.

„Чебоксары съ Волги“,—пишетъ Погодинъ,—„очень живописны. Посреди новыхъ строеній каменныхъ и деревянныхъ, посреди садовъ, одна церковь поразила меня своею стариною—она вѣрно помнитъ царя Бориса Ѳедоровича, повелѣвшаго построить эту крѣпость отъ набѣга Чувашей. Къ ней приковался мой взоръ съ особенною любовію. Чуваши особенно любятъ и уважаютъ почему-то Чебоксары. У нихъ есть пословица: Васько не городъ (Василь-Сурскъ), Куська не городъ (Козмодемьянскъ), а Чебоксаръ—городокъ“.

„Гдѣ-то“,—пишетъ Погодинъ,—„сѣла къ намъ на пароходъ прекрасная собою дѣвушка, очень прилично и скромно одѣтая. Къ бабочкѣ налетѣло много мотыльковъ, которые одни за другимъ осаждали ее своими любезностями. Отличался

особенно одинъ Казанскій студентъ. Я спросилъ о дѣвушкѣ: дочь, бѣдныхъ но благородныхъ родителей".

Между тѣмъ, дождь усиливался, вѣтеръ дулъ встрѣчный. Страшная темнота освѣщалась яркимъ блистаніемъ молніи. „Жутко",—писалъ Погодинъ,—„не безъ страха улегся я спать, но чрезъ нѣсколько времени проснулся. Разбуженный шумомъ, поспѣшно одѣлся и вышелъ на палубу. Слава Богу! Мы приближаемся къ Козмодемьянску. Впереди привѣтно горѣли огни, и я ободрился".

Остановясь предъ Васильсурскомъ, Погодинъ долго смотрѣлъ, какъ крестьяне втаскивали на гору бревна. Здѣсь же,—пишетъ Погодинъ,—„прекрасная дѣвушка вышла на берегъ. Я пошутилъ надъ студентомъ, замѣтивъ, что видѣлъ около нея другихъ. Не безпокойтесь, батюшка, отвѣчалъ онъ. Она была у меня въ каютѣ . . . . Съ такою безчувственностью, по-*Базаровски*, произнесъ онъ эти слова, что мнѣ гадко стало говорить съ нимъ, и я отвернулся. Пожалѣлъ искренно о бѣдной дѣвушкѣ: вотъ что̀ достается бѣднымъ,—и мнѣ представилась жизнь въ глуши, въ скукѣ, въ нуждѣ, и вотъ бросается она въ объятія первому встрѣчному. Грустно".

Наши путешественники приплыли къ Исадамъ, которыя отстоятъ въ четырехъ верстахъ отъ Лыскова. „Послышались,"—пишетъ Погодинъ,—„нѣсколько разсказовъ о князѣ Грузинскомъ, но не въ такомъ трагическомъ родѣ, какъ передавалъ Мельниковъ (Печерскій). Лысково совершенно упало, и торговцы находятъ теперь гораздо выгоднѣе грузить хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ".

„Сговорились",—пишетъ Погодинъ,—„нанять тарантасъ до Владимира вчетверомъ: Б., К., Б. и я, и отвезли всѣ вещи на одномъ ломовомъ извощикѣ, а сами отправились на двухъ дрожкахъ по мостовой, которая напоминала мнѣ Сибирскіе проселки. И это наканунѣ ярмарки. Точно такой же вопросъ возбуждался и комнатами, отведенными намъ для ночлега. Пыльно, грязно, небрежно—окна, стекла, задвижки, замки, а плата по

рублю серебромъ за комнату. Наняли тарантасъ за 30 руб., съ условіемъ привезть въ 30 часовъ и въ такомъ случаѣ еще 3 р. прибавки. Я отправился тотчасъ за письмами въ городъ, хотя спутники и стращали меня, что вѣрно не найду я никого въ Почтовой Конторѣ и не узнаю ничего. Напрасно. При первомъ вопросѣ сдѣлана справка, отысканы письма и мнѣ вручены. Послѣ хотѣлось мнѣ отыскать г. Болтина, бывшаго здѣшняго предводителя. Я услышалъ недавно, что у него есть цѣлый сундукъ съ бумагами покойнаго Ивана Никитича Болтина. Не буду ли я счастливѣе къ знаменитому противнику князя Щербатова, чѣмъ былъ къ нашему почтенному историку, хотя, казалось, бумагамъ его скорѣе всѣхъ должно-бъ было попасть въ мои руки, потому что я купилъ домъ у его сына *), близко знакомъ былъ съ его племянникомъ, П. Я. Чаадаевымъ, котораго просилъ нѣсколько разъ, какъ и другихъ. Я получалъ всегда въ отвѣтъ, что ничего нѣтъ, кромѣ одного дипломатическаго журнала, или чего-то въ этомъ родѣ, и каково было мое удивленіе, когда оказалось множество его записокъ одна другой любопытнѣе. Такъ все зависитъ у насъ отъ случая. Стыдно, впрочемъ, наслѣдникамъ, что они до сихъ поръ не примутъ мѣръ для изданія всѣхъ записокъ князя Щербатова, разсыпанныхъ теперь по разнымъ изданіямъ и напечатанныхъ за границею **). О бумагахъ Болтина было преданіе, что онѣ всѣ достались графу А. И. Мусину-Пушкину, у котораго и сгорѣли въ Библіотекѣ при Французахъ". Болтина Погодинъ не нашелъ дома, онъ за границею. За тѣмъ Погодинъ проѣхался по Кремлю и полюбовался захожденіемъ солнца. „Этой картиной никогда не налюбуешься". Объѣхалъ ярморочные ряды, въ которыхъ уже движется довольно много народа, особенно около моста. Нѣсколько лавокъ открыто. Во многихъ купцы разбирались. Иные еще

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* IV, 337, 429.

**) Въ настоящее время, князь Борисъ Сергѣевичъ Щербатовъ сдѣлалъ великолѣпное изданіе сочиненій нашего историка, редакціей которыхъ занимался покойный Иванъ Петровичъ Хрущовъ. *Н. Б.*

заперты". Послѣ послѣдняго посѣщенія Погодинымъ Нижняго Новгорода, онъ замѣтилъ, что „здѣсь еще много выстроено домовъ", при этомъ онъ выразилъ желаніе, „чтобы они отличались особенно чистотою".

Между тѣмъ, двое изъ спутниковъ Погодина получили телеграмму изъ Казани, заставляющую ихъ остаться въ Нижнемъ дня на два, и Погодинъ рѣшился ѣхать съ однимъ спутникомъ, не медля, въ ночь. „Кое-какъ въ потьмахъ уложились",—пишетъ Погодинъ,—„снабженные подушками отъ любезныхъ оставшихся товарищей, а сѣна не нашли ни за что. Ямщикъ упросилъ принять третьяго сѣдока, котораго имѣлъ въ виду въ ближней деревнѣ. Мы согласились, но напрасно проѣздили часъ, отъискивая его по избамъ. Лошади попались отличныя, и мы проѣхали всю ночь и раннее утро напролетъ, сдѣлавъ 80 верстъ, почти не кормили. Ямщику досталась зато нечаянная выгода: на заставѣ, посмотрѣвъ мой видъ *для ученыхъ цѣлей*, стража пропустила насъ безъ взиманія дорожной пошлины".

17-го іюля, наши путешественники прибыли въ Красное Село. Здѣсь ихъ продержали часа два. „Ямщики спорили между собою о цѣнѣ, метали жребій, передавали другъ другу, ругались, наконецъ отказывались, и прежній ямщикъ рѣшился везти ихъ еще станцію. Наконецъ, кое-какъ, послѣ досадныхъ ожиданій, угрозъ, криковъ, лошади были запряжены и они поѣхали". Среди споровъ ямщиковъ, Погодинъ услышалъ восклицаніе: *Гривенникъ — эка важность: чего онъ стоитъ. Вотъ какъ чугунка пройдетъ, ну*, такъ тогда подумаешь и *о гривенникѣ*. По поводу этого восклицанія, Погодинъ замѣтилъ: „Чугунка пойдетъ на дняхъ, люди знаютъ, что денегъ достать имъ будетъ трудно, и все таки не хотятъ теперь беречь ихъ. Извольте съ ними разсуждать"!

Въ Вязникахъ,—какъ пишетъ Погодинъ,—наши путешественники „пообѣдали хорошо въ гостинницѣ — сытно и дешево, но ямщикъ нашъ совершенно вздурился въ разгульномъ обществѣ постоялаго двора. Товарищи въ заключеніе начали

трунить и надъ нимъ, и надъ нами, такъ что я пожалѣлъ о ненадѣтомъ крестѣ.—Въ четвергъ хотите поспѣть на машину? —Какъ въ четвергъ, завтра, въ среду!—Нѣтъ, завтра не поспѣете.—Я долженъ былъ идти самъ въ кабакъ, чтобы вытащить оттуда своего гуляку, впрочемъ довольно послушнаго.—Позвольте посадить сѣдока.—У насъ мѣстъ нѣтъ. — Онъ сядетъ позади или со мною.—Пожалуй, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты сейчасъ заложилъ и ѣхалъ какъ мы хотимъ.—Будьте покойны.—Слышь ты, если забуянишь, то мы сѣдока твоего ссадимъ, и ты лишишься платы. Такъ и ему скажи. Лошади запряжены и сѣдокъ, какой-то послушникъ, на одной ногѣ, полѣзъ къ намъ въ тарантасъ и угнѣздился въ ногахъ. Намъ совѣстно было напомнить условіе, и мы промолчали. Поѣхали. Ямщика стало разбирать и онъ началъ останавливаться со всѣми встрѣчными, то съ племянникомъ, то съ братомъ, наконецъ, съ какими-то богомолками тремя старухами, которыхъ онъ хотѣлъ усадить на задкѣ, взявъ съ нихъ по четвертаку. Насилу мы утолковали его и онъ поѣхалъ. Вдругъ, упала лошадь коренная. Онъ всталъ съ козелъ, и куда хмѣль прошелъ, онъ испугался, принялся поднимать съ помощью встрѣчныхъ. Кое-какъ она встала, но пошла тихо. Къ счастію, близка была деревня. Лишь только пріѣхали, она упала опять. Ѣхать было нельзя, а сдачи несчастный никакъ не могъ устроить. Ямщики и слушать его не хотѣли, особенно дворникъ. Мы были въ самомъ непріятномъ положеніи. До Владимира осталось еще слишкомъ 50 верстъ. Я обратился къ станціонному смотрителю, но онъ дожидался дилижансовъ изъ Нижняго и изъ Владимира, и не могъ дать лошадей, послалъ однако же своего старосту уговаривать дворника. Ты зачѣмъ сюда пришелъ! окрикнулъ его надменно хозяинъ.—Меня прислалъ смотритель.—Не ваше дѣло.—Дѣло не наше, да что же господамъ-то жить здѣсь что ли, Дмитрій Филиповичъ?—Ямщикъ нашъ тоже плакался, и дворникъ смилостивился, отпустилъ лошадей за 12 рублей, то есть, ямщикъ долженъ былъ приплатить ему своихъ два рубля,

провезъ даромъ почти большую станцію. Подѣломъ за пьянство и нахальство".

Терпѣніе и мученіе нашихъ путешественниковъ вознаграждено. „Ямщикъ попался имъ ловкій и лошади надежныя"; но на Клязьмѣ, предъ ихъ глазами разводили мостъ, чтобы пропустить барки. Проѣзжая Боголюбовскій монастырь, Погодинъ „присматривался къ угольной башнѣ".

По пріѣздѣ во Владиміръ, Погодинъ отыскалъ Константина Никитича Тихонравова, который разсказывалъ ему о намѣреніи возстановить въ древнемъ видѣ Рожественскій монастырь. Въ ихъ археологическій разговоръ вмѣшался одинъ инженеръ и замѣтилъ, что „полезнѣе было бы провести для жителей воду, въ которой они нуждаются, чѣмъ употреблять деньги на возстановленіе древности". На это Погодинъ ему отвѣтилъ: „Въ благоустроенномъ государствѣ одно другому не мѣшаетъ: должны удовлетворяться текущія потребности, и вмѣстѣ чтиться Наука, Исторія". По поводу замѣтки инженера, Погодинъ записалъ: „У насъ жалуются обыкновенно на недостатокъ въ людяхъ, а извѣстные люди не употребляются по ихъ способностямъ и познаніямъ и опытамъ. Въ Москвѣ сдѣлался извѣстнымъ своею дѣятельностью, честностью, искусствомъ въ снабженіи города водою генералъ Дельвигъ. Онъ написалъ и книгу. Ну, вотъ и поручите ему снабженіе водою Москвы и Владиміра, и Нижняго, и Казани. Пусть онъ осматриваетъ, изыскиваетъ лучшія средства, начертываетъ планы, наблюдаетъ за работами, а ему поручена инспекція желѣзной дороги. Тихонравовъ занимается съ успѣхомъ изслѣдованіями. Онъ находился при Уваровѣ и Савельевѣ, и познакомился съ ихъ пріемами, мыслями. Поручите ему продолженіе раскопокъ, теперь оставленныхъ, поручите составить описаніе Владиміра и его уѣздныхъ городовъ, издать Владимірскій Сборникъ".

Въ Москву изъ Владиміра Погодинъ отправился по желѣзной дорогѣ. „При взятіи билетовъ", — отмѣчаетъ Погодинъ, — „особенно въ багажномъ отдѣленіи, много грубости, осо-

бенно отличался ею какой-то господинъ, кажется грекъ, которому предъявили билетъ. Еслибъ не было поздно, то я отыскалъ бы начальника станціи и попросилъ бы его поучить невѣжу учтивости. Вообще нельзя довольно повторять начальникамъ, чтобы они твердили объ учтивости своимъ подчиненнымъ. Эти господа считаютъ свои правила общеизвѣстными и при малѣйшемъ недоумѣніи, готовы наговорить или надѣлать вамъ грубостей вмѣсто объясненій".

Спутникомъ Погодина оказался одинъ малороссіянинъ, который „сообщилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о журналѣ *Основа* и о главныхъ его сотрудникахъ въ дополненіе къ извѣстнымъ".

На послѣдней страницѣ *Дорожнаго Дневника* Погодина читаемъ: „Трудно описать сладость, которую чувствуешь, сидя на мягкомъ удобномъ диванѣ и катясь по желѣзнымъ путинамъ, воспоминая ухабы, зыбуны, ямы, тарантасъ, ямщиковъ, станціонныхъ смотрителей, дождь, нѣтъ лошадей и проч. и проч. Дорога казалась мнѣ отличною, покойною, и я не видалъ, какъ докатили мы до Москвы. Послѣдняя станція Кусково — неужели наша знаменитая Шереметевская подмосковная съ славнымъ садомъ, лимонными деревьями и портретною галлереею! Вѣдь отъ Кускова версты три и Кузминка, любимое лѣтнее пребываніе князя Сергія Михайловича Голицына, столько знакомое Московской знати, которая лѣтъ пятьдесятъ трепалась, ѣдучи сюда обѣдать по воскресеньямъ, а богатому хозяину въ голову не приходило устроить мостовую дорогу, хоть бы для отстраненія заклинаній отъ несчастныхъ гостей-пилигримовъ. Нѣмцы устроили бы здѣсь непремѣнно Gasthaus zum grünen или zum weissen Bär и всякій вечеръ была бы полнехонька народу. Тѣмъ болѣе, что отсюда близко Перерва, Угрѣша, Люблино. Да и Коссино не слишкомъ далеко".

Въ Москвѣ Погодина осадили извощики, и „на бѣду", — отмѣчаетъ онъ, — „какъ бы для увеличенія моихъ дорожныхъ бѣдъ, попался такой, у котораго лошадь едва волочила ноги

и наконецъ совершенно остановилась. Помилуй, скажи, зачѣмъ берешься ты возить, зная свою лошадь. Да она у меня ретивая и добрая, а нынѣ не знаю что̀ сдѣлалось съ ней: вѣрно попритчилось. Я принужденъ былъ перемѣнить извощика, который наконецъ и довезъ меня благополучно. Ухъ, наконецъ я дома и не чувствовалъ себя отъ радости. Слава Богу. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ невѣроятно. Давно ли я былъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Сибири, тонулъ, и вотъ я уже въ Москвѣ".

LV.

28 іюля 1862 года, Краевскій писалъ Погодину: „А вы говорите, что воротились съ *Урала*. Что̀ вы тамъ дѣлали? Что̀ привезли" [250])?...

Путешествіе на Уралъ возбудило въ Погодинѣ „общія замѣчанія о явленіяхъ, кои казались ему наиболѣе важныя".

Начинаетъ онъ съ *желѣзной промышленности*.

„Желѣзная промышленность у насъ",—писалъ онъ, —„говорятъ, падаетъ вслѣдствіе разрѣшеннаго ввоза Англійскаго желѣза. Наше не можетъ теперь спорить съ нимъ дешевизною, по причинѣ отдаленности производства отъ сбыта, трехлѣтней дороговизны хлѣба и прочихъ припасовъ, уменьшенія по мѣстамъ лѣсовъ и другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Самые сильные заводы, Демидовскіе, Яковлевскіе, Строгановскіе, уменьшаютъ на половину работы, а объ слабыхъ и говорить нечего. Чѣмъ же занятъ будетъ народъ, котораго половина останется безъ дѣла, а въ этой половинѣ чуть ли не до 500 тысячъ. Всѣ заводскіе люди, съ которыми говорить мнѣ случалось, и главные торговые производители, единогласно осуждаютъ разрѣшеніе.

Когда сравнить легкость, съ какою дѣлаются у насъ иногда такія капитальныя измѣненія, съ иностранною внимательностію и осторожностію, то поневолѣ задумаешься. Вспомните, напримѣръ, сколько времени въ Парламентѣ и

Литературѣ, посвящено было вопросу о бумагѣ въ Англіи и пошлинахъ на нее. Цѣлая сессія преимущественно занималась ею. Оппозиція и министерская стороны истощили всѣ силы доводовъ, нападая и защищаясь. При началѣ не видать было конца. Нѣсколько разъ судьба Министерства подвергалась опасности изъ-за этого вопроса. Всѣ журналы представили свои голоса. А у насъ какой-нибудь письмоводитель почеркомъ пера, при сочиненіи или пересмотрѣ тарифа, рѣшаетъ часто судьбу сотни произведеній, дающихъ пропитаніе не тысячамъ, а милліонамъ. Желѣзо, какъ хлѣбъ, сало, чай, сахаръ, пенька, ленъ, шерсть, принадлежитъ къ основнымъ предметамъ нашей промышленности. Мнѣ случилось совершить путешествіе по Волгѣ, Камѣ и Уралу, съ первымъ производителемъ дѣлъ по желѣзной части, Ярославскимъ купцомъ А. И. Пастуховымъ, и я наслушался отъ него многаго, что было провѣрено мною въ бесѣдахъ съ другими знатоками по Уралу.

Желѣзная торговля потрясена, сказалъ онъ, и покупатель не знаетъ теперь, гдѣ запасаться ему желѣзомъ. Прежде онъ зналъ одно мѣсто и время: Нижегородскую ярмарку, гдѣ устанавливалась цѣна, и оттуда товаръ развозился по всей Россіи; нынѣ онъ думаетъ о Петербургѣ, Одессѣ, Таганрогѣ, Нижнемъ, Москвѣ, и эта неизвѣстность мѣшаетъ свободѣ распоряженій.

Англичане продаютъ дешево свое желѣзо, но кто поручится, что они не поднимутъ цѣнъ, когда наши заводы будутъ поражены нынѣшними обстоятельствами. За Англійское желѣзо, какъ оно ни дешево, мы должны платить золотомъ, котораго у насъ не достаетъ, а свое оплачивалось ассигнаціями, и содѣйствовало внутреннему обороту, въ коемъ и заключается богатство.

Въ Петербургѣ составилось общество дѣлать машинами гвозди и получило право привозить желѣзо безъ пошлины, а этимъ промысломъ занималась цѣлая волость Улома, въ Тверской губерніи, которая ежегодно потребляла желѣза до

800,000 пудъ. Больше ничего она не дѣлала и дѣлать не можетъ. Промыслъ ея долженъ упасть, — что же ей дѣлать. Народу тамъ столько-то тысячь.

Желѣзо покупалось тамъ съ однихъ извѣстныхъ заводовъ. Управляющій сдѣлалъ какое-то измѣненіе въ выковкѣ, съ цѣлію увеличить производство; но новое желѣзо оказалось негоднымъ для употребленія, шляпки съ гвоздей начали отваливаться, и заводъ сконфузился, разсказывалъ мнѣ купецъ.

Накладные расходы, какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ заводахъ ставятъ весьма высоко. На казенныхъ заводахъ одолѣваетъ множество чиновниковъ съ пенсіями, арендами, единовременными наградами и прочими отрицательными сторонами, а на частныхъ—необузданная роскошь и безпорядочность.

Заводчики слишкомъ возвысили цѣны на желѣзо, отвѣчаютъ другіе; вотъ почему разрѣшено привозить иностранное желѣзо. Они привыкли брать барыша рубль на рубль: получать меньше—это у нихъ считается убыткомъ.

Заводчики, въ свою очередь, жалуются на дороговизну, вслѣдствіе которой возвышается ими цѣна.

Купцы виноваты всѣхъ меньше, говорилъ мнѣ, впрочемъ, купецъ; потому что они вынуждаются заводчиками платить дорого, а себѣ достаютъ по соразмѣрности наименѣе, и не могутъ продавать въ убытокъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Надо распространить употребленіе желѣза, говорилъ пріѣзжавшій сюда одинъ заводчикъ, — чтобъ не было у насъ кровель крытыхъ соломою, а самъ назначилъ своему желѣзу такія цѣны, какихъ не было и на рынкѣ. Вы дорого продаете желѣзо, сказалъ онъ купцу.—Но мы вѣдь у васъ его покупаемъ, отвѣчалъ купецъ. — Что же, даромъ отдавать его вамъ? — Нѣтъ, мы даромъ не возьмемъ, а желаемъ платить настоящую цѣну.

Казна владѣетъ такимъ количествомъ заводовъ и выдѣлываетъ столько желѣза, что могла бы установить ему цѣну по своимъ безобиднымъ разсчетамъ. Почему же она этого не

сдѣлала? Потому что она не можетъ выдѣлывать много желѣза, занятая приготовленіемъ вещей, нужныхъ для арміи и флота.

На Уралѣ переломъ отъ разнообразныхъ причинъ. Разсказываютъ разные случаи. Я передаю ихъ какъ слышалъ, и не опираюсь, не ручаюсь.

Ослабло хозяйственное управленіе на многихъ заводахъ. Старые хозяева перемерли, а молодые не столько думаютъ объ управленіи, сколько о полученіи лишнихъ доходовъ. Они не живутъ на заводахъ и подчиняются управляющимъ, а между тѣмъ, управляющіе бываютъ всякіе, особенно, говорятъ, между учеными и между иностранцами, которые причинили много вреда.

Большіе заводы работаютъ въ убытокъ.

Теперь наступаетъ пора для мелкихъ промышленниковъ.

Надобно было случиться, что и въ самомъ дѣлѣ большіе заводы получили новыхъ, молодыхъ, совершенно неопытныхъ владѣльцевъ. Дѣйствительно, главные заводы отъ старыхъ владѣтелей, ихъ устроившихъ, достались молодымъ неопытнымъ наслѣдникамъ,—Демидовскіе, Яковлевскіе, Голицынскіе, и нѣкоторые другіе. Попеченія умнаго меньше, а требовательности больше.

Къ причинамъ заводскаго разстройства должно причислить трехлѣтній неурожай, вслѣдствіе котораго возвысилась цѣна на хлѣбъ, и увеличились накладные расходы.

Вольный трудъ и задѣльная плата на первыхъ порахъ увеличиваютъ разстройство. Люди обязаны были прежде работать по-неволѣ, а получали очень малую плату, но зато имѣли хлѣбъ на себя и на семью. Теперь они вольны работать и не работать, получаютъ несравненно большую цлату, но должны покупать себѣ хлѣбъ, а хлѣбъ такъ дорогъ, что заводчики изъ-за хлѣба принуждены были уменьшить производство на половину, давно уже работая въ убытокъ. Вотъ причины жалобъ на настоящее положеніе. Разумѣется — это временное неудобство, и съ первымъ урожаемъ, на который

и повсемѣстная здѣсь надежда, дѣла могутъ поправиться значительно.

Пособляютъ дѣлу теперь заработки на золотыхъ прiискахъ, на кои отошло много народа, вслѣдствiе разрѣшенiя искать золото и облегченiя разныхъ формальностей.

Знающiе люди опасаются, чтобы народъ этотъ не слишкомъ избаловался на работѣ, относительно легкой.

Вездѣ нуженъ присмотръ.

Къ числу неблагопрiятныхъ обстоятельствъ должно отнести еще наводненiе нынѣшняго года: повсемѣстная высокая вода прорыла многiя крѣпкiя плотины, и остановила работы.

Нѣкоторые частные заводы должны перейти въ казенное управленiе, а казенное управленiе оказывается по многимъ причинамъ настолько несостоятельнымъ, что общее мнѣнiе побуждаетъ отдать ихъ въ частныя руки. Гдѣ же спасенiе? Видно и казенное и частное управленiе страдаютъ отъ одной и той же болѣзни. Отъ какой же? И гдѣ лѣкарство? Надо отыскать его, иначе дѣла горныя, вмѣстѣ съ многими другими, пойдутъ все хуже и хуже.

Причины упадка желѣзнаго производства, на которыя указываютъ заводчики и желѣзные торговцы, имѣютъ свою долю справедливости, но не всѣ, а совокупностiю такого множества неблагопрiятныхъ обстоятельствъ, заводчики стараются только замаскировать истинное положенiе дѣлъ, думая поддержать этимъ свой сильно пошатнувшiйся кредитъ.

Привозъ иностраннаго желѣза, по крайней мѣрѣ къ портамъ Балтiйскаго моря, былъ такъ ничтоженъ, что онъ едва ли могъ имѣть какое-нибудь значенiе въ торговлѣ Уральскимъ желѣзомъ, хотя мы вовсе не причисляемъ себя къ числу людей, одобряющихъ эту мѣру Правительства. Въ будущемъ иностранное желѣзо, дѣйствительно, можетъ сильно подорвать нашихъ производителей, и Правительство не ранѣе бы должно рѣшаться на такую мѣру, какъ убѣдившись, что большая часть заводовъ готовы выдержать иностранную конкуренцiю.

Отдаленность мѣстъ производства отъ мѣста сбыта суще-

ствовала всегда, и цѣны доставки металловъ водяными караванами не только не повысились въ послѣднее время, но даже значительно понизились съ развитіемъ пароходства.

Уменьшеніе выдѣлки металловъ на многихъ заводахъ указываетъ отчасти на настоящую причину затруднительнаго положенія заводчиковъ, отъ дороговизны рабочихъ рукъ и продовольствія. Матеріалы стали обходиться дороже; чтобы сдѣлать желѣза столько же, сколько его дѣлалось прежде, нужно на матеріалы и платы рабочимъ имѣть вдвое болѣе денегъ, а запасныхъ капиталовъ не было у заводчиковъ, кромѣ самыхъ капитальныхъ, почему и пришлось сократить производство. Сокращать производство, дѣлать вмѣсто 100/т. пуд. 50/т. значитъ прямо дѣйствовать себѣ въ подрывъ: накладные расходы въ этомъ случаѣ увеличиваются вдвое. Въ нѣкоторыхъ заводахъ накладные расходы достигали 50%, въ послѣднемъ случаѣ они составили бы рубль на рубль.

Весь секретъ, слѣдовательно, у большей части заводчиковъ состоитъ въ неимѣніи денегъ и кредита для поддержки производства въ прежнихъ размѣрахъ. Выгоды конечно отъ желѣза сравнительно съ прежними меньше, но это весьма естественный ходъ вещей.

Казенные заводы продаютъ только то желѣзо, которое могутъ выдѣлывать сверхъ возложенныхъ на нихъ казенныхъ нарядовъ для артиллеріи и флота, кромѣ того все, что бываетъ забраковано пріемщиками артиллерійскаго и морского вѣдомствъ, за неточностію размѣровъ въ сортахъ заказаннаго желѣза, это такъ называемое несходное желѣзо. Желѣзо казенныхъ заводовъ является такимъ образомъ въ продажѣ въ видѣ остатковъ отъ сортовъ, приготовленныхъ безо всякаго соображенія съ торговымъ запросомъ и продается обыкновенно съ аукціоннаго торга. Количество продажнаго казеннаго желѣза едва ли превышаетъ 200/т. пуд. въ годъ. По всѣмъ этимъ причинамъ цѣна казеннаго желѣза никогда не имѣла вліянія на цѣны желѣза частныхъ заводчиковъ.

Такъ замѣчаетъ чиновникъ, но мы, со стороны, скажемъ

ему, что казна могла-бъ имѣть вліяніе, еслибъ захотѣла, еслибъ сочла то нужнымъ, въ видахъ государственнаго хозяйства.

Всѣ заводы, казенные и частные, пользуются, кажется, первоначальными развѣдками временъ Петра и Екатерины.

Сколько трудовъ предстояло первымъ дѣятелямъ. Нынѣшніе труды ничто въ сравненіи съ ними. Если черезъ сто лѣтъ здѣсь еще такая дичь и пустыня, что же было при первыхъ Демидовыхъ, Яковлевыхъ, Походишиныхъ, Строгановыхъ!

Я объѣхалъ страну мелькомъ, такъ сказать, но всѣ нынѣшніе заводы показались мнѣ точками на этомъ неизмѣримомъ пространствѣ. Если богатыя руды находятся въ той или этой горѣ, то почему же не быть имъ въ смежныхъ, сосѣднихъ? Формація вездѣ одна и та же. Уралъ, судя по аналогіи, долженъ заключать неистощимые запасы рудъ.

Гора Благодать, подлѣ Кушвы, доставляетъ чугунъ самой лучшей доброты на всѣ казенные заводы, и до сихъ поръ на самой поверхности представляются руды, сколько угодно.

LVI.

Съ вопросомъ о цѣнѣ произведеній тѣсно связанъ вопросъ о путяхъ сообщеній.

„Дороги въ Сибири“,—писалъ Погодинъ,—„находятся, кажется, въ первобытномъ состояніи. Главное должайшее сообщеніе бываетъ тамъ зимою, и потому на конскую дорогу мало обращаютъ вниманія, тѣмъ болѣе, что желѣза вдоволь и кузнецовъ въ волю для починокъ. Мнѣ кажется, что еслибъ этотъ край достался Англичанамъ, то они прежде всего сняли бы съ него подробный топографическій планъ, и тогда, можетъ быть, открылась бы возможность сократить разстоянія, облегчить перевозку и удешевить всѣ припасы. Когда я сказалъ это одному горному чиновнику, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что Правительство давно уже озаботилось сочиненіемъ такой карты, и, лѣтъ семь тому назадъ, поручило двумъ Француз-

скимъ инженерамъ, съ большимъ жалованьемъ и содержаніемъ. Прошло лѣтъ пять, но Французы двигали очень медленно, и были удалены. Работа ихъ передана кому-то на новыхъ основаніяхъ, но что сдѣлано, и что дѣлается, неизвѣстно. Мнѣ хотѣлось узнать объ этомъ въ Екатеринбургѣ; къ сожалѣнію, я не засталъ тамъ главнаго начальника, и не могъ получить никакихъ свѣдѣній.

Удивительно однакожъ, что мы, при своемъ Корпусѣ Инженерномъ, существующемъ столько лѣтъ, нуждаемся все еще въ иностранныхъ инженерахъ, платимъ имъ деньги, подвергаемся обманамъ, и все-таки ихъ не покидаемъ. Не говоримъ о Главномъ Обществѣ Желѣзныхъ Дорогъ, которое дало себя знать, и Саратовскую мы поручили иностранцу, причинившему страшный убытокъ!

Тотъ же чиновникъ отвѣчалъ мнѣ на этотъ вопросъ:

Французскіе инженеры, *Алори* и *Вержье*, работали руками нашихъ же горныхъ землемѣровъ и заводскихъ межевщиковъ, получая сами большое содержаніе. По недостатку ли свѣдѣній или по недобросовѣстной небрежности къ дѣлу, они оказались неспособными руководить такимъ дѣломъ, и имъ отказано.

Спеціально знакомые съ дѣломъ люди говорятъ, что работа Французовъ должна повториться сначала. Инженеры Корпуса Топографовъ нынче лѣтомъ приступили уже къ составленію геодезической сѣти на Уралѣ.

Касательно дорогъ укажу на два примѣра: отъ Серебрянки до Кушвы 60 верстъ. Въ Серебрянкѣ приготовляются всѣ нужныя вещи для флота, какъ-то якоря. Изъ Кушвы Гороблагодатскій чугунъ доставляется на всѣ казенные заводы. Между Кушвою и Серебрянкою перевозится ежегодно до 3 милліоновъ пудовъ, а дорога, по крайней мѣрѣ нынче, такая, что когда я пришелъ къ управляющему просить у него лошадей, то онъ отвѣчалъ, что лошадей онъ какъ-нибудь достанетъ, но что ѣхать теперь (было часа 2) не совѣтуетъ, потому что не отвѣчаетъ за нашу безопасность,—что

жизнь наша можетъ подвергнуться опасности вечеромъ и ночью, или случится увязнуть, или изломать что нибудь въ повозкѣ. На дняхъ, онъ самъ долженъ былъ пройти нѣсколько верстъ пѣшкомъ и заплатить дорого за то, чтобъ вытащили его легонькую повозку. Дѣлать нечего — мы должны были согласиться, и поутру отправили тарантасъ свой пустой, а сами улеглись въ коробейкѣ плетеной, и кое-какъ протащились черезъ гребень Уральскихъ горъ, очень невысокій. Я обошелъ пограничный столбъ между Европою и Азіею, и подумалъ, что его слѣдовало бы отодвинуть. Впрочемъ, на другой сторонѣ все-таки не такъ мнѣ было стыдно, и совѣсть чувствовала менѣе угрызенія. Поѣхавъ далѣе, я сказалъ своему спутнику: Ну, вотъ мы теперь въ Азіи.—А были-то гдѣ? спросилъ онъ меня очень простодушно. А можно ли выразиться злѣе. Описать дорогу нѣтъ возможности. Это что-то невообразимое!

Почему же дорога не исправляется, спрашивалъ я коекого. Потому что Горное Вѣдомство споритъ съ Вѣдомствомъ Государственныхъ Имуществъ, на чей счетъ должна исправиться дорога. Ну, да впредь до рѣшенія спора, почему бы не исправить дороги пополамъ, а послѣ можно было бы разчесться, и виноватому доплатить, — по крайней мѣрѣ, шей было бы меньше свернуто, ногъ меньше переломано, реберъ повреждено, и сохранились бы въ казнѣ бо̀льшія суммы, которыя теперь идутъ за провозъ, и безпрестанно увеличиваются, безъ прибыли впрочемъ и возчикамъ, которые морятъ лошадей и разоряются въ свою очередь. Кто же въ барышахъ? Лѣнь, безпечность, распущенность.

У семи няней дитя безъ глазу, и столкновенія различныхъ вѣдомствъ причиняютъ у насъ въ иныхъ мѣстахъ сильный государственный вредъ, не падающій ни на чью вину, неуловимый, а тѣмъ не менѣе дѣйствительно обременительный.

Я вспомнилъ о дорогѣ подъ Балаклавою. Мнѣ случилось ѣхать туда изъ Севастополя, осенью. Дорога была также невыносимая. Ямы, бугры, рытвины, косогоры; все разбито, взбу-

доражено; вдругъ, не доѣзжая верстъ пяти до города, мы покатились какъ по скатерти. Что это значитъ, спросилъ я ямщика, отъ чего дорога здѣсь такая великолѣпная? Агличинъ сдѣлалъ. Какой агличинъ?—А вотъ какъ война здѣсь была, такъ они и устроили эту дорогу, чтобъ подвозить по ней было легче свои припасы. Меня бросило въ жаръ при этихъ словахъ. Господи-Боже мой! Англичане, подъ непріятельскими ядрами, на чужой землѣ, случась нечаянно и не думая оставаться, сочли нужнымъ, полезнымъ и возможнымъ сдѣлать дорогу даже на короткое время, а мы, хозяева, не могли собраться, въ продолженіе многихъ лѣтъ, устроить какъ-нибудь эти сообщенія!

Если гдѣ-нибудь, то, кажется, въ Сибири стыдно имѣть дурныя дороги, и вмѣстѣ вредно, убыточно, ибо провозятся грузы самые тяжелые. Матеріалы для исправленія дорогъ всѣ подъ руками. Шлаку на заводахъ некуда дѣвать, точно какъ не знаютъ куда дѣвать и такъ называемый пустой породы, отдѣляемой отъ рудъ. Если бы каждому порожнему возу, выѣзжающему съ завода, вмѣнить въ обязанность отвезть извѣстное количество и высыпать на дорогу, то въ немного лѣтъ дорога, кажется, вымостилась бы. Эта мысль представилась мнѣ на второмъ или на третьемъ заводѣ, а послѣ я увидѣлъ въ Тагилѣ удивительную улицу, такъ устроенную, но это была только одна улица... Вездѣ, даже въѣзды на заводы ужасные.

Теперь о направленіяхъ. Мы ѣхали, напримѣръ, изъ Кушвы въ Павду, около 300 верстъ, кругомъ черезъ Верхотурье, а есть дорога, но только не проѣзжая, съ Нижней Туры 80 верстъ. Павдинское частное управленіе начинаетъ устраивать эту дорогу, хотя для зимы, а ею сократится разстояніе между Кушвою и Богословскомъ, а съ другой стороны Соликамскомъ. Теперь поставлены только избы на разстояніи 20, 40, 60 верстъ, гдѣ можно остановиться, отдохнуть и согрѣться,—а проѣзжіе не нарадуются, не нахвалятся, и не наблагодарятся.

Нужно прокопать канавы и наслать дровяную мостовую изъ окружнаго лѣса. Я упомянулъ о двухъ точкахъ; вѣрно найдутся и другія точки, коими сократится разстояніе между заводами, напримѣръ, между Пермью и Серебрянкою.

Должна быть еще прямая дорога изъ Перми на Серебрянку, которая теперь достигается объѣздомъ чрезъ Кунгуръ, съ крюкомъ верстъ на 150, а Серебрянка въ 13 верстахъ отъ Чусовой. Рашетъ ведетъ желѣзную дорогу прямо на Серебрянку—вотъ и доказательство этой возможности. Съ Серебрянкой и Кушва приблизится къ Перми верстъ на 150. Теперь, кажется, самое удобное время прокладывать дороги, когда множество народа остается безъ дѣла.

Любопытно узнать результаты экспедиціи, снаряженной Кокоревымъ и К° для изслѣдованія пути черезъ Уралъ въ трехъ направленіяхъ.

Линія отъ Богословска до Екатеринбурга, параллельная гребню Уральскому, составляетъ верстъ 400, а до Златоуста 600. Это главная жила. Отъ Екатеринбурга или отъ Исетскихъ до Невьянскихъ заводовъ, сто верстъ, не грѣхъ бы отдѣлать Яковлевымъ, пользовавшимся впродолженіе пятидесяти лѣтъ милліонными доходами. Эта линія полезна и для казны: ну пусть казна раздѣлитъ труды пополамъ съ Яковлевыми. Отъ Невьянскихъ заводовъ до Тагила обязанъ Демидовъ, 50 верстъ, а отъ Тагила до Кушвы—казна, 50 верстъ, съ отраслями на Серебрянку и Баранчу.

Котовскому заводу (увы, теперь разоренному) необходима дорога до Чусовой или до притока Ослянки, а оттуда до Серебрянки 13 верстъ, кои падаютъ на жителей послѣдняго завода. Такъ точно и прочіе заводчики должны помогать общему дѣлу. Напримѣръ, Шоттанскій заводъ, Ярцевыхъ и Строгановыхъ, на пути отъ Кушвы къ Тагилу, устроивъ свои участки, облегчаютъ казну.

Разстояніе отъ Кушвы до верхней Туры 10 верстъ, а нижняя Тура, вмѣстѣ съ Павдинскимъ заводомъ, должны

устроить новую дорогу на 80 верстъ. Отъ Павды до Богословска, 50 верстъ, долженъ устроить Богословскъ.

Здѣсь будетъ нѣкоторое насиліе, но безъ него нельзя обойтись: налагаетъ же Правительство рекрутскую повинность. Пусть наложитъ оно и подорожную, которая собственно здѣшнимъ жителямъ всѣмъ безъ исключенія принесетъ пользу.

И все это возможно, если примутся за дѣло не педанты, не пуристы, не теоретики, а люди любящіе, сердечные и дѣловые. Они съумѣютъ найдти средства облегчить труды, сдѣлать работу пріятною и веселою, устроятъ хорошее содержаніе пуще всего, и дѣло закипитъ.

Да почему не употреблять и ссылочныхъ. Можно и побольше ихъ присылать, чтобъ очистить столицы и города отъ явныхъ негодяевъ, а ихъ лучше проучить работою, чѣмъ держать въ острогѣ, куда они путешествуютъ.

Сибирская почта, сколько мнѣ случилось узнать ее отъ Перми до Екатеринбурга, не оставляетъ ничего желать. Лошади всегда готовы. Закладываются скоро. Ѣздятъ хорошо. Ямщики исправные. Станціи содержатся опрятно, даже очень. Заплати деньги съ мѣста и катись безъ хлопотъ до другого. Я спрашивалъ о причинѣ: это вольная почта, взятая простыми людьми, а не чиновными, безъ всякой заплаты, а съ правомъ брать двойные прогоны, то-есть, по три копейки за версту. Подрядчикъ $2^1/_2$ отдаетъ ямщикамъ, а $1^1/_2$ оставляетъ себѣ за труды,—и всѣ довольны. Съ земской повинности снято несправедливое бремя, и проѣзжающимъ не обидно. Точно такъ же устроена была когда-то почта сдаточная отъ Москвы до Костромы и, кажется, до Вологды. Почему не устроить почту по этому образцу и по всей Россіи? До сихъ поръ брали ее у насъ по большей части аферисты, на слишкомъ близкія разстоянія, по сношеніямъ съ чиновными людьми, и казна терпѣла, публика еще больше. Пусть бы какой-нибудь дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ департаментовъ пожилъ годикъ на какой-нибудь бойкой станціи, напримѣръ, по Тульскому или Варшавскому тракту, изучилъ

сущность гоньбы, большой и малой, сосчиталъ всѣ концы, познакомился бъ съ ямщиками и постоялыми дворами, исчислилъ бы, что̀ стоитъ тройка въ годъ, и что̀ она съ ямщикомъ пріобрѣсти можетъ, при такой-то цѣнѣ корма и хлѣба. Ну, вотъ и вѣрное заключеніе для устройства почтовой гоньбы хоть на всю Россію. А у насъ хотятъ сочинять уставы въ кабинетѣ, да и бываютъ принуждены измѣнять ихъ безпрестанно. Не стыдно ли намъ, что вся Европа опоясалась желѣзными дорогами, какъ обручами, а у насъ не только нѣтъ еще мостовыхъ дорогъ да и почта не устроена. Мы все еще жалуемся въ стихахъ и прозѣ, что на всякой станціи раздается безпрестанно: staviator, а *пошолъ* остается только привилегіею дантистовъ между фельдъегерями! Мы теоризируемъ и систематезируемъ въ нашихъ журналахъ и газетахъ, какъ высоко поднимаются наши воздухоплаватели, а опустись пониже, того и гляди, что сломаешь голову или свернешь шею. Охъ, послалъ бы я нашихъ реформаторовъ прогуливаться почаще по Россіи.

Для разныхъ пароходовъ я посовѣтывалъ бы начальству обязывать ихъ подъ строгою отвѣтственностію, чтобы они выходили съ точностью, въ опредѣленные часы, изъ назначенныхъ пристаней. Это нужно для сѣдоковъ, которые должны учиться дорожить временемъ и пріучаться къ аккуратности. А еще нужнѣе для того, чтобы прекратить между капитанами глупую привычку перегоняться изъ хвастовства или желанія пріѣхать раньше на пристань, для пріобрѣтенія сѣдоковъ. Чѣмъ тутъ хвастаться я не понимаю: лучше машина, легче ходъ, проворнѣе машинистъ,—что же тутъ капитанъ чѣмъ дѣйствуетъ. А перегонка можетъ причинить, не ровенъ часъ, много бѣдъ. Нескоро, да здорово. Вообще замѣчу, что на Волжскихъ пароходахъ осторожность не слишкомъ развита. Капитанъ долженъ стараться, чтобъ могъ въ нужномъ случаѣ замѣнить лоцмана.

На пароходахъ, точно какъ и на желѣзныхъ дорогахъ, главную выгоду доставляютъ сѣдоки третьяго класса; между

тѣмъ какъ всѣ пароходы, точно какъ и весь подвижной составъ направленъ для гостей 1-го 2-го классовъ. Часто случается, что каюты и вагоны перваго класса пустые, везутся даромъ, а третій классъ мерзнетъ, мокнетъ или печется на палубѣ, на доскахъ: это въ высшей степени несправедливо! Мнѣ случилось провезти одного человѣка въ третьемъ классѣ съ товарнымъ поѣздомъ: сотни человѣкъ, забравшись спозаранку, валялись со своими узлами около стѣны на дворѣ, другіе стояли, за недостаткомъ мѣста. И никому не пришло до сихъ поръ въ голову поставить по забору лавочки, и накрыть ихъ навѣсомъ, чтобъ несчастные наши производители и потребители могли быть защищены сколько-нибудь отъ дождя и солнца. А каковы залы для 1-го класса, и сколько мѣста пропадаетъ тамъ даромъ. Замѣчу, однакожъ, чтобъ не увидѣли здѣсь соціализма. Если въ Москвѣ на главномъ мѣстѣ такое невниманіе, то чего ожидать гдѣ-нибудь дальше; какое грубое, жестокое обращеніе при раздачѣ билетовъ съ ними, первыми, главными членами публики, приносящими пользу! А имъ не приходитъ въ голову, что они имѣютъ право на лучшее обращеніе и большаго удобства. Такъ, надо бы позаботиться, проповѣдуютъ тѣ и другіе“.

Погодинъ находилъ, что нужно было „особое лицо, которое и думало бы только о дорогахъ, и которому всѣ вѣдомства обязаны были бъ помогать и содѣйствовать“.

LVII.

Погодинъ сознается, что „въ ребячествѣ“ своемъ, онъ былъ страстный охотникъ до романовъ и перечиталъ отъ доски до доски — все, что напечатано было по-Русски отъ 1800 до 1815 года. Любимые писатели его были Дюкре-Дюмениль и Радклифъ, но и Лафонтенъ, Коцебу, Шписъ, не оставлялись имъ безъ вниманія. Въ романѣ послѣдняго: *Жизнь* и приключенія Еразма Шлейхера поразило его лице государственнаго блюстителя, путешественника-наблюдателя.

„Я“,—писалъ Погодинъ—„хотѣлъ отыскать книгу и выписать его миссію. Проѣзжая многіе наши города и области, я вспомнилъ о Шлейхерѣ и подумалъ, что для нихъ нужны теперь особые чиновники или сановники, которые изыскивали бы средства, придумывали бы мѣры для содѣйствія развитію страны и ея богатствъ. Нынѣшнимъ губернаторамъ, заваленнымъ письменною работою, нѣтъ времени для такихъ соображеній, требующихъ досуга, вниманія, спокойнаго духа, размышленія, наблюденія. Нужны новые свѣжіе люди, хоть молодые, жить, смотрѣть, думать и представлять свои соображенія на публичное обсужденіе. Возникла-бъ публичная полемика печатная и изустная о предметахъ полезныхъ, существенныхъ, а не объ ренонсахъ въ ералашѣ, и сюркупахъ въ преферансѣ. Это было бы и средствомъ узнавать людей, въ которыхъ ощущается такой недостатокъ. Если бъ на первый случай изъ 50 хоть нашлось бы двое-трое съ искрою божественнаго огня, то мѣра и была бы вознаграждена. Кавказъ, Крымъ, Оренбургская сторона, Уральская, Волга, Кама — да это такія страны, въ коихъ умъ, знаніе, охота, надѣлаютъ чудеса. А теперь, воля ваша,—онѣ глохнутъ, тянутся или влачатся по своимъ колеямъ, и не примѣчается никакой жизни. Много вредитъ, кажется, успѣху всѣхъ дѣлъ на Уралѣ разъединеніе властей. У семи нянекъ дитя всегда бываетъ безъ глазу. Здѣсь дѣйствуетъ Горное Начальство съ Министерствомъ Финансовъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, Губернское Начальство съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, а потомъ еще Духовное Вѣдомство, Министерство Просвѣщенія, Почтовое Вѣдомство, Военное и Морское Министерство съ своими требованіями и заказами, съ своими агентами. Частное владѣніе. А хозяина единаго и недостаетъ, который бы принималъ къ сердцу всѣ части въ равной степени.

Если предполагается возможнымъ человѣкъ, который одинъ обнимаетъ и торговлю внѣшнюю и внутреннюю, и мануфактуры, и кредитную часть, и горное, соляное дѣло,

питейное, банковое, подати и сборы, и проч., то кольми паче возможенъ мѣстный управитель Урала, который можетъ имѣть помощниковъ по горной, лѣсной, рѣчной, дорожной, судебной, податной части.

Здѣсь же мѣсто и Горному Корпусу, въ которомъ воспитываются преимущественно дѣти горныхъ чиновниковъ, ѣздящихъ ежегодно на поклоненіе въ Петербургъ, какъ въ Мекку, и чего стоитъ это путешествіе! На Уралѣ на каждомъ шагу ученики могутъ имѣть поучительные уроки, а Петербургское болото представить можетъ не многое.

Совсѣмъ другіе вопросы выступаютъ теперь на сцену.

Странно, что мы до сихъ поръ не имѣемъ точныхъ понятій о цѣнахъ различныхъ нашихъ производствъ, и, сильные въ теоріяхъ, бойкіе на системахъ, не можемъ сказать навѣрное, гдѣ что̀ стоитъ, и потому не можемъ судить.

Какъ бы то ни было, но устройство дорогъ уменьшитъ значительно цѣну за провозъ и вмѣстѣ удешевитъ произведенія.

Второе дѣло — установить цѣну на хлѣбъ. Странно, что въ нашемъ земледѣльческомъ Государствѣ по преимуществу, цѣны на хлѣбъ безпрестанно мѣняются, и производятъ, слѣдовательно, замѣшательство въ цѣнахъ всѣхъ произведеній.

Сколько народу живетъ на заводахъ? Сколько нужно для нихъ разнаго хлѣба? Откуда этотъ хлѣбъ получать можно наивыгоднѣе? Какія цѣны на хлѣбъ большія и меньшія? Воспользуйтесь урожаями и учредите запасные магазины года на три. Вотъ и обезпечено продовольствіе и установлена цѣна.

Такіе магазины должна имѣть казна для своего населенія. Частные заводчики должны точно такъ же озаботиться о своихъ рабочихъ.

Подъ Сарапуломъ пароходъ останавливается очень долго. На берегу бросается въ глаза полуразрушенное зданіе съ разбитыми стеклами. Что это такое? Это острогъ. Вздумалъ посмотрѣть. Солдатъ съ грубостію заступилъ дорогу. Кое

какъ посредствомъ прохожаго получилъ разрѣшеніе войти, чему содѣйствовалъ, разумѣется, висѣвшій на шеѣ крестъ. Въ какихъ развалинахъ вы живете, сказалъ я смотрителю, имѣвшему благовидную наружность. — Хозяева не хотятъ исправлять предъ окончаніемъ срока.—А что вы платите?—Чуть ли не двѣ тысячи въ годъ.—Да на двѣ тысячи можно, кажется, здѣсь выстроить порядочное помѣщеніе изъ дешеваго лѣса? Между тѣмъ, мы вошли въ коридоръ: грязно, темно, гадко; въ каморкахъ, кои правильнѣе надо назвать канурками, сидѣли колодники, въ иной больше десяти. Надъ запертыми дверями надписи: по конокрадству, по лжесвященству, бродяги... Я заглянулъ къ конокрадамъ. Это были татары большею частію, человѣкъ 15. — Эхъ, братцы, сказалъ я, скучно вамъ, вотъ каково гоняться за чужими лошадьми. Вонъ на своихъ такъ ваши братья гуляютъ по степямъ и лугамъ, а вы вотъ тутъ сидите, — нехорошо? — Нехорошо, отвѣчалъ мнѣ ближній къ двери, впрочемъ довольно мягкимъ голосомъ.—Лжесвященниками называются захваченные между раскольниками. Подолгу сидятъ здѣсь колодники?—Случается года по два. Иные и больше. Много женщинъ и дѣтей. Ужасная жизнь, къ которой можетъ привыкать Русскій человѣкъ, хуже, кажется, всякой каторги. Не говорю о нуждѣ, о грязи, о невозможности прилечь—но это бездѣйствіе, на которое осуждены здѣсь здоровые, крѣпкіе люди — оно убійственно. Неужели нельзя придумать имъ какого-нибудь занятія, — ну, хоть развестио городъ, — ну, хоть устроивать дорогу мостовую къ сосѣднему городу, которой вѣрно нѣтъ. По крайней мѣрѣ эта работа заняла бы сколько-нибудь душевныя и тѣлесныя силы. Въ каждомъ городѣ вѣдь есть исправникъ, городничій, лекарь, учитель, священникъ, и, разумѣется, никто не заглянетъ сюда, не поговоритъ съ несчастными порознь: не наше дѣло, а пожалуй устроятъ благотворительный концертъ для Петербурга, для Москвы, для моднаго пріюта.

Помѣщаю замѣчаніе мое о Сарапульскомъ острогѣ въ

числѣ общихъ, потому что вѣроятно всѣ наши остроги имѣютъ съ нимъ сходство болѣе или менѣе.

Важнѣйшее, самое грустное общее замѣчаніе мое—это о лѣности, безпечности, о хладнокровіи къ общему дѣлу всѣхъ нашихъ, даже такъ называемыхъ образованныхъ, ученыхъ людей. Медики, инженеры сухопутные, водяные, горные, лѣсничіе, — присоединимъ и учителей и священниковъ — лишь только займутъ мѣсто позначительнѣе, повыгоднѣе, какъ и думаютъ уже только о томъ, какъ бы свалить съ плечъ утро, да и то позднее, и приняться за водку, за обѣдъ пожирнѣе, всхрапнуть и усѣсться за ералашъ, а тамъ развѣдывайся съ дѣломъ, какъ хотятъ. Ни малѣйшей заботы объ улучшеніяхъ, сбереженіяхъ, изобрѣтеніяхъ. Какъ начато дѣло лѣтъ хоть за сто, какую форму приняло, такъ оно и иди, вали даже подъ часъ черезъ пень колоду, и какъ можно дальше отъ нововведеній, чтобъ не попасть подъ отвѣтственность. По бумагамъ все обстоитъ благополучно, отписаться удобно, и больше ничего не нужно, кромѣ развѣ пушкà на рыльцѣ. Заниматься дѣломъ день и ночь, вникать во всѣ подробности, заботиться объ успѣхѣ, придумывать, изучать, записывать наблюденія, дѣлать новые опыты,—о, на это мы не охотники, по крайней мѣрѣ большая часть. Исключенія наперечетъ въ университетахъ, гимназіяхъ, корпусахъ, и въ ихъ воспитанникахъ. А причина гдѣ? Въ необразованіи или, вѣрнѣе, въ образованіи недостаточномъ, котораго хватаетъ студенту года на три, на четыре по окончаніи курса, а потомъ уравнивается онъ съ прочими любезными соотечественниками. Мнѣ случилось познакомиться съ докторомъ Везенмейеромъ, потомкомъ Олеаріевымъ, который служилъ, впрочемъ лѣтъ пять, у какого-то помѣщика Саратовскаго, и онъ разсказалъ мнѣ Саратовскую флору, фауну, онъ показалъ свои собранія. Возвратясь въ Отечество, онъ прочелъ нѣсколько лекцій о степяхъ въ собраніи Нѣмецкихъ натуралистовъ. Его все занимало, все становилось предметомъ изученія, и такова большая часть его соотечественниковъ—у всѣхъ почти есть любимыя занятія, есть соб-

ранія, есть записки. А что наши ученые чиновники сообщили о Кавказѣ, о Крымѣ, о Сибири, объ Оренбургѣ? Прекрасное исключеніе составилъ въ послѣднее время Кривошапниковъ, выдавшій сочиненіе о Западной Сибири. Въ университетахъ, въ университетахъ должна развиваться укореняться, эта любознательность, эта внимательность, это просвѣщенное участіе ко всему, въ той средѣ, въ которой кому жить придется. А университеты наши въ послѣднее время занимались по большей части холоднымъ сообщеніемъ знаній, или даже сообщеніемъ тетрадокъ, которыхъ учили только для экзаменовъ, а наконецъ и совсѣмъ бросили.

Мнѣ случалось въ длинной дорогѣ заѣзжать къ чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ: одинъ почиваетъ, другой уѣхалъ на охоту, третій въ банѣ, четвертый не вставалъ еще, пятый въ гостяхъ, шестой за ералашемъ.

Сарапулъ даетъ мнѣ поводъ сдѣлать еще одно общее замѣчаніе: издавна здѣсь разпространилась кожевенная промышленность и соединенное съ нею сапожное мастерство: сапоги, башмаки, продавались здѣсь ни по чемъ. Съ заведеніемъ пароходовъ, дешевизна пошла въ славу, явились требованія, расходъ умножился, товаръ сапожный пошелъ и на ярмарку. Что же? Мастерство улучшилось, стали прилагать больше старанія къ выдѣлкѣ, найдя вѣрный и хорошій сбытъ? Какъ-бы не такъ! Стали дѣлать хуже, спѣшить, а продавать дороже. Вотъ вамъ образчикъ Русскихъ производствъ; а посмотрите за границею: ни одно мастерство, ни одно производство не остается года безъ прибавленій, улучшеній, изобрѣтеній.

Кстати уже скажу и о предоставленіи народа самому себѣ, которое проповѣдуетъ одинъ изъ моихъ ученыхъ друзей. Вотъ оно, вотъ какъ идетъ и живетъ народъ, предоставленный самъ себѣ. Кромѣ Сарапульскихъ мастеровъ посмотрите на раскольниковъ, на которыхъ я уже указывалъ, на ямщиковъ, на дворниковъ, на разныя общества, наименѣе подвергшіяся вліянію управленія и другихъ внѣшнихъ обсто-

ятельствъ — какъ онѣ были, такъ и есть, ни шагу впередъ и пробудутъ такъ вѣка. Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, да и дворянинъ, и чиновникъ, о которомъ рѣчь выше. Не предоставлять народъ самому себѣ, а воспитывать его, разумѣется, не такъ, какъ онъ воспитывался прежде,— вотъ что намъ нужно, а какъ воспитывать, это мы узнаемъ, какъ сами воспитаемся.

Народъ можно-бъ было предоставить самому себѣ, если онъ сохранилъ прежнюю естественную свою чистоту, а поврежденный, какъ онъ почти вездѣ оказывается, благодаря кабакамъ, полиціи, злоупотребленіямъ крѣпостнаго права, онъ имѣетъ нужду въ наставникахъ и руководителяхъ, здравомыслящихъ, благонамѣренныхъ, смиренныхъ Русскихъ. Но, врачу, исцѣлися прежде самъ".

Свои общія замѣчанія Погодинъ заключаетъ:

„По Зауралью, обозрѣвая казенные и частные заводы, хоть и очень мелькомъ, порадовался я на многія прекрасныя проявленія чистой Русской натуры. Между управляющими, между купцами, между рабочими встрѣчалъ я много такихъ особъ, которые въ любомъ комитетѣ о нуждахъ края не ударили бы себя лицемъ въ грязь, а пожалуй годились бы и куда-нибудь повыше. Крѣпкой и здравый смыслъ, какая-то сановитость, величавость, безъ всякой впрочемъ Нѣмецкой претензіи, смѣшной и глупой, твердость, сознаніе своего достоинства, смышленость, ясность, находчивость, тѣлесная крѣпость, сила, пріятно поражали меня послѣ впечатлѣній подмосковной, лакейской, трактирной, щедушной натуры. Сибирякамъ нужно правильное ученіе, относительное образованіе, — и вотъ о чемъ должно позаботиться ученое начальство. Оборони ихъ Богъ отъ критики Бѣлинскаго, Христоматій Галахова и диссертацій Чернышевскаго, отъ всей этой дребедени, которая завладѣла, хоть, разумѣется, до перваго умнаго начальника, почти всѣми гимназіями по сю сторону Урала".

Возвратясь въ Москву, Погодинъ съ какимъ-то радост-

нымъ чувствомъ, 3 августа 1862 года, писалъ Шевыреву: „Вотъ я воротился съ Урала, проѣхалъ по Волгѣ и Камѣ, потомъ по восточному склону отъ Верхотурья до Екатеринбурга. Заводскія дѣла нашелъ въ отличномъ положеніи, но доходовъ большихъ надо ждать еще годъ. Потерпимъ“!

Къ сожалѣнію, это радостное чувство вскорѣ смѣнилось на противоположное. Еще дорогою Погодинъ узналъ „о какихъ-то возникшихъ препятствіяхъ, неудачахъ въ Павдѣ“.

Подъ 29 октября 1862 года, Погодинъ уже записываетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Безпокоился о затруднительномъ положеніи по заводу и проч. — Куда дѣвался мой капиталъ, и опять нужда грозитъ! Молился“.

А вскорѣ Погодинъ дѣлится своимъ горемъ съ друзьями своими: С. П. Шевыревымъ и М. А. Максимовичемъ. „Ну, братъ“,—пишетъ онъ Шевыреву,—„не пришлось кончить письма: сейчасъ (6 января 1863) получилъ извѣстіе, что заводъ нашъ сгорѣлъ 15 декабря (1862). Благодарю Бога, что остаюсь совершенно твердымъ и спокойнымъ, а дѣти получатъ сильный урокъ, что надо надѣяться на себя и на свой трудъ.—Утро вечера мудренѣе. Иду спать. Товарищъ въ заводѣ капиталистъ Пастуховъ, что̀ онъ скажетъ [251])?

„Погорѣлъ, братъ“, —писалъ Погодинъ Максимовичу,—„и дѣла мои разстроились надолго; хотѣлъ-было въ этомъ году размахаться, а пришлось поджать хвостъ. Заводъ, на который положилъ весь свой капиталъ, по предложенію брата покойной Елизаветы Васильевны *), долженъ былъ, послѣ двухъ лѣтъ опыта, неудачь, хлопотъ, начать свои дѣйствія 16 декабря; я получилъ пробы мѣди и проч., отъ 13 декабря,—а онъ сгорѣлъ 15-го, и дѣлопроизводство остановилось, и потребовались страшныя суммы. Выручаетъ другой товарищъ—Пастуховъ, давая въ ссуду подъ залогъ. Ну, Богъ съ нимъ,—обратимся къ Литературѣ“ [252]).

П. И. Бартеневъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, пишетъ:

---

*) Первой жены Погодина. *Н. Б.*

„Часто случалось мнѣ быть свидѣтелемъ великодушныхъ порывовъ широкаго сердца Погодина и его добрыхъ дѣлъ. При мнѣ получилъ онъ увѣдомленіе о томъ, что мѣдный заводъ въ Пермской губерніи, выстроенный на его деньги, сгорѣлъ въ день открытія. Погодинъ только перекрестился“ [253]).

LVIII.

Послѣднюю главу я заключилъ упоминаніемъ о гибели Погодинскаго завода на горѣ Павдинской, въ Пермскихъ предѣлахъ. Погодинъ, извѣщая объ этомъ несчастіи своего друга Максимовича, проводившаго созерцательную жизнь на своей Михайловой Горѣ, въ предѣлахъ Кіевскихъ, писалъ ему: „Ну, Богъ съ нимъ (т.-е., съ заводомъ),—обратимся къ Литературѣ“.

И мы, послѣдуя за Погодинымъ, вступимъ снова въ Общество Любителей Россійской Словесности, гдѣ онъ былъ въ то время предсѣдателемъ.

Въ жизни Общества произошло два событія, которыя связаны съ именемъ Погодина. Одно изъ нихъ произошло еще 29 октября 1859 года, когда Погодинъ, за отъѣздомъ Хомякова въ деревню, занималъ постъ предсѣдателя Общества. Въ этомъ засѣданіи Погодинъ былъ ораторомъ. Онъ говорилъ объ обязанностяхъ Общества слѣдить за искаженіями Русскаго языка въ разнаго рода оффиціальныхъ актахъ.

Въ то время Московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ только-что назначенъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ. Просвѣщенный сановникъ пожелалъ посѣтить засѣданіе Общества, 29 октября 1859 года.

Объ этомъ посѣщеніи, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ письмѣ Погодина къ секретарю Общества М. Н. Лонгинову.

„Спѣшу извѣстить васъ, любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ“,—писалъ Погодинъ,—„что я былъ поутру у генералъ-губернатора, и извинился, сколько могъ, и какъ умѣлъ, во

вчерашнемъ досадномъ недоразумѣніи. Вамъ, какъ секретарю Общества, обязанному вести его Исторію, я считаю долгомъ описать подробно всю аудіенцію. Генералъ-губернаторъ принялъ меня очень вѣжливо, и на первыя мои слова отвѣчалъ, что „виноватъ онъ самъ, опоздавъ нѣсколькими минутами. Двери были затворены, и мнѣ сказали, что ихъ отворять нельзя во время чтенія. Мнѣ очень было жаль, что я лишался удовольствія слышать чтеніе, но я подумалъ, что долженъ по своему званію подавать примѣръ уваженія къ законамъ и правиламъ, и рѣшился лучше уѣхать, чѣмъ помѣшать, когда послѣ предложено мнѣ было войти“.—Мы всѣ читавшіе готовы пріѣхать въ назначенный день и часъ къ вашему высокопревосходительству, сказалъ я, и прочесть въ вашемъ домѣ всѣ наши статьи, чтобъ загладить сколько-нибудь нашу вину, предъ вами и предъ вашею супругою. „Это причинило бы слишкомъ много безпокойства, я васъ благодарю, и прошу только предупредить о будущемъ засѣданіи: я постараюсь непремѣнно быть исправнѣе“. Въ пріемной ожидали многіе, я счелъ за неприличное оставаться долѣе и откланялся.

Нѣтъ худа безъ добра. Мы провинились съ вами, что ни говорите, любезнѣйшій секретарь, но мы подали поводъ къ событію въ городской жизни, которое имѣетъ утѣшительное значеніе, знаменуетъ собою шагъ впередъ, и должно быть занесено въ текущую лѣтопись: Московскій генералъ-губернаторъ не растворилъ затворенной предъ ними двери, и лучше хотѣлъ подвергнуться самъ неудобству, непріятности, чѣмъ помѣшать ученому засѣданію! Когда это бывало! Неучи увидятъ, пожалуй, здѣсь униженіе власти. Нѣтъ, власть возвышается подобными дѣйствіями, и нашъ новый начальникъ, котораго не успѣла еще узнать Москва, поднимется безъ сомнѣнія много въ общемъ мнѣніи всѣхъ образованныхъ людей, не только въ Москвѣ, но во всей Россіи, когда разнесется молва о такомъ его достойномъ поступкѣ.

Вечеромъ, воротясь домой съ Шиллеровскаго обѣда, я за-

думался опять о вчерашнемъ случаѣ и нынѣшнемъ объясненіи, и вотъ какія мысли пришли мнѣ въ голову: Не странно-ли это? Въ ту минуту, какъ я, въ своей рѣчи, распространяясь съ такою убѣдительностію о грубости нашихъ оффиціальныхъ отношеній, касательно языка, въ ту минуту, когда я казнилъ ихъ безъ пощады своими эффектными, казалось мнѣ, указаніями, тѣшился авторски счастливо-придуманными выраженіями, смѣшилъ всѣхъ нелѣпыми примѣрами, въ ту минуту, за нашею дверью, оказывалась величайшая грубость первому лицу въ городѣ, и вмѣстѣ дамѣ. Вотъ какъ велико разстояніе между словами и дѣломъ, подумалъ я, вотъ какъ легко говорить, и какъ мудрено исполнять; вотъ какъ удобно осуждать, и какъ трудно не давать повода къ осужденію! Мнѣ стало такъ совѣстно, такъ совѣстно и стыдно передъ самимъ собою, что я вамъ пересказать не могу. Я принялъ этотъ случай за примѣнительный для себя урокъ, и вмѣстѣ вспомнилъ другой, который передамъ вамъ теперь же, чтобъ не забыть, для вашихъ біографическихъ матеріаловъ.

Гоголь, пріѣзжая изъ чужихъ краевъ, останавливался всегда у меня до послѣдняго времени, къ которому относятся новыя его связи. Однажды онъ пріѣхалъ вскорѣ послѣ слуха, разнесшагося у насъ о томъ, какъ онъ сжегъ-было гостинницу во Флоренціи, вслѣдствіе своей неосторожности. Комнату занялъ онъ надъ моимъ кабинетомъ, заваленнымъ, какъ и весь домъ рукописями, старопечатными книгами и всякими древностями. Я очень боялся, чтобъ не случилось какого-либо несчастія, и, самъ не свой, думалъ дня два, какъ бы ему сказать, чтобъ онъ внимательнѣе обращался съ огнемъ: Гоголь былъ очень щекотливъ и обидчивъ, — и мнѣ не хотѣлось трогать его самолюбіе. И что же? На третій день, я вхожу поутру въ свой кабинетъ, и нахожу, что на конторкѣ прожглась доска, и обгорѣлъ лежавшій на ней листъ; я, всегда осторожный, позабылъ видно погасить съ вечера свѣчку, она какъ-то упала на бумагу, и бумага загорѣлась. Ты хочешь учить другихъ,—смотри прежде за собою, мельк-

нуло у меня въ умѣ, и въ это время вошелъ Гоголь, котораго мнѣ стало уже ловко предостеречь: вообрази, сказалъ я ему, подводя къ конторкѣ, два дня думалъ я, какъ сказать тебѣ, чтобъ ты былъ осторожнѣе съ огнемъ, послѣ подвиговъ во Флоренціи, какъ вчера самъ сжегъ-было домъ, — видишь?...

Мысль за мыслью, я сталъ думать о настоящемъ нашемъ положеніи, которое, разумѣется, у всѣхъ порядочныхъ людей не выходитъ теперь изъ головы, что бы они ни дѣлали, чѣмъ бы ни занимались. Отъ общаго обращался я къ частному, отъ частнаго къ общему,—все на вчерашнюю тему.

Притчу о сучкѣ въ чужомъ глазу и о бревнѣ въ собственномъ своемъ, разсказалъ самъ Божественный Учитель нашъ въ назиданіе людямъ. Это — общая человѣческая слабость, но ни къ одному народу, кажется, не принадлежитъ она такъ сильно, какъ Русскимъ, особенно въ наше время, и это очень естественно: мы столько натерпѣлись, столько всякихъ жалобъ у насъ накопилось, такъ долго мы сдерживались, молчали, глотали слова, что теперь, по закону физической даже упругости, потока рѣчи никакъ не остановишь въ пору, въ мѣру. Должно быть снисходительну къ этому временному настроенію, пользоваться имъ, и обращать къ добру. Пусть говоритъ всякій что̀ знаетъ, и выговаривается: это лучше молчанія, которое привело насъ почти на край гибели. По человѣческой слабости, нечего ожидать, чтобъ исправленіе началось съ собственныхъ недостатковъ: будемъ исправлять другъ друга, это легче, простѣе, и, къ сожалѣнію, пріятнѣе: я объ васъ, вы обо мнѣ. Прежде господствовала пословица, что рука руку моетъ, но руки остались въ грязи: постараемся теперь помыть голову другъ у друга: не будетъ ли лучше? Если всѣ чужіе сучки будутъ исчислены, то и нашимъ бревнамъ вѣдь не миновать описи. Какой сучокъ кривѣе, какое бревно мѣшаетъ больше, разберетъ общее мнѣніе, третейскій судъ. Только тогда и сдѣлается возможнымъ полное исправленіе, когда получатся указанія со всѣхъ сторонъ.

Иначе неизбѣжны пробѣлы, пропуски. Не станемъ сердиться за указанія, будемъ снисходительны къ ошибкамъ, простимъ неправильныя обвиненія, лишь бы говорилось отъ искренняго сердца, безъ заднихъ мыслей, съ желаніемъ добра. Мы всѣ виноваты, не одно начальство, не одно Правительство, ну всѣ и осудимся: никому не будетъ завидно. Да всѣ обновленные и примемся послѣ за дѣло: какъ это будетъ весело, споро, благотворно! Чего мы ни сдѣлаемъ! Начальники имѣютъ теперь болѣе всѣхъ нужды въ такихъ указаніяхъ, потому что на нихъ лежитъ больше отвѣтственности, а возможности добраться до истины меньше, чѣмъ шире кругъ дѣятельности. Вотъ съ этою цѣлью, въ статьѣ о Троицкой дорогѣ, я старался доказать, что самый умный, благонамѣренный, опытный, дѣятельный, безкорыстный начальникъ не можетъ въ наше время справиться со всѣми обстоятельствами и со всѣми злоупотребленіями безъ коллегіальности и гласности. Можетъ быть, я выбралъ примѣръ въ какомъ-нибудь отношеніи неудачно; можетъ быть, выразился, какъ и вообще выражаюсь, рѣзко, но я крѣпко стою за основную мысль о коллегіальности и гласности, напираю на нее, потому что въ отсутствіи ея вижу корень многихъ золъ; всякій начальникъ у насъ, по какому-то исконному предразсудку, считаетъ себя папою, принять мысль отъ подчиненнаго ему кажется унизительно и оскорбительно. А Петръ Первый послушался съ благодарностію пьянаго кузнеца, и Посошковъ сказалъ: „Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, каждому по силѣ его,—овому далъ много, овому жъ менѣе, обаче нѣтъ такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего, и что далъ Богъ знати малосмысленному, того не далъ знати многосмысленному, и того ради и самому премудрому человѣку, не надлежитъ гордиться, и умомъ своимъ возноситься и малосмысленныхъ уничтожить не надлежитъ, но ихъ въ совѣтъ призывать надобно“.

Осталось еще бѣлое мѣсто на листѣ, и я прибавлю нѣ-

сколько словъ о вчерашнемъ происшествіи: вы написали семь оправданій, да мнѣ придумались два, кои однако же сполна я перезабылъ при объясненіи; эти оправданія, всѣ circonstances atténuantes очень всѣ благовидны, вѣроятны, увѣрительны,—а генералъ-губернаторъ все-таки не былъ въ собраніи! Видите ли, какъ легко отписываться, оправдываться и извиняться, при эластичности слова, при изворотливости ума,—а присоедините сюда томовъ двадцать *Свода Законовъ*, да подьяческое крючкотворство, *такъ по суду ничего и не докажешь, а какъ не согрѣшишь, не скажешь!..*

Еще близъ дверей стояло нѣсколько посѣтителей, которые видѣли и узнали генералъ-губернатора, но никто изъ нихъ не рѣшился, объяснивъ недоразумѣніе, пригласить его и провести до перваго стула, безъ малѣйшей помѣхи засѣданію, что̀ было очень легко. Почему? Не наше дѣло, думали они, какъ думаетъ извозчикъ и даже съ сѣдокомъ, проѣзжая мимо человѣка лежащаго безъ чувствъ на улицѣ, какъ думаемъ всѣ мы въ томъ и другомъ случаѣ.

И листъ исписанъ, свѣча догорѣла, часовая стрѣлка переступила черезъ 12. Пора на покой, котораго желаю и вамъ, и всѣмъ, въ немъ нуждающимся, а кто же въ немъ не нуждается:

Otium divos patenti
Prensus Aegeo, simul atra nubes
Condidit lunam"......

Другое событіе произошло въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности во дни предсѣдательства Погодина, о которомъ намъ сообщаетъ В. А. Мухановъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 20 февраля 1862 года: „Я посѣтилъ княгиню Оболенскую, гдѣ нашелъ молодого г-на Сталя, и куда пришелъ потомъ графъ А. П. Толстой. Княгиня Оболенская сказывала, что въ Москвѣ, разъ въ недѣлю, бываютъ литературныя утра въ Университетѣ, подъ предсѣдательствомъ Погодина. Недавно, по нездоровью послѣдняго, пришлось занять его мѣсто Аксакову, издателю журнала *День*. Недовольный, что цензура не пропу-

стила къ печати какой-то статьи въ его изданіи, онъ открылъ засѣданіе извѣстіемъ о томъ, присовокупя: „Впрочемъ, подобныя дѣйствія продолжиться не могутъ; распоряженія Правительства суть распоряженія умирающаго въ конвульсіяхъ". Эти слова были произнесены въ присутствіи и при стеченіи многочисленной публики" [254]).

Самъ же Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ:

Подъ *4 февраля 1862 года*: „Слухи о собраніи, гдѣ Аксаковъ наговорилъ чортъ знаетъ что о цензурѣ".

— *6* — — —: „Кошелевъ о неистовствахъ Аксакова".

LIX.

Съ именемъ Общества Любителей Россійской Словесности тѣсно связаны имена друзей, товарищей его предсѣдателя Погодина: Князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, Степана Петровича Шевырева и Михаила Александровича Максимовича.

Вскорѣ послѣ коронаціи императора Николая I, началось великое переселеніе „архивныхъ юношей" изъ Москвы въ Петербургъ на службу. Первыми отправились туда князь В. Ѳ. Одоевскій, Д. В. Веневитиновъ, А. И. Кошелевъ, а за ними: И. С. Мальцовъ, В. П. Титовъ и др.

И вотъ черезъ тридцать шесть лѣтъ, а именно въ 1862 году, князь Одоевскій переселяется обратно въ Москву, но уже въ званіи сенатора.

Еще 12 января 1862 года, Максимовичъ писалъ Погодину: „Если Одоевскій въ Москвѣ, — скажи ему мой старопріятельскій привѣтъ. Если Кошелевъ въ Москвѣ — обними его за меня. А Хомякова... Нѣтъ ужъ Хомякова"!

Оставшіеся въ живыхъ друзья князя Одоевскаго и его почитатели выразили желаніе почтить пребытіе его въ Москву обѣдомъ. Въ устройствѣ обѣда принялъ живое участіе секретарь Общества Любителей Россійской Словесности М. Н. Лонгиновъ. „Поставьте въ списокъ",—писалъ онъ Погодину,— „обѣ-

дающихъ у васъ въ саду С. А. Соболевскаго и Н. Н. Боборыкина. Катковъ отказался, какъ я и ожидалъ. Леонтьевъ въ Петербургѣ. У Каткова я засталъ: Юркевича, который желаетъ быть, и Алмазова, который намѣревается быть. Въ числѣ сверстниковъ и друзей князя Одоевскаго, въ Москвѣ въ то время проживалъ и В. И. Даль; но Лонгиновъ почему-то писалъ Погодину: „Далю знать не дали, ибо обѣдъ будетъ имѣть характеръ совершенно частный и на немъ будетъ очень немного старыхъ и особенно близкихъ друзей Одоевскаго: Соболевскій, Путята, Масловъ, Полторацкій, вы и я... Отношенія Даля къ Одоевскому намъ не извѣстны и, кажется, они не вполнѣ *интимны*".

Въ устройствѣ обѣда принималъ также участіе и И. С. Аксаковъ. Онъ писалъ Погодину: „На обѣдъ вполнѣ согласны В. И. Даль, П. И. Бартеневъ, я,—конечно Чижовъ и Бабстъ... Передамъ о томъ Гилярову... Я думаю — тайная мысль этого обѣда—показать насъ всѣхъ князю Одоевскому, — дешевымъ для него способомъ, т.-е., что мы сами, на собственный же счетъ, будемъ себя показывать. Но мнѣ это все равно, и я готовъ охотно участвовать. Увѣдомьте же, когда именно. Надобно будемъ передать приглашеніе Жемчужникову, И. Д. Бѣляеву, Безсонову,—но послѣднимъ пять руб. бросить на обѣдъ едва ли будетъ пріятно".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ писалъ Погодину: „Между нами: я предлагаю выбрать во временные предсѣдатели Общества Любителей Россійской Словесности Одоевскаго. Это гораздо приличнѣе, чѣмъ мнѣ" [255]).

Какъ бы то ни было, но обѣдъ въ честь князя В. Ѳ. Одоевскаго состоялся 24 мая 1862 года, на которомъ Погодинъ произнесъ нижеслѣдующую прекрасную рѣчь:

„Старикъ любезный Горацій воспѣвалъ:

Otium divos rogat patenti
Prensus Aegeo, simul atra nubes
Condidit lunam. . . . . .

Въ переводѣ И. И. Дмитріева:

Покоя проситъ у боговъ пловецъ,
Застигнутый въ Егейскомъ бурномъ морѣ.

Нашему доброму другу неоднажды случалось испытать бурю; сорокъ почти лѣтъ утлая ладья его носилась, погрязая по страшному Петербургскому болоту, на которомъ бури бушуютъ, грознѣе равноденственныхъ. Поблагодаримъ же боговъ, которые привели его наконецъ къ родимымъ берегамъ, гдѣ онъ можетъ восклицать съ нами: *Къ тихому пристанищу притекохъ*..... къ Успенію на Остоженкѣ.

Почтимъ и твердость, съ которою онъ оттолкнулъ отъ себя обаятельную Невскую Калипсу, и доказалъ торжественно свою вѣрность нашей матушкѣ Москвѣ.

Да, онъ нашъ, природный москвичь, *Москвитянинъ* и даже *Московскій Вѣстникъ*, со всѣми нашими, для другихъ странными, для насъ любезными, опечатками, со всѣми нашими родимыми пятнами.

Давно ли поставилъ онъ скелетъ, въ своей каморкѣ надъ подъѣздомъ, въ домѣ С. С. Ланскаго, въ Газетномъ переулкѣ, съ надписью: Sapere aude.

Давно ли прочитали мы въ *Вѣстникѣ Европы* его *Дни досадъ*, съ новыми новинками, и первыми Московскими хмѣлинками!

Давно ли извѣщалъ онъ тамъ же Общество о сочиненіяхъ Бахмана и Сольгера, и просилъ у руки „метавшей бисеръ“ статей о Шеллинговой Философіи.

Да издалъ ли онъ 4-ю часть *Мнемозины*, начатую съ Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ?

(Одинъ изъ присутствующихъ, библіографъ М. Н. Лонгиновъ, засвидѣтельствовалъ, что четвертая часть въ свѣтъ вышла).

По крайней мѣрѣ, помнится мнѣ, она запаздывала долго! За то первая глава изъ Океновой Натуральной Философіи о нулѣ, какъ родоначальникѣ всѣхъ плюсовъ и минусовъ,

прочтенная въ Раичевскомъ обществѣ, осталась и послѣднею, что можетъ засвидѣтельствовать нашъ бывшій, кажется, тогда секретарь, Николай Васильевичъ Путята.

Давно ли все это было? Кажется недавно. А въ самомъ дѣлѣ давно, очень давно, почти сорокъ лѣтъ, и вотъ мы уже старики, которыхъ молодое поколѣніе честитъ отсталыми.

Мы въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, отстали во многихъ отношеніяхъ отъ нихъ, отъ современниковъ, но мы любимъ, по-прежнему любимъ, съ жаромъ первой молодости, и Словесность, и Науку, и Искусство, и Просвѣщеніе. Выпьемъ же друзья, pour nos premières amours, за Русскую Словесность, за Науку, за Искусство, за Просвѣщеніе" [256])!

„Въ Москвѣ",—свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„князь Одоевскій устроился такъ же, какъ въ Петербургѣ; тотчасъ устроились у него вечера по пятницамъ, гдѣ собирались его друзья, новые знакомые и сослуживцы, всѣ путешественники, особенно музыканты. Старые товарищи, которыхъ осталось уже наперечетъ, имѣли всегда проѣздомъ свое свиданіе и жили вмѣстѣ какъ будто старою—молодою жизнію" [257]).

Сохранилось письмо князя Одоевскаго къ Погодину, 29 іюля 1862 года, въ которомъ читаемъ: „Что за обида! Я вчера былъ не только въ твоей сторонѣ, но и въ твоемъ домѣ у Россета, и, вышедши, еще любовался, отъ нечего дѣлать, на провалъ посреди Дѣвичьяго поля, который, по моимъ наблюденіямъ, долженъ быть еще Монгольскаго происхожденія, не подозрѣвая что ты уже воротился. Сегодня у меня *въ 4 часа* обѣдаютъ: Гиляровъ, Безсоновъ и Даль — не хочешь ли и ты безъ рецемоній отвѣдать моего ростбифа? — Весьма бы одолжилъ твоего стараго Одоевскаго. Если нельзя обѣдать, то загляни хоть вечеркомъ, я цѣлый день дома" [258]).

„Здѣсь, въ Москвѣ",—писалъ Погодинъ,—„на службѣ въ Сенатѣ, Одоевскій долженъ былъ заняться юриспруденціей, и изучать *Сводъ Законовъ*. Признаюсь, мы не надѣялись на успѣхъ".

Но бывшій прокуроръ его департамента, К. П. Побѣдонос-

цевъ, свидѣтельствуетъ: „Я сблизился съ княземъ Одоевскимъ по должности оберъ-прокурора въ 8-мъ Департаментѣ, гдѣ князь Одоевскій въ то же время занималъ должность первоприсутствующаго сенатора. Вмѣстѣ съ нимъ мы работали непрерывно полтора года, и трудно себѣ представить человѣка болѣе добросовѣстнаго въ трудѣ... На старости судьба его поставила на новое, совсѣмъ до того времени незнакомое, ему дѣло судьи, и онъ принялся за него съ юношескимъ жаромъ... Нерѣдко до вечеренъ просиживали мы съ нимъ въ присутственной компатѣ, прерывая иногда дѣловыя занятія пріятною бесѣдой“ [259]).

Въ началѣ 1862 года, Шевыревъ переселился изъ Флоренціи въ Парижъ. „Не смотря на болѣзнь, онъ не могъ оставаться празднымъ, и ему вздумалось прочесть тамъ, „для кружка своихъ соотечественниковъ, публичныя лекціи о Русской Литературѣ“ [260]).

„Какія лекціи хочешь ты читать, въ Парижѣ“,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—„если начнешь читать, то старайся произносить первыя слова тверже. Не знаю, выгодное ли теперь время для предметовъ отвлеченныхъ“.

Но Шевырева эти слова друга не поколебали, и 9 января 1862 года, онъ писалъ ему изъ Парижа: „У меня до тебя просьба. Силы мои по-немногу возстанавливаются. Здѣшнее Русское общество спрашиваетъ: буду ли я въ нынѣшнемъ году читать публичный курсъ? Есть довольно желающихъ меня слушать. Можетъ быть, великимъ постомъ, я и рѣшусь прочесть нѣсколько лекцій. Но мнѣ нужны для этого нѣкоторыя новыя книги. Сдѣлай милость, достань мнѣ: *Князя Серебрянаго* графа Толстого, *Отцовъ и Дѣтей* Тургенева, *Въ Дорогѣ и Дома* князя Вяземскаго, *Каликъ Перехожихъ* Безсонова, *Сборникъ пѣсенъ* Рыбникова... Мнѣ хотѣлось бы составить курсъ изъ народныхъ произведеній и новой Литературы... Плоть немощна, а духъ бодръ. Занятія по душѣ для меня лекарство, потому что въ болѣзни моей главную роль играютъ, кажется, нервы. Когда занята душа, я

всегда бываю здоровѣе. Насильственное удаленіе отъ каѳедры много разстроило мои физическія силы. Живое слово для меня необходимо. Когда я имъ правлю, я здоровъ... Теперь четыре молодыхъ человѣка ѣздятъ ко мнѣ для занятій Русскою Словесностію. Мой домашній университетъ меня оживляетъ... Правительство не признаетъ меня нужнымъ. Головнинъ не отвѣчалъ тебѣ ни слова на твои указанія на меня. Мнѣ также онъ не отвѣчалъ на мое письмо... Люди—люди. Надобно быть выше ихъ мелочей и пристрастій. Я хотѣлъ покоя и средствъ, чтобы докончить Исторію Русской Словесности. Но видно не угодно Богу. Уварова нѣтъ, Протасова также. Помочь некому. Графъ Блудовъ къ намъ совершенно равнодушенъ. Говорилъ мнѣ онъ фразы великолѣпныя о трудѣ моемъ, но не помогъ ничѣмъ и всегда отклонялъ разговоры и намеки мои о томъ — безденежьемъ Академіи" [261]).

Лекціи свои о Русской Литературѣ Шевыревъ началъ такими словами: „Позвольте мнѣ отнести привѣтъ, которымъ вы меня встрѣтили, не ко мнѣ лично, а къ той мысли, которая меня привела сюда. Эта мысль близка намъ всѣмъ — мысль о нашемъ родномъ Русскомъ словѣ. Тамъ, на пространствѣ шестой части обитаемой планеты, отъ рѣки Буга до Амура и Камчатки, отъ льдовъ полярныхъ до подошвъ Кавказа и Арарата, звучитъ наше слово, благозвучное и могучее; оно имѣетъ уже тысячелѣтнюю свою Исторію, если начать ее съ изобрѣтенія Славянской грамоты въ 862 году. Я намѣренъ передать вамъ вкратцѣ его Исторію, связавъ всѣ ея событія въ одно живое цѣлое. Предпринимаю это въ Парижѣ, — городѣ, который издавна славился своимъ общежитіемъ и хранитъ воспоминанія, дорогія для насъ, въ Исторіи нашего умственнаго и литературнаго развитія. Здѣсь, еще въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, изучалъ древнюю Филологію Славяно-Русскій писатель Максимъ Грекъ, который учился у знаменитаго Ласкариса. Въ своихъ сочиненіяхъ, онъ славитъ общежитіе Французовъ и благодаритъ ихъ за то, что

они превратили Парижъ въ центръ Европейскаго Просвѣщенія и дали въ немъ средства всякому молодому ученому изучать науки. Здѣсь Петръ Великій былъ принятъ членомъ въ Академію Наукъ, и отсюда хотѣлъ проложить для знанія пути въ наше Отечество, желая, чтобы науки, вращаясь по всей Европѣ, чрезъ Россію возвратились въ ихъ первоначальную колыбель — Грецію. Здѣсь князь Кантеміръ, будучи посланникомъ Россіи, бесѣдовалъ съ Монтескье,—переводилъ Фонтенеля и сочинялъ сатиры, съ которыхъ начинается наша новая Литература. Здѣсь Фонвизинъ предчувствовалъ начало Французской революціи. Здѣсь Карамзинъ знакомился съ Бартельми и Мармонтелемъ.—Отсюда А. И. Тургеневъ, постоянный собесѣдникъ Шатобріана и Рекамье, передавалъ Пушкину, въ его *Современникъ*, умственное и литературное движеніе въ Парижѣ и Франціи. Здѣсь соплеменникъ нашъ Мицкевичъ открылъ первую каѳедру Сравнительной Исторіи Славянскихъ литературъ, и, говоря съ сочувствіемъ о нашей, призывалъ всѣхъ Славянъ къ миролюбивому единенію.

Могу ли умолчать о современномъ? Гдѣ наши духовные развиваютъ высокія идеи духовнаго міра, добытыя нашею Церковью, и вступаютъ въ скромную полемику съ представителями Римско-Католической и Протестантской церквей. Здѣсь наши ученые стоятъ на стражѣ новыхъ изобрѣтеній и открытій, и передаютъ ихъ въ Отечество. Наши писатели, начиная съ Гоголя, находили въ шумномъ Парижѣ пустынное убѣжище и предавались въ немъ своимъ поэтическимъ вдохновеніямъ“ [262])…..

7 марта 1862 года, О. Ѳ. Кошелева, изъ Дрездена, писалъ Погодину: „Вотъ что Шевыревъ мнѣ пишетъ о своемъ курсѣ: Вчера, вечеромъ открылъ я свой курсъ. Публика собралась ко мнѣ блистательная и наполнила всю залу. Меня встрѣтили и проводили рукоплесканіемъ... Я бодръ и исполненъ силы. Время было прекрасное, день чудный. Какъ пріятно гулять по Тюльери и обдумывать лекціи. Шевыревъ очень оживленно и поэтично настроенъ. Парижъ его оживляетъ.

Въ Италіи начиналъ скисать, да и нельзя не киснуть въ Италіи“.....

Но Кошелева почему-то не благоволила къ князю П. А. Вяземскому, лицу одинаково близкому, какъ Погодину, такъ и Шевыреву. „О Вяземскомъ“,—писала она Погодину,—„вамъ не пишу, потому что ничего не знаю. Я его не люблю и не жалую, ни какъ человѣка, ни какъ поэта. Что онъ здоровъ или боленъ, живъ или мертвъ—мнѣ рѣшительно все равно“ [263]).

Самъ же Шевыревъ писалъ Погодину: „Въ великую субботу, я говорилъ о Филаретѣ два часа... Лекція удалась. Филаретъ, какъ проповѣдникъ, предсталъ во всей своей глубинѣ и силѣ... Лекціи у меня говорятся спокойно и ясно. Только въ заключеніи о Филаретѣ расчувствовался. Вспомнилъ Москву, воскресную полночь, звонъ колоколовъ — не могъ договорить. Сердце переполнилось. Слезы прекратили рѣчь. Но бемольнаго тона ужъ нѣтъ. Будь спокоенъ. Это была невольная дань воспоминанію. Многіе изъ слушателей были тронуты и плакали. Мѣста изъ проповѣдей Филарета приводили многихъ въ чувство и слезы“.

Въ маѣ того же 1862 года, Шевыревъ поднесъ на аудіенціи императору Наполеону III свою книгу *Storia della Litteratura Russa*. „Въ воскресенье, 25 мая, во 2-мъ часу, императоръ Наполеонъ III далъ мнѣ аудіенцію“,—писалъ Шевыревъ,—„и принялъ мою книгу. Въ пятницу, по совѣту министра Народнаго Просвѣщенія Mr. Rouland, я отвезъ письмо къ герцогу Бассано, въ которомъ просилъ аудіенцію у Императора, для личнаго поднесенія моей книги. На другой же день, въ субботу, я получилъ отвѣтъ: „l'audience vous est accordée pour demain dimanche à 1 heure. Но въ воскресенье всѣ аудіенціи были отмѣнены: Императоръ былъ нездоровъ, и, вѣроятно, берегъ силы для пріема вице-короля Египетскаго. Мнѣ сказали въ Тюльери, что я получу другое приглашеніе, когда будетъ назначенъ день. Въ среду я получилъ второе приглашеніе“.

По словамъ Погодина, „при представленіи Шевыревъ

сказалъ нѣсколько словъ императору Наполеону III, по поводу своей книги, способствующей сближенію Итальянской націи съ Русскою, и заключалъ: „Sire, vous travaillez au devèloppement de la grande idée des nationaeités, et c'est d'elle et de vous, que l'talie attend l'accompissement de ses voeux... При намекѣ на окончательное освобожденіе Италіи, оловянные глаза Наполеона, пріученные скрывать всякую мысль, всякое чувство, заблистали. Онъ благодарилъ Шевырева: Je vour remercie pour toutes les aimables choses que vous venez de me dire. Спросилъ, съ какою цѣлью Шевыревъ пріѣхалъ въ Парижъ; выслушавъ отвѣтъ, сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ и поблагодарилъ еще разъ за книгу" [264]).

Изъ Парижа мыслію перенесемся на Михайлову Гору, съ высоты которой М. А. Максимовичъ привѣтствовалъ Погодина со днемъ Архистратига Божія Михаила слѣдующимъ письмомъ: „Друзья! прошло красное лѣто, златая осень... Да, златая осень побѣлѣла; зима внезапно сошла и на Днѣпровскую Украину, 4 ноября, съ снѣгомъ, морозомъ и восточнымъ вѣтромъ... Холодно жить теперь и на Украинѣ. И вотъ, я забился уже въ свою маленькую, бѣдную хатку; penna Garibaldi вправлено въ Московскую деревяшку; рука, отвыкшая писать, перебираетъ остатки почтовой бумаги... бросается въ глаза этотъ листокъ съ картинкою Дѣвичьяго монастыря—значитъ: къ тебѣ первому писать, возлюбленный друже Погодине! Да ты же сегодня и именинникъ. Обнимаю тебя мысленно и крѣпко, глядя на портретъ твой, и желаю тебѣ всяческаго блага. Кланяюсь отъ себя, и Маруси моей и моего славнаго Алексѣйки—тебѣ съ жинкою твоею и всею семьею! Господь да хранитъ тебя и домъ твой на многая лѣта! Не забывай меня, живущаго отшельникомъ на Михайловой Горѣ, и отзовись ко мнѣ извѣщеніемъ о себѣ и нашихъ ближайшихъ товарищахъ. Я такъ давно уже не знаю объ васъ. Между прочимъ, скажи, что̀ съ нашимъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности; вѣдь ты еще предсѣдатель его?.. Что съ Шевыревымъ послѣ Флорентійскихъ и

Парижскихъ его чтеній, и что было съ тѣми чтеніями? Что̀ ты пописываешь и намѣренъ писать въ эту зиму? Да висходитъ къ тебѣ вдохновеніе отъ Нестора, Карамзина и всѣхъ великихъ и святыхъ бытописателей. Пожелай и мнѣ вдохновенія хоть на какое-нибудь писанье или дѣланье; ибо у меня совсѣмъ пропадаетъ охота писать“.

LX.

Въ журнальномъ мірѣ, въ 1862 году, произошло важное событіе: Петербургскіе журналы *Современникъ* и *Русское Слово* были пріостановлены, а главные дѣятели ихъ, Чернышевскій и Писаревъ, посажены въ Петропавловскую крѣпость.

Еще 5 марта того же 1862 года, П. И. Мельниковъ (Печерскій) писалъ Погодину о Чернышевскомъ: „Скоро будетъ статья, гдѣ называютъ сего сильнаго человѣка просто шарлатаномъ. Онъ положительно вреденъ, отрицая Науку, Искусство, все, все, кромѣ своего *я*. Нехудо бы было, если бы *День* поддержалъ насъ, но избави Боже отъ помощи *Нашего Времени*“. 11-го же іюня священникъ Іоаннъ Белюстинъ извѣщалъ Погодина: „*Современникъ* и *Русское Слово* запрещены на восемь мѣсяцевъ. Вотъ когда хватились за разумъ, какъ всю молодежь успѣли отравить злѣйшей отравой! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можно было навѣрное предсказать о совершающихся теперь событіяхъ“ [265]).

„Представьте“,—писала Кохановская И. С. Аксакову,—„Чернышевскій, говорятъ, слабъ и малодушенъ въ заключеньи, какъ дѣвочка. Плачетъ и жалуется, дерзкій, вопіявшій невѣжа! Писаревъ, который, сказываютъ, и прежде сходилъ разъ съ ума, теперь тоже тронулся. *Современнику* не воскреснуть болѣе“ [266])...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кохановская сообщала Аксакову, что князь Суворовъ, „говорятъ, вотъ что сказалъ, призвавши къ себѣ Чернышевскаго: Хорошій вы человѣкъ г. Чернышевскій! А повернитесь-ка... И какая у васъ славная шея для петли“.

Какъ ни странно, но участь *Современника* и *Русскаго Слова* грозила также только что просіявшему *Дню*.

„*День* имѣетъ“,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—„три тысячи подписчиковъ, но увлекается и ведетъ войну съ цензурою ожесточенную... Утѣшительное явленіе—Кохановская“.

Ночью, на новый 1862 годъ, И. С. Аксаковъ писалъ графинѣ Блудовой: „Дай Богъ, чтобы этотъ новый годъ не легъ на васъ, на насъ всѣхъ, на всю Россію, новымъ неудобоносимымъ бременемъ. Лично за себя и за свое семейство я молю Бога, чтобъ далъ онъ намъ хоть въ этомъ году не видѣть мертваго лица близкаго человѣка. 1859, 1860 и 1861 годы врѣзали въ мою память неизгладимыми чертами образы смерти трехъ дорогихъ мнѣ лицъ: я былъ очевидцемъ трехъ смертей! При смерти Хомякова я не былъ, но впечатлѣніе, произведенное извѣстіемъ о его смерти, было отъ того не легче.—Мнѣ, и въ особенности моимъ бѣднымъ сестрамъ и маменькѣ, нуженъ, крайне нуженъ отдыхъ, или хоть отсрочка новыхъ неизбѣжныхъ ударовъ! Авось либо Богъ помилуетъ. У насъ не встрѣчали новаго года. Всѣ поспѣшили разойтись до 12 часовъ, избѣгая грустныхъ впечатлѣній о бывалыхъ встрѣчахъ.—Я ушелъ къ себѣ и встрѣтилъ полночь за работой“ [267]).

О направленіи *Дня* А. О. Россетъ писалъ къ своей сестрѣ Смирновой: „Аксаковъ не понялъ своего положенія; журналъ его имѣетъ много хорошаго, но въ общемъ итогѣ болѣе вреденъ, именно потому что журналъ честный. Онъ, подобно всѣмъ прочимъ, раздуваетъ несогласіе, вражду, ненависть.... Пора кончить эти укоры, упреки, брань и ругательства. Впрочемъ, въ немъ выразилось то, чѣмъ всегда грѣшили Славяне,—отсутствіе благоволенія къ людямъ и гордость непомѣрная, увѣренность въ своей непогрѣшительности. Всѣ негодны кромѣ насъ, а насъ всего десять въ цѣломъ свѣтѣ... Можно ли постоянно стоять на ходуляхъ, не умѣть ни одного слова сказать просто, спокойно, разумно, какъ бы выразился Русскій народъ, имъ столько любимый“?

Въ другомъ своемъ письмѣ Россетъ писалъ: „Ученые Нѣмцы и Англичане даже о лягушкѣ умѣютъ говорить съ благородствомъ тона, возбуждаютъ любовь къ природѣ и, главное, развиваютъ эстетическій вкусъ, который непремѣнно приведетъ человѣка, рано или поздно, отъ лягушки къ предмету болѣе духовному; тогда какъ наши передовые люди, не исключая и Аксакова, развиваютъ лишь грубость, цинизмъ, наглость и нахальство. Тебя бы вырвало отъ каждой почти страницы Петербургскихъ журналовъ“ [268])....

„Если бы о вашемъ *Днѣ*“,—писала Кохановская къ Аксакову, изъ Харькова, 22 февраля 1862 года,—„отозваться, какъ о человѣкѣ, то отзывъ былъ бы слѣдующій: Да, умный, очень умный человѣкъ и даже серьезно умный—но такой строптивый характеръ! C'est le ton qui fait la musique,—но о музыкѣ *Дня* и говорить не приходится. У него никакой нѣтъ музыки. Именно строптивость тона уничтожаетъ всякую музыкальность. Вы, можетъ быть, замѣтите мнѣ, что я не совсѣмъ понимаю дѣло, что ваше положеніе публициста въ нашемъ обществѣ заставляетъ васъ довольно часто *бить не по коню, а по оглоблямъ*. Пусть такъ. А при малѣйшемъ случайномъ толчкѣ на дорогѣ выходить изъ себя и набрасываться съ бичемъ, на встрѣчнаго и поперечнаго?... А *День* именно это дѣлаетъ“ [269]).

Самъ же Аксаковъ былъ очень доволенъ своимъ *Днемъ*.

„*День*“,—писалъ онъ Вѣнскому протоіерею Раевскому,—„продолжаетъ имѣть огромный успѣхъ. Петербургскіе журналы и газеты не перестаютъ имъ заниматься, хотя и ругаютъ. Но сочувствіе публики большое. Подписчиковъ до трехъ тысячь“ [270]).

Кокоревъ относительно *Дня* былъ единомышленъ съ его издателемъ и писалъ Погодину: „Прошу передать И. С. Аксакову мой дружескій поклонъ и самое искреннее поздравленіе съ успѣхомъ его свѣтлаго *Дня*“ [271]).

Съ самыхъ первыхъ дней существованія *Дня*, Аксаковъ вступилъ въ непримиримую вражду съ цензурою, хотя цен-

зоромъ *Дня* былъ иногда самъ Государь. „Съ преобразованіемъ положеніе цензуры“,—писалъ Аксаковъ Кохановской,—„не улучшилось. Министръ Головнинъ, знающій очень хорошо, что цензура была причиной смѣщенія всѣхъ министровъ Народнаго Просвѣщенія, начиная съ Уварова, поспѣшилъ передать отвѣтственность за Литературу министру Внутреннихъ Дѣлъ, а сохраненному еще въ Вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія управленію предварительной цензуры даетъ безпрестанно общія предписанія объ усугубленіи надзора, и спеціальныя—о моей газетѣ, собственно о томъ, чтобъ ее цензуровали какъ можно строже. Вслѣдствіе этого Цензурный Комитетъ посылаетъ каждую передовую статью въ Петербургъ, къ министру, который большею частію передаетъ ихъ самому Государю. Государь уже статей шесть или семь (передовыхъ и непередовыхъ) цензуровалъ для *Дня*,— и должно отдать ему справедливость—онъ являлъ себя всегда очень милостивымъ, снисходительнымъ и разумнымъ. Онъ большею частію смягчалъ только выраженія и дозволялъ многое, что совершенно несогласно съ его личными убѣжденіями. Статья въ 27 номерѣ процензурована имъ; онъ же пропустилъ статью Грабовскаго и два голоса изъ Бѣлоруссіи (Польскій—ругательный) и мой отвѣтъ. Кажется, Головнинъ нашелъ Государя слишкомъ либеральнымъ цензоромъ и слѣдующую мою передовую статью процензуровалъ самъ, но такъ, что напечатать ее не было возможности“ [272]).

Но Аксаковъ и этимъ былъ недоволенъ. Онъ писалъ графинѣ Блудовой: „Я получилъ официальное увѣдомленіе отъ Головнина, что статья моя будетъ представлена Государю... Признаюсь — утруждать Государя цензурованіемъ статей и сваливать на него съ себя отвѣтственность—по моему мнѣнію—просто безнравственно! Какой же Государь цензоръ“ [273])?

„Еслибъ вы знали“,—писалъ Аксаковъ Погодину,—„какъ мучила меня цензура: двѣ передовыя статьи написалъ, одну за другою, и ни одну не пропустили, такъ что номеръ выйдетъ безъ передовой статьи“ [274]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ сталъ въ самыя дурныя отношенія къ органу министра Внутреннихъ Дѣлъ *Сѣверной Почтѣ*.

Въ статьѣ своей *о преобразованіи цензуры*, Аксаковъ иронически замѣчалъ: „Офиціальныя газеты избавлены отъ цензуры. Здѣсь разумѣются не одни офиціальные отдѣлы офиціальной газеты, но и неофиціальные отдѣлы и фельетоны: вѣроятно потому, что и неофиціальная часть, и фельетоны— всѣ *офиціальнаго характера*. Теперь еще неизвѣстно, будетъ ли освобожденъ отъ цензуры, напримѣръ, неофиціальный отдѣлъ въ *Сѣверной Почтѣ*, офиціальной газетѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ... Конечно, слѣдуетъ предположить, что сотрудники *Сѣверной Почты* должны уже пользоваться особеннымъ довѣріемъ, и, какъ сотрудники офиціальной газеты, самыя статьи и даже фельетоны писать въ духѣ офиціальномъ, только прикрытомъ иногда рѣзвостію и игривостію слога“ [275]).

По поводу этой статьи своей Аксаковъ писалъ графинѣ Блудовой: „На статейку мою о цензурѣ *Сѣверная Почта* отвѣчала въ 69 №-рѣ, и отбивается руками и ногами отъ офиціальности, какъ будто отъ чего-то постыднаго и позорнаго“ [276]).

Самъ редакторъ *Сѣверной Почты*, А. В. Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 21 апрѣля 1862 года, записалъ: „Славянофильство начинаетъ принимать характеръ не простой школы или ученія, а настоящей секты, со всѣми правами и обязанностями истыхъ фанатиковъ“ [277]).

„Что вздумалось *Дню*“,—писалъ Никитенко же Погодину,— „колоть насъ офиціальностію? Гдѣ онъ видитъ, что офиціальность заставляетъ газету (въ неофиціальной части) говорить то, что не слѣдуетъ? Зачѣмъ же судить о людяхъ не по фактамъ, не по дѣламъ ихъ, а по своимъ предубѣжденіямъ? Что на человѣка, честно, болѣе двадцати пяти лѣтъ, прослужившаго дѣлу Науки и Литературы, могутъ нападать недоучившіеся мальчики и ни во что ставить ихъ заслуги, это теперь въ модѣ; но чтобы люди серьезные и зрѣло мыслящіе дѣлали тоже,—на это, кажется, не должно быть моды никогда. Мы

идемъ разными дорогами, но развѣ идемъ не къ одной цѣли— къ добру нашей родины? Боже мой! Столько теперь работы для каждой сколько-нибудь мыслящей головы, кромѣ своихъ маленькихъ дѣлишекъ и малыхъ личныхъ самолюбій, что право стыдно отнимать у себя и у другихъ время на такіе пустяки, какіе дѣлаетъ *День*, нападая на *Сѣверную Почту* и заставляя ее дѣлать тоже".

Познакомившись такимъ образомъ съ нравственною стороною *Дня*, нижеслѣдующее письмо Аксакова къ Погодину даетъ понятіе объ его матеріальной сторонѣ. „Какимъ образомъ",—писалъ Аксаковъ,—„вы могли вообразить себѣ, что у меня могутъ быть и лежать пять-шесть тысячь рублей серебромъ?!! У меня ихъ лежитъ двѣсти рублей серебромъ. Свѣшниковъ не платитъ; у Кожанчикова, дѣйствительно, должно накопиться тысячи двѣ, которыя идутъ всѣ на уплату бумажному торговцу. Я едва ли сведу концы съ концами. Двѣ тысячи четыреста —едва ли покрываютъ издержки, а у меня ихъ три тысячи сто! Слѣдовательно, всего тысячь около трехъ барыша, которыя и ушли на уплату моихъ собственныхъ долговъ и наконецъ—я ими живу. Будь у меня въ запасѣ пять-шесть тысячь р., они бы не лежали, и я тотчасъ уплатилъ бы ими долгъ семейства вамъ. Впрочемъ, мѣсяца черезъ два мы должны получить выкупную сумму отъ Правительства за Вишенки, которое пошло на выкупъ добровольно, собственнымъ хотѣньемъ" [278]).

LXI.

Украшеніемъ *Дня* служили прекрасныя произведенія хуторянки Кохановской. Съ перваго номера этой газеты печаталась тамъ ея повѣсть *Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова*. Читая эту чудную повѣсть въ бурномъ *Днѣ*, невольно вспоминаешь стихи Тютчева, дочь котораго, Анна Ѳедоровна, такъ подружилась съ писательницею:

Среди громовъ, среди огней
Среди клокочущихъ зыбей,

Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ—
Небесное—къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей. [279]).

Прославившаяся въ Литературѣ нашей, подъ псевдонимомъ *Кохановской*, Надежда Степановна Соханская, родилась 17-го февраля 1825 года, на хуторѣ Макаровкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Ея отецъ умеръ на службѣ маіоромъ Глуховскаго полка. Съ войны 1812 года, онъ находился во всѣхъ заграничныхъ походахъ.

Открытіемъ ея прекраснаго таланта Русская Литература обязана П. А. Плетневу. Еще 3-го января 1850 года, онъ писалъ Жуковскому: „Съ давнихъ поръ была въ перепискѣ со мною, по журналу, одна изъ институтокъ Харьковскихъ, Соханская, дѣвушка съ удивительнымъ умомъ и талантомъ. Никогда не видавъ ея, я упросилъ, чтобы она составила для меня свою біографію, самую подробную и самую откровенную. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ она присылала мнѣ тетради этихъ разсказовъ, чудно интересныхъ, оригинальныхъ и со всею увлекательностію написанныхъ. Жена моя страстно привязалась къ этому чудному существу заочно, какъ и я“ [280]).

Въ концѣ своей жизни, Плетневъ могъ утѣшаться литературною славою своей заочной ученицы.

3 мая 1859 года, Катковъ писалъ Кохановской: „Ваши двѣ повѣсти доставили мнѣ, въ моей дѣятельности, самыя отрадныя минуты. Я нисколько не сѣтовалъ на васъ за маленькія недоразумѣнія, которыя возникли между нами по поводу первой изъ нихъ. Я тогда же просилъ С. А. Рачинскаго передать вамъ, какъ глубоко понимаю я это ревнивое чувство художника къ своему произведенію, которое вызвало ваши укоры. Но я не могу передать вамъ, какъ утѣшительно было мнѣ прочесть послѣ ваши примирительныя строки.

Вы превосходно воспользовались тѣмъ эпизодомъ, который,

не смотря на всѣ свои достоинства, былъ не совсѣмъ у мѣста въ первомъ разсказѣ. У васъ вышла теперь великолѣпная поэма.

Но мнѣ все еще хочется поговорить съ вами о первомъ вашемъ разсказѣ: *Послѣ обѣда въ гостяхъ.* Онъ уступаетъ послѣднему въ мастерствѣ отдѣлки, въ полнотѣ и оконченности; но онъ неподражаемъ по оригинальности своихъ мотивовъ, по глубинѣ задѣтаго въ немъ чувства, по удивительной поэзіи, почерпнутой со дна этой тихой, неизвѣстной жизни, этого глухого быта, котораго еще не касалась рука художника; а если кто и касался, то развѣ только для того, чтобъ посмѣяться, поострить, побалагурить, передразнить рѣчь этихъ людей, не понимая и не предчувствуя, что въ этихъ людяхъ есть живое сердце, что въ этомъ быту есть своя глубина, своя жизнь, своя поэзія. Вы умѣете тронуть здѣсь такія струны, на которыя отзывается всякое сердце, которыя понятны будутъ людямъ разнохарактернымъ, самымъ отдаленнымъ и по мѣсту, и по времени... Эти танки на дворѣ, это невысказанное чувство любви простой, но глубокой, эта удивительная правда душевной драмы между мужемъ и женой, эта правда въ характерахъ, краскахъ, положеніяхъ, въ обстановкѣ простой будничной жизни, которая изображена какъ есть, безъ всякой вычурности и фальшивой идеализаціи, но зато со всею своею внутреннею, своею дѣйствительною идеальностію. Вашъ микроскопъ открылъ чудеса, и въ этомъ маленькомъ мірѣ показалъ намъ столько разнообразія и жизни, столько чарующихъ тайнъ души!

Откуда взяли вы эту всестороннюю наблюдательность—наблюдательность эпическую, которая такъ рѣдко бываетъ сродна женщинѣ,—эту мѣткость выраженія, эту широкость кисти, эту силу красокъ, какими отличается вашъ второй разсказъ *)? Здѣсь вы стоите на другой почвѣ и рѣшаете другую задачу. Здѣсь вы развертываете яркую картину

---

*) *Изъ провинціальной галлереи портретовъ. Н. Б.*

старой жизни, воспроизведенную вашимъ воображенiемъ,— картину, которая можетъ стать на ряду съ лучшимъ, что въ этомъ отношенiи представляетъ наша Литература. Выведенные вами типы исполнены оригинальности и свѣжести,— ни одною чертой не сбиваются на изображенiя другихъ мастеровъ, которые касались тѣхъ же типовъ. Вашъ Гаврила Михайловичъ живнй человѣкъ во всѣхъ своихъ чертахъ, самобытный характеръ, хотя и одного типа съ Багровымъ (автора котораго, всѣми уважаемаго старика С. Т. Аксакова, мы только третьяго дня снесли въ могилу; онъ умеръ послѣ тяжкой и мучительной болѣзни, и незадолго до смерти, какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ, съ восхищенiемъ слушалъ чтенiе вашего разсказа; это было, кажется, послѣднее его чтенiе).

Или я ничего не понимаю, или вашему таланту предстоитъ широкая будущность. Ничего бы я не желалъ теперь, какъ встрѣтиться и познакомиться съ вами. Можно ли надѣяться, что вы когда-нибудь вздумаете оставить на время вашъ украинскiй уголокъ и посѣтить Москву, гдѣ васъ встрѣтили бы, какъ дорогую гостью?

Я урвалъ теперь минуту, чтобъ продиктовать вамъ эти строки, собираясь въ дальнiй путь. Въ надеждѣ спасти мое зрѣнiе, я, въ концѣ мая, отправляюсь за границу. Трудно мнѣ устроить этотъ отъѣздъ, но это дѣло неизбѣжное, и медлить нечего. Поѣздка моя продлится, надѣюсь, не болѣе мѣсяцевъ трехъ. Если я не успѣю дождаться отъ васъ нѣсколькихъ отвѣтныхъ строкъ, то мнѣ, если только вы напишете ихъ, перешлютъ ихъ немедленно за границу. И оттуда, повѣрьте, буду я писать вамъ аккуратнѣе.

Вы писали Рачинскому о предложенiяхъ, которыя вамъ дѣлаютъ *Отечественныя Записки*. Я считаю дѣломъ недостойнымъ — вступать въ какiя-либо состязанiя для ловли литературныхъ талантовъ, прибѣгать къ какимъ-нибудь искусственнымъ мѣрамъ для привлеченiя ихъ, къ какимъ-нибудь внѣшнимъ обязательствамъ для закрѣпленiя ихъ за журна-

ломъ. Вы не можете сомнѣваться въ моемъ сильномъ желаніи считать васъ постоянною сотрудницей *Русскаго Вѣстника;* очень естественно желать мнѣ, чтобы ваши произведенія печатались преимущественно въ моемъ журналѣ; но я желалъ бы, чтобы отношенія наши были совершенно свободны, чтобы вы располагали вашею литературною дѣятельностью только такъ, какъ скажетъ вамъ ваше собственное чувство. Что же касается до матеріальныхъ выгодъ, то *Русскій Вѣстникъ* охотно будетъ платить вамъ столько, сколько будете назначать вы сами, и не уступитъ никакому другому журналу въ матеріальной оцѣнкѣ вашихъ произведеній. Вотъ все, что могу я сказать вамъ въ этомъ отношеніи. За послѣднюю повѣсть вашу высылаю вамъ по сто рублей съ листа. Это — высшая плата, какую мы платимъ кому-либо изъ нашихъ сотрудниковъ. Прошу васъ безъ церемоніи написать мнѣ: удовлетворяетъ ли васъ эта плата? Не предлагаетъ ли вамъ кто-нибудь больше, или не желаете ли вы сами больше? Какъ бы требованіе ваше ни было велико, оно, я надѣюсь, не превзойдетъ средствъ Редакціи, и вы можете заранѣе быть увѣрены въ его исполненіи".

Погодинъ, прочитавъ повѣсть Кохановской *Гайка*, писалъ ей: „Сейчасъ кончилъ *Гайку* — зачитался. Цѣлую васъ въ очи, въ уста, въ плечи, обнимаю. Прелесть! Вы усладили, разнѣжили, помолодили меня, старика, постарше Алексѣя Леонтьевича (героя *Гайки*). Честь вамъ и слава! Есть страницы, есть черты — что ваши лучи, коими вы любите такъ пронизывать древесную чашу и листву. Прекрасно. Но я не могу примириться, что молодые не пріѣхали къ пани-воеводшѣ на другой день. Это непростительно и невѣроятно. Низко кланяюсь".

Всѣ журналы, не взирая на направленія, наперерывъ стремились заручиться произведеніями Кохановской.

„А какія великолѣпныя предложенія дѣлаетъ мнѣ *Русское Слово*", — писала Кохановская, 27 января 1862 года, къ И. С. Аксакову, — „графъ Кушелевъ прислалъ мнѣ телеграмму, по-

здравляя съ праздниками и новымъ годомъ. Лицо, завѣдующее журналомъ, тонко говоритъ мнѣ, что въ области чистаго искусства нѣтъ ни строгихъ убѣжденій, ни строгихъ антипатій къ направленіямъ. Я отвѣчала какъ умѣла. А любопытно было бы видѣть, какъ вашъ большой лобъ поморщился бы и потемнѣлъ, когда бы мое сотрудничество со страницъ *Дня* да появилось на страницахъ *Русскаго Слова*. Но, уважая мужскую широту и высоту вашего чела, я умѣрю немножко свое женское любопытство".

На это Аксаковъ отвѣчалъ: „Скажите по совѣсти, гдѣ же произведеніямъ такого автора какъ вы и печататься, какъ не у меня? *Русское Слово* объявило смѣло, что принимаетъ направленіе Чернышевскаго, слѣдовательно, ученіе матеріализма, гдѣ каждая буква глумится надъ Евангеліемъ... Не захотите же вы своимъ талантомъ, которымъ вы служите Богу, истинѣ, содѣйствовать спекуляторству графа Кушелева... Не могу отъ васъ скрыть, что такія нечистыя посягательства на васъ, со стороны Петербургскихъ журналовъ, мнѣ противны, и противны—право, не изъ чувства редакторскаго соперничества".

„Вы совершенно правы",—писала въ свою очередь Кохановская,—„объявля ваше право на напечатаніе моихъ повѣстей у васъ. Имъ нѣтъ другого родного мѣста. Вездѣ они будутъ оторваннымъ уединеннымъ листкомъ, и только у васъ—живымъ побѣгомъ Русскаго корня. Ихъ звукъ, приливаясь къ вашему голосу, не теряется какъ бы въ случайныхъ полутонахъ, а даетъ ясную полную ноту при баритонѣ вашего *Дня*... Дѣлу, котораго литературное знамя держите вы, я предана всею преданностью женщины, сознавшей въ немъ жизнь и силу своей одинокой души".

Салтыковъ (Щедринъ), вмѣстѣ съ Головачевымъ, задумавъ издавать въ Москвѣ, съ 1 января 1863 г., новый журналъ, пожелалъ имѣть въ числѣ своихъ сотрудниковъ и Кохановскую; но Аксаковъ писалъ ей: „Вамъ тамъ не мѣсто... Не мѣсто потому, что въ области нравственной вы стоите съ

ними на противоположныхъ полюсахъ, но они нуждаются *только* въ вашемъ имени, въ то же время браня ваши произведенія. Программа журнала престраннная: откинуть споръ о *принципахъ* и соединиться вмѣстѣ для достиженія маленькихъ ближайшихъ цѣлей во имя народности. Да что же такое народность! Въ томъ-то и дѣло, что только путемъ сознанія можемъ мы уразумѣть содержаніе слова *народность*, узнать— чего требуетъ отъ насъ, къ чему обязываетъ народность. А то, пожалуй, во имя теперешней Петербургской псевдонародности, можно проповѣдывать атеизмъ, рѣзню и западный не-Русскій соціализмъ" [281])!

LXII.

Мы уже сказали, что съ самаго перваго номера *Дня* началось печатаніе повѣсти Кохановской *Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова*, которую, уцѣлѣвшія отъ погрома Петербургской Журналистики *Отечественныя Записки* назвали „Византійскимъ паѳосомъ" [282]).

Но повѣсть Кохановской не ускользнула отъ вниманія просвѣщенныхъ сферъ Петербурга.

Въ перепискѣ П. А. Плетнева съ княземъ П. А. Вяземскимъ, мы находимъ слѣдующія строки перваго, писанныя въ Петербургѣ, 30 ноября 1861 года: „Не удивляйтесь, князь Петръ Андреевичъ, что до сихъ поръ я еще не явился къ вамъ и не прислалъ записки о Кохановской (Соханской). Вотъ сряду уже четыре дня, какъ я боленъ и не могу вытти изъ комнаты... Раздумавши внимательнѣе и сообразивъ наши предположенія о пособіи ей съ нѣкоторыми чертами характера ея, я убѣдился, что денегъ посылать ей ненадобно: это оскорбитъ ее и унизитъ въ мнѣніи тамошняго круга. Каждый изъ насъ очень понимаетъ, что самый дешевый подарокъ милѣе денегъ, сколько бы ихъ ни было, а особенно отъ *особы*, которой малѣйшій знакъ вниманія драгоцѣненъ.

Въ подаркѣ есть намекъ на выборъ и память; въ деньгахъ ничего, кромѣ подачки“ [283]).

Съ своей же стороны, Аксаковъ, 5 января 1862 года, писалъ Кохановской: „Меня, дней десять тому назадъ, спрашивали изъ Петербурга—отъ разныхъ *высокихъ* особъ (дамъ)—на счетъ васъ: тамъ вами очень занялись, по случаю *Кириллы Петрова*, и такъ какъ кто-то сказалъ имъ, что вы находитесь въ сильнѣйшей бѣдности, то вызываются подарить вамъ денегъ. Спрашивали, разумѣется, стороной. Я отвѣчалъ, что вы, конечно, не богаты, но и не въ бѣдности, и въ денежныхъ *подаркахъ* не нуждаетесь и пр.; что вниманіе къ вамъ можетъ быть выражено другимъ образомъ и проч.“.

По возвращеніи изъ Петербурга въ Москву, Аксаковъ писалъ Кохановской: „Я пробылъ въ Петербургѣ три дня и узналъ, что Императрица, по собственному побужденію, послала вамъ „драгоцѣнную“ брошку. Это дѣлаетъ ей честь. Она хотѣла чѣмъ-нибудь выразить вамъ свое сочувствіе. Я думаю, вамъ надо будетъ отвѣчать письмомъ, благодарить“.

Не получая долго отвѣта отъ Кохановской, Аксаковъ вообразилъ, что она уѣхала въ Петербургъ, что и выразилъ въ письмѣ своемъ къ ней. Но Кохановская съ запальчивостью отвѣчала Аксакову: „Довольно давно мы съ вами литературно знакомы, — и не грѣхъ ли вамъ было въ вашу умнѣйшую голову допустить такую мысль, что я потому не пишу къ вамъ, что бросилась въ Петербургъ приносить благодареніе за фермуаръ?.. Плохо же вы знаете мою хохлацкую хуторскую натуру!.. Подарокъ Императрицы стѣсняетъ меня. Вы говорите, что нужно писать письмо, — а за эту цѣну я готова отказаться отъ всякаго подарка. Я ни за что не хотѣла бы своею холодностью и неумѣньемъ по *должному* выражаться оскорбить особу, которая съ такого далека и высока высказала мнѣ ея сочувствіе; а пыла затверженныхъ рѣчей и вѣрноподданническихъ экстазовъ у меня нѣтъ и быть не можетъ. Я даже не знаю условной формы начала и конца

письма — и пусть лучше винятъ меня въ хуторскомъ невѣжествѣ, а едва ли я буду отвѣчать и благодарить".

Какъ бы то ни было, въ іюнѣ 1862 года, мы видимъ Кохановскую въ Петербургѣ, гостящею у П. А. Плетнева, въ его Спасской мызѣ, близъ Лѣснаго Института. 27 іюня 1862 года, И. С. Аксаковъ писалъ ей: „Я получилъ отъ А. Ѳ. Тютчевой письмо, въ которомъ она мнѣ сообщаетъ съ радостію про свое знакомство съ вами. Кажется, вы сошлись съ ней, — и это такъ и должно было случиться. Нельзя не любоваться этою живучестью ея души въ такой средѣ, гдѣ, какъ изъ подъ стекляннаго колпака насосомъ точно вытянутъ всякій воздухъ. А можетъ быть—это послужило ей..... закалить и отшлифовать — честное сердце, пылкую душу, живой умъ".

Такимъ образомъ, наша хуторянка, благодаря добрымъ людямъ, изъ своего степного хутора очутилась близъ царскихъ чертоговъ и нашла въ нихъ, вопреки увѣренію Аксаковъ, *душу живу*.

Большой интересъ представляетъ переписка Кохановской за это время съ И. С. Аксаковымъ.

Изъ Спасской мызы, 9 іюля 1862 года, Кохановская писала: „Меня здѣсь встрѣтили самыя неожиданныя неожиданности. Съ моимъ неисканьемъ чего бы то ни было и неожиданьемъ рѣшительно ничего, я была немножко даже не совсѣмъ пріятно удивлена милою Французскою требовательностію Тютчевой, явиться въ Царское Село къ ней. Я написала отвѣтъ, что буду, — но мой отвѣтъ съ дачи по городской почтѣ замедлился, и графъ Б. А. Перовскій явился лично къ Плетневымъ, отдать мнѣ визитъ и повторить приглашеніе Тютчевой; но уже не заставши меня на дачѣ, онъ по телеграфу далъ знать, что я ѣду, чтобы къ дебаркадеру былъ мнѣ высланъ придворный экипажъ Тютчевой. Анна Ѳедоровна оказалась милою и любезною, какъ нельзя болѣе; встрѣтила меня въ своей передней. Къ чаю пріѣхалъ графъ Перовскій, рекомендуясь мнѣ самымъ горячимъ моимъ почита-

телемъ; былъ еще князь В. П. Мещерскій, внукъ Карамзина. Это было во вторникъ, а на четвергъ я была приглашена обѣдать къ Великой Княжнѣ *). Пріѣзжаю—и Тютчева, встрѣчая меня у себя, говоритъ, что обѣдать съ нами будетъ еще великій князь Владиміръ Александровичъ, который очень любитъ Литературу, обязанный учиться Математикѣ, которую не терпитъ, и что онъ желаетъ быть мнѣ представленнымъ, какъ мой ранній почитатель. Такимъ образомъ, мнѣ предстояла недуманная негаданная честь обѣдать съ тремя лицами царской фамиліи. Я совершенно избавлена была отъ церемоніи раскланиванія и представленія. Мы рука въ руку съ Тютчевой вошли на половину великой княжны Маріи Александровны и великаго князя Сергія Александровича. Дѣти какъ дѣти, совершенно простыя, веселенькія дѣти, въ красныхъ Русскихъ кумачахъ, но что гораздо лучше кумачей, такъ это то, что они охотно и свободно и совсѣмъ хорошо говорятъ по-Русски. Великая Княжна—рослая дѣвочка, съ розовыми полненькими щеками и съ самыми естественными наклонностями. Коровы, куры, овцы, дѣтская ферма, огородъ—это ея самое любимое. Сказокъ и всей прочей дѣтской фантасмагоріи терпѣть не можетъ. Тютчева въ затрудненіи: какого рода чтеніе ей прибрать? Теперь она читаетъ *Дѣтскіе годы Багрова внука*, и Великой Княжнѣ это нравится и занимаетъ ее. Къ самому обѣду прибылъ великій князь Владиміръ Александровичъ—славное молодое лицо... Что-то Николаевское въ немъ есть, и начитанность въ нашей Литературѣ есть. Что если бы пошире Артиллерійскаго Училища раздвинуть ему горизонтъ ученья? Мы пожали другъ другу руку и сидѣли рядомъ за круглымъ столомъ. Послѣ обѣда Тютчева, съ ея царскими воспитанниками, показывала мнѣ Царскосельскій Дворецъ; потомъ мы всѣ вмѣстѣ ѣздили смотрѣть оружейное хранилище; потомъ Великая Княжна въ подробности показывала мнѣ свою ферму и пр. и пр. Мнѣ

*) Маріѣ Александровнѣ. *Н. Б.*

объявили, что завтра, между 12 и 2 часами, Императрицѣ угодно будетъ меня видѣть, и я осталась ночевать во Дворцѣ. Сама Анна Ѳедоровна ночуетъ при Великой Княжнѣ, а я заняла ея комнаты, — и знаете ли, что это такое? Скорѣе келья Православной монахини, нежели будуаръ почетной придворной фрейлины. Я встрѣтила напоминаніе моей собственной комнаты. Поутру рано птичка, называемая у насъ „пастушекъ“, пѣла въ Царскосельскихъ садахъ“...

Но, вслѣдствіе полученнаго, въ ту ночь, извѣстія о покушеніи въ Варшавѣ на жизнь великаго князя Константина Николаевича, представленіе Кохановской Императрицѣ было отложено, и она вернулась къ Плетневымъ, въ ихъ Спасскую мызу.

Въ ожиданіи представленія Императрицѣ, Кохановская писала къ Аксакову: „Вы легко можете понять, какъ эта перспектива представленія Императрицѣ была тяжела и непріятна для меня. Являться на показъ, вспоминать институтскіе реверансы, говорить — что такое? И о чемъ намъ съ Императрицей говорить? Къ этой внутренней тягости и недовольству присоединилась внѣшняя невзгода: я простудилась и ходила съ подвязанною щекой. Прошло дней десять. Мой старый другъ Плетневъ началъ безпокоиться о моемъ представленіи. „Вы бы написали къ Тютчевой“...—Нѣтъ, нѣтъ!— отвѣчала я.

Наконецъ, 12 іюля 1862 года, Кохановская получаетъ письмо отъ А. Ѳ. Тютчевой съ увѣдомленіемъ о представленіи императрицѣ Маріи Александровнѣ. „Ѣду я“,—пишетъ Кохановская,—„съ единственнымъ желаніемъ и ожиданіемъ: сбыть съ себя это представленіе... Но у меня есть что-то довольно счастливое во внутренней природѣ. Я тягощусь и безпокоюсь нѣсколько заранѣе; но когда наступаетъ минута въ дѣйствительности принять эту тягость на себя, у меня является откуда-то полнѣйшее спокойствіе. Такимъ образомъ, оставленная въ пріемной передъ кабинетомъ Императрицы, я до того владѣла всѣми моими чувствами, что моя живая

любовь къ цвѣтамъ потянула меня на балконъ къ нимъ... Какъ вдругъ, звонокъ, и камердинеръ—или кто тамъ такой, кто исполняетъ эту обязанность,—отворяя мнѣ дверь, возгласилъ: *Г-жа Кохановская, извольте явиться къ Императрицѣ.* Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ показалось, что Императрица была такъ женски-деликатна въ отношеніи меня, что не захотѣла принять меня императорски, сидя; а она будто ходила по комнатѣ... „А что ваша щека прошла? Вамъ полегчало“? живо спросила она, оборачиваясь, и затѣмъ, слегка подвигая и указывая мнѣ на кресло у ея письменнаго стола, она сказала мнѣ: „Садитесь“, и сама сѣла напротивъ меня. У насъ начался разговоръ безъ паузъ, живой, не прерывающійся, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 3/4 часа. Я говорила не съ Ея Величествомъ, а съ нечаянно встрѣтившеюся мнѣ дамой, которая знала многія обстоятельства моей мелкой жизни, говорила мнѣ о моихъ сочиненіяхъ, называла ихъ по именамъ, интересовалась знать время ихъ созданія; спрашивала меня о Плетневыхъ, о моей дружбѣ съ ними за глаза; о томъ, какъ мы встрѣтились; говорила о *Днѣ*, о Тургеневѣ, въ маленькой параллели со мной; о красотѣ Святыхъ-Горъ, объ институтскомъ воспитаніи. Вошелъ Императоръ и Наслѣдникъ. Государь, видно, зналъ, кого онъ видитъ, предложилъ мнѣ нѣсколько короткихъ незначащихъ вопросовъ. Но съ Наслѣдникомъ мы встрѣтились любопытными глазами. Онъ смотрѣлъ на меня, и я хотѣла посмотрѣть на него. Мы какъ-то весело улыбнулись другъ другу; онъ мнѣ протянулъ руку съ живымъ юношескимъ пожатьемъ и, уходя, оборачивался и не помню что-то говорилъ, видимо, изъ желанія сказать что-нибудь. Императрица мнѣ опять сказала: „Садитесь“, и мы еще довольно и довольно поговорили. Не помню, какъ-то легко и свободно подошла минута разставанья. Императрица приподнялась и, взявши меня за руку, сказала, что она желаетъ мнѣ всего лучшаго... Но это было сказано такимъ добрымъ, не пустымъ словомъ: „всего лучшаго пошли вамъ Господь“! что это слово у меня отозвалось

въ душѣ и вызвало на отвѣтъ: „Если вы, Императрица, желаете мнѣ всего лучшаго, то благословите меня на него". Императрица тихо и нѣжно перекрестила мнѣ лобъ и поцѣловала меня не разъ, а два и три; я, въ свою очередь, столько же разъ съ увлеченіемъ поцѣловала ея благословившую меня руку и вышла. *Мнѣ очень пріятно, что она мнѣ понравилась*, сказала Императрица меньшой Тютчевой".

Послѣ представленія, Кохановская отправилась на половину А. Ѳ. Тютчевой, и тамъ, пишетъ Кохановская, „дѣти играли въ какія-то коровки и лошадки, а Анна Ѳедоровна встрѣтила меня какимъ-то лоскуткомъ бумажки. „Что это"? спросила я.—Прочтите,—можетъ быть, вамъ будетъ пріятно. Я начала читать какую-то записку, въ которой просилось у Анны Ѳедоровны позволенія прійти на ея половину, чтобы не упустить случая познакомиться съ такою замѣчательною писательницей. Записка была отъ Наслѣдника, и скоро онъ самъ явился своимъ молодымъ хорошенькимъ лицомъ. Славная, располагающая наружность. Онъ живъ и ласковъ и, говорятъ, самолюбивъ, какъ самый молодой человѣкъ, какъ онъ и есть. Но у него видно и умъ съ проблесками живого желанія знать что-нибудь, и Москву онъ не любитъ и Петербурга не терпитъ,—по крайней мѣрѣ, это живо говоритъ. Если бы къ нему да людей съ головою и съ чистымъ народнымъ сердцемъ! Онъ такъ просто, съ такимъ откровеннымъ радушіемъ раза четыре, прощаясь, пожалъ мнѣ руку и любезно попенялъ Тютчевой нѣсколько разъ, что она пригласила Владиміра обѣдать, а его нѣтъ,—что онъ надѣется, что она доставитъ ему это большое удовольствіе и пр. и пр. Такъ что мнѣ предстоитъ честь обѣдать еще съ Наслѣдникомъ. Но что составляетъ живую сердечную радость моей Петербургской поѣздки, это знакомство съ Тютчевой. Мы полюбили другъ друга какимъ-то роднымъ сестринскимъ чувствомъ, и я нѣжно и полно признательна ей за эту любовь. Что бы тамъ ни шевелилось во мнѣ и какъ бы горячо ни вставало сочувствіе къ ней, но среда Анны Ѳедоровны, ея положеніе—

никогда не позволили бы мнѣ ни на волосъ поискать сближенія съ ней. И мы не искали, — по крайней мѣрѣ, я; но между нами нашлась такая твердая основа, на которой стоя, мы уже не могли не протянуть руки другъ другу. Я была растрогана ея нѣжностью, душевной внимательностью, и у насъ нашлась и слеза и поцѣлуй и дорогое чувство, которое не измѣнится".

LXIII.

Вслѣдствіе постоянной войны съ цензурою, И. С. Аксаковъ находился въ самомъ раздраженномъ настроеніи.

Когда Кохановская сообщила ему, что онъ при Дворѣ состоитъ на хорошемъ счету, то 7 іюля 1862 года, Аксаковъ разразился слѣдующимъ письмомъ: „Вы пишете, что я на хорошемъ счету при Дворѣ. Очень радъ за Дворъ, что можетъ быть у него на хорошемъ счету человѣкъ, который не потѣшилъ его въ жизни ни разу, не только уступкой, не только лестью, но даже и законною, т.-е. подобавшею ему похвалой; который не принималъ никогда въ соображеніе— расположеніе или нерасположеніе Двора (и никогда не приметъ), и уважая Верховную Власть, въ той формѣ, которую излюбилъ Русскій народъ, вообще терпѣть не можетъ той среды, которую называютъ *Дворомъ*. Я знаю, что письма читаются: приглашаю прочесть эти строки со вниманіемъ князя В. А. Долгорукова или графа В. Ѳ. Адлерберга.

„Я очень благодаренъ *Двору* за его вниманіе ко *Дню*, но, признаюсь, былъ бы очень радъ, еслибъ онъ не обращалъ на меня никакого вниманія. Я не имѣю притязаній дѣйствовать на Дворъ, но хочу дѣйствовать на общество. Я бы очень желалъ, чтобъ Дворъ могущественнѣйшей державы въ мірѣ не занимался бы, какъ общество какого-нибудь губернскаго города, новопріѣзжающимъ жителемъ, мелкими частностями журнальной и общественной дѣятельности какого-нибудь И. С. Аксакова, одного изъ семидесяти милліоновъ

подданныхъ Имперіи! Отеческая заботливость о моемъ исправленіи, о воспитаніи моего характера, о діапазонѣ (diapasons) моего голоса—меня больше раздражаетъ, чѣмъ умиляетъ, — раздражаетъ собственно потому, что такое отношеніе къ Литературѣ и Журналистикѣ ненормально, уродливо, обидно.

„Вы приглашаете меня въ Петербургъ. Это могло бы только испортить дѣло. Къ Головнину я ни за что бы не поѣхалъ, къ Валуеву — тоже; аудіенцій Государь не дастъ; сношеній съ Дворомъ я избѣгаю да и никакихъ не имѣю. Только желаніе видѣть Анну Ѳедоровну Тютчеву заставляетъ меня, скрѣпя сердце, входить въ тотъ или другой дворецъ: тамъ невыносимо тяжело и душно. Да и весь Петербургъ производитъ на меня такое же впечатлѣніе. Одинъ видъ этой среды, самонадѣянно и самодовольно правящей Россіею, одинъ видъ чиновниковъ и гвардейцевъ, генераловъ и цѣлаго роя маленькихъ государственныхъ мужей — наводитъ тоску (изо всѣхъ чувствъ, возбуждаемыхъ Петербургомъ, самое мирное). Петербургъ — это нарывъ Россіи; съ нарывомъ можно примириться и оцѣнить его пользу только тогда, когда онъ лопнетъ. Ну, а теперь все еще нарываетъ“!

Само собою разумѣется, что письмо это было противно душѣ Кохановской. Описаніе, сдѣланное ею посѣщенія Царскаго Села служитъ лучшимъ опроверженіемъ этого надменнаго письма.

Впрочемъ, описаніе Кохановской видѣннаго и слышаннаго ею въ Царскомъ Селѣ, какъ бы смягчило и самого Аксакова, и онъ писалъ: „Вотъ это съ вашей стороны и любезно и мило, и заслуживаетъ моей искренней признательности, что вы написали мнѣ такой подробный отчетъ о вашемъ посѣщеніи Царскаго Села, и о вашемъ знакомствѣ съ лицами, интересными по своему общественному положенію, по своему неотвязному историческому значенію и по многимъ другимъ отношеніямъ. Будьте увѣрены, что я высоко цѣню это доказательство дружественной довѣрчивости. Вслѣдъ за вашимъ письмомъ, какъ бы въ дополненіе къ нему, полу-

чилъ я письмо отъ Анны Ѳедоровны Тютчевой, истинно прелестное письмо. Вы въ вашемъ письмѣ говорите о ней, она— о васъ, и ваши письма, лежащія на моемъ столѣ рядомъ, не только взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга, но составляютъ какой-то стройный аккордъ душевныхъ звуковъ.

„Вы, какъ женщина, могли отнестись свободно со стороны человѣческой, къ Императорской фамиліи, къ Императрицѣ, и проч. Полагаю, что вы могли и полюбить ихъ и привязаться къ нимъ искренно. Для мужчинъ это гораздо труднѣе, можетъ быть даже невозможно. Гражданскія отношенія стоятъ на первомъ планѣ, мѣшаютъ простотѣ чувства, заслоняютъ въ царственныхъ лицахъ внутренній образъ человѣческій. Вы знаете, что, при всемъ моемъ уваженіи къ Верховной Власти, поставленной волею народа Русскаго, я не питаю къ ней, какъ къ Власти, ни малѣйшей нѣжности; а между тѣмъ, я долженъ сознаться, что принимаю въ нихъ искреннее участіе. Мнѣ они—знаете ли? — внушаютъ сожалѣніе; я радуюсь въ нихъ каждому проявленію человѣчности, не изъ утилитарныхъ видовъ, а просто ради ихъ самихъ. Царь, король, вообще монархъ — очень интересный субъектъ въ психологическомъ отношеніи; это меня всегда очень занимало. Возьмите его воспитаніе, его среду. Онъ вѣчно стоитъ на вершинѣ, смотритъ сверху внизъ; слѣдовательно, пріемъ зрѣнія у него неодинаковъ съ прочими смертными. Для него нѣтъ предѣловъ вещественнаго благосостоянія; онъ не знаетъ цѣны богатству, потому что не можетъ понять бѣдности. Онъ постоянно — офиціальное, и кромѣ того — историческое лицо: каждое его движеніе, слово имѣетъ резонансъ во всемъ мірѣ, записывается въ лѣтописи, звучитъ законодательно. Онъ считаетъ только массами; съ высоты его созерцанія—индивидумы исчезаютъ въ туманѣ, являются однѣ народныя массы. Для него нѣтъ предѣловъ и во времени,— тѣхъ, какіе существуютъ для простыхъ смертныхъ: онъ дѣйствуетъ по масштабу историческому, не по масштабу личной жизни, а по масштабу исторической жизни народовъ. Передъ

нимъ стоитъ *наслѣдникъ*, какъ постоянное memento mori; онъ издаетъ законъ на пятьдесятъ, на сотню лѣтъ; онъ лично исчезаетъ въ этихъ размѣрахъ времени до такой степени, что область потомства для него почти живая область: вотъ отчего — такъ силенъ для него династическій интересъ, такъ силенъ, какъ мы этого понять не можемъ (очень мнѣ важно, что мои правнуки будутъ или не будутъ сидѣть на престолѣ!); вотъ отчего слава въ потомствѣ для нихъ дорога—какъ живое, современное, будто бы дѣйствительное, ощущеніе. Кромѣ того, въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются лучи текущей Исторіи. Онъ есть воплощенная историческая эпоха. Съ этой точки зрѣнія можно было бы подумать, что такое положеніе поглощаетъ личный эгоизмъ; оно казалось бы и такъ, но этотъ эгоизмъ, въ сущности, продолжаетъ существовать, но принимаетъ другіе размѣры и другой характеръ. Это эгоизмъ Государя, а не эгоизмъ Андрея Матвѣевича, Николая Павловича, и пр. Но лицо такъ сживается съ своимъ значеніемъ монарха, что ихъ и раздѣлить невозможно. Если же монархъ при томъ помнитъ, сознаетъ постоянно свое положеніе, чувствуетъ бремя своей нравственной и исторической отвѣтственности, если онъ самовластенъ, какъ въ Россіи, то положеніе его исполнено высокаго трагизма.

„Эта среда, это состояніе—не человѣческія, а исключительныя, въ нихъ угнетенъ человѣкъ. У царя (какъ я писалъ однажды Аннѣ Ѳедоровнѣ) не просто человѣческое сердце, а *сердце Царево въ руцѣ Божіей*. . . . .
Но вѣдь онъ все же человѣкъ, и вотъ это-то отношеніе человѣка, простого человѣка, какимъ мать-земля родила, къ царю, къ особѣ царя — и есть самое любопытное. То же относится — хотя въ степени болѣе слабой — и къ прочимъ лицамъ царскаго семейства. Чѣмъ больше въ нихъ человѣчности, тѣмъ выше ихъ нравственная заслуга. И то, что въ насъ съ вами не обратило бы на себя вниманія, всякое человѣческое простое движеніе — естественно получаетъ въ

нихъ особенную цѣнность. Но мнѣ они жалки именно потому, что въ нихъ угнетенъ человѣкъ съ самаго ранняго возраста; только что начинающій лепетать ребенокъ уже развращается названіемъ *императорскаго высочества*, атмосферой душегубительнаго дворца, видомъ мундировъ, лести и низкопоклонничества. Я даже удивляюсь, какъ они выучиваются говорить: есть сотни тысячь словъ, которыя не раздаются во дворцѣ, которыя имъ негдѣ услышать. Они мнѣ жалки потому, что человѣкъ въ нихъ все же шевелится, и жизни проситъ,—и оттолкнуть это въ нихъ человѣческое движеніе, эту протягиваемую руку на томъ основаніи, что это рука царственная, было бы грубо и жестоко. Но если кто можетъ, какъ женщина и въ вашемъ положеніи, отнестись къ нимъ съ этой стороны, то дѣлаетъ, мнѣ кажется, не худое, а доброе дѣло. Все человѣческое въ нихъ имѣетъ, безспорно, силу привлекательную, — для мужчинъ весьма опасную, ибо она можетъ увлечь за предѣлы простого, свободнаго сочувствія, и того и гляди что-нибудь уступишь въ смыслѣ гражданскомъ, сдѣлаешь маленькую подлость и т. п. Я лично всегда избѣгалъ всякаго сближенія и бесѣды съ лицами царскаго семейства. — Однажды, Пушкинъ, гуляя по Царскому Селу, встрѣтилъ коляску, вмѣщавшую въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ Николая Павловича. Царь приказалъ остановиться и, подозвавъ къ себѣ Пушкина, потолковалъ съ нимъ о томъ, о семъ, очень ласково. Пушкинъ прямо съ прогулки приходитъ къ Смирновой (той знаменитой красотой и умомъ, которой онъ написалъ стихи: *Въ тревогѣ нестройной и безплодной; Она мила, скажу межъ нами;* а Лермонтовъ: *Безъ васъ хочу сказать вамъ много).*—Что съ вами? спросила Смирнова, всматриваясь въ его лицо. Пушкинъ разсказалъ ей про встрѣчу и прибавилъ: Чортъ возьми, почувствовалъ подлость во всѣхъ жилахъ! Я это слышалъ отъ самой Смирновой (ученицы Петра Александровича Плетнева)“.

Въ надменномъ письмѣ своемъ, отъ 7 іюля, приведенномъ выше, Аксаковъ, оскорбилъ словомъ и Кохановскую. Онъ

писалъ ей: „Сколько вы *праздныхъ* словъ пишете, Надежда Степановна: *вы такъ любезны, что желаете имѣть нѣсколько извѣстій обо мнѣ* и проч. въ этомъ родѣ! Вовсе не изъ любезности желаю я имѣть свѣдѣнія о васъ, а потому, что принимаю въ васъ искреннее участіе, какъ въ писателѣ и какъ въ человѣкѣ. Не вздумайте поблагодарить и за это! И это участіе такъ искренно и просто, что я считаю себя въ полномъ правѣ добиться этихъ свѣдѣній, даже не испрашивая у васъ на это позволенія. Однако же страшно начинать письмо такимъ сердитымъ замѣчаніемъ, когда мнѣ слѣдовало начать благодарностью за дружескій совѣтъ и за сообщеніе нѣкоторыхъ извѣстій о васъ и также о *Днѣ*“.

Оскорбленная Кохановская отвѣчала Аксакову: „*Сколько вы праздныхъ словъ пишете, Надежда Степановна!* говорите вы мнѣ. И вы были бы въ вашемъ правѣ сказать мнѣ это вотъ послѣ этого письма, написаннаго въ угоду вашему простому сочувствію. Но то письмо передавало вамъ истины и слухи, конечно, не совсѣмъ пріятные для васъ, — но вы могли бы замѣтить, съ какимъ искренне сочувствующимъ вниманіемъ къ вашей душевной боли, т.-е., къ естественному самолюбію человѣка, съ какою осторожностью, чтобы не задѣть васъ собственнымъ огорчительнымъ словомъ. Въ отвѣтъ мнѣ, вы подарили меня самою *праздною грубостью* вашего перваго слова. Вы придрались къ какой-то маленькой полушутливой фразѣ о *любезности.* Что вы истомлены, что у васъ все кипитъ внутри досадой и нравственной болью, это я знаю, Иванъ Сергѣевичъ, и понимаю не простымъ, а особеннымъ, живымъ сочувствіемъ къ человѣку въ страждущемъ обуреваемомъ писателѣ. Но одного я не могу понять и никогда не пойму: чтобы живое, искреннее уваженіе и мое сочувствіе къ человѣку выражалось бы моимъ униженіемъ. А вы меня подвергаете тому. Вы мнѣ мечете въ глаза ваше искреннее простое сочувствіе, какъ къ писателю и человѣку, и тутъ же, не щадя меня, ваша—извините—сердитая грубость говоритъ: *сколько вы праздныхъ словъ пишете, Надежда Степановна!*

т.-е., говоритъ именно тѣ слова, какія наиболѣе оскорбительно услышать писательницѣ и человѣку женскаго пола. И я не услышу ихъ болѣе. Не потому, чтобы они раздражали меня и чтобы я не могла или не хотѣла извинить ихъ вашей понятной раздражительности; но этого не должно быть. Я не позволю ни себѣ выслушивать, ни вамъ повторить мнѣ такія слова. Я постараюсь избавить васъ отъ всѣхъ моихъ праздныхъ и непраздныхъ словъ. Вотъ что я должна была сказать вамъ, любезный Иванъ Сергѣевичъ, совершенно безъ гнѣва".

На Аксакова эти строки произвели впечатлѣніе, и онъ поспѣшилъ отвѣтить. „Конецъ вашего письма",—писалъ онъ,— „признаюсь, я не понялъ. Что это? Серьезно ли это вы или въ шутку говорите? какъ спрашивается въ одной старинной комедіи. Должно быть, вь шутку, потому что серьезно обижаться моими словами *о праздности* нѣкоторыхъ вашихъ выраженій — вы не можете. Мои эти слова относились собственно и единственно къ вашимъ выраженіямъ: *Вы такъ любезны, что интересуетесь знать обо мнѣ* и проч. Ну, развѣ это не праздный оборотъ рѣчи въ письмѣ? Скажите по совѣсти! Если это оборотъ литературный, то вѣдь ваше письмо не литературное же произведеніе! Оно просто — письмо. По крайней мѣрѣ, я бы желалъ этого. — Странное это мѣсто въ вашемъ письмѣ. Повторяю вамъ, что я не разобралъ, что эта шутка, или тонъ обиженнаго. Послѣдняго мысль допустить не можетъ, остается признать это шуткой, но однако же такою, которая меня непріятно безпокоила".

„*Браниться бранись, а на слово миръ слово оставляй*",— отвѣчала Кохановская,—„и это *слово мира*, которое всегда можетъ оставаться между нами, есть именно то взаимное уваженіе, на которое и вы ссылаетесь, и я называю его прямо. А попрекнуть-то меня литературными похвалами и персональнымъ сомолюбіемъ вы не поскупились и вотъ уже напрасно! Вы знаете немножко, что правду я умѣю говорить и понимать ее, хотя бы то честнымъ художественнымъ чув-

ствомъ, и потому вѣрьте моей правдѣ: что едва ли вамъ встрѣчался человѣкъ, которому бы такъ мало, такъ ничего не давали похвалы, какъ мнѣ не даютъ онѣ. Иначе было ли бы мнѣ такъ пусто, грустно, такъ тяжело тоскливо, грустно, что я вотъ даже высказываю это вамъ, сердитому и разбранившему меня такъ, какъ только можно браниться письменно литературнымъ людямъ? Возьмите ваше письмо, уважаемый Иванъ Сергѣевичъ, и посмотрите, какое оно жестокое. Какъ явно въ немъ раздражительное желаніе оскорбить, дать себя почувствовать прямою строкой и въ скобкахъ задѣть меня точно довольно ѣдкою насмѣшкой надъ моимъ будто бы прославленнымъ тактомъ, который однако же измѣнилъ мнѣ въ самодовольствіи будто бы даннаго вамъ ловкаго урока. И за что же все это? Ни болѣе, ни менѣе, какъ единственно за то, что я просила васъ не считать шуткой мои слова: что я сумѣю отказаться отъ вашей безцеремонно литературной дружбы, если она набьетъ мнѣ оскомину. И согласитесь сами, что письмо, подобное прилагаемому, въ состояніи дать ее, эту оскомину“ [284]).

LXIV.

Между тѣмъ, въ номерѣ 34-мъ *Дня* появилась статья, подъ заглавіемъ: *Рига.* Авторъ ея скрылъ свое имя. Эта статья обрекла *День* на трехмѣсячное безмолвіе.

Осужденіе на безмолвіе *День* испыталъ одновременно съ Петербургскими журналами: *Современникомъ и Русскимъ Словомъ.* Это, разумѣется, не могло не оскорбить Аксакова. „Вы можете судить“,—писала Кохановская Аксакову,—„какъ оскорбительно и тяжело, что запрещеніе или прекращеніе *Дня* совпадаетъ съ этими запрещеніями“. Къ тому же послѣдовало Аксакову изъ Лондона предложеніе перенести туда, вмѣстѣ со *Современникомъ* и *Русскимъ Словомъ*, свою политическую дѣятельность. По поводу этого предложенія, Тургеневъ писалъ Герцену: „Но какъ это вы напечатали предложеніе издателямъ

Современника, Русскаго Слова и *Дня* издаваться на вашъ счетъ въ Лондонѣ?! Вѣдь это все равно, что кирпичемъ ихъ по головѣ, да и вѣроятно ли, что Некрасовъ, графъ Кушелевъ или даже Аксаковъ (или его продолжатель Елагинъ), захотятъ сжечь свои корабли? Это было очень необдуманно съ вашей стороны: Некрасовъ, пожалуй, увидитъ въ этомъ желаніе отомстить ему" [285]).

По просьбѣ Аксакова, Кохановская сообщала ему Петербургскіе толки, возбужденные запрещеніемъ *Дня*: „Запрещеніе *Дня* или остановка, — писала Кохановская, — возбуждаетъ искреннее сожалѣніе. Деляновъ сожалѣетъ искренно; хотя безъ надежды, но съ полною готовностію вызвался писать къ Головнину и ходатайствовать добрымъ словомъ, сколько можетъ. Онъ-то именно съ досадой, полнаго уваженія къ вамъ, замѣчалъ, что вы тамъ-умные люди, честные и хорошіе, да нѣтъ между вами практика. Плетью обуха не перешибешь. Раевскій говоритъ: Какъ *День*-то читается Славянами! А поди ты толкуй Долгорукову; пойметъ онъ, какъ мы Китайскую грамоту! Головнинъ золъ на Аксаковскія словца, Съ головой Аксакова, право, можно бы было обойтись безъ этихъ погремушекъ, и еще имѣя на рукахъ такое дѣло"!

Утѣшая Аксакова, Кохановская писала ему: „Несмотря на отсутствіе графини Блудовой, у васъ есть вѣрная, тихая и неустающая помога,—Анна Өедоровна Тютчева. Она мнѣ передавала слова Императрицы, что *День вовсе не запрещенъ и не можетъ быть запрещенъ, а что только лишенъ редакторства Аксаковъ,—но и это возвратятъ ему черезъ нѣсколько времени*. Но это время—такое смутное и неудобное для тонкихъ литературныхъ внушеній. Варшавское покушеніе, слезы, тревоги, благодарственные молебны, торжественныя поминовенія—ничего нѣтъ хуже, какъ не умѣть разбирать время. А Анна Өедоровна слишкомъ умна, чтобы знать, когда сказать и когда помолчать во-время. Валуевъ васъ терпѣть не можетъ, соединяя въ своемъ чувствѣ и васъ лично и *День* литературно,—говоря, что онъ не можетъ быть покоенъ съ

вашимъ *Днемъ*. Все это для васъ не новости,—но если не силой знанія, то силой искренне сочувствующаго вамъ напоминанія, вы, можетъ быть, дойдете до вашего собственнаго опытнаго убѣжденія, что вѣрный осмотрительный шагъ необходимъ вамъ, если вы хотите идти, что собственно для дѣла довольно и совершенно довольно быть самостоятельнымъ и независимымъ на дѣлѣ, а не давать чувствовать, что *я вотъ самосостоятеленъ, господа фуксы изъ Петербурга!* и пр. и пр. Не дразните этихъ г. г. фуксовъ, что вы, подчасъ, дѣлали съ замѣтнымъ наслажденіемъ. Въ этомъ винятъ васъ лучшіе люди Петербурга. Досадно, право, говорилъ графъ Б. А. Перовскій. Такой умный человѣкъ, какъ Аксаковъ, и заслуживаетъ, чтобы его въ уголъ поставить. Жаль-де, что нѣтъ графини Блудовой. Я немножко замѣтила, что довольно трудно будетъ отыскать тотъ уголъ, въ который бы можно было поставить васъ.—Я съ вами согласенъ,—сказалъ Перовскій. Но и вы согласитесь со мною: что за вздоръ, за пустое задорное упрямство — *знаю да не скажу*; *) лишенный редакторства, Аксаковъ теперь именно стоитъ въ литературномъ углу. Надѣются, что вы, къ сожалѣнію, достаточно наученные опытомъ, станете осмотрительнѣе,—и знаете ли, чего желаютъ вамъ, Анна Θедоровна изъ первыхъ?—Московскаго благоразумнаго друга, который бы въ иныхъ случаяхъ говорилъ вамъ: Потише, Иванъ Сергѣевичъ, немножечко потише, и чтобъ этотъ другъ добрый не отказывался напоминать вамъ иногда, что тише ѣдешь, дальше будешь".

Но на Аксакова эти слова дружбы не подѣйствовали, и онъ писалъ Кохановской: „Гражданская доблесть въ наши дни и въ нашемъ любезномъ Отечествѣ осуждена выдерживать двоякаго рода испытанія: вещественныя, невыгодныя послѣдствія (наказаніе, взысканіе и т. п.) и осмѣяніе. Люди благоразумные, практическіе (которымъ родъ преимущественно въ Петербургѣ) всегда готовы назвать каждый гражданскій

---

*) Т. е. автора статьи *Рига*. *Н. Б.*

блогородный поступокъ ребячествомъ, дѣтствомъ, донкихотствомъ и т. п. Петербургъ вообще считаетъ себя великимъ практикомъ, но его практицизмъ, переведенный на языкъ простой нравственности, есть просто-на просто подлость. Отъ Петербургскихъ моихъ пріятелей я, въ началѣ послѣдней исторіи съ моею газетой, получилъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ меня уговаривали объявить имя автора *), стращая названіемъ Донкихота, мальчика, и т. п., называя мой отказъ упрямствомъ и выражая даже подозрѣніе, что я это дѣлаю для того, чтобъ покрасоваться, чтобъ явиться передъ публикой жертвой честнаго поступка etc. etc. Благодаря штукамъ Головнина, это мнѣніе довольно распространилось въ Петербургѣ (впрочемъ, Петербургъ иначе объяснить не можетъ моего поступка). Въ *Отечественныхъ Запискахъ*, Громека напечаталъ изъявленіе сожалѣнія о томъ, что я *самъ добровольно лишилъ публику своего органа* и проч. Въ Петербургѣ теперь выплываетъ на сцену *законность*, и чѣмъ больше будетъ въ немъ законниковъ, поклонниковъ законности, тѣмъ меньше будетъ честныхъ людей. *Законность*, *легальность* спутаетъ ихъ понятія окончательно, и они замѣнятъ въ сердцѣ внутреннюю правду писаннымъ во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи закономъ. Оно, знаете, очень комфортабельно. Можно обойтись безъ души, безъ совѣсти: законъ! La consigne avant tout, говоритъ Французскій employé au service, нынче конституціоннаго, завтра республиканскаго, послѣ завтра имперскаго правительства! Я бы спросилъ, впрочемъ, Бориса Перовскаго, когда онъ такъ наивно разсуждалъ о моемъ упрямствѣ выдать автора: а вы бы выдали? и увѣренъ, что мой вопросъ смутилъ бы его, потому что онъ все же—хорошій человѣкъ. Не думайте, что объ отношеніи Петербурга къ гражданской доблести, я толковалъ собственно по поводу послѣдняго Деньскаго дѣла. Было бы смѣшно величать мой отказъ объ-

---

*) Статья *Рига* *Н. Б.*

явить имя—доблестью, хотя, конечно, это честный гражданскій поступокъ. Но вѣдь не въ первый разъ мнѣ имѣть дѣло съ Петербургомъ; я служилъ и у графа Панина, и у графа Льва Алексѣевича Перовскаго, и убѣдился въ истинѣ, что благоразуміе (Петербургское) или Петербургскій практицизмъ, есть мать всѣхъ пороковъ. И какъ близоруки въ своихъ практическихъ разсчетахъ эти г.г. практики! Знаете, нѣтъ ничего на свѣтѣ выгоднѣе прямого и честнаго пути: его слѣдуетъ избирать даже изъ разсчета. Сдѣлай я хоть малѣйшую уступочку, требуемую Петербургскимъ благоразуміемъ, крохотную низость, я бы потерялъ всю выгоду моего положенія въ общественномъ мнѣніи, утративъ всѣ симпатіи, которыми пользуется мое имя (благодаря моему отцу и брату), лишился бы авторитета и т. п., и никакія другія выгоды (хотя бы и упроченіе *Дня*) не выкупили бы этихъ пожертвованій. Конечно, я дѣйствую не по этому разсчету, но я хочу только доказать, что и съ практической точки зрѣнія путь прямой есть самый выгодный путь“.

Само собой разумѣется, что это письмо Аксакова произвело самое непріятное впечатлѣніе на Кохановскую, и она писала ему: „Впечатлѣніе вашего непріятнаго письма, вѣроятно, изгладилось, и вы не захотите же подновить его. Я опять начинаю говорить *праздныя* слова. Вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, мало быть такимъ умнымъ, чтобъ была умною одна голова: отъ головы до пятокъ вамъ надобно стать во всеоружіи ума. Этотъ умъ есть благоразуміе; не хотите Петербургскаго, берите Московское. Вы говорите о *гражданской доблести*. Но это вовсе не доблесть для воина, зажмуря глаза, бросаться въ сѣчу и рубить направо и налѣво, по людямъ и осламъ; тѣмъ менѣе въ гражданскомъ общественномъ дѣлѣ возможенъ этотъ пылъ уносящагося горячаго ума, при извѣстныхъ обстоятельствахъ“...

LXV.

Пріостановленіе *Дня* побудило Погодина написать слѣдующее весьма рѣзкое письмо къ министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину: „Воротившись изъ путешествія на Уралъ, я обданъ былъ потокомъ кипящихъ новостей, признаться, одна другой прискорбнѣе, тяжеле. Разумѣется, меня занимали больше всего извѣстія, имѣющія отношеніе къ любезному Просвѣщенію. Считаю долгомъ, священною обязанностію, сказать вамъ объ нихъ, любезнѣйшій Александръ Васильевичь, искреннее мнѣніе, какъ о дѣлѣ коротко мнѣ знакомомъ.

„Начну съ запрещенія газеты *День*. Запрещеніе или задержаніе — въ высшей степени не политическое, не говоря уже о прочихъ вредныхъ сторонахъ этой мѣры. На *День* всѣ Славянскія племена смотрѣли, какъ на своего вѣрнаго друга, помощника и ходатая, принимающаго къ сердцу ихъ судьбу, желающаго искренно имъ всякаго добра, ищущаго усердно всякихъ средствъ имъ помогать. Это была нравственная связь, самая крѣпкая, Россіи со Славянами. Запрещеніе *Дня* представится имъ доказательствомъ нерасположенія Правительства къ ихъ обстоятельствамъ, возбудитъ ихъ неудовольствіе, а намъ слѣдовало бы питать въ нихъ чувства дружескія, и и держать ихъ на своей сторонѣ, на всякой случай.

„Это во-первыхъ. А во-вторыхъ: *День* открылъ войну съ большимъ успѣхомъ противъ притязаній Польши на Западныя губерніи, привлекъ на свою сторону многихъ туземцевъ, и сдѣлался самымъ опаснымъ противникомъ анти-Русской партіи, которая положила всѣми силами стараться объ его запрещеніи. И вотъ, вы исполняете ея горячее желаніе, разумѣется, къ нашему ущербу.

„Въ-третьихъ: Редакторъ *Дня* извѣстенъ чистотою своихъ намѣреній, своей любовію къ Отечеству, что у насъ стано-

вится чуть не преступленіемъ, своею честностію, безкорыстіемъ,—въ этомъ согласны всѣ партіи. Статья, помѣщенная въ *Днѣ*, получаетъ особенное значеніе. Такими людьми дорожить надо; много ли вы укажете такихъ людей въ нашей Журналистикѣ. А вы подвергаете ихъ опалѣ,—помилуйте!

„Но Аксаковъ увлекается, позволяетъ себѣ выраженія въ отношеніи къ Правительству, кои нельзя оставить безъ возраженія.

Я съ вами совершенно согласенъ, и нѣкоторыя его преувеличенія, выходки, парадоксы, совершенно не одобряю. Оставьте опровержение ихъ Литературѣ, которая не оставитъ его безъ возраженія, если только получитъ надлежащую свободу. А касательно выходокъ и неприличныхъ выраженій, напримѣръ, въ странной и ни къ чему ведшей перебранкѣ съ *Сѣверной Почтой*, и проч., кромѣ строжайшаго печатнаго выговора, съ объясненіемъ причинъ, вы дайте опредѣленное наставленіе Цензурѣ, чего вы хотите и чего не хотите: она и должна отвѣчать передъ вами за проступки.

„И вотъ, я перехожу къ отличному Московскому цензору Гилярову, котораго вамъ надо бы отыскивать съ огнемъ, а вы требуете, чтобъ онъ вышелъ въ оставку. Это испытанный и теперь единственно возможный предсѣдатель Цензурнаго Комитета въ Москвѣ, какъ Крузе въ Петербургѣ. Литераторы всѣ имѣютъ къ нему довѣренность, вмѣняемую, впрочемъ, вами ему въ преступленіе, и онъ своими убѣжденіями, своими доводами могъ бы остановить всякое уклоненіе,—съ условіемъ, разумѣется, чтобъ вы прежде объяснили ему ваши желанія и требованія, съ коими бъ онъ могъ согласиться. Гиляровъ можетъ говорить съ любымъ литераторомъ, можетъ спорить, и можетъ доказать свои мысли, а много ли цензоровъ укажете вы мнѣ съ такими способностями.

„Вы назначаете цензоровъ, болѣе знакомыхъ съ видами Правительства, изъ Петербурга, однако же въ Петербургѣ выходилъ *Современникъ*, *Русское Слово*, нынѣ запрещаемые, равно какъ и прежнія *Отечественныя Записки*. Въ Петер-

бургѣ помѣщается теперь во всѣхъ газетахъ извѣстіе о памятникѣ тысячелѣтія, на коемъ *нѣкоторыя лица совсѣмъ уничтожаются* (Можно ли отыскать выраженіе нелѣпѣе, грубѣе и глупѣе?). Не будутъ представлены, говоритъ это извѣстіе: св. Митрофанъ Воронежскій, Дмитревскій актеръ и Шевченко поэтъ. Понимаете ли вы, что̀ долженъ почувствовать простой Русскій человѣкъ, увидя, какъ св. Митрофанъ поставленъ былъ на одну доску съ актеромъ, и теперь съ нея торжественно сводится тоже вмѣстѣ, какъ недостойный. Чувствуете ли вы все ужасное неприличіе этой глупости, и къ чему она нужна? Не странно ли также читать, что теперь только спохватились помѣстить покойнаго императора Николая Павловича въ числѣ государственныхъ людей! Неужели это не насмѣшка, и она на глазахъ у васъ произносится, на утѣху всей Россіи! Да, вы подвергаете цензурѣ только то, что не нравится въ эту минуту тому или другому сильному лицу, что̀ противно вашимъ желаніямъ, или можетъ навлечь негодованіе какой-нибудь фрейлины или дамы, а св. Митрофаній, какъ и Христосъ, не вступится.

„Изъ этихъ и прочихъ вашихъ мѣръ ясно, что вы не понимаете высшей государственной цензуры, и далеко съ своею мелочною не уйдете. Неприкосновенность религіи, верховной власти и личности—вотъ основанія цензуры въ наше время, и разобрать, что оскорбляетъ и что не оскорбляетъ эти основанія, могутъ только Гиляровы, а не дюжинные агенты, которые уже много у насъ набѣдокурили.

„Поворотить цензуру къ старому времени теперь нѣтъ никакой возможности, да и привело бы совсѣмъ не туда, куда вы думаете. Вѣдь вы видите, что̀ произвела старая цензура, точно какъ что̀ произвело строгое фрунтовое и форменное ученіе Ростовцева, не тѣмъ будь помянутъ, въ военныхъ училищахъ! Наши новыя оргіи—слѣдствіе прежняго стѣсненія, по закону упругости. А если вы стѣсните печать опять, то увеличите только силу заграничныхъ типографій. Тамъ будутъ печатать, и туда будутъ ѣздить читать — именно та

часть общества, которую вы хотите застраховать, а до остальной, до большинства, печать не касается и долго не будетъ касаться. Что же вы выиграете вашими стѣснительными мѣрами, кромѣ неудовольствія, которое и такъ уже черезъ края.

„Запрещая и позволяя, вы имѣете въ виду одинъ очень ограниченный кругъ Петербургской и Московской публики, и статьи Петербургскихъ и Московскихъ журналовъ. Вы досихъ поръ не выразумѣли, что эти статьи, отвлеченныя, теоретическія, не значатъ ничего для Россіи, и не читаются тамъ, въ Оренбургѣ, Верхотурьѣ, Екатеринбургѣ, или читаются для препровожденія времени. Онѣ могутъ вредить молодежи, такъ противъ этого зла должны дѣйствовать ваши университеты, и чья же вина, если тамъ считаются онѣ дѣломъ постороннимъ и если не находится тамъ людей со властію, которыхъ голосъ имѣлъ бы силу опровергать ежедневную дребедень. Благоразумная свобода печати нужна намъ теперь не въ отношеніи къ статьямъ отвлеченнымъ, современнымъ, хоть бы имъ пусто было, а въ отношеніи къ вопросамъ дѣловымъ, насущнымъ. Я проѣхалъ по землѣ и водѣ верстъ тысячь пять, и слышалъ эти вопросы отъ камней вопіющихъ, а вы въ Петербургѣ, кажется, и ухомъ не ведете, занятые происшествіями улицы. Вотъ гдѣ нужна намъ свобода печати, и министръ Просвѣщенія, который пойметъ свое назначеніе, первымъ своимъ долгомъ почтетъ доказать ее предъ Государственнымъ Совѣтомъ. Онъ получитъ себѣ имя въ Русской Исторіи, и принесетъ несомнѣнную пользу не только для нашего поколѣнія, но и для слѣдующихъ. Безъ этой свободы печати начальникъ какой-нибудь Пермской или Оренбургской, Архангельской губерніи, не только Сибирскій, Кавказскій, есть такой деспотъ, какимъ никогда и не думалъ быть императоръ Николай Павловичь, и злоупотребленій, даже нелѣпостей его, Правительство иногда не узнаетъ до второго пришествія. Свободною печатью обуздается непремѣнно произволъ, и свободная печать принесетъ Правительству въ этомъ отношеніи пользы гораздо больше тайной по-

лиціи, которая до сихъ поръ ничего не узнавала, и только мыла руки, но такъ, что оставались черны. Вотъ польза отъ свободы книгопечатанія для нашего времени и въ нашихъ обстоятельствахъ, польза, предъ которой ничего не значатъ всѣ неудобства, крайности, фантастическія и теоретическія. А вы, не только не показывая ни малѣйшаго расположенія къ такой свободѣ, и лишь только по-Австрійски говоря объ ней, увеличиваете число цензоровъ съ большимъ жалованьемъ, учреждаете надзирателей для типографій, которые ничего сдѣлать не могутъ, и исключаете изъ цензурнаго управленія лучшихъ людей. Годитесь ли же вы въ министры?

„Наконецъ, разсужденіе о государственныхъ вопросахъ въ предѣлахъ приличія, должно открыть Правительству, за неимѣніемъ другихъ средствъ, людей дѣльныхъ, которыхъ оно теперь ищетъ лоттерейнымъ образомъ, и вынимаетъ бòльшею частію пустые нумера.

„Кстати, заговоривъ о цензурѣ, я долженъ указать вамъ еще на два ваши промаха: вы остановили *Современникъ* и *Русское Слово*—помилуйте! Вы настолько не знакомы съ Русскою Журналистикою, что сочли эти, журналы опасными. Ихъ остановить или поучить надо было тому назадъ два-три года, когда вы пожимали имъ руку и разсыпались въ любезностяхъ, заготовляя себѣ партію, какъ въ Россіи, такъ и за границей; а теперь они доврались до того, что сдѣлались притчею во языцѣхъ. Публика начинала видѣть ихъ нелѣпости. а своя братія явно возстала: слѣдовало выставить на нихъ нѣсколько новыхъ баттарей, дать нѣсколько ударовъ, и они принуждены были бы сойдти со стыдомъ со сцены, а вы сочиняете имъ блистательный финалъ, и въ случаѣ возобновленія, доставляете по двѣ тысячи новыхъ подписчиковъ, возвышаете цѣну остальныхъ экземпляровъ. Ну, разумно ли это, цѣлесообразно ли?

„Наконецъ, скажу здѣсь два слова о газетахъ. Есть два изданія, имѣющія по наслѣдству по 6—8 тысячь подписчиковъ. Эти оба изданія принадлежатъ Правительству—*Москов-*

скія и *Петербургскія Вѣдомости*, — и Правительство отдаетъ ихъ первымъ встрѣчнымъ, даже своимъ противникамъ, и въ то же время употребляетъ огромныя суммы для основанія новой газеты *), и употребляетъ насильственныя мѣры, чтобъ набрать для нея подписчиковъ. Есть ли тутъ смыслъ?

„Отъ вашей Коммиссіи о цензурѣ ожидать нечего. Она напишетъ, вѣроятно, очень хорошій уставъ (да и прежній недуренъ), но исполнять его сами вы не будете, чему показали уже примѣръ на ученыхъ обществахъ. Сами вы объявили, что ученыя общества изъемлются изъ общихъ правилъ, подъ отвѣтственностію предсѣдателя и секретарей, да вслѣдъ за этимъ объявленіемъ и задерживаете изданія Историческаго Общества, которое только одно и печатаетъ свои труды, такъ что оно проситъ теперь цензуры, и не получаетъ ея, а любопытное важное изданіе остановилось. Кто же повѣритъ вашему уставу?

„Вы переводите ваши проекты на всѣ Европейскіе языки и переводы посланные даже раздаются всѣмъ встрѣчнымъ для сообщенія замѣчаній. Вы не понимаете, что не оберетесь такихъ замѣчаній, за которыя надо вѣдь заплатить золотомъ.

„Нѣтъ, нѣтъ, вы не понимаете своего положенія и совершенно не годитесь быть министромъ Просвѣщенія“.

LXVI.

Во время трехмѣсячнаго безмолвія *Дня* (съ 2 іюня по 1 сентября), Аксаковъ хлопоталъ о передачѣ редакціи своей газеты кому-либо изъ своихъ сотрудниковъ. Выборъ его, между прочимъ, палъ и на Ѳ. В. Чижова. Когда объ этомъ выборѣ узнала Кохановская, то писала Аксакову, что Чижовъ „не въ министерскомъ довѣріи, которое вы усилили вашимъ предложеніемъ“. Опасенія Кохановской оправдалось. Министръ

---

*) *Сѣверная Почта. Н. Б.*

Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнинъ, „лаконически, безцеремонно“, отказалъ Чижову въ его просьбѣ принять на себя редакцію *Дня.* По поводу этого отказа возникла любопытная переписка между Чижовымъ и Головнинымъ.

„Вашему высокопревосходительству угодно было“,—писалъ Чижовъ,— „не признать возможнымъ утвердить меня редакторомъ газеты *День*, безъ указанія повода такой невозможности.

„Какъ редакторъ журнала и газеты, незаподозрѣнныхъ ни однимъ изъ вашихъ предшественниковъ въ неблагонамѣренности, какъ писатель, которому Правительство предлагало изданіе газеты, долженствовавшей замѣнить запрещенную тогда газету *Парусъ,* я имѣлъ право надѣяться, что мнѣ не можетъ быть препятствія сдѣлаться редакторомъ *Дня.*

„Но, привыкши уважать законность во всѣхъ ея явленіяхъ, даже и въ тѣхъ, гдѣ она ограничивается одною юридическою внѣшностію правды, я безропотно снесъ бы неуваженіе ваше къ правамъ редактора и писателя, если бы при настоящихъ обстоятельствахъ, весьма грустныхъ для всякаго Русскаго, молчаніе мое не могло быть объяснено опасеніемъ съ моей стороны, что я, дѣйствительно, навлекъ на себя подозрѣніе Правительства въ неблагонамѣренности. Не скрою отъ вашего высокопревосходительства, что я ни на минуту не могъ унизить себя такимъ опасеніемъ, и потому собственно съ покорностію принялъ лаконизмъ вашего непризнанія возможности утвердить меня редакторомъ *Дня.*

„Въ былыя, довольно жестокія, времена, высокая образованность министра Народнаго Просвѣщенія графа Уварова умѣла смягчать всякую рѣзкость времени и избаловала насъ, писателей той поры, учтивостію тона, самому произволу дававшаго видъ законной причины. Образованные люди не могли не исполнять требованій чуть-чуть не азбуки образованности. Даже и не въ такихъ сношеніяхъ, наши съ вами отцы и дѣды, взросшіе на всей безцеремонности крѣпостного права, не позволяли себѣ отказывать въ просьбѣ своему старостѣ, не показавши причины. Даже еще ступенью ниже:

уголовному преступнику не иначе отказывалось въ просьбѣ, какъ съ указаніемъ причинъ отказа. Вашему высокопревосходительству неугодно почтить писателя, необъявленнаго преступникомъ, указаніемъ того, почему онъ лишается права быть дѣятелемъ на томъ или другомъ поприщѣ. Вашему высокопревосходительству угодно показать скорость и необдуманность общей нашей радости о томъ, что будто бы, съ уничтоженіемъ юридическаго существованія крѣпостныхъ отношеній, они уничтожились въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ нашего такъ-называемаго передового общества.

„Глубоко чтя законность, покоряюсь такому, непривычному даже и для насъ, ея проявленію, которое дошло до такой степени простоты, что Цензурный Комитетъ до сихъ поръ не удостоилъ меня, одного изъ просителей, даже объявленія объ отказѣ на мою просьбу. Я узналъ о немъ недавно, и то уже только отъ Аксакова.

„Съ чувствомъ должнаго уваженія къ министру Народнаго Просвѣщенія честь имѣю быть“.

Головнинъ (23 іюля 1862 г.), отвѣчалъ: „Въ письмѣ ко мнѣ вамъ угодно было выразить неудовольствіе за то, что я призналъ невозможнымъ утвердить васъ редакторомъ газеты *День*, и что въ отвѣтѣ моемъ Московскому Цензурному Комитету не указалъ повода такой невозможности. Вслѣдствіе этого имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что я былъ вполнѣ увѣренъ, что вамъ весьма хорошо извѣстны причины, по которымъ я не могъ исполнить ваше желаніе, и я былъ въ правѣ надѣяться, что въ моемъ лаконизмѣ вы оцѣните деликатность и вѣжливость, которыя отстраняли отъ васъ чтеніе непріятнаго офиціальнаго отзыва. Усматривая нынѣ изъ вашего письма, что я, повидимому, ошибался и достигъ совершенно противнаго результата тому, котораго желалъ, имѣю честь увѣдомить, что я не могъ утвердить васъ редакторомъ гезеты *День* по слѣдующимъ причинамъ: Изъ дѣлъ бывшаго Главнаго Управленія Цензуры видно, что, въ 1847 году, состоялось Высочайшее повелѣніе, всѣ со-

ченія ваши представлять въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а не въ обыкновенную Цензуру, и тогда же признано было невозможнымъ разрѣшить вамъ издавать *Русскій Вѣстникъ*, и хотя, въ 1856 году, послѣдовало разрѣшеніе принимать ваши статьи въ обыкновенную Цензуру, а въ 1857-мъ дозволено вамъ издавать *Вѣстникъ Промышленности*, но предсѣдатель Московскаго Цензурнаго Комитета, представляя о желаніи вашемъ издавать газету *День*, въ то же время предварялъ меня, что заносчивый тонъ и вредное направленіе газеты *День* нимало не измѣнятся съ передачей ея вамъ и что это убѣжденіе основано на томъ, что издававшійся вами журналъ *Вѣстникъ Промышленности* постоянно отличался рѣзкостью сужденій и стремленіемъ выставлять существующій порядокъ вещей въ невыгодномъ свѣтѣ". Вслѣдствіе такого отзыва тайнаго совѣтника Щербинина, котораго я глубоко уважаю и къ которому я имѣю полное довѣріе, и притомъ вовсе не имѣя чести знать васъ, я, конечно, поступилъ бы противъ моихъ обязанностей, еслибъ утвердилъ васъ редакторомъ газеты *День*. Въ заключеніе, мнѣ остается сказать, что письмо, которое вамъ было угодно написать мнѣ и которое, по неприличію выраженій, я имѣлъ полное право оставить безъ отвѣта, могло только убѣдить меня въ основательности мнѣнія г. Щербинина".

Чижовъ, оскорбленный такимъ письмомъ, писалъ Головнину: „Послѣ письма вашего высокопревосходительства всякое объясненіе, съ моей стороны, было бы лишнимъ, когда и простое, прямое слово оскорбленнаго человѣка и писателя вамъ кажется *неприличнымъ выраженіемъ*. Всегда заботясь о томъ, чтобы не прибавить ни одной капли въ сосудъ общественнаго недовольства, и безъ того уже наполненный, я, лично, сталъ бы выше оскорбленій и отошелъ бы отъ зла. Но здѣсь уже не дѣло личности: молчаніемъ я согласился бы на законность представляемыхъ вами причинъ, при которой я не могъ бы, по долгу чести, ни оставаться редакторомъ газеты,

ни быть сотрудникомъ другой, которой направленіе вы называете вреднымъ, между тѣмъ, какъ я ему одному служилъ, служу и буду служить на литературномъ моемъ поприщѣ. Поэтому никакъ не желаніе утруждать васъ чтеніемъ длиннаго письма, но долгъ честнаго человѣка заставляетъ меня представить вашему высокопревосходительству не голословныя, а фактическія доказательства несправедливости моихъ обвинителей.

„Вы узнали изъ архива, что, въ 1847 году, мнѣ Высочайше было повелѣно пересылать всѣ сочиненія въ Собственную Его Величества Канцелярію. Не могу позволить себѣ думать, чтобы вы, оставя безъ вниманія сдѣланное мнѣ предложеніе издавать газету, долженствовавшую замѣнить *Парусъ*, основали сужденіе о неблагонадежности редактора на фактѣ, несогласномъ съ такимъ предложеніемъ, не принявъ на себя труда вникнуть въ причину и поводъ. Точно, въ 1847 году, была мнѣ объявлена графомъ А. Ѳ. Орловымъ собственноручная записка Государя Императора, что Его Величество не только одобряетъ, но и раздѣляетъ мои убѣжденія и находитъ мою любовь къ Россіи слишкомъ пылкою, а потому назначаетъ себя мнѣ цензоромъ. Я былъ взятъ на границѣ, по трехгодичнымъ доносамъ Австрійскаго Правительства. Въ Австріи, на полуостровѣ Истріи, мною возстановлена Православная церковь, готовая пасть послѣ долгой борьбы; въ Славянскихъ земляхъ Хорваты и Сербы стекались ко мнѣ толпами и выказывали сильное сочувствіе къ моимъ безуступчиво Русскимъ убѣжденіямъ. Все это казалось и было преступленіемъ въ глазахъ притѣснителей Славянскихъ племенъ; но до вашего письма я не слыхалъ ни разу, чтобы это показалось преступленіемъ хотя одному русскому. Винить ли мнѣ себя за мою недальновидность? Никогда, безъ горькаго опыта, не только не подумалъ бы я самъ, но не повѣрилъ бы никому, что придетъ время, когда въ Россіи быть безусловно и безуступчиво русскимъ сдѣлается едва только не преступленіемъ въ глазахъ министра, по крайней

мѣрѣ, будетъ поводомъ къ заподозрѣнію въ неблагонадежности. Наканунѣ бурнаго 1848 г., грозившаго Австріи разрушеніемъ, не было возможности разрѣшить журналъ, провозглашавшій полное и глубокое сочувствіе къ Славянамъ. Тонкое чувство приличія графа Уварова придало этому отказу такой видъ законности, который отнималъ всякій поводъ къ оскорбленію.

„Архивъ сохранилъ одинъ фактъ, но причины его показали бы, что я всегда былъ самымъ искреннимъ послѣдователемъ и усерднѣйшимъ распространителемъ того направленія, котораго органомъ была газета *День* и которое ваше высокопревосходительство, въ вашемъ письмѣ, офиціально признаете за вредное направленіе.

„Преданная вся безусловно Россіи, газета *День* твердо и безуступчиво стояла за охраненіе коренныхъ основъ Русской жизни отъ всякаго вреднаго и чуждаго ей вліянія. Смѣло произнося свои религіозныя вѣрованія, она не поддѣлывалась подъ ученіе минуты и безъ робости встрѣчала и его нападки, и его глумленія. Это была задушевная исповѣдь заповѣдной Русской жизни: ея начала были коренными началами Русской народности; неизмѣнность ихъ не зависѣла ни отъ случайности, ни отъ моды, ни отъ чьего бы то ни было покровительства. Успѣхъ ея основывался на ея искренности, прямотѣ и чистотѣ ея завѣтныхъ убѣжденій.

„Грустно думать, ваше высокопревосходительство, что въ Россіи истинно Русское направленіе можетъ офиціально считаться вреднымъ, но пріятно каждому, сносящему за него оскорбленія, — и только за него, ибо другого проступка не указали ни вы, ни г. Щербининъ, — пріятно знать, что оно не слабѣетъ при самыхъ сильныхъ, прямыхъ и косвенныхъ нападкахъ на него.

„Насколько достаетъ слабыхъ силъ моихъ, я весь принадлежу и буду принадлежать этому направленію, кто бы и въ какой бы степени ни считалъ его вреднымъ. Понятно, г. тайный совѣтникъ Щербининъ, при своемъ враждебномъ

взглядѣ на все направленіе, находитъ, что мой журналъ отличался стремленіемъ выставлять настоящій порядокъ вещей въ невыгодномъ свѣтѣ. Я не имѣю чести знать г. Щербинина, но когда онъ позволяетъ себѣ обвинять журналъ, невстрѣчавшій порицанія при своемъ существованіи, закрывшійся никакъ не по требованію Правительства, тогда я обязанъ уже не голословно, а фактически доказать, что *Вѣстникъ Промышленности* постоянно выставлялъ во всемъ блескѣ законно жизненный порядокъ, и если былъ враждебенъ, то только одному враждебному Россіи".

Переписка эта произвела впечатлѣніе. „У насъ былъ Деляновъ съ Коссовичемъ",—писала Кохановская Аксакову,—„и какъ я не думала дѣлать тайну изъ письма Чижова, то его прочли громогласно. Оно возымѣло свое дѣйствіе. *Это письмо! Не вкусно было Головнину прочесть его!* сказалъ Деляновъ и взялъ его списать, какъ вещь любопытно историческую въ будущемъ" [286]).

Въ это время, въ Петербургѣ пребывалъ Вѣнскій нашъ протоіерей М. Ѳ. Раевскій, и Аксаковъ просилъ его, чтобы онъ „тамъ, въ Азіятскомъ Департаментѣ, и гдѣ слѣдуетъ, поэнергичнѣе внушалъ, какъ важенъ *День*, издаваемый именно Аксаковымъ".

Наконецъ, 19 октября 1862 года, Аксаковъ извѣщалъ ту же особу: „Государь возвратилъ мнѣ право редакторства" [287]).

LXVII.

„Рамки *Русскаго Вѣстника* и *Современной Лѣтописи* были",—пишетъ Любимовъ,—„тѣсны для политической дѣятельности ихъ издателей. Возникла мысль имѣть въ рукахъ большую ежедневную газету. Обстоятельства благопріятствовали намѣренію" [288]).

Въ 1862 году, Московскій Университетъ рѣшился сдать въ аренду *Московскія Вѣдомости* и Университетскую Типо-

графію. Съ разрѣшенія министра Народнаго Просвѣщенія, Правленіе Университета напечатало въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* публикацію, приглашавшую лицъ, желавшихъ взять въ аренду Университетскую Типографію и *Московскія Вѣдомости*. Послѣднимъ срокомъ пріема заявленій было опредѣлено 4 часа по-полудни 13 сентября 1862 года.

Желающихъ оказалось немало. Въ Правленіе были поданы объявленія: 1) Воропанскаго, 2) гг. Чайковскаго и Рубанова, 3) профессора Лешкова съ товариществомъ, 4) Поссе, 5) Леонтьева и Каткова и 6) Капустина и Бабста.

Въ „товариществѣ“ Лешкова участвовалъ и Погодинъ.

„Лешковъ“,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—*отъ меня давалъ за Вѣдомости шестдесятъ тысячъ рублей серебромъ*“. [289]). Вотъ почему Погодинъ такъ внимательно слѣдилъ за ходомъ торговъ. За это время сохранились двѣ записочки его къ Бодянскому, въ которыхъ читаемъ: (28 августа) „Лешковъ занемогъ; загляните-ка къ нему... переговорите“.

Бодянскій отвѣчаетъ: „За это я не могу браться, по очень простой причинѣ. Да и ненужно, думаю, потому, что въ это дѣло мѣшаться не смѣю и неуполномоченъ никѣмъ. А еслибы и былъ уполномоченъ теперь только, полагаю поздно. И скажу вамъ, что знаю, Катковъ и Капустинъ сильно препираются между собою. Первый, говорятъ, понесъ уже семдесятъ тысячь, что, разумѣется, всѣхъ прочихъ огорошило, и что, безъ сомнѣнія, поставитъ и его въ раздумье, какъ онъ опомнится. Надо имѣть много самоувѣренности и надѣяться на кого-либо тверже скалы, чтобы идти далѣе этого. Говорю, какъ человѣкъ знающій и Типографію, и *Московскія Вѣдомости*“.

(2 сентября) „Говорятъ два соискателя рѣжутъ дружка дружку на торгахъ. Катковъ надбавилъ еще двѣ тысячи, и того семдесятъ двѣ, а Капустинъ—шестдесятъ пять тысячь. Первый съ тѣмъ, что чистоганомъ даетъ сорокъ двѣ тысячи, и всѣ казенныя объявленія, которыхъ до тридцати тысячь въ годъ; второй же—безразлично упомянутое число. По моему, и

то, и другое *невыгодно*, а почему это я знаю, и объявлю, коли до того придется; а не придется, умываю руки. Особливо посулъ Каткова убыточенъ".

Съ своей стороны, Бодянскій (4 сентября) писалъ также и *Лешкову*: „Штука со стороны Каткова *мастерская*. Это совершенство въ своемъ родѣ. Она многихъ подденетъ, зане совершенство въ своемъ родѣ. Но смыслящіе отъ души предадутъ се проклятію и позору. Sapienti sat" [290])!

Какъ бы то ни было, Катковъ и Леонтьевъ, чтобы устранить другихъ конкурентовъ, предложили сумму семдесятъ четыре тысячи и сдѣлались арендаторами Университетской Типографіи и *Московскихъ Вѣдомостей* [291]).

Когда фактъ объ арендованіи уже совершился, управляющій Университетскою Типографіей ординарный профессоръ І. М. Бодянскій представилъ Университетскому Совѣту свое мнѣніе объ *условіяхъ, предлагаемыхъ Московскому Университету желающими взять въ откупное содержаніе Московскія Вѣдомости и Типографію*, въ которомъ читаемъ: „Въ засѣданіи Совѣта Московскаго Университета, 15 сентября 1862 года, читанъ докладъ Коммиссіи, которой поручено было разсмотрѣть условія, заявленныя разными лицами для арендованія *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской Типографіи. При подачѣ голосовъ, чье предложеніе выгоднѣе для Университета, я объявилъ, что всѣ они, по моему убѣжденію, *не представляютъ особенной выгоды*, о чемъ подаю мнѣніе, которое прошу внести въ протоколъ и представить на усмотрѣніе высшаго начальства. Это согласно и съ распоряженіемъ послѣдняго, предписавшаго сдѣлать объявленіе въ *Московскихъ Вѣдомастяхъ*, для предварительнаго дознанія, въ какой степени *возможна и выгодна* предполагаемая отдача газеты и Типографіи въ откупное содержаніе. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду получить данныя, опираясь на которыя, можно бы было сообразить, что̀ будетъ выгоднѣе для Университета: отдать ли за предполагаемое вознагражденіе то и другое въ пользованіе частнаго лица, или же самому Университету при-

ступить къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ устройствѣ оныхъ, вызываемымъ настоятельною необходимостію, въ слѣдствіе требованій времени, основывающихся на повсемѣстномъ движеніи впередъ и совершенствованіи каждаго человѣческаго учрежденія.

„Отдавъ предпочтеніе изъ пяти соискателей по арендованію предложенія одного, тѣмъ самымъ уже послѣдняя мѣра объявлена ложной, т.-е., признано, что предлагаемая откупная сумма выгоднѣе для Университета собственнаго его завѣдыванія газетой и Типографіей, и потому нечего заботиться болѣе о томъ, какъ бы сдѣлать ту и другую, не только не въ убытокъ себѣ, но еще важнымъ постояннымъ доходомъ для удовлетворенія разнообразныхъ нуждъ Университета. Но такъ ли?

„Знакомый коротко по своему мѣсту, съ этимъ учрежденіемъ и, какъ членъ Совѣта, съ потребностями самого Университета, я рѣшился сказать, вопреки всѣмъ сочленамъ своимъ, что ни одно, по моему мнѣнію, изъ заявленныхъ и разсмотрѣнныхъ Коммиссіей предложеній, *особенныхъ выгодъ* для Университета не представляетъ; а только *особенныя выгоды*, или *крайность*, могутъ побудить его на такой опасный шагъ, каково арендованіе вообще, а въ частности, по отношенію къ Университету, испытавшему уже однажды въ своей, свыше вѣковой жизни, благодѣянія отдачи въ откупъ газеты и Типографіи.

„Что подумать объ Университетѣ, если онъ, для увеличенія дохода *десятью тысячами* въ годъ, рѣшается принести въ жертву такое свое учрежденіе? Неужели же, скажутъ ему, дошло дѣло уже до такой неминучей *крайности*, не было у него совершенно никакихъ болѣе *средствъ* достигнуть того безъ такой *ломки*.

„Скажу только слѣдующее: Съ прекращеніемъ *крѣпостной зависимости* рабочихъ Бутырской Слободы, приписанныхъ къ Типографіи Московскаго Университета, прекратится обязанность послѣдняго производить имъ *жалованье*, на правѣ по-

мѣщичьемъ, съ цѣлію обезпеченія себя отъ случайностей вольнонаемнаго труда. Жалованье же это, въ теперешнюю пору, простирается до *десяти тысячъ* руб. сер. въ годъ. Я не говорю уже о подобныхъ сокращеніяхъ по другимъ частямъ Типографіи, прямо вызываемыхъ такимъ естественнымъ преобразованіемъ, таково: помѣщеніе для многихъ изъ рабочихъ и другихъ служащихъ при Типографіи, въ зданіяхъ ея, съ прекращеніемъ котораго значительно уменьшатся расходы по заготовленію топлива, которое съ каждымъ годомъ дорожаетъ и т. п.

„Принятіе *невыгодныхъ* или *маловыгодныхъ* предложеній, можетъ быть либо по *нежеланію* Университета самому завѣдывать своимъ хозяйствомъ, либо же по *неумѣнью* завѣдывать онымъ.

„Противу перваго нечего сказать; здѣсь: stat voluntas pro ratione, или какъ выражается русскій: свое — куда хочу, туда мечу; свой-молъ хлѣбъ пріѣдчивъ, подавай чужое, хоть хуже вдвое! Что до неумѣнья, кто повѣритъ, чтобы между такимъ сонмомъ чади книжной и мудрой, гдѣ другихъ еще учатъ домоводству, не нашлось лица, разумѣющаго дѣло книжное и его тисненіе, веденіе, какъ и управленіе, равно какъ способнаго завѣдывать дѣломъ газетнымъ?

„Откуда же, по большей части редакторы повременныхъ изданій обѣихъ столицъ, какъ не изъ университетовъ? Вся задача въ умѣньѣ выбрать, доставить возможность къ дѣятельности и вознаградить за трудъ, но такъ, чтобы интересы обѣихъ сторонъ, скрещиваясь, направлены были къ одной цѣли. Кто бы что ни говорилъ, но если, съ одной стороны, предложеніе откупной суммы свыше *шестидесяти тысячъ* за Университетскую газету и Типографію признается *маловыгоднымъ*, а съ другой, предлагается даже за *семдесятъ тысячъ*, то понятно, что такого управленія нельзя еще назвать дурнымъ, поставленнымъ въ необходимость прибѣгнуть къ арендѣ или же закрыть ввѣренное ему управленіе. Стало быть, увѣреніе Коммиссіи, что учрежденіе это приноситъ

Университету одинъ лишь *убытокъ*, принадлежитъ къ міру чистыхъ недоразумѣній. За то, что такъ убыточно, не сулятъ такихъ денегъ, да и сами бы мы поменьше запросили.

Я очень хорошо понимаю и *вижу*, что все направлено на аренду; но, буде она уже неизбѣжна, да совершится же этотъ переворотъ при условіяхъ, какъ можно *менѣе невыгодныхъ* для Московскаго Университета! Есть событія въ жизни нѣкоторыхъ лицъ и даже цѣлыхъ обществъ, *повтореніе* которыхъ, по волѣ Промысла, для извѣстныхъ одному лишь ему цѣлей, необходимо бываетъ время отъ времени".

LXVIII.

Получивъ въ свои руки Университетскую Типографію и *Московскія Вѣдомости*, Катковъ, 26 сентября 1862 года, обратился къ министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину съ слѣдующимъ письмомъ:

„Въ февралѣ нынѣшняго года, когда я имѣлъ честь быть у васъ, вы обѣщали мнѣ исходатайствовать право на изданіе ежедневной газеты. Въ настоящее время, по случаю рѣшенія Московскаго Университета передать изданіе принадлежащей ему газеты въ частныя руки, я, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ П. М. Леонтьевымъ, получаю эту возможность расширить кругъ нашей дѣятельности. Мы приняли участіе въ торгахъ, и послѣднее слово осталось за нами. Съ пріобрѣтеніемъ ежедневной газеты, мы прекратимъ изданіе еженедѣльной, и нашу *Современную Лѣтопись* сольемъ съ *Московскими Вѣдомостями*, такъ что отъ *Русскаго Вѣстника* останутся только его ежемѣсячныя книжки. Но успѣхъ нашего предпріятія будетъ зависѣть отъ возможно скорѣйшаго рѣшенія со стороны вашего превосходительства; потому что время объявленій объ изданіи журналовъ въ будущемъ году уже давно наступило, а не имѣя окончательнаго рѣшенія Правительства, мы не можемъ сказать публикѣ ничего опредѣленнаго, ни объ изданіи *Русскаго Вѣстника*, ни *Московскихъ Вѣдомостей*.

Надѣясь на доброе расположенiе вашего превосходительства къ намъ, мы осмѣливаемся просить васъ о благовременномъ утвержденiи университетскаго опредѣленiя и о разрѣшенiи намъ объявить съ полною опредѣленностью о перемѣнахъ, имѣющихъ произойти въ изданiи *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*,—перемѣнахъ, о которыхъ публика была извѣщена лишь предположительно. Въ случаѣ какихъ либо затрудненiй и недоразумѣнiй, я беру смѣлость просить васъ, дать мнѣ знать о томъ по телеграфу, чтобы который нибудь изъ насъ могъ немедленно явиться въ Петербургъ, для личныхъ объясненiй.

„Что же касается до замѣчанiй, сдѣланныхъ г. помощникомъ попечителя, то нѣкоторыя изъ нихъ уже разъяснены и выговорены въ проектѣ контракта, а на другiя будемъ мы согласны безпрекословно.

„Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы припомнить о полученномъ вами подложномъ письмѣ. Если вы не считаете нужнымъ давать какой нибудь ходъ этому дѣлу, то я могу только согласиться съ вами, тѣмъ болѣе, что мнѣ неизвѣстны въ точности ни сила, ни значенiе этого письма. Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ извинить можетъ быть слишкомъ горячiй тонъ моего письма по этому поводу. Многiя недостойныя продѣлки, не разъ испытанныя нами со стороны нашихъ, такъ называемыхъ, прогрессистовъ, съ которыми такъ часто приходится намъ сталкиваться въ Литературѣ, заставили меня приписать и эту странную выходку тому же источнику, и мнѣ казалось, что публикѣ было бы не худо знать объ этомъ.

„Приношу вамъ мою глубочайшую благодарность за обѣщанiе доставить мнѣ экземпляръ трудовъ Коммиссiи по дѣламъ печати съ вашими замѣчанiями на нихъ. Я воспользуюсь вашимъ дозволенiемъ, и съ полною откровенностью выскажу вамъ свое мнѣнiе, не имѣя ничего другого въ виду, кромѣ общаго интереса и при томъ не одной Литературы, а цѣлаго общества и самого Правительства. Смѣю надѣяться,

что раскрывая передъ вами нашъ образъ мыслей, мы не ослабимъ, а укрѣпимъ изъявленное вами довѣріе къ намъ".

Изъ этого письма видно, что свиданіе Каткова съ А. В. Головнинымъ состоялось *въ февралѣ* 1862 года, и что изъ этого свиданія Катковъ вынесъ весьма пріятное впечатлѣніе.

Между тѣмъ, покойный непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, К. С. Веселевскій, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, писалъ: „Прошло нѣсколько дней (по заключеніи контракта Академіи Наукъ съ Коршемъ, *28 апрѣля* 1862 г.), вдругъ, графъ Блудовъ потребовалъ меня къ себѣ. Когда я явился, онъ сказалъ мнѣ: Вотъ, Катковъ пріѣхалъ изъ Москвы, зашелъ къ Антонинѣ, которая проситъ отдать ему *Петербургскія Вѣдомости*. Я этого сдѣлать не могу, такъ какъ я уже далъ слово Коршу; но я готовъ доставить ему вознагражденіе въ иномъ видѣ: повидайтесь съ нимъ и предложите ему, не хочетъ ли онъ взяться издавать отъ имени Академіи ученый журналъ въ родѣ Парижскаго, при чемъ мы бы могли предоставить ему нужныя средства. А между тѣмъ, онъ незнакомъ министру Народнаго Просвѣщенія и желаетъ быть ему представленнымъ. Вы хорошо знакомы съ А. В. Головнинымъ: такъ съѣздите къ нему съ Катковымъ и представьте его министру. Такъ и было сдѣлано. Я заѣхалъ за Катковымъ въ гостинницу, въ которой онъ остановился, и привезъ его къ Головнину, который жилъ тогда на Гагаринской пристани. Представленіе было не длинное и ограничилось обычнымъ въ этихъ случаяхъ обмѣномъ фразъ. Головнинъ, который, съ близкими ему людьми и въ интимномъ кругу всегда былъ привѣтливъ и утонченно-любезенъ, почему-то, когда говорилъ, какъ министръ, съ людьми мало ему знакомыми, старался принимать на себя видъ какой-то напускной важности, которая мало шла къ его внѣшности. Этимъ ли, или чѣмъ другимъ, только на Каткова произвелъ онъ впечатлѣніе невыгодное. Когда мы вышли отъ министра, Катковъ тутъ же коротко сказалъ мнѣ: *а не нравится мнѣ вашъ Головнинъ*".

Между тѣмъ, Головнинъ, черезъ два дня по полученіи

письма отъ Каткова (отъ 26 сентября 1862 года), вошелъ съ нижеслѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ:

„Управляющій Московскимъ Учебнымъ Округомъ представилъ мнѣ распоряженіе Московскаго Университета о передачѣ въ арендное содержаніе *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской Типографіи, первыхъ на шесть, а послѣдней на двѣнадцать лѣтъ, за семьдесятъ четыре тысячи рублей въ годъ, статскому совѣтнику Каткову и профессору Леонтьеву, извѣстные какъ весьма благонамѣренные редакторы лучшаго изъ нашихъ журналовъ *Русскаго Вѣстника*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣются другія лица, которыя предлагаютъ Московскому Университету болѣе выгодныя въ денежномъ отношеніи условія, но я полагаю, что въ подобномъ случаѣ *Министерство Народнаго Просвѣщенія не можетъ руководствоваться только денежными расчетами, а должно преимущественно обращать вниманіе на благонамѣренность лицъ, которымъ передается въ аренду газета* *). Принимая во вниманіе, что въ началѣ нынѣшняго года, съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, было предоставлено президенту Императорской Академіи Наукъ право отдавать въ аренду *С.-Петербургскія Вѣдомости*, и что на дняхъ отправляется въ Москву товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія тайный совѣтникъ баронъ Николаи, который можетъ непосредственно войти въ разсмотрѣніе всѣхъ условій арендной передачи,—имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества передать Типографію Московскаго Университета и *Московскія Вѣдомости* въ арендное содержаніе преимущественно г.г. Каткову и Леонтьеву, и предоставить барону Николаи утвердить на мѣстѣ, въ Москвѣ, всѣ распоряженія и условія, которыя будутъ признаны нужными для соблюденія пользы Московскаго Университета. Я признаю это тѣмъ

---

*) При этихъ словахъ Государь начерталъ: *Весьма справедливо. Н. Б.*

болѣе нужнымъ, что попечитель Московскаго Округа находится за границей и что дѣло передачи *Московскихъ Вѣдомостей* не терпитъ отлагательства, по случаю наступившаго времени открытія подписки на журналы и газеты на будущій годъ".

Наконецъ, въ концѣ 1862 года, появилось въ газетахъ и журналахъ объявленіе объ изданіи *Московскихъ Вѣдомостей* на новыхъ условіяхъ:

„Общественное мнѣніе стало въ нашемъ Отечествѣ безпорною силою. Вліяніе его оказывается на всемъ; вездѣ оно присутствуетъ и дѣйствуетъ. Съ его усиленіемъ возросло значеніе печати, тѣмъ болѣе что у насъ она служитъ почти единственнымъ органомъ заявленія общественныхъ интересовъ. А потому одна изъ самыхъ главныхъ потребностей нашихъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы наша печать своими способами соотвѣтствовала этому новому положенію, въ которомъ она неожиданно очутилась. При томъ безостановочномъ движеніи, которое обнаруживается повсюду, при этомъ множествѣ возникающихъ вопросовъ и затронутыхъ интересовъ, при этомъ богатствѣ событій, сообщающихъ каждому проходящему дню отличительную физіономію, безпрерывно возростаетъ значеніе ежедневной печати, которая одна лишь можетъ поспѣвать за быстротою этого движенія и овладѣвать его полнотою и разнообразіемъ.

„До послѣдняго времени изданія ежедневныхъ газетъ было строгой монополіей, и нельзя не порадоваться, что монополія эта наконецъ прекратилась. Но было бы странно, еслибы посреди безпрерывно возникающихъ новыхъ изданій, давніе органы не пріобрѣтали новаго значенія и не возрастали въ своей силѣ. Было бы странно оставлять въ небреженіи существующія силы, и не вполнѣ воспользовавшись ими, начинать новое, которое только тогда бываетъ дѣйствительно необходимымъ, когда старое, при полномъ развитіи, оказывается недостаточнымъ.

„Столѣтняя газета составляющая собственность Москов-

скаго Университета, съ прекращеніемъ монополіи, не лишается своей силы, какъ не теряетъ она своей экономической цѣнности для Университета. Къ тому же, по устраненіи всѣхъ исключительныхъ привилегій, которыми она пользовалась, за нею осталось одно весьма важное преимущество, которое и не можетъ быть у ней отнято. Это преимущество состоитъ въ обязательной силѣ помѣщаемыхъ въ ней официальныхъ объявленій, потому что только то объявленіе считается законно обнародованнымъ, которое напечатано въ *Московскихъ* или въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Благодаря этому обстоятельству, равно какъ и давности изданія, *Московскія Вѣдомости* пустили глубокіе корни въ публикѣ, и при всѣхъ превратностяхъ въ своей редакціи, всегда имѣли болѣе или менѣе обширный кругъ читателей, никогда не измѣнявшихъ имъ, какъ бы ни было неудовлетворительно ихъ изданіе.

„Но пока изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* шло казеннымъ порядкомъ, оно не могло быть вполнѣ удивлетворительно ни для публики, ни для самого Университета.

„Оставаясь, какъ политическій и литературный органъ, далеко позади своего назначенія, *Московскія Вѣдомости* не доставляли Университету всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя могли бы доставлять, находясь въ рукахъ вполнѣ отвѣтственнаго передъ публикой издателя, въ рукахъ, имѣющихъ возможность распоряжаться ими какъ своею собственностью.

„По опредѣленію Университетскаго совѣта, утвержденному Правительствомъ, изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* поступаетъ съ будущаго года (1863 г.) въ руки нижеподписавшихся, которые употребятъ всѣ остающіяся въ ихъ распоряженіи средства для того, чтобы возвысить интересъ и значеніе этой старой Московской газеты, родоначальницы нашей политической печати, что, въ настоящее время, будетъ конечно дѣломъ нелишнимъ. Нижеподписавшіеся поставлены внѣ необходимости рекомендовать себя публикѣ. Одинъ изъ нихъ уже завѣдывалъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, и хотя онъ

располагалъ ничтожными средствами (на всѣ издержки, Редакціи отпускалось тогда лишь три тысячи р. сер.), но ему удалось придать этому изданію значеніе, соотвѣтствовавшее желаніямъ публики, что и оказалось въ увеличеніи числа подписчиковъ вдвое противъ прежняго. Еще болѣе извѣстны публикѣ нижеподписавшіеся по изданію *Русскаго Вѣстника* и *Современной Лѣтописи.* Эти изданія пользуются непрерывнымъ успѣхомъ, такъ что при отсутствіи всякихъ привилегій, при многихъ встрѣчавшихся имъ затрудненіяхъ, они по числу постоянныхъ подписчиковъ не многимъ уступаютъ нынѣшнимъ *Московскимъ Вѣдомостямъ.*

„Образъ мыслей и дѣятельность Редакціи *Русскаго Вѣстника,* достаточно знакомы публикѣ и публика сама можетъ судить, въ какой мѣрѣ новая Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* будетъ удовлетворять ея потребностямъ. Нижеподписавшіеся не хотятъ возбуждать преувеличенныхъ ожиданій; они довольствуются предъявленіемъ тѣхъ залоговъ, которые заключаются въ ихъ прежней общественной дѣятельности. Ежедневная газета только расширитъ сферу ихъ дѣятельности, только откроетъ имъ новые пути и дастъ имъ способъ еще въ большей мѣрѣ быть тѣмъ, чѣмъ они были доселѣ.

„Какъ при изданіи *Русскаго Вѣстника,* такъ и теперь, при открывающемся новомъ изданіи *Московскихъ Вѣдомостей,* свое главное назначеніе полагаютъ они въ томъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно служить общественному мнѣнію, доставляя ему всѣ нужныя свѣдѣнія, возбуждая его энергію и способствуя правильности его сужденій. Затѣмъ, они не имѣютъ ни какихъ постороннихъ цѣлей, никакихъ затаенныхъ тенденцій; они не связаны ни съ какимъ кружкомъ, ни съ какою партіею и въ общественномъ дѣлѣ дорожатъ болѣе всего независимостію своихъ воззрѣній и своего слова“.

Такимъ образомъ, Каткову, по замѣчанію того же К. С. Веселовскаго, удалось „создать силою своего таланта, органъ печати небывалаго до того времени значенія. Въ немъ онъ

явился систематическимъ и сильнымъ противникомъ Головнина" [292]).

LXIX.

„Не легко было Каткову и Леонтьеву",—свидѣтельствуетъ Н. А. Любимовъ,—„приступить къ печатанію *Московскихъ Вѣдомостей* въ новыхъ условіяхъ. Завѣдывавшій Университетскою Типографіею профессоръ І. М. Бодянскій, почтенный ученый, но человѣкъ, въ личныхъ сношеніяхъ, не особенно покладистый, объявилъ, что не позволитъ новымъ арендаторамъ шагу сдѣлать въ Типографіи ранѣе наступленія срока аренды и отворилъ для нихъ ворота Типографіи лишь въ полночь 1 января 1863 года" [293]).

Имѣется и другое свидѣтельство очевидца сдачи Университетской Типографіи. Бывшій секретарь Редакціи *Русскаго Вѣстника* Ардальонъ Васильевичъ Зименко предоставилъ въ мое распоряженіе нижеслѣдующій отрывокъ изъ своихъ Записокъ:

„Въ Декабрѣ 1862 года, я возвратился въ Москву изъ Калужской губерніи, гдѣ прожилъ около полугода. Тихая, уединенная жизнь, чуждая житейскихъ заботъ и треволненій, сдѣлала меня апатичнымъ ко всему окружающему меня міру; политикой я не интересовался; событія, совершавшіяся въ Отечествѣ нашемъ, меня не занимали, такъ что я оставался въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Все развлеченіе мое составляли охота съ ружьемъ и уженье. Впрочемъ, бывали часы, когда для освѣженья ума и сердца я перечитывалъ переводные романы Дюма и Поля Феваля, или разрозненныя книжки журналовъ пятидесятыхъ годовъ, случайно сохранившіяся въ запыленномъ шкафѣ моего пустыннаго обиталища. Но вотъ, наступилъ конецъ моего добровольнаго отчужденія отъ свѣта, моей затворнической жизни, какую велъ я въ эти шесть мѣсяцевъ. Снова очутился я въ Москвѣ, въ центрѣ движенья и жизни, въ кругу

дорогихъ и милыхъ мнѣ лицъ, недоумѣвавшихъ, что со мною стало, живъ ли я и куда исчезъ, такъ какъ, во все время моего пребыванія въ деревнѣ, по разнымъ причинамъ, я ни съ кѣмъ не переписывался и, стало быть, ни я о моихъ друзьяхъ, ни они обо мнѣ не имѣли никакихъ извѣстій.

„Сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе узнать новости, занимавшія тогда Московскій міръ, я, немедленно по пріѣздѣ въ Москву, отправился къ моему короткому пріятелю Григорію Павловичу Ѳедченко *), который, вращаясь постоянно въ литературномъ кругу, зналъ, чѣмъ въ данное время интересуется общество и какіе вопросы составляютъ предметъ его толковъ и сужденій. Къ нему-то я и поспѣшилъ явиться, въ полной увѣренности, что онъ удовлетворитъ мое любопытство.

— „Здравствуй, сказалъ онъ, съ обычнымъ радушіемъ пожимая мнѣ руку. Здравствуй! Что тебя давно не видать нигдѣ! Я все собирался провѣдать тебя, да, признаться, некогда... лекціи.. а главное, статья, которою я сильно занятъ и спѣшу кончить ее для *Русскаго Вѣстника*.

„И хорошо сдѣлалъ, что не провѣдалъ: меня не было въ Москвѣ.

— „А, вотъ оно что... такъ ты значитъ ничего и не знаешь, что здѣсь творится.

„Ничего не знаю... разскажи, сдѣлай милость.

— „Разскажу... Курьезную штуку разскажу. Нашъ Осипъ

*) Г. П. Ѳедченко (писавшій свою фамилію обыкновенно чрезъ *Ѳ*) — родной дядя мой, старшій братъ моего покойнаго отца; Г. П. Ѳедченко, окончивъ курсъ въ Казанскомъ Университетѣ, по Камеральному Факультету, много работалъ въ лучшихъ заграничныхъ лабораторіяхъ (по Технологіи и Химіи) и былъ профессоромъ Техническаго Училища въ Москвѣ. Скончался (тридцати двухъ лѣтъ) въ іюнѣ 1866 года. Основной чертой характера Г. П. Ѳедченко была чрезвычайная энергія и большая настойчивость въ достиженіи поставленныхъ цѣлей, результатомъ чего явилось переутомленіе и болѣзнь. Съ отцомъ моимъ Г. П. Ѳедченко былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ; послѣ смерти ихъ отца, Г. П. Ѳедченко пришлось взять на себя всѣ заботы о семьѣ. Б. Федченко.

Михайловское
7 сентября 1903 года.

Максимовичъ такія колѣна выкидываетъ, что чудеса, да и только. Вчера на вечерѣ у Михаила Петровича Погодина не мало дивились необычайной стойкости, энергіи и твердости его характера. . . . . Говорили, что онъ, *аки левъ рыкающій*, разъяренъ необычайно... архи-хохломъ его называли: до такой степени онъ сталъ упрямъ и настойчивъ.

„Но постой, ради Бога. О какомъ Осипѣ Максимовичѣ ты говоришь? Да и кому интересно знать, какой у него характеръ, упрямъ онъ или нѣтъ!.. Ты говори толкомъ.

— „Ахъ, да... Вѣдь я все забываю, что ты еще ничего не знаешь. Я говорю объ Осипѣ Максимовичѣ Бодянскомъ.

„Что же такое онъ сдѣлалъ?

— „Курьезныя, мой другъ, штуки выкидываетъ онъ теперь.... потѣха да и только.

„Мнѣ кажется, Осипъ Максимовичъ слишкомъ серьезный человѣкъ и едва ли можетъ изображать изъ себя субъекта, способнаго на курьезныя штуки.

— „Ты прежде выслушай, а потомъ уже и суди и говори. Дѣло вотъ въ чемъ. Михаилъ Никифоровичъ Катковъ взялъ Университетскую Типографію и *Московскія Вѣдомости* въ арендное содержаніе. Кажется, на прошедшей недѣлѣ имъ уже заключенъ съ Университетскимъ Правленіемъ контрактъ, въ силу коего, съ 1 января 1863 года, и Типографія, и *Московскія Вѣдомости* поступаютъ въ полное его распоряженіе. Сегодня у насъ 21 число. Михаилу Никифоровичу, разумѣется, хочется скорѣе перебраться въ свое новое помѣщеніе, дабы привести въ ясность дѣла прежней Редакціи, открыть подписку на газету и выпустить первый нумеръ газеты непремѣнно 1-го января. Желаніе, кажется, естественное и законное. Но, увы, осуществленіе желанія Михаила Никифоровича встрѣтило неожиданныя и непреодолимыя препятствія въ лицѣ Осипа Максимовича Бодянскаго. Въ качествѣ управляющаго Университетскою Типографіею и завѣдующаго хозяйственною частью по изданію газеты, онъ

не хочетъ сдавать дѣлъ теперь, и говоритъ, что сдастъ ихъ новой Редакціи не ранѣе 12 часовъ ночи 31 декабря сего года. Ни просьбы, ни убѣжденія Каткова не дѣйствовали на Осипа Максимовича; онъ уперся на одномъ: Я привыкъ де исполнять свои обязанности свято. Мои обязанности относительно Типографіи и газеты кончаются 1 января, а потому ранѣе этого времеин я дѣлъ не передамъ. Это мое послѣднее слово.

„Неужели же и Павелъ Михайловичь Леонтьевъ не могъ поколебать его упорства? Вѣдь онъ, помнится мнѣ, былъ всегда съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

— „Даже и Павелъ Михайловичь, воскликнулъ Ѳедченко, разводя руками. Битый часъ онъ толковалъ съ нимъ, и все напрасно. Вѣдь ты знаешь необычайное терпѣніе и сдержанность Павла Михайловича... Ну, такъ представь себѣ, что Осипъ Максимовичь даже и его съумѣлъ вывести изъ терпѣнія... По крайней мѣрѣ, послѣ свиданія съ Бодянскимъ, онъ былъ очень взволнованъ и разстроенъ... Такъ вотъ каковъ нашъ Осипъ Максимовичь!

„Но чѣмъ объясняютъ этотъ дикій поступокъ? Можетъ быть, у него вышла какая-нибудь размолвка съ Катковымъ. По крайней мѣрѣ, въ бытность мою (Земенко) секретаремъ *Русскаго Вѣстника*, мнѣ не разъ отъ имени Редакціи приходилось по нѣкоторымъ вопросамъ объясняться съ Осипомъ Максимовичемъ, и онъ всегда любезно исполнялъ желанія Михаила Никифоровича. Что же такое случилось теперь?

— „Какъ ты не понимаешь самой простой вещи, проговорилъ Ѳедченко, приподнимая плечи и вопросительно смотря на меня черезъ очки, — вѣдь онъ былъ полнымъ хозяиномъ Типографіи, гдѣ, кромѣ газеты, печатается много других изданій. Къ тому же онъ имѣлъ казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и разное другое, что̀ теперь ускользаетъ изъ его крѣпкой десницы. Все это вѣдь досадно; ну, онъ теперь и рычитъ и старается всѣми силами напакостить виновникамъ его перемѣны въ жизни.

„Да, значитъ, у новой Редакціи теперь хлопотъ, какъ говорится, полонъ ротъ.

— „Да, таки много. А вотъ что ты скажи мнѣ, ты теперь свободенъ?

„Совершенно свободенъ и хотѣлось бы снова пристроиться въ Редакцію, къ Михаилу Никифоровичу.

— „Зачѣмъ же дѣло стало. Побывай у него, тѣмъ болѣе, что какъ-то на дняхъ онъ спрашивалъ о тебѣ.

„Очень радъ. Завтра же явлюсь къ нему.

— „Отправляйся, отправляйся... тѣмъ болѣе ты вѣдь такой восторженный почитатель Каткова. Вѣдь не даромъ же прозвали тебя Катковщиной.

„Что-жъ. Я горжусь этимъ прозвищемъ.

„На другой день я отправился къ Михаилу Никифоровичу.

— „Очень радъ, что вы пріѣхали, сказалъ Катковъ. Вы намъ теперь очень нужны, а потому прошу васъ немедленно заняться дѣлами Редакціи, какъ по *Русскому Вѣстнику*, такъ и *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Поѣзжайте на прежнюю квартиру нашу и распорядитесь перевозкой сюда всѣхъ дѣлъ и бумагъ. Но до этого я попросилъ бы васъ повидаться съ Бодянскимъ и переговорить съ нимъ о выдачѣ намъ хоть только тѣхъ дѣлъ, которыя касаются собственно изданія газеты, т.-е. подписки, перемѣны адресовъ и проч. Авось, вы будете счастливѣе насъ съ Павломъ Михайловичемъ. Вѣроятно, вы слышали, какъ онъ стѣсняетъ насъ?

„Да, Ѳедченко мнѣ разсказывалъ и даже довольно подробно.

— „Да, онъ знаетъ объ этомъ дѣлѣ... Стало быть, мнѣ вамъ объяснять нечего.

„Я всталъ и откланялся Михаилу Никифоровичу.

„Такъ какъ Бодянскій еще не оставлялъ занимаемаго имъ помѣщенія въ домѣ Университетской Типографіи (хотя всѣ вещи его уже были перевезены на другую наемную квартиру), то мнѣ стоило только перейдти дворъ, чтобы достигнуть его апартамента. Съ трепетомъ, поминая *Царя Давида*

и всю кротость его, я переступилъ порогъ его опустѣлой квартиры. Во всѣхъ комнатахъ двери были растворены настежь. Въ кабинетѣ, гдѣ онъ принялъ меня, стояла кушетка съ двумя подушками (изъ коихъ одна вышитая гарусомъ), большое, въ родѣ Вольтеровскаго, кресло, въ которомъ возсѣдалъ самъ хозяинъ, небольшой письменный столъ съ находящимся на немъ зеркаломъ, бумагами и какою-то толстою въ старомъ кожаномъ переплетѣ книгою. У стѣны стояли два стула — вотъ и все убранство его кабинета. Въ сосѣдней комнатѣ, въ широко-растворенную дверь, я запримѣтилъ большой, простой, деревянный столъ, заваленный связками конторскихъ книгъ, кипами бумагъ и проч. Это-то и были тѣ дѣла и документы, которые подлежали передачѣ новой Редакціи и о которыхъ шли и велись такіе оживленные переговоры".

Вотъ какой разговоръ произошелъ между Бодянскимъ и Зименко:

Бодянскій: „Милости прошу садиться. Чѣмъ могу служить вамъ"?

Зименко: „Я къ вамъ, Іосифъ Максимовичь (онъ не любилъ, когда его называли Осипъ), по порученію Михаила Никифоровича Каткова".

Бодянскій: „Это на счетъ чего же? спросилъ онъ, нахмуривъ брови".

Зименко: „Просить, чтобы вы были такъ добры, распорядились теперь же передачею всѣхъ дѣлъ новой Редакціи... Дальнѣйшая задержка можетъ повліять на выходъ газеты вовремя, а это въ свою очередь неблагопріятно отразится на подпискѣ. Михаилу Никифоровичу желательно выпустить первый номеръ 1-го января, а это почти невозможно, если вы не передадите намъ дѣлъ и"...

Бодянскій: „Ну, такъ что-жъ такое, если газета и не выйдетъ 1-го числа"?

Зименко: „Да, это ваше мнѣніе; но публика судитъ иначе... Ей никакого дѣла нѣтъ до причинъ, замедлявшихъ выходъ газеты; она вправѣ требовать и требуетъ, чтобы"...

Бодянскій: „Полноте, я самъ очень хорошо знаю всѣ эти исторіи... Все это одни пустыя слова... Но все равно, я ни для кого и ни за что не отступлю отъ своихъ правилъ. Чего я не могу сдѣлать, того не сдѣлаю; долгъ, обязанности службы для меня выше всего... По крайней мѣрѣ, въ моей жизни, я ни для дружбы, ни для родства или кумовства, отъ своихъ правилъ не отступалъ, тѣмъ паче въ ущербъ казеннымъ интересамъ".

Зименко: „Помилуйте, какимъ же образомъ могутъ тутъ страдать казенные интересы! Они здѣсь ни причемъ. Если отъ вашего нежеланія передать намъ поскорѣе дѣла и пострадаютъ интересы, то вовсе не казны, а Михаила Никифоровича, да, пожалуй, и самихъ подписчиковъ. Согласитесь, что для Редакціи не совсѣмъ пріятно на первыхъ же порахъ зарекомендовать себя неаккуратнымъ исполненіемъ принятыхъ ею на себя обязательствъ".

Бодянскій: „Все это такъ, а я не могу, положительно не могу... Я привыкъ слово свое считать для себя закономъ. Я увѣренъ, что Михаилъ Никифоровичъ на моемъ мѣстѣ поступилъ бы также: въ угоду другимъ, онъ тоже не уклонился бы отъ исполненія своихъ обязанностей".

Зименко: „Совершенно вѣрно, что въ угоду другимъ Михаилъ Никофоровичъ не уклонится отъ своихъ обязанностей. Но взглядъ на обязанности бываетъ не у всѣхъ одинаковъ. Такъ, напримѣръ, то, что вы считаете исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ, да и не онъ одинъ, а всѣ благомыслящіе люди, считаютъ вздоромъ, а настойчивость, съ какою вы преслѣдуете вашъ принципъ—называютъ прижимкою, т.-е., желаніемъ сдѣлатъ все непріятное почтеннымъ редакторамъ *Московскихъ Вѣдомостей*".

Бодянскій: „А вы слишкомъ молоды, чтобы говорить мнѣ такія вещи и учить меня... Я давно ученъ, да и другихъ учу... Передайте г-ну Каткову, что, какъ я сказалъ, такъ и сдѣлаю. Ранѣе назначеннаго мною времени я отсюда не уѣду и дѣлъ раньше тоже не передамъ. Такъ и скажите".

„Онъ всталъ; я послѣдовалъ его примѣру. Онъ весьма сухо поклонился мнѣ и мы разстались.

„Я тотчасъ же передалъ печальный результатъ моего свиданія съ Бодянскимъ.

„Дѣлать нечего, будемъ ждать... проговорилъ Катковъ, послѣ минутнаго молчанія. Займитесь же теперь, о чемъ я просилъ васъ. Когда перевезете сюда дѣла, которыя остались на прежней квартирѣ, займитесь пріемомъ подписки; если не справитесь одни, пригласите кого нибудь изъ корректоровъ.

„Вечеромъ того же дня мы принялись за работу. Масса подписчиковъ осаждала Контору вплоть до 11 часовъ ночи. По закрытіи подписки, мы работали всю ночь, вписывая въ книгу адресы, провѣряя деньги и проч., при чемъ многія жалобы и вопросы подписчиковъ оставлялись неудовлетворенными и неразъясненными, за неимѣніемъ для провѣрки ихъ книгъ и документовъ, находившихся у Бодянскаго.

„Наконецъ, наступилъ желанный нами срокъ. Ровно въ 12 часовъ ночи, 31 декабря 1862 года, старшій корректоръ объявилъ намъ, что г. Бодянскій выѣхалъ изъ квартиры, и что книги и документы находятся въ комнатѣ, запертой на ключъ, который тутъ же и былъ врученъ Павлу Михайловичу Леонтьеву.

„Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ передрягъ было то, что, не смотря на всѣ усилія и хлопоты, первый нумеръ *Московскихъ Вѣдомостей* 1863 года, вышелъ только 2 января, около полудня, къ немалому неудовольствію и ропоту подписчиковъ, съ ранняго утра осаждавшихъ Контору Редакціи съ требованіемъ газеты.

„Иногороднымъ подписчикамъ *Московскія Вѣдомости* разосланы были лишь на другой день“.

Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 1 февраля 1863 года, записалъ: „Бодянскій смѣшалъ въ Типографіи всѣ буквы.— Каково“!

Самъ Катковъ писалъ: „Трудно начинать новое дѣло, но

еще труднѣе вновь начинать старое, особенно при тѣхъ обстоятельствахъ, съ которыми соединилась передача Университетской Типографіи и *Московскихъ Вѣдомостей*... Ко множеству столкновеній и препятствій—присоединились и разнаго рода случайныя затрудненія, о которыхъ читатели могутъ составить себѣ нѣкоторое понятіе, если сообразятъ, что̀ значитъ старое насиженное казенное гнѣздо. Надобно, впрочемъ, отдать справедливость бывшей администраціи Университетской Типографіи относительно точности: она не прежде предоставила типографскія зданія въ распоряженіе новыхъ содержателей, какъ предъ самымъ началомъ новаго года, почти въ 12 часовъ, съ 31 декабря по 1 января. И теперь еще, какъ всѣ типографскія зданія, такъ и самая рабочая палата представляютъ хаосъ, изъ котораго можно выбираться только съ чрезмѣрными усиліями" [294]).

LXX.

25 января 1862 года, президентъ Академіи Наукъ графъ Д. Н. Блудовъ писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Имѣя въ виду, съ одной стороны, придать *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* бо̀льшее достоинство, соотвѣтственное современному движенію Литературы, съ другой же, чрезъ улучшеніе внутренняго содержанія газеты способствовать, по возможности, и увеличенію дохода, извлекаемаго изъ нея, Академія старалась пріискать лицо, которое, по своей опытности въ семъ дѣлѣ, а также и по своей благонамѣренности, представляло бы нравственныя ручательства въ успѣхѣ, и обратила вниманіе на коллежскаго ассесора Корша, который, будучи въ теченіе шести лѣтъ редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей*, доказалъ уже свои способности на этомъ поприщѣ. По сдѣланному о томъ предложенію, Коршъ соглашается принять на себя редакцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ онѣ были доселѣ отдаваемы, съ Высочайшаго соизволенія, въ аренду, и при чемъ предла-

гаетъ Академіи бо̀льшую противъ прежняго плату: вмѣсто тринадцати тысячь р., за пять тысячь подписчиковъ,—пятнадцать тысячь р., а за число подписчиковъ свыше пяти тысячь обязывается внести, вмѣсто одного рубля, какъ было до сего, по рублю пятидесяти копеекъ".

Бывшій тогда непремѣннымъ секретаремъ Академіи К. С. Веселовскій, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о новой Исторіи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*.

„Ранѣе 1863 года",—писалъ Веселовскій,—*С.-Петербургскія Вѣдомости* выходили въ свѣтъ, въ теченіе болѣе двадцати пяти лѣтъ, подъ редакціею Очкина. Амплій Николаевичь Очкинъ, человѣкъ въ высшей степени честный и благородный, не отличался талантливостью. Отъ него не осталось ни одного самостоятельнаго литературнаго труда, если не считать множество переводовъ, которыми онъ наполнялъ журналы 30-хъ и 40-хъ годовъ. Одно время онъ издавалъ *Дѣтскій Журналъ*. Къ нему могъ бы быть вполнѣ примѣненъ нелестный отзывъ Пушкина о Петербургскихъ литераторахъ его времени, что это были, по большей части, не литераторы, а предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Сперва Очкинъ былъ только редакторомъ (на жалованьи) *Петербургскихъ Вѣдомостей*, когда онѣ еще издавались самою Академіей, а потомъ получилъ газету въ арендное содержаніе, соединяя въ себѣ званіе и редактора, и издателя. Очкинъ велъ редакторское дѣло *акуратно и благонамѣренно*, не ссорился съ своимъ цензоромъ, такъ какъ онъ и самъ былъ прежде цензоромъ; понимая свое время и будучи по природѣ человѣкомъ смирнымъ, и даже смиреннымъ, онъ былъ самъ, для своей газеты, строже всякаго цензора. При этомъ, конечно, онъ не могъ придать *Вѣдомостямъ* особой жизни и значенія, и, если свою аренду, впрочемъ весьма умѣренную, онъ долгое время уплачивалъ исправно, т.-е., другими словами—велъ дѣло не безъ выгоды для себя, то единственно благодаря тому, что

С.-Петербургскія Вѣдомости были долгое время вполнѣ защищены отъ всякой конкуренціи. Но эта вольготная для Редакціи пора постепенно, незамѣтно смѣнялась иными днями: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, Литература стала оживляться, печатному слову по-немногу давалось болѣе свободы, начали появляться новыя періодическія изданія, и къ ежедневнымъ газетамъ ходъ времени предъявлялъ новыя требованія, тогда какъ самъ Очкинъ старѣлъ, сталъ одолѣваемъ старческими недугами и, послѣ случившагося съ нимъ паралячнаго припадка, былъ вынужденъ ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы ѣздить для леченія за границу, на минеральныя воды. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ взялъ себѣ въ помощники А. А. Краевскаго, съ которымъ и заключилъ частный контрактъ. Этотъ контрактъ, какъ частная между ними сдѣлка, былъ заключенъ помимо Академіи, которой содержаніе его и было неизвѣстно. Кажется, по заключеніи такого контракта, Очкинъ былъ только по имени редакторомъ газеты, а въ дѣйствительности редактировалъ, а можетъ быть, и издавалъ ее Краевскій. Но до этого Академіи не было никакого дѣла, такъ какъ всѣ обязательства контрагента по отношенію къ ней въ точности исполнялись. Краевскій, я думаю, видя въ Очкинѣ человѣка отжившаго, разбитаго параличемъ, не упустилъ бы, если бы могъ, перевести на свое имя весь контрактъ его съ Академіею; но дѣло въ томъ, что едва ли онъ въ то время могъ получить на такую передачу разрѣшеніе со стороны цензурнаго вѣдомства, у котораго еще съ 1848 г. состоялъ онъ подъ интердиктомъ, такъ что когда, въ 1855 г., Очкинъ на три лѣтнихъ мѣсяца уѣзжалъ за границу лечиться, непремѣнный секретарь Академіи получилъ отъ вице-президента князя С. И. Давыдова предложеніе о томъ, что министръ Народнаго Просвѣщенія (въ вѣдомствѣ котораго тогда находилась цензура), разрѣшивъ поручить статскому совѣтнику Краевскому, на время отсутствія Очкина, всѣ обязанности редактора и издателя *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*,

предложилъ имѣть за редакціею *Вѣдомостей* самое строгое наблюденіе.

„При этихъ обстоятельствахъ, въ виду предстоявшаго истеченія срока контракта съ Очкинымъ (31 дек. 1862), Академія должна была заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы передать газету въ болѣе способныя руки, чтобы въ то время, когда подготовлялись великія реформы государственныя, открывались новые горизонты для общественной дѣятельности и зарождалась у насъ публицистика, имѣть во главѣ Редакціи человѣка, который сдѣлалъ бы изъ старѣйшей Русской газеты органъ, отвѣчающій требованіямъ времени. Въ охотникахъ сѣсть на редакторское кресло послѣ Очкина недостатка не было, особенно между чиновниками и такого сорта претендентами, которые готовы были, за неимѣніемъ литературныхъ заслугъ, проложить себѣ дорожку путемъ протекціонизма. При этомъ случаѣ, нельзя не вспомнить съ глубокою признательностью о графѣ Д. Н. Блудовѣ. Высоко цѣня Академію, онъ никогда не оказывалъ на нее какого-либо давленія, въ угоду какихъ бы то ни было вліяній на него со стороны. По отличавшему его возвышенному чувству справедливости, онъ во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ честью Академіи, оказывалъ ей полное довѣріе и предоставлялъ ей самой свободно рѣшать всѣ тѣ самые существенные и деликатные вопросы, по которымъ она одна несла отвѣтственность. Когда я, по своей должности, въ первый разъ докладывалъ ему дѣло о газетѣ и спросилъ, не имѣетъ ли онъ въ виду кого либо, кому онъ считалъ бы желательнымъ поручить редакцію, то графъ Блудовъ сказалъ мнѣ, что онъ предоставляетъ Академіи поискать достойнѣйшаго, полагаясь вполнѣ на ея выборъ, но не желаетъ стѣснять Академію какимъ либо, со своей стороны, указаніемъ, лишь бы только не былъ ею предложенъ въ редакторы Краевскій; это произнесъ онъ съ особымъ удареніемъ, которое давало знать, что это не мимолетная фраза. Тогда я обратилъ вниманіе Блудова на Каткова, который могъ бы имѣть для себя болѣе выгоды

отъ изданія *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* на арендномъ правѣ, и поэтому, можетъ быть, согласился бы переселиться въ Петербургъ и взять въ аренду академическую газету. Эта мысль очень понравилась графу Блудову; онъ поручилъ мнѣ написать объ этомъ Каткову, въ Москву, и передать ему отъ имени графа предложеніе о принятіи въ его руки изданія *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.* Вернувшись къ себѣ, я тотчасъ же написалъ Каткову и, не будучи съ нимъ знакомъ лично, но зная, что онъ человѣкъ, знающій себѣ цѣну, постарался не просто передать ему предложеніе, но вмѣстѣ облечь его въ такую форму и обставить такими аргументами, которые могли бы подѣйствовать на рѣшеніе принять предложеніе. Но со времени отправленія этого письма прошло около шести мѣсяцевъ, а отъ Каткова, къ изумленію, не было ни отвѣта, ни привѣта. Такое молчаніе нельзя было иначе понять, какъ за отказъ. Сама собою представлялась догадка, что Катковъ не рѣшается перенести всю свою дѣятельность изъ Москвы въ Петербургъ. А между тѣмъ, время летѣло, и далѣе медлить рѣшеніемъ дѣла о газетѣ не было возможно. Тогда явилась мысль о Валентинѣ Ѳедоровичѣ Коршѣ. Его въ Академіи лично не знали; но на него, какъ на желаннаго кандидата, указывало то обстоятельство, что онъ, какъ помощникъ Каткова по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей,* конечно имѣлъ немалое участіе въ трудахъ, доставившихъ этой газетѣ ея выдающееся положеніе въ Русской тогдашней прессѣ. Въ этихъ соображеніяхъ, было, по порученію графа Блудова, писано Коршу, который, вмѣсто того, чтобы перекидываться письмами, тотчасъ же пріѣхалъ изъ Москвы и подалъ графу Блудову, 23 января 1862 года, записку объ условіяхъ, на которыхъ онъ соглашался принять на себя изданіе *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.*

Между тѣмъ, Блудовымъ получено было, 16 апрѣля того же года, увѣдомленіе отъ министра Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнина, что, по всеподданнѣйшему докладу его, о порядкѣ отдачи въ аренду *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,*

Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ предоставить графу Блудову отдавать эти *Вѣдомости* собственною его властію лицамъ по его избранію и на условіяхъ, какія онъ признаетъ правильными. При этомъ Головнинъ просилъ увѣдомить его, въ свое время, только для свѣдѣнія, кому и на какихъ условіяхъ будетъ предоставлено изданіе *Вѣдомостей* съ 1-го января 1863 года. На этомъ основаніи, проектъ контракта съ Коршемъ былъ утвержденъ графомъ Блудовымъ 28-го апрѣля 1862 года, срокомъ на шесть лѣтъ, съ 1-го января 1863 по 31 декабря 1868 г.

LXXI.

Между тѣмъ, Краевскій—свидѣтельствовалъ К. С. Веселовскій,—„нашелъ себѣ дорогу къ сердцу министра Народнаго Просвѣщенія, и при его поддержкѣ основалъ свою ежедневную политическую газету *Голосъ*, съ характеромъ офиціоза Министерства Народнаго Просвѣщенія, который однако не смогъ защитить Головнина отъ страстныхъ нападокъ *Московскихъ Вѣдомостей*, но за то, съ самаго своего основанія, радушно открылъ свои столбцы, вѣроятно въ интересахъ народнаго Просвѣщенія, безпрестаннымъ и всяческимъ нападкамъ на Академію Наукъ. Нѣсколько позже, вотъ какъ объяснялъ А. В. Головнинъ свои отношенія къ *Голосу*. Въ письмѣ къ непремѣнному секретарю Академіи, отъ 20 ноября 1863 года, сказано: „Особыя отношенія этой газеты къ Министерству Народнаго Просвѣщенія заключаются въ томъ, что, по представленію Министерства, г. Краевскому было разрѣшено издавать газету *Голосъ*, вслѣдствіе того, что *С.-Петербургскія Вѣдомости* переданы были Коршу, безъ соблюденія тѣхъ обыкновенныхъ условій приличія, на которыя имѣлъ полное право прежній редакторъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Это очевидно писалось безъ всякой провѣрки, со словъ самого Краевскаго; а справедливо то, что относительно его не было, со стороны Академіи, ни малѣйшаго нарушенія какихъ бы то ни было при-

личій, по самой простой причинѣ, что онъ для Академіи и не былъ редакторомъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, если онъ, на время отлучекъ Очкина за границу, и исполнялъ его обязанности, то эта была частная сдѣлка между ними, а для Академіи, Краевскій былъ въ Редакціи газеты лишь закулиснымъ дѣятелемъ, съ которымъ она не имѣла никакого дѣла и въ отношеніи къ которому не имѣла никакихъ обязательствъ“.

Учреждая *Голосъ*, Краевскій обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Я теперь весь погруженъ въ хлопоты по устройству новой, разрѣшенной мнѣ газеты *Голосъ*— газеты ежедневной, политической и литературной,—такой же большой, какъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Цѣль ея — водвореніе согласія между Правительствомъ и обществомъ, для дружнаго хода по пути впередъ. Прошу всѣхъ и вся о доставленіи мнѣ свѣдѣній *съ мѣста*, отовсюду, изъ какого бы то ни было захолустья въ Россіи. Не можете ли доставить мнѣ списочекъ *надежныхъ* корреспондентовъ изъ знакомыхъ вамъ мѣстностей (а есть ли мѣстности въ Россіи, вамъ незнакомыя?) Очень бы одолжили! Пусть эти господа пишутъ обо всемъ, какъ придется, забывъ, что есть цензура: я беру на себя проводить въ печать все, что можно провести; а за скромность свою ручаюсь. Мнѣ бы хотѣлось знать, какъ приводятся въ исполненіе разныя распоряженія администраціи; радуются ли имъ, или плачутъ отъ нихъ; что дѣлается съ крестьянскимъ вопросомъ, какъ идутъ мировыя учрежденія; какъ крестьяне смотрятъ на общинное землевладѣніе; какъ гдѣ идутъ ремесла, торговля, распространеніе грамотности, школы и пр. и пр. У васъ вѣрно есть много въ памяти разныхъ университетскихъ воспитанниковъ, которые теперь сдѣлались, можетъ быть, судебными слѣдователями, мировыми посредниками и т. п. Не знаете ли также *молодыхъ* поповъ, которымъ лучше, нежели другимъ, извѣстенъ внутренній домашній бытъ населенія, ихъ окружающаго?... Повторяю: вы очень одолжили бы меня, помогши мнѣ въ этомъ дѣлѣ“.

30 августа 1862 года, князь В. Ѳ. Одоевскій, изъ Москвы, писалъ Краевскому: ...„Ну, что вашъ *Голосъ?*... Хорошо бы вамъ начать въ немъ реформу нашей полемики, которая изъ рукъ вонъ... Хотите ли для № 1 *Голоса* статью *О нашей полемикѣ?* о томъ, что она есть и чѣмъ бы должна быть. Это дѣло весьма важное, уже и потому, что рано или поздно гласность, состоящая изъ одной брани—подниметъ общій ропотъ и подвинетъ Правительство къ цензурнымъ строгостямъ; иного ничего не останется дѣлать... Если бы вы, въ *Голосѣ*, рѣшительно объявили за собою право вымарывать безпощадно всякіе бранные эпитеты и прочія брани, то за это обѣ стороны были бы вамъ благодарны. Штука въ томъ, чтобы удержать *начинающаго*; ибо когда одному удалось назвать печатно другаго подлецомъ или дуракомъ, то, по праву возмездія, надобно это позволить и другому,—а тамъ и пошла писать“...

Краевскій отвѣчалъ: „Въ програмѣ *Голоса* сказано, какъ я смотрю на полемику, и буду въ своемъ словѣ *твердъ*, смѣю васъ увѣрить. Лица въ сторону, а споръ пойдетъ только о дѣлѣ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите на зубокъ статью о нашей полемикѣ—въ поясъ поклонюсь за нее... Шлите ко мнѣ все, что взбредетъ на мысль: большую статью и крохотную замѣтку — все годится, все будетъ отъ васъ умно, и дѣльно, и, главное, честно, въ чемъ я убѣдился нашимъ тридцатилѣтнимъ знакомствомъ“...

Далѣе, Краевскій пишетъ: „Во всемъ томъ, что я слышу со всѣхъ сторонъ и вижу, мнѣ видятся два крайнія направленія, рѣзко обозначающіяся: одни тянутъ прямо къ революціи, закусивъ удила и не внемля ничему. *Нѣтъ надежды на Правительство; всѣ его реформы—вздоръ, это полумѣры, которыя хуже застоя; надо разомъ покончить и вырвать силою то, что никогда не отдадутъ добровольно.* Другіе, испуганные этими порываніями, говорятъ, что Правительство дѣйствуетъ слабо, выпускаетъ изъ рукъ возжи и своими реформами только мутитъ народъ, ослабляя въ то же время свою силу. Эти прямо тянутъ въ реакцію. Я же говорю: Прави-

тельство дѣйствуетъ робко и нерѣшительно въ своихъ реформахъ, потому что не имѣетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи, въ которомъ большею частію слышитъ голосъ запоздалыхъ крѣпостниковъ, взяточниковъ и близкихъ къ нему блюдолизовъ. Еслибъ оно прислушалось къ голосу общества (отдаленнаго отъ него Исторіею), оно увидѣло бы, что ему есть на что опереться въ *прогрессивномъ* своемъ ходѣ, и что нечего смотрѣть на эту сволочь, которая не опасна, потому что составляетъ каплю въ морѣ. Этотъ-то голосъ я и хочу подать своимъ *Голосомъ* и для этого кличу кличъ по всей Руси, вызывая голоса отовсюду. Насколько силъ хватитъ у Русскаго печатнаго органа, онъ долженъ поддержать всякую *прогрессивную* мѣру Правительства, выражая собою одобреніе лучшей, образованнѣйшей части общества, и побивать всѣми своими кулаками, всякое поползновеніе къ ретроградности. Вотъ вамъ положеніе, какое хочетъ занять *Голосъ*. Что вы на это скажете"?

Такимъ образомъ, наканунѣ кроваваго 1863 года, Журналистика наша стала во всеоружіи. Въ Москвѣ: *День* И. С. Аксакова и *Московскія Вѣдомости* М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева; а въ Петербургѣ: *С.-Петербургскія Вѣдомости* Валентина Корша и *Голосъ* Краевскаго.

Какъ эпилогъ къ повѣствованію моему о Журналистикѣ 1862 года, представляю письмо, уединившагося въ то время въ Ямбургъ, благодѣтельнаго цензора Н. Ѳ. фонъ-Крузе къ Погодину, отъ 10 ноября 1862 года.

Крузе писалъ: „Не могу сказать вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичь, какъ я былъ обрадованъ вашимъ письмомъ. Я былъ увѣренъ, что вы непремѣнно отзоветесь мнѣ и давно бы писалъ къ вамъ, если бы только зналъ, что вы въ Москвѣ, Я вамъ говорилъ, что о васъ я спрашивалъ не разъ, но никто мнѣ не отвѣчалъ; а при нашемъ послѣднемъ свиданіи вы говорили мнѣ о вашемъ намѣреніи удалиться куда-нибудь года на два для историческихъ занятій въ тиши. Вотъ почему я и не зналъ куда къ вамъ писать. Въ Москвѣ же

очень хорошо знают гдѣ я; я писалъ, повторяю, ко многимъ и въ томъ числѣ къ Аксакову и Каткову, подписываясь въ прошломъ году на ихъ изданія и адресовавъ письма мои съ деньгами прямо къ нимъ. Журналы ихъ я получаю по адресу, но никогда не получалъ отвѣта на мои дружескія письма. Слѣдовательно, съ этой стороны, я не заслуживаю обвиненія, а еще менѣе и пени. Къ В. А. Кокореву я тоже писалъ нѣсколько разъ и спрашивалъ его объ васъ; отъ него я получалъ всегда отвѣты, но объ васъ онъ мнѣ не говорилъ. Его дѣла должны быть дѣйствительно плохи; я просилъ у него займа, подъ залогъ моего имѣнія, совершенно чистаго, но получилъ рѣшительный отказъ. Это обстоятельство меня очень смутило, потому что я надѣялся на него, имѣя крайнюю теперь нужду поднять хозяйство и находясь въ рѣшительной крайности, какой еще никогда не испытывалъ. Я откровенно писалъ о моемъ положеніи В. А. Кокореву и предлагалъ ему самыя вѣрныя обезпеченія, прося, если онъ самъ не имѣетъ денегъ, помочь достать ихъ; успѣха не было и я теперь рѣшительно не знаю, что дѣлать и какъ быть. Видите, любезный Михаилъ Петровичь, что мои дѣла еще хуже вашихъ; у васъ есть надежды, а я и этого теперь не имѣю. Вы правду говорите, что успѣхъ вскружаетъ голову Каткову и что самолюбіе его необузданно; дѣйствительно, тонъ его изданія становится высокомѣренъ до крайности и потому часто неприличенъ и оскорбляетъ самаго безпристрастнаго читателя. А жаль — талантъ и достоинства несомнѣнныя. — Прошлогоднюю статью Бабста я знаю и крѣпко ссорился за нее и съ нимъ, и съ Чижевымъ, которые оба виноваты, особенно послѣдній, какъ человѣкъ положительный и разумный. На счетъ же Бабста, между нами скажу, что я съ самаго начала гораздо болѣе ожидалъ отъ него, а наконецъ убѣдился, что онъ добрый человѣкъ, но болѣе ничего. Много я имѣлъ разочарованій въ этомъ родѣ въ послѣднее время и горько мнѣ было. Но, впрочемъ, вы правы, что на всѣ школьныя выходки пора смотрѣть настоящими глазами и не тревожиться

ими. Отъ людей не слѣдуетъ требовать болѣе, чѣмъ они могутъ дать, и не слѣдуетъ, главное, увлекаться ими. У насъ теперь интересы возникаютъ посерьезнѣе маленькихъ дрязгъ, и туда надо обратиться.

„Вы, вѣроятно, порадовались новымъ распоряженіямъ, которыя могутъ конечно грѣшить въ частностяхъ и грѣшатъ, но для насъ главное принципъ. Остальное же выработается самой жизнію, если только въ ней есть необходимыя силы для этой выработки. Колымага наша рѣшительно двинулась впередъ и теперь уже ее не остановить. Вотъ что важно. Затѣмъ все уже будетъ зависѣть отъ насъ самихъ. Скажу вамъ, что я собираюсь тоже пописывать, во-первыхъ, чтобы принять участіе въ общемъ дѣлѣ хотя словомъ, будучи лишенъ дѣятельности, и во-вторыхъ, чтобы заработывать себѣ хотя сколько-нибудь средствъ къ жизни, а то приходится очень плохо. Не знаю, насколько успѣю въ этомъ предпріятіи. Во всякомъ случаѣ, заработаю, хоть на выписку журналовъ и газетъ, безъ которыхъ въ деревнѣ совсѣмъ заржавѣешь; все же будетъ помощь. А что скажете о Восточномъ вопросѣ? Онъ снова поднимается Греческими дѣлами; очередь его еще впереди и вѣроятно теперь въ скоромъ будущемъ. Наша политика разбита и теперь бы, кажется, намъ пора стать поумнѣй и не забираться болѣе въ отвлеченныя области политики, словопренія и пустыхъ фразъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что пока мы не устроимся дома, намъ нечего и помышлять о внѣшнемъ вліяніи. Faites moi de bonnes finances et je vous ferai de la bonne politique, — вотъ вѣрная аксіома, а чтобы были хорошіе финансы надо много исправить въ жизни государственной. Тѣ неимовѣрные шаги, которые мы сдѣлали со времени Крымской войны, кажется, могутъ ручаться за будущее и теперь уже позволительно надѣяться. Когда я перечитываю нынѣшніе журналы и газеты, я глубоко радуюсь ихъ успѣху; сколько они впереди противъ того времени, когда мнѣ приходилось ихъ цензуровать. Вѣдь все то, за что я выносилъ такъ много гоненій и преслѣдованій, теперь уже

не остановило бы самаго строгаго и мнительнаго цензора, а разстоянія всего съ небольшимъ два года. Кажется, я смѣю тоже нѣсколько погордиться такимъ успѣхомъ и сказать, что не даромъ и я прошелъ въ жизни Россіи. Вспомнится ли объ этомъ или забудется оно — все равно; но я исполнилъ, насколько могъ, долгъ честнаго гражданина, и могу оставить хоть это наслѣдство моимъ дѣтямъ. Но довольно, я много заговорился и отниму у васъ слишкомъ дорогаго времени. Когда-то увидимся съ вами? Прощайте, обнимаю васъ искренно“ [295]).

LXXII.

Одною изъ первыхъ заботъ А. В. Головнина, при назначеніи его министромъ Народнаго Просвѣщенія, было „упорядоченіе всего, что касается дѣлъ періодической печати и въ особенности цензуры“. Въ этихъ видахъ, для совѣщанія объ этомъ предметѣ, онъ пригласилъ къ себѣ редакторовъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Подъ 18 февраля 1862 г., Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Головнинъ требовалъ отъ журналистовъ мнѣнія по цензурнымъ дѣламъ, а они такъ вознеслись, что начали разглашать, что и Цензура, и самъ министръ теперь у нихъ въ рукахъ“ [296]).

Еленевъ писалъ Погодину: „Повидимому есть намѣреніе постепенно освободить Литературу отъ тисковъ предварительной цензуры. Министръ требовалъ мнѣній о цензурѣ отъ здѣшнихъ цензоровъ, а также приглашалъ и литераторовъ высказать свои виды. Въ числѣ прочихъ, велѣно было и мнѣ что нибудь написать. Я подалъ небольшую записку, собственно, чтобы исполнить волю начальства; но, къ моему удивленію, министръ объявилъ мнѣ, что записку мою представилъ Государю; изъ этого я заключаю, что изложенныя въ ней мысли совпадаютъ отчасти съ видами Правительства. Заключеніе, къ которому я пришелъ въ этой запискѣ, то,

что предварительную цензуру необходимо уничтожить для Литературы, предназначаемой для такъ называемыхъ образованныхъ классовъ, оставивъ ее только для изданій, имѣющихъ обращеніе въ простомъ народѣ. Но Коммиссія о преобразованіи цензурныхъ правилъ желаетъ, кажется, снимать цензуру постепенно сперва съ офиціальныхъ изданій, потомъ съ учебниковъ и т. д. По случаю открытія здѣсь двухъ новыхъ цензорскихъ вакансій, мнѣ предстоитъ занять одну изъ нихъ. Не сочувствуя этому роду службы, я просилъ было другаго назначенія, именно командировки меня за границу, для изученія устройства народныхъ школъ, съ оставленіемъ мнѣ тѣхъ 1500 р. содержанія, которыми я пользуюсь по Высочайшему повелѣнію, до назначенія меня на штатную должность. Министръ не призналъ возможнымъ исполнить мою просьбу; и такъ, я, волею-неволею, долженъ пребывать цензоромъ, до удобнаго случая. Поздравляю васъ съ православнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и привѣтствую лобызаніемъ мира и любви“ [297]).

Самъ Аксаковъ писалъ графинѣ А. Д. Блудовой: „Ну, вотъ и дождались мы чего-то по цензурной части... Хорошо то, что Буткова цензура дѣлается не обязательною, что частныя министерскія цензуры уничтожаются, и что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отнынѣ не солидарно съ политическими мнѣніями газетъ и журналовъ... Теперь вся сила въ томъ, какъ организуетъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ свое наблюденіе за Литературой. Вѣроятно, Валуевъ захочетъ, à la Persigny, устроить Bureau и при немъ своего La Gueronnière,—и это будетъ худо. Впрочемъ, все таки хорошо, что рогамъ стараго врага человѣческаго общества, цензурѣ, надлежитъ и совсѣмъ сломиться“ [298]); Погодинъ же писалъ Шевыреву: „Толкуютъ объ уничтоженіи цензуры и учреждаютъ новыхъ цензоровъ; велять быть всѣмъ строже“ [299]).

Въ февралѣ 1862 года, А. В. Головнинъ пригласилъ къ себѣ лицейскаго товарища своего, непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ, К. С. Веселовскаго, которому сообщилъ „о

своемъ предположеніи дать дѣлу цензуры иную организацію, а для доставленія по этому предмету проекта новаго устава, назначить особую Коммиссію, придавъ ей, въ отношеніи ея состава, не столько чиновничій, сколько ученый характеръ, вслѣдствіе чего онъ",—писалъ Веселовскій,—„назначаетъ меня предсѣдателемъ такой Коммиссіи. Какъ я ни отнѣкивался отъ такой чести, приводя разные резоны, онъ, однако, принимая, кажется, мой отказъ за отказъ пьяницы отъ чарки вина, настоялъ на своемъ и заставилъ меня согласиться, сказавъ съ удареніемъ, что я долженъ принять предсѣдательство въ Коммиссіи, на которую будетъ возложено дѣло такой государственной важности, и что онъ мнѣ предоставляетъ сдѣлать выборъ лицъ для назначенія въ члены этой Коммиссіи. На это я замѣтилъ, что для сохраненія за Коммиссіею, согласно его желанію, характера ученаго, естественнѣе всего было бы составить ее изъ профессоровъ Университета, какъ юристовъ, такъ и тѣхъ, которые и сами бывали цензорами и, слѣдовательно, знакомы съ цензурной практикою, при чемъ, въ видѣ примѣра, назвалъ А. В. Никитенко; впрочемъ, я просилъ дать мнѣ подумать объ остальныхъ, и мы условились, что дня черезъ два или три, я представлю ему списокъ предполагаемыхъ мною кандидатовъ въ члены Коммиссіи. На этомъ мы и разстались".

Но вскорѣ послѣ этого свиданія, Веселовскій получаетъ отъ Головнина офиціальную бумагу, которою ему давалось знать, что Коммиссія для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, назначена имъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Д. А. Оболенскаго, и что Веселовскій назначенъ въ эту Коммиссію членомъ. „Эта сухая офиціальная бумага"—писалъ Веселовскій—„послѣ вышеописанной полу-начальнической, полу-товарищеской бесѣды, безъ всякихъ объясненій о причинѣ перемѣны, не могла не возмутить меня, и я въ первую минуту хотѣлъ-было написать Головнину письмо, съ просьбою уволить меня изъ числа членовъ Коммиссіи, но въ это самое

время пріѣзжаетъ ко мнѣ князь Оболенскій и сообщаетъ, что Головнину очень совѣстно, что онъ такъ поступилъ со мною, при чемъ Оболенскій усердно просилъ меня не отказываться отъ членства въ Коммиссіи. Нечего было дѣлать; чтобы не выказывать мелочную обидчивость, когда дѣло идетъ о дѣлѣ дѣйствительно государственной важности, я, по слабости характера, уступилъ и впослѣдствіи жалѣлъ“ [300]).

Получивъ назначеніе предсѣдателя Цензурной Коммиссіи, князь Д. А. Оболенскій отправился въ Москву для совѣщанія съ тамошними писателями и учеными. 2 апрѣля 1862 года, попечитель Московскаго Учебнаго Округа Н. В. Исаковъ писалъ Погодину: „Князь Оболенскій хлопочетъ по цензурному дѣлу переговорить съ лицами, которыя наиболѣе его могутъ выяснить. Кажется, онъ располагалъ васъ найти завтра у И. С. Аксакова. Такъ какъ князю Оболенскому, по малости его здѣсь пребыванія, трудно будетъ согласиться съ этимъ и желаніе встрѣтить и другихъ лицъ, то я взялъ на себя обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою сдѣлать мнѣ удовольствіе, пожаловать ко мнѣ завтра, часовъ въ 9 вечера. Я просилъ также и И. С. Аксакова“.

На другой день, Погодинъ получаетъ и отъ Аксакова слѣдующую записочку: „Пріѣхалъ Оболенскій, будетъ у меня сегодня вечеромъ и очень желаетъ съ вами видѣться—для того, чтобы побесѣдовать о цензурѣ“ [301]).

Кромѣ Веселовскаго, въ составъ Цензурной Коммиссіи вошли: предсѣдатель Петербургскаго Цензурнаго Комитета В. А. Цеэ, профессоръ И. Е. Андреевскій и директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Вороновъ.

„Засѣданія Коммиссіи“,—повѣствуетъ Веселовскій,—„начались тотчасъ по ея учрежденіи и происходили въ квартирѣ Оболенскаго, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ графа Протасова. Въ первыхъ засѣданіяхъ, предстоявшая работа была раздѣлена между членами: на меня было возложено приготовить главу о періодическихъ изданіяхъ; Вороновъ взялъ на себя главу о порядкѣ надзора за типографіями, литографіями

и другими заведеніями, связанными съ печатнымъ дѣломъ; Андреевскій долженъ былъ проектировать статьи о карательныхъ мѣрахъ за проступки и преступленія, совершенные посредствомъ печатнаго слова, а князь Оболенскій оставилъ за собою проектированіе общихъ постановленій. По распредѣленіи такимъ образомъ работы, мы разстались до осени, обязавшись изготовить къ тому времени каждымъ принятую имъ на себя часть общаго труда".

Веселовскій тотчасъ же принялся за спеціальное изученіе законодательства о періодической печати главнѣйшихъ государствъ: Франціи, Бельгіи, Австріи, Пруссіи и другихъ государствъ Германіи, обложившись полною или, по крайней мѣрѣ, лучшею литературою предмета, трактатами и комментаріями, и при помощи такихъ пособій составилъ проектъ постановленій, который, по долгомъ обдумываніи, представлялся ему наиболѣе отвѣчающимъ, съ одной стороны, видамъ Правительства, а съ другой—интересамъ Литературы".

Въ это время Головнинъ раза два призывалъ къ себѣ Веселовскаго, чтобы—писалъ послѣдній—„освѣдомиться о положеніи работъ въ Коммиссіи, и, узнавъ, что лежавшая на мнѣ часть ихъ уже готова, потребовалъ, чтобы я написалъ о главныхъ выводахъ, къ которымъ я пришелъ, статью для газетъ". Это было совершенно въ его духѣ. Объ этихъ выводахъ онъ весьма мало меня разспрашивалъ, а главнымъ дѣломъ, для него было завязать газетную полемику. Въ первый разъ, что онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, я еще могъ отдѣлаться коекакими уклончивыми доводами, но когда онъ во второй разъ повторилъ свое требованіе о газетной статьѣ, я вынужденъ былъ сказать ему, что приготовленная мною работа есть изложеніе пока лишь моего личнаго взгляда, до котораго публикѣ нѣтъ никакого дѣла; что работа моя исполнена по порученію Коммиссіи, но ей еще не была сообщена, и что поэтому отдать ее на судъ печати, прежде чѣмъ она подвергнется обсужденію членовъ Коммиссіи, я счелъ бы поступкомъ неприличнымъ по отношенію своихъ товарищей по Ком-

миссіи. Такое возраженіе не понравилось министру, да и не могло ему понравиться. Головнинъ, при всей своей учтивости, даже утонченной учтивости, не терпѣлъ, какъ министръ, возраженій, и тотчасъ же впадалъ въ начальническій тонъ, съ оттѣнкомъ досады. Какъ бы то ни было, я не поступился своими убѣжденіями и статьи для газетъ не написалъ. Такая неподатливость моя получила потомъ должное возмездіе" [302]).

16 ноября 1862 г., В. А. Мухановъ посѣтилъ княгиню Д. П. Оболенскую. „Длинный разговоръ",—записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*,—„съ мужемъ ея о его проектѣ о цензурѣ, который составляетъ довольно плотный томъ; онъ вручилъ его мнѣ, прося сказать мое мнѣніе. Обѣдаютъ графъ Віельгорскій и Веневитиновъ; послѣдній разсказываетъ забавные анекдоты объ И. И. Дмитріевѣ. Читаю проектъ Оболенскаго; опасаюсь освобожденія отъ цензуры изданій въ двадцать и болѣе листовъ".

Подъ 14 декабря 1862 года, Мухановъ записалъ: „Былъ у А. Н. Муравьева, гдѣ сидѣлъ съ братомъ его Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который въ опасеніи насчетъ новаго проекта цензуры. Онъ тоже думаетъ, что едва ли можемъ ограничиться карательной цензурой" [303]).

Къ новому 1863 году, Цензурная Коммиссія кончила свои работы и представила министру свой проектъ. По свидѣтельству А. В. Никитенко, „баронъ Александръ Павловичъ Николаи раскритиковалъ его въ пухъ. Увидя изъ этого, что проектъ не пройдетъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Головнинъ опрокинулся на него самъ и нашелъ его невозможнымъ *по чрезмѣрной строгости*. Между тѣмъ, князь Оболенскій имѣетъ у себя кучу записокъ отъ него, въ которыхъ онъ одобряетъ идеи Коммиссіи, такъ что очевидно, что проектъ весь развивался подъ его руководствомъ и вліяніемъ. Что же это значитъ? То, что въ случаѣ утвержденія проекта, Головнинъ передъ ультра-либералами умываетъ руки: вотъ-дескать, несмотря на мое противодѣйствіе, ретроградный законъ поста-

новленъ; въ случаѣ же неутвержденія, онъ припишетъ себѣ заслугу, что успѣлъ остановить такое зловредное дѣло. Бѣдная Россія! Оболенскій, бывшій другомъ Головнина и отчасти его твореніе, теперь бранитъ его вездѣ“ [304]).

Это показаніе Никитенко подтверждается и слѣдующею записью В. А. Муханова (подъ 26-го декабря 1862 г.): „Пріѣхалъ князь Д. А. Оболенскій и показывалъ письмо Головнина, который оказывается вовсе несостоятельнымъ“ [305]).

Головнинымъ остался недоволенъ и его лицейскій товарищъ К. С. Веселовскій. „Когда“,—писалъ онъ,—„Коммиссія, окончивъ порученное ей дѣло, была 14 января 1863 года закрыта, то Головнинъ объявилъ князю Оболенскому, за его усердіе, благодарность Его Императорскаго Величества, предоставивъ ему объявить такую же и лицамъ, участвовавшимъ въ трудахъ Коммиссіи. Эта градація въ способѣ объявленія высочайшей благодарности была тонкимъ чиновничьимъ уколомъ, который я понялъ, но къ которому остался совершенно равнодушенъ. Работая не для наградъ, я счелъ для себя самою лучшею наградою то, что проектированныя мною статьи закона о печати, относящіяся до періодическихъ изданій, по обсужденіи ихъ, какъ въ означенной Коммиссіи, такъ и въ бывшей потомъ по тому же предмету второй Коммиссіи, и наконецъ въ Государственномъ Совѣтѣ, были одобрены почти безъ всякихъ существенныхъ измѣненій и вошли въ дѣйствующій законъ, почти цѣликомъ, въ той редакціи, какая была мною предложена“ [306]).

„Вы говорите“,—писалъ митрополитъ Филаретъ къ Антонію,—„неужели не уймутъ цензуру?“ Хотятъ дать ей еще больше свободы. Да и теперь, даже духовную цензуру Петербургскую не умѣютъ поставить въ порядокъ. Она одобрила статью: *Чего мы можемъ ожидать отъ Духовенства*?—Послѣ сего свѣтское начальство усумнилось, и спросило Св. Синодъ, справедливо ли одобрена статья [307])?

LXXIII.

Вмѣсто эпиграфа къ настоящей главѣ приведемъ слѣдующія слова Н. П. Гилярова-Платонова: „Освобожденіе крестьянъ, порѣшивъ остатки помѣстной системы, развязывается теперь съ системой приказной... Всей Землѣ предоставляетъ вѣдать судъ... Но Землѣ приходится стать у такихъ дѣлъ, отъ которыхъ она доселѣ тщательно держала себя въ сторонѣ. Сладится ли это сейчасъ? Никто не смѣетъ отвѣчать утвердительно, когда вспомнитъ, что отходящій порядокъ стоялъ слишкомъ восемьсотъ лѣтъ“ [308]).

29 сентября 1862 года, Высочайше утверждены *основныя начала преобразованія судебной части*.

„Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ“,—повѣствуетъ Д. А. Саранчовъ,—„задолго еще до введенія у насъ судебной реформы, въ литературныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ стали появляться статьи о судахъ въ Англіи и во Франціи и печататься замѣчательные процессы по уголовнымъ дѣламъ, происходившіе въ иностранныхъ государствахъ.

„Эти статьи и процессы, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, особенно привлекали вниманіе читателей, знакомили ихъ съ гласностью судопроизводства, въ которомъ такую выдающуюся роль играли талантливые прокуроры и адвокаты, иногда изъ первоклассныхъ юристовъ, и приводили ихъ къ заключенію о недостаткахъ нашего слѣдственнаго процесса, недопускавшаго ни публичности, ни преній въ судахъ. Съ другой стороны, профессора, преподававшіе въ нашихъ университетахъ Уголовное Право и Судопроизводство, касались весьма часто въ своихъ лекціяхъ состоянія судовъ въ Европейскихъ государствахъ и сообщали своимъ слушателямъ подробныя свѣдѣнія объ институтѣ присяжныхъ засѣдателей и обвинительномъ процессѣ, сравнивая его со слѣдственнымъ процессомъ, принятымъ у насъ. Съ первыхъ же годовъ царство-

ванія Александра II-го, Русское общество значительно оживилось; въ немъ явилось сознаніе, что Европейцы далеко опередили насъ въ Наукѣ, Литературѣ и общественномъ строѣ. Тогда наша Литература приняла обличительное направленіе и старалась указать недостатки существующаго порядка вещей и идеалы, созданные Европейскою цивилизацiей".

Работы по преобразованію судебной части были предприняты Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи еще въ 1843 году, когда графъ Блудовъ потребовалъ, черезъ графа Панина, мнѣнія прокуроровъ и предсѣдателей судовъ и палатъ о недостаткахъ Русскихъ законовъ, о судопроизводствѣ въ гражданскихъ судахъ. Мнѣнія эти получили дальнѣйшее движеніе въ 1848 г., вслѣдствіе извѣстной резолюціи императора Николая I-го, послѣдовавшей 16-го ноября 1848 г., по дѣлу объ имѣніи и долгахъ Баташова. Резолюція Государя была выражена въ слѣдующихъ словахъ: *Изложеніе причинъ медленности непомѣрной, съ которою производится сіе столь извѣстное дѣло, ясно выставляетъ всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства.*

Тѣмъ не менѣе, только въ царствованіе Александра II-го, Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи составило проекты новаго гражданскаго судопроизводства и положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, а впослѣдствіи, въ 1860 г., и проекты устава уголовнаго судопроизводства и судоустройства. Всѣ проекты, относящіеся къ гражданскому судопроизводству и судоустройству, были въ Государственномъ Совѣтѣ переработаны и соглашены между собою, и, въ 1859 году, разосланы не только офиціальнымъ юристамъ-практикамъ, но и профессорамъ университетовъ, частнымъ повѣреннымъ и даже всѣмъ вообще лицамъ, интересовавшимся этимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, этимъ проектамъ, въ 1859 году, дана была полная гласность. Доставленныя всѣми означенными лицами замѣчанія на проекты Государственнаго Совѣта составили драгоцѣннѣйшій матеріалъ для разработки основныхъ

положеній судоустройства и судопроизводства. Этотъ трудъ былъ возложенъ на особую Коммиссію при Государственной Канцеляріи, которая успѣшно его окончила, принявъ при этомъ во вниманіе нарочно собранныя мнѣнія практиковъ по судебной части. Наконецъ, 29-го сентября 1862 года, *основныя положенія* удостоились Высочайшаго утвержденія [309]).

„1861 годъ,“ — писалъ Б. Н. Чичеринъ — „видѣлъ преобразованіе, которое составляетъ эпоху въ Русской Исторіи. 1862 годъ не менѣе плодотворенъ. Въ началѣ года, въ первый разъ обнародованъ бюджетъ; затѣмъ въ правительственномъ отчетѣ объявлено, что цензуру книгъ предполагается уничтожить; теперь публикуются Высочайше утвержденныя начала новаго устройства суда. Основанія ихъ: независимость судей, публичность суда, присяжные. Реформа слѣдуетъ за реформою; общественная свобода и гласность развиваются шире и шире. Не есть ли это лучшій отвѣтъ на одностороннія сужденія, на подозрѣнія недовольныхъ, на возгласы нетерпѣливыхъ?

„Сердце Русскаго бьется сильнѣе при мысли, что права наши будутъ ограждены, что безкорыстіе и правда водворятся на Русской Землѣ. *Положеніе 19-го февраля* даровало свободу двадцати-двумъ милліонамъ людей, реформа суда дастъ правосудіе всѣмъ. Въ настоящее время, нѣтъ преобразованія болѣе настоятельнаго, болѣе соотвѣтствующаго и высшимъ нравственнымъ требованіямъ, и насущной нуждѣ народа, жаждущаго защиты и правды. Это новый великій памятникъ нынѣшняго царствованія, равный по достоинству первому; это новый залогъ благихъ намѣреній Монарха, на которыя Русскій человѣкъ отзовется признательностью и любовью. Тѣ драгоцѣнныя стяжанія свободы, которыя другіе народы нерѣдко покупали своею кровью, мы получаемъ путемъ мирнаго развитія, изъ рукъ Правительства, воодушевленнаго мыслію о благѣ подданныхъ.

„Но, радуясь великому дѣлу и тѣмъ благодатнымъ послѣдствіямъ, которыя оно обѣщаетъ Отечеству, мы не должны

льстить себя надеждою, что оно можетъ совершиться вдругъ, что со введеніемъ новаго судебнаго устройства исчезнетъ, какъ мракъ передъ солнцемъ, все то множество золъ, которыя накопились вѣками, на которыя мы такъ долго негодовали напрасно: невѣжество, равнодушіе, корысть, лихоимство, произволъ. Устройство правильнаго суда тамъ, гдѣ нѣтъ даже первоначальныхъ его элементовъ, едва ли не болѣе трудное дѣло, чѣмъ самое освобожденіе крестьянъ. Послѣднее проникало въ глубину жизни, оно требовало самаго тонкаго чутья правды, самаго безкорыстнаго, терпѣливаго, осторожнаго и настойчиваго образа дѣйствій при развязкѣ сложныхъ отношеній. Но все же это была развязка, а созидать всегда труднѣе, нежели разрушать. И что еще созидать! Не механическую силу, для которой нужны только энергія, да ясность взгляда, а нравственный порядокъ, основанный на свободномъ служеніи идеѣ. Новое преобразованіе даетъ намъ форму, способную принять на себя нравственное содержаніе и поэтому мы привѣтствуемъ его отъ всей души; но осуществленіе этой мысли требуетъ долгихъ и долгихъ лѣтъ и многихъ усилій, какъ со стороны Правительства, такъ и со стороны народа. Нѣкоторыя изъ высказанныхъ здѣсь началъ, безъ сомнѣнія, немедленно принесутъ свою пользу, но другія только современемъ могутъ получить свое настоящее значеніе.

„Къ числу первыхъ мы относимъ публичность и гласность судопроизводства. Мы всегда были убѣждены, что это первое, если не единственное, обезпеченіе правильнаго суда, котораго мы можемъ искать въ Россіи. Тамъ, гдѣ нѣтъ образованнаго сословія судей, гдѣ правительственный контроль невозможенъ, по самому свойству судебныхъ учрежденій, тамъ остается одна надежда на контроль общественный. Мы знаемъ, что онъ не всегда бываетъ дѣйствителенъ, что въ отдаленныхъ закоулкахъ онъ часто ничтоженъ; мы знаемъ, что безъ печатной гласности публичность суда одно только слово, а печатная гласность, при плохихъ судьяхъ, можетъ повести къ

уничтоженію суда въ глазахъ народа; но въ томъ состояніи правосудія, какое мы видимъ въ Россіи, публичность суда для насъ якорь спасенія. Въ ней есть явныя, неопровержимыя выгоды, которыя далеко перевѣшиваютъ всевозможные недостатки, выгоды, которыя сдѣлаются ощутительными при первомъ введеніи новаго судопроизводства. Судъ немедленно изъ области мрака перенесется на свѣтъ; судья немедленно будетъ поставленъ лицомъ къ лицу съ обществомъ, отвѣтствуя передъ нимъ за свои дѣйствія; граждане немедленно узнаютъ, какъ обходятся съ ихъ правами; подсудимый немедленно пріобрѣтетъ надежную гарантію въ воззваніи къ нравственному суду общества. Явныя притѣсненія сдѣлаются невозможны; возмутительное обхожденіе съ человѣческою личностью исчезнетъ. Общественвое мнѣніе, какъ бы оно ни было незрѣло и ничтожно, всегда представляетъ нравственную силу, которая должна поднять и уровень судей. Въ гласности судопроизводства мы полагаемъ главное значеніе настоящаго преобразованія.

„Едва-ли благоразумно ожидать такихъ же быстрыхъ плодовъ отъ другихъ началъ, вводимыхъ новымъ судоустройствомъ. Въ Наукѣ и въ практикѣ нѣтъ, можетъ быть, начала болѣе твердо установленаго, болѣе непреложнаго, чѣмъ начало независимости судей. Оно вытекаетъ изъ самаго существа суда. Судья прежде всего долженъ быть безпристрастенъ; онъ — живой органъ правды и закона. А для этого необходима полная независимость его отъ постороннихъ вліяній. Судья долженъ быть одинаково чуждъ и угожденія Правительству, и личныхъ отношеній къ избирателямъ. Судья, который не пользуется независимостью, не имѣетъ нравственнаго значенія судьи. Отсюда начало несмѣняемости, которое, обезпечивая независимость судей, считается лучшею гарантіею права. Все это такъ. Но что если, при неудачныхъ назначеніяхъ, при невозможности на первый разъ найти людей, суды наши наполнятся безсмѣнными судьями, не вполнѣ достойными своего званія? Ихъ уже нѣтъ возможности замѣнить другими. Безсмѣнный судья ни-

кого не боится. Онъ смѣется надъ общественнымъ мнѣніемъ, которое не въ силахъ нанести ущербъ матеріальнымъ его выгодамъ. Начало несмѣняемости судей тогда только получитъ настоящее свое значеніе, когда судебное сословіе пріобрѣтетъ крѣпкій запасъ образованныхъ силъ, когда оно будетъ носить въ себѣ преданія и нравственный духъ, когда чувство сословной чести и нравственная атмосфера, окружающая судью съ самаго вступленія его на это поприще, не дозволятъ ему ни на минуту отклониться отъ прямого пути. А на это требуется время; нравственныя силы создаются вѣками. Но, какъ основаніе для будущаго, начало независимости судей имѣетъ громадное значеніе. Правительство, которое отнынѣ предоставляетъ наказаніе гражданъ независимому суду, дѣлаетъ величайшій шагъ на пути законности, какой можетъ сдѣлать общественная власть. Честь ему и хвала!

„Такъ же мало обѣщаемъ мы себѣ немедленныхъ результатовъ отъ учрежденія присяжныхъ. Если судьи, взятые изъ народа, служатъ обезпеченіемъ правъ, то у насъ давно уже есть выборные судьи. Опытъ показываетъ, что народные суды не всегда ограждаютъ отъ лихоимства и произвола. Наши выборные судьи не удались. Но поставьте ихъ подъ контроль гласности и немедленный результатъ будетъ тотъ же, что отъ суда присяжныхъ. Существенное отличіе послѣднихъ отъ выборныхъ засѣдателей состоитъ въ томъ, что они назначаются жребіемъ изъ всѣхъ сословій, а потому не зависятъ отъ избирателей. Тутъ образуется живая связь между судомъ и народомъ; всѣ граждане, по очереди участвуя въ судѣ, получаютъ высшее сознаніе своихъ правъ и обязанностей. Но для того, чтобы люди, случайно взятые изъ народа, могли произнести праведный приговоръ, и притомъ приговоръ безъ апелляціи, нерѣдко въ весьма запутанныхъ дѣлахъ,—для этого необходимо руководство со стороны судьи. Процессъ представляетъ живую драму, въ которой каждая сторона старается склонить правосудіе на свою сторону. При множествѣ разнорѣчащихъ показаній и уликъ, часто весьма трудно

объяснить себѣ дѣло. А кромѣ фактическаго вопроса, присяжные неизбѣжно обсуждаютъ и юридическій. Преступленіе—понятіе юридическое, которое опредѣляется закономъ. Надобно рѣшить, подходитъ ли совершонное дѣйствіе подъ это понятіе, или нѣтъ? Составляетъ ли оно настоящее преступленіе, или только покушеніе, или, наконецъ, просто проступокъ предосудительный, но не запрещаемый закономъ? Все это должно быть вполнѣ выяснено судьею, чтобы присяжные могли произнести правильный приговоръ. Иначе, они бродятъ во мракѣ. Судья руководитъ всѣмъ ходомъ дѣла. Онъ сводитъ пренія и доказательства къ общему итогу, онъ растолковываетъ присяжнымъ юридическіе вопросы. Для всего этого требуется большое знаніе, опытность и тонкость. Кто слѣдилъ за судами въ Англіи и во Франціи, тотъ могъ убѣдиться, какое огромное значеніе имѣетъ судья для присяжныхъ. Послѣдніе почти немыслимы безъ опытнаго руководителя. А такъ какъ трудно надѣяться, чтобы на первый разъ суды въ нашихъ уѣздныхъ городахъ были замѣщены опытными и образованными судьями, то на первую пору едва ли можно ожидать блистательныхъ результатовъ отъ присяжныхъ. Это учрежденіе принесетъ болѣе плодовъ въ будущемъ, нежели въ настоящемъ.

„Однако, и въ настоящее время, оно не останется безполезнымъ. Если оно не улучшитъ немедленно самого суда, то, безъ сомнѣнія, возвыситъ въ обществѣ сознаніе гражданскихъ обязанностей. Служба присяжныхъ—новая тяжесть для гражданъ, тяжесть, налагаемая свободою. Освобожденіе крестьянъ породило небывалую дѣятельность въ нашихъ провинціяхъ. Преобразованіе суда, въ свою очередь, вызываетъ новыхъ дѣятелей; нужны судьи, адвокаты, присяжные. Свобода не пріобрѣтается даромъ; она требуетъ жертвъ и усилій. Но мужественное исполненіе гражданскихъ обязанностей одно даетъ обществу внутреннюю крѣпость и способность къ самоуправленію.

„Не меньшихъ усилій требуетъ новое судоустройство и со стороны Правительства. На немъ, главнымъ образомъ, лежитъ

назначеніе судей, отъ которыхъ зависитъ весь успѣхъ предпріятія. А откуда ихъ взять, когда они не подготовлены жизнью? Создать изъ ничего независимое судебное сословіе— это подвигъ, передъ которымъ невольно останавливаешься съ изумленіемъ. Начертать законъ—дѣло сравнительно легкое. Но найти людей, направить ихъ къ благой цѣли, вдохнуть въ нихъ духъ правды и чести, установить правосудіе на пространствѣ огромнаго государства, которое доселѣ его не знало, вотъ задача, съ которою едва ли что̀ можетъ сравниться. Тутъ надобно имѣть дѣло не съ слѣпыми орудіями, а съ самыми свободными силами, какія существуютъ на землѣ — съ знаніемъ, съ нравственнымъ достоинствомъ, съ личною независимостью. Какой нуженъ высокій нравственный смыслъ, кокое глубокое знаніе людей, какое неистощимое постоянство, какое соединеніе твердости съ гибкостью и съ уваженіемъ къ человѣку, чтобы руководить безъ произвола, чтобы направлять, не раздражая. Этой задачи станетъ на полвѣка. Много зависитъ отъ начала, и хотя въ дѣлахъ человѣческихъ нельзя искать совершенства, но мы надѣемся, что благія намѣренія Правительства и готовность общества содѣйствовать великой цѣли, дадутъ Россіи возможность установить у себя правосудіе“ [310]).

Прочитавъ *Основныя начала* преобразованія *Судебной части*, Никитенко (10 октября 1862) записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе... Вотъ публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ администраціи, и все это созданіе того Государя, котораго упрекаютъ въ слабости... Нѣтъ, господа красные, послѣдователи Герцена, вы не поняли этого человѣка и въ васъ нѣтъ ничего, кромѣ желанія играть роль и рисоваться передъ толпой, чтобы она рукоплескала вамъ. Нѣтъ, вы не двигатели Россіи на ея пути къ успѣху, а тормозы ея“ [311])!

Слѣдуя народной мудрости: *говорить по волку, говорить*

и на волка, не скрою и другія мнѣнія о совершавшемся преобразованіи.

Директоръ Департамента Полиціи графъ Д. Н. Толстой писалъ: „По составленіи Коммиссіи для занятій по служебной реформѣ, я обратилъ вниманіе Валуева на то направленіе, какимъ отличались призванные къ тому законодатели. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе ошибочности самыхъ началъ, принятыхъ въ основаніе реформы, я обратилъ вниманіе министра на то, что это дѣло задумано въ ту печальную эпоху, когда Правительство путемъ постоянной снисходительности начинало лишаться авторитета, и когда неблагонамѣренные люди не только было основали подпольную прессу, но отваживались даже на уличныя демонстраціи; что вліяніе эпохи должно непремѣнно отразиться на предстоящую реформу, какъ на результатъ того времени; что члены Коммиссіи всѣ проникнуты недоброжелательствомъ къ административной власти и, подъ видомъ свободы суда, стремятся связать ей руки; что назначеніе главныхъ областныхъ судей, съ огромнымъ жалованьемъ, съ іерархическими преимуществами, равняющимися сенаторскимъ, и съ вліяніемъ на пять губерній, совершенно уничтожаетъ значеніе губернатора, особенно той губерніи, гдѣ будетъ имѣть пребываніе такой судья; что, наконецъ, если такое назначеніе необходимо, то не менѣе необходимо, для охраненія правительственнаго авторитета, назначить въ эти губерніи генералъ-губернаторовъ. Замѣчаніе мое о направленіи членовъ Коммиссіи было тѣмъ основательнѣе, что они, приглашая въ качествѣ экспертовъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, исключили изъ нихъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, кромѣ Медицинскаго Департамента, котораго они миновать не могли; а между тѣмъ, по тѣсной связи судебнаго слѣдствія съ полицейскимъ и по необходимости въ употребленіи полиціи при исполненіи судебныхъ рѣшеній, они безцеремонно и безъ вѣдома Министерства распорядились ею въ своихъ проектахъ такъ, что полиція, если бы проекты эти прошли, вдругъ очутилась бы въ пря-

мой зависимости отъ прокуроровъ. Все это я считалъ долгомъ высказывать министру, несмотря на то, что ясно видѣлъ, что онъ ничего моего уже не принималъ въ уваженіе. Быть можетъ, взгляды мои были ошибочны. Признаюсь, что съ ними можно не соглашаться; но, думаю и теперь, что они по самому свойству своихъ предметовъ заслуживали вниманія. Они брошены были, какъ пустой хламъ“ [312]).

„Прочелъ мнѣніе Государственнаго Совѣта“,—писалъ Кошелевъ Погодину,—„съ проектомъ о главныхъ началахъ нашего будущаго судопроизводства и судоустройства. Право, очень хорошо. Не мѣшало бы теперь издать еще законъ о томъ, чтобы всѣ въ Россіи пахали не иначе, какъ плугами. Такой законъ для сельскаго хозяйства былъ бы отлично полезенъ; но вопросъ: откуда взять плуги? и гдѣ достать въ достаточномъ количествѣ лошадей годныхъ для плуговъ. Право — славно: у насъ будутъ, по щучьему велѣнью и по нашему прошенію, — и адвокаты, и предсѣдатели, способные вести судныя дѣла и пренія такъ, какъ того требуютъ Наука и практика. Знаете, безъ смѣха нельзя читать этого прекраснаго сочиненія: хорошо, очень хорошо, а никуда не годится! Заявленіе на счетъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній — совершенно въ другомъ родѣ. Опять никуда не годится, но по причинамъ совершенно инымъ. Тамъ либерализмъ, прекрасная теорія, хотя и съ отсутствіемъ знанія Россіи; но здѣсь хлопочутъ объ одномъ — какъ бы вывѣску намалевать и въ сущности ничего не сказать. Дайте намъ менѣе правъ, чѣмъ сколько мы имѣемъ. Назначайте отъ короны даже предсѣдателей во всѣ наши уѣздныя и губернскія собранія. Нѣтъ! Шалишь. Знаете: проектъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ останется in spe, и никогда не приведется въ исполненіе. Это сочиненіе дѣлаетъ честь добрымъ намѣреніямъ авторовъ; но уѣздныя и губернскія учрежденія—это злая насмѣшка надъ нами, надъ здравымъ смысломъ, надъ нынѣшнимъ временемъ, — насмѣшка авторовъ надъ собою. Во всѣхъ явленіяхъ нашей общественной жизни есть много

грустнаго. И хочется и колется и бабушка не велитъ. Хотимъ сдѣлать что нибудь порядочное — что-нибудь, чего требуетъ время, — но хотимъ сдѣлать по высочайшему повелѣнію, и никакъ не можемъ рѣшиться на допущеніе саморазвитія. Всякая независимая дѣятельность, мысль—для насъ то же, что чорту ладанъ. Нѣтъ! такъ мы ни до чего не дойдемъ“ [313]).

28 октября 1862 года, изъ Парижа, Шевыревъ писалъ Погодину: „Любопытны пренія о судебной реформѣ. Не думаю, чтобъ могла у насъ приняться эта судебная комедія, разыгрываемая адвокатомъ власти всегонительной и адвокатомъ краснорѣчія всеоправдывающаго. Думаю, что Русскій человѣкъ адвокату своей неправды способенъ будетъ публично сказать: *Да вѣдь ты все лгалъ. Я въ самомъ дѣлѣ убійца.* И что это за власть императорская, которая будетъ только гнать и обвинять? Нѣтъ, у насъ должно быть что-нибудь другое“ [314]).

LXXIV.

Въ октябрѣ 1862 года, въ Москву пріѣхалъ П. И. Мельниковъ и письменно извѣстилъ Погодина: „Къ вамъ Царь будетъ на шесть недѣль“ [315]).

10 ноября 1862 года, Дворъ переѣхалъ въ Москву. Подъ 11 ноября, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Въ Кремль, въ народѣ“.

Въ тотъ же день состоялся выходъ въ Успенскій соборъ. Митрополитъ Московскій Филаретъ привѣтствовалъ Государя словомъ:

„Благочестивѣйшій Государь! Если всякое событіе, какъ всякое слово, имѣетъ свое значеніе: то какое значеніе мы можемъ находить въ томъ, что, близко за недавнимъ, новое твое посѣщеніе даруешь твоей древней столицѣ, и притомъ вмѣстѣ съ твоею благочестивѣйшею супругою и съ частію твоего благовѣрнаго семейства?

„Смѣемъ найти въ семъ вожделѣнное для насъ значеніе,— то, что Москва близка твоему сердцу.

„Такъ, въ сіе не лучшее для многихъ государствъ время, когда въ ихъ столицахъ между Правительствомъ и народомъ стоятъ спорныя мысли и недоразумѣнія, здѣсь царя и народъ въ мирѣ и единеніи сохраняетъ сохраняемая любовь.

„Богъ мира и любви, силою общественнаго единодушія, да подкрѣпляетъ и да приводитъ къ желаемому совершенію подвиги, предпринятые и предпринимаемые тобою для государственныхъ улучшеній“ [316]).

„Государь Императоръ встрѣченъ мною въ Успенскомъ соборѣ“,—писалъ Филаретъ къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода А. П. Ахматову,—„во-первыхъ, съ преосвященнымъ Антоніемъ, и по немъ съ двумя викаріями. По причинѣ холода, мы расположились такъ, что встрѣтили Государя на паперти, пока онъ приближался, а по приближеніи, вступили внутрь собора, и онъ вошелъ съ Государынею Императрицею и Великою Княжною, и за ними затворили двери; тогда я привѣтствовалъ ихъ и поднесъ имъ Крестъ и Святую воду“ [317]).

Въ письмѣ же своемъ къ Антонію, Филаретъ писалъ: „Зима нехорошо на меня дѣйствуетъ. Во время встрѣчи Государя Императора, я былъ одѣтъ тепло, и изъ Успенскаго собора въ Чудовъ монастырь не ходилъ, потому что ихъ величества не шли туда, а ѣхали; однако, дѣйствіе зимы оказалось, и особенно сильно въ рукахъ“ [318]).

Въ это время, проѣздомъ изъ Кіева въ С.-Петербургъ, въ Москвѣ пребывалъ Кіевскій митрополитъ Арсеній, и Филаретъ, содержаніе бесѣдъ своихъ съ нимъ сообщаетъ Ахматову.

„Владыка Кіевскій“,—писалъ Филаретъ,—„замѣчаетъ, что владыка Новгородскій (Исидоръ) иногда бываетъ подверженъ не полезнымъ вліяніямъ. Онъ въ Грузіи управлялъ дѣятельно и полезно, и писалъ оттуда разсудительно, что и теперь есть въ его письмахъ. Но наблюденіе надъ людьми и распоряженія оказываются иногда невпопадъ. Владыкѣ Кіевскому сооб-

щилъ я нѣкоторыя мои мысли, и, между прочимъ, старался познакомить его съ вами. Кажется, онъ слушалъ меня съ довѣріемъ. Онъ примѣчательно говоритъ о предосторожностяхъ и неосторожностяхъ въ отношеніи къ величеству. Онъ предложилъ мнѣ вопросъ, не нужно ли ему здѣсь, въ Москвѣ, представиться Государю Императору, при чемъ онъ постарался бы сказать Его Величеству, что послѣ князя Васильчикова не полезно было бы поручить тамошній край ближайшему по немъ, который хотя и честный полякъ, но не будетъ сильно противодѣйствовать неблагонамѣренному полячеству. Я не могъ дать на сіе отвѣта. Не предложилъ я сего вопроса и князю Долгорукову, который встрѣтился у меня съ митрополитомъ" [319]).

Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, Валуевъ предложилъ своему директору Полиціи графу Д. Н. Толстому ѣхать туда, „и стараться, сколько можно, разъяснять въ понятіяхъ тамошняго общества истинное положеніе дѣлъ и стремленій Правительства".

„Я нашелъ",—писалъ графъ Толстой,—„что въ Москвѣ, какъ и вездѣ, общество раздѣлялось на три части: небольшое число людей серьезныхъ, которые, ясно смотря на дѣло и понимая его, довольствуются скромнымъ и умѣреннымъ выраженіемъ своего мнѣнія; нѣсколько больше число *запѣвалъ*, изъ которыхъ одни раздражены неудачами по службѣ, другіе убытками и разстройствомъ въ хозяйствѣ, третьи, наконецъ, увлечены словолюбіемъ; напослѣдокъ *хоръ* или толпа, готовая повторять то, чтò слышитъ отъ коноводовъ, и въ настоящемъ случаѣ, какъ составленная изъ лицъ болѣе или менѣе страдающихъ экономическимъ разстройствомъ, повторявшая эти слова съ восторгомъ и остервенѣніемъ. Безстыдство коноводовъ простиралось до того, что они выдавали за совершившіяся распоряженія Правительства такія мѣры, которыя или имѣлись въ С.-Петербургѣ въ виду, какъ предположенія, или были выдуманы на досугѣ, и толпа имъ вѣрила!... Впрочемъ, одно достовѣрно: неудовольствіе въ Москвѣ

было общее. Оно выражалось и между купечествомъ; оно слышалось въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ оттѣнковъ и школъ. Старый москвичъ, я имѣлъ тамъ множество знакомыхъ. Я старался бывать вездѣ: и въ клубахъ, и въ театрѣ, и въ частныхъ кружкахъ, и въ обществѣ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Имя Соловьева *), въ особенности между дворянами, было ненавидимо, и на него указывали, какъ на обвиненіе противъ Правительства. Говорили, что держать его во главѣ крестьянскаго дѣла значило оказывать явное, открытое пренебреженіе къ общественному мнѣнію; что настоящее Правительство болѣе ретроградно, чѣмъ какое-либо, потому что прежде общій голосъ принимался въ уваженіе. Вспоминали о Сперанскомъ, о Барклаѣ. Обо всемъ этомъ я писалъ Валуеву, который желалъ внимательно прислушиваться къ общественному мнѣнію, вѣрный своей идеѣ примиренія. Изъ уваженія къ истинѣ, я долженъ сказать, что голосъ мой въ Москвѣ не былъ вопіющимъ въ пустынѣ, неемотря на сильныхъ противниковъ, съ которыми пришлось мнѣ бороться. Въ этомъ много помогла мнѣ честность моего поведенія, поселившая нѣкоторую довѣренность къ моему слову".

Во все это время министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по большей части, жилъ въ Москвѣ, отъѣзжая по временамъ въ Петербургъ. Онъ, по свидѣтельству графа Толстого, „дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, и производимое имъ въ Москвѣ впечатлѣніе было то же, какое производитъ онъ всегда и на всѣхъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло: онъ очаровывалъ любезностью, краснорѣчіемъ, добротою. Я былъ совершенно доволенъ моимъ положеніемъ" [320]).

Самъ Валуевъ писалъ изъ Москвы (16 ноября 1862 г.) своему товарищу Тройницкому: „До сихъ поръ здѣсь не было никакихъ пріемовъ или festivités, по случаю легкаго нездоровья Императрицы. Ей гораздо лучше, и послѣ завтра, вѣроятно,—общее представленіе Дворянства. Здѣсь губернскіе

---

*) Дѣятеля Редакціонныхъ Коммиссій. *Н. Б.*

предводители: Нижегородскій, Владимірскій, Тульскій, Калужскій, Тверской, Смоленскій, Рязанскій, Полтавскій, Ярославскій и Гродненскій *). Дамы готовятся къ представленію, въ понедѣльникъ или во вторникъ. Народъ такъ бѣгаетъ за Государемъ, что ему нельзя ходить. Онъ пробуетъ, и потомъ кончается тѣмъ, что садится въ коляску и ѣдетъ далѣе“.

„Атмосфера въ Москвѣ“,—читаемъ въ другомъ письмѣ Валуева,—„лучше, чѣмъ вообще предполагаютъ... Возвратясь (изъ Владиміра), въ половинѣ 8-го, я уже былъ у обѣдни въ 10-ть, принималъ съ 11 до 3, между прочимъ Каткова и Леонтьева, и депутацію ямщиковъ, которые поднесли мнѣ икону; ѣздилъ съ 3 до 5; обѣдалъ у стараго товарища; успѣлъ быть въ театрѣ“ [321]).

18 ноября 1862 года, состоялся торжественный пріемъ дворянскихъ депутацій. „Въ рядахъ Московскаго Дворянства“,—повѣствуетъ Татищевъ,—„собрались, въ Кремлевскомъ Дворцѣ, маститые и заслуженные высшіе государственные сановники: Шефъ жендармовъ Князь Долгоруковъ, оберъ гофмаршалъ графъ Шуваловъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ Валуевъ, Московскій генералъ-губернаторъ Тучковъ, генералъ адъютанты князь Меншиковъ и Шиповъ, генералъ отъ инфантеріи Офросимовъ, сенаторы: князь Лобановъ-Ростовскій, князь Урусовъ и многіе другіе. Тутъ же были всѣ уѣздные предводители Московской губерніи съ своимъ губернскимъ предводителемъ княземъ Гагаринымъ, а также губернскіе предводители: Нижегородскій, Владимірскій, Рязанскій, Колужскій, Полтавскій, Тверской, Тульскій, Ярославскій, Гродненскій и Смоленскій, нѣкоторые изъ уѣздныхъ предводителей ближайшихъ губерній и множество мировыхъ посредниковъ.

Пріемъ дворянъ отличался необычайною торжественостію. Государь вышелъ къ нимъ въ тронную Андреевскую залу подъ руку съ Императрицей, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты. „Мнѣ особенно пріятно, господа“,—

---

*) Графъ Старжинскій. *Н. Б.*

сказалъ Государь,—„видѣть васъ собранными здѣсь, въ нашей древней столицѣ, которая мнѣ вдвойнѣ дорога, какъ собственная моя колыбель. Я радъ, что могу повторить то, что Новгородское Дворянство отъ меня слышало въ день празднованія тысячелѣтія Россійскаго Государства. Я привыкъ вѣрить чувствамъ преданности нашего Дворянства, преданности неразрывно престолу и Отечеству, которую оно столь часто на дѣлѣ доказывало, въ особенносси въ годину тяжкихъ испытаній нашего Отечества, какъ то было еще въ недавнее время. Я увѣренъ, господа, что Дворянство наше будетъ и впредь лучшею опорою престола, какъ оно всегда было и должно быть. Вотъ почему я надѣюсь на васъ, господа, на ваше единодушіе помогать мнѣ во всемъ, что клонится къ благу и могуществу дорогого Отечества нашего. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да будетъ благословеніе Его съ нами! А вы, господа Московскіе дворяне, знаете, что я за особую честь считаю принадлежать, какъ помѣщикъ вашей губерніи, къ вашей средѣ. Благодарю васъ за вашъ радушный пріемъ, который я умѣю цѣнить“. Раздалось громкое *ура!*

Но, И. С. Аксаковъ писалъ Кохановской: „Пребываніе Государя въ Москвѣ, имѣвшее многія добрыя послѣдствія, въ то же время много содѣйствовало мнимому оживленію Дворянства; кажется, теперь все мирно и примирено, но какая это фальшивая гармонія! Она отвратительнѣе для меня самаго рѣзкаго диссонанса“.

Недѣлю спустя, послѣ представленія Дворянства, 25 ноября, Государь принималъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ городскихъ головъ уѣздныхъ городовъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ изъ временно обязанныхъ крестьянъ Московской губерніи. Пріемъ состоялся въ Георгіевской залѣ. Ровно въ полденъ Государь и Императрица вышли къ собравшимся и приняли отъ нихъ хлѣбъ-соль. Выйдя на средину залы, Государь подозвалъ къ себѣ крестьянъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Здравствуйте, ребята! Я радъ васъ видѣть. Я далъ вамъ свободу, но помните,

свободу законную, а не своеволіе. Поэтому я требую отъ васъ, прежде всего повиновенія властямъ, мною установленнымъ *(Будемъ слушаться, ваше императорское величество!)*. Требую отъ васъ точнаго исполненія, установленныхъ повинностей *(Будемъ стараться, ваше Императорское величество!)*. Хочу, чтобы тамъ, гдѣ уставныя грамоты не составлены, онѣ были составлены скорѣе, къ назначенному мною сроку *(Слушаемъ, ваше императорское величество!)*. Затѣмъ, послѣ составленія ихъ, то есть, послѣ 19 февраля будущаго года, не ожидать никакой новой воли и никакихъ новыхъ льготъ. Слышите ли? *(Слушаемъ, ваше императорское величество!)*. Не слушайте толковъ, которые между вами ходятъ, и не вѣрьте тѣмъ, которые васъ будутъ увѣрять въ другомъ, а вѣрьте однимъ моимъ словамъ *(Слушаемъ, ваше императорское величество, вѣримъ и благодаримъ!)*. Теперь прощайте, Богъ съ вами"!

„Крестьянское дѣло вообще",—писалъ Валуевъ, изъ Москвы, 23 ноября 1862 года,—„идетъ весьма успѣшно. Страсти успокоиваются, отношенія установляются, крѣпнутъ на правильной основѣ. Нужно два-три толчка и цѣль будетъ окончательно достигнута. Эти толчки нужны для того, чтобы пріободрить образумившихся, но еще боязливыхъ или колеблющихся, и чтобы еще болѣе уронить падающій кредитъ крикуновъ" [322]).

LXXV.

29 ноября 1862 года, Погодинъ получилъ приглашеніе на придворный балъ (30 ноября). Въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣтилъ: „Не показался бы отказъ грубостью. Думалъ, ѣхать ли на балъ? Писалъ вопросы о бородѣ. Послѣ обѣда уснулъ".

За разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній Погодинъ обратился къ графинѣ А. Д. Блудовой, и она писала ему: „Разумѣется, лучше безъ бороды. — Не скупитесь, пошлите за *фигаро* и пріѣзжайте въ опрятномъ видѣ.—Непремѣнно отсутствіе бу-

детъ считаться опозиціей.—А это на что?—Не въ наши съ вами лѣта ребячиться! Предоставимъ это молодой Россіи. Я больна — зайдите ко мнѣ во время бала. Можно по коридорамъ придти".

„При Петрѣ былъ большой прогрессъ", — писалъ Погодину Н. П. Головинъ, — „должно было бороду брить. Теперь опять прогрессъ — можно бороду не брить. Жаль бороды — ходи въ бородѣ. Не жаль бороды — брей бороду. На верху и борода въ чести—милости просимъ". Къ этой записочкѣ другою рукою сдѣлана карандашемъ слѣдующая приписка: „Другъ мой, не сердись, что посылаю нарочнаго. Поѣзжай во Дворецъ и возвращайся ко мнѣ. Обнимаю".

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 30 ноября 1862 года, записано: „Отъ царя спрятался, потому что бородъ мало. Къ Царицѣ призвалъ Исаковъ. *Я васъ давно не видала. Вы не были въ Петербургѣ. Вы живете все тамъ же на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ я у васъ была.* Потомъ увидѣла меня послѣ ужина, подошла и говорила много о древностяхъ, портретахъ, бюстахъ, образахъ. Съ Давыдовымъ и Шуровскимъ объ университетскихъ обстоятельствахъ. Съ Мельниковымъ (министромъ) о желѣзныхъ дорогахъ. Узналъ меня. Очень привѣтливъ. Съ Чичеринымъ и Дмитріевымъ о Посошковѣ. Съ Тютчевымъ о политикѣ. Очень былъ доволенъ. Долгоруковъ, кажется, не узналъ меня".

Подъ *1 декабря 1862* г.: „Поздно всталъ. Мысль написать письмо Блудовой о балѣ".

Мысль свою Погодинъ воплотилъ въ нижеслѣдующемъ письмѣ къ графинѣ Блудовой: „Я не зашелъ къ вамъ вчера, графиня, по окончаніи бала, опасаясь васъ обезпокоить въ такую позднюю пору, но мнѣ хочется передать вамъ свое впечатлѣніе.

„Оно было въ полной мѣрѣ пріятное, какого я не ожидалъ. Передамъ вамъ главныя черты, увѣренный, что по вашему Карамзинскому *желанію добра* (вы помните его

статью: *Что нужно автору*), онѣ вѣрно доставятъ вамъ удовольствіе.

„Я слѣдилъ и много за Государемъ и Государыней, не находя долго слова, которымъ можно бы было характеризовать его—и это—*благоволеніе*. Я вспомнилъ Карамзина сначала, а теперь вспоминаю другаго нашего дорогаго покойника Жуковскаго. Его желаніе исполнилось: точно—это *человѣкъ на престолѣ*. Во всѣхъ чертахъ его лица, во всѣхъ взглядахъ его глазъ, во всѣхъ движеніяхъ его тѣла обнаруживается его добродушіе, его желаніе искренно доставить пользу, его готовность принести какія угодно жертвы — для блага дорогой ему Россіи. И между тѣмъ, нѣтъ никакой аффектаціи, не примѣтно преднамѣреннаго желанія понравиться, произвести эффектъ, все просто и натурально.

„Второе что мнѣ бросилось въ глаза, это его спокойствіе; мы живемъ въ тревожное время, много вопросовъ своихъ и чужихъ... Можетъ быть, за минуту до бала также онъ получилъ какую-нибудь важную вѣсть изъ Парижа или Турціи, изъ Аѳинъ или Константинополя, но онъ совершенно ровенъ и спокоенъ и я вспомнилъ слово одного старика на Уралѣ, который на вопросъ мой, что онъ думаетъ о настоящихъ тревогахъ и безпорядкахъ, отвѣчалъ однимъ словомъ: *обойдется*, и я согласился. Наружность вообще величественнная, и царственная. Я наблюдалъ нѣсколько разъ и покойнаго Государя Николая Павловича. Онъ былъ также величественъ, но къ величественности примѣшивалея — характеръ строгости и суровости, а у его сына — снисходительность и мягкость. Сознаю однако, что хотя онъ мягокъ и снисходителенъ, но я прятался отъ него, нося бороду и не имѣя пряжки *), забылъ надѣть. Я впрочемъ спрашивалъ разрѣшенія своего предводителя **), написавъ ему, что въ лѣтописяхъ я не нашелъ указовъ, но впрочемъ имѣю Петровскія квитанціи.

---

*) За безпорочную службу. *Н. Б.*

**) Т.-е., о бородѣ. *Н. Б.*

„Императрицы любезнѣе мудрено встрѣтить женщину. Фигура, осанка, походка царственныя. Какъ она старалась гостепріимная хозяйка, сказать всѣмъ гостямъ своимъ что-нибудь пріятное. Университетъ, профессора, директора гимназій, журналисты удостоились услышать отъ нея много пріятнаго и лестнаго. Меня же пристроенному попечителемъ къ составу Университета, она спросила: все тамъ ли еще живу на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ она была; встрѣтя въ другой разъ спросила о древностяхъ, о портретахъ моей Московской галлереи, о трудахъ собиранія и бюстахъ и моемъ послѣднемъ путешествіи. Не льщу ли я подкупленный благосклонностію; нѣтъ — я сказалъ правду, и что же я похвалилъ? Я похвалилъ наружность, внѣшность, которая однако же имѣетъ тѣнь связи съ внутренностію. Сдѣлаю еще замѣчаніе о духѣ времени: порицать, осуждать, находить дурнымъ старое — это въ модѣ, а сказать что-нибудь въ похвалу, хотя бы самое истинное, никакъ не позволительно; раздадутся сотни голосовъ, но Богъ съ ними, я пишу только для васъ и похвалю еще Московское общество. Общество находится въ непріятномъ расположеніи духа вслѣдствіе понесенныхъ убытковъ, а между тѣмъ, вотъ доказательство легкаго добраго сердца Русскаго, оно забываетъ свое горе и отвѣчаетъ радушіемъ на радушный призывъ. Впечатлѣніе во всемъ обществѣ было, кажется, очень удовлетворительное. Съ кѣмъ ни разговаривалъ, ни въ комъ не замѣтилъ ничего отрицательнаго, а это очень важно. По моему мнѣнію, непремѣнно нужно утѣшить, ободрить дворянъ какими-нибудь положительными словами въ родѣ слѣдующихъ: „Я знаю, господа, неудобства и невыгодное ваше настоящее положеніе, вы потерпѣли убытки, болѣе нежели я предполагалъ; но Богъ милостивъ, это временно, мы поправимся и я употреблю всѣ усилія, всѣми зависящими отъ меня средствами — пособить вамъ; а вы мнѣ помогайте, устройте ссуды, вознаградятся уступки. Больше всего надо обратить вниманіе на учебныя заведенія для воспитанія

вашихъ дѣтей: вотъ это теперь всего важнѣе, по оказавшимся слѣдствіямъ".

„Было у меня и нѣсколько интересныхъ разговоровъ съ П. П. Мельниковымъ—о желѣзныхъ дорогахъ. съ Чичеринымъ и Дмитріевымъ—о вновь отправляющейся депутаціи для журнальной печати, съ Буслаевымъ съ Давыдовымъ и Щуровскимъ—о старомъ университетскомъ времени, и я передалъ ему одинъ примѣчательный обычай; наконецъ съ Ѳ. И. Тютчевымъ потолковалъ о положеніи Европы, объ Англійскихъ затѣяхъ, о Французскихъ штукахъ, о Славянахъ и Полякахъ, выпили по бокалу за добро, котораго непремѣнно дождутся наши дѣти, если мы не увидимъ ничего . . . Слава Богу и за нихъ! . . . . . Идея Царя Русскаго есть такая идея, которую мы еще оцѣнить не умѣли. Признаюсь я въ слабости, столько я потерялъ отъ разныхъ кривыхъ толковъ, что не рѣшусь пустить ничего подобнаго въ огласку. Будетъ съ меня! Я довольно говорилъ: подъ старость нужно спокойствіе духа для окончанія моихъ сочиненій. Повторяю, что пишу это для васъ и для вашихъ ближнихъ; увѣренъ, что вамъ сладко будетъ прочесть нѣсколько строкъ".

6 декабря 1862 года, именины Наслѣдника Престола, Московское Дворянство отпраздновало баломъ, даннымъ имъ въ Россійскомъ Благородномъ Собраніи. Погодинъ попалъ и на этотъ балъ. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 6 декабря, онъ записалъ: „Одѣвался. На балъ съ Кошелевымъ. Государыня, идучи съ Государемъ, остановила его когда увидѣла меня, и говорила мнѣ что-то долго, но я ничего не понялъ подлѣ оркестра. Государь былъ также очень любезенъ и сказалъ, что былъ вчера въ моемъ сосѣдствѣ. Съ Долгоруковымъ, съ Тютчевымъ, съ Васильчиковымъ и пр. И пріѣхалъ и выѣхалъ благополучно, но поздно. Тютчевъ обмѣнялъ шубу".

На другой же день шуба Погодина была возвращена, при слѣдующемъ письмѣ Тютчева: „Говорятъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что мы, какъ Гомеровы витязи, обмѣня-

лись шубами. Убѣжденіями мы уже давно другъ съ другомъ обмѣнялись. Въ самую ту минуту, что я хотѣлъ послать вамъ моего человѣка, пріѣхалъ ко мнѣ посланный изъ Дворца, который и берется доставить вамъ ваше. Но я все-таки завидую моей шубѣ, что ей удалось побывать у васъ. Жалѣю очень, что не мнѣ. Господь съ вами" [323]).

„Здѣсь все благополучно", —писалъ Валуевъ (11 декабря 1862) Тройницкому.—„Государь вчера былъ на охотѣ въ предѣлахъ Владимірской губерніи и вернулся благополучно, въ 9 вечера; но я еще не знаю, какой успѣхъ имѣла охота. Дворъ возвращается 18 декабря" [324]).

Во время пребыванія Двора въ Москвѣ, Погодинъ съумѣлъ завести дружелюбныя сношенія съ давнимъ врагомъ своимъ графомъ С. Г. Строгановымъ, который уже изъ Петербурга (10 декабря 1862) писалъ ему: „Получивъ, поздно въ субботу, ваше письмо, я не могъ извѣстить объ отъѣздѣ моемъ, на другой день рано, изъ Москвы и, слѣдовательно, о невозможности быть у васъ для осмотра вновь пріобрѣтеннаго собранія древней Италіянской церковной живописи. Позвольте мнѣ надѣяться, что, при первой моей поѣздкѣ въ Москву, воспользоваться. Ваше приглашеніе не потеряетъ своей силы и оно доставитъ лишь случай лично васъ поблагодарить за добрую память и увѣрить въ истинномъ моемъ уваженіи" [325]).

Царское пребываніе въ Москвѣ завершилось пилигримствомъ въ Лавру преподобнаго Сергія.

„Послѣ встрѣчи въ Успенскомъ соборѣ",—писалъ Филаретъ къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода,—„дважды еще имѣлъ я счастіе видѣть Ихъ Императорскія Величества. Вчера Государыня Императрица изволила спросить, будете ли вы въ Москвѣ. Я отвѣчалъ, что не знаю, и что, вѣроятно, въ семъ участвовать будетъ сужденіе врачей. Желалъ бы я, чтобы они нашли сіе безпрепятственнымъ и несомнительнымъ въ отношеніи къ вашему здоровью. Въ слѣдующій вторникъ, назначили себѣ путешествіе въ Лавру великій князь Михаилъ

Николаевичъ и супруга его. А къ концу недѣли, вѣроятно, послѣдуетъ путешествіе туда и Ихъ Императорскихъ Величествъ... При семъ встрѣтится у насъ въ церкви нѣкоторое церемоніальное затрудненіе. Ректоръ Академіи протоіерей А. В. Горскій долженъ занимать высшее мѣсто предъ инспекторомъ ея и ректоромъ Семинаріи. Но никогда не было допускаемо, чтобы протоіерей, не имѣющій митры, занималъ высшее мѣсто предъ архимандритомъ. До сихъ поръ я поручалъ наблюдать, чтобы архимандритъ—инспекторъ Академіи Михаилъ и ректоръ Виѳанской Семинаріи архимандритъ Никодимъ не встрѣчались въ священнослуженіи съ ректоромъ-протоіереемъ, а въ прочихъ собраніяхъ сохранилъ бы онъ свое первенство. Но что дѣлать съ противорѣчіемъ, когда мы всѣ должны соединиться для срѣтенія Государя Императора? Говорилъ я о семъ съ митрополитомъ Кіевскимъ, и онъ пересказалъ мои слова митрополиту Новгородскому, и они оба согласны, что ректоръ Академіи, протоіерей Горскій, достоинъ носить митру“.

Съ умиленіемъ описываетъ Филаретъ день своихъ именинъ. „Великіе, вожделѣнные гости въ Москвѣ утѣшаютъ всѣхъ своимъ благоволеніемъ, въ числѣ прочихъ и мое смиреніе такъ, что меня не достаетъ, чтобы благодарить, а заслуживать конечно уже и времени моего не достанетъ. 26 ноября, въ исходѣ 3-го часа по-полудни, Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили меня такъ внезапно, что я не успѣлъ встрѣтить ихъ. Бывъ у меня въ келліи, Государь изволилъ вспомнить о моей домовой церкви, и, выходя изъ келліи, посѣтилъ оную. Здѣсь я показалъ Его Величеству бронзовую дщицу, памятникъ посѣщенія имъ сей церкви въ годъ его совершеннолѣтія. Въ память нынѣшняго посѣщенія устрояется другая. Вскорѣ по семъ, въ тотъ же день, посѣтилъ меня великій князь Михаилъ Николаевичь съ своею супругою. На другой день я удостоился принести благодарность Ихъ Величествамъ за милостивое посѣщеніе. Между тѣмъ, сухая и холодная погода продолжала дѣйствовать на

меня, даже въ домѣ, такъ неблагопріятно, что въ 1 день декабря, по совѣсти могъ я сказать: нездоровъ; не могу видѣть никого. Оказалось однако должнымъ сдѣлать очень пріятное исключеніе. Великая княжна Марія Александровна посѣтила меня, принося отъ Ихъ Величествъ евангеліе и крестъ въ мою домовую церковь, портретъ Государя Императора, а отъ себя цвѣты. Что̀ речемъ: Призри, насадитель рая; да цвѣтетъ неувядаемо державный благочестивый родъ; и да приноситъ обильные плоды благоденствія Россіи въ благочестіи и чистотѣ“ [326])!

Два дня, 18 и 19 декабря 1862 года, Государь пробылъ въ Лаврѣ преподобнаго Сергія. Филаретъ (16 декабря) писалъ Антонію: „Въ пятницу, возвѣщая вамъ Высочайшее посѣщеніе Лавры въ будущій вторникъ, я не терялъ надежды срѣтить тамъ Ихъ Императорскія Величества. Но съ пятницы на субботу произошла столь неблагопріятная перемѣна въ моемъ здоровьи, что я вчера оставался въ нерѣшимости, ожидая улучшенія; а сегодня, оставаясь и въ болѣзненности и въ скудости силъ, принужденъ отказаться отъ путешествія. Воля Господня да будетъ! Скорблю: но успокаиваю себя тѣмъ, что повинуюсь необходимости. Преподобный отецъ нашъ Сергій да благословитъ васъ и братію, вашею общею молитвою и добрымъ чиномъ служенія споспѣшествовать молитвѣ и миру Благочестивѣйшихъ. Ихъ Императорскія Величества прибудутъ прямо къ церкви. Кажется, тотчасъ будутъ слушать полный молебенъ, безъ акаѳиста. Съ вами въ облаченіи будетъ ректоръ Академіи (протоіерей Горскій), и далѣе іеромонахи Лавры. Когда Ихъ Величества приложатся къ мощамъ преподобнаго Сергія, и примутъ иконы, представьте имъ ректора Академіи. Литургію совершите съ ректоромъ Академіи и тремя іеромонахами. Нахожу нужнымъ употребить, по прежнему, Архангельскаго протодіакона, какъ знакомаго съ подобными служеніями. Учитель придворныхъ пѣвчихъ, по Высочайшей волѣ, потребовалъ моихъ пѣвчихъ, и они будутъ. Въ такомъ случаѣ, братіи достанется держать лѣвый ликъ.

Если чего больная моя голова не вспомнила, въ томъ да наставитъ васъ преподобный Сергій и ваше благоразсужденіе".

Въ другомъ своемъ письмѣ Филаретъ писалъ Антонію: „Въ присутствіи Ихъ Величествъ въ Лаврѣ, я и полагалъ быть монастырскому пѣнію, но учитель придворныхъ пѣвчихъ непремѣнно требовалъ пѣвчихъ и говорилъ еще (только не мнѣ), что когда Государь Императоръ былъ въ Лаврѣ и я занемогъ и при вашемъ служеніи пѣла братія, то будто бы Государь былъ недоволенъ пѣніемъ и его продолженіемъ. Ихъ Величества благи: а около ихъ мудрены" [327]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что за мѣсяцъ до посѣщенія Государемъ Лавры, И. М. Снегиревъ писалъ Погодину: „Представляю вамъ замѣтки одного посадскаго объ антиархеологическихъ передѣлкахъ къ Троицкой Лаврѣ, которую я чту наравнѣ съ вами, такъ какъ и ея мудраго священно-архимандрита. Но святыня и древность для меня выше высокопреосвященства. *Жалость дому снѣстъ мя*" [328]).

Описаніе высочайшаго посѣщенія Лавры было представлено въ рукописи Государю, на разсмотрѣніе, и возвращено митрополиту Филарету, при слѣдующемъ письмѣ оберъ-прокурора Св. Сѵнода: „*Описаніе* послѣдняго высочайшаго пребыванія въ Лаврѣ при семъ возвращаю, для печати, переписаннымъ по собственноручнымъ отмѣткамъ или поправкамъ Государя Императора, состоящимъ въ томъ, что Его Величество замѣнилъ слова: *изволили* слушать, *изволили* прикладываться, *изволилъ* приблизиться къ царскимъ вратамъ, — словами: — *слушали, прикладывались, приблизился,*—говоря, что слово *изволили* не можетъ быть употребляемо, когда дѣло идетъ о святынѣ. Дай-то Богъ видѣть во всѣхъ такое къ ней уваженіе" [329]).

Еще въ 1815 году, Филаретъ сказалъ: *Гдѣ взоръ Государя, тамъ вниманіе народа.* Одушевляемый такимъ же чувствомъ и въ 1862 году, митрополитъ писалъ оберъ-прокурору Св. Сѵнода: „Никогда не смѣлъ я поздравлять Государя Императора и Государыню Императрицу съ праздникомъ. Но,

теперь, когда они такъ снисходительно благоволили приближаться къ моему смиренію, а я, послѣ послѣдняго ихъ посѣщенія, не имѣлъ даже возможности представиться имъ, для принесенія моей благодарности, думаю, позволительно мнѣ, сверхъ обыкновенія, отверзть уста“.

Наканунѣ Рождества Христова (1862 года), Филаретъ писалъ: „Святая церковь повелѣваетъ: *Христосъ рождается славите!* Всемилостивѣйшее снисхожденіе Вашихъ Императорскихъ Величествъ, котораго недавній свѣтлый образъ еще и теперь предъ очами души моей, даетъ мнѣ дерзновеніе отверзть уста предъ вами. Живѣйшая благодарность моя не позволяетъ оставить уста мои не отверзтыми. И такъ, изъ глубины души, смиреннымъ словомъ, привѣтствую Ваши Императорскія Величества славою и радостію Рождества Спасителя нашего, сшедшаго съ небесъ, и родившагося на земли, чтобы возродить насъ въ жизнь небесную. Родившійся Царь, не Іудейскій только, но Царь вселенной, видимой и невидимой, да продолжитъ и умножитъ свои благословенія надъ вашимъ царскимъ достоинствомъ, да сіяетъ оно всегда величіемъ, правдою и славою и всегда о немъ (какъ недавно явственно въ Москвѣ), да радуется вѣрноподданый народъ. Радостнѣйшая и блаженнѣйшая изъ Матерей да предстательствуетъ предъ Сыномъ своимъ и Богомъ, чтобы ваши благовѣрныя чада цвѣли, росли и восходили въ совершенство къ радости вашей и къ благу усыновленныхъ любовію вашею сыновъ Отечества“ [330]).

Письмо это произвело самое благопріятное впечатлѣніе. „Мы прочли съ удовольствіемъ“,—писалъ Государь,—„и благодарностью письма митрополита и будемъ ему отвѣчать“ [331]).

Въ это же время Филаретъ былъ очень утѣшенъ пожалованіемъ митры достойному ректору Московской Духовной Академіи протоіерею Александру Васильевичу Горскому. „Вчера (24 декабря), во время служенія мною литургіи“,—писалъ Филаретъ,—„украшенъ ректоръ Академіи митрою; и нынѣ былъ со мною въ служеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ.

Намъ, которыхъ довѣрчиво, и вмѣстѣ поучительно, называютъ духовными, должно пещись о внутреннихъ и духовныхъ украшеніяхъ. Тѣмъ, которые вводили разнообразіе внѣшнихъ украшеній, надлежало имѣть проницательную и осторожную мысль. Но когда обычай установленъ, неудобно сдѣлать ненужнымъ то, въ чемъ прежде нужды не знали" [332]).

„Пребываніе Высочайшихъ Особъ въ Москвѣ"—свидѣтельствуетъ графъ Д. Н. Толстой,—„составило полное торжество Правительства: всѣ, если не забыли своего болѣзненнаго положенія, то, по крайней мѣрѣ, были до того подъ обаяніемъ чарующей доброты Государя, что готовы были отдать за него свою жизнь" [333]).

Конецъ книги девятнадцатой.

9 Октября 1904 года.
Село Вороново.
Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.

1) *Современная Лѣтопись,* 1862, № 4, стр. 20—21. *Письма* XXVII.

2) *Наше Время.* 1862, № 35.

3) *Современная Лѣтопись.* 1862. № 4, стр. 20—21.

4) *Русскій Архивъ,* 1897, № 1, стр. 57.

5) *Письма,* XXVII.

6) *Наше Время,* 1862, № 21.

7) Батуринскій. *Вѣстникъ Всемірной Исторіи,* 1901, № 12, стр. 113—120.

8) *Русскій Архивъ.* 1897. № 1, стр. 64—65.

9) *Письма,* XXVII.

10) *Отцы и дѣти,* стр. 147—149, *Письма* Филарета къ Антонію. IV, 345—346.

11) *Записки и Дневникъ.* Спб. 1893, II, 310—311.

12) *Совpеменная Лѣтопись,* 1862, № 9, стр. 23—24. *Урусовскій Архивъ* Н. П. Семенова.

13) *И. С. Аксаковъ,* Спб. 1896. IV, 225. *День.* 1862. № 13.

14) *Письма* Филарета къ Антонію М. 1884, IV, 322.

15) *Письма,* XXVII. *Русское Обозрѣніе.* 1897, Май, стр. 78.

16) *Наше Время,* 1862, № 12, 4—6, 10, 12, 16.

17) *Современная Лѣтопись,* 1862, № 3, стр. 15—16.

18) *И. С. Аксаковъ,* IV, 227—228.

19) *Современная Лѣтопись,* 1863, № 3, стр. 17.

20) *Наше Время,* 1862, № 16.

21) *Русскій Архивъ,* 1883 № 1, стр. 128.

22) *И. С. Аксаковъ,* IV, 244.

23) *Современникъ,* 1862, XII, 59—61.

24) *Отечеств. Записки,* 1862, CXIV, стр. 37.

25) *Современная Лѣтописг,* 1862, № 3, стр. 15.

26) *Русскій Архивъ,* 1897, стр. 69; 1885, II, 46—47.

27) *Мнѣнія Филарета,* V, 173—174, 179, 180.

28) *Письма Филарета,* Тверь, 1888, II, 138. *Письма Филарета къ Антонію,* IV, 332; *Письма,* XXVII.

29) *Мнѣнія Филарета,* V, 359—360.

30) *Русскій Архивъ,* 1892, № 2, стр. 208—209.

31) *Русская Старина,* 1901. Августъ, стр. 243—247, 257—260.

32) Порфирій, *Бытіе,* Спб. 1902, VIII, 394—395.

33) *Русскій Архивъ,* 1896, № 5, стр. 145—146.

34) *Мнѣнія* Филарета, V, 214—217,

35) *Бытіе,* VIII, 394—395.

36) *Мнѣнія* Филарета, V, 178.

37) *Русскій Архивъ,* 1897, № 1, стр. 61.

38) *Русская Старина,* 1901, Августъ, стр. 257—260.

39) *Русскій Архивъ,* 1896, № 3, стр. 388.

40) *Русская Старина,* 1901, Августъ, стр. 247; *Русскій Архивъ,* 1897, № 1, стр. 58.

41) *Духовный Вѣстникъ*, 1862, Январь, стр. 110—139; Май, стр. 132—166; Августъ, стр. 637—652. Сентябрь, стр. 68—104. Октябрь, стр. 292—318. Ноябрь, стр. 360—375. Декабрь, стр. 485—518 и прилож.

42) *Письма*, Филарета, Тверь, 1888, II, 115.

43) *Мнѣнія*, Филарета, V, 214—217.

44) *Наше время*, 1862, № 96.

45) *Письма*, XXVII.

46) *Письма Филарета къ Алексѣю*, М. 1883. стр. 241.

47) Погодинъ, *Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ*, М. 1865, стр. 237—308.

48) *Письма*, XXVII.

49) *Письма*, къ Филарету, Спб. 1900, стр. 579—580.

50) *Мнѣнія* Филарета, V.

51) *Письма* Филарета къ Антонію, IV, 343—344.

52) *Мнѣнія* Филарета. V.

53) *День*, 1862, № 33. *Московскія Вѣдомости*, 1862. № 32.

54) *Письма*, XXVII.

55) *Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ*, стр. 539—540.

56) *День*, 1862, № 33.

57) *Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ*, стр. 448, 540—541.

58) *Русская Старина*, 1882, XXXIV, 536—537.

59) *Записки и Дневникъ*, II, 331. *Русское Обозрѣніе*, 1896, Январь, стр. 276.

60) *Письма*, XXVII.

61) *Русская Старина*, 1882, XXXIV, 536—537.

62) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* 1901, № 5, стр. 199—200.

63) *Записки и Дневникъ*, II, 313, 315; 317.

64) *Русская Старина*, 1901, Августъ, стр. 252—253.

65) *Письма*, XXVII.

66) *Записки и Дневникъ*, II, 313

67) *И. С. Аксаковъ*, IV, 244—245.

68) *Записки и Дневникъ*, II, 315.

69) *Русская Старина*, 1901, Августъ, стр. 252—253. *Письма*, XXVII.

70) *Письма* Филарета къ Антонію, IV, 337—338.

71) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1862, № 86.

72) *Отечественныя Записки*, 1862, CXLI, Совр. Хрон., стр. 37.

73) *Записки и Дневникъ*, II, 322—323, 325.

74) *Современная Лѣтопись*, 1862, № 3, стр, 17.

75) *Вѣстникъ Европы*, 1900, Январь, стр. 330—334. *Письмо Филарета*. Тверь, 1888, II, 182.

76) *Русская Старина*, 1882, XXXIV, 538.

77) *Русскій Архивъ*, 1885, II, 42; 1891. № 3, стр. 353—354.

78) *Записки и Дневникъ*. II, 317, 321, 319. 330.

79) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 66.

80) *Бытіе*, VIII, 23, 26—27.

81) *Письма*, Филарета къ Антонію. IV, 345—346.

82) *Письма*, XXVII.

83) *Записка и Дневникъ*, II, 360.

84) *Письма* къ Феларету. Спб. 1900, стр. 464.

85) *Записки и Дневникъ*, II, 353—354.

86) *Русскій Вѣстникъ*. 1862, XXXIX, 848—852.

87) *Русское Обозрѣніе*, 1893, Январь, стр. 501.

88) *Русскій Архивъ*, 1890, № 11, стр. 354—355. 1896. № 3. стр. 309.

89) *Современная Лѣтопись*, 1862, № 17, стр. 20.

90) *Письма* Филарета къ Леониду. М. 1883, стр. 49.

91) *Записки и Дневникъ*, II, 327—329.

92) *Бытіе*, VIII, 29—30; *Письма*, XXVII.

93) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 68. 1891, № 3, стр. 355; 1893, № 9, стр. 90.

94) *Записки и Дневникъ*, II, 330.

95) *Автобіографическія Записки* Саввы, стр. 736.

96) *Письма* Филарета. Тверь, 1888, II, 319—320.

97) *Русская Старина*, 1899, Январь, стр. 140—141.

98) *Русскій Архивъ*, 1899, № 8, стр. 594.

99) *Русская Старина*, 1901, Августъ, стр. 257—260.

100) *Письма*, XXVII.

101) *Русская Старина*, 1882, XXXIV, 538—540.

102) *Современная Лѣтопись*, 1862, № 23. *Русская Старина*. 1898, Апр., стр. 210.

103) *Письма*, XXVII.

104) *Польскій вопросъ*, М. 1867, стр. 75—76.

105) *Письма*, XXVII.

106) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 72. 1891, № 3, стр. 356. 1893, № 9, стр. 89.

107) *Русская Старина*, 1901, Августъ, стр. 257—260.

108) *Автобіографическія Записки*, стр. 746—747, 769, 786—788, 762.

109) *Письма* Филарета, Тверь. 1888, II, 134—135.

110) *Письма* къ Филарету, Спб. 1900, стр. 583—584.

111) *Дневникъ А. В. Горскаго*. М. 1885, стр. 160—163.

112) *Записки и Дневникъ*, II, 329.

113) *День*, 1862, № 14.

114) *Русское Обозрѣніе*, 1897. Май, стр. 71.

115) *Письма къ М. Филарету*, Спб. 1900, стр. 576.

116) *Русскій Архивъ*, 1889, № 12, стр. 454—455.

117) *Русская Старина*, 1901. Августъ, стр. 243—247.

118) *Бытіе*, VIII, 18.

119) *Письма* Филарета къ Антонію, IV, 338—339.

120) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 71. 1883, № 1, стр. 128, 130.

121) *Русскій*, 1867, Л. 5—6.

122) *Наше Время*, 1862, № 39.

123) *Современная Лѣтопись*, 1863. *Вѣкъ*, 1862, № 15, 16.

124) *Домашняя Бесѣда*, 1862, № 19, 447—454.

125) *Библіотека для Чтенія*, 1862, CL, 21—24.

126) *Письма*, XXVII.

127) *Первое Собраніе писемъ И. С. Тургенева*. Спб. 1884, стр. 104—107.

128) *Русское Обозрѣніе*, 1897, Май, стр. 93.

129) *Труды Кіевской Духовной Академіи*, 1862. Апрѣль, стр. 433—502.

130) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 72.

131) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901, № 11, стр. 1—2, 16, 3—4, 8—13, 15.

132) *Русскій Вѣстникъ*, 1862, XXXVII, 429.

133) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901, № 5, стр. 201—202.

134) Невѣдѣнскій, *Катковъ и его время*. Спб. 1881, стр. 136 и 137.

135) *Русскій Архивъ*, 1896, № 3, стр. 389.

136) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* 1901, № 11, стр. 17—19.

137) *Русская Старина*, 1897, Ноябрь, стр. 274—277.

138) *Современная Лѣтопись*, 1862, № 23.

139) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901 № 11, стр. 20.

140) *Русскій Вѣстникъ*, 1862. Іюнь, стр. 834—852.

141) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 71.

142) *Письма*, XXVII.

143) *Катковъ и его время*, стр. 146.

144) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901, № 3, стр. 140.

145) *Русское Обозрѣніе*, 1895. Май, стр. 322—323. *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901, № 11, стр. 19—20.

146) *Сочиненія И. С. Тургенева*, М. 1880, I, 3.

147) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901, № 12, стр. 128—129, 120—122.

148) *Наше Время*, 1862, № 189.

149) *Русская Старина*, 1899, Іюль, стр. 228.

150) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 63—64; 1896, № 3; 1889, № 6, стр. 286; 1897, № 1, стр. 55—56; 1896, № 3, стр. 391; 1892, № 2, стр. 207; 1897, № 1, стр. 60.

151) *Русская Старина*, 1901, Августъ, стр. 250.

152) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 56.

153) *Письма Филарета*, Тверь. 1888, II, 111—113.

154) *Письма Филарета* къ Антонію. IV, 33.

155) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 56.

156) *Письма*, XXVII.

157) *Письма Филарета*, Тверь, 1888, II, 120—121.

158) *Русскій Архивъ*, 1896, № 3, стр. 291. 1897, № 1, стр. 59.

159) *Записки и Дневникъ*, II, 308.

160) *Письма*, XXVII.

161) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 73.

162) *Письма*, XXVII.

163) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901, № 12, стр. 127.

164) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 73.

165) *Русская Старина*, 1899, Іюль, стр. 234.

166) *Письма*, XXVII.

167) *Русскій Архивъ*, 1883, № 1, стр. 128. 1897, № 1, стр. 65.

168) *И. С. Аксаковъ*. IV, 249.

169) *Письма*, XXVII.

170) *Русскій Архивъ*, 1889, № 7, стр. 442—449. 1891, № 3, стр. 357.

171) Татищевъ. *Императоръ Александръ II*, Спб. 1903, I, 438—440.

172) *Сочиненія В. Д. Спасовича*, Спб. 1902, X, 77—78, 134.

173) *Русская Старина*, 1900, Декабрь, стр. 509—513.

174) *Русск. Архивъ*, 1897, № 1, стр. 59.

175) *Русская Старина*, 1900, Декабрь, стр. 517—518.

176) *Сочиненія В Д. Спасовича*. I, 250; *Императоръ Александръ II*, стр. 440—443.

177) *Русская Старина*, 1900, Декабрь, стр. 518—519.

178) *Императоръ Александръ II*, стр. 445—446.

179) *Русская Старина*, 1900, Декабрь, стр. 518—519.

180) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 59.

181) *Императоръ Александръ II*, стр. 446—447.

182) *Русская Старина*, 1900, Декабрь, стр. 525—526. *Сочиненія В. Д. Спасовича*, X, 279.

183) *Сочиненія В. Д. Спасовича*, X, 276, 277; *Записки и Дневникъ*, II, 306.

184) *Сочиненія В. Д. Спасовича*, X, 277—279.

185) *Русскій Архивъ*, 1897, № 1, стр. 59—61.

186) *Императоръ Александръ II*, I, 448—449.

187) *Русская Старина*, 1900, Декабрь, стр. 525—526.

188) *Сочиненія В. Д. Спасовича*, X, 264.

189) *Императоръ Александръ II*, I, 449—450.

190) *Сочиненія В. Д. Спасовича*, X, 280.

191) *Русскій Архивъ*. 1897, № 1, стр. 62.

192) *Сочиненія В. Д. Спасовича*, X, 280—281.

193) *Императоръ Александръ II*, I, 450—453.

194) *Русскій Архивъ*, 1891, № 3. стр. 356. 1899, № 8, стр. 593—594.

195) *Императоръ Александръ II*, I, 453.

196) *Сочиненія В. Д. Спасовича*, X, 293.

197) *Императоръ Александръ II*, I, 453—454.

198) *Русское Обозрѣніе*, 1897, іюнь.

199) *Императоръ Александръ II*. I, 445.

200) *Письма къ Филарету.* Спб. 1900, стр. 339.

201) *Письма Филарета къ Леониду,* стр. 52—53.

202) *Записки и Дневникъ,* II, 334.

203) *Императоръ Александръ II,* I, 454.

204) *Русская Старина,* 1900, Декабрь.

205) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* 1901, № 5, стр. 192—195.

206) *Русская Старина,* 1900, Декабрь.

207) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* 1901, № 5, стр. 196—197, 195—196, 176—190.

208) *Собраніе Статей по Польскому вопросу,* М. 1887, II, 1185—1186, 1240—1245.

209) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* 1901, № 5, стр. 192—195, 191—192, 199—200; № 12, стр. 119—120, 126—127, III, 128—131. *Всемірный Вѣстникъ,* 1903, Февраль, стр. 152—153, 161, 153—155, 158—162, 170, 167—168.

210) *Русскій Архивъ,* 1889, № 7, стр. 431—435; *Русская Старина,* 1898, Декабрь, стр. 583. *Русскй Архивъ,* 1899, № 2, стр. 265—268.

211) *Современная Лѣтопись,* 1862, № 20.

212) *Наше Время.* 1862, № 159.

213) *Современная Лѣтопись,* 1862, № 31.

214) *Русскій Архивъ,* 1897, № 1, стр. 69.

215) *Русское Обозрѣніе,* 1897, Іюнь, стр. 508—512, 515—516.

216) *Современная Лѣтопись,* 1862. № 37.

217) *Московскія Вѣдомости,* 1862, № 183.

218) *Сочиненія Филарета,* V, 549—550.

219) *Письма Филарета* къ Антонію, IV, 357, 359.

220) *Московскія Вѣдомости,* 1862, № 188—189.

221) *Письма къ Филарету.* Спб. 1900, стр. 583.

222) *Русскій Архивъ,* 1892, № 4, стр. 526—527. 1885, II, 56.

223) *Бытіе,* VIII, 31.

224) *Русская Старина,* 1888, LVII, 2—3.

225) *Русскій Архивъ,* 1892 № 4, стр. 526—527. 1885, II, 56.

226) *Русская Старина,* 1888, LVII, 4—5.

227) *Русскій Архивъ.* 1892, № 4, стр. 526—527.

228) *Русская Старина,* 1888, LVII, 5.

229) *Императоръ Александръ II,* I, 403—404.

230) *Русскій Архивъ,* 1892, № 4, стр. 526—527.

231) *Русская Старина,* 1888, LVII, 6—7.

232) *Русскій Архивъ,* 1892, № 4, стр. 528—529.

233) *Русская Старина,* 1898, Апрѣль, стр. 212.

234) *Русскій Архивъ,* 1892, № 4, стр. 528—529. 1899, № 8, стр. 595—596. 1892, № 4, стр. 526—532.

235) *Императоръ Александръ II,* I, 405.

236) *Русскій Архивъ,* 1892, № 4, стр. 532.

237) *Императоръ Александръ II,* I, 405.

238) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 136.

239) *Письма.* XXVII.

240) *Записки Академіи Наукъ* 1862. т. I, кн. 1. прилож., стр. III—VI.

241) *Письма,* XXVII.

242) *Записки Академіи Наукъ* 1862. II, кн. 1-я, стр. 143—145.

243) *Письма* XXVII.

244) *Отчетъ о тридцать первомъ присужденіи Демидовсихъ наградъ.*

245) *Письма* XXVII.

246) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878., стр. 488.

247) *Русскій Архивъ* 1883. №1, стр. 129.

248) *Письма* XXVII.

249) *Дневникъ* 1862 года.

250) *Письма* XXVII.

251) *Русскій Архивъ* 1883. № 1, стр. 130, 138.

252) *Письма М. П. Погодина* къ *М. А. Максимовичу* Спб. 1882, стр. 80—81.

253) *Русскій Архивъ* 1900. № 11, стр. 479. 1897. № 1.

254) *Письма* XXVII.

255) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 233—234.

256) *Въ память о князѣ В Ѳ. Одоевскомъ.* М. 1869, стр. 62.

257) *Письма* XXVII.

258) *Въ память о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ,* стр. 60—61, 79—86.

259) *Лекціи о Русской Литературѣ,* читанныя въ Парижѣ въ 1862, С. П. Шевыревымъ. Спб. 1884, стр. I.

260) *Письма* XXVII.

261) *Лекціи о Русской Литературѣ,* стр. 1—2.

262) *Письма* XXVII.

263) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ.* Спб. 1869. стр. 41—43.

264) *Письма* XXVII.

265) *Русское Обозрѣніе* 1897 Іюнь. стр. 315.

266) *И. С. Аксаковъ.* Спб. 1896. IV, 224—225.

267) *Русскій Архивъ* 1896. № 3, стр. 387—388.

268) *Русское Обозрѣніе* 1897. Май, стр. 79—80.

269) *И. С. Аксаковъ.* IV, 73.

270) *Письма* XXVII.

271) *Русское Обозрѣніе.* 1897. Май, стр. 94.

272) *И. С. Аксаковъ.* IV, 251.

273) *Письма* XXVII.

274) *День* 1862. № 24, стр. 16.

275) *И. С. Аксаковъ* IV, 249.

276) *Записки и Дневникъ* II, 321.

277) *Письма* XXVII.

278) *Стихотворенія Ѳ. Тютчева* М. 1868, стр. LXXXII.

279) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885. III, 490—492, 622.

280) *Русское Обозрѣніе* 1897, февр. стр. 1025—1027., 1021—1022. Май, стр, 68—69, 73—74, 96.

281) *Отечетвенныя Записки* 1862. CXL, 364 - 374.

282) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева,* III, 490.

283) *Русское Обозрѣніе* 1897. Май, стр. 66, 74—75. Іюль, стр. 495—497. 502—508, 499—501., 508—512. 499—501, 524—525.

285) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* 1901. № 12, стр. 112.

286) *Русское Обозрѣніе* 1897. май, стр. 97, 98 іюль, стр. 496—497, 499—501, 512—514, 518—522.

287) *И. С. Аксаковъ,* IV, 75, 80.

288) Любимовъ. *М. Н. Катковъ.* Спб. 1889, стр. 213—214.

289) *Русскій Архивъ* 1883. № 1, стр. 136.

290) *Письма* XXVII.

291) Любимовъ. *М. Н. Катковъ,* стр. 214.

292) *Русскій Архивъ* 1883. № 1, стр. 132—136. *Московскія Вѣдомости* 1862. № 232.

293) Любимовъ. *М. Н. Катковъ,* стр. 217.

294) *Русскій Архивъ* 1883. № 1, стр. 132—136. *Современная Лѣтопись* 1863. Январь. № 1. *Русскій Архивъ* 1893. № 7, стр. 393—398.

295) *Письма* XXVII. *Русская Старина.* 1904. Іюнь, стр. 588—589, 587—588. *Письма* XXVII.

296) *Записка и Дневникъ.* II. 310.

297) *Письма* XXVII.

298) *И. С. Аксаковъ.* IV, 246.

299) *Русскій Архивъ* 1883. № 1, стр. 127.

300) *Русская Старина* 1901. Декабрь, стр. 516—518.

301) *Письма* XXVII.

302) *Русская Старина* 1901. Декабрь, стр. 516—518.

303) *Русскій Архивъ* 1897. № 1.
394) *Записки и Дневникъ* II, 360—361.
305) *Русскій Архивъ* 1897. № 1.
306) *Русская Старина* Декабрь, стр. 516—518.
307) *Письма Филарета къ Антонію.* IV, 332.
308) *День* 1862. № 46.
309) *Русская Старина* 1880. Февр., стр. 393—394.
310) *Наше Время* 1862. № 211.
311) *Записки и Дневникъ.* II, 352.
312) *Русскій Архивъ* 1885. II.
313) *Письма* XXVII.
314) Погодинъ. *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ.* Спб. 1869, стр. 49.
315) *Письма* XXVII.
316) *Сочиненія Филарета.* М. 1885. V, 555.
317) *Письма Филарета.* Тверь. 1888. II, 141.
318) *Письма Филарета къ Антонію* IV, 366.
319) *Письма Филарета.* Тверь II, 142—143.
320) *Русскій Архивъ* 1885. II.
321) *Русская Старина* 1899. Іюль, стр. 236, 234.
322) *Императоръ Александръ II.* Спб. 1903. I, 405 — 407. *Русское Обозрѣніе* 1897. Іюль, стр. 6. *Русская Старина* 1899. Іюль, стр. 240.
323) *Письма* XXVII.
324) *Русская Старина* 1899. Августъ, стр. 470.
325) *Письма* XXVII.
326) *Письма Филарета.* Тверь. 1888. II, 145—147.
327) *Письма Филарета къ Антонію,* IV, 372—373, 375.
328) *Письма* XXVII.
329) *Письма къ Филарету.* Спб. 1900, стр. 585.
330) *Письма Филарета.* Тверь. 1888. II, 151. I, 1—2. II, 151.
331) *Письма къ Филарету.* Спб. 1900, стр. 585.
332) *Письма Филарета.* Тверь. 1888. II, 152.
333) *Русскій Архивъ* 1885. II.

